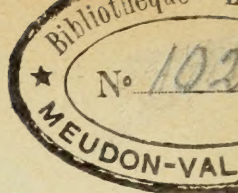

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. ГЕССЕНОМЪ

IX

БЕРЛИНЪ 1923

Паденіе Сѣверной области*

Бориса Соколова

Вмѣсто предисловія

Изъ Сибири я поѣхалъ во Францію . . .

Въ Марсели съ парохода я сошелъ послѣднимъ.

«Вы русскій? Подождите. Сначала просмотримъ паспорта другихъ иностранцевъ».

Я ходилъ по палубѣ «Портоса», большого океанскаго парохода. И съ недоумѣніемъ, вѣрнѣе, полунедоумѣніемъ себя спрашивалъ, такъ-же какъ спрашивалъ себя въ дни безконечнаго путешествія по тропическимъ морямъ:

«И къ чему я ѣду во Францію? Конференція мира? Парижъ? Уѣзжаю изъ Россіи. Это одно уже не понятно. Иностранцы. Французы. Если всѣ таковы, какъ эти колоніальные чиновники, грубые, сытые, враждебные къ Россіи — то развѣ не нелѣпость стремиться именно въ Парижъ. Стремиться, чтобы просить дружественной помощи».

Извозчикъ, развязный марселецъ, узнавъ въ насъ почему то русскихъ — не спрашивая, повезъ нашъ багажъ на вокзалъ.

«Сколько стоитъ?»

«Пятьдесятъ франковъ».

Мой спутникъ М., взволнованный, разсерженный, отказывается платить.

Извозчикъ ругается:

«А грязные русскіе — русскія свиньи».

* Въ томѣ III Архива Русской Революціи была напечатана статья г-на Добровольскаго, лично мнѣ незнакомаго, посвященная исторіи Сѣверной области. Несмотря на всю свою обстоятельность, авторъ этой статьи весьма субъективно освѣтилъ многіе факты, имѣвшіе мѣсто на Сѣверѣ. Моя настоящая статья отнюдь не является полемическимъ отвѣтомъ на статью г-на Добровольскаго. Но многое изъ того, что говорилъ г-нъ Добровольскій по адресу демократіи, лидеромъ коей онъ меня называетъ, заслуживаетъ исправленія и дополненія. Съ другой стороны, пробѣлъ вполнѣ естественный въ статьѣ Добровольскаго — это настроеніе на фронтѣ и разложеніе послѣдняго. Я постараюсь его заполнить, ибо большую часть времени своего пребыванія въ С. О. я провелъ на желѣзнодорожномъ фронтѣ. (Прим. авт.)

Это было время, — начало девятнадцатаго года, когда Россія была изолирована блокадой отъ Европы.

Въ эти дни, мѣсяцы, — Франція переживала угаръ побѣды. Праздновала миръ. Гордые, самодовольные французы ставили центромъ міра себя и только себя.

Царилъ Клемансо.

И съ легкой его руки, — это, впрочемъ, отвѣчало вполнѣ настроенію большинства націи — Россія и русскіе считались врагами Франціи, предавшими ее, ей измѣнившими.

Русскіе офицеры не смѣли появляться въ формѣ на улицахъ Парижа. Они подвергались оскорбленіямъ и глумленіямъ. Русская рѣчь встрѣчалась съ неодобреніемъ, съ враждебностью скрытой или открыто проявляемой. Комнаты сдавались русскимъ неохотно, нехотя.

Русскіе были на положеніи паріевъ, съ ярлыкомъ, привѣшеннымъ къ нимъ послѣ Брестскаго договора: «Друзья бошей — наши враги».

Да, царилъ Клемансо.

Но конечно, не имъ — это анти-русское движеніе было создано. Были для этого причины уважительныя и многочисленныя. Но одно, кажется мнѣ, свидѣтелю тѣхъ дней, неоспоримымъ, что это движеніе, направленное противъ русскихъ и противъ Россіи находило въ немъ своего сторонника, инспиратора и, быть можетъ, руководителя.

Его слова: «Для меня Россія не только нейтральная держава, она страна, измѣнившая Франціи. И иначе я къ ней не смогу и не буду подходить» — больно и тяжело воспринимались русскими.

Нами, тѣми, кто въ это время находился во Франціи.

И политика Клемансо на Мирной Конференціи не можетъ быть и не должна быть названа иначе, чѣмъ политикой антирусской, политикой расщепленія и раздѣленія Россійскаго Государства.

Одинъ фактъ, самъ по себѣ незначительный и неважный, обрисовываетъ хорошо существовавшее тогда настроеніе.

Пріѣхалъ во Францію Н. Д. Авксентьевъ, арестованный и высланный Колчакомъ. Въ день своего пріѣзда въ Парижъ онъ былъ интервьюированъ сотрудникомъ Petit Parisien.

«Я пріѣхалъ во Францію просить военной помощи у союзниковъ. Пятьдесятъ тысячъ французскихъ солдатъ — количество достаточное, чтобы разбить большевиковъ, чтобы свергнуть Совѣтскую власть . . .»

Было ли это дѣйствительно сказано Авксентьевымъ, или нѣтъ, но именно такъ было напечатано въ парижской бульварной газетѣ. Пусть сказанное было неосторожно, но не отражало ли оно настроенія большинства, изъ числа тѣхъ, кто не пріялъ большевиковъ?

И, однако, этихъ словъ было достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю въ широкихъ слояхъ парижскаго населенія.

«Ce sale Avksentieff! Il veut encore des soldats français! Une canaille russe!»

А возмущенныя парижанки кричали:

«Какъ, еще пятьдесятъ тысячъ жениховъ и мужей хочетъ отнять у насъ cet expulsé russe».

И долго въ тѣ дни имя Авксентьева и его слова служили матеріаломъ для ругани.

Конечно, не всѣ парижане были руссофобы, какъ и не всѣ они были клемансистами. Многіе и даже весьма многіе изъ либеральныхъ слоевъ защищали Россію, — но защита ихъ была своеобразна. Ибо для нихъ Россія и русскій вопросъ былъ лишь способъ, одинъ изъ способовъ борьбы съ кабинетомъ Клемансо. Лѣво-соціалистическое крыло, въ лицѣ Эрнеста Лафона и Кашена, или либералы, группировавшіеся вокругъ Лиги Правъ Человѣка, объединенные въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ, защищая Россію, оказывали ей медвѣжью услугу.

«Парламентскій строй, олицетворяющійся во Франціи въ лицѣ Клемансо, прогнилъ. На смѣну ему идутъ Совѣты. Да здравствуютъ Совѣты. Долой Клемансо».

Защищали Россію изъ вражды къ Клемансо.

А по существу . . .

Тотъ же Оларъ, извѣстнѣйшій ученый, не могъ удержаться отъ репликъ презрительныхъ и гнѣвныхъ по отношенію къ Россіи . . . «Страна азіатовъ . . . Сама заслужила . . .»

Французскіе коммунисты, вѣрнѣе — тѣ, кто стали ими теперь . . .

Со многими изъ нихъ пришлось мнѣ въ то время встрѣчаться и говорить. И искреннѣе другихъ, откровеннѣе замѣчалъ Шарль Раппопортъ:

«Намъ, въ сущности говоря, нѣтъ дѣла до Россіи. Далеко она, да и запутанная. Но нужна она намъ какъ камень за пазухой. Ибо все идетъ къ тому, что и министерство и кабинетъ будутъ наши. Красные. Скоро вѣдь выборы . . .»

Именно выборы.

И вокругъ выборовъ шла борьба. И была она даже не политическая, а политиканствующая, и Россія играла въ ней роль камня за пазухой. Благодаря ей можно было организовывать демонстраціи въ память Жореса и кричать:

«Vive les Soviets!»

«A bas Clémenceau!»

Многое изъ того, что въ то время происходило въ Парижѣ на Конференціи Мира, заслуживало бы подробнѣйшаго и детальнѣйшаго освѣщенія — ибо хотя русскій вопросъ и былъ офиціально исключенъ изъ программы ея засѣданій, но ежеминутно и ежечасно являлся онъ краеугольнымъ камнемъ при рѣшеніи вопросовъ европейскаго равновѣсія.

И факты эти — закулисные — интересны психолокически, для вопроса отнюдь не изжитаго: мы и союзники.

Если шагъ за шагомъ прослѣдить всю Конференцію Мира, всѣ ея работы и постановленія въ частяхъ, хотя бы косвенно и отдаленно касающихся Россіи, то видна одна тенденція: ослабить Россію, свести ее на нѣтъ.

Отнюдь не врагъ Россіи, скорѣе одинъ изъ ея полу-друзей, — Пуанкаре — замѣтилъ весьма просто (Апрѣль 1919 годъ):

«Сейчасъ, когда на мѣстѣ Россіи, на Востокѣ, появляется Великая Польша — русскій вопросъ потерялъ свое значеніе для европейскаго равновѣсія. Россія принадлежитъ отнынѣ скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ».

И то, что не было досказано, о чемъ умалчивалось въ постановленіяхъ Конференціи, о томъ много, слишкомъ много говорилось «за кулисами» послѣдней.

Близость моя къ американской делегаціи позволила мнѣ знать о нихъ больше, чѣмъ это полагалось для непосвященнаго, для широкой публики.

И какіе только проекты ни создавались и ни выдумывались.

Въ дни успѣха Петлюры — Клемансо вноситъ проектъ въ Четверку, проектъ объ объединеніи Польши и Украины, конечно, подъ негласнымъ протекторатомъ Франціи.

Потомъ, уже со стороны англійской, считается необходимой Конфедерація прибалтійскихъ Государствъ.

Кавказъ, Дальній Востокъ и т. д., безъ конца.

Всѣ эти проекты встрѣчали весьма рѣзкую оппозицію со стороны Вильсона, но частью такъ или иначе получали одобреніе четверки.

Все это было . . .

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ политикѣ европейской, и въ положеніи Россіи.

Многое измѣнилось . . . И прежде всего перемѣнилась психологія русскаго интеллигента.

И если я остановился на томъ, столь отдаленномъ времени, то именно чтобы вывести всю ту пропасть, которая была между Россіей и за-границей.

Не только было взаимное непониманіе, глубочайшее, но и психологически мы были безконечно отличны отъ Европы.

Ибо вѣдь то, что Авксентьевъ сказалъ, сказалъ неосторожно, не справившись о настроеніи французовъ, вѣдь это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ кличъ, какъ лозунгъ всѣхъ тѣхъ демократическихъ и не демократическихъ делегатовъ, которые пріѣзжали въ концѣ 1918 и началѣ 1919 годовъ въ Парижъ.

И, конечно, однимъ изъ фактовъ въ жизни антибольшевистскаго движенія была ставка этого послѣдняго на союзниковъ.

Еще въ сентябрѣ 1917 года, на фронтѣ, я слышалъ разговоры:

«Вотъ бы дивизію французскихъ солдатъ».

Въ дни борьбы за Учредительное Собраніе объ этомъ опять говорили. Правда — обыватели и, правда, по обывательски.

Мнѣ пришлось на Украинѣ пережить приходъ германцевъ; — быть позже на Волгѣ, въ Самарѣ и Уфѣ, видѣть настроеніе Сибири, въ дни Директоріи и Колчака, быть на Сѣверномъ фронтѣ, и, наконецъ, мѣсяцы прожить въ Петроградѣ и Москвѣ въ концѣ 1920 года, и всегда и всюду тотъ же вопросъ стоялъ для меня, — это вѣра широкихъ слоевъ русской интеллигенціи и обывателей — въ союзниковъ.

Вѣра, которую смѣнила теперь ненависть и недружелюбіе.

Этотъ вопросъ, вопросъ объ интервенціи и помощи союзниковъ — нынѣ принадлежитъ исторіи, но, принадлежа исторіи, онъ въ то же время не получилъ еще своего детальнаго и безпристрастнаго освѣщенія, особенно въ той своей

части, которая больше всего меня интересуетъ и волнуетъ, — въ своей психологической сторонѣ.

Ибо, съ самаго начала и до послѣдняго времени, всѣ споры, весьма частые и горячіе, о помощи союзниковъ и позволительности и допустимости интервенціи — велись всегда въ одномъ направленіи, въ одной плоскости: политическихъ вопросовъ.

Забывалось одно, что, увы, играло роль весьма не второстепенную въ нашей гражданской войнѣ: это психологія борющихся.

И съ этой точки зрѣнія ставка на союзниковъ, вѣра въ ихъ помощь, могущественную и всесильную, была вредна. Она понижала самоувѣренность «бѣлыхъ», понижала ихъ активность.

Такъ было и на Самарскомъ фронтѣ, когда говорилось и утверждалось, начиная съ верховъ и кончая солдатской массой, что «чехи не выдадутъ, чехи справятся . . .»

И казалось чудовищнымъ и страннымъ это перенесеніе центра борьбы съ себя на «союзника-чеха».

Съ этимъ же явленіемъ пришлось мнѣ столкнуться и въ Сибири, когда делегаціи одна за другой посылались въ Европу просить помощи.

Подобно гипнозу царила мысль, что безъ союзниковъ не справиться, не побѣдить. И, можетъ быть, эта мысль была не всегда даже высказанная, не всегда оформленная, но она была достояніемъ интеллигенціи, обывателей и отражалась на массахъ.

Насколько дѣйствительно гипнозъ этой мысли былъ силенъ, я убѣдился въ Сѣверной Области. Это было уже въ то время, когда всѣ логически пришли къ тому заключенію, что изъ интервенціи, изъ военной помощи союзниковъ ничего путнаго выйти не можетъ. Знали всѣ, что союзники поставлены въ необходимость уйти съ Сѣвера, гдѣ ихъ пребываніе безполезно, безплодно. Знали, что этого требуетъ англійское общественное мнѣніе.

И, однако, — когда фактъ сталъ очевиднымъ и Сѣверная Область встала передъ необходимостью быть активной и самостоятельной въ борьбѣ за свою независимость, тогда раздался неистовый вопль, обращенный къ союзникамъ, вопль о томъ, чтобы они не уходили. Телеграммы, посланія, петиціи летѣли въ Лондонъ, къ Айронсайду. Посылаются делегаціи . . .

И во всемъ этомъ было меньше всего логики.

И само собою разумѣется, такая психологія самонедовѣрія не могла не дѣйствовать на армію и на массы.

И откуда появилась эта вѣра въ союзниковъ?

На чемъ она основывалась?

Я ищу логическихъ основаній, ищу предпосылокъ, обоснованныхъ и обдуманныхъ — и не нахожу. Въ значительной своей степени эта вѣра была интуитивной. И чѣмъ глубже пытаешься анализировать ее, все больше и больше убѣждаешься въ томъ, что коренится она въ свойствахъ и характерѣ нашего интеллигента-обывателя, что порождена она фатализмомъ и пассивностью, свойственными его натурѣ. И что въ отсутствіи ярко и ясно выраженнаго національизма, что было такъ характерно для русскаго еще недавнихъ временъ, не могла не проявиться вѣра въ союзниковъ, во всемогущество интервенціи.

Эти два настроенія рѣзко исключали другъ друга.

Одно — то, что царило въ Россіи, и подъ ощущеніемъ котораго я пріѣхалъ во Францію.

И другое — настроеніе самой Франціи, кое я бѣгло, нѣсколькими штрихами обрисовалъ выше.

Изъ столкновенія этихъ настроеній могло родиться только то, что сейчасъ такъ властно и постепенно захватываетъ русскую эмиграцію и что, другимъ путемъ, выявилось и въ Россіи, — это чувство націонализма, чувство вѣры въ себя, въ Россію, въ то, что «никто, какъ Ты самъ», можешь возродить свою родину и преодолѣть большевиковъ.

Съ этимъ чувствомъ я и покинулъ Францію — чтобы ѣхать въ Россію, въ Архангельскъ.

I

Къ исторіи Сѣверной Области

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ произошелъ фактъ занятія Сѣверной Области большевиками. И только теперь я счелъ нужнымъ и возможнымъ описать и освѣтить обстановку, имѣвшую мѣсто въ послѣдніе мѣсяцы и дни существованія этой области. Не раньше. Ибо хотѣлось мнѣ подойти ко всему тому, что я видѣлъ, въ чемъ участникомъ активнымъ и пассивнымъ я былъ, — по возможности объективно, по возможности издалека. Такое описаніе можетъ претендовать на нѣкоторое значеніе историческаго документа. Тѣмъ болѣе, что при всей своей незначительности, какъ политической единицы, Сѣверная Область имѣла черты любопытнѣйшія и интереснѣйшія, какъ въ своей жизни, такъ и въ своей смерти. И то, что союзническая интервенція здѣсь была особенно полно проявлена, и то, что Сѣверная Область считалась Республикой Демократической, каковое обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало превалировать въ ней власти военной надъ гражданской, что съ полнымъ правомъ могло именоваться диктатурой военной.

Паденіе Сѣверной Области и сопутствующіе этому факты до сихъ поръ мало и не полностью освѣщены. Между тѣмъ, во всей этой исторіи было двѣ стороны, другъ другу враждебныя, другъ другу противостоящія.

Одна сторона, — это тѣ, которыхъ называли счастливчиками. Уѣхавшіе своевременно, за день до паденія Сѣверной Области, на ледоколѣ «Мининъ», изъ Архангельска. Ихъ нѣсколько сотъ. Въ большинствѣ генералы и ихъ семьи, штабные офицеры, во главѣ съ Главнокомандующимъ Е. Миллеромъ, ихъ близкіе, родные и просто знакомые.

Другая сторона, это тѣ, которые остались въ Сѣверной Области — ихъ нѣсколько тысячъ — офицеры, солдаты и просто обыватели, взятые въ плѣнъ большевиками на фронтѣ и въ городахъ. Многіе изъ нихъ разстрѣляны, въ большинствѣ случаевъ наиболѣе храбрые, наиболѣе боевые офицеры.

Эта сторона считаетъ себя «преданной» тѣми, кто уѣхалъ на Мининѣ.

Двѣ стороны. У каждой изъ сторонъ своя точка зрѣнія, своя правда.

Одна сторона (см. статью Добровольскаго) прославляетъ генерала Миллера, считаетъ его «отцомъ роднымъ», талантливымъ полководцемъ, «блестяще поставившимъ военное дѣло во ввѣренной ему области». Эти уѣхавшіе полагаютъ, что они поступили правильно и разумно, воспользовавшись ледоколомъ, что ихъ дѣйствія достойны похвалы и одобренія.

Другая сторона, офицеры Сѣвернаго фронта, съ которыми, заключенными, мнѣ пришлось говорить въ Бутырской тюрьмѣ, видятъ во всемъ происшедшемъ на Сѣверѣ «предательство фронта штабомъ», предательство, не имѣвшее равныхъ въ лѣтописяхъ гражданскихъ войнъ, по инымъ обстоятельствамъ, которыя его сопровождали. Они клеймятъ генераловъ Миллера и Квинцинскаго трусами, и предавшими своихъ подчиненныхъ, отдавши ихъ въ руки большевиковъ.

Они полагаютъ, что могло бы быть и должно было быть иначе.

Двѣ правды. Двѣ стороны.

И дѣло исторіи изъ двухъ правдъ воздвигнуть единую, цѣльную.

Исторія Сѣверной Области можетъ быть раздѣлена на три довольно отчетливо замѣтныхъ періода.

Первый — весьма короткій, со дня паденія большевиковъ, 2 августа 1918 г., и до 6-го сентября того же года, періодъ связанный съ Верховнымъ Управленіемъ.

Второй періодъ — постепенная кристаллизація военной диктатуры, которой противостояла отчасти власть союзниковъ. Когда уходъ послѣднихъ былъ въ принципѣ рѣшенъ, іюнь—іюль 1919 года, и они отъ какого либо вмѣшательства въ жизнь страны устранились, тогда полностью вступила въ свои права военная власть. Фактически, этимъ временемъ (іюнь—іюль) и заканчивается второй періодъ жизни С. О.

Наконецъ, третій періодъ, военная диктатура генерала Миллера, блестяще начатая побѣдами на всѣхъ фронтахъ, раздвинувшая границы сѣвернаго государства, и окончившаяся спѣшной эвакуаціей штаба и генералитета на ледоколѣ Мининѣ, что и имѣло мѣсто 19 февраля 1920 года.

О первомъ періодѣ, интересномъ и своеобразномъ, было говорено не разъ въ печати, и онъ, повидимому, освѣщенъ достаточно, хотя многое происшедшее въ этотъ періодъ и вызываетъ удивленіе и недоумѣніе.

Второй періодъ безцвѣтенъ и монотоненъ.

Русскихъ войскъ было очень мало. Организованы они были плохо, быть можетъ, благодаря нераспорядительности генерала Марушевскаго, тогдашняго командующаго войсками области.

Союзное командованіе — по преимуществу англійское, боясь неожиданностей и возможностей россійскихъ, терялось отъ безконечности сѣверныхъ лѣсовъ и пространствъ. Оно предпочитало держаться оборонительной военной тактики, отказывалось отъ наступленій, снисходительно смотрѣло на коммерческія и прочія манипуляціи своихъ подчиненныхъ — по скупкѣ мѣховъ, имѣло какое то отношеніе къ лѣснымъ операціямъ и, наконецъ, сочувствовало спорту и веселью, царившему «въ» и «около» союзническихъ отрядовъ.

Населеніе мѣстами относилось одобрительно къ союзникамъ, получало отъ послѣднихъ «виски» и паекъ англійскаго образца, весьма обильный, и устраивало вечеринки.

Мѣстами же, это бывало въ деревенскихъ захолустьяхъ, гдѣ союзники распоясывались, населеніе было рѣзко враждебно имъ и доходило даже до возстаній и убійствъ иностранныхъ солдатъ.

Свидѣтелемъ третьяго періода въ исторіи С. О. мнѣ и пришлось быть, ибо я пріѣхалъ въ Архангельскъ на «Кальянѣ» — въ іюлѣ 1919 года.

Этотъ періодъ глубоко интересенъ.

Конечно, въ немъ нѣтъ размаха событій, которыя были на югѣ Россіи или въ Сибири. Конечно, Сѣверная Область, большая по своимъ размѣрамъ, была мала количествомъ населенія, и тѣмъ не менѣе, событія, въ ней развернувшіяся, заслуживаютъ войти въ исторію россійской гражданской войны и занять въ ней не послѣднее мѣсто по драматизму и по внутреннему противорѣчію событій, имѣвшихъ въ ней мѣсто.

II

Союзники

«Кальяна», англійское госпитальное судно, на которомъ выѣхалъ я изъ Англіи, прибыло въ Архангельскъ въ двадцатыхъ числахъ іюля 1919 года.

На этомъ пароходѣ, помимо меня, ѣхало нѣсколько сотъ русскихъ офицеровъ, въ большинствѣ — бывшіе плѣнные въ Германіи и интернированные, послѣ паденія Украины, добровольцы. Ѣхалъ также отрядъ Русскаго Кр. Кр. во главѣ съ уполномоченнымъ И. И. Фидлеромъ.

Англійскій майоръ, возвращавшійся обратно въ Сѣверную Область, словоохотливо и, повидимому, искренно ввелъ меня и въ англійскія настроенія и въ англійскія мнѣнія. Все, что онъ говорилъ, вполнѣ отвѣчало тому, что мнѣ впослѣдствіи говорили другіе англичане и что, въ краткой формѣ, повторилъ англійскій генералъ Айронсайдъ.

«Мы не понимаемъ русскихъ. Скоро годъ, какъ мы на Сѣверѣ Россіи. Почему мы пришли? Насъ позвали. Мы хотѣли помочь вашей борьбѣ противъ большевиковъ . . . И, однако, что же мы видимъ? Русскіе не хотятъ сражаться. Всюду на позиціяхъ стоимъ мы, а тѣ, что есть, бунтуются, организовываютъ возстанія, и мы же должны эти возстанія подавлять. Это безполезная затѣя, которая дорого стоитъ Королевскому правительству. Я ѣздилъ въ Лондонъ съ подробнымъ докладомъ, и рѣшенъ окончательно и безповоротно уводъ нашихъ войскъ изъ Россіи. Къ тому же, этого требуютъ наши рабочіе».

— «А если союзники уйдутъ, что будетъ съ Сѣверной Областью, справится ли она съ большевиками?»

«Конечно нѣтъ. Объ этомъ нечего и думать. Въ тотъ же день, когда мы уйдемъ, придутъ большевики. Готовъ держать пари».

— «Но если такъ, къ чему же везутъ этихъ русскихъ офицеровъ? На растерзаніе большевикамъ?»

Майоръ пожалъ плечами.

«Это не наше дѣло. Нашъ штабъ возражалъ. Считалъ это безполезнымъ. Но русское командованіе настаивало. Мы обмундировали ихъ и веземъ. Дальше не наша забота.

Вообще . . . я многаго не понимаю».

Архангельскъ, залитый солнцемъ, со своими деревянными тротуарами и широкими, на половину не замощенными улицами, съ низкими домами, показался мнѣ русской деревней. Особенно силенъ былъ контрастъ съ оставленными позади Лондономъ и Парижемъ.

Впечатлѣніе первое — всюду иностранцы. Больше всего англійскихъ солдатъ . . .

Всѣ лучшіе дома заняты подъ ихъ штабы, правленія и лавки.

Всюду англійскіе флаги и англійская рѣчь.

А россійскіе обыватели, архангельскіе мѣщане и мѣщанки — во множествѣ заполняютъ въ вечерніе часы городской садъ. Играетъ скверный военный оркестръ. Сѣмячки. Скучные, обыкновенные, провинціальные разговоры.

Не мало русскихъ офицеровъ. Среди нихъ попадаются часто — въ генеральскихъ погонахъ. Всѣ въ англійскихъ френчахъ.

Общее впечатлѣніе отъ города какое то двойное, тяжелое.

Первое, что я прочелъ, сойдя съ парохода, былъ приказъ, расклеенный на всѣхъ столбахъ и заборахъ. Приказъ этотъ, подписанный генераломъ Миллеромъ, русскимъ главнокомандующимъ, датированный 12-го іюля, гласилъ слѣдующее:

«Граждане. Произошелъ прискорбный фактъ.

Вчера группа солдатъ Архангелогородскаго полка и матросовъ напали на проходившихъ англійскихъ солдатъ и ихъ избили. Часть виновниковъ этого происшествія арестована и понесетъ должную кару.

Настоящимъ сообщаю, что всякое подобное дерзкое нападеніе на нашихъ союзниковъ, защищающихъ С. О., будетъ караться самымъ суровымъ образомъ, по законамъ военнаго времени».

Но если въ Архангельскѣ это было не больше, чѣмъ ничтожнымъ инцендентомъ — драка между пьяными солдатами, то этого нельзя сказать о событіяхъ въ Двинскомъ раіонѣ.

Это произошло въ серединѣ іюля и такимъ образомъ совпало съ первыми днями моего пребыванія въ Архангельскѣ.

На Двинскомъ фронтѣ стоялъ Дайеровскій батальонъ, офицерами котораго были по преимуществу англичане, а солдатами — русскіе. Небольшая группа солдатъ окружила штабъ батальона, убила четырехъ англійскихъ и шесть русскихъ офицеровъ и пыталась окружить и раіонный штабъ.

Возставшіе были разсѣяны и часть изъ нихъ разстрѣляна.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, весьма взволновавшихъ союзниковъ, я поѣхалъ на Желѣзнодорожный фронтъ.

Общее военное положеніе въ Сѣверной Области представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Фронтъ, линія фронта была въ нѣсколько тысячъ верстъ, начинаясь у границы съ Финляндіей и кончаясь за Печорой. Но густые лѣса, непроходимыя болота, а, особенно, малочисленность красныхъ войскъ, позволили ограничиться тѣмъ, что защищали лишь желѣзныя дороги, водные и шоссейные пути, узловые пункты, селенія и деревни. Такъ, напримѣръ, на самой желѣзнодорожной линіи (Вологда—Архангельскъ) было сконцентрировано на желѣзнодорожной полосѣ до двухъ полковъ пѣхоты и могучая артиллерія, а справа и слѣва ея, на десятки верстъ не было ни постовъ, ни укрѣпленій, ходили только развѣдки.

На характерѣ борьбы на Сѣверѣ я остановлюсь подробнѣе впослѣдствіи.

Всѣ фронты были въ полномъ подчиненіи у англійскаго командованія. Послѣднее было полнымъ хозяиномъ — русское же командованіе играло роль пассивную и второстепенную. Позиціи были заняты главнымъ образомъ англійскими,

кое гдѣ французскими силами, русскимъ же разрѣшалось занимать болѣе глухія и менѣе отвѣтственныя мѣста. Пропуски, проѣзды по желѣзной дорогѣ, вагоны, санитарія, эвакуація — все это было въ рукахъ у союзной комендатуры.

Госпитали, какъ фронтовые, такъ и тыловые, были англійскіе, персоналъ же смѣшанный, русскій и англійскій.

Интендантство, снабжавшее фронтъ и тылъ, было исключительно англійскимъ, и русскіе получали все, начиная съ довольствія и кончая обмундированіемъ, съ англійскихъ складовъ.

Нужно замѣтить, это подтвердитъ каждый бывшій на Сѣверѣ, что снабженіе было организовано на широкую и щедрую ногу. Паекъ, выдававшійся русскимъ военнымъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, былъ чрезвычайно обиленъ и идентиченъ пайку, получаемому англійскимъ солдатомъ. То же самое приходится сказать и объ обмундированіи. Союзники, прійдя въ Сѣверную Область, принесли съ собою и свои привычки и навыки. Комфортъ ихъ, даже военной, фронтовой жизни, казался страннымъ русскому глазу, привыкшему къ лишеніямъ, зачастую ненужнымъ, проистекавшимъ изъ русской безалаберности.

Особенно поражала русскихъ чистота палатокъ, безукоризненная чистота отхожихъ мѣстъ и мостки, проведенные въ лагеряхъ англичанъ.

Теплушки были приведены стараніями англичанъ въ состояніе, отвѣчавшее требованіямъ гигіены, обшиты тесомъ, устроены въ нихъ камины и печи.

Въ свободное отъ войны время, а его было достаточно, англичане занимались спортомъ, особенно футболомъ, ходили на охоту, бѣгали на лыжахъ, устраивали состязанія, получая все нужное для этого изъ своего Краснаго Креста.

Я говорю объ англичанахъ.

Ибо другіе союзныя войска: американскія и французскія, были и вообще въ незначительномъ количествѣ на Сѣверѣ Россіи, да и къ тому же мнѣ не пришлось ихъ наблюдать, ибо ко времени моего пріѣзда они уже эвакуировались.

Несмотря на то, что союзныя войска прибыли въ Архангельскъ въ августѣ 1918 года и были, слѣдовательно, около года въ С. О., военные успѣхи ихъ были ничтожны. Позиціи, которыя занимали войска къ зимѣ восемнадцатаго года, они занимали и къ іюню девятнадцатаго. Кое гдѣ, напримѣръ на Двинѣ, произошло продвиженіе, сопряженное даже съ извѣстнымъ военнымъ успѣхомъ, но въ итогѣ все-таки приходится отмѣтить слѣдующее положеніе: хотя союзники и были въ С. О., хотя они и занимали позиціи, хотя и былъ фронтъ, поддерживаемый союзническими войсками, но по существу войны не было. Большевики не наступали, не интересуясь Сѣвернымъ фронтомъ, союзники въ свою очередь также не считали нужнымъ проявлять свои воинственныя наклонности. Лучшимъ доказательствомъ, подтверждающимъ выше сказанное, могутъ служить статистическія данныя объ раненыхъ и убитыхъ англичанахъ. У меня нѣтъ подъ рукою точныхъ цифръ, но помнится, по докладу генерала Айронсайда, число убитыхъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ, изъ коихъ большинство были убиты въ наступленіи, которое англичане развили передъ своимъ уходомъ.

Пассивность англичанъ служила неоднократно предметомъ обсужденій въ русской военной средѣ. Большинство обвиняло англичанъ не только въ пассивности, но даже въ трусости. Болѣе того — увѣряли, что англійское командованіе мѣшаетъ проявленію активности русскихъ воинскихъ частей, что оно парализуетъ волю русскаго командованія. Генералъ Марушевскій, бывшій главнокомандующимъ большую часть времени пребыванія союзниковъ въ С. О., въ отвѣтъ на

упреки, дѣлаемые ему офицерами, упреки въ томъ, что за цѣлый годъ не было никакихъ активныхъ военныхъ выступленій, заявилъ (газ. В. С.):

«Русское военное командованіе было лишено самостоятельности и исполняло предначертанія союзнаго штаба. Всѣ мои указанія на необходимость наступленія, особенно на Двинскомъ и Мурманскомъ фронтахъ, отклонялись союзниками, по мотивамъ недостаточности войскъ и ненадежности населенія, сочувствующаго большевикамъ».

Въ концѣ іюля я былъ принятъ генераломъ Айронсайдомъ, главнокомандующимъ союзными войсками, и имѣлъ съ нимъ обстоятельную бесѣду и о дѣятельности англичанъ въ С. О., и о планахъ ихъ на будущее. Здѣсь я привожу ее лишь въ сокращенномъ видѣ, полнѣе же текстъ былъ напечатанъ въ Парижской газетѣ «Information»:

«Союзныя войска прибыли на Сѣверъ Россіи по просьбѣ Верховнаго Управленія, предсѣдателемъ коего былъ Н. В. Чайковскій. Они прибыли тогда, когда общеевропейская война еще продолжалась и союзники боялись взятія нѣмцами Петрограда. Такимъ образомъ первоначальная цѣль — созданіе противогерманскаго фронта и охрана Архангельскаго и Мурманскаго портовъ. Послѣ перемирія съ германцами всталъ вопросъ о нашемъ уходѣ изъ С. О., но по просьбѣ правительства С. О. и, главнымъ образомъ, того же г-на Чайковскаго, рѣшено было не только оставить тѣ войска, что были, но и прислать новыя, составленныя изъ добровольцевъ, главнымъ образомъ изъ англичанъ. Союзныя войска остались, чтобы помочь русскимъ сформировать свою армію, а отнюдь не для того, чтобы развивать военныя операціи и вмѣшиваться въ русскія дѣла.

Однако, приходится констатировать печальный фактъ. Скоро годъ, какъ союзники здѣсь, а русской арміи какъ боевой единицы еще не существуетъ. Тѣ нѣсколько полковъ, что сформированы при нашей помощи, рѣшительно никуда не годятся. Офицеры держатъ себя не достаточно корректно, а солдаты-большевики устраиваютъ бунты. Недавно были возстанія и заговоры въ 3, 1, 6 и 5-ыхъ полкахъ. Какъ видите, чуть ли не во всѣхъ, имѣющихся на лицо полкахъ. Главный Русскій Штабъ сорганизовался плохо и не пользуется авторитетомъ у своихъ войскъ. Создается безнадежное положеніе . . .»

— «Что же дѣлать?»

«Мое мнѣніе — надо ликвидировать Сѣверный фронтъ. Онъ совершенно и никому не нуженъ. До недавняго времени я былъ горячимъ сторонникомъ того, чтобы сохранять Сѣверную Область, чтобы продолжать помогать здѣшнимъ русскимъ бороться съ большевиками. И всѣми силами я защищалъ эту позицію передъ Foreign Office. Но теперь я больше не могу этого дѣлать. Эти бунты въ полкахъ, а особенно настроеніе населенія г. Архангельска и деревень, убѣдили меня, что большинство сочувствуетъ большевикамъ.

Такъ къ чему же тратить такую уйму денегъ, да къ тому же совершенно безъ пользы? Для меня ясно, что русскіе не хотятъ воевать съ большевиками.

Да и правительство Королевства считаетъ повидимому нужнымъ ликвидировать Сѣверный фронтъ, чтобы успокоить общественное мнѣніе Англіи».

— «Итакъ, уходъ союзниковъ изъ С. О. рѣшенъ?»

«Я затрудняюсь сказать вполнѣ утвердительно, но соотвѣтствующій докладъ мною былъ посланъ въ Лондонъ».

— «Что же будетъ съ Сѣверной Областью, когда вы уйдете?»

Айронсайдъ какъ будто удивленъ.

«Когда мы уйдемъ? Но конечно вслѣдъ за нами прійдутъ большевики. И чтобы было меньше жертвъ, надо чтобы русскіе офицеры и вообще всѣ противобольшевики уѣхали вмѣстѣ съ союзными войсками. Таково мое мнѣніе».

— «Еще одинъ вопросъ: почему союзныя войска не наступали. Вѣдь войны собственно и не было».

Немного колеблясь, англійскій генералъ отвѣтилъ:

«Ну, положимъ, мы воевали. У насъ даже много раненыхъ. Но наступать мы, конечно, не могли, русскія войска были не надежны, а насъ было очень мало Это былъ рискъ, къ тому же имѣли мѣсто безпорядки. На это штабъ не могъ пойти. Но мы воевали. Даже два полковника у насъ тяжело ранены, и я самъ чуть не былъ раненъ. Мы дѣлали, что могли. Не наша вина, что все это было безполезно».

Трудно, въ спорѣ между русскимъ и англійскимъ командованіемъ, рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Во всякомъ случаѣ очевидно одно, и это не скрываютъ англичане, что проявлять активность не входило въ ихъ планы и намѣренія, что они не смотрѣли на свой приходъ, какъ на «интервенцію», и свою роль считали подсобной. На вопросъ же, препятствовало-ли англійское командованіе активности русскихъ силъ, приходится, повидимому, отвѣтить полуутвердительно.

Полковникъ Л. Костанди, начальникъ штаба Мурманскаго раіона, видимо не симпатизировавшій англичанамъ, такъ, какъ то, охарактеризовалъ ситуацію:

«Англичане не хотятъ особеннаго успѣха русскаго оружія».

Съ другой стороны есть рядъ указаній, что стимуломъ къ пассивности и къ принужденію къ той же пассивности и русскихъ была боязнь англичанъ крупнаго неуспѣха и большихъ потерь.

Я засталъ Желѣзнодорожный фронтъ еще занятымъ англичанами. Линія фронта проходила въ нѣсколькихъ верстахъ впереди станціи Обозерской, маленькой и глухой станціи линіи Вологда—Архангельскъ. Я имѣлъ возможность говорить со многими англійскими офицерами. Меня интересовало ихъ отношеніе къ Россіи, къ русскимъ, къ большевикамъ. Что особенно бросалось въ глаза, это обособленность англичанъ отъ русскихъ, англійскихъ военныхъ отъ русскихъ военныхъ. Зачастую тѣ и другіе жили бокъ о бокъ, въ сосѣднихъ теплушкахъ или домахъ — и, однако, никакихъ сношеній между ними не было. Каждый жилъ собственной жизнью, собственными интересами. Очень рѣдко я видѣлъ русскихъ солдатъ и офицеровъ за дружеской бесѣдой. Англичане держались въ своемъ кругу, русскіе въ своемъ. Было ли это преднамѣренно со стороны англичанъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Положительно нѣтъ. Они болѣе или менѣе интересовались русскими, охотно вступали съ ними въ разговоры, на ломанномъ русскомъ языкѣ, они охотно посѣщали, напримѣръ, русскіе лазареты, охотно принимали у себя и угощали русскихъ.

Правда, все это было «болѣе или менѣе». Былъ у нихъ интересъ, но не ярко выраженный.

Съ другой же стороны русскіе, какъ солдаты, такъ и офицеры, и офицеры болѣе, чѣмъ солдаты, были преисполнены какой то инстинктивной безсознательной враждебности къ англичанамъ. Объ англичанахъ они говорили съ ироніей, съ насмѣшкой, и часто, очень часто, пользуясь незнаніемъ тѣми русскаго языка, бранили ихъ послѣдними словами.

Я искалъ причинъ этой враждебности.

«Меня злитъ, что они, англичане, пришли въ нашу страну и здѣсь распоряжаются», отвѣтилъ одинъ офицеръ. Другой, старый полковникъ, досадуетъ «на самодовольство, самоувѣренность, на презрѣніе къ намъ, русскимъ, этихъ сыновъ Альбіона». Третій считаетъ, «что англичане пришли не спасать Россію, а погубить ее. Что они не любятъ, молъ, русскихъ». И такъ далѣе безъ конца, въ томъ же духѣ.

Къ тому же надо добавить, что офицерскій составъ англійскаго корпуса въ С. О. оставлялъ желать многаго. Онъ былъ несомнѣнно второсортный. Большинство офицеровъ были выслужившіеся во время войны унтеръ-офицеры, въ мирное время — клерки, приказчики, люди безъ высшаго и даже средняго образованія. Но тѣ немногіе встрѣчавшіеся мнѣ офицеры специалисты — поражали меня и своимъ интересомъ къ Россіи и своими знаніями въ своей области.

Картина создавалась въ общемъ поистинѣ нелѣпая.

Англійскія войска были приглашены правительствомъ Сѣверной Области. Они защищали эту послѣднюю отъ прихода большевиковъ, ихъ просятъ не уходить, когда они этого хотятъ, какъ мы это видѣли раньше, и проситъ объ этомъ и населеніе, и армія, и правительство, и въ то же время къ нимъ несомнѣнное полускрытое, а порою и явно враждебное отношеніе, начиная съ командировъ отдѣльныхъ частей, и кончая крестьянами окрестныхъ деревень.

Англичане несомнѣнно чувствовали эту враждебность.

Одинъ молодой лейтенантъ, студентъ Кембриджскаго Университета, прилично понимавшій по-русски, жаловался мнѣ:

«Я не понимаю всего, что говорятъ иногда за спиною, а иногда и въ глаза о насъ ваши офицеры и солдаты, но все же я разумѣю, что они насъ не любятъ. За что? Что мы имъ сдѣлали дурного? Мы ихъ кормимъ, одѣваемъ, проливаемъ даже за нихъ нашу кровь, а они . . . не понимаю».

Онъ былъ очень опечаленъ, этотъ англійскій студентъ-лейтенантъ.

А когда англичане ушли, то русскій командный составъ былъ весьма обрадованъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Добровольскій. Офицеры отнеслись къ этому факту сдержаннѣе, а масса пассивно — безразлично.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ русскаго командованія было, впрочемъ, нѣсколько случаевъ грубаго обращенія англійскихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ съ русскими офицерами. Но ни одинъ случай не былъ достаточно и объективно изслѣдованъ.

Къ тому, что я сказалъ объ отношеніи между русскими и англійскими военными, не лишне добавить, что русскіе солдаты, спрошенные мною объ ихъ отношеніи къ союзнымъ войскамъ, очень часто хвалили американцевъ. Послѣднихъ было немного въ С. О. и они, какъ я уже это отмѣтилъ, скоро были эвакуированы.

«Но что же вамъ нравится въ американцахъ?»

Отвѣты были различные, но сводились къ тому, «что американецъ щедрый, что онъ хорошъ въ обращеніи, охотно угощаетъ виски», и все въ такомъ же родѣ.

Такимъ образомъ можно заключить, что свойства англійской натуры, столь далекой по своимъ чертамъ отъ русской, раздражали и возстанавливали противъ себя русскихъ солдатъ.

Упреки, которые приходилось слышать, заключались еще и въ томъ, что «англичане, молъ, скупаютъ мѣха за безцѣнокъ, въ обмѣнъ на виски и вино».

Такіе случаи, конечно, были, и были даже довольно часто, но еще чаще этотъ же товарообмѣнъ производился русскими военными и обывателями.

Повидимому, для себя въ этомъ не видѣли ничего предосудительнаго.

Въ серединѣ августа стало извѣстно полуофиціально, что союзники покидаютъ Сѣверъ. Причины, вызвавшія этотъ уходъ, тѣ же, что были сообщены мнѣ генераломъ Айронсайдомъ. Къ тому же этого требовала и англійская рабочая партія, которая грозила, въ случаѣ невыполненія своихъ требованій, — общей забастовкой. Для ликвидаціи Сѣверной Области и Сѣвернаго фронта пріѣхалъ генералъ Роллинсонъ. Но прежде чѣмъ начать эвакуацію, англійское командованіе рѣшило предпринять наступленіе, чтобы, какъ говорили нѣкоторые, блеснуть своей храбростью. Наступленіе, въ которомъ приняли участіе и русскіе войска, на долю которыхъ выпали наибольшія тяготы этихъ сраженій, было предпринято и на Двинскомъ направленіи, и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ англійскаго наступленія на послѣднемъ направленіи и сопутствовать смѣшанной англо-австралійской колоннѣ въ ея наступательномъ движеніи.

Ночью, на шестнадцать верстъ вглубь лѣса, началось обходное движеніе. Пулеметы несли на рукахъ, перепрыгивая съ кочки на кочку, такъ какъ всюду было безконечное болото. Проводникъ немного не разсчиталъ разстояніе, и колонна вышла по ту сторону окоповъ, по ту сторону фронта, около того мѣста желѣзнодорожнаго пути, гдѣ стоялъ большевистскій броне-поѣздъ. Колонна была жестоко обстрѣляна пулеметнымъ и шрапнельнымъ огнемъ, но, несмотря на это, мужественно продолжала наступленіе. И только потерявъ двухъ офицеровъ и десять солдатъ ранеными и убитыми — принуждена была отступить. Отступленіе было совершено въ образцовомъ порядкѣ. Общее впечатлѣніе отъ англичанъ, въ частности отъ австралійцевъ, было, что это прекрасные солдаты, которые и изъ войны дѣлаютъ своеобразный спортъ. Подъ огнемъ они шутили, спорили.

Несмотря на неуспѣхъ обходной вылазки, о которой я только что разсказалъ, общій успѣхъ сопровождалъ наступленіе и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, и на Двинскомъ, гдѣ были взяты нѣсколько тысячъ красноармейцевъ въ плѣнъ.

Проведя наступленіе и «показавъ, что они умѣютъ наступать», какъ говорили злые языки, англичане объявили объ эвакуаціи ими С. О. Ихъ взглядъ былъ ясенъ. Исходя изъ предпосылки, что Сѣверный фронтъ держится только благодаря имъ, и выводя отсюда какъ слѣдствіе, что ихъ уходъ равносиленъ приходу большевиковъ въ Область, они настаивали на ликвидаціи Сѣвернаго фронта вообще и на эвакуаціи всѣхъ тѣхъ военныхъ и штатскихъ лицъ, которыя могли пострадать по приходѣ большевиковъ.

Русское военное командованіе отвѣтило отказомъ на предложеніе англичанъ. Оно рѣшило сохранить Сѣверный фронтъ и защищать Область собственными силами. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я принужденъ буду подробно остановиться на этомъ вопросѣ: почему и какъ рѣшено было остаться на Сѣверѣ? Здѣсь же возвращаюсь къ союзникамъ.

Рѣшеніе русскихъ и отказъ ихъ отъ эвакуаціи былъ встрѣченъ англичанами весьма холодно. Англійскій лейтенантъ М. разсказывалъ мнѣ, что Айронсайдъ гнѣвно кричалъ, что «русскіе генералы дѣлаютъ преступленіе, онъ этого не позволитъ». Однако, конечно, не въ его власти было позволить или не позволить.

Тогда-то и произошелъ рядъ фактовъ, которые разсматривали какъ враждебные въ отношеніи русскихъ, и русскихъ военныхъ, въ частности. Такъ, былъ изданъ приказъ англичанами, что всѣ бывшіе добровольцы, находившіеся въ союзныхъ войскахъ, приглашаются слѣдовать вмѣстѣ съ англичанами. Въ отвѣтъ на это русскій Штабъ запретилъ русскимъ призывного возраста покидать Сѣверную Область. Понятно, на этой почвѣ разыгралось немало инцидентовъ. Такъ напримѣръ, профессору Петроградскаго университета Аверинцову было запрещено покидать Архангельскъ (ему было 45 лѣтъ), а англичане разрѣшили ему эвакуироваться. Попытка русскихъ властей арестовать профессора не могла быть приведена въ исполненіе. Подобныя же исторіи произошли и съ рядомъ военныхъ.

Передъ эвакуацией, — постепенно, англійское командованіе сдало русскому интендантству свои богатые склады снаряженія и обмундированія, но остатки военнаго снаряженія, автомобили, оружія, снаряды и т. д., все то, что они не могли, да и не считали нужнымъ везти съ собою, и что, по словамъ Начштаба, они обѣщали сдать русскимъ, они наканунѣ отъѣзда потопили въ Двинѣ. Цѣнность потопленнаго въ Двинѣ исчислялась въ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ, какъ было доложено Правительству С. О. главнымъ интендантомъ генераломъ Барановымъ.

На вопросъ, почему такъ поступили англичане, послѣдніе отвѣчали: «Все равно Сѣверная Область достанется большевикамъ и мы не хотимъ помогать снаряженію красной арміи».

Другой инцидентъ, который не можетъ считаться исчерпаннымъ и понынѣ, произошелъ между Правительствомъ С. О. и опять-таки англійскимъ командованіемъ.

Нѣкій англичанинъ лѣсопромышленникъ Смитъ, находившійся въ какихъ то взаимоотношеніяхъ съ Великобританскимъ Адмиралтействомъ, вывозилъ въ продолженіи 18—19 года лѣсъ изъ Архангельска въ Англію. Къ августу 19-го года имъ было вывезено свыше чѣмъ на 200 000 фунтовъ стерлинговъ, каковую сумму онъ и былъ долженъ Правительству С. О. Когда настало время эвакуаціи, то г-ну Смиту было предъявлено требованіе уплатить слѣдуемый съ него долгъ. А когда онъ отказался, послѣдовало распоряженіе не выпускать Смита изъ С. О. Это весьма энергично заявленное требованіе Сѣвернаго Правительства осталось голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и г-нъ Смитъ покинулъ Архангельскъ на пароходѣ вмѣстѣ съ англійскимъ командованіемъ.

26—27-го сентября произошла эвакуація англійскихъ войскъ, произошла по военному, чрезвычайно поспѣшно. Погрузка войскъ шла ночью, какъ бы втайнѣ отъ населенія. Какъ удостовѣряютъ лица, близко стоявшія къ англичанамъ, послѣдніе были все время въ полной увѣренности, что «большевики идутъ по пятамъ», поэтому ихъ эвакуація была не чужда паникѣ, неумѣстной торопливости и ненужной поспѣшности. Одновременно съ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ покинули Архангельскъ и дипломатическіе представители, уѣхали французы, американцы и итальянцы. Остались, насколько мнѣ не измѣняетъ память, только нѣсколько консуловъ изъ числа тѣхъ, кои совмѣщаютъ свои консульскія дѣла съ коммерческими. Среди нихъ бельгійскій консулъ Миккезъ (уѣхавшій лишь въ январѣ) и голландскій консулъ Смитъ (арестованный большевиками въ мартѣ 20-го года).

Глава объ союзникахъ не была бы полна, если бы я обошелъ молчаніемъ одинъ, пожалуй, самый главный вопросъ: «О вмѣшательствѣ союзниковъ во внут-

ренния дѣла Области». Вѣдь это именно вмѣшательство вмѣнялось въ вину союзникамъ въ ихъ дѣятельности и въ Сибири, и на югѣ Россіи. Сѣверная Область не была исключеніемъ изъ этого, повидимому, общаго правила. Исторія ареста Верховнаго Управленія, имѣвшаго мѣсто въ сентябрѣ 1919 года, и увозъ Чайковскаго и другихъ членовъ Правительства въ Соловецкій монастырь нѣкимъ капитаномъ Чаплинымъ закончилась, какъ извѣстно, измѣненіемъ состава Правительства въ сторону болѣе умѣренную и назначеніемъ Чаплина на Двину. При этомъ на измѣненіи состава Правительства особенно настаивалъ англійскій уполномоченный Пуль.

На основаніи информаціи американскаго представителя, общая картина являлась въ слѣдующемъ видѣ:

«Англійское командованіе отстаивало ту точку зрѣнія, что въ Области нужна твердая власть. Эту твердую власть англичане представляли себѣ не иначе, какъ военной. Они считали, что сговориться съ населеніемъ невозможно, да и не къ чему. Если жителей хорошо кормятъ и не обижаютъ, то все будетъ хорошо. Особенно ихъ испугали демократическіе проекты Верховнаго Управленія. Поскольку главнымъ военнымъ элементомъ союзнаго командованія были англичане, и поскольку считалось, что у нихъ въ Сѣверной Области есть особая заинтересованность, ни французы, ни американцы не считали возможнымъ особенно вмѣшиваться въ ихъ распоряженія.

Такимъ образомъ всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы свести на нѣтъ Правительство, сдѣлать его наиболѣе безцвѣтнымъ и безличнымъ. И въ то же время, искали подходящее русское военное начальство. Присутствіе Н. В. Чайковскаго весьма мѣшало. Когда онъ въ началѣ 1919 года уѣхалъ — положеніе совершенно измѣнилось, и военная диктатура становится совершившимся фактомъ. Однако, надежды, которыя возлагались англичанами на генерала Марушевскаго, не оправдались. Онъ совершенно не подходилъ къ роли военнаго диктатора, и только съ пріѣздомъ генерала Миллера оказалось возможнымъ наладить административный аппаратъ. Демократическіе элементы неоднократно обращались къ нашему американскому представителю за защитой и совѣтомъ. Но послѣдній ничего не могъ подѣлать. И только позже, когда стали указывать англичанамъ, что въ результатѣ ихъ опытовъ и слабости гражданской власти происходятъ безпорядки на мѣстахъ, и какъ слѣдствіе ихъ развивается большевизмъ, они дали согласіе на созывъ Земско-Городского Совѣщанія и на измѣненіе состава Правительства. Но это произошло уже тогда, когда эвакуація союзниковъ была уже рѣшена. Въ этотъ моментъ англичане начали отстаивать передъ генераломъ Миллеромъ, что послѣдняго очень удивило, необходимость радикально-демократическаго правительства. Айронсайдъ совѣтовалъ удалить Мефодіева и другихъ, показавшихъ свою непригодность».

Данныя этого документа отвѣчаютъ дѣйствительности во всякомъ случаѣ въ послѣдней его части. Въ частной бесѣдѣ съ представителями кооперативовъ генералъ Айронсайдъ заявилъ: «Теперь я убѣдился, что нельзя было создавать военную диктатуру. Она никчемна (is nothing). Впрочемъ, говоря по совѣсти, я не вѣрю и штатскому правительству. Но послѣднее лучше — такъ какъ все равно придутъ большевики» (газ. «В. С.»).

Тотъ же документъ повѣствуетъ о значеніи информаторовъ при англійскомъ Командованіи. Послѣднее «какъ общее правило не было знакомо ни съ языкомъ, ни съ обычаями этой страны. Во всякомъ русскомъ, не офицерѣ, оно готово было

видѣть большевика, скрытаго или явнаго. Въ этомъ ихъ убѣждали находившіеся при штабѣ переводчики, въ большинствѣ — русскіе военные. Мы неоднократно предупреждали англійское командованіе, что оно пользуется свѣдѣніями не правильными. Мы указывали, что нѣкоторые изъ переводчиковъ люди весьма сомнительные. Особенно большую роль играли капитанъ Чаплинъ и графъ Гейденъ».

Перваго изъ нихъ такъ характеризуетъ этотъ документъ: «Это авантюристъ, лишенный какихъ либо принциповъ, причастный къ разгромленію Государственныхъ Кассъ. Желающій добиться власти какими угодно путями. Человѣкъ легкомысленный, часто пьяный». Гейденъ же «вѣчно пьянъ, ярый реакціонеръ, готовый разстрѣлять всякаго либерально думающаго».

Тѣ разстрѣлы, которые производились въ уѣздахъ и о которыхъ въ лѣтописяхъ С. О. сохранилось не мало слѣдовъ — связаны съ именами этихъ информаторовъ. «Пользуясь полнѣйшей неосвѣдомленностью англичанъ въ дѣлахъ С. О., они фактически руководили всѣмъ. Организація Мутюги (каторги) дѣло ихъ рукъ».

Характеристика Чаплина, данная американцемъ, не сходится съ характеристикой нарисованной Добровольскимъ.

«Подвижной, энергичный, смѣлый, окруженный такими же сотрудниками изъ морской молодежи, онъ былъ положительно незамѣнимымъ въ критическіе моменты нашего существованія. Но насколько онъ и окружающіе его сотрудники были способны къ самоотверженному порыву въ минуту опасности, настолько же они были не способны ни къ какой планомѣрной организаціонной работѣ» (стр. 83).

О роли Чаплина въ жизни Сѣверной Области, послѣ его назначенія на Двину — сообщали изъ различныхъ источниковъ и, повидимому, дѣйствительно онъ игралъ немаловажную роль въ тѣхъ ошибкахъ и нетактичностяхъ, которыя дѣлала англійская власть, дѣйствуя обыкновенно посредствомъ послушныхъ ей русскихъ военныхъ властей.

Анализъ жизни С. О. приводитъ насъ къ положенію, что англійская власть тѣмъ или инымъ путемъ, часто черезъ центральную русскую, и очень рѣдко черезъ свои исполнительные органы — вмѣшивалась въ жизнь Области. Она поддерживала элементы, враждебные демократіи. Послѣдняя, какъ это свидѣтельствовалъ мнѣ не разъ лидеръ демократіи А. Ивановъ, была «въ весьма большихъ контрахъ съ англичанами» и «тщетно взывала къ американцамъ». Онъ удостовѣрялъ, и это мнѣ какъ то мимоходомъ подтвердилъ и замѣститель Чайковскаго, Зубовъ, что «англичане имѣли очень сильное вліяніе на дѣятельность Правительства. Что возможно сдѣлать, когда вся власть была фактически у англичанъ!»

И послѣдній жестъ Айронсайда передъ эвакуаціей, согласіе его на Земско-Городское Совѣщаніе и на укрѣпленіе внутренне Правительства — разсматривать приходится скорѣе какъ прощальный жестъ.

III

Генералитетъ, офицерство и солдаты

Вначалѣ считалось, да считается и теперь, что въ гражданской войнѣ побѣждаетъ сторона умѣющая создать лучшую армію, имѣющая лучшія сорганизованныя силы. Можно съ этимъ мнѣніемъ не соглашаться, и, однако, все-таки необходимо признавать огромное первостепенное значеніе за арміей. Большевики всю свою энергію, умѣніе и силы направили съ перваго же дня своей власти на организацію красной арміи. Они побѣждали. Они побѣдили на всѣхъ фронтахъ. На многочисленныхъ бѣлыхъ фронтахъ, существовавшихъ за время нашей гражданской войны, была разная качественность и количественность армій. Армія сибирская, временъ Колчака, совершенно не походила на армію Самарскаго Правительства и отличалась въ то же время весьма и весьма отъ Добровольческой Арміи.

И у Сѣверной Области была армія своя, специфическая, имѣющая свои недостатки и свои достоинства.

Ко времени моего пріѣзда въ Сѣверную Область численность арміи была около пятидесяти тысячъ. Но число штыковъ врядъ ли доходило до трети этого количества. Тылъ и штабы, — все это было перегружено нестроевымъ элементомъ. Ясно, что для фронта въ нѣсколько тысячъ верстъ такая армія была не больше песчинки, величина безконечно малая, особенно, если противъ нея стоитъ непріятель, располагающій безчисленными рессурсами человѣческаго матеріала. У Сѣверной Области не было этихъ рессурсовъ. Все, что могло быть мобилизовано, — было уже взято въ войска. Малочисленность населенія Области дѣлала невозможнымъ дальнѣйшее увеличеніе численности арміи.

Мнѣ пришлось близко, очень близко видѣть Сѣверную армію, видѣть ее въ дни побѣды, въ дни затишья, наконецъ, въ дни разложенія. И мнѣ кажется, что несмотря на многіе свои дефекты, армія, я говорю о фронтовыхъ частяхъ, была очень хороша. Неизмѣримо лучше сибирской и во многомъ, по своимъ боевымъ качествамъ, приближалась къ дореволюціонной арміи. Въ этомъ убѣждали меня мои наблюденія, мое пребываніе на фронтѣ.

Прежде всего солдатъ.

Еще въ то время, когда союзники не приходили и о Верховномъ Управленіи не было и рѣчи, въ то время уже начались возстанія крестьянъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ и на Пинегѣ. Смѣлые, привыкшіе къ своимъ непроходимымъ лѣсамъ, охотники, не испытавшіе на себѣ крѣпостного ига, сѣверные крестьяне не похожи вообще на русскаго крестьянина среднихъ губерній. И понятно, что въ отвѣтъ на репрессіи и насилія большевиковъ начались возстанія. Когда сформировалась Сѣверная Область — Шенкурцы, Тарасовцы и Пинежцы, не какъ мобилизованные, а какъ добровольцы, вошли въ составъ Сѣверной Арміи. Они обладали удивительной храбростью, приспособленностью къ сѣвернымъ условіямъ войны и крѣпкой дисциплиной. Двѣ черты значительно умаляли ихъ боевую силу. Первое это то, что они охотнѣе защищали свой раіонъ, свою деревню, свою Тарасовскую, Шенкурскую деревню и такъ далѣе, чѣмъ вообще С. О. Здѣсь у себя они могли противостоять противъ неизмѣрно болѣе сильнаго непріятеля, но съ переводомъ ихъ на другіе фронты, они впадали въ уныніе, въ апатію, стреми-

лись къ себѣ на родину, боясь, что другіе полки, не свои, выдадутъ ихъ деревни большевикамъ. Съ другой стороны они вносили чрезвычайную остроту въ гражданскую войну. Для нихъ большевикъ, красноармеецъ — былъ синонимъ звѣря, котораго надо убивать. Они не брали въ плѣнъ. И большевики платили имъ тѣмъ же. Взятыхъ въ плѣнъ истязали и разстрѣливали. Благодаря ихъ жестокости нерѣдко страдали интересы окрестныхъ волостей. Въ результатѣ появились и на сторонѣ красныхъ тоже партизане, такіе же сильные и такіе же безпощадные, и нерѣдко начиналась вражда двухъ сосѣднихъ деревень.

Шенкурцы и Тарасовцы составили ядро Сѣверной арміи, ея опору, ея фундаментъ. Фактически весь Двинскій и Селецкій фронтъ поддерживался ими. Подъ чьимъ же вліяніемъ они находились?

Возстаніе въ Шенкурской Области было поднято подъ предводительствомъ эсеровъ. Войдя въ составъ регулярной арміи Сѣверной Области партизане не только не порывали связи съ эсеровскими кругами Архангельска, но продолжали считаться съ мнѣніемъ тѣхъ, съ кѣмъ они были искони связаны дружескими узами. И если они съ первыхъ дней возстанія и до паденія С. О. оставались вѣрны идеѣ активнаго антибольшевизма, если они даже брали на себя весьма неблагодарную роль подавленія мятежей въ другихъ полкахъ, всѣмъ этимъ ихъ упорнымъ антибольшевизмомъ обязаны они эсерамъ, которые въ Архангельской губерніи принадлежали къ опредѣленно оборонческимъ, рѣзко противобольшевистскимъ слоямъ.

Здѣсь мы сталкиваемся, наконецъ, съ фактомъ, заслуживающимъ быть отмѣченнымъ, что демократія въ Сѣверной Области обладала вполнѣ реальной, даже весьма реальной поддержкой. И это отнюдь не шутка, не иронія, когда правая газета «Отечество» утверждала, что эсеры могутъ въ любую минуту произвести переворотъ. Это была не иронія, а несомнѣнный фактъ. Ибо неоднократно депутаты партизановъ навѣщали Архангельскъ и заявляли, что «мы — попрежнему за васъ».

Съ характеромъ и психологіей партизановъ мнѣ пришлось познакомиться при обстоятельствахъ, надолго оставшихся въ моей памяти.

Послѣ паденія Сѣверной Области и бѣгства генерала Миллера — я былъ арестованъ. Въ числѣ десятка другихъ, насъ вели по Мурманску. Кругомъ толпы жителей, красноармейцевъ. Съ дикимъ ревомъ, озвѣрѣвшіе, они окружали насъ, бросали въ насъ палками, камнями, кусками льда. Рядомъ со мной шелъ солдатъ, немолодой, съ густой бородой, по виду типичный крестьянинъ-сѣверянинъ. Онъ тщательно пряталъ свое лицо, что меня удивило. Къ чему было солдату прятаться? Въ Мурманской тюрьмѣ насъ тщательно обыскали, допросили. И здѣсь солдатъ былъ опознанъ. Его земляки узнали въ немъ партизана изъ «непримиримыхъ». Какъ его били!! Онъ не сказалъ ни слова. Его притащили въ нашу камеру окровавленнаго, съ выбитымъ глазомъ, съ изувѣченнымъ лицомъ. Притащили и бросили на полъ. Ночью онъ стоналъ, просилъ воды . . . Утромъ онъ — еле живой — попросилъ комиссара «по важному дѣлу». Его вывели въ корридоръ. Здѣсь онъ выхватилъ у часового ружье, и штыкомъ на смерть ранилъ комиссара. Другой часовой застрѣлилъ его.

Говорили, большевики въ свое время убили его брата . . .

Совсѣмъ въ другомъ духѣ были полки, укомплектованные солдатами изъ Архангельска и смежныхъ уѣздовъ. Совершенно не испытавшіе черныхъ сторонъ большевизма, ибо въ Архангельскѣ большевизмъ въ восемнадцатомъ году былъ очень мягокъ, они, эти полугородскіе жители, находились подъ вліяніемъ Саламболы, такъ назывался рабочій раіонъ Архангельска, центръ большевистской пропаганды, мѣста, гдѣ сходились всѣ нити большевистской агентуры.

Именно эти солдаты послужили бродильнымъ элементомъ для возстаній, имѣвшихъ мѣсто въ іюлѣ, въ рядѣ полковъ: третьемъ, шестомъ и другихъ. И они же сыграли печальную роль въ возстаніи, предшествовавшемъ паденію Сѣверной Области.

Почему тяготѣли они къ большевикамъ? Вѣдь видѣли они ясно, что большевики не исполняютъ своихъ обѣщаній, что большевистскіе лозунги, это журавли на небѣ. Они это знали, ибо плѣнные красноармейцы подробно и детально разсказывали имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Наконецъ, они получали обильный паекъ, видѣли нищету и голодъ, что царили по ту сторону фронта, и, однако, было у нихъ какое то чувство сильнѣе реальныхъ благъ. Это чувство была ненависть къ «барамъ». Сколько разъ въ холодныя сѣверныя ночи прислушивался я къ разговорамъ сбившихся у огня солдатъ, и слышалъ тѣ же рѣчи, что въ свое время на германскомъ фронтѣ, въ послѣ-революціонные дни.

«Подожди, ужо покажемъ, какъ на нашей шеѣ сидѣть».

«Вѣдь, какъ на твою спину сядетъ комиссаръ, возражалъ красноармеецъ изъ плѣнныхъ, также будетъ командовать. Такова наша доля».

«То комиссаръ, онъ изъ нашихъ, свой. А это баре. Въ золотыхъ погонахъ. Генералы тоже. Они въ вагонахъ, а мы, вишь, въ землянкахъ».

И большевизмомъ, ненавистью къ барамъ и интеллигенціи, были заражены въ сущности особенно тѣ, кого можно было считать, если не на половину, то на четверть интеллигентами. Толковые, смышленные, зачастую унтеръ-офицеры — на провѣрку оказывались не только большевиствующими, но и членами коммунистической партіи. Изъ множества фактовъ, одинъ наилучше характеризуетъ этотъ типъ людей.

Стояли жестокіе морозы. Лѣсъ, казалось, стоналъ отъ холода, его сковавшаго. Выйти наружу не было возможности. Мерзло лицо, руки, ноги отмораживались уже черезъ нѣсколько минутъ.

Ночью неожиданно въ нашъ лазаретъ привели пятерыхъ солдатъ. Ихъ привелъ конвой. Ноги ихъ были совершенно отморожены. Настолько, что никакимъ образомъ нельзя было оторвать съ нихъ примерзшіе сапоги. Обмороженіе было такъ сильно, что пришлось многимъ ампутировать немедленно пальцы, ступни. Четверо изъ солдатъ стонали и безпрестанно ругали пятаго. Но пятый молчалъ. Это былъ молодой, интеллигентнаго вида солдатъ. Писарь — унтеръ-офицеръ, онъ сманилъ восемь солдатъ своей части перейти къ краснымъ. Раздобыли лыжи. Благополучно прошли десять верстъ и здѣсь заблудились въ лѣсу. Начались морозы. Трое замерзли, остальныхъ подобралъ конвой. Конечно, имъ грозилъ разстрѣлъ. Особенно зачинщику. Несмотря на жестокую боль, ругань своихъ спутниковъ, онъ не проронилъ ни слова. Онъ считалъ себя повидимому правымъ. Несмотря на операцію — онъ умеръ на третій день.

Такіе люди, фанатики, упорные, служили цементомъ въ средѣ колеблющихся, полубольшевистскихъ солдатъ. Они вели ихъ за собой. А тѣ шли, повинуясь глухому чувству ненависти къ барамъ и «авось будетъ лучше».

Третьей категоріей были красноармейцы, взятые въ плѣнъ. Сначала ихъ было немного, единицы. Но впослѣдствіи, послѣ удачныхъ наступленій на Двинскомъ и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, когда были взяты въ плѣнъ многія тысячи красныхъ солдатъ — эти послѣдніе положительно заполнили всѣ фронтовыя части. Были роты гдѣ 90% состояло изъ красноармейцевъ. При этомъ пополненіе ими частей шло весьма упрощенно. Ихъ мыли, посылали въ тылъ, и черезъ недѣлю, другую направляли уже въ часть. Провѣрки ихъ большевизма не было, почти не было. Поэтому нерѣдко оказывалось, что отвѣтственные коммунисты попадали въ боевыя части, или что коммунисты комиссары попадали въ штабъ полка или дивизіи, на телеграфъ и такъ далѣе, какъ наиболѣе расторопные.

Главный Штабъ, въ погонѣ за расширеніемъ операцій, не считался съ мѣрами предосторожности, совершенно необходимыми. Къ тому же, почему то считалось, что плѣнные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумѣніе. Конечно, они были, за исключеніемъ немногихъ коммунистовъ, — антибольшевиками. Но въ то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Имъ хотѣлось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были въ крѣпкой духомъ части, напримѣръ, въ такой части, какъ партизанскіе полки. Здѣсь они превращались въ обычнаго русскаго солдата, пріобрѣтая всѣ его боевыя качества. Но въ полку, гдѣ была неопредѣленная обстановка, они съ такимъ же успѣхомъ могли и защищать бѣлыхъ и напасть на нихъ, а вѣрнѣе всего просто отойти въ сторону. Къ тому же они были изморенные, изголодавшіеся, многіе — послѣ перенесенныхъ недавно тифовъ.

Чрезмѣрное и необдуманное пополненіе полковъ плѣнными красноармейцами сказалось въ свое время губительно на фронтѣ.

Командный составъ арміи — ея цементъ. Это то, что придаетъ ей твердость, устойчивость. Отъ него зависятъ ея боевыя качества. И если это опредѣленіе примѣнимо для всякой арміи вообще, всѣхъ временъ и странъ, то тѣмъ болѣе и тѣмъ особенно оно распространяется на арміи, участвующія въ гражданской войнѣ. Здѣсь отъ офицера, отъ командира боевой части зависитъ очень многое. Здѣсь къ офицеру предъявляются жизнью требованія особенно повышенныя, особенно строгія. Въ гражданской войнѣ офицеръ долженъ быть не только храбръ, не только отваженъ, не только предпріимчивъ, онъ долженъ быть вождемъ своихъ солдатъ. Его задача первая и самая главная — создать изъ своихъ солдатъ единое цѣлое, спаянное внутреннимъ единствомъ. Офицеръ долженъ морально всемѣрно вліять на солдатъ. Если онъ не сможетъ вліять на свою часть, — она будетъ не больше какъ карточный домъ, который рушится отъ перваго дуновенія легкаго вѣтерка, отъ первой же неудачи.

Двѣ роты одинаковаго пополненія, состоящія та и другая на три четверти изъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Во главѣ первой стоитъ капитанъ М-ій, спокойный, храбрый, упорный человѣкъ. Все свое время онъ посвящаетъ солдатамъ, ученію съ ними, чтенію, разговорамъ. Онъ былъ очень строгъ и даже на фронтѣ требовалъ чинопочитанія. И, однако, эта рота сохраняла свою боеспособность даже во время всеобщаго разложенія. И когда послѣднее пришло, солдаты снабдили своихъ офицеровъ продуктами, снарядили ихъ, оставили имъ ихъ оружіе и тайкомъ, проселочными дорогами, довезли ихъ до Архангельска.

Провожая своихъ офицеровъ, прощаясь съ ними — солдаты плакали. То, что я разсказалъ, фактъ не единичный, отнюдь не рѣдкостный, а имѣвшій мѣсто въ различныхъ полкахъ Сѣвернаго фронта.

Другой фактъ изъ исторіи возстанія въ Третьемъ полку. Храбрость офицеровъ этого полка, порою легендарная, была истиною непреложной. Но многіе офицеры, по примѣру своего командира, были не чужды пьянству. И этого было достаточно. Ихъ предупреждали. Они отвѣчали — «насъ любятъ солдаты». Но это была неправда, далеко не правда. Солдаты были распущены, предоставлены сами себѣ, жили собственными настроеніями. А офицерство? Оно ничего не знало о «думахъ» своихъ солдатъ.

Несомнѣнно, что въ главной своей массѣ фронтовое офицерство Сѣвера принадлежало къ первой категоріи. Въ большей своей части оно было не только весьма высокаго качества, не только превосходило офицерство сибирской и юго-западной армій, но и отличалось отъ офицерства Добровольческихъ частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно. Въ большинствѣ это были или мѣстные, вышедшіе изъ партизановъ, или пріѣхавшіе черезъ Англію, недавніе плѣнные въ Германіи. Кадроваго офицерства было не много, во всякомъ случаѣ кадровое офицерство терялось въ общей массѣ некадроваго, занимая къ тому же чаще всего должности въ Штабахъ.

Впослѣдствіи, мнѣ придется говорить о печальной участи выпавшей на долю Сѣвернаго офицерства. Ибо только единицы успѣли уѣхать, а остальные — арестованные большевиками — частью были разстрѣляны, а частью увезены въ Москву. Тамъ, въ Бутырской тюрьмѣ мнѣ пришлось съ ними встрѣтиться въ тяжелыхъ условіяхъ тюремной совѣтской обстановки.

Пьянство младшихъ офицеровъ находилось въ непосредственной связи съ ихъ ближайшими начальниками. Такъ, пока командующимъ фронтомъ былъ полковникъ Мурузи, врагъ пьянства, послѣднее было ограничено и незамѣтно. Но онъ ушелъ. И послѣдніе мѣсяцы передъ паденіемъ фронта пьянство широкой волной распространилось по всѣмъ воинскимъ частямъ, захвативъ и солдатскія массы. Этому способствовалъ военный тылъ, этому помогала жизнь военныхъ въ самомъ Архангельскѣ. Ибо послѣдній являлъ собою всѣ признаки разложенія, которое было характерно и для Самары и для Омска, передъ ихъ паденіемъ, и для многихъ другихъ русскихъ городовъ, служившихъ тыломъ бѣлыхъ армій. Ни тревожное состояніе, ни дурныя вѣсти съ фронта, ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотѣли взять отъ жизни то немногое, что она имъ давала: вино и снова вино. Офицерское Собраніе и не мало другихъ ресторановъ были свидѣтелями скандаловъ, безобразныхъ и дикихъ, участниками которыхъ являлись офицеры. Имъ подражая — не отставали и солдаты. И чѣмъ грознѣе становилось въ Области, тѣмъ безудержнѣе жилъ военный тылъ. Уже не въ рѣдкость можно было встрѣтить пьяныхъ офицеровъ и солдатъ на улицахъ и уличкахъ Архангельска. Но, если кутило тыловое офицерство, то и фронтовое, пріѣзжая на побывку, не отставало отъ него въ своихъ кутежахъ. Послѣднее обстоятельство не препятствовало другому явленію — крайней розни и враждѣ между фронтомъ и тыломъ. Фронтъ, который несъ всю тягость весьма жестокихъ боевъ, фронтъ который терялъ ранеными и убитыми десятки офицеровъ, не могъ добиться пополненія изъ тыла, гдѣ находилось при Штабахъ множество тыловиковъ.

Насколько остра была вражда между тыловымъ и фронтовымъ офицерствомъ показываетъ дѣло, слушавшееся въ Военномъ Судѣ. Капитанъ Лерхе, адъю-

тантъ полковника Мурузи, пріѣхавъ въ Архангельскъ, въ клубѣ Георгіевскихъ Кавалеровъ устроилъ скандалъ, направленный противъ Штаба и въ частности противъ генерала Квинцинскаго. Судъ этотъ былъ своеобразный турниръ между фронтовымъ и тыловымъ офицерствомъ. Своего адъютанта защищалъ самъ Мурузи, на сторонѣ обвиненія былъ весь цвѣтъ прокуратуры.

Кончилось это дѣло высылкой изъ Области и Мурузи, и Лерхе.

Ни для кого не было секретомъ, что недовольство фронта тыломъ грозило вылиться до размѣровъ военнаго заговора и зачинщиками, главой этого, называли рядъ извѣстнѣйшихъ фронтовыхъ офицеровъ. Среди нихъ были и высланные. Примѣръ Лерхе не остался безъ подражанія — и всякій ѣдущій въ Архангельскъ фронтовикъ грозился «побить штабныхъ и вообще всякихъ тыловыхъ м-въ».

Таково было настроеніе фронтового офицерства, и чтобы понять его, надо остановиться на высшемъ командномъ составѣ. Но прежде небольшое замѣчаніе. Въ оцѣнкѣ личностей весьма легко ошибиться и еще легче поддаться субъективнымъ настроеніямъ. Полковникъ Добровольскій далъ весьма опредѣленныя характеристики. Такъ, по его словамъ, генералъ Миллеръ — это синонимъ всякихъ добродѣтелей, генералъ Квинцинскій — фантазеръ и бюрократъ, а генералъ Марушевскій — полное ничтожество, который интересовался только шпорами. Съ этими характеристиками, вѣроятно, многіе не согласятся. На мнѣніи г-на Добровольскаго вѣроятно отразилось и то, что онъ все время былъ въ Архангельскѣ, откуда и уѣхалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ.

Генералъ Марушевскій, который былъ главнокомандующимъ до іюля 1919 г., по отзыву весьма многихъ офицеровъ, былъ храбрый генералъ, любившій фронтовую обстановку и не чуждавшійся ея. Ему ставятъ въ вину неумѣніе сформировать армію. Но противъ него было много обстоятельствъ, — среди которыхъ присутствіе союзниковъ не на послѣднемъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, имя Марушевскаго связано съ первымъ періодомъ исторіи Области. Уѣхалъ онъ еще до эвакуаціи англичанъ и потому говорить объ его дѣятельности въ настоящей статьѣ не приходится.

Съ именемъ генерала Е. Миллера связанъ весь періодъ — августъ 1919 до февраля 1920 года. Періодъ отъ ухода союзниковъ и до паденія С. О. И такъ какъ по существу онъ былъ военнымъ диктаторомъ Области, и такъ себя и разсматривалъ, какъ ставленникъ Колчака, то тѣмъ большая за все прошедшее лежитъ на немъ отвѣтственность моральная. Большая отвѣтственность. Его характеристика, его обликъ выяснится самъ собою изъ фактовъ, сопутствовавшихъ паденію Сѣверной Области. Здѣсь важно лишь указать, что онъ всецѣло принадлежалъ тылу, такъ какъ на фронтѣ мы его видѣли всего лишь одинъ разъ, да и то въ моментъ полнаго затишья. Находясь въ тылу, онъ былъ всецѣло подъ вліяніемъ «тыловыхъ генераловъ».

Такъ, онъ смѣщаетъ полковника Мурузи. Этотъ послѣдній колоритнѣйшая и интереснѣйшая по своему фигура. Монархистъ крайняго толка, бывшій командиръ Таврическаго полка, аристократъ, онъ вполнѣ усваиваетъ методы веденія гражданской войны. Онъ понимаетъ, сколь важно и настроеніе обывателя крестьянина въ пользу бѣлыхъ, сколь необходима близость къ солдату, та близость, когда онъ начинаетъ васъ считать своимъ. Наконецъ, Мурузи знаетъ, что побѣда на сторонѣ того, кто активенъ. Слѣдуя этимъ убѣжденіямъ, онъ заботится

о населеніи вновь занятыхъ областей, печется о плѣнныхъ красноармейцахъ, въ отношеніи солдатъ онъ примѣняетъ чисто Суворовскіе пріемы простоты въ обращеніи — въ родѣ того, что сажаетъ попутчиковъ солдатъ къ себѣ на дрезину. Онъ идеально храбръ. Въ военной тактикѣ Мурузи проводилъ активное наступленіе чрезвычайно талантливо и умѣло. Всѣ успѣхи на Сѣверѣ связаны съ его именемъ *.

Начавъ операціи на Двинѣ, онъ разбиваетъ непріятеля въ нѣсколько разъ болѣе сильнаго. То же самое и на Желѣзнодорожномъ фронтѣ. Здѣсь онъ въ короткое время беретъ станціи Емцы и Плесецкую, взявъ въ плѣнъ тысячи красноармейцевъ. Солдаты, въ этомъ я убѣдился вполнѣ, его любили и шли за нимъ какъ за вождемъ. Онъ былъ несомнѣнный демагогъ. Умѣлъ сказать во время то, что было пріятно солдатскимъ массамъ. Къ тому же обычно онъ заботился о нихъ даже больше, чѣмъ объ офицерахъ.

Онъ былъ смѣненъ генераломъ Миллеромъ, такъ какъ офиціально считалось, что онъ не повиновался распоряженіямъ Штаба. На фронтѣ же говорили, что его лавры не даютъ покою генералу Миллеру и что послѣдній боится быть замѣненнымъ на своемъ посту княземъ Мурузи.

Талантливый полководецъ, можетъ быть, единственный способный для отстаиванія Сѣверной Области — былъ высланъ изъ ея предѣловъ.

Другой примѣръ — это полковникъ Костанди. Личность, къ которой придется неоднократно возвращаться въ другихъ главахъ моей статьи. Этотъ офицеръ показалъ себя еще во время пребыванія союзниковъ въ Области талантливымъ военноначальникомъ. Его наступленіе на Мурманскомъ фронтѣ было успѣшно проведено въ жизнь. Его переводятъ въ Архангельскъ, и, несмотря на просьбы его о возвращеніи на фронтъ, поручаютъ канцелярскую работу въ тылу.

Вмѣстѣ съ Костанди мы ѣхали, арестованные большевиками, изъ Архангельска въ Москву. И темой для разговоровъ было, конечно, прошлое Сѣверной Области.

«Почему пала Сѣверная Область, причинъ много. Но одна изъ многихъ это то, что генералъ Миллеръ вообразилъ себя Бонапартомъ. Если и не вообразилъ, то хотѣлъ имъ быть. Лавры Колчака, Деникина и другихъ не давали ему спать. Штабной чиновникъ, не любящій и боящійся фронта, онъ рѣшилъ, что можетъ справиться и самъ не хуже другихъ съ большими операціями. Онъ и Квинцинскій — они не терпѣли ни самостоятельности, ни активности. Фронтъ имъ казался шахматной доской. Они позабыли, что война гражданская не похожа, на ту, о которой пишутъ въ учебникахъ стратегіи. Спасти Сѣверную Область, можетъ быть, и не было шансовъ, но можно было бы спасти сотни офицеровъ, которыхъ теперь везутъ на разстрѣлы».

Это мнѣніе я оставляю на совѣсти сказавшаго его.

Было нѣсколько обстоятельствъ, которыя возстановили особенно фронтовое офицерство противъ тыла.

Вскорѣ вслѣдъ за Миллеромъ понаѣхало въ С. О. множество генераловъ. Все это были далеко не боевые генералы — штабные или интенданты. Цѣль ихъ пріѣзда была вполнѣ ясной. Немножко подкормиться и выслать денегъ своимъ

---

* Отнюдь не являясь сторонникомъ, персонально, его политическихъ убѣжденій и его демагогіи, долженъ отдать кн. Мурузи должное. Это яркая, талантливая личность.

семьямъ, живущимъ заграницей. Всѣхъ этихъ генераловъ Миллеръ пріютилъ въ Архангельскѣ. Изъ общаго числа, около двадцати, только пять были на фронтѣ. Остальные? Остальные составляли великодержавный Штабъ. Среди этихъ генераловъ, спеціально вызванныхъ Миллеромъ — былъ генералъ Квинцинскій. Личное впечатлѣніе мое отъ него было самое безличное. Вѣжливый, спокойный человѣкъ. Но трудно было представить себѣ большую нетактичность, какъ назначеніе Квинцинскаго начальникомъ Штаба Главнокомандующаго. И это помимо его личныхъ чертъ, какъ военноначальника. Дѣло въ томъ, что во время Скоропадскаго съ именемъ Квинцинскаго была связана исторія съ плѣненіемъ офицеровъ добровольческой арміи въ «Музеѣ». Я не знаю въ точности этой исторіи, допускаю вполнѣ искренно, что Квинцинскій въ ней совершенно не виновенъ, но офицеры, бывшіе въ Кіевѣ и выданные большевикамъ, частью спаслись и были вывезены послѣдними нѣмецкими эшелонами въ Германію гдѣ жили въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, откуда были вызваны англичанами и попали на Сѣверъ Россіи въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ. Они и обвиняли генерала Квинцинскаго, не прощали ему «Музея» и съ первыхъ же дней предсказывали, что онъ не задумается снова предать офицеровъ и оставить ихъ на растерзаніе большевикамъ.

Сколько разъ мнѣ приходилось слышать на фронтѣ:

«Вотъ увидите, генералъ Квинцинскій насъ выдалъ въ Кіевѣ, выдастъ и теперь».

Въ февралѣ 1920 года, за недѣлю до паденія Области, по требованію арміи, Квинцинскій былъ уволенъ Миллеромъ. Но былъ уволенъ только на бумагѣ, фактически же оставался начальникомъ Штаба и управлялъ эвакуаціей сѣверныхъ войскъ.

Другое обстоятельство, вызвавшее еще большій антагонизмъ между фронтомъ и тыломъ было тоже первостепенной важности. Оно касалось вопроса «эвакуироваться ли вмѣстѣ съ англичанами?»

Когда англійское командованіе получило офиціальное предписаніе изъ Лондона объ уводѣ британскихъ войскъ, то оно, въ особенности генералъ Айронсайдъ, настаивали на томъ, чтобы вмѣстѣ съ англичанами ушли и русскія войска и всѣ тѣ, кому опасно было оставаться при большевикахъ. Англичане въ защиту этого выставляли «безполезность отстаиванія Сѣверной Области и даже невозможность этого и неизбѣжность ея паденія». Они указывали на тѣ возстанія, которыя имѣли мѣсто въ продолженіе іюля 1919 года почти во всѣхъ полкахъ Сѣверной Области (возстанія или же заговоры), во всѣхъ, кромѣ партизанскихъ, добровольческихъ частяхъ. Подчеркивали безразличность населенія, большевизмъ рабочаго класса и части крестьянства. — Однимъ словомъ, они изображали довольно вѣрно то положеніе, что имѣло мѣсто на Сѣверѣ.

Вызванные представители фронта въ большинствѣ своемъ выразили мнѣніе, что англичане правы и что защищать С. О. собственными силами невозможно. Надо или эвакуироваться вмѣстѣ съ англичанами, или же увести войска на Мурманскъ, сократив тѣмъ самымъ фронтъ въ десятки разъ и обезпечивъ себѣ возможность спастись въ Финляндію.

Полковникъ Костанди, знавшій условія жизни Сѣвернаго края, указывалъ, что если эвакуироваться на Мурманскъ, то это необходимо сдѣлать до осени,

такъ какъ зимою «отступать будетъ некуда и вся сѣверная армія станетъ добычей большевиковъ».

Рядъ фронтовыхъ начальниковъ частей весьма категорически высказались «за эвакуацію съ англичанами».

Настроеніе большинства офицеровъ вполнѣ этому отвѣчало. Несмотря на успѣшное наступленіе, у фронтовыхъ офицеровъ настроеніе было «обреченное». Такъ казалось и мнѣ. Неоднократно говорили они между собой — «нѣтъ будущаго», «попадемъ въ руки большевиковъ», «станемъ добычей красныхъ».

Одинъ изъ немногихъ — князь Мурузи считалъ, что никогда не слѣдуетъ терять надежду, надо вѣрить въ себя.

Несмотря на мнѣніе, опредѣленное и единодушное, о необходимости ликвидировать сѣверный фронтъ и «не продолжать эту авантюру», Штабъ рѣшилъ иначе. Генералъ Миллеръ, пользуясь своей властью главнокомандующаго и представителя Колчака, выслушавъ мнѣніе и настроеніе фронта — постановилъ защищать Сѣверную Область. Въ этомъ рѣшеніи съ нимъ солидаризировался и начальникъ его штаба генералъ Квинцинскій, который былъ ярымъ сторонникомъ защиты Области «до послѣдней капли крови».

Декларація генерала Миллера — оставаться въ Сѣверной Области была встрѣчена весьма угрюмо фронтомъ, который расцѣнивалъ это какъ «бонапартизмъ тыловыхъ генераловъ, которые на крови фронта хотятъ построить свою славу».

Послѣ этого, все время жизни С. О. до самаго ея паденія, этотъ антагонизмъ все росъ и росъ. Насколько онъ былъ великъ показываетъ то обстоятельство, что тыловики не рисковали даже пріѣзжать на фронтъ, такъ какъ тамъ ихъ обѣщали «вывести въ расходъ».

Это нисколько не смущало тылъ. Жизнь въ Архангельскѣ шла своимъ чередомъ. Торжественные обѣды, гостями которыхъ бывалъ весь генералитетъ, смѣнялись одинъ за другимъ.

IV

Населеніе. Его настроенія

Говоря о настроеніи фронтовыхъ офицеровъ, я сказалъ, что они чувствовали себя обреченными. Настроеніе мѣстнаго населенія было иное, и оно лучше всего сказалось въ дни объявленія англичанами эвакуаціи.

Я положительно утверждаю, что иного мнѣнія у самыхъ широкихъ и самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія не было, какъ то, что:

«Большевики придутъ».

«Англичане уйдутъ, а они придутъ».

Только нѣкоторые изъ руководителей мѣстной демократіи и интеллигенціи надѣялись на «авось». Но и эта надежда у нихъ была какая то слабая и робкая.

Помню, въ эти дни былъ митингъ въ городскомъ саду. Выступали различныя офиціальныя и неофиціальныя лица съ призывомъ:

«Теперь, наконецъ, уходятъ англичане и наше національное самосознаніе можетъ быть довольно.

Граждане, записывайтесь въ добровольцы!»

Однако, этотъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Никто не записывался. Никто не шелъ добровольно. Наоборотъ, тотъ, кто не былъ связанъ съ Сѣверомъ, записывался къ англичанамъ на эвакуацію — несмотря на строжайшее запрещеніе покидать Сѣверную Область.

Странное впечатлѣніе осталось у меня отъ настроеній населенія Сѣвера. Пока англичане были въ Области, общій голосъ — была ругань противъ англичанъ. Казалось, всѣ бѣды и неурядицы въ Области порождены ими. И вотъ, уходъ англійскихъ войскъ рѣшенъ, объявленъ. И всѣ считаютъ истиной непреложной, что безъ англичанъ Область существовать не можетъ, что непремѣнно придутъ большевики.

Въ кулуарахъ Земско-Городского Совѣщанія, тогда собравшагося, происходили любопытнѣйшіе разговоры.

Офиціально объявлялось, что Область крѣпка и большевики не страшны. Такія декларацiи вотируются единогласно. И тутъ же, тѣ, кто вотировалъ, дѣлятся между собою замѣчаніями.

«А вѣдь плохо. За англичанами жили какъ за каменной стѣной».

«Да, спокойно было. А теперь того и гляди, что придутъ красные».

«А наши войска?»

«Наши войска! Скажите еще: наши мужички! Да имъ все равно — большевики, не большевики, бѣлые, красные. Только бы не трогали».

И сталкиваясь съ жителями Архангельска: съ купцами, интеллигентами, рабочими — у всѣхъ встрѣчалъ и одинаковую оцѣнку положенія. Здѣсь не было даже много логики, не было разсужденій, была лишь вѣра въ то, «что иначе быть не можетъ. Англичане уйдутъ — придутъ большевики».

И на мои неоднократные вопросы, требовавшіе разъясненій: «почему придутъ?», отвѣчали съ досадою: «нельзя говорить». Слишкомъ для всѣхъ было ясно — «иначе не можетъ быть».

Получался тупикъ. Непроходимый и всесильный.

Какъ же относились жители Сѣвера къ неизбѣжности участи своей страны и къ приходу большевиковъ?

Крестьяне, если исключить такъ называемые партизанскіе уѣзды, были въ общей своей массѣ настроены пассивно и даже миролюбиво къ большевикамъ. Они не строили особыхъ иллюзій насчетъ большевиковъ. Ибо земли отъ послѣднихъ они не ждали, а о реквизиціяхъ и насиліи слыхали и только отчасти вѣрили имъ. Но они были убѣждены, что съ паденіемъ Сѣвернаго фронта ликвидируется гражданская война, вернутся изъ армій ихъ сыновья и братья. И кромѣ того, большевики въ ихъ представленіи рисовались какъ «свои».

Осторожно, нехотя говорили крестьяне, наученные опытомъ. Они не любили болтать лишнее.

Спрашиваешь: «А вѣдь, если придутъ большевики, плохо будетъ?»

«А кто его знаетъ. Говорятъ одни, что плохо, а другіе — хорошо. А намъ что, — наше дѣло сторона».

Доминирующимъ настроеніемъ большинства крестьянъ была пассивность. И, хотя въ большинствѣ своемъ они не пережили и не изжили большевизма, но многіе думали, что и вообще сѣверному крестьянину большевизмъ относительно чуждъ.

И только поскольку онъ усталъ отъ войны и думалъ, что «миръ дастъ большевикъ» — онъ и сочувствовалъ неизбѣжному концу Сѣверной Области.

Отличныя настроенія были у крестьянской интеллигенціи: она была настроена опредѣленно и рѣзко противобольшевистски. И не только была противобольшевиствующей, но и стояла за активную защиту Сѣверной Области противъ красныхъ. Только впослѣдствіи, передъ самымъ паденіемъ Сѣверной Области появились и въ этихъ кругахъ нѣкоторыя колебанія, тенденціи, пропитанныя миролюбіемъ по отношенію къ большевикамъ.

Рабочіе круги Архангельска принадлежали къ элементамъ, наиболѣе неудовлетвореннымъ политическимъ бытомъ въ Области. Вначалѣ, во времена Верховнаго Управленія, они способствовали не мало сверженію большевиковъ, но постепенно, все болѣе и болѣе росло ихъ недовольство. Это послѣднее явилось слѣдствіемъ преслѣдованія властями профессіональныхъ союзовъ, массовыхъ арестовъ, высылокъ на Печору, кой-гдѣ незаконныхъ и безъ суда, разстрѣловъ военными властями оппозиціонно настроенныхъ рабочихъ. Послѣдней каплей, отбросившей окончательно рабочихъ отъ власти С. О., была организація Миллеромъ своеобразной каторги — на Іохангѣ, необитаемомъ Мурманскомъ берегу. Посланные туда въ большомъ количествѣ административнымъ порядкомъ, рабочіе были въ большинствѣ своемъ не большевики, а безпартійные. Они гибли тамъ отъ цынги, холода, избиваемые начальникомъ тюрьмы Судаковымъ. Объ этой каторжной тюрьмѣ мнѣ придется еще разсказать подробнѣе: это одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ въ исторіи Сѣверной Области. Мнѣ, увы, пришлось съ ней столкнуться чрезвычайно близко и въ условіяхъ для меня кошмарныхъ.

Съ рабочими Архангельска повторилась та же исторія, что происходила по неизмѣнному трафарету на всѣхъ «бѣлыхъ» окрайнахъ. Сначала рабочіе привѣтствовали новую власть, потомъ постепенно росло у нихъ оппозиціонное настроеніе, и въ концѣ концовъ они желали уже одного: прихода большевиковъ.

Были ли архангельскіе рабочіе большевиками или большевиствующими? Въ общей своей массѣ, конечно, нѣтъ. Большевиковъ среди нихъ почти не было. Это лучше всего видно изъ того обстоятельства, что съ приходомъ совѣтской власти большинство лидеровъ рабочихъ было взято подъ подозрѣніе Совѣтскимъ Правительствомъ и присланы были владѣть и управлять сѣвернымъ краемъ большевики изъ Петрограда.

За время моего пребыванія въ С. О. мнѣ пришлось очень мало сталкиваться съ рабочими, и то въ дни, предшествовавшіе паденію Архангельска, — но впечатлѣніе у меня осталось опредѣленное и несомнѣнное — большевизма настоящаго въ рабочихъ массахъ не было, а было недовольство политическими репрессіями и желаніе, болѣе пассивное, чѣмъ активно-выраженное, совѣтско-пролетарскаго правительства.

И мое удивленіе было не малое, когда послѣ паденія С. О. мнѣ пришлось встрѣтиться съ прославленными военной властью за ярыхъ большевиковъ Бечинымъ, Клиневымъ и другими, и убѣдиться, что не только они — безпартійны или меньшевистски настроены, но что и они немного побаиваются большевиковъ «изъ центра». А побаивались они ихъ вполнѣ резонно, такъ какъ числились за ними такіе грѣхи, какъ оборончество и поддержка бѣло-гвардейцевъ.

Весь 1919 годъ настроеніе рабочихъ было пассивно-оппозиціонно. Ни въ чемъ ихъ оппозиціонность не проявлялась, и лишь когда стало ясно, что С. О. близка къ паденію, начались митинги на заводахъ и фабрикахъ. Но и эти

митинги были какіе то робкіе; казалось, что рабочая масса не вполнѣ была увѣрена въ томъ, что большевики имъ принесутъ счастье.

Ко всему прочему не лишне отмѣтить тотъ фактъ, что рабочаго класса, какъ класса, въ Архангельскѣ почти не было, въ сравненіи съ другими двумя группами населенія: крестьянствомъ и мѣщанствомъ-купечествомъ — рабочіе были весьма не многочисленны, слабы, не организованы и ихъ настроеніе, какъ бы оно ни было большевиствующимъ, не могло играть, да и не играло роли въ судьбахъ Области.

Настроеніе же обывателей заслуживаетъ описанія. Я не знаю, каково оно было при занятіи Области союзниками. Вѣроятно, была радость, но умѣренная и отнюдь не бурная. Я же засталъ Архангелогородцевъ въ состояніи совершеннѣйшаго и глубочайшаго безразличія къ судьбамъ Сѣверной Области. Словно все это — и защита Области, и уходъ союзниковъ, и возможный приходъ большевиковъ, меньше всего касалось именно ихъ. Угрюмые по своей природѣ, смѣсь великороссовъ съ мѣстными туземными полярными племенами — архангелогородцы живутъ замкнуто, чуждаясь общенія, не тяготѣя нисколько къ общественности.

Чѣмъ они интересуются? Что ихъ волнуетъ, спрашивалъ я мѣстныхъ старожиловъ, изъ бывшихъ ссыльныхъ. — «Богъ ихъ знаетъ».

Дѣйствительно, театръ на половину пустовалъ, даже тогда, когда игралъ В. Давыдовъ; концерты и собранія заполнялись почти исключительно пріѣзжими, попавшими въ Архангельскъ уже во время большевизма.

Происходила курьезная вещь: защищали Область, управляли ею, дѣлали высшую и прочую политику люди чуждые, далекіе Сѣверному краю, пріѣхавшіе изъ Парижа, Финляндіи и Совдепіи.

Крестьянство дало солдатъ. Но городъ Архангельскъ упрямо и настойчиво отклонялъ всякое привлеченіе его къ судьбамъ Области. Я говорилъ уже, что на призывъ Главнокомандующаго и на декларацію Земско-Городского Совѣщанія о необходимости поступать добровольно въ армію не откликнулся никто: записались два-три гимназиста и только. Національное же ополченіе, организованное по почину Городецкаго и Мефодіева, членовъ Правительства и мѣстныхъ аборигеновъ — вылилось въ концѣ концовъ въ затѣю, дорого обходившуюся и безполезную. Посланные на фронтъ ополченцы тотчасъ же утекали оттуда въ тылъ, подъ самыми благовидными предлогами, заполняя лазареты, эвакуаціонные пункты и санитарные поѣзда.

Можно было прійти въ отчаяніе отъ такой пассивности тѣхъ, кто, казалось, долженъ былъ быть въ центрѣ борьбы, являться ея стимуломъ.

На упреки, бросаемые мѣстному купечеству, что оно интересуется только цѣнами на треску, что оно спекулируетъ англійскими товарами и мѣхами, оно спокойно въ свою очередь спрашивало: «А мы развѣ просили васъ приходить защищать насъ отъ большевиковъ. Намъ и съ ними было не скверно. Но, конечно, съ союзниками лучше».

Обыватели были какъ будто довольны пребываніемъ союзниковъ въ Области, они чувствовали себя за ними, какъ «за каменной стѣной».

Но когда была объявлена эвакуація англичанъ, то архангелогородцы немного поволновались, понервничали, пытались упрашивать союзниковъ остаться, но скоро успокоились. Настолько успокоились, что рѣдко кто изъ мѣстныхъ жителей поѣхалъ съ англичанами: уѣхалъ главнымъ образомъ пришлый элементъ и нѣсколько семействъ мѣстныхъ богачей. Меньше всего вѣрили архангелогородцы

въ прочность сѣвернаго фронта и въ возможность защиты Сѣверной Области собственными россійскими силами. Для нихъ не было сомнѣній, что «придутъ большевики». И купецъ, и мелкій мѣщанинъ говорили съ одинаковой убѣжденностью, что «большевикъ не можетъ не прійти». «Гдѣ ужъ намъ». Насколько сильна была эта вѣра, показываетъ тотъ фактъ, что еще за четыре мѣсяца до паденія Сѣверной Области, въ дни блестящихъ побѣдъ на Желѣзнодорожномъ фронтѣ, въ Архангельскѣ началась скупка Совѣтскихъ денегъ, а также керенокъ, при чемъ ихъ расцѣнивали по весьма высокому курсу. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ набросились на мѣха, стали ихъ покупать только, чтобы сбыть сѣверныя деньги «Чайковскіе» и «Моржовки». — «Придутъ большевики, куда мы ихъ дѣнемъ?»

Много и съ разнообразными лицами приходилось мнѣ говорить за шесть мѣсяцевъ, отдѣлявшихъ уходъ союзниковъ отъ времени паденія Области, и ни разу я не слышалъ ни одного слова увѣренности въ томъ, что возможна побѣда сѣвернаго фронта. Пассивность и непобѣдимая вѣра въ приходъ большевиковъ царили среди обывателей Архангельска.

И здѣсь имѣло мѣсто обстоятельство привходящее: архангелогородцы не только не боялись большевизма, но до извѣстной степени, въ части своей, приходу большевиковъ почти сочувствовали. Не испытавшіе, не пережившіе большевизма во всѣхъ его проявленіяхъ, мѣстные обыватели были почему то увѣрены, что большевизмъ переродился, что «онъ совсѣмъ сталъ хорошимъ».

Не разъ приходилось въ одномъ весьма богатомъ домѣ А-выхъ, исконныхъ жителей Архангельска, слышать недовѣріе къ моей отрицательной характеристикѣ большевиковъ.

«Да это все было . . . А теперь большевики стали серьезнѣе. Не звѣри же они. Сами понимаютъ, что на крови далеко не уѣдешь».

Надо ли говорить, какой жестокій урокъ получили архангельцы отъ большевиковъ?

Таковы были настроенія въ Области: колеблющееся у крестьянъ, сочувствующе-большевиствующее у рабочихъ и пассивное у обывателей.

Эти настроенія отнюдь не способствовали укрѣпленію тыла, и не давали поводовъ къ вѣрѣ въ лучшее будущее.

Для большинства фронтовиковъ отъ этого еще мучительнѣе становилось. Вопросъ: «Да для чего же мы защищаемъ Область, проливаемъ кровь, мы — чужаки, когда мѣстные жители — въ лучшемъ случаѣ — пассивно-доброжелательны».

V

Генералъ Миллеръ и правительство

Не разъ на страницахъ оппозиціонно настроенной къ Правительству прессы ставился вопросъ: да существуетъ ли у насъ Правительство?

Этотъ вопросъ отнюдь не былъ риторическимъ и самая его постановка отнюдь не была излишней.

Какъ извѣстно, и какъ мною уже было упомянуто въ началѣ настоящей статьи — Верховное Управленіе, состоявшее изъ членовъ Учредительнаго Собранія сѣверныхъ губерній, было арестовано капитаномъ Чаплинымъ. По требованію населенія, главнымъ образомъ крестьянъ, члены означеннаго Управленія были вскорѣ же освобождены, и Чаплинъ получилъ «назначеніе» (онъ былъ Командующимъ Войсками С. О.) на Двину. Но исторія этимъ не кончилась. Подъ вліяніемъ англичанъ, при слабой оппозиціи американскаго посла Френсиса, произошла реконструкція власти въ смыслѣ ея поправѣнія и обезличенія. Позиція англичанъ была опредѣленной: диктатура военной власти, какъ единственно умѣющей «твердо править». Но пока такая диктатура не было еще реализована, англичане помирились на Правительствѣ слѣдующаго состава: Предсѣдатель Н. В. Чайковскій, члены: И. Зубовъ, д-ръ Мефодіевъ, Городецкій, кн. Куракинъ и М. Федоровъ. Изъ нихъ фигурой, съ которой считались и союзники, и населеніе, былъ только Н. В. Чайковскій. И пока онъ былъ въ Области, Правительство въ значительной мѣрѣ себя проявляло. Правда, не безъ конфликтовъ и справа и слѣва.

Въ началѣ 1919 года Чайковскій уѣхалъ, и съ его отъѣздомъ Правительство оказалось всецѣло подъ давленіемъ англичанъ и тѣхъ, кто послѣдними управлялъ. Правительство этого состава не импонировало и не могло импонировать ни одной группѣ населенія, и, какъ слѣдствіе этого, съ нимъ перестало считаться и англійское командованіе.

Причины къ этому слѣдующія.

Въ Правительствѣ не было никого изъ демократическихъ элементовъ, ставленниковъ Земства, крестьянъ, или рабочихъ. Ибо, хотя М. М. Федоровъ и считался сочувствующимъ эсерамъ, но въ дѣйствительности онъ былъ далекъ отъ партіи эсеровъ и на нее во всякомъ случаѣ не опирался. Въ Правительствѣ онъ занималъ лѣвую позицію — нерѣдко воздерживаясь отъ голосованій ряда постановленій. Остальные члены Правительства не только не возглавляли какихъ либо политическихъ партій, или группъ населенія, но нѣкоторые изъ нихъ были «чужаками», пріѣзжими, имя которыхъ ничего не говорило населенію.

Отличительной чертой, совершенно обезцѣнивающей это Правительство была удивительнѣйшая пассивность членовъ ея, и въ частности предсѣдателя Зубова, какъ «носителя власти». Петръ Юльевичъ Зубовъ, милѣйшій и культурнѣйшій человѣкъ, настоящій чеховскій интеллигентъ. Не рѣдко повторялъ онъ, и съ превеликой искренностью, «что мы за властью не гоняемся», «пусть приходятъ другіе», «да къ тому же все это здорово надоѣло». Аналогичныя настроенія были и у М. Федорова. Кн. Куракинъ уѣхалъ въ Сибирь. Др. Мефодіевъ, повидимому, болѣе интересовался своей практикой, чѣмъ правительственными дѣлами. Все это не могло служить къ укрѣпленію власти или къ поднятію ея авторитета. Но это было на руку военной власти. Все это подготавливало военную диктатуру.

Еще при Чайковскомъ пріѣхалъ генералъ Миллеръ, который, пока Марушевскій оставался Командующимъ, получилъ постъ Генералъ-Губернатора съ подчиненіемъ ему Управляющаго внутренними дѣлами. Послѣднимъ былъ назначенъ В. И. Игнатьевъ, нар.-соц., человѣкъ дѣльный и энергичный, но страдавшій совершенно несоразмѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ. Эти качества, испортившія ему отношенія съ англичанами, помѣшали ему объединить вокругъ себя демократическіе элементы и въ концѣ концовъ, не получая ни откуда поддержки, онъ былъ уволенъ отъ своей должности и уѣхалъ къ Колчаку.

Подчиненіе гражданской власти военной и смѣшеніе ихъ не только въ центрѣ но и на мѣстахъ, повлекло за собою безконечныя неурядицы и недовольство со стороны населенія. Нерѣдко были высылки въ административномъ порядкѣ, производимыя Генералъ-Губернаторомъ собственной властью. Такъ, сотни рабочихъ были высланы въ сентябрѣ на Іохангу.

Такъ же широко практиковались военно-административныя заключенія въ тюрьму, реквизиціи и другія вмѣшательства въ гражданское управленіе краемъ. Все это подрывало и безъ того не высоко стоящій престижъ гражданской власти. Часто слышалось — «все зависитъ отъ Миллера». И это соотвѣтствовало дѣйствительности. Къ этому же времени, чтобы еще болѣе ограничить кругъ дѣятельности гражданскаго управленія — при генералѣ Миллерѣ, какъ при генералъ-губернаторѣ была образована «Особая Гражданская часть». Начальникомъ этой послѣдней былъ назначенъ Миллеромъ молодой человѣкъ К. П. Шабельскій, человѣкъ опредѣленныхъ, весьма правыхъ убѣжденій и столь же опредѣленныхъ тенденцій. И само собой, что въ рукахъ этого послѣдняго фактически сосредоточилось все управленіе гражданской частью Края. Управляющій внутренними дѣлами былъ въ полнѣйшей зависимости отъ Шабельскаго, и дѣла, даже не особенно важныя, требовали разрѣшенія самого генерала Миллера.

Такимъ образомъ, съ одной стороны Правительство, по своей слабости и безличности, находилось въ рукахъ генерала Миллера, какъ члена Правительства, а гражданская часть подчинялась ему, какъ генералъ-губернатору. Все это по существу создавало въ краѣ власть военныхъ, то что называется «военная диктатура» и что, конечно, весьма опредѣленно и ясно сознавалось различными кругами населенія. Одни были недовольны и считали, что «такую власть надо убрать», другіе, наоборотъ, были рады и полагали, что именно — «диктатура военная и можетъ удержать Область въ рукахъ у бѣлыхъ».

Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться къ положенію, что для побѣды необходима диктатура. Для меня стало болѣе чѣмъ очевиднымъ, что сила большевиковъ не только въ ихъ активности, которой были лишены ихъ противники, но и въ твердой, не отступающей ни передъ чѣмъ, властью. Но если твердая власть и есть необходимое условіе для побѣды, то во всякомъ случаѣ не ею одной куется послѣдняя. Чего, чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многихъ другихъ качествъ, которыя были у того, кому они хотѣли подражать — у Наполеона. Бонапартизмъ русскихъ генераловъ рѣшительно не того качества, которое способно было бы принести имъ побѣду. Ибо для нихъ все начиналось съ твердой власти и кончалось ею же. При чемъ часто они довольствовались лишь внѣшнимъ проявленіемъ этой твердости.

За два дня до паденія С. О. на улицахъ Архангельска меня остановилъ генералъ Х. и началъ распекать за то, что я не отдалъ ему чести. (Я былъ въ военной формѣ.) «Хотя Вы членъ Правительства и писатель, но честь вы мнѣ должны отдавать. Захочу — и посажу Васъ на гауптвахту». Я молчалъ. Хотя, правда, даже чисто формально, вина была не на моей сторонѣ. Было темно. Свирѣпствовала снѣжная буря. А я шелъ въ сторонѣ, перегоняя генерала Х. Видѣть его я рѣшительно не могъ. Однако, онъ меня замѣтилъ и догналъ, и распекъ.

Это чрезвычайная мелочь. Но такой мелочью полна вся исторія военныхъ диктатуръ на сѣверѣ, на югѣ и въ Сибири. Погоня за призракомъ твердой власти, а не за ней самой, не затѣмъ, чтобы быть сильными, а чтобы казаться таковыми. И генералъ Миллеръ, который среди другихъ генераловъ выдѣлялся сравнительной культурностью, тѣмъ не менѣе былъ типичнымъ «россійскимъ военнымъ диктаторомъ». Онъ стремился къ «окруженію и оформленію» своей власти, мало заботясь о фундаментѣ, на которомъ она зиждется. Онъ самъ неоднократно, а особенно его помощникъ Шабельскій, допускали нетактичности въ отношеніи политическихъ, демократическихъ группъ С. О., и это несмотря на то, что именно эти группировки были особенно сильны. Рядомъ поступковъ онъ и его помощникъ во имя твердой власти совершенно разрушали внутреннее рѣшеніе и единство, что и является условіями, необходимыми для подлинной твердой власти.

Исторія россійскихъ военныхъ диктатуръ показываетъ, что тѣ, кто ставили на нее ставку, были глубоко неправы. Условія гражданской войны требуютъ отъ ея вождей тѣхъ качествъ, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуютъ широкаго ума, умѣнія понять интересы и желанія населенія, умѣнія повести ихъ за собой — и все это наряду съ существенно необходимымъ талантомъ стратегическимъ.

Примѣръ большевиковъ показалъ, что русскій генералъ хорошъ тогда, когда его роль ограничивается исполненіемъ. Они могутъ быть только, но не болѣе, чѣмъ правая рука диктатора, — послѣднимъ можетъ быть отнюдь только не россійскій генералъ.

Но интеллигентъ русскій — преисполненный пассивности, въ эти годы гражданской войны не могъ этого понять. Находясь подъ гипнозомъ ореола генеральскихъ погонъ, онъ уступаетъ безъ сопротивленія, часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть.

Такъ было на Волгѣ, когда отдали всю власть ген. Галкину, такъ было въ Сибири, то же произошло и на Сѣверѣ.

Процессъ кристаллизаціи твердой военной власти, который имѣлъ мѣсто на Сѣверѣ — отвѣчалъ желаніямъ англичанъ и находилъ въ нихъ во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ поддержку и одобреніе. Но вотъ рѣшенъ уходъ англичанъ. Послѣдніе, какъ я уже говорилъ, предлагали русскому командованію тоже эвакуироваться. Этотъ моментъ совпадаетъ съ появленіемъ извѣстной холодности между русскимъ и англійскимъ генералитетомъ. И тогда совершенно неожиданно генералъ Айронсайдъ находитъ, что нужно реорганизовать Правительство, что — необходимо, чтобы оно было болѣе демократично, вотъ «какъ у насъ въ Англіи». Благодаря этому — Земско-Городское Совѣщаніе, созывъ котораго откладывался правительствомъ съ мѣсяца на мѣсяцъ — было созвано. На настроеніи этого Совѣщанія и его постановленіяхъ придется остановиться въ слѣдующей главѣ — здѣсь замѣчу только то, что оно было довольно оппозиціонно, требовало «совершенно другого Правительства», но въ концѣ концовъ согласилось на слѣдующій составъ: генералъ Миллеръ, П. Зубовъ, Багриновскій (бывшій городской голова Архангельска), Цапенко, М. Федоровъ и безъ портфеля два эсера П. Скомороховъ и Едовинъ. При этомъ личностью боевой, твердой, пользующейся большимъ вліяніемъ въ земскихъ кругахъ — былъ П. Скомороховъ.

Но это Правительство, хотя оппозиція и была въ меньшинствѣ, оказалось не совмѣстимымъ съ принципами «военной диктатуры».

Разойдясь съ Миллеромъ въ вопросахъ объ амнистіи и объ упорядоченіи гражданскихъ правъ, оппозиція, иначе — ставленники Земско-Городского Совѣщанія — Скомороховъ и Едовинъ — вскорѣ послѣ рабочей забастовки, — вышли изъ состава Правительства. И послѣднее стало однобокимъ.

Къ этому времени уѣзжаютъ англичане, а не задолго до того получается распоряженіе, отъ уже агонизировавшаго Колчака, объ упраздненіи Временнаго Правительства Сѣверной Области и объ управленіи послѣдней генераломъ Миллеромъ. Это распоряженіе пришло въ отвѣтъ на признаніе правительствомъ С. О. — Колчака, какъ Верховнаго Правителя.

Предложеніе «самоупраздниться» было поставлено на обсужденіе правительства, вѣрнѣе той его части, что осталась за уходомъ оппозиціи. Рѣшительно возражали противъ самоупраздненія Багриновскій и Федоровъ. Зубовъ относился пассивно.

По причинамъ чисто формальнымъ не послѣдовало проведеніе въ жизнь распоряженія изъ Омска. Ибо разразившаяся катастрофа ставила генерала Миллера въ неудобное положеніе, лишая его послѣдней опоры. И вопросъ остался висѣть въ воздухѣ. Правительство изрѣдка собиралось, обсуждало кое какія дѣла, но не имѣло уже даже и тѣни авторитета.

Въ газетахъ прямо писалось, что «Правительства у насъ, слава Богу, нѣтъ, а есть Главнокомандующій». Побѣды на фронтѣ еще болѣе укрѣпили военную диктатуру, сведя совершенно на нѣтъ гражданскую власть. Она была и не была. Управляющіе отдѣльными вѣдомствами являлись съ докладами не къ Зубову, который былъ предсѣдателемъ Правительства, а къ Миллеру. Все дѣлалось по указаніямъ и по волѣ послѣдняго.

Багриновскій, который былъ управляющимъ внутренними дѣлами, чувствовалъ себя, какъ онъ потомъ заявилъ мнѣ, «совершенно безсильнымъ и ненужнымъ». Онъ былъ только чиновникомъ и больше ничего.

Общественное мнѣніе, демократія и политическія партіи, повидимому, считались какъ съ совершившимся фактомъ съ упраздненіемъ Временнаго Правительства С. О. и окончательнымъ укрѣпленіемъ военной диктатуры.

Такъ продолжалось четыре мѣсяца, до того времени, когда паденіе Области стало очевиднымъ, когда оно стало фактомъ завтрашняго дня.

Тогда генералъ Миллеръ снова обратился къ общественности и вспомнилъ о правахъ Правительства.

VI

Демократія. Ея позиціи

Архангельскъ издавна имѣлъ репутацію города демократическаго съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону соціалистическихъ настроеній. Это объяснялось и большимъ количествомъ старыхъ ссыльныхъ, послѣ срока своей ссылки оставшихся въ городѣ, а также и характеромъ сѣверныхъ жителей — не испытавшихъ крѣпостного права, привыкшихъ къ свободѣ и къ независимости. Дворянство на сѣверѣ также отсутствовало. Чиновничество же было относительно немногочисленно и нерѣдко пополнялось изъ бывшихъ ссыльныхъ. Эта демократичность

интеллигенціи мѣстнаго населенія въ то же время какимъ то причудливымъ образомъ сочеталась съ угрюмостью, нелюдимостью, и даже съ какой то антиобщественностью, о которыхъ я выше упоминалъ.

Съ приходомъ союзниковъ и съ пріѣздомъ въ Область большого количества «чужаковъ», нахлынувшихъ сюда изъ Совдепіи и изъ заграницы, — образовались и правыя группировки. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, группа Е. Семенова, издававшаго газету «Отечество», получали поддержку отъ Главнокомандующаго.

Довольно вліятельной была группа мѣстныхъ кадетовъ, объединявшая дѣловую интеллигенцію и купечество, но и у этой группы, издававшей недурную газету «Русскій Сѣверъ», не было большой связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Демократическія партіи были представлены эс-ерами и эс-деками. Но послѣдніе были чрезвычайно немногочислены, имѣли только десятки членовъ среди рабочихъ и единицы среди обывателей, не имѣли собственнаго органа и въ большинствѣ сотрудничали въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера». Послѣдняя офиціально была безпартійно-соціалистической, но фактически принадлежала эс-ерамъ.

Соціалисты-революціонеры представляли собою на Сѣверѣ безусловную силу, имѣли значительныя связи въ уѣздахъ и многочисленныхъ сторонниковъ въ партизанскихъ отрядахъ, особенно Шенкурскаго Уѣзда. Эти связи и вліянія, несомнѣнныя въ 1918 году, ко времени паденія Сѣверной Области въ нѣкоторой степени уменьшились. Произошло это благодаря расхожденію въ вопросахъ тактики лидеровъ эс-еровъ и сочувствующихъ эс-эрамъ массъ.

Дѣло въ томъ, что со временъ еще Верховнаго Управленія платформа мѣстныхъ эс-еровскихъ круговъ была близка къ «Союзу Возрожденія», и они стремились къ совмѣстной работѣ съ мѣстными несоціалистическими элементами. Ихъ общая политика была настолько напрямикъ соглашательская, что они не выступали противъ Колчака даже тогда, когда Парижскіе и Московскіе эс-еры дѣлали это весьма рѣзко и опредѣленно. Въ области внутреннихъ отношеній, несмотря на видимое тяготѣніе военной власти къ автодиктатурѣ, мѣстные эс-еры поддерживали мѣропріятія военнаго командованія. И если и не поддерживали, то и не протестовали. На этой почвѣ возникло прежде всего въ интеллигентскихъ кругахъ, а потомъ и въ крестьянствѣ недовольство. Тѣ настаивали на реорганизаціи Правительства, на томъ, чтобы Правительство въ С. О. было демократическимъ, «своимъ», противъ этого рѣшительно возражали руководящіе круги. Для нихъ казался единственно правильнымъ въ данный моментъ лозунгъ «единый противобольшевистскій фронтъ». Во имя сохраненія этого лозунга они шли на большія уступки. Такъ, даже послѣ осужденія Бечина, Клюева и пр., выступавшихъ съ открытой критикой Правительства, не прекратилась поддержка послѣдняго демократическими кругами и газетой «Возрожденіе Сѣвера». На вопросъ, предлагаемый съ мѣстъ, почему демократія не беретъ власть въ свои руки, былъ неизмѣнный отвѣтъ, что «это нарушитъ единый противобольшевистскій фронтъ и что этому мѣшаютъ союзники». Дѣйствительно, какъ мы видѣли, англичане держали свою линію поведенія по пути къ военной диктатурѣ и всякое требованіе, желаніе или просьба со стороны демократическихъ круговъ Сѣвера, встрѣчали у нихъ оппозицію. Это касалось и демократизаціи Правительства, и созыва Земско-Городского Совѣщанія, и упорядоченія судопроизводства. И все-таки, хотя это все и было, но главное что побуждало лидеровъ къ «соглашательству» — было желаніе удержать единый фронтъ.

Позиція Архангельскихъ эс-еровъ во многомъ совпадала съ мнѣніемъ, которое въ то время защищалъ Н. В. Чайковскій въ Парижѣ.

Слѣва, нѣкоторые недовольные не разъ ставили вопросъ руководящимъ демократическимъ кругамъ Архангельска.

«Почему вы поддерживаете военное командованіе?»

«Почему вы ему фактически подчиняетесь, хотя имѣете полную возможность подчинить его своей волѣ?»

Отвѣтъ былъ неизмѣненъ и очень похожъ на тотъ, что давали извѣстные демократическіе круги и на Югѣ Россіи, и въ Сибири, и на Украинѣ.

«Мы не за диктатуру, но мы за твердую военную власть. Только она можетъ спасти Область. Если мы возьмемъ власть, а это мы сейчасъ не можемъ изъ за англичанъ, то военное командованіе и офицерство откажется идти за нами и въ итогѣ будетъ разложеніе арміи, разрушеніе фронта и паденіе Области».

Оппозиція слѣва, состоявшая изъ отдѣльныхъ соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, ни въ чемъ себя не проявляла, кромѣ критики позиціи руководящихъ лицъ — во время собраній — частныхъ и Земско-Городскихъ.

Оппозиція была пассивна. Лица не согласныя съ направленіемъ газеты «Возрожденіе Сѣвера» просто отошли отъ политики, ушли въ свою жизнь и свои интересы. Такъ, напримѣръ, видный эс-еръ Гуковскій, начиная съ апрѣля и по день своего отъѣзда (въ октябрѣ), рѣдко даже заходилъ въ редакцію газеты и еще рѣже писалъ въ этой газетѣ.

П. Скомороховъ, видный земецъ, имѣвшій большое вліяніе въ земскихъ кругахъ, не имѣлъ большого партійнаго стажа, поэтому, несмотря на свою лѣвизну, считался самъ весьма съ настроеніями эс-еровскаго центра и подчинялся де факто его директивамъ.

Среди открытыхъ выступленій, рѣзко оппозиціонныхъ, я знаю всего только два за весь 1919 годъ.

Первое, это было выступленіе на митингѣ и въ думѣ въ мартѣ съ рѣчами, направленными противъ «вялаго Правительства» и противъ «союзниковъ и военной диктатуры». Рѣчи были произнесены Бечинымъ — предсѣдателемъ Профессіональныхъ Союзовъ, Клюевымъ и Цейтлинымъ — членами Правленія послѣдняго. За эти выступленія послѣдовало жестокое наказаніе (каторга), хотя по существу ораторы не выходили изъ рамокъ парламентарской критики. Но это выступленіе, осужденное Правительствомъ, было произведено безъ санкціи и не было одобрено демократическими сферами. Газета «Возрожденіе Сѣвера» считала это выступленіе «ненужнымъ и вреднымъ», но въ то же время весьма энергично выступила противъ наказанія виновныхъ. Къ этому надо прибавить, что выступавшія лица были дикими (Бечинъ и Клюевъ) и ни къ какимъ партійнымъ группировкамъ не принадлежали.

Другое выступленіе — была забастовка рабочихъ въ сентябрѣ, въ видѣ протеста противъ отказа Правительства дать амнистію многочисленнымъ политическимъ осужденнымъ по суду и административно заключеннымъ.

Эта забастовка, совпавшая съ наступленіемъ на фронтѣ, встрѣтила осужденіе со стороны эс-еровскихъ круговъ и была, повидимому, организована усиліями Архангельскихъ большевиковъ.

Этими двумя выступленіями и ограничивается активное проявленіе себя недовольной правительствомъ оппозиціи.

Позиція, занятая руководящими эс-еровскими кругами, встрѣчала, какъ я уже говорилъ выше, критику со стороны нѣкоторыхъ болѣе лѣво настроенныхъ членовъ этой партіи. Эта критика, превратившаяся въ самокритику, особенно проявилась во время Земско-Городского Совѣщанія, происходившаго незадолго до ухода союзниковъ.

Это первое Земско-Городское Совѣщаніе, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ эс-еровъ, было очень бурнымъ и значительно оппозиціоннымъ къ соглашательской уступчивой политикѣ демократическихъ сферъ.

Требовали образованія своего или, въ крайнемъ случаѣ, разбавленнаго буржуазіей Правительства.

Требовали «укрощенія» военнаго командованія, ограничивъ его дѣятельность исключительно дѣлами военными.

Пріѣхавшими изъ уѣздовъ земцами указывалось на «все большее вмѣшательство военныхъ властей въ жизнь населенія».

«На процвѣтаніе административныхъ взысканій».

«На ростъ недовольства среди крестьянъ, которые говорятъ, молъ, что правятъ Областью генералы и баре».

«Что кое гдѣ начинаютъ похваливать большевиковъ, особенно же въ Архангельскомъ уѣздѣ».

Послѣ долгихъ и весьма длинныхъ преній во фракціяхъ, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ съ Миллеромъ и генераломъ Айронсайдомъ, все же идея «единаго противобольшевистскаго фронта» и «принципа соглашенія» осталась въ силѣ. Побѣдило такимъ образомъ направленіе, олицетворявшееся газетой «Возрожденіе Сѣвера».

Въ составъ Правительства были посланы два наиболѣе активныхъ и видныхъ земца (безъ портфелей) П. Скомороховъ и Едовинъ. Рѣшено было «поддерживать всѣми силами это Правительство». И, наконецъ, по вопросу объ оставленіи союзниками Области «признать это угрожающимъ для послѣдней. Настаивать на томъ, чтобы англичане остались въ Области». И даже рѣшено было послать своихъ представителей въ делегаціи отправленной въ Лондонъ просить англичанъ остаться и не покидать Сѣвернаго фронта. Представителемъ эс-еровъ былъ избранъ Мацкевичъ, впослѣдствіи разстрѣлянный однимъ изъ первыхъ большевиками.

Нѣсколько словъ объ этой делегаціи.

Составленная изъ представителей различныхъ политическихъ партій, она выѣхала въ сентябрѣ и вернулась въ ноябрѣ. Посѣщеніе ею Англіи было, конечно, безрезультатно, и сама делегація встрѣчена была англичанами съ недовѣріемъ.

Итакъ, единый фронтъ былъ подтвержденъ, и притомъ такимъ (относительно) авторитетнымъ учрежденіемъ какъ Земско-Городское Совѣщаніе. Однако, процессъ, который развивался въ Области, не могъ остановиться, и кристаллизація военной диктатуры заканчивалась.

Представители демократіи Скомороховъ и Едовинъ, убѣдившись, что Правительство является только «совѣщаніемъ при Главнокомандующемъ», и не желая оставаться въ меньшинствѣ, вышли изъ состава Правительства. Этотъ выходъ представителей Земско-Городского Совѣщанія, также какъ послѣдовавшій около этого времени отказъ генерала Миллера остановить новые многочисленные высылки и аресты — привели къ окончательному крушенію позиціи союзовозрожденцевъ.

А. Ивановъ и П. Скоморохов, съ которыми мнѣ пришлось въ это время говорить, такъ формулировали свою новую тактику.

«Для насъ ясно, что говорить объ искреннемъ соглашеніи съ генераломъ Миллеромъ не приходится. У насъ военная диктатура и военный диктаторъ, который готовъ допустить совѣщательный органъ при своей персонѣ, но не больше. При такихъ условіяхъ, которыя мы считаемъ губительными, оставаться въ Правительствѣ мы не можемъ. Пропадаетъ и подлинный «единый фронтъ». Но мы не хотимъ мѣшать генералу Миллеру защищать Область и будемъ ему помогать тамъ, гдѣ можемъ. Во всякомъ случаѣ всякую оппозицію противъ него будемъ сдерживать».

И газета «Возрожденіе Сѣвера», занявъ критическую позицію по отношенію къ Колчаку, продолжала поддерживать генерала Миллера и остатки Правительства — вплоть до закрытія газеты въ день паденія Области — 19 февраля.

Новая позиція эс-еровъ, по прежнему пассивно уступчивая, встрѣтила рѣзкую критику, особенно на мѣстахъ. Неоднократно съ мѣстъ требовали активной политики, требовали взять власть въ свои руки. Особенно защищали эту активность партизанскіе уѣзды и партизанскія части. Делегаціи, требовавшія отпора и состоявшія какъ изъ офицеровъ такъ и изъ солдатъ — считали активность необходимой и обѣщали поддержку реальной силой. Тѣмъ не менѣе, центръ рѣшительно отстаивалъ мирную позицію, ибо, какъ писало «Возрожденіе Сѣвера», «у насъ одинъ врагъ — это большевики, всякія внутреннія распри мѣшаютъ борьбѣ съ этимъ врагомъ. Никакихъ выступленій. Никакихъ самочинныхъ демонстрацій. Всѣ на защиту фронта». (В. С. XI.)

Отказавшись отъ участія въ Правительствѣ, демократія не отказалась отъ поддержки фронта.

Несмотря на расхожденіе въ оцѣнкѣ положенія центра и мѣстъ, — внутри демократіи С. О. существовало завидное единеніе, какого я нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не наблюдалъ. Лѣвые и правые не только составляли единое цѣлое, но и не помышляли о фракціонныхъ дѣленіяхъ. Этой цѣльности отвѣчалъ и контактъ, существовавшій въ Области между массами и вождями ея, руководителями, интеллигентами. Въ это время, какъ всюду по всей Россіи, приходилось наблюдать обостреніе отношеній между массами и интеллигенціей. Здѣсь же на Сѣверѣ я не могъ этого замѣтить, при всемъ существовавшемъ расхожденіи въ настроеніи и мнѣніяхъ — между тѣми и другими.

При наличіи чрезвычайно умѣренной политики демократическихъ сферъ, политики, которая считалась многими вредной, оставались все-таки взаимное довѣріе и поддержка. Мнѣ ни разу не пришлось слышать по адресу верховъ, столь излюбленныхъ въ Россіи эпитетовъ, направленныхъ противъ неугодныхъ лидеровъ: «продались генераламъ», «прихвостни буржуазіи» и т. д. Въ самые послѣдніе дни существованія Области и послѣ ея паденія, когда многіе упрекали демократію въ «тяжкихъ грѣхахъ соглашательства» — широкіе круги крестьянскаго населенія остались вѣрными своимъ лидерамъ, спасали ихъ, укрывали.

Да и вообще не было въ сѣверянахъ, въ частности въ сѣверныхъ войскахъ, ненависти къ интеллигентамъ и барамъ (исключеніе составляли горожане и пригородскіе жители). Развѣ не любопытенъ фактъ, что, какъ правило, солдаты не только отпускали своихъ офицеровъ — въ дни паденія Области — «домой», но оставляли имъ и оружіе и вещи.

«Ты ужъ господинъ поручикъ береги себя».

«Авось, Господь поможетъ Тебѣ, господинъ капитанъ, добраться до своего дома».

Такія напутствія слышались въ тѣхъ частяхъ, гдѣ не было коммунистовъ и гдѣ большинство солдатъ было изъ крестьянъ.

Это явленіе тѣсно связано съ характеромъ и натурой сѣверянъ. Въ нихъ нѣтъ и въ поминѣ того озлобленія, затаенной обиды и ненависти къ барамъ и интеллигентамъ, столь характернымъ для великоросса средней Россіи. Здѣсь на Сѣверѣ были только слѣды этихъ настроеній, только отголоски, только отраженіе общероссійскихъ настроеній массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у сѣверянъ и больше самостоятельности, больше и чувства собственнаго достоинства. Пассивность же его и безразличіе къ судьбамъ Сѣверной Области находятъ объясненіе въ извѣстномъ разочарованіи въ политикѣ Правительства и въ имѣвшихъ мѣсто притѣсненіяхъ и незаконностяхъ, которымъ населеніе подвергалось со стороны мѣстныхъ военныхъ властей, и главнымъ образомъ въ недостаткѣ общественнаго самосознанія и въ убѣжденіи въ правильности положенія «наша хата съ краю».

Не малую роль въ дѣлѣ дружескаго отношенія населенія къ интеллигенціи и къ лидерамъ играли и нравственные облики этихъ послѣднихъ.

Я остановлюсь на характеристикѣ только одного лица, которое имѣло чрезвычайное и всестороннее вліяніе на массы Области. Это Алексѣй Алексѣевичъ Ивановъ, редакторъ «Возрожденія Сѣвера». Отнюдь не относясь одобрительно къ его политикѣ и къ его позиціи и во многомъ возлагая на него отвѣтственность за ошибки демократіи Сѣвера, я тѣмъ охотнѣе подтверждаю совершеннѣйшую исключительность этого человѣка. Даже враги, а у него ихъ было много, отдавали ему должное. Онъ имѣлъ репутацію «святого», что не мѣшало ему быть чрезвычайно активнымъ, дѣятельнымъ, большимъ практикомъ, умѣлымъ организаторомъ и чрезвычайно настойчивымъ человѣкомъ. Фактически онъ былъ руководителемъ, вождемъ мѣстныхъ соціалъ-революціонеровъ. Безусловный антибольшевикъ, онъ считалъ, что имъ надо противопоставить «желѣзную волю, напряженнѣйшую активность». Въ продолженіе долгаго времени онъ считалъ, что «безъ генераловъ нельзя обойтись», что «генералъ Миллеръ демократъ и честный человѣкъ» и только, увидавъ эвакуацію Области и еле спасшись отъ большевиковъ при помощи мѣстныхъ крестьянъ, онъ нашелъ въ себѣ нотки разочарованія. Его вѣра въ людей, своеобразный идеализмъ — и были чертами, много повредившими ему въ дѣлѣ, которое онъ защищалъ. Уроженецъ Архангельска, этнографъ по образованію, онъ пѣшкомъ исходилъ большинство уѣздовъ Архангельской губерніи и, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, пріобрѣлъ дружбу крестьянъ и вліяніе на нихъ.

Такихъ лицъ подобныхъ Иванову, но меньше масштабомъ, было много въ Архангельскѣ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Сѣвера, что и не могло пройти безъ вліянія на отношеніе массъ къ интеллигенціи.

Говоря о демократіи С. О. и объ ея настроеніяхъ и поведеніи — нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ взаимоотношеній, которыя существовали между военнымъ командованіемъ и демократическими дѣятелями.

Какъ мною уже дважды было отмѣчено, Верховное Управленіе было арестовано капитаномъ Чаплинымъ, занимавшимъ тогда должность Главнокомандую-

щаго. Послѣ того смѣнялись люди, измѣнялась обстановка, но происшедшее все-таки осталось въ памяти и той и другой стороны. И въ дальнѣйшемъ, отношенія между тѣми и другими отнюдь нельзя было назвать дружественными. Правда, генералъ Миллеръ держалъ себя весьма лойяльно, нерѣдко бесѣдовалъ съ А. А. Ивановымъ, оказывалъ послѣднему знаки вниманія и иногда подчеркивалъ въ разговорѣ съ нимъ, что «онъ сочувствуетъ принципамъ демократіи и вполнѣ ихъ понимаетъ». Но другіе генералы и штабные не только не скрывали своей враждебности къ демократическимъ дѣятелямъ, но и культивировали ненависть въ офицерствѣ. Хотя оборончество и соглашательство эс-еровъ въ С. О. было «внѣ всякаго сомнѣнія», тѣмъ не менѣе почти офиціально говорили о разложеніи фронта соціалистами и о томъ, что Ивановъ получаетъ деньги отъ большевиковъ и тому подобное.

Начальникъ Штаба Желѣзнодорожнаго фронта совершенно искренно любилъ заявлять вслухъ, «что лучше большевики, чѣмъ соціалисты и эти демократы, да и вообще всѣ интеллигенты». При чемъ онъ сваливалъ въ одну кучу и Керенскаго, и Милюкова, и Гучкова. — Все это были интеллигенты.

Эта организованная, я не могу иначе выразиться, травля демократическихъ дѣятелей нѣкоторыми высшими чинами арміи не могла не отразиться на настроеніи офицерства.

Рядовое офицерство, за исключеніемъ партизанскихъ частей, было настроено враждебно къ соціалистамъ и демократамъ, но въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ частяхъ и Штабахъ настроеніе было даже активнымъ въ смыслѣ враждебности, и рядъ эксцессовъ, весьма вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ, записанъ въ Исторіи С. О.; эти случаи даже отмѣчены въ приказахъ Главнокомандующаго.

Такова была исторія съ А. И. Гуковскимъ. Не сочувствуя позиціи «Возрожденія Сѣвера», онъ отошелъ отъ политики, работалъ надъ своей научной работой и жилъ весьма уединенно. Даже его пріятели рѣдко могли его видѣть. Тѣмъ не менѣе для воинствующихъ черныхъ онъ оставался бывшимъ членомъ Верховнаго управленія и считался лидеромъ эс-еровъ. Незадолго до его предполагаемаго отъѣзда заграницу — вечеромъ къ нему позвонилъ неизвѣстный и въ упоръ ранилъ Гуковскаго въ грудь на вылетъ. Гуковскій долго былъ между жизнью и смертью, но, несмотря на свой почтенный возрастъ, онъ выжилъ. Разслѣдованіе, произведенное прокуратурой, не дало результатовъ. И только послѣ паденія С. О. выяснилось, что это дѣло рукъ чаплинцевъ.

Другой изъ наиболѣе характерныхъ случаевъ произошелъ уже въ январѣ 1920 года. Офицеры броневого дивизіона, отличавшіеся особой нетерпимостью, не вѣрно, по своему, поняли одно стихотвореніе, помѣщенное въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера», и рѣшили убить Иванова.

Сказано — сдѣлано.

На броневикѣ они подъѣхали къ редакціи, но, къ счастью для Иванова, его не нашли.

Они ѣдутъ къ нему на квартиру. Тоже не находятъ. Угрожаютъ его женѣ.

Предупрежденный Ивановъ бѣжитъ къ Миллеру — и въ результатѣ — ретивымъ офицерамъ въ особомъ приказѣ Главнокомандующаго разъясняется, «что они не вѣрно поняли означенное стихотвореніе, которое написано не въ прославленіе большевиковъ, а въ ихъ осужденіе».

Если генералитетъ не долюбливалъ демократіи вообще, то онъ рѣшительно не переносилъ демократически настроенныхъ офицеровъ и весьма ихъ притѣснялъ.

Я говорилъ уже о полковникѣ Костанди, который отнюдь не былъ демократически настроеннымъ офицеромъ, но почему то считался «красненькимъ». Этого было достаточно, чтобы держать его въ черномъ тѣлѣ.

Аналогичныхъ случаевъ было не мало и каждый, служившій въ Сѣверной арміи, помнитъ ихъ отлично.

Артиллерійскій полковникъ Аргамаковъ, прекрасный офицеръ, проведшій все время наступленія на передовыхъ позиціяхъ, увольняется и отправляется въ Финляндію. Вся его вина — двѣ статьи военнаго характера, помѣщенныя въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера», и демократическое настроеніе. Онъ не только увольняется, но ему дается сумма денегъ, достаточная только, чтобы доѣхать до Финской границы. Не помогло ничего, ни даже то, что онъ былъ раненъ на фронтѣ.

Подполковникъ Брюмеръ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ артиллеристовъ Сѣвернаго фронта, былъ назначенъ тоже къ увольненію и его спасли отъ этого только начавшіяся осложненія на Двинскомъ фронтѣ.

Подполковникъ Чубашекъ, прославленный герой — одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ партизанскихъ батальоновъ. О немъ разсказывали чудеса смѣлости, отваги и ловкости. За одинъ годъ выдвинулся онъ изъ поручиковъ въ подполковники, но здѣсь былъ замѣченъ какъ посѣтитель редакціи «Возрожденіе Сѣвера». Этого было достаточно, чтобы былъ рѣшенъ его переводъ на Печору. Въ одномъ горячемъ сраженіи онъ попалъ въ плѣнъ. Начальникъ Штаба фронта, узнавъ объ этомъ, доложилъ съ улыбкой Командующему:

«Слава Богу, избавились отъ одного соціалиста!»

Увы, это не розсказни, это факты, подобныхъ которымъ было не мало.

Неустойчивое положеніе Области, конечно, не могло упрочиться отъ подобныхъ внутреннихъ распрей.

Недовольство фронта тыломъ, недовѣріе однихъ офицеровъ къ другимъ, антагонизмъ, существовавшій между военной властью и населеніемъ, разочарованность въ рядахъ демократіи и связанный съ этимъ, все растущій большевизмъ въ городскихъ кругахъ расшатывали и безъ того непрочныя основы С. О.

Въ заключеніе этой главы нѣсколько словъ объ юдофобствѣ.

Послѣднее не имѣло сильнаго распространенія въ Области, но, конечно, ему не чужды были власть имущіе.

Одинъ случай остался въ моей памяти наиболѣе тяжелымъ воспоминаніемъ...

Среди многихъ врачей С. О. былъ одинъ врачъ — еврей Іоллосъ, пріѣхавшій изъ Парижа. Онъ былъ больной, съ тяжелымъ ревматизмомъ, безпомощный, почти никогда не жившій въ Россіи.

Шабельскій посылаетъ его въ глубь Печоры. Командировка эта была для него равносильна полной гибели. При этомъ не составляло тайны, что его от-

правляютъ туда какъ еврея, ибо на фронтъ его «нельзя послать. Будетъ его разлагать».

Дальнѣйшая судьба Іоллоса, послѣ прихода большевиковъ, мнѣ не извѣстна.

VII

Изъ жизни фронта

Гражданская война имѣетъ свои законы, свои привычки, свои навыки.

И тѣ, кто хотѣлъ строить армію, руководясь былыми операціями, организовывать фронтъ, исходя изъ законовъ, выработанныхъ для «войны съ непріятелемъ», долженъ былъ скоро убѣдиться, сколь несостоятельны подобныя желанія.

Армія, казавшаяся крѣпкой, созданная съ превеликимъ трудомъ, иногда разваливалась, распадалась какъ карточный домикъ.

Солдаты, которые еще вчера казались, какъ это было напримѣръ у Колчака, усвоившими всю психологію прежней арміи, — какъ то сразу лишались всѣхъ своихъ боевыхъ качествъ и изъ бѣлыхъ дѣлались зелеными, нерѣдко и красными.

Гражданская война потребовала для арміи особой спайки, внутренней, болѣе крѣпкой, основанной болѣе чѣмъ на внѣшней дисциплинѣ.

И, если обычно на фронтахъ не гражданской войны неудача деморализовала войска, порою весьма надолго, если такая неудача превращала полки солдатъ въ скопище разнузданныхъ людей, то что же приходится сказать о гражданской воинѣ! Вѣдь здѣсь малѣйшее, иногда само по себѣ несущественное пораженіе влекло за собой тяжелыя, уже непоправимыя послѣдствія.

Психологія, вотъ что царило, господствовало, на гражданскихъ фронтахъ.

На Вольскомъ фронтѣ народная армія наступаетъ. Успѣхъ ей сопутствуетъ. Сотни разбиваютъ тысячи, десятки тысячъ. Какъ результатъ побѣды отовсюду текутъ добровольцы. Подвозятся припасы. — Но вотъ неудача. Небольшое отступленіе — и все кончено. Вольская армія Махина перестаетъ существовать. Бѣлые солдаты массами переходятъ къ краснымъ. Населеніе, напуганное грядущимъ приходомъ большевиковъ, перестаетъ давать подводы, прячетъ провіантъ. Получается картина полнаго разгрома.

Для гражданской войны нужна какая то особая, желѣзная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и рѣшили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цементъ, который не позволялъ бы развалиться зданію отъ перваго же ничтожнаго дождя, они этимъ цементомъ, вкрапленнымъ въ мельчайшія воинскія единицы, поставили комъячейки. Благодаря послѣднимъ, они держали въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней.

Что противопоставили имъ бѣлыя Правительства, бѣлыя арміи?

Увы! Какъ правило весьма общее для большинства бѣлыхъ фронтовъ — бѣлое командованіе обычно ограничивалось требованіемъ прежней дисциплины, установленіемъ прежнихъ навыковъ. Оно не находило нужнымъ считаться съ законами гражданской войны. И внутренняя спайка арміи рѣдко гдѣ имѣла мѣсто,

и еще рѣже гдѣ культивировалась какъ необходимая для побѣды. Исключеніе составляли добровольческія части, но армія не могла состоять изъ нихъ однѣхъ, ибо имъ были противопоставлены сотни тысячъ регулярныхъ войскъ красной арміи.

Существовала ли такая внутренняя спайка въ войскахъ Сѣверной Области? И да, и нѣтъ. Были части, кои обладали выносливостью и устойчивостью удивительнѣйшими. Таковы были батальоны, укомплектованные партизанами. Эти части представляли собой одно цѣлое, гдѣ офицеры знали своихъ солдатъ, ихъ настроенія, ихъ желанія, и руководили ихъ жизнью. Гдѣ офицеры были не только командирами, но руководителями и часто вождями. Это были вполнѣ боеспособныя части.

Незадолго до паденія фронта произошло сраженіе у Средней Михренги. Нѣсколько сотъ партизановъ, снаряженныхъ относительно слабой артиллеріей, были аттакованы двумя полками красныхъ.

Въ эти дни стояли жестокіе морозы. Сѣверная зима въ тотъ годъ была особенно суровой.

Нѣсколько дней продолжались аттаки на эту деревню. Снарядами красныхъ были разрушены большая часть домовъ и блиндажей Михренги. Подъ пулеметнымъ огнемъ возводились новыя укрѣпленія. Партизане на лыжахъ пробирались по дремучимъ лѣсамъ и боковыми контръ-аттаками отражали непріятеля.

Командовалъ этими партизанами полковникъ Чубашекъ.

Это сраженіе у Средней Михренги вызывало у красныхъ сильнѣйшее удивленіе и нескончаемые разговоры.

Но боеспособность и внутренняя спайка не были отнюдь достояніемъ однѣхъ только партизанскихъ частей. Многія отдѣльныя части Сѣвернаго фронта стояли весьма высоко въ этомъ отношеніи. Особенно блестяще была организована артиллерія. Она отличалась не только точнымъ исполненіемъ военныхъ заданій, но въ ней существовала именно та спайка, о которой я говорилъ выше. Артиллерійскія части обязаны были этимъ своимъ офицерамъ. Послѣдніе, прибывшіе въ большинствѣ своемъ изъ германскаго плѣна, относились съ чрезвычайной тщательностью къ исполненію своихъ обязанностей. Они очень много занимались съ солдатами, обращали большое вниманіе на столъ и обмундировку своихъ подчиненныхъ, читали послѣднимъ лекціи. И нерѣдко артиллерія Сѣвернаго фронта спасала общее положеніе.

Насколько устойчивы были артиллерійскія части, можно видѣть изъ того, что въ нихъ, какъ правило, не имѣли мѣсто ни возстанія, ни заговоры. Даже въ дни распаденія фронта, артиллерія дольше всѣхъ сохраняла свою боеспособность. И только послѣ того какъ стало несомнѣннымъ, что все кончено, солдаты и офицеры просто разошлись съ позицій, тепло другъ съ другомъ попрощавшись.

Существуетъ мнѣніе, мною не разъ слышанное здѣсь, за-границей, — что наша гражданская война имѣла рѣдко сраженія упорныя и кровопролитныя. Указывается, что какъ правило имѣли мѣсто лишь небольшія стычки, гдѣ одна изъ сторонъ, менѣе устойчивая, быстро сдавала свои позиціи и обращалась въ бѣгство. Позиціонная война, хоть сколь-нибудь напоминающая русско-германскую войну, совершенно отсутствовала.

До извѣстной степени съ этимъ приходится согласиться. Разница между германскимъ фронтомъ и фронтомъ гражданской воины была весьма велика. И по своей боевой обстановкѣ и по характеру сраженій.

Тѣмъ не менѣе, на желѣзнодорожномъ фронтѣ мы видимъ какъ бы въ миніатюрѣ сколокъ съ германскаго фронта. Именно въ миніатюрѣ, въ дозѣ микроскопической. Ибо фронтъ здѣсь былъ шириной въ нѣсколько десятковъ саженей, а справа и слѣва непроходимыя, вѣрнѣе трудно проходимыя болота и лѣсныя топи. Но на этомъ маленькомъ участкѣ были всѣ черты, свойственныя обычной позиціонной войнѣ. Три, иногда четыре линіи весьма хорошо укрѣпленныхъ линій проволочныхъ загражденій, прочные блиндажи, глубокіе окопы. Порой жесточайшій артиллерійскій обстрѣлъ. Иногда казалось, что онъ гораздо болѣе жестокъ, чѣмъ бывалъ въ Великую войну. Ибо снаряды падали на мѣсто ограниченное, очень небольшое, съ котораго не было возможности двигаться ни вправо, ни влѣво. Жертвы отъ артиллерійскаго огня бывали особенно велики, чего, повидимому, не было на другихъ бѣлыхъ фронтахъ; тамъ наибольшій процентъ падалъ на погибшихъ при аттакахъ, или умершихъ отъ эпидемій. Раненые же, которые проходили черезъ наши лазареты на желѣзнодорожномъ фронтѣ, почти какъ правило бывали ранены снарядами.

Являя собой сколокъ съ русско-германскаго фронта, желѣзнодорожный фронтъ имѣлъ и другую черту, сближавшую его съ этимъ послѣднимъ, и отличавшую его отъ другихъ гражданскихъ фронтовъ, — это отношеніе къ военноплѣннымъ. Отношеніе къ нимъ было гуманное. Ихъ не только не разстрѣливали, не избивали, но нерѣдко заботы о нихъ заслуживали самаго лучшаго отзыва. Исключеніе изъ этого правила составляла дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ контръ-развѣдки, остававшихся вѣрными принципамъ безпощадной расправы съ подозрѣваемыми въ большевизмѣ. Особенно отличался поручикъ В-гъ, котораго неоднократно упрекалъ Мурузи въ самовольныхъ разстрѣлахъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Дѣятельность поручика В-га вполнѣ отвѣчала настроеніямъ и нравамъ архангельской контръ-развѣдки.

Обычно же взятые въ плѣнъ красноармейцы, голодные и раздѣтые, отправлялись въ ближайшую тыловую станцію. Здѣсь ихъ кормили, поили чаемъ, во избѣжаніе эпидемій тутъ же мыли и давали имъ чистое бѣлье — и только послѣ всего этого везли ихъ въ Архангельскъ или вообще въ болѣе глубокій тылъ. Раненые же красноармейцы пользовались въ нашихъ лазаретахъ всѣми правами гражданства. Они лежали въ общихъ палатахъ и никакихъ различій между бѣлыми и красными мы врачи не дѣлали.

Правда, бывали исключенія и здѣсь. Разсказывали о военномъ врачѣ А-вѣ, который отказывался перевязывать и оперировать красныхъ, доставляемыхъ въ его околотокъ и будто бы, этому не хочется вѣрить, если онъ и оперировалъ, то надѣвалъ на тяжело раненыхъ сильныя хлороформенныя маски, отправлявшія плѣнныхъ на тотъ свѣтъ. Но этотъ врачъ А-въ, конечно, составлялъ исключеніе изъ общаго правила.

Былъ, помню, такой случай.

Привезли коммуниста съ разрушенной снарядомъ ногой.

Врачъ лазарета К-ръ приготовлялся его оперировать.

Начальникъ штаба фронта Г-скій — серьезно сталъ противъ этого протестовать.

«Къ чему возиться съ этой падалью, прикончить его надо».

Но его слова встрѣтили рѣзкій отпоръ со стороны К-ра, указавшаго, что для медицины нѣтъ партій, есть только раненые. Подобное же гуманное отношеніе къ раненымъ красноармейцамъ поддерживалось и княземъ Мурузи. Онъ всегда отстаивалъ то мнѣніе, что «красноармейцы тѣ же русскіе». Но главнымъ мотивомъ его требованія хорошаго обращенія съ красноармейцами было то, что «это необходимо, чтобы они не боялись идти въ плѣнъ». И дѣйствительно на нашемъ желѣзнодорожномъ фронтѣ солдаты непріятельской арміи не боялись идти въ плѣнъ.

Это вызывало и другія послѣдствія: происходило своеобразное смягченіе обычно безпощадной гражданской войны. Красные, узнавъ, что на бѣлой сторонѣ не разстрѣливаютъ, стали тоже воздерживаться отъ примѣненія разстрѣловъ. Но война остается войной. У войны — свои законы, и эти законы кажутся особенно выпуклыми и уродливыми въ условіяхъ гражданской борьбы.

Я захожу въ окопъ.

Бородатый солдатъ спокойно нацѣливается и стрѣляетъ.

«Попалъ. Ишь упалъ».

«Кто упалъ?»

«Да красный. Вылѣзъ изъ окопа. Полѣзъ доставать своего убитаго».

«А за что же ты его убилъ?»

«Да, убилъ».

«И не жалко тебѣ?»

«Чего жалѣть. Вѣдь противникъ, небось. Красный».

Убивались свои, тѣ же русскіе, иногда изъ родной деревни, города.

И такова психологія войны, что это стушевывалось, отодвигалось въ сознаніи далеко, въ самую глубь. Оставалось одно — врагъ, противникъ, надо его убивать, въ него стрѣлять.

И съ той и съ другой стороны были солдаты мобилизованные, и которымъ не было никакого дѣла ни до бѣлыхъ, ни до красныхъ. Имъ хотѣлось одного «чтобы уважили ихъ желаніе — ѣхать домой, ибо моя хата съ краю».

И однако, вотъ этотъ бородачъ, онъ — правило, онъ какъ всѣ. «Врагъ — значитъ стрѣляй».

Съ артиллерійской вышки, расположенной на высокой соснѣ, бывало видно попаданіе снаряда.

Съ капитаномъ М-скимъ мы иногда ходили смотрѣть — какъ будутъ попадать снаряды въ красныхъ.

Группа красныхъ суетится у вагоновъ и, повидимому, обѣдаетъ.

Послѣ двухъ трехъ перелетовъ шестидюймовый снарядъ разрывается у вагона. Видно, какъ нѣсколько красныхъ упало, другіе побѣжали. Одинъ изъ побѣжавшихъ черезъ нѣсколько шаговъ падаетъ.

Капитанъ М-скій радуется.

«Вотъ здорово попало. Пожалуй пятерыхъ уложило».

«Такъ имъ и надо».

И все это говорится спокойно. Между дѣломъ. И никому, ни ему, ни мнѣ не кажется это страннымъ и чудовищнымъ.

При занятіи полустанка на 405-ой верстѣ, между Емцой и Плесецкой, у красныхъ были большія потери ранеными и убитыми.

Убитые въ одной общей кучѣ, небрежно собранной, лежали у полусожженнаго станціоннаго домика.

Кругомъ стояли солдаты.

«А вотъ этотъ, поди, штыкомъ проткнутъ. Ишь, гимнастерка вся разорвана и крови много вышло».

Солдатъ наклоняется и поворачиваетъ убитаго, чтобы лучше разсмотрѣть.

Глянуло на свѣтъ безжизненное лицо рыжаго мужика, съ маленькой, жидкой бороденкой.

«Да это никакъ изъ нашихъ, изъ Онежскихъ».

Подошли еще Онежскіе и стали спорить. «Нашъ ли Онежскій, братъ лабазника Федора Кривого этотъ убитый мужичекъ, или нѣтъ?»

Къ коммунистамъ, даже убитымъ, была ненависть неприкрытая.

Убитаго при взятіи ст. Емцы унтеръ-офицера, съ большой красной звѣздой, прикрѣпленной къ борту разорванной штыками кожаной куртки, солдаты долго не позволяли хоронить.

«Пусть полежитъ собака. Когда ихъ солдаты бѣжали сдаваться въ плѣнъ нашимъ и начали кричать — «сдаемся, сдаемся», этотъ разсвирѣпѣлъ и двоихъ изъ красныхъ уложилъ изъ револьвера. Лютый, сказываютъ, былъ, даромъ что только взводный командиръ. Изъ старыхъ унтеровъ. Не за страхъ служилъ, а за совѣсть».

Странныя впечатлѣнія остались у меня въ памяти отъ красныхъ офицеровъ, не коммунистовъ, а мобилизованныхъ, и отъ пріема ихъ нашими офицерами. Былъ какой то надрывъ, плохо скрытая злоба, недовѣріе. Цѣлый комплексъ чувствъ, переживаній гражданской войны и дѣленія на «нихъ» и на «насъ».

Въ штабъ 3-яго полка привели двухъ офицеровъ, хорошо одѣтыхъ въ рейтузахъ, съ красными звѣздами-кокардами на офицерскихъ фуражкахъ. Взяты были при кавалерійской стычкѣ, столь рѣдкой на нашемъ фронтѣ.

Адъютантъ, поручикъ В., опрашивалъ ихъ намѣренно грубо, рѣзко, съ досадою.

«Красный офицеръ? Фамилія?»

«Такъ точно», называетъ фамилію.

«Гдѣ служили?»

«Въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ полку, въ чинѣ ротмистра».

«И не стыдно было служить у этихъ сволочей?»

«Мобилизовали, господинъ поручикъ».

«Такъ что же, убѣжать не могли?»

«Семья. Совѣтское Правительство держало ее заложницей за меня».

«Разсказывайте», новыя ругательства, «всѣ вы такъ говорите. Шагомъ маршъ!»

Изъ чего рождалась эта ненависть, эта грубость, эта нечуткость со стороны бѣлыхъ офицеровъ къ мобилизованнымъ краснымъ? Вѣдь ясно было, въ сколь тяжеломъ положеніи пребывали, да пребываютъ и теперь, мобилизованные въ красной арміи офицеры, и какъ бережно къ нимъ слѣдовало бы отнестись. Однако, война рождаетъ свои настроенія, а гражданская война тѣмъ болѣе, — особенныя, сложныя, двойныя.

И красные офицеры платили нерѣдко той же монетой.

Взятый послѣ паденія Области въ плѣнъ престарѣлый генералъ Петренко, командующій Мезенскимъ фронтомъ, узналъ, что во главѣ красной дивизіи прибывшей въ Архангельскъ стоитъ экс-генералъ Самойловъ. Этого послѣдняго генералъ Петренко хорошо зналъ въ прежніе годы, и они даже, кажется, были сослуживцами. Генералъ Петренко, находившійся въ тяжелыхъ условіяхъ ареста, попросилъ свиданія съ Самойловымъ. Въ отвѣтъ на просьбу своего бывшаго сослуживца Самойловъ отвѣтилъ: «Не хочу видѣться со всякой бѣлогвардейской д-ью».

Передавшій мнѣ эту исторія Костанди говорилъ, что экс-генералъ Самойловъ былъ искренно возмущенъ дерзостью бѣлаго генерала. Возмущенъ, а можетъ быть и просто боялся близости съ бѣлыми.

Объ этомъ, именно, Самойловѣ — Троцкій въ одномъ изъ приказовъ отозвался какъ «о самомъ вѣрномъ генералѣ, первомъ пришедшемъ на помощь Совѣтской Республикѣ и три года ей служащемъ».

Итакъ, гражданская война на желѣзнодорожномъ фронтѣ была не чужда человѣчности.

Эта человѣчность была не только слѣдствіемъ, порожденнымъ директивами командованія, въ частности князя Мурузи, но гораздо болѣе слѣдствіемъ извѣстной пассивности въ настроеніи воинскихъ частей, какъ съ нашей, такъ и съ той стороны. Наши сражались хорошо. Еще лучше умирали. Но ни энтузіазма, ни подъема, ни особой ненависти у нихъ не было. Сражались — потому что велѣно, что приказано.

«Не будешь сражаться, — будетъ хуже».

«Попадешь въ плѣнъ краснымъ — тоже плохо».

«Здѣсь хоть кормятъ хорошо, тамъ хуже».

Таковы мотивы, таковы разговоры, столь обычные среди солдатъ желѣзнодорожнаго фронта.

Плѣнные красноармейцы, составлявшіе крупный процентъ солдатскаго состава, тѣмъ болѣе были лишены активнаго отношенія къ войнѣ. Измученные голодомъ на красномъ фронтѣ, запуганные и задерганные — они мечтали только объ одномъ.

«Скорѣе домой, только домой».

А пока? Велѣно брать позиціи, идти въ аттаку — и они шли, шли и шли.

И ихъ исковерканныхъ, израненныхъ снарядами приносили десятками и сотнями въ наши лазареты. И здѣсь, безропотные, отупѣвшіе, они стонали отъ тяжелыхъ ранъ, умирали, или радовались какъ дѣти, когда у нихъ бывала надежда выжить и попасть когда-нибудь домой.

Пассивность, какъ основа, пассивность, какъ повседневность, проходила красной нитью черезъ жизнь нашего фронта. Этому отвѣчало и настроеніе красныхъ войскъ, стоявшихъ по ту сторону окоповъ. Большевистская власть не придавала, очевидно, большого значенія Сѣверному фронту и посылала сюда части второсортныя, лишенныя, какъ это было мною отмѣчено, коммунистическихъ ячеекъ, коммунистическаго цемента. Несмотря на холода, отсутствіе жилыхъ помѣщеній — красныя войска были изъ рукъ вонъ плохо одѣты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказалъ, отупѣлость красныхъ солдатъ. Они шли въ аттаку, они защищали позиціи, сдавались въ

плѣнъ или отходили, но все это дѣлалось въ какомъ то полуснѣ, не понимая ни къ чему это, ни для кого, ни во имя чего.

Они также безропотно умирали... Иногда я до боли въ душѣ удивлялся, какъ раненый, и раненый тяжело красноармеецъ, переносилъ свои поистинѣ ужасныя раны.

Терпѣливъ русскій человѣкъ. Терпѣливъ и глубочайше пассивенъ.

И подобно тому, какъ бѣлые солдаты были весьма безразличны къ интересамъ государственнымъ, областнымъ, также и красные солдаты были чужды интересамъ Совѣтской Республики.

И, бесѣдуя съ красными солдатами, я тщетно пытался уловить у нихъ хоть крупицу, хоть частицу обще-національныхъ настроеній, — ихъ не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга къ дому.

Такъ было на желѣзнодорожномъ фронтѣ, но не такъ было на Тарасовскомъ.

Здѣсь съ одной стороны были партизане, съ другой не чуждыя коммунистическимъ настроеніямъ красныя войска.

Пассивности здѣсь не было мѣста.

Вмѣсто нея было озлобленіе, ненависть, упорная и жуткая, не останавливавшаяся ни передъ какими жертвами.

Вопросъ, который я себѣ не разъ ставилъ — это откуда, изъ какихъ нѣдръ родился русскій коммунистъ. Вѣдь это въ большинствѣ выходцы изъ сѣрой пассивной массы, безразлично настроенной и, однако, сколь они активны и упорны. Ибо этихъ качествъ отъ русскихъ коммунистовъ отнять нельзя.

Удивительнѣйшимъ біологическимъ отборомъ были они выдвинуты на арену русской жизни, возобновивъ давно ушедшія времена русскаго раскола, столь же отмѣченнаго своей активностью и своимъ фанатизмомъ.

Я говорилъ уже, что партизане не брали въ плѣнъ. Но не брали и ихъ въ плѣнъ. Пойманному партизану не было пощады отъ большевиковъ. Онъ ея и не просилъ. Коммунисты разсказывали, какъ они пытали партизановъ, замораживая ихъ, поджигая, подвѣшивая и какъ никогда не могли они добиться отъ партизановъ ни слова о прощеніи или раскаянія. Вся партизанская борьба на сѣверѣ полна исторій, которыя, каждая въ отдѣльности, насквозь пропитана человѣческой ненавистью и звѣриной кровожадностью.

Потомки раскольниковъ, дѣти и внуки лѣсныхъ охотниковъ, партизане на фонѣ общей пассивности сумѣли противопоставить большевикамъ активность и упорство, равное имъ.

Но напрасно, какъ бы я этого ни хотѣлъ, было бы искать въ психологіи партизановъ чувствъ общегосударственныхъ, общенаціональныхъ. Напрасной была бы попытка подвести подъ ихъ ненависть антибольшевистскую — идейную подкладку. Нѣтъ, большевики оскорбили грубо душу Шенкурскихъ партизанъ, допустивъ насилія надъ ихъ женами и сестрами, разрушивъ ихъ дома и нарушивъ ихъ вольныя права. И большевики стали ихъ врагами, волками, прибѣжавшими въ ихъ деревню, звѣрями, которыхъ надо убить. Но до Россіи, до всей совокупности россійскихъ переживаній имъ было дѣла очень мало. Чрезвычайно мало.

Примѣръ Россійской гражданской войны показалъ сколь много причинъ создаютъ ея успѣхъ, ея пораженія. Самый простой анализъ фронтовыхъ настроеній, настроеній войскъ, составляющихъ фронтъ — подчеркиваетъ лишній разъ сколь велика и разнообразна эта «множественность причинъ». Внутренняя спайка, желѣзная дисциплина, тупое безразличіе тѣхъ, кто идетъ умирать, и, наконецъ, все покрываетъ Россійская пассивность...

VIII

Моя дѣятельность

Мой отъѣздъ изъ Парижа на Сѣверъ Россіи былъ лишенъ какихъ-либо политическихъ соображеній или цѣлей. И совершенно напрасно нѣкоторая часть архангельской прессы пыталась изобразить мое появленіе въ Области какъ желаніе играть опредѣленную политическую роль и осуществлять извѣстныя политическія заданія. Эти газеты дѣлали умозаключенія, логически неправильныя, разсуждая: «онъ политическій дѣятель — слѣдовательно, онъ пріѣхалъ для политики», но хотя я дѣйствительно въ своемъ прошломъ, въ своей прежней петербургской жизни не былъ чуждъ общественной и политической дѣятельности — пріѣхалъ я въ Область по мотивамъ исключительно, такъ сказать, психологическаго порядка. Тяжело и грустно стало жить въ Парижѣ, въ бездѣйствіи, вдали отъ Россіи. Пріѣхавъ же въ Архангельскъ, все свое вниманіе я посвятилъ чисто практической, административно-медицинской дѣятельности. Уже въ началѣ августа я уѣхалъ на фронтъ, гдѣ и пробылъ до конца января, все это время работая вмѣстѣ съ Уполномоченнымъ Кр. Кр. Фидлеромъ по организаціи медицинскихъ и санитарныхъ учрежденій фронта. Англичане уѣхали, оставивъ одинъ только лазаретъ. Пришлось заново, имѣя весьма небольшія матеріальныя средства, создавать все то, что требуетъ элементарная санитарія и боевая обстановка. Передовые перевязочные отряды, санитарныя летучки, бани, дезинфекціонные отряды, питательные пункты и, наконецъ, солдатскіе театры — все это, правда, въ небольшомъ и несовершенномъ видѣ, было создано на желѣзнодорожномъ фронтѣ.

Политической и общественной жизни Сѣвера я касался очень мало. Все мое участіе выразилось въ помѣщеніи ряда чисто литературныхъ и беллетристическихъ очерковъ въ газетѣ «Возрожденіе Сѣвера». Помимо прочаго, были и уважительныя причины, заставлявшія меня воздерживаться отъ активнаго участія въ политической жизни Области. — Эти причины были — мое расхожденіе съ мѣстными лидерами демократіи въ ихъ тактикѣ «непротивленія и уступчивости». Я считалъ, что поддержка диктаторскихъ наклонностей генерала Миллера отнюдь не можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Но считая такъ, я рѣшительно отказывался вмѣшиваться въ мѣстныя партійно-политическія дѣла, полагая, что «Сѣверъ для Сѣверянъ», и что самое лучшее будетъ, если Сѣверяне найдутъ въ себѣ силы самоуправляться и собственными силами защищать Сѣверъ отъ большевиковъ. Въ своемъ рѣшеніи я оставался непреклоннымъ во все время моего пребыванія въ области и только — это было въ концѣ января 1920 года, когда Земское Собраніе и Миллеръ сошлись на моей кандидатурѣ въ члены Правительства, я отвѣтилъ согласіемъ. Да и то только потому, что считалъ первой задачей новаго Правительства спасеніе и эвакуацію фронтовыхъ частей.

Единственно отъ чего я не могъ отказаться — это отъ своей связи съ заграничной прессой. Будучи постояннымъ сотрудникомъ парижскихъ газетъ «L'information» и «L'Heure» я, по предложенію редакцій этихъ газетъ, посылалъ изрѣдка корреспонденціи о жизни и настроеніяхъ С. О. Мнѣ это казалось безвреднымъ и невиннымъ занятіемъ. Однако, неожиданно для меня мое корреспондентство вовлекло меня въ рядъ непріятныхъ положеній. Въ ноябрѣ я былъ экстренно вызванъ къ Главнокомандующему. Съ начальникомъ его канцеляріи г-омъ Шабельскимъ у меня произошелъ нижеслѣдующій разговоръ.

«Вы корреспондируете въ Парижскія газеты?»
«Да, пишу».
«И позволяете себѣ писать о дѣятельности Главнокомандующаго?»
«Да».
«Главнокомандующій предписываетъ Вамъ прекратить корреспондентство, или . . .»
«Или?»
«Или Вы будете высланы на Іохангу».
Я рѣшительно отказался прекратить корреспондировать, предоставивъ на усмотрѣніе генерала Миллера наказаніе или «возмездіе» за мою непокорность.
Вскорѣ я узналъ, что мои письма военной цензурой не пропускаются, а телеграммы задерживаются. Друзья же мнѣ сообщили неутѣшительныя извѣстія, что вопросъ о моей высылкѣ обсуждается довольно серьезно въ военныхъ сферахъ, но что это встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны Зубова, который де «не находитъ рѣшительно никакихъ мотивовъ для такого наказанія, тѣмъ болѣе послѣ того, какъ Главнокомандующій особымъ приказомъ отмѣтилъ полезную дѣятельность Соколова на фронтѣ».
Послѣ этого я рѣшилъ, не дожидаясь высылки моей на Іохангу, выѣхать за границу. Зубовъ выразилъ полное согласіе всячески содѣйствовать мнѣ въ этомъ направленіи, прибавивъ, впрочемъ, что «все это зависитъ отъ Миллера». Багриновскій, управляющій внутренними дѣлами сказалъ, «я вамъ выдамъ заграничный паспортъ хоть сейчасъ, но . . . все дѣло въ Миллерѣ». Тогда я рѣшилъ посѣтить Миллера: это была первая моя съ нимъ встрѣча.
Миллеръ рѣшительно отказался разрѣшить мнѣ выѣздъ заграницу.
«Нужны врачи въ Печорѣ, поѣзжайте туда».
Повидимому, мотивы этого заключенія крылись въ особой боязни гласности.
Но рѣшивъ выѣхать изъ Области, я не могъ примириться съ рѣшеніемъ, съ моей точки зрѣнія незаконнымъ, Миллера. Ибо, пріѣзжая въ Сѣверную Область, я выговорилъ себѣ право ее покинуть свободно.
Черезъ нѣкоторое время по моей просьбѣ изъ Парижа, изъ Посольскаго Совѣщанія было дано знать Миллеру о неумѣстности насильнаго удержанія меня въ Области. Одновременно были высланы всѣ нужныя визы. Я былъ наканунѣ отъѣзда. Но непредвидѣнныя обстоятельства, осложненный гриппъ, помѣшали моимъ планамъ, и я не смогъ выѣхать, пропустивъ одинъ изъ послѣднихъ ледоколовъ.
Къ этому времени произошли на фронтѣ значительныя измѣненія. Блестящія побѣды Мурузи на желѣзнодорожномъ фронтѣ были прерваны высылкой его изъ предѣловъ Сѣверной Области. На смѣну ему былъ назначенъ генералъ Вуличевичъ, который оказался менѣе счастливымъ въ своихъ боевыхъ операціяхъ, чѣмъ его предшественникъ. Неудачное наступленіе въ Вологодскомъ направленіи, предпринятое по спеціальному приказанію генерала Квинцинскаго, несмотря на возраженія Штаба фронта, произвело весьма тяжелое и неблагопріятное впечатлѣніе на войска. Наступившій же послѣ этого продолжительный періодъ затишья боевыхъ операцій и связанная съ этимъ извѣстная деморализація духа у солдатъ свели на нѣтъ весь успѣхъ предыдущихъ блестящихъ наступленій.
Къ этому же времени ликвидація Колчака, окончательный разгромъ Юденича и неудачи Деникина усиливали общую подавленность настроенія, въ равной мѣрѣ охватившей и солдатъ и офицеровъ.
Наступали черные дни Области . . .

Имъ предшествовали характерные признаки.

Рядъ лицъ, находившихся въ «окруженіи» Миллера, начали проситься въ заграничныя командировки, точно предчувствуя скорое паденіе Области. Первымъ уѣхалъ генералъ Клюевъ, получивъ весьма загадочную командировку и весьма реальный чекъ въ нѣсколько тысячъ шведскихъ кронъ. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ уѣхалъ Шабельскій, получивъ тоже какое то совершенно фантастическое дипломатическое порученіе и опять-таки эту командировку сопровождала выдача валюты. А. Ропманъ, бывшій въ то время директоромъ Государственнаго Банка въ Архангельскѣ, жаловался мнѣ и возмущался по поводу происходившей въ тѣ дни незаконной выдачи иностранной валюты, которую вѣрнѣе надо бы назвать расхищеніемъ.

«Ежедневно ко мнѣ поступаетъ нѣсколько резолюцій отъ Главнокомандующаго о выдачѣ иностранной валюты или о переводѣ таковой отдѣльнымъ лицамъ заграницу. Какъ общее правило всѣ эти просители изъ Штабныхъ. Я пытаюсь отказать, апелирую къ Зубову, но что я могу подѣлать? Мнѣ уже грозятъ увольненіемъ. Но я не сомнѣваюсь что это расхищеніе государственной валюты будетъ когда-нибудь предметомъ судебнаго разбирательства».

Въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличилась и спекуляція валютой и совѣтскими деньгами среди мѣстнаго населенія.

Эти признаки не могли не дойти до обостреннаго зрѣнія фронтовиковъ, дойти увеличенными, раздутыми . . .

IX

Земское Собраніе. Формированіе новаго Правительства

Въ концѣ января тревожное настроеніе особенно усилилось.

Пришли вѣсти, что большевики повели наступленіе на Двинскомъ фронтѣ, и, что, подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля, наши части очистили большую территорію. Одновременно, большевики повели яростныя атаки на Селецкомъ фронтѣ. Но здѣсь они не имѣли успѣха, и Тарасовскіе партизане, защищавшіе этотъ фронтъ, неизмѣнно ихъ отбивали.

Сталъ фактомъ непреложнымъ разстрѣлъ Колчака въ Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ иностранныя газеты сообщали о неудачахъ на Югѣ Россіи.

Все это усиливало тревогу въ тылу и на фронтѣ.

25-го января я получилъ телеграмму изъ Архангельска отъ генерала Миллера, приглашавшаго меня пріѣхать туда, для переговоровъ о формированіи новаго Правительства. Положеніе въ Архангельскѣ рисовалось въ эти дни въ слѣдующемъ видѣ.

Члены Правительства: Зубовъ, Федоровъ и др. подали въ отставку, главнымъ образомъ благодаря критикѣ ихъ пассивности со стороны демократическихъ сферъ. Одновременно начали прибывать съ фронта делегаціи, главнымъ образомъ отъ партизанскихъ частей, просящія Правительство, въ частности Главнокомандующаго, принять рядъ мѣръ для внутренняго успокоенія.

Тогда генералъ Миллеръ обратился къ лидерамъ мѣстныхъ эс-еровъ съ предложеніемъ о реорганизаціи власти. Начались переговоры, преимущественно

съ А. А. Ивановымъ. Эти переговоры шли очень медленно и не давали благопріятныхъ результатовъ. Миллеръ предлагалъ демократіи лишь два мѣста въ Правительствѣ, при чемъ соглашался дать имъ второстепенные портфели, а именно — народнаго просвѣщенія и агитаціи. Въ свою очередь демократы, вообще были не особенно склонны входить въ Правительство, считая дѣло совершенно безнадежнымъ и ликвидацію С. О. неизбѣжной. И только главнымъ образомъ А. Ивановъ, во имя единаго противо-большевистскаго фронта, настаивалъ на вхожденіи въ Правительство. Прибывъ въ Архангельскъ, я имѣлъ бесѣды какъ съ генераломъ Миллеромъ, такъ и съ мѣстными лидерами. Миллеръ на меня произвелъ впечатлѣніе человѣка, не отдающаго себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. У него былъ ни на чемъ не основанный оптимизмъ о положеніи фронта. Внутреннія неурядицы онъ не считалъ дѣломъ особенно важнымъ. Онъ думалъ, что онѣ легко могутъ быть улажены. На реорганизацію Правительства онъ шелъ очень неохотно и дѣлалъ все возможное, чтобы уступки были минимальными. Такъ, онъ рѣшительно отказался отъ предоставленія кому либо портфеля управляющаго иностранныхъ дѣлъ, оставивъ его за собой. Кандидатуру Скоморохова онъ считалъ рѣшительно непріемлемой. На мою кандидатуру онъ соглашался съ большимъ неудовольствіемъ.

Между нимъ и Ивановымъ произошелъ слѣдующій характерный разговоръ: «Мы пришли къ единодушному мнѣнію о желательности кандидатуры доктора Соколова».

«Почему?»

«Онъ намъ извѣстенъ какъ опытный администраторъ. Его хорошо знаютъ на фронтѣ за пять мѣсяцевъ его тамошняго пребыванія».

«Мнѣ говорили, что онъ слишкомъ независимъ и упрямъ. Кромѣ того у него репутація лѣваго».

«Однако, Вы оцѣнили его дѣятельность въ особомъ приказѣ».

«То дѣло медицинское, но не политическое».

Прежде, чѣмъ онъ окончательно согласился на мою кандидатуру, онъ захотѣлъ лично со мною переговорить.

Послѣ разговора съ нимъ, я не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ для меня не былъ яснымъ смыслъ и цѣли моего вхожденія въ Правительство. Разговоры съ Ивановымъ и Скомороховымъ не убѣдили меня въ необходимости входить въ Правительство. Я указалъ, что считаю дѣло Сѣверной Области безнадежнымъ и что надо говорить и обсуждать эвакуацію. Но такъ какъ Миллеръ не сознаетъ всей тягости обстановки, то безполезно и образованіе компромисснаго, ему непріятнаго, Правительства. Брать же власть исключительно въ свои руки, что вполнѣ легко и возможно, такъ же не имѣетъ за собою логическихъ основаній и ничего кромѣ ускоренія распаденія фронта не вызоветъ. И я вернулся на фронтъ. Но черезъ нѣсколько дней снова былъ вызванъ въ Архангельскъ.

Событія быстро развертывались.

3-го февраля открылось Архангельское Земское Собраніе подъ предсѣдательствомъ Скоморохова. Оно было чрезвычайно бурное и оппозиціонно настроенное и къ генералу Миллеру, и къ остаткамъ прежняго Правительства, и къ тактикѣ — соглашательской — лидеровъ демократіи. Какъ общее настроеніе превалировало пассивно оппозиціонное, которое говорило: «большевики рано или поздно, но придутъ, мы не за большевиковъ, но намъ не по нутру военная диктатура. И потому будемъ спокойно ожидать прихода большевиковъ».

Лѣвое крыло даже считало, что надо бы начать переговоры съ большевиками о мирной ликвидаціи Сѣвернаго фронта.

Но эти голоса были единичными и тонули въ общей массѣ. Правую позицію, по прежнему оборонческую, занимали А. Ивановъ, Едовинъ и делегаты съ фронта. Послѣдніе, особенно партизане, не хотѣли и слышать о мирѣ съ большевиками. Основнымъ вопросомъ Земскаго Собранія былъ вопросъ объ образованіи новаго Правительства. И въ этомъ пунктѣ большинство Земскаго Собранія пришло къ слѣдующему положенію:

«Въ Правительство не входить, такъ какъ этимъ самымъ была бы взята отвѣтственность за все то, что было совершено въ С. О.» (Засѣданіе 5-II-1920).

Такимъ образомъ, предложеніе Иванова о вхожденіи въ составъ Правительства было отвергнуто. Стоялъ вопросъ объ уходѣ съ Земскаго Собранія правой группы. Но въ это время пришли потрясающія вѣсти съ желѣзнодорожнаго фронта.

Въ одномъ изъ лучшихъ полковъ Сѣверной Области — 3-емъ, въ ночь на 7-ое февраля произошло возстаніе, результатомъ котораго явилась, въ сущности говоря, потеря этого полка. Детали этого возстанія заслуживаютъ освѣщенія.

Съ переходомъ 3-го полка въ руки полковника Постникова, весьма храбраго офицера, но неумѣлаго администратора, въ этомъ полку начались неурядицы и неустройства, которымъ способствовало прекращеніе боевыхъ операцій на этомъ участкѣ фронта. Большевики этимъ воспользовались и организовали, какъ это выяснилось впослѣдствіи, коммунистическую ячейку среди штабныхъ солдатъ. Ночью съ 6 февраля на 7-ое часть офицеровъ были арестованы мятежниками, одновременно красныя войска перешли въ наступленіе въ районѣ расположенія 3-го полка и, въ итогѣ, отъ всего полка осталось только около 200 солдатъ, пришедшихъ, въ разбродъ, на станцію Плесецкую. Самъ полковникъ Постниковъ спасся чудомъ, тяжело раненый онъ скрылся въ лѣсу и былъ привезенъ полуживой солдатами его полка, на станцію Плесецкую. Около же 1000 солдатъ были частью убиты, но въ большинствѣ перешли на сторону красныхъ. Офицеры были перебиты своими же или частью успѣли пробраться лѣсомъ на станцію Емцы.

Начался отходъ войскъ, занимавшихъ ст. Плесецкую, въ тылъ до ст. Емцы.

Событія въ 3-емъ полку произвели страшное впечатлѣніе и на Миллера, и на Земское Собраніе. Этотъ фактъ сильно поколебалъ оптимизмъ генерала и заставилъ его пойти на большія, бóльшія, чѣмъ онъ хотѣлъ и предполагалъ, уступки Земскому Собранію. Но и Земское Собраніе, въ свою очередь, поставленное лицомъ къ лицу передъ очевиднымъ фактомъ паденія С. О. и неизбѣжностью прихода большевиковъ, обрѣло въ себѣ противобольшевистскія тенденціи. И послѣ долгихъ и продолжительныхъ дебатовъ приняло предложеніе Иванова о сформированіи «Правительства Спасенія». Я присутствовалъ на этомъ совѣщаніи и былъ въ числѣ тѣхъ, кто защищалъ позицію, выдвинутую Ивановымъ. Мотивировка этой группы сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Послѣдніе 6—8 мѣсяцевъ въ С. О. существовала полузамаскированная военная диктатура. Фактически мѣстное населеніе, въ частности широкіе демократическіе круги были совершенно устранены отъ управленія С. О. Власть находилась въ рукахъ у военнаго командованія. За всѣ дѣйствія этой власти въ Области демократическіе элементы не несутъ никакой отвѣтственности. Несмотря на это, въ дни, когда опасность прихода большевиковъ дѣлается очевидной, Земское Собраніе, не стремясь отнюдь къ власти, рѣшаетъ войти во вновь организуемое Правительство. Но оно разсматриваетъ это Правительство исключительно,

какъ Правительство Спасенія, въ задачи котораго въ первую очередь должна лечь эвакуація защитниковъ Области на Мурманскъ».

Эта позиція для меня была вполнѣ пріемлема, и я ее энергично отстаивалъ, такъ какъ считалъ, что Земское Собраніе должно спасти отъ большевиковъ тѣ тысячи офицеровъ и солдатъ, которые, въ случаѣ прихода красныхъ, будутъ неминуемо ими разстрѣляны. И я вошелъ въ это Правительство, которое нѣкоторые называли Правительствомъ Спасенія, другіе его считали Правительствомъ Эвакуаціи, и, наконецъ, часть иронически опредѣляла его какъ «Правительство Глупости», полагая, что демократія, вмѣшиваясь въ эти дни въ правительственныя мѣропріятія, этимъ самымъ беретъ на себя отвѣтственность и за все прошлое.

Демократія, молъ, «покрываетъ грѣхъ генерала Миллера».

Несмотря на обоюдное желаніе и военнаго командованія, и Земскаго Собранія сформировать объединенное Правительство, послѣднее еще нѣсколько дней не могло никакъ опредѣлиться въ своемъ составѣ. Происходило это потому, что шелъ торгъ между отдѣльными группами и политическими партіями о распредѣленіи портфелей. Торгово-промышленники хотѣли получить два мѣста въ Правительствѣ и ни за что не хотѣли согласиться на кандидатуру Репмана, директора Государственнаго Банка, который проявилъ себя въ свою бытность въ Сѣверной Области, какъ энергичный преслѣдователь спекулянтовъ и недобросовѣстныхъ купцовъ. На кандидатуру же другую, на постъ Управляющаго Финансовъ не могли согласиться демократы.

Но какой нелѣпицей казался этотъ торгъ въ дни, уже сочтенные умирающей С. О.!!

Наконецъ, Правительство С. О. было сформировано. Военнымъ министромъ и управляющимъ иностранными дѣлами — Миллеръ, управляющимъ внутренними дѣлами — баронъ Тизенгаузенъ, финансовъ — А. Репманъ, я — народнаго просвѣщенія и безъ портфеля — А. Ивановъ и докторъ Поповъ.

Это Правительство получило санкцію Земскаго Собранія и тѣмъ самымъ подчеркнуло принятіе имъ оборонческой платформы, такъ какъ вхожденіе въ Правительство Тизенгаузена, Иванова и мое обозначало активный противобольшевизмъ, съ каковой стороны мы всѣ были извѣстны въ области. Въ первые же дни существованія Правительства, отъ его имени было выпущено воззваніе, въ которомъ подчеркивались его анти-большевистскія тенденціи и которое призывало населеніе къ борьбѣ за С. О.

Конечно, это были слова и только слова, такъ какъ о защитѣ Области не могло уже быть и рѣчи, и самое большее на что можно было разсчитывать — это на планомѣрную и цѣлесообразную эвакуацію на Мурманскъ. Замѣщая Управляющаго внутренними дѣлами, я съ своей стороны издалъ приказъ, усиливающій наказанія за дезертирство и возлагающій отвѣтственность за дезертировъ на ихъ семьи. Конечно, и этотъ приказъ былъ больше теоретическимъ и послѣдствій реальныхъ имѣть не могъ. По предложенію Правительства, А. Ивановъ съ двумя членами Земскаго Собранія выѣхалъ на желѣзнодорожный фронтъ, чтобы помочь военному командованію въ разрухѣ и остановить разложеніе, охватившее солдатскія массы. Они не возвращались больше съ фронта, а позже разнесся слухъ, что Ивановъ былъ убитъ большевиками.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ, особенно правыхъ и военныхъ, царило мнѣніе, что демократія, а именно соціалисты революціонеры хотятъ захватить властъ въ свои руки. Изъ всего сказаннаго, мнѣ думается, съ очевидностью вытекаетъ, что сѣверная демократія не только не стремилась къ власти, но страдала даже своего

рода боязнью ее получить. Несомнѣнно, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, даже въ Самарѣ, не было столь благопріятной коньюнктуры и столь большихъ основаній къ тому, чтобы быть у власти, чѣмъ въ Сѣверной Области. Связь лидеровъ съ широкими кругами населенія, составъ арміи на половину партизанскій, наконецъ, цѣлый рядъ второстепенныхъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, вліяніе кооперативовъ и т. д., безусловно располагали къ тому, чтобы это возможное желаніе претворить въ жизнь. И однако, мы видимъ какъ въ продолженіе всей жизни С. О. роль демократіи сводилась исключительно къ роли аксессуарной, подсобительной. Почему же, спрашивается, и это спрашивалось не разъ, почему демократія согласилась прійти къ власти въ дни, когда эта власть дѣлалась уже фикціей. Въ дни, когда С. О. агонизировала. Поскольку мнѣ были близки и извѣстны тогдашнія настроенія у руководящихъ круговъ архангельской демократіи — я думаю, можно считать несомнѣннымъ, что мысли о власти были весьма далеки и чужды послѣдней. И если все же Земское Собраніе высказалось за вхожденіе въ Правительство, вполнѣ сознательно учитывая всѣ проистекающія отъ этого послѣдствія — и то, что вина ихъ — мѣстныхъ аборигеновъ, отъ вхожденія въ правительство только отягощается, то можно считать, что поступокъ Земскаго Собранія не лишенъ былъ извѣстной доли идеализма. Такимъ образомъ, преобладаніе послѣдняго надъ реализмомъ сказалось и здѣсь въ Сѣверной Области въ поведеніи и поступкахъ демократіи.

X

Защита Области и вопросы эвакуаціи

Основной чертой генерала Миллера и его начальника штаба Квинцинскаго былъ неизмѣнный оптимизмъ. Этотъ оптимизмъ можетъ быть констатированъ каждымъ, кто былъ въ Сѣверной Области. Все черное, угрожающее Области преломлялось въ глазахъ Штаба въ несущественное, второстепенное. Въ то время, когда было яснымъ, что жизни С. О. остаются лишь дни и самое большее недѣли, въ это время начальникъ Штаба разрабатывалъ еще планъ новаго наступленія, разсчитаннаго на десятки тысячъ подчиненныхъ войскъ. На ряду съ этимъ необоснованнымъ и безусловно вреднымъ оптимизмомъ, Штабъ былъ во власти теоретическихъ выкладокъ, отвлеченной стратегіи и бюрократизма. Это все сказалось сильнѣе всего на эвакуаціи.

Рѣшая остаться въ С. О. послѣ ухода союзниковъ, военное командованіе взяло на себя огромную отвѣтственность: тысячи офицерскихъ жизней, которыя въ случаѣ паденія Сѣверной Области отдавались въ руки большевиковъ. Ни для кого не было сомнѣнія, что расправа съ этими офицерами и партизанами будетъ жестокой и безпощадной. Тѣмъ больше была отвѣтственность и тѣмъ больше было основаній сдѣлать все, чтобы въ случаѣ паденія Области обезопасить эвакуацію этихъ элементовъ за границу.

Было ли это сдѣлано?

Факты отвѣчаютъ сами за себя.

Сѣверный фронтъ былъ растянутъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на тысячи верстъ. Его лѣвый флангъ терялся на Печорѣ, чуть ли не упираясь въ

Сѣверный Уралъ. Правый же проходилъ по Кареліи, кончаясь на границѣ съ Финляндіей. На этой полосѣ были раскиданы тѣ десятки тысячъ воиновъ, которые защищали Область. Неоднократно, еще передъ уходомъ союзниковъ, дѣлались представленія Штабу и Главнокомандующему о необходимости сокращенія фронта, ибо, особенно зимою, паденіе Области обрекало на гибель лѣво-фланговыя части. Однако, всѣ распоряженія Начштаба, даже въ январѣ и началѣ февраля, сводились отнюдь не къ сокращенію фронта, но къ его расширенію и углубленію. Это не оправдывалось ни нуждами Области, ни реальными требованіями фронта, но это отвѣчало теоретическимъ соображеніямъ Штаба Главнокомандующаго.

Бѣлое море всю зиму, съ октября по апрѣль, трудно проходимо, даже для мощныхъ ледоколовъ. Только полной мобилизаціей всего ледокольнаго состава можно было бы обезпечить тоннажъ достаточный, чтобы перевезти четыре-пять тысячъ лицъ. Иначе говоря, приблизительно то количество, которое надо было эвакуировать изъ числа защитниковъ Архангельскаго фронта. Опять-таки въ этомъ направленіи были сдѣланы неоднократныя указанія и генералу Квинцинскому, и генералу Миллеру, послѣдніе разы, въ засѣданіяхъ новаго Правительства. Но отвѣтъ получался всегда одинъ и тотъ же: «Эвакуація посредствомъ ледоколовъ исключается, какъ ненадежная и не могущая выполнить полностью военныя заданія. И, несмотря на повторныя предложенія Правительства генералу Миллеру обратить вниманіе на эвакуацію путемъ ледоколовъ — 10-го февраля, распоряженіемъ его, всѣ находившіеся въ Архангельскѣ ледоколы ушли въ Бѣлое море. Ушли ледоколы Мининъ, Канада, Русановъ, Сибиряковъ и Таймыръ. Ихъ выходъ для меня совершенно непонятенъ, какъ онъ не могъ быть понятенъ и ни для кого. Это было въ дни, когда паденіе С. О. было яснымъ для всѣхъ, когда только и говорилось, что объ эвакуаціи Архангельска. Въ добавокъ ко всему, вся эта ледокольная экспедиція была предпринята, чтобы отвезти нѣсколько десятковъ пассажировъ и никому не нужныхъ досокъ, предназначенныхъ для постройки Мурманскаго порта.

Это отрицательное отношеніе къ эвакуаціи посредствомъ ледоколовъ стояло въ тѣсной связи съ тѣмъ планомъ эвакуаціи, который выработалъ Штабъ Главнокомандующаго и который былъ одобренъ этимъ послѣднимъ. Я не буду вдаваться въ критику этого плана. Я допускаю, что съ военной точки зрѣнія онъ былъ вполнѣ безукоризненъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ были несомнѣнныя достоинства и продуманность. Но, по отзыву полковника Костанди, въ немъ совершенно отсутствовало знаніе мѣстныхъ условій. Не учитывались непроходимость лѣсныхъ дорогъ зимою, недостатокъ провіанта, но самое главное, что этотъ планъ предусматривалъ воинскія части боеспособными, неразложившимися и отступающими въ образцовомъ порядкѣ, при ненарушенной дисциплинѣ. Насколько этотъ планъ былъ схематиченъ, можно видѣть изъ того, что онъ былъ весь построенъ на постепенномъ отхожденіи воинскихъ частей на Мурманскъ. При этомъ войскамъ, оперировавшимъ на Печорѣ или на Двинѣ и долженствующимъ согласно этому плану послѣдними пройти черезъ Архангельскъ, пришлось бы идти не одну тысячу верстъ прежде, чѣмъ они достигли бы мѣста своего назначенія. Полки, стоящіе на желѣзнодорожномъ фронтѣ и которые можно было привезти въ Архангельскъ впродолженіи 24 часовъ путемъ желѣзнодорожнаго сообщенія — должны были по тому же плану эвакуаціи идти проселочными, трудно проходимыми дорогами на Онегу, а оттуда на Мурманскъ. Части же, находившіяся въ Архангельскѣ, должны были составить крайній лѣвый флангъ (вмѣстѣ съ печор-

скими) и также постепенно отходить на Онегу. Разработавъ въ деталяхъ этотъ планъ генералъ Миллеръ и его начальникъ Штаба приступили, это было уже въ концѣ января, къ постепенной его реализаціи. Были подготовлены провіантскіе склады въ Онегѣ и на смежныхъ съ нею пунктахъ. Меньше всего было удѣлено вниманія Мурманскому Краю. Туда былъ лишь посланъ докторъ Бѣлелюбскій, получившій большіе кредиты и званіе Главноуполномоченнаго по эвакуаціи. Между тѣмъ въ этомъ Краѣ было исключительно неблагополучно. Самъ мурманскій фронтъ былъ въ очень хорошемъ положеніи въ смыслѣ боевой обстановки. Командовалъ этимъ фронтомъ генералъ Скобельцынъ, способный и талантливый офицеръ, но за фронтомъ была полоса въ нѣсколько сотъ верстъ, гдѣ почти не было войскъ и которая находилась подъ вліяніемъ Мурманска, большевистски настроеннаго. Составъ населенія Мурманска, отсутствіе въ немъ интеллигенціи, большое количество пришлаго рабочаго элемента, неудачное управленіе Краемъ Ермоловымъ, — все это создавало благопріятную обстановку для прихода большевиковъ. Это обстоятельство совершенно не было учтено планомъ эвакуаціи и, если бы даже удался отходъ войскъ до мурманскаго фронта, то врядъ ли можно было избѣжать большевистскаго переворота въ самомъ Мурманскѣ, переворота, который произошелъ самъ по себѣ, силами мѣстныхъ большевистскихъ дѣятелей, и который окончился убійствомъ нѣсколькихъ моряковъ офицеровъ и арестомъ всей администраціи. Роль же Главноуполномоченнаго по эвакуаціи была менѣе печальна, но не лишена юмористическаго оттѣнка. Присланный подготовить все для эвакуаціи и для принятія войскъ Архангельскаго фронта и увидѣвъ, что въ этой Области всѣ его старанія будутъ тщетны, докторъ Бѣлелюбскій исподволь подготовилъ почву для само-эвакуаціи, пріобрѣлъ заранѣе оленей и за день до паденія власти бѣлыхъ на Мурманскѣ выѣхалъ въ Финляндію. Но въ Печенгѣ былъ задержанъ карелами и послѣ долгаго торга, рискуя быть выданнымъ большевикамъ, отдавъ кареламъ добрую половину своего состоянія, выбрался въ Норвегію. Но я зашелъ немного впередъ. Возвращаюсь къ тому плану эвакуаціи, который разработалъ Главнокомандующій.

Помимо общихъ недочетовъ, о которыхъ было сказано выше, то-есть то, что не было учтено возможное разложеніе воинскихъ частей, въ этомъ планѣ былъ рядъ дефектовъ, незамѣтныхъ при теоретической разработкѣ, но выявившихся на практикѣ и совершенно перевернувшихъ всю эвакуаціонную схему. Такъ, напримѣръ, партизане неоднократно заявляли, что они ни при какихъ обстоятельствахъ не уйдутъ изъ волостей, гдѣ расположены ихъ деревни. По плану же эвакуаціи, войска Двинскаго и Селецкаго фронта должны были отойти на желѣзнодорожную линію, гдѣ и соединиться съ войсками желѣзнодорожнаго фронта. Можно было заранѣе предвидѣть, объ этомъ рѣчь будетъ впереди, что мало кто изъ Двинскаго фронта дойдетъ до желѣзной дороги. Сами этапы эвакуаціи были вычислены съ точностью, заслуживающей лучшаго примѣненія, но совершенно не отвѣчали условіямъ сѣверныхъ путей, настроенію мѣстныхъ крестьянъ и потому, фактически, не имѣли подъ собою реальной почвы.

Все это, помимо другихъ причинъ, привело къ тому, что при реализаціи эвакуаціоннаго плана началась полнѣйшая неразбериха, части теряли другъ съ другомъ связь, однѣ уходили раньше, другія приходили позже. Происходило все именно такъ, какъ это предсказывалось военными спеціалистами еще за пять мѣсяцевъ до паденія С. О. Насколько схематична была вся конструкція этого отхожденія войскъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій небольшой эпизодъ изъ эвакуаціонной эпохи.

По схемѣ генерала Миллера для эвакуаціи раненыхъ, находившихся въ вѣдѣніи Кр. Кр., въ городѣ Архангельскѣ былъ предоставленъ нарядъ въ 150 лошадей, который должны были выполнить подгородные крестьяне. Тщетно уполномоченный Кр. Кр. ждалъ этихъ подводъ, наконецъ, прибыло откуда то три мужика, которые послѣ нѣкотораго колебанія отказались тоже везти раненыхъ.

Итакъ, военное командованіе Сѣверной Области, отказавшись въ свое время отъ эвакуаціи, предложенной англичанами, считая также невыполнимымъ планъ эвакуаціи при помощи ледоколовъ, на которомъ настаивали отдѣльные военноначальники, — и Правительство, въ лицѣ генерала Миллера приняло планъ сухопутной эвакуаціи, теоретическіе принципы котораго были изложены въ настоящей главѣ, а практическому осуществленію котораго посвящена одна изъ слѣдующихъ главъ.

XI

Въ Правительствѣ. Послѣдніе дни Области

Я разсматривалъ вхожденіе свое въ Правительство какъ содѣйствіе эвакуаціи архангельскаго фронта. Я думалъ, что смогу быть въ этомъ направленіи полезнымъ и способствовать своимъ авторитетомъ смягченію столь обычныхъ при эвакуаціи инцидентовъ. Вся моя дѣятельность въ Правительствѣ протекала подъ этимъ угломъ зрѣнія.

Ввиду остроты политическаго положенія, засѣданія вновь сформированнаго Правительства происходили ежедневно, нерѣдко по два и по три раза въ день. Изъ состава Правительства отсутствовали Алексѣй Алексѣевичъ Ивановъ, который уѣхалъ на желѣзнодорожный фронтъ, и баронъ Тизенгаузенъ, задержанный повстанческимъ движеніемъ кареловъ въ карельскомъ уѣздѣ.

Всѣ засѣданія Правительства протекали чрезвычайно мирно, никогда никакихъ эксцессовъ и разногласій не было, всѣ дѣла рѣшались къ общему желанію, причемъ генералъ Миллеръ былъ всегда сугубо лойяленъ и оттѣнялъ свою парламентарскую корректность.

Таково было внѣшнее мое впечатлѣніе и отъ засѣданій Правительства, и отъ неоднократныхъ бесѣдованій съ Главнокомандующимъ. Но это была лишь поверхность, видимость. По существу, и объ этомъ я узналъ значительно позже, всѣ эти дни шли безпрестанныя и въ сущности ничѣмъ не мотивированныя нарушенія прерогативъ Правительства. Генералъ Миллеръ былъ одно — Правительство нѣчто другое; что то вродѣ придатка, никому не нужнаго и съ которымъ считались лишь постолько — посколько.

Эта коротенькая страничка исторіи Сѣвернаго Правительства довольно интересна и заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно остановиться.

Еще до сформированія Правительства подъ давленіемъ военныхъ сферъ былъ уволенъ въ отставку генералъ Квинцинскій. Но этотъ приказъ, изданный подъ давленіемъ арміи, не былъ приведенъ въ исполненіе. Онъ состоялъ по прежнему въ должности Начштаба, и онъ же руководилъ и эвакуаціей, и военными операціями. На этой почвѣ было нѣсколько разъ обсужденіе въ засѣданіяхъ Правительства и въ частномъ порядкѣ, и неизмѣнно генералъ Миллеръ успокаивалъ, что Квинцинскаго уже нѣтъ. Но онъ былъ по прежнему.

Въ первомъ же засѣданіи Правительства былъ поднятъ вопросъ объ эвакуаціи. Но Главнокомандующимъ было подчеркнуто, что дѣло эвакуаціи подлежитъ военному командованію, что онъ не считаетъ возможнымъ, чтобы вмѣшивались въ его сферу, но что онъ можетъ дать объясненія и разъясненія. Былъ доложенъ планъ эвакуаціи, тотъ, что былъ выработанъ Начштабомъ. Вопросъ, почему отосланы ледоколы, остался безъ отвѣта. Между тѣмъ, положеніе на фронтѣ послѣ возстанія въ 3-емъ полку все ухудшалось и ухудшалось. Разложеніе перекинулось въ другія части и, хотя большевики и не наступали, наши части быстро отходили къ Архангельску.

14-го февраля положеніе стало въ достаточной степени внушающимъ безпокойство, но тѣмъ не менѣе никакихъ крупныхъ эксцессовъ не было ни на фронтѣ, ни въ тылу. Отходъ войскъ въ Архангельскъ могъ бы пройти вполнѣ благополучно. Но приказа объ эвакуаціи еще не послѣдовало. Въ засѣданіяхъ Правительства былъ поднятъ рядъ вопросовъ. Генералъ Миллеръ доложилъ, что имъ получено радіо отъ комиссара большевистской арміи Кузьмина съ предложеніемъ ликвидировать Сѣверный фронтъ. Несмотря на просьбы нѣкоторыхъ членовъ Правительства, эта радіограмма не была прочтена. Впослѣдствіи, въ Москвѣ, я узналъ что между генераломъ Миллеромъ и комиссаромъ Кузьминымъ произошелъ обмѣнъ ряда телеграммъ, о чемъ Главнокомандующій не счелъ нужнымъ докладывать Правительству. Такимъ же самочиннымъ актомъ было его самовольное обращеніе къ лорду Керзону, съ просьбой быть посредникомъ между большевиками и Правительствомъ Сѣверной Области. Почему то, по причинамъ, не вполнѣ мнѣ понятнымъ, это дѣлалось за спиною Правительства. Можетъ быть потому, что, увидѣвъ рѣзко отрицательное отношеніе членовъ Правительства къ переговорамъ его съ большевиками, Миллеръ рѣшилъ вести эти переговоры за собственный страхъ и рискъ.

Пренія въ Правительствѣ были приблизительно въ такомъ родѣ:

«Мною получено радіо отъ комиссара Кузьмина».

«Евгеній Карловичъ, заявляетъ членъ Правительства Репманъ, въ городѣ ходятъ слухи что Вы ведете переговоры съ большевиками и что Вы имъ отправили радіо».

«Да, я имъ отправилъ».

«Безъ вѣдома Правительства?» — спрашиваю я.

«Эти радіо освѣдомительныя и предварительныя».

«Я высказываюсь рѣшительно противъ переговоровъ съ большевиками, заявляю я, такъ какъ имъ совершенно нельзя вѣрить. Если и вести переговоры, то исключительно, чтобы выиграть время».

Послѣ этого, вопросъ снимается съ обсужденія.

Другимъ пунктомъ было предложеніе Главнокомандующаго о переводѣ всей иностранной валюты, принадлежавшей Правительству — за границу.

Всего было около 120 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Предлагалось эту сумму перевести на имя военныхъ агентовъ въ Копенгагенъ и въ Лондонъ.

Это встрѣтило значительныя возраженія. Послѣ долгихъ дебатовъ принято было компромиссное рѣшеніе, а именно — большую часть перевести на имя предсѣдателя Правительства Чайковскаго и только небольшую сумму во временное распоряженіе военныхъ агентовъ. Причемъ, было принято постановленіе: «что всѣ означенныя суммы принадлежатъ Правительству Сѣвер-

ной Области и расходоваться онѣ могутъ только согласно указанію послѣдняго».

Въ частной бесѣдѣ послѣ этого засѣданія мною были подняты вопросы, связанные съ эвакуацией. Я указывалъ на рядъ фактовъ, которые способствовали возникновенію паники въ городѣ. Цѣлый рядъ штабныхъ и тыловыхъ офицеровъ и чиновниковъ, не дожидаясь указа объ эвакуаціи, покидаютъ Архангельскъ, уѣзжая по направленію къ Мурманску. Я просилъ, чтобы было отдано распоряженіе о томъ, чтобы ни одинъ военно-служащій не покидалъ безъ разрѣшенія городъ. Это было мнѣ обѣщано. Обѣщано и не исполнено.

Увы, всѣ эти сухопутные бѣглецы были впослѣдствіи задержаны большевиками, въ томъ числѣ и жены генераловъ Клюева и Савича.

Послѣ долгихъ и настоятельныхъ переговоровъ генераломъ Миллеромъ была поручена эвакуація раненыхъ Красному Кресту.

Красный Крестъ предполагалъ воспользоваться прибывшимъ къ этому времени въ Двину небольшимъ ледокольнымъ пароходомъ «Сусанинымъ», съ тѣмъ, чтобы всѣхъ неспособныхъ двигаться, а также женъ и дѣтей фронтовыхъ офицеровъ эвакуировать на немъ въ Мурманскъ или въ Норвегію. Было добыто разрѣшеніе отъ Миллера, что впускъ на этотъ ледоколъ будетъ всецѣло находиться въ рукахъ Кр. Кр. и что мужчины боеспособные ни въ коемъ случаѣ не будутъ допущены на этотъ ледоколъ.

Въ это время до фронтового офицерства доходятъ слухи о томъ, что Штабы не только готовятся къ эвакуаціи, но уже частью эвакуировались. Командующіе фронтомъ доводятъ до свѣдѣнія Миллера о безпокойствѣ офицеровъ о судьбахъ своихъ женъ и своихъ семействъ, находящихся въ Архангельскѣ. Генералъ Миллеръ имъ отвѣтилъ:

«Пусть господа офицеры не безпокоятся, я беру на себя заботу объ ихъ семьяхъ».

Между тѣмъ, событія развивались весьма быстро. Еще четырнадцатаго числа въ Штабѣ Главнокомандующаго говорилось, что ничего угрожающаго нѣтъ и что спѣшить особенно некуда. А пятнадцатаго уже поднялась въ полномъ смыслѣ этого слова паника во всѣхъ военно-тыловыхъ учрежденіяхъ. Искали подводы, погружали, сжигали архивы и поспѣшно уѣзжали изъ города.

Наконецъ, былъ изданъ приказъ объ эвакуаціи. Причемъ отходъ войскъ, квартировавшихъ въ Архангельскѣ, былъ назначенъ на 19-ое февраля 3 часа дня. Согласно этому приказу всѣ боеспособные офицеры должны были до этого времени оставаться въ городѣ съ тѣмъ, чтобы общей группой отходить на Онегу.

Паника, поднятая въ тылу, не могла не отразиться и на фронтѣ. Хотя положеніе послѣдняго и не было блестящимъ, но особенно угрожающаго ничего не было, ибо большевики не наступали. Воинскія же части только постепенно таяли и таяли. Дойдя до ст. Обозерской, части желѣзнодорожнаго фронта, согласно инструкціямъ эвакуаціоннаго плана, свернули на проселочныя дороги, ведущія на Онегу.

Ледоколы по прежнему находились гдѣ то въ Бѣломъ морѣ и по прежнему военное командованіе считало безполезнымъ ими воспользоваться для эвакуаціи.

17-го февраля, когда вопросъ объ эвакуаціи былъ уже рѣшенъ, причемъ считалось, что и Правительство, и Главнокомандующій будутъ находиться при отходящихъ изъ Архангельска войскахъ, на обсужденіе Правительства былъ поставленъ вопросъ о томъ, кому же передать власть въ городѣ. Ни Городская Дума, ни земство, ни какія либо другія демократическія учрежденія взять этой

власти не могли и не хотѣли. Не могли потому, что они достаточно были замѣшаны въ антибольшевистскомъ движенiи, и съ ними, какъ имѣющими репутацiю бѣлогвардейцевъ, не стали бы считаться большевистски настроенныя массы.

Наконецъ, былъ предложенъ выходъ: передать власть въ руки Совѣта Профессiональныхъ Союзовъ, того самаго Совѣта, предсѣдатель котораго Бечинъ и члены Правленiя были осуждены въ свое время военнымъ судомъ на каторгу за большевизмъ.

На самомъ дѣлѣ этотъ Совѣтъ Профессiональныхъ Союзовъ былъ учрежденiе безпартiйное, не лишенное, впрочемъ, большевистскихъ симпатiй.

По предложенiю Миллера, на другой день было созвано совмѣстное засѣданiе этого большевиствующаго Комитета, генералитета и Правительства. Это засѣданiе было не безынтереснымъ. Предсѣдательствовалъ генералъ Миллеръ, который и доложилъ присутствующимъ, «что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ принуждены эвакуировать Область, что желательна мирная передача города въ красныя руки, и что поэтому должна быть какая-нибудь переходная власть, которая остановитъ возможные эксцессы».

Делегацiя Профессiональнаго Союза, предсѣдатель коей былъ рабочiй Петровъ, еще недавно обвиненный въ большевизмѣ, выставила рядъ требованiй, которыя сводились къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Военная власть гарантируетъ, что никто изъ членовъ Правленiя Профессiональныхъ Союзовъ не будетъ арестованъ.

2) Что на завтра, 19-ое число, разрѣшаются повсемѣстно митинги, на которыхъ будутъ призывы къ мирному поведенiю.

3) Что Главнокомандующiй оставляетъ полковника Костанди въ качествѣ исполняющаго обязанности Командующаго Архангельскимъ округомъ.

Запрошенный по телефону полковникъ Костанди изъявилъ согласiе остаться. Еще ранѣе посѣтила его делегацiя Проф. Союзовъ и просила его не эвакуироваться. Впрочемъ, это отвѣчало желанiю полковника Костанди, который былъ весьма разочарованъ въ гражданской войнѣ и видимо стремился въ Совѣтскую Россiю.

Мнѣнiя о Костанди вообще были различны. Одни его считали большевиствующимъ, другiе — самолюбивымъ честолюбцемъ. Къ демократiи онъ относился довольно холодно и особенныхъ сношенiй съ ней не имѣлъ. Несомнѣнно, онъ былъ большимъ нацiоналистомъ и начиналъ впадать въ ту ошибку, въ которую впали многiе другiе, олицетворяя въ одномъ лицѣ большевизмъ и нацiонализмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ способнымъ и талантливымъ военноначальникомъ, чего отъ него не могли отнять и его враги.

Объединенное засѣданiе окончилось къ обоюдному соглашенiю и подписанiемъ протокола на предложенныхъ делегацiей Проф. Союзовъ условiяхъ.

Въ заключенiе этого засѣданiя генералъ Миллеръ сказалъ прочувственную и весьма либеральную рѣчь, въ которой онъ подчеркивалъ свои «ультра-демократическiя идеи».

Еще утромъ 18-го февраля стало извѣстнымъ, что прибыли въ Двину вызванные, очевидно, Штабомъ ледоколы. Я уже успѣлъ отмѣтить, что въ Правительствѣ по вопросу о ледоколахъ Миллеръ всегда отвѣчалъ уклончиво, считая, очевидно, это вторженiемъ въ его военную сферу. Какъ бы то ни было, но ледоколы стояли противъ Архангельска и здѣсь выяснился любопытный фактъ, что мандатъ, выданный Миллеромъ Кр. Кр., оказался никчемнымъ, что посадкой на ледоколы завѣдуетъ капитанъ Чаплинъ и что, какъ ледоколъ Мининъ, такъ и пароходъ

Ярославна уже биткомъ набиты морскими офицерами, ихъ женами, родственниками и просто знакомыми. Жены же фронтовыхъ офицеровъ, раненые и больные офицеры еще не были посажены.

По этому вопросу я имѣлъ первый и послѣднiй разъ бурное объясненiе съ генераломъ Миллеромъ. Указавъ, что пароходы полны боеспособными офицерами, что на пароходѣ допущенъ рядъ спекулянтовъ и что вообще нарушенiе мандата Кр. Кр. мнѣ кажется страннымъ — я просилъ Главнокомандующаго остаться вѣрнымъ данному имъ слову. Генералъ Миллеръ обѣщалъ, обвинялъ во всемъ адмирала Иванова и капитана Чаплина, но . . . все продолжало идти попрежнему и попрежнему вѣдалъ посадкой на пароходъ капитанъ Чаплинъ.

Еще 17-го февраля къ завѣдующему Красно-Крестной эвакуацiей доктору Кормеру явился архангельскiй миллiонеръ и спекулянтъ Фридманъ и просилъ Кормера «пристроить» его на ледоколъ. Кормеръ отказался. Тогда Фридманъ предложилъ ему крупную взятку въ иностранной валютѣ. Это было, конечно, отклонено. 18-го вечеромъ Кормеръ былъ свидѣтелемъ того, какъ капитанъ Чаплинъ сажалъ на пароходъ Ярославну означеннаго Фридмана. Это было не единичное явленiе. Среди эвакуировавшихся на Мининѣ пассажировъ было не мало архангельскихъ купцовъ.

18-го февраля поздно вечеромъ состоялось послѣднее засѣданiе Правительства. Обсуждались вопросы эвакуацiи, причемъ на предложенный мною ясно формулированный вопросъ, не измѣненъ ли планъ эвакуацiи, Миллеръ отвѣтилъ:

«Нѣтъ, завтра, 19-го февраля, въ три часа дня, весь гарнизонъ города Архангельска, Штабы начнутъ отступленiе на Онегу».

Я спросилъ:

«Почему боеспособные морскiе офицеры, все время находившiеся въ тылу, первыми сѣли на ледоколы, предназначенные для раненыхъ?»

Я указалъ, что это дѣйствуетъ деморализующе на многочисленное офицерство, находящееся еще въ Архангельскѣ. Каждый старается попасть на пароходъ. Такъ, напримѣръ, полковникъ Грабовскiй, начальникъ Штаба желѣзнодорожнаго фронта, который былъ присланъ съ особымъ порученiемъ отъ генерала Вуличевича и который долженъ былъ еще 17-го числа вернуться на фронтъ, — вмѣсто этого уже сѣлъ на Ярославну. Миллеръ объяснилъ это снова недоразумѣнiемъ, тѣмъ, что моряки нужны въ качествѣ командпаго состава на ледоколѣ и что вообще имъ непривычно ходить по землѣ.

Послѣдняя фраза, которую сказалъ генералъ Миллеръ, прощаясь въ полночь съ 18-го на 19-ое февраля, была:

«Итакъ, господа, завтра въ три часа начинается эвакуацiя города Архангельска».

Уже позже я узналъ, что въ дѣйствительности въ это время происходила энергичная погрузка Штаба на ледоколъ Мининъ и что архангело-городскiй полкъ былъ выведенъ еще въ 9 часовъ вечера по Онежскому шоссе.

Но объ этихъ фактахъ я узналъ значительно позже. Тогда же я покидалъ губернаторскiй домъ, гдѣ происходили засѣданiя Правительства, съ вѣрой въ слова генерала Миллера.

Въ то время, когда въ военно тыловыхъ кругахъ Архангельска и среди пришлой интеллигенцiи царила паника, въ это самое время мѣстные жители относились весьма хладнокровно къ назначенной эвакуацiи С. О. и къ предстоящему приходу большевиковъ. Кромѣ единицъ, преимущественно среди крупныхъ коммер-

сантовъ, стремившихся эвакуироваться, остальное населеніе совершенно объ этомъ не думало и исподволь приготовлялось къ встрѣчѣ большевиковъ. Эти приготовленія состояли въ томъ, что запасались совѣтскими деньгами, которыя въ то время весьма высоко котировались, припрятывали цѣнности, золотыя вещи, мѣха, кое кто, болѣе другихъ связанный съ антибольшевистскимъ движеніемъ, переѣзжалъ въ провинцію, надѣясь тамъ переждать первую волну. Характерно было и то веселіе, которое царило въ Архангельскѣ въ ту зиму, принявъ особенно широкіе размѣры передъ самой эвакуаціей. Еще наканунѣ послѣдней состоялся балъ въ Купеческомъ Собраніи.

Настроеніе широкихъ слоевъ населенія сказывалось въ фразѣ: были бѣлые, будутъ красные, не все ли равно. Авось, хуже не будетъ.

XII

Бѣгство или эвакуація?

Послѣ послѣдняго засѣданія Правительства и прощанія съ генераломъ Миллеромъ я пришелъ въ Управленіе Кр. Кр., помѣщавшагося въ домѣ Антоновыхъ. Было два часа ночи на 19-ое февраля. Несмотря на позднее время, въ Управленіи Кр. Кр. было большое оживленіе и весьма тревожное настроеніе. Меня ожидалъ капитанъ II-го ранга Бурачекъ, который исполнялъ обязанности коменданта ледокольнаго парохода Сусанинъ, и сообщилъ, что ночью былъ митингъ и что рабочіе прекратили грузить уголь на ледоколъ. Въ это же время стали доходить слухи о томъ, что всѣ штабные тянутся къ ледоколу Минину и что подъ покровомъ ночи тамъ идетъ энергичная посадка. Раненые и больные офицеры, которыхъ было 127 назначено къ эвакуаціи, ожидали распоряженія къ погрузкѣ. Этого распоряженія начальникъ Штаба до сихъ поръ еще не давалъ и предполагалось, что, если Сусанинъ не будетъ въ состояніи отойти, то ихъ придется везти вмѣстѣ съ отходящими войсками. Но слухи о таинственной погрузкѣ на Мининъ и на Ярославну взволновали нашего Уполномоченнаго И. Фидлера, который и началъ сноситься съ предержащими властями. Здѣсь то и выяснилось, что фактически весь Штабъ, кромѣ полковника Костанди и дежурныхъ писарей, уже сѣлъ на «Минина». Такимъ образомъ, некому было отдавать распоряженія объ эвакуаціи раненыхъ. Долго велъ переговоры Фидлеръ и съ капитаномъ Чаплинымъ, завѣдующимъ дѣломъ погрузки, и съ адмираломъ Ивановымъ. Получался неизмѣнный отвѣтъ: «Нѣтъ мѣста. Чего вести раненыхъ. Все равно имъ здѣсь ничего плохого не сдѣлаютъ». Только благодаря энергіи доктора Кр. Кр. Кормера, который просто подвезъ раненыхъ къ ледоколамъ, началась ихъ погрузка на Ярославну. Но это было уже подъ самое утро, послѣ того какъ всѣ штабные были давно погружены.

Около 4-хъ часовъ утра въ Управленіе Кр. Кр. явился офицеръ изъ комендатуры Штаба Главнокомандующаго и сообщилъ, что генералъ Миллеръ меня проситъ пріѣхать на Ярославну. (Ледоколъ Мининъ и яхта Ярославна стояли рядомъ, противъ Собора.)

Предполагая, что Главнокомандующій хочетъ со мною посовѣтоваться объ эвакуаціи, я поѣхалъ туда. Предварительно я позвонилъ присяжному повѣрен-

ному А. Н. Новикову, который былъ моимъ секретаремъ, съ просьбою также прибыть немедленно на Ярославну, такъ какъ я не хотѣлъ вести сепаратныхъ разговоровъ и выносить персональныхъ рѣшеній. Здѣсь — на Ярославнѣ — меня ожидалъ сюрпризъ.

Главнокомандующій меня не принялъ, а комендантъ парохода предложилъ мнѣ очень корректно, но въ категорической формѣ находиться внизу въ каютѣ, не поднимаясь на палубу.

«Если Вы не послушаетесь, мы принуждены будемъ посадить Васъ въ трюмъ».

Здѣсь, внизу меня ожидалъ и Новиковъ, и мы оба недоумѣвали, зачѣмъ я понадобился генералу Миллеру.

Недоумѣваю я и теперь.

По версіи, которую мнѣ передавали значительно позже, Штабъ Главнокомандующаго будто бы боялся, что я могу помѣшать отплытію ледокола. Было ли это такъ или эта версія вымышленная, во всякомъ случаѣ, эта исторія остается для меня до сихъ поръ необъяснимой.

Всю ночь шла энергичная погрузка на ледоколъ Мининъ и яхту Ярославну. Шла эта погрузка очень поспѣшно, многіе не были о ней совершенно оповѣщены и въ первую очередь узнавали о ней лица, такъ или иначе связанныя съ морскими тыловыми офицерами и со Штабомъ Главнокомандующаго.

Я уже сказалъ, что раненые были погружены послѣдними.

Отрядъ датчанъ, составлявшій личную охрану Миллера, былъ совершенно позабытъ и датскіе солдаты прибѣжали на пристань буквально за нѣсколько минутъ до отплытія ледокола.

Но вотъ отданъ приказъ объ отплытіи.

Полное утро. Скоро 9 часовъ.

Медленно раскачивается Мининъ, расталкивая двинскій ледъ.

«Стойте. Стойте».

На пристани появились танки. Изъ нихъ выскочила группа офицеровъ. Это забытые танкисты, узнавшіе объ «эвакуаціи» только сейчасъ.

На Мининѣ начинается обсужденіе, возвращаться ли къ пристани или уѣзжать.

«Надо спѣшить! Каждая минута дорога».

Кто то говоритъ: «Какъ бы танкисты не открыли пальбу по насъ».

Наконецъ, рѣшено причалить. Снова подплываемъ къ пристани и забираемъ группу танкистовъ.

Въ это время на Чесмѣ, единственной боевой единицѣ Бѣломорскаго флота, впрочемъ, единицѣ разоруженной, матросы, увидавъ поспѣшную эвакуацію генералитета, арестовали своихъ офицеровъ. Послѣ долгихъ разговоровъ согласились ихъ выпустить, а сами, вооружившись винтовками, побѣжали въ городъ.

«Грабить буржуевъ».

Въ самомъ Архангельскѣ фактъ бѣгства Миллера уже сталъ общеизвѣстенъ. Откуда то потянулись толпы рабочихъ, снабженныхъ красными флагами, начали срывать погоны у отставшихъ офицеровъ и направились съ нестройнымъ пѣніемъ пѣсенъ къ тюрьмѣ.

«Освобождать своихъ».

А къ пристани все шли и шли одиночные офицеры и чиновники, позабытые Штабомъ. Особенно много было среди этихъ позабытыхъ — офицеровъ фронтовиковъ, только что ночью прибывшихъ съ Двинскаго фронта. Они стоятъ на

пристани, кричатъ, машутъ платками и папахами, но безполезно. Мининъ уже на серединѣ Двины. Болѣе смѣлые и находчивые, бросивъ свои вещи и запасшись досками, бѣгутъ по льду къ ледоколу. Вотъ бѣжитъ капитанъ Ч-хъ. Всюду прогалины, еще немного и онъ добѣгаетъ до ледокола, и его по трапу поднимаютъ наверхъ.

Въ спѣшкѣ и въ попыхахъ Штабъ совершенно упускаетъ изъ виду о томъ, что ледоколы Канада и Сусанинъ стоятъ у Саламболы и что они находятся въ рукахъ у команды большевистски настроенной.

Адмиралъ Ивановъ даетъ приказъ Канадѣ и Сусанину слѣдовать за нимъ.

«Иначе будемъ стрѣлять».

Тѣ ничего не отвѣчаютъ.

На пристани и на набережной собирается огромная толпа. Среди нихъ немало офицеровъ, солдатъ и просто обывателей. Они что то кричатъ, машутъ фуражками, раздаются отдѣльные выстрѣлы.

«А ну-ка, разгоните эту толпу, чтобы помнили насъ».

Раздается приказъ и нѣсколько снарядовъ пущенныхъ съ Ярославны ложатся вокругъ пристани, попавъ въ смежные съ нею дома.

Крики на пристани усиливаются. Появляются пулеметы, и видно, какъ какой то прапорщикъ начинаетъ наводить пулеметъ.

Прицѣлъ былъ взятъ мѣтко. И пули ровной цѣпью начали падать на палубу ледокола. Были раненые, въ томъ числѣ адмиралъ Ивановъ и полковникъ Короткевичъ.

«Спѣшите, спѣшите. Надо скорѣе убираться».

И Мининъ, легко разрѣзая двинскій ледъ, началъ пробираться къ морю.

Проходитъ мимо Саламболы. Видитъ отдѣльныя черныя точки, бѣгутъ по льду къ нему — это офицеры, настигшіе ледоколъ въ Саламболѣ.

Вотъ одна фигура падаетъ въ полынью, ее хотятъ вытащить, вода ледяная, замерзаетъ.

Въ концѣ концовъ, тонущій офицеръ вытянутъ и принятъ на бортъ Ярославны. Это — полковникъ Козловъ.

Полнымъ ходомъ идетъ Мининъ. Позади него по свободной водѣ — Ярославна. На обоихъ суднахъ полно. Набиты всѣ каюты, проходы, палуба и трюмы. Въ большинствѣ среди пассажировъ — штабные, сухопутные и морскіе офицеры. Фронтовиковъ почти нѣтъ. Если и есть, то какъ исключеніе. Кромѣ нихъ, сто датчанъ, 127 раненыхъ, и нѣсколько богатыхъ коммерсантовъ, извѣстныхъ своею спекуляціей.

Множество дамъ. Это все родственницы, близкія и дальнія, а то и прямо знакомыя бѣлаго генералитета. И здѣсь съ самаго начала досадное неравенство. Отдѣльныя каюты заняты генералами и ихъ женами, а раненые и всѣ прочіе лежатъ вповалку въ коридорахъ, на полу.

Тѣснота и неудобство увеличились въ сильнѣйшей степени, когда на другой день по условіямъ плаванія по Бѣлому морю пришлось бросить Ярославну. Всѣ пассажиры были съ нея сняты и переведены на Мининъ. На ледоколѣ не приспособленномъ для пассажирскаго движенія, въ узкихъ его каютахъ и коридорахъ собралось до тысячи человѣкъ и все же «законы природы» были соблюдены и генераламъ были комендантомъ оставлены отдѣльныя каюты.

XIII

Во льдахъ Бѣлаго моря

Два дня и одну ночь шелъ «Мининъ», пробираясь черезъ льды Бѣлаго моря. Наконецъ, вечеромъ 20-го февраля онъ дошелъ до горла Бѣлаго моря, гдѣ льды были особенно жестоки и непроходимы. Здѣсь, затертые во льдахъ, стояли три слабосильныхъ ледокольныхъ парохода — «Русановъ», «Сибиряковъ» и «Таймыръ». Недостатокъ угля и характеръ льда обрекалъ эти пароходы на продолжительное бездѣйствіе и имъ могла угрожать участь парохода «Соловей Будимировичъ», унесеннаго въ ту зиму ледяной массой въ ледовитый океанъ.

Когда мы достигли этихъ затертыхъ во льдахъ пароходовъ, то былъ отданъ приказъ адмираломъ Ивановымъ, чтобы всѣ пассажиры — ихъ было нѣсколько десятковъ, вся провизія и уголь, а также и капитаны этихъ пароходовъ были переведены на Мининъ. Началась энергичная погрузка въ ночь на 21 февраля.

Въ 2 часа ночи меня, дежурившаго у раненыхъ, вызвали въ спѣшномъ порядкѣ къ коменданту парохода капитану Чаплину. Здѣсь на капитанскомъ мостикѣ послѣдній мнѣ заявилъ:

«По распоряженію адмирала Вы немедленно переводитесь на пароходъ «Русановъ», причемъ Вы предупреждаетесь, что, въ случаѣ проявленія Вами какихъ либо враждебныхъ дѣйствій противъ насъ — Васъ постигнетъ жестокая кара».

Я отдалъ честь, и сказалъ:

«Слушаюсь».

«По распоряженію адмирала Вы немедленно переводитесь на пароходъ «Русанова». Немного позже туда же перевели и Новикова, моего секретаря.

Мы бродили по палубѣ «Русанова», лишеннаго угля и провіанта, обреченнаго въ лучшемъ случаѣ на гибель во льдахъ Бѣлаго моря и искали объясненій совершенному Миллеромъ насилію. Вѣдь было ясно, что мы предавались въ руки большевиковъ. Это въ томъ случаѣ, если «Русанову» удастся когда-нибудь выбраться изъ льдовъ Бѣлаго моря. Каковы мотивы, каковы причины этого поступка? Я былъ убѣжденъ, что все это сплошное недоразумѣніе, которое утромъ выяснится и мы будемъ возвращены обратно на Мининъ. Я не допускалъ мысли, это казалось невѣроятнымъ, чудовищнымъ предательствомъ, неизвѣстнымъ еще въ лѣтописяхъ гражданской войны, чтобы я, имѣвшій столь опредѣленно и ярко противобольшевистскую репутацію, осужденный большевиками за возстаніе на Волгѣ, развившій въ Парижѣ энергичную противобольшевистскую пропаганду, — все это были факты общеизвѣстные, — чтобы я могъ бы быть выданъ большевикамъ . . .

И за что? Я искалъ въ своей дѣятельности въ С. О., дѣятельности почти чуждой политическихъ выступленій, дѣятельности административно-медицинской, я искалъ въ ней чего нибудь предосудительнаго съ точки зрѣнія самой суровой критики и — не находилъ.

«Нѣтъ, это какая то галиматья. Невѣроятный, дикій фактъ. Вызвать меня на «Минина», завести въ Бѣлое море и высадить на брошенный пароходъ...»

. . . .

Между тѣмъ сестра милосердія Комарова, бывшая свидѣтельницей моего разговора съ Чаплинымъ, побѣжала къ Уполномоченному Фидлеру разсказать ему о происшедшемъ со мною. Тотъ сначала не повѣрилъ, но потомъ вмѣстѣ съ ѣхавшимъ на Мининѣ Зубовымъ пытался видѣться съ Миллеромъ. Они не

были къ нему допущены. Уже позже, когда «Мининъ» былъ въ открытомъ морѣ, предоставивъ «Русанова» и меня своей участи, состоялось наконецъ свиданіе Фидлера съ генераломъ Миллеромъ.

«Это невѣроятно, что произошло, Евгеній Карловичъ! Высаженъ докторъ Соколовъ. Вѣдь Вы его предали въ руки большевиковъ. Если онъ не замерзнетъ, онъ будетъ ими разстрѣлянъ!»

«Я объ этой исторіи, грустной и печальной узналъ тогда, когда было уже поздно. Все это было продѣлано не только безъ моего согласія, но и безъ моего вѣдома. Я здѣсь не хозяинъ на пароходѣ. Здѣсь всѣмъ распоряжаются адмиралъ Ивановъ и капитанъ Чаплинъ. Но я надѣюсь только на то, что подлость нашего поступка спасетъ его. Наше предательство слишкомъ большой козырь въ рукахъ большевиковъ, чтобы они его не использовали».

Было ли это такъ? Дѣйствительно ли Миллеръ не зналъ, что творитъ его лѣвая рука — капитанъ Чаплинъ.

Офицеры, ѣхавшіе на «Мининѣ», утверждаютъ, что весь этотъ планъ моей высадки въ Бѣломъ морѣ былъ тщательно разработанъ въ часы спѣшной эвакуаціи чаплинцами, и Миллеръ былъ о немъ освѣдомленъ. Иначе не понятно, почему не были приняты Фидлеръ и Зубовъ тогда, когда этотъ фактъ былъ еще поправимъ. Мотивы преданія меня большевикамъ офиціально были слѣдующіе.

«Докторъ Соколовъ демократъ и особенно энергиченъ. Поэтому онъ опаснѣй, чѣмъ десять большевиковъ вмѣстѣ взятыхъ».

Дѣлались возвраженія: «Но онъ работалъ все время на фронтѣ, въ боевой обстановкѣ».

«Это не резонъ. Это лишнее доказательство, какъ онъ опасенъ. Демократъ, не боящійся фронта, болѣе чѣмъ кто либо подлежитъ уничтоженію».

Но этой версіи, неясной и объясняющей все происшедшее хулиганствомъ отдѣльныхъ штабныхъ офицеровъ, противопоставляется другая версія, которую я почерпнулъ изъ достовѣрныхъ штабныхъ источниковъ.

Эта версія сводится къ слѣдующему:

«Согласно постановленіямъ Правительства 120 тысячъ фунтовъ стерлинговъ иностранной валюты переведены были за границу, причемъ распоряжаться ими имѣло право лишь Правительство, ихъ переведшее. Уже находясь на Мининѣ, докторъ Соколовъ заявилъ Репману въ присутствіи ряда генераловъ, что, если придется эвакуироваться всѣмъ за границу, то распредѣленіе этихъ денегъ должно происходить совершенно равномѣрно и не считаясь съ чинами и съ званіями. Рядовой офицеръ, сказалъ Соколовъ, также хочетъ ѣсть, какъ и генералъ».

«Въ этомъ была усмотрѣна контръ-революціонность и, такъ какъ никто не сомнѣвался, что Соколовъ, пользуясь своими заграничными связами, можетъ наложить вето на эти деньги и добьется «этой глупой равномѣрности» въ распредѣленіи, рѣшили: обезопасить себя отъ него».

«Вызовъ же его на «Мининъ» совершенно съ этимъ не былъ связанъ. Штабъ, сознавая всю незаконность измѣненія приказа объ эвакуаціи и то, что въ сущности фронтъ былъ преданъ красньмъ войскамъ, хотѣлъ прикрыть свой поступокъ именемъ демократическаго представителя. Помимо того, Штабъ просто боялся, что Соколовъ помѣшаетъ выѣзду ледокола изъ устья Двины».

Къ 10-ти часамъ утра 21-го февраля заканчивалась погрузка пассажировъ и угля съ пароходовъ на Мининъ. Шла эта погрузка поспѣшно, была полна инцидентовъ.

Неожиданно показался на горизонтѣ пароходъ. Это былъ ледоколъ «Канада», снаряженный въ погоню, возмущеннымъ бѣгствомъ генерала Миллера, населеніемъ. На «Канадѣ» было нѣсколько десятковъ матросовъ, три офицера артиллериста и комиссаръ Николаевъ, завѣдующій флотомъ Бѣлаго моря.

«Канада» по радіо предложила «Минину» сдаться. Мининъ ничего не отвѣтилъ. Началась перестрѣлка.

Это была картина исключительная по своей красочности.

Бѣлое море — сплошь покрытое толстыми глыбами льда. Эти глыбы налѣзаютъ одна на другую, поднимаясь точно огромные бѣлые медвѣди. Ослѣпительно яркое полярное солнце, не грѣющее, разсыпающееся тысячью блестокъ въ капляхъ замерзшей воды.

Три маленькихъ, сплошь до бортовъ покрытыхъ льдинами парохода кажутся жертвами, отданными ненасытной, холодной сѣверной Природѣ.

Въ центрѣ этого ледяного поля два большихъ ледокола. Медленно, точно жуки или раки двигающіеся взадъ и впередъ по жестоко непослушному льду.

Черезъ періоды, короткіе и нудные, раздаются выстрѣлы, слабымъ эхомъ теряющіеся на бѣлой снѣжной полянѣ. Снарядъ падаетъ въ ледъ, разбрасывая высоко и въ сторону комки разрушенныхъ глыбъ.

Для насъ, находящихся на «Русановѣ», для меня и для Новикова, исходъ этого боя былъ особенно волнующе близокъ. Казалось такъ несомнѣннымъ, что «Канада», прогнавъ «Минина», заберетъ насъ съ плѣнъ и тогда — безпощадная расправа большевиковъ съ нами. Но неожиданно, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ею произведенныхъ «Канада» повернулась и, потолкавшись на одномъ мѣстѣ, скрылась съ горизонта. Вслѣдъ же за этимъ и Мининъ, расчистивъ себѣ нужное пространство свободной воды, началъ медленно удаляться на сѣверъ.

Мы остались одни.

Неожиданный уходъ «Канады», какъ это потомъ выяснилось, былъ вызванъ образованіемъ трещины въ ледокольныхъ дверяхъ. Плохо и неумѣло уставленное орудіе вызвало вновь поврежденія, полученныя этимъ ледоколомъ въ одной изъ аварій.

«Мининъ», уходя, далъ приказъ:

«Слѣдуй за нами».

Приказъ этотъ, обращенный къ затертымъ во льдахъ пароходамъ, звучалъ насмѣшкой.

Даже, если бы были въ сохранности уголь и провіантъ, забранные «Мининымъ» — эти пароходы не могли двигаться ни взадъ, ни впередъ. На «Русановѣ» капитана не было. Вмѣсто него помощникъ капитана, испуганный, одинаково враждебный и бѣлымъ, и краснымъ. Къ намъ онъ относился съ видимымъ недовѣріемъ, не понимая, зачѣмъ мы пересажены на его пароходъ. Другихъ пассажировъ, кромѣ десятковъ рабочихъ, отправляемыхъ за большевизмъ на Іохангу, никого не было. Но эти большевиствующіе рабочіе оказались совершенно безразличными къ судьбамъ Сѣверной Области — къ бѣлымъ и краснымъ — и думали лишь объ одномъ, о возвращеніи въ Архангельскъ. Когда Мининъ скрылся изъ виду, то капитанъ парохода далъ радіо въ Архангельскъ:

«На ледоколѣ «Русановъ» остался членъ Правительства Соколовъ и его секретарь Новиковъ. Что съ ними дѣлать?»

Скоро получился отвѣтъ:

«Считать арестованными. Кормить. Если будетъ возможность привезти въ Архангельскъ».

Въ тѣ дни стояли жестокіе морозы. Глыбы льда, точно звѣри лѣзли на палубу пароходную. Та трещала, содрогалась и, казалось, вотъ вотъ мы будемъ погребены подъ бѣломорскимъ льдомъ.

Движеніемъ льда остальные два парохода были отнесены къ Печорскому берегу и мы остались одни.

По ночамъ только видны были огни далекаго маяка.

Передъ нами всталъ вопросъ о бѣгствѣ. Но первая же попытка пройти по льду показала всю ея тщетность. Безъ лыжъ это было немыслимо. Неровный ледъ, со множествомъ полыней, жестокій вѣтеръ, — все это были препятствія, преодолѣть которыя оказалось невозможно. Да и куда было уйти? До Мурманскаго берега было около 30 верстъ, а дальше?.. Нѣсколько сотъ верстъ безлюдной пустыни, гдѣ нельзя найти ни пищи, ни пріюта... И мы покорились своей участи...

Черезъ нѣсколько дней стало немного теплѣе и точно въ диковинной сказкѣ вся снѣжная пелена окрестныхъ льдинъ покрылась тысячами желто-черныхъ точекъ.

Это изъ воды вылѣзли самки тюленей. Это былъ періодъ дѣторожденія.

Маленькіе, бѣлые, съ красноватыми глазами, рождались тюленята. Безпомощные, красивые, какъ красивъ полярный ледъ, они неуклюже бѣгали за своими матерями, оставлявшими за собой пятна красной крови.

Криками, плачемъ чисто дѣтскимъ, оглашали эти маленькія животныя тихій воздухъ Бѣлаго моря. Казалось, особенно ночью, что это плачутъ дѣти, плачутъ горько и надрывно.

Команда парохода и рабочіе высыпали на ледъ и началось безпощадное избіеніе тюленей. Тяжелыми палками ударяли по носу изумленное, не понимающее ничего животное. Скоро тысячи трупиковъ лежало на палубѣ нашего парохода и мы понуждаемые голодомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, также приняли участіе въ этой полярной охотѣ.

Тюленья печенка была немалымъ подспорьемъ за время нашего полуголоднаго двухнедѣльняго житія во льдахъ.

Южный вѣтеръ продолжалъ дуть и, въ концѣ концовъ, вытолкнулъ пробку льда изъ горла Бѣлаго моря. Вмѣстѣ со льдомъ былъ выведенъ и «Русановъ» въ пространство чистой воды. Слѣва показался берегъ. Высокій и скалистый.

«Что это?»

Капитанъ любезно и поспѣшно намъ объяснилъ:

«Это Мурманскій берегъ. Завтра утромъ мы войдемъ въ Іохангскую бухту. Пришло радіо изъ Архангельска отъ комиссара Николаева идти въ Іохангу и, забравъ тамъ іохангцевъ, слѣдовать дальше на Мурманскъ».

«Іоханга?»

«Да, знаменитая Іоханга, куда генералъ Миллеръ ссылалъ коммунистовъ. Тамъ была каторга, а теперь, — капитанъ засмѣялся, каторжане устроили Іохангскій Совдепъ».

Къ утру мы входили въ Іохангскую бухту.

XIV

Судьба фронта

Страницей печальной и преисполненной героизма исторіи С. О. являются послѣдніе дни фронта.

Получивъ приказъ Главнокомандующаго объ эвакуаціи — войска начали отходъ по схемѣ, выше изложенной. Объ эвакуаціи Печорскихъ и Пинежскихъ частей не могло быть и рѣчи. Ген. Петренко, командующій этими фронтами, и не пытался это сдѣлать. Очень скоро произошло распаденіе воинскихъ частей этого раіона. Образовался революціонный комитетъ, генералъ Петренко былъ арестованъ и вмѣстѣ со своими офицерами сданъ совѣтскимъ войскамъ.

Но двинскій и желѣзнодорожный фронты приступили къ выполненію полученныхъ ими указаній. Несмотря на значительное разложеніе фронта и на то, что нѣкоторыя части были весьма малочисленны — осталось отъ желѣзнодорожнаго фронта сплоченное ядро, приблизительно въ 1700 человѣкъ. Двинскій фронтъ, войска котораго должны были отойти на желѣзнодорожную линію, запоздали благодаря колебаніямъ, которыя были вызваны у партизанскихъ частей нежеланіемъ покинуть родныя мѣста. Въ результатѣ, какъ ни спѣшилъ генералъ Даниловъ, командующій этимъ фронтомъ, когда онъ дошелъ до ст. Обозерской — желѣзнодорожная группа уже ушла по Онежскому направленію.

Такимъ образомъ остатки двинскаго фронта оказались въ пробкѣ, между большевистскимъ Архангельскомъ и медленно наступавшими совѣтскими войсками. Кромѣ единицъ и рѣдкихъ исключеній все офицерство двинскаго фронта тутъ же было забрано въ плѣнъ красными войсками. Всѣ ихъ вещи, деньги, однимъ словомъ все, что при нихъ было, конечно, было отобрано. Думать о какомъ либо сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Генералъ Даниловъ мнѣ разсказывалъ, что сдачѣ предшествовали мирные переговоры между нимъ и совѣтскимъ краснымъ командованіемъ. И въ отношеніи этой группы офицеровъ, которая какъ бы сдалась добровольно, Совѣтскимъ правительствомъ впослѣдствіи были оказаны незначительныя снисхожденія.

Желѣзнодорожная же группа, во главѣ съ генераломъ Вуличевичемъ, довольно быстро и дружно продвигалась къ Онегѣ. Черезъ проселочныя дороги, часто непроходимыми тропинками, въ крѣпкіе морозы, шелъ этотъ отрядъ, преодолѣвая невѣроятныя трудности. Прибывъ въ Онегу, они здѣсь соединились съ небольшими остатками войскъ, успѣвшихъ отойти отъ Архангельска. Но при дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи этотъ отрядъ ожидали новыя испытанія. И эти испытанія были прямымъ слѣдствіемъ измѣненія приказа Главнокомандующаго объ эвакуаціи, приказа, согласно которому весь штабной тылъ долженъ былъ отойти на Онегу.

Какъ только «Мининъ» покинулъ Архангельскъ, извѣстіе о бѣгствѣ Миллера и его Штаба очень быстро достигло до фронтовъ. Здѣсь оно вызвало чрезвычайное возбужденіе и сумятицу.

«Снова, говорили офицеры, насъ предали».

«Штабъ предалъ фронтъ».

Нѣкоторые офицеры не хотѣли отступать, говоря, что это совершенно безполезно. Другіе, болѣе экспансивные, еще ближе принимали къ сердцу бѣгство Главнокомандующаго. Среди офицерства двинскаго фронта было нѣсколько само-

убійствъ на этой почвѣ. Такъ застрѣлился ротмистръ Сазоновичъ, очень храбрый офицеръ, который заявилъ, что:

«Послѣ этого позора не стоитъ жить».

Нѣсколько самоубійствъ было и среди морскихъ офицеровъ и на Мурманскѣ. Вѣсть о бѣгствѣ Миллера дошла одновременно и до Мурманскаго фронта, и до Мурманска. Въ послѣднемъ она вызвала революцію и образованіе Мурманскаго революціоннаго Комитета, а въ войскахъ этого фронта произвела разложеніе, въ до тѣхъ поръ крѣпкихъ, боевыхъ частяхъ.

Генералъ Скобельцынъ, командующій этимъ фронтомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, узнавъ объ образованіи Мурманскаго Совдепа, снялся съ позицій и ушелъ въ Финляндію. Одинъ изъ мотивовъ, вызвавшихъ этотъ преждевременный его уходъ — было и отсутствіе какихъ либо распоряженій и инструкцій отъ Главнокомандующаго. Полковникъ Костанди говорилъ, что единственная телеграмма была ему послана Миллеромъ въ день его отъѣзда, въ которой Скобельцынъ извѣщался, что «Главнокомандующій отбылъ на Мурманскъ на смотръ тамошняго гарнизона». А черезъ нѣсколько дней уже стало извѣстнымъ, что ледоколъ Mининъ благополучно миновалъ Мурманскій портъ и направился къ берегамъ Норвегіи.

Скобельцынъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что войска желѣзнодорожнаго и другихъ фронтовъ были эвакуированы тоже на ледоколахъ. Какъ бы то ни было, но отрядъ Скобельцына ушелъ въ Финляндію, а красные войска безпрепятственно заняли Мурманскую линію и тѣмъ самымъ отрѣзали пути отступленія для отряда желѣзнодорожнаго фронта.

Врачъ Кр. Кр. Х., сдѣлавшій весь этотъ походъ въ отрядѣ генерала Вуличевича, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи — онъ былъ однимъ изъ немногихъ, освобожденныхъ большевиками отъ тюрьмы, о тѣхъ тяжелыхъ настроеніяхъ и о томъ мужествѣ, которое проявили офицеры и солдаты этого отряда.

Извѣстіе о нарушеніи всего плана эвакуаціи и о томъ, что Главнокомандующій уѣхалъ на ледоколѣ — это извѣстіе настигло отрядъ въ Онегѣ и заставило пережить колебанія и вызвало психологическую депрессію. Офицеры говорили:

«Цѣлый годъ мы воевали и воевали. Во имя чего? Во имя кого? Кому можно вѣрить, послѣ того какъ ближайшіе начальники насъ предали?»

Болѣе уравновѣшенные успокаивали ихъ:

«У Штаба не было другого выхода, какъ эвакуироваться посредствомъ ледоколовъ».

Особенно горячо обсуждался вопросъ:

«Почему заставили войска желѣзнодорожнаго и двинскаго фронта идти на Онегу, тогда какъ простая логика говорила, что было бы проще отойти имъ на Архангельскъ и здѣсь, если нельзя было бы эвакуироваться на ледоколахъ, то все же отступать одной компактной массой по Архангельскому тракту?»

Въ дефектахъ эвакуаціоннаго плана хотѣли видѣть злой умыселъ и предательство. Съ такимъ настроеніемъ, тяжелымъ, лишенные прежняго единодушія, желѣзнодорожники начали свое отступленіе по направленію къ Мурманскимъ позиціямъ. Въ Сорокахъ предполагалось соединеніе съ генераломъ Скобельцынымъ. Но, не дождавшись послѣдняго, какъ это уже было сказано, Мурманская группа покинула позиціи и ушла. Въ Сорокахъ на встрѣчу изнуреннымъ и изможденнымъ безконечнымъ переходомъ по снѣжнымъ дорогамъ желѣзнодорожникамъ вышли совѣтскія войска.

Несомнѣнно, такъ утверждалъ врачъ Х., при другомъ психологическомъ настроеніи не могло бы быть и рѣчи о сдачѣ и перемиріи съ большевиками. Высокія боевыя качества желѣзнодорожниковъ, ихъ смѣлость и храбрость были порукой тому, что 2000 бѣлыхъ не только бы не отступили передъ качественно болѣе слабымъ непріятелемъ, но и одержали бы здѣсь послѣднюю побѣду. Но настроеніе ихъ было подавленное. Большинство говорило:

«Еще сражаться? Не для чего. Куда мы идемъ? Всѣ предатели».

Начались нелады между высшимъ командымъ составомъ и низшими чинами. Появилось недовѣріе.

Въ концѣ концовъ, въ результатѣ мирныхъ переговоровъ генерала Вуличевича съ большевистскимъ командованіемъ была подписана капитуляція на милость побѣдителей. И здѣсь съ офицерами было поступлено, какъ и съ офицерствомъ Двинскаго фронта. Всѣ ихъ вещи, мало мальски цѣнныя, были отобраны, деньги были реквизированы, а сами офицеры отправлены въ Вологодскую тюрьму. При сдачѣ имѣло мѣсто нѣсколько инцидентовъ: нѣкоторые партизаны были разстрѣляны, несмотря на амнистію. Грубое обращеніе и издѣвательство надъ плѣнными — такова обстановка, при которой произошла ликвидація желѣзнодорожнаго отряда. По слухамъ, которые я не могъ провѣрить — Вуличевичъ былъ впослѣдствіи разстрѣлянъ.

Повидимому, для большевиковъ была большой неожиданностью столь легкая ликвидація отступающихъ сѣверныхъ войскъ. Дѣло въ томъ, что красныя войска были далеко не въ блестящемъ положеніи, второсортныя, они были совершенно обезсилены тяжелой зимой и были лишены, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, — боеспособности. Всѣ эти дни, въ которые происходилъ отходъ бѣлыхъ войскъ, красныя войска не только на нихъ не нападали, но и чрезвычайно медленно продвигались по очищенной непріятелемъ территоріи. Въ то время какъ наши желѣзнодорожники были уже на Обозерской, красныя войска медленно и точно нехотя заняли ст. Емцы. Такимъ образомъ разстояніе между красными и отступающими бѣлыми было чуть ли не въ десятки верстъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что отступленіе бѣлыхъ происходило во всякомъ случаѣ не подъ натискомъ большевиковъ.

Комиссаръ Кузьминъ, стоявшій во главѣ Совѣтской арміи, считалъ столь легкую ликвидацію сѣверныхъ отрядовъ «удивительно — счастливой». По его мнѣнію, «несмотря на сложность эвакуаціоннаго плана бѣлыхъ, послѣдніе могли бы справитъся безъ особыхъ затрудненій съ назначенной имъ задачей и дойти до Мурманскихъ позицій благодаря плохому состоянію совѣтскихъ войскъ».

Неудача отхода бѣлыхъ лежитъ, по мнѣнію этого комиссара, въ отсутствіи координированнаго центра, который бы руководилъ эвакуаціей отдѣльныхъ фронтовъ и въ томъ, что отдѣльныя приказанія Начштаба противорѣчили другъ другу.

Вопросъ, почему такъ легко былъ ликвидированъ желѣзнодорожный отрядъ, служилъ впослѣдствіи предметомъ обсужденія и споровъ среди плѣнныхъ сѣверянъ.

По мнѣнію многихъ, вся вина падаетъ на Штабъ Главнокомандующаго, который, эвакуировавшись, не только не оставилъ центра, которому были бы вручены прерогативы власти, ибо ясно, что роль полковника Костанди ограничивалась комендантствомъ въ самомъ Архангельскѣ, но и способствовалъ увеличенію путаницы своими телеграммами, извѣщающими о перенесеніи Ставки на Мурманскъ. Въ концѣ концовъ, желѣзнодорожники ничего не понимали, видѣли всюду измѣну и пали духомъ.

Многихъ смутило и то, что генералъ Миллеръ оставилъ въ Архангельскѣ какъ бы своимъ замѣстителемъ означеннаго Костанди.

«Значитъ, есть какое то соглашеніе между Миллеромъ и большевиками».

Эту версію энергично поддерживали и сами большевики, муссировавшіе слухи, что все дѣлается съ обоюднаго согласія Миллера и Кузьмина.

Подводя итоги жизни и дѣятельности фронтовой арміи С. О., приходится отмѣтить совершенно безпристрастно и объективно, что, по своимъ боевымъ качествамъ, по своему составу офицерства, по духу и настроенію солдатъ, она мало въ чемъ уступала дореволюціонной арміи. Въ ней были даже нѣкоторыя болѣе положительныя, въ сравненіи съ послѣдней, качества. Это прежде всего касается области взаимоотношеній офицеровъ и солдатъ. Кромѣ единичныхъ случаевъ, притомъ, въ большинствѣ своемъ, имѣвшихъ мѣсто въ эпоху союзнаго командованія, отношенія между солдатами и офицерами были дружелюбны, основаны на разумной дисциплинѣ, и покоились на безпрестанномъ попеченіи командного состава о своихъ подчиненныхъ. Поэтому, вѣроятно, сѣверная армія и представляла собой исключеніе изъ ряда другихъ бѣлыхъ армій, которыя при своихъ ликвидаціяхъ сопровождались насиліями солдатъ надъ офицерами, — насиліями, которыя свидѣтельствовали объ обостренныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между командным составомъ и солдатской массой.

Такія явленія не имѣли мѣста на Сѣверѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ тѣ фронтовые офицеры, съ которыми я имѣлъ возможность говорить впослѣдствіи, въ тюрьмѣ. Въ большинствѣ, распаденіе воинскихъ частей сопровождалось даже трогательными сценами прощанія солдатъ со своими командирами.

Капитанъ Е-въ, артиллеристъ, разсказывалъ мнѣ, что его солдаты при прощаніи снабдили его провизіей, переодѣли въ солдатскую форму, и дали спутника, чтобы довести его благополучно до Архангельска.

Особенно сердечны были прощанія въ партизанскихъ отрядахъ, гдѣ солдаты соболѣзнующе успокаивали своихъ офицеровъ и дѣлали все возможное, чтобы ихъ вещи спасти отъ расхищенія большевистскими частями.

О томъ же дружелюбномъ къ нему отношеніи подчиненныхъ говорилъ и генералъ Даниловъ. Солдаты его частей защищали его отъ эксцессовъ возможныхъ со стороны большевиковъ. Повидимому, менѣе благополучно, но впрочемъ, безъ кровавыхъ расправъ, произошла ликвидація броневого поѣзда «Колчакъ».

Нѣсколько офицеровъ, особенно отличившихся своими боевыми дѣйствіями и извѣстныхъ большевикамъ своей активностью, были спасены солдатами, переправившими ихъ черезъ лѣса въ Совѣтскую Россію. Нѣкоторымъ же удалось выбраться впослѣдствіи въ Финляндію, опять-таки не безъ помощи прежнихъ своихъ солдатъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и подполковникъ Брюмеръ.

Сѣверная армія осталась себѣ вѣрна и въ тяжелые дни разложенія фронта и, несмотря на всю неблагопріятную обстановку, пыталась выполнить возложенную на нее Главнокомандующимъ задачу. Не ея вина, если эта задача оказалась невыполнимой.

За невыполнимость ея офицерство заплатило новыми жертвами, своей кровью и тяжелыми страданіями по совѣтскимъ тюрьмамъ.

XV

Большевики въ Архангельскѣ

19-го февраля бѣлые покинули Архангельскъ.

Командующимъ Архангельскимъ военнымъ округомъ былъ оставленъ полковникъ Костанди, а власть въ городѣ перешла въ руки Совѣта Проф. Союзовъ, предсѣдатель коего, рабочій Петровъ, принялъ на себя званіе комиссара города Архангельска. Въ это время красныя войска стояли еще на разстояніи больше чѣмъ 100—150 верстъ отъ города и не особенно спѣшили войти въ него. Повидимому, это объясняется тѣмъ, что большевистское командованіе не довѣряло столь быстрой ликвидаціи бѣлой арміи и боялось ловушки.

Въ отвѣтъ на просьбу Проф. Союзовъ прибыть скорѣе въ Архангельскъ, комиссаръ Кузьминъ потребовалъ, чтобы полковникъ Костанди и представители Проф. Союзовъ выѣхали на ст. Обозерскую и тѣмъ самымъ гарантировали бы искренность этого призыва.

Между тѣмъ, въ самомъ городѣ было очень неспокойно. Выпущенные изъ тюрьмы уголовные арестанты грабили буржуазію, кой гдѣ и въ первую очередь разнесли всю обстановку и имущество лицъ, уѣхавшихъ на «Мининѣ».

Комиссаръ Петровъ былъ безсиленъ что либо сдѣлать, такъ какъ ни въ его распоряженіи, ни у Костанди не было надежныхъ войскъ. Кромѣ того, персонально, и тотъ и другой, возбуждали недовѣріе у мѣстныхъ большевиковъ. Въ нихъ видѣли ставленниковъ генерала Миллера и называли бѣлогвардейцами. Организованная Петровымъ совмѣстно съ комиссаромъ Николаевымъ экспедиція на «Канадѣ», столь неудачно для нихъ закончившаяся, усилила эти слухи.

«Рабочій Петровъ шпіонъ Миллера».

Демократія въ эти дни держалась весьма пассивно и, кромѣ попытки предсѣдателя Земскаго Собранія Скоморохова обратиться къ населенію «съ призывомъ о прекращеніи братоубійственной войны», не проявила себя ни въ чемъ.

Газета «Возрожденіе Сѣвера» прекратила свое существованіе, также какъ и другія Архангельскія газеты.

Члены мѣстныхъ демократическихъ партій, наиболѣе замѣшанные въ антибольшевистскомъ движеніи, выѣхали въ уѣзды; этому же примѣру послѣдовалъ и Скомороховъ. Здѣсь, послѣдній также, какъ и другіе демократическіе дѣятели, былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней архангельской Че-Ка.

Крупныхъ эксцессовъ, насилій надъ офицерами почти не было, въ чемъ несомнѣнная заслуга полковника Костанди, который энергично вмѣшивался въ защиту бывшихъ офицеровъ.

Вообще, надо отмѣтить роль Костанди въ эти три дня междуцарствія.

Роль его была незавидной. Съ одной стороны онъ былъ ставленникъ генерала Миллера, съ другой — у него не было никакихъ реальныхъ возможностей осуществить свою власть Командующаго Округомъ. Насколько онъ находился подъ подозрѣніемъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что всякое телеграфное сообщеніе было для него затруднено. Онъ не могъ и думать сноситься съ отступающими войсками.

Отовсюду, изо всѣхъ окрестныхъ деревень крестьяне привозили арестованныхъ и обобранныхъ ими офицеровъ и «буржуевъ». Административный аппаратъ еще не функціонировалъ. Че-Ки еще не было, и въ большинствѣ случаевъ такія лица въ это время междувластія выпускались на свободу.

Комиссаръ Кузьминъ, встрѣтившись съ полковникомъ Костанди на ст. Обозерской и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно бѣлый фронтъ почти ликвидированъ, началъ быстро двигаться въ Архангельскъ. И уже на третьи сутки послѣ отъѣзда Миллера произошелъ торжественный въѣздъ красныхъ войскъ въ столицу Сѣверной Области. Развѣвались красные флаги. Населеніе, въ большомъ числѣ высыпавшее на встрѣчу, довольно тепло встрѣчало своихъ новыхъ господъ.

Первый періодъ пребыванія большевиковъ въ Архангельскѣ былъ временемъ совершенно несвойственнаго для большевиковъ либерализма. Это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что власть была въ рукахъ у комиссара Кузьмина, весьма праваго и культурнаго коммуниста.

Кузьминъ, принципіальный противникъ широкаго и ожесточеннаго террора, придерживался того положенія, что надо особенно бережно обращаться съ военными спецами, иначе говоря, съ бывшими офицерами. Онъ считалъ, что взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ не только нельзя разстрѣливать, но къ нимъ надо примѣнить особенно ласковое отношеніе, дабы расположить ихъ въ пользу Совѣтскаго Правительства. Вступивъ въ Архангельскъ, онъ началъ дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ полковникомъ Костанди, неоднократно посѣщая послѣдняго въ его квартирѣ. И, хотя офиціально полковникъ Костанди и считался устраненнымъ отъ какой либо должности съ приходомъ красныхъ войскъ въ Архангельскъ, неофиціально — многое дѣлалось по его указаніямъ и совѣтамъ въ этотъ весьма краткій либеральный періодъ.

Большинство изъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ было выпущено на волю. Такъ, напримѣръ, было со многими офицерами двинскаго фронта. Если не ошибаюсь, то и генералъ Даниловъ былъ въ это время на свободѣ. Только тѣ офицеры, которые были замѣшаны въ разстрѣлахъ большевиковъ, или связаны такъ или иначе съ контръ-развѣдкой, были посажены въ тюрьму. Политикѣ Кузьмина въ отношеніи офицеровъ соотвѣтствовала политика большевиковъ и въ отношеніи гражданскаго населенія. Въ это время не было ни реквизицій, магазины были открыты, свободная торговля процвѣтала. Вселеніе въ квартиры и уплотненіе еще не начались, и принципъ «грабь награбленное» какъ будто отсутствовалъ. Лойяльность совѣтскихъ представителей доходила до того, что неуѣхавшіе члены Правительства М. Федоровъ, доктора Мефодіевъ и Поповъ не были въ этотъ періодъ ни арестованы, ни просто обезпокоены. Съ первыхъ же дней прихода красныхъ войскъ началъ функціонировать реорганизованный городской театръ, директоромъ коего былъ назначенъ артистъ Михаилъ Галацкій.

Оптимисты изъ обывателей, большевиствующіе по своимъ симпатіямъ, злорадствовали надъ тѣмъ, кто боялся красныхъ.

«Видите, разсказывали всякія небылицы про большевиковъ, что они разстрѣливаютъ, притѣсняютъ мирныхъ гражданъ, и что же мы видимъ? Даже ихъ военные враги выпущены ими на свободу».

Мѣстные кооператоры начали уже было строить планы о развитіи полузатихшей ихъ дѣятельности. Однако, попытки отдѣльныхъ гражданъ выѣхать въ Вологду или въ Петроградъ не удались. Кромѣ комиссаровъ и коммунистовъ, правомъ выѣзда никто не пользовался. И тщетно маститый В. Н. Давыдовъ посылалъ телеграммы и обращенія къ Луначарскому и Максиму Горькому съ просьбой выпустить его въ родной Питеръ — его не выпускали. Къ тому же, противъ него было сильное недовольство въ большевистскихъ сферахъ за его

дѣятельность во времена бѣлаго управленія, когда онъ объѣзжалъ фронтъ и говорилъ рѣчи, призывающія къ защитѣ Области.

Но счастливое время очень быстро кончилось. Уже черезъ полторы недѣли, въ началѣ марта прибыла Че-Ка и вскорѣ за ней — уполномоченный особаго отдѣла В. Че-Ка Эйдукъ. Съ перваго же дня прибытія послѣдняго въ Архангельскъ между нимъ и комиссаромъ Кузьминымъ началась ожесточенная внутренняя борьба. Эйдукъ объявилъ общую регистрацію всѣхъ офицерскихъ чиновъ и по особымъ спискамъ большую часть изъ нихъ посадилъ въ тюрьму. Только тѣ оберъ-офицеры и военные чиновники, о которыхъ у Че-Ка не было никакихъ компрометирующихъ свѣдѣній, остались на свободѣ, но и то подлежали еженедѣльной перерегистраціи. Комиссаръ Кузьминъ протестовалъ, — но совершенно безрезультатно. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался походъ весьма энергичный на буржуазію, демократію и вообще всѣхъ тѣхъ, кто въ сколь нибудь значительной степени былъ извѣстенъ или замѣшанъ въ сочувствіи или въ соучастіи бѣлымъ. Были арестованы члены бывшаго Правительства Федоровъ, Поповъ и другіе, рядъ кооператоровъ, причемъ Правленія Кооперативовъ были полу-ликвидированы. Начались реквизиціи, борьба со свободной торговлей, всевозможные поборы и налоги: на лишнюю пару вещей, на мѣха, на сапоги и т. д.

Обыски приняли массовый характеръ, происходили въ обстановкѣ грубаго и обиднаго издѣвательства надъ беззащитными гражданами. Населеніе пріуныло, начало прятаться и постепенно понимать смыслъ «пролетарской диктатуры».

Число арестованныхъ въ Архангельской тюрьмѣ достигло внушительныхъ размѣровъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Тюрьма была переполнена сверхъ мѣры и вновь арестованные направлялись въ бывшую богадѣльню, преобразованную въ тюрьму № 2.

Обращеніе съ арестованными было обычно большевистское. Дѣлалось все возможное, чтобы унизить ихъ, какъ можно больше, оскорбить, какъ можно глубже. На нихъ кричали, имъ тыкали, заставляли, особенно людей, извѣстныхъ въ городѣ, возить всякій день отбросы и мусоръ по Архангельскимъ улицамъ. Подъ шумокъ нѣкоторые были разстрѣляны, но все это были еще только первые признаки большевистскаго управленія.

Комиссаръ Кузьминъ, пытавшійся бороться съ Эйдукомъ, терпѣлъ одно пораженіе за другимъ. Послѣдній отправилъ подробный доносъ въ В. Че-Ка Дзержинскому о «соглашательной тактикѣ нашего товарища Кузьмина». Въ этомъ доносѣ указывалось, что «Кузьминъ подпалъ всецѣло подъ вліяніе бѣлогвардейскихъ офицеровъ и что онъ совершенно позабылъ интересы Россійской Пролетарской Власти». Въ результатѣ этого доноса Кузьминъ — объ этомъ онъ съ горечью разсказывалъ Костанди, — получилъ радіотелеграмму отъ самого Ленина:

«Обращаю ваше вниманіе, товарищъ Кузьминъ, на то, что надо тщательно избѣгать возможнаго на васъ вліянія контръ-революціоннаго офицерства. Предлагается координировать вашу дѣятельность съ дѣятельностью уполномоченнаго В. Че-Ка Эйдука».

Вслѣдъ за этимъ былъ нанесенъ и послѣдній ударъ престижу комиссара Кузьмина. Эйдукъ арестовалъ полковника Костанди, который пользовался особымъ покровительствомъ и дружескимъ вниманіемъ со стороны Кузьмина. Полковникъ былъ обвиненъ въ тяжкомъ преступленіи — разстрѣлѣ въ бытность свою Командующимъ Мурманскимъ фронтомъ 9 коммунистовъ. Тщетно онъ доказы-

валъ, что онъ не санкціонировалъ этого разстрѣла, тщетно пытался Кузьминъ за него вступиться, Костанди былъ посаженъ въ тюрьму, въ особенно строгія условія, квартира же его и вещи подверглись расхищенію. Кузьминъ же былъ отозванъ.

Не избѣгли общей участи и немногочисленные иностранцы, оставшіеся въ С. О. Былъ арестованъ Нидерландскій консулъ Смидтъ, потерявшій во время обыска добрую половину своего состоянія, бельгійцы Овенъ, нѣсколько норвежскихъ рыбаковъ.

Къ концу марта Эйдукъ, получившій болѣе высокое назначеніе по Внѣшторгу, покинулъ Архангельскъ. Но покидая его, онъ вмѣстѣ съ немалымъ количествомъ мѣховъ и прочихъ реквизированныхъ у буржуазіи вещей, увезъ съ собою въ Москву 340 наиболѣе отъявленныхъ контръ-революціонеровъ. Среди нихъ было большинство штабъ-офицеровъ взятыхъ въ плѣнъ, члены Правительства — Федоровъ и я, и десятокъ иностранцевъ, а также и неуспѣвшая убѣжать жена генералъ лейтенанта Савича. Офицеры же арестованные въ раіонѣ Мурманскаго фронта, въ томъ числѣ и желѣзнодорожники, были отправлены въ Вологодскую тюрьму непосредственно изъ Онеги.

На смѣну же Эйдуку пріѣхалъ Кедровъ, репутація котораго общеизвѣстна, какъ безпощаднаго палача и изувѣра, который вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Архангельской Губчека Балакиревымъ началъ наводить въ Сѣверномъ Краѣ подлинно Совѣтскіе порядки.

И горе было тѣмъ офицерамъ и «буржуямъ», которые не были увезены въ Москву и оказались въ полной власти этого дикаго звѣря.

Разстрѣлы, реквизиціи и безпощадныя преслѣдованія всѣхъ и вся продолжались до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что Кедровъ сумасшедшій. Тогда онъ былъ увезенъ изъ Архангельска.

XVI

Іоханга

При самомъ выходѣ изъ горла Бѣлаго моря на мурманскомъ берегу — бухта. Кругомъ голыя скалы, ни одного деревца. Постоянные неистовые вѣтры. Все это заставляло издавна людей избѣгать этихъ, какъ они называли, проклятыхъ Богомъ мѣстъ. Дѣйствительно, трудно представить себя картину болѣе безотрадной, наводящей свинцовую тоску на душу, чѣмъ Іохангская бухта. Земля здѣсь особенная, скалистая, и даже въ лѣтніе мѣсяцы только слегка отогрѣвается солнцемъ. На сотни верстъ никакого селенія. Единственное сообщеніе съ наружнымъ міромъ путемъ моря. Но въ долгіе зимніе мѣсяцы только изрѣдка заглядываютъ ледоколы, застигнутые бурнымъ восточнымъ вѣтромъ.

Здѣсь никогда не было селенія, да и невозможно оно, по мѣстнымъ климатическимъ и географическимъ условіямъ.

Только морская телеграфная станція, въ которой нѣсколько телеграфистовъ, вѣчно больныхъ и мечтающихъ лишь объ одномъ — уѣхать оттуда.

Несмотря на всю очевидную непригодность Іоханги для человѣческаго жилья, генералъ Миллеръ, въ серединѣ 19-го года, рѣшилъ обосновать здѣсь каторжную

тюрьму для преимущественно политическихъ преступниковъ. Въ короткій срокъ было сюда прислано свыше 1200 человѣкъ. Частью это были осужденные военными судами за большевизмъ, но громадное большинство принадлежало къ такъ называемой рубрикѣ безпокойнаго элемента, то-есть подозрѣваемаго въ большевистскихъ симпатіяхъ и въ оппозиціи Правительству. Эта категорія лицъ была прислана въ административномъ порядкѣ. Не мало было среди высланныхъ и уголовнаго элемента. Несмотря на разнообразіе вины и тягости совершеннаго преступленія всѣ они попали на каторжную тюрьму, ибо хотя Іоханга и не была офиціально названа каторгой, но весь бытъ жизни арестантовъ, режимъ которому они были подвергнуты соотвѣтствовалъ практиковавшимся на самыхъ суровыхъ Сибирскихъ каторгахъ.

Если бы мнѣ кто нибудь разсказалъ о нравахъ Іоханги, то я бы ему не повѣрилъ. Но видѣнному собственными глазами нельзя не вѣрить.

Арестанты жили въ наскоро сколоченныхъ досчатыхъ баракахъ, которыхъ не было никакой возможности отопить. Температура въ нихъ стояла всегда значительно ниже нуля. Бараки были окружены нѣсколькими рядами проволоки. Прогулки были исключены, да имъ и не благопріятствовала погода. Арестантовъ заставляли дѣлать безполезную, никому ненужную работу, напримѣръ, таскать камни.

Начальникомъ тюрьмы былъ нѣкій Судаковъ, личность безусловно ненормальная. Бывшій начальникъ Нерчинской каторги, онъ, очевидно, оттуда принесъ всѣ свои привычки и навыки. Онъ находилъ какое то особое удовольствіе въ собственноручныхъ избіеніяхъ арестантовъ, для каковой цѣли всегда носилъ съ собою толстую дубину. Помимо всего прочаго, онъ былъ нечистъ на руку. Пользуясь отдаленностью Іоханги отъ Архангельска и тѣмъ, что никакого контроля надъ нимъ не было, онъ самымъ безпощаднымъ образомъ обкрадывалъ арестантовъ на, и безъ того скудномъ, пайкѣ.

Результаты его дѣятельности были на лицо. Объ этомъ говорятъ голыя цифры. Изъ тысячи двухсотъ присланныхъ арестантовъ, 23 были разстрѣляны за предполагаемый побѣгъ и открытое непослушаніе, 310 умерли отъ цынги и тифа, и только около 100 черезъ восемь мѣсяцевъ заключенія остались болѣе или менѣе здоровыми. Остальныхъ, я ихъ видѣлъ, Іохангская каторга превратила въ полуживыхъ людей. Всѣ они были въ сильнѣйшей степени больны цынгой, съ почернѣвшими, раздутыми руками и ногами, множество туберкулезныхъ и какъ массовое явленіе — потеря зубовъ. Это были не люди, а жалкое подобіе ихъ. Они не могли передвигаться безъ посторонней помощи, ихъ съ трудомъ довезли до Мурманскихъ лазаретовъ.

Кто же были по своему соціальному и политическому составу эти несчастные?

Анкета, произведенная Іохангскимъ Совдепомъ уже послѣ паденія Области, показываетъ, что только 20 изъ нихъ принадлежало или, во всякомъ случаѣ, считало себя коммунистами. Остальные, это были безпартійные, причемъ вначалѣ, когда они попали въ тюрьму, сочувствующихъ большевизму было среди нихъ только 180, число коихъ постепенно возрастало и, ко времени къ которому относится нашъ пріѣздъ на Іохангу, всѣ, за исключеніемъ 10, считали себя большевиками.

Когда пришло радіо комиссара Петрова, что Правительство С. О. уѣхало на ледоколѣ, то немедленно въ тотъ же день, это было 21-го февраля, произошелъ переворотъ и на Іохангѣ.

Судаковъ былъ арестованъ и избитъ. Также были арестованы большинство изъ охранявшихъ арестантовъ надзирателей, а также нѣкоторые провокаторы-предатели изъ числа арестантовъ, шпіонившихъ Судакову, и списокъ коихъ былъ найденъ у послѣдняго.

Произведя переворотъ и захвативъ власть въ свои руки, іохангцы организовали Совдепъ, предсѣдателемъ котораго избрали Бечина, а товарищемъ предсѣдателя Клюева и Цейтлина. Послѣ этого стали дожидаться случая: прихода ледокола, чтобы перебраться всѣмъ на Мурманскъ.

Первымъ такимъ ледоколомъ, пришедшимъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ перерыва въ Іохангскую бухту былъ «Русановъ», на которомъ находился и я.

О настроеніи іохангцевъ можно не говорить. Они были полны безумнаго, слѣпого гнѣва противъ бѣлогвардейцевъ. Ненавидѣли Сѣверное Правительство и генерала Миллера, которыхъ въ одинаковой степени считали виновниками ихъ страданій, гибели ихъ товарищей, и были полны одной только мыслью, однимъ желаніемъ отомстить бѣлымъ.

Достоино удивленія, почему ими не былъ убитъ начальникъ тюрьмы Судаковъ, который былъ ими особенно ненавидимъ. Это было сдѣлано исключительно подъ вліяніемъ Бечина, который убѣдилъ своихъ товарищей отложить казнь Судакова до Мурманска.

«Надо по суду» — такова была точка зрѣнія Бечина.

О томъ что на «Русановѣ» ѣдетъ задержанный «министръ» — объ этомъ іохангцы были освѣдомлены изъ радіо комиссара Николаева. Лишь «Русановъ» вошелъ въ бухту, ему навстрѣчу вышелъ катеръ наполненный вооруженными людьми. На мачтѣ катера висѣлъ небольшой лоскутокъ красной матеріи.

Іохангцы поднялись на бортъ парохода и множество голосовъ — я это слышалъ изъ своей каюты, другъ друга перебивая спрашивало:

«Гдѣ бѣлые? Гдѣ министръ? Гдѣ бѣлый министръ?»

Человѣкъ двадцать вошло ко мнѣ и грубо, не скрывая своей враждебности, обыскали, отняли револьверы у меня и у Новикова и потащили насъ на катеръ.

Дулъ нестерпимый восточный вѣтеръ. Насъ заставили стоять на открытой площадкѣ катера и этотъ короткій переѣздъ, пятнадцати-минутный, показался намъ вѣчностью.

По унылой скалистой дорогѣ, по краямъ которой нерѣдко попадались деревянные кресты — могилы умершихъ іохангцевъ, насъ повели въ Совдепъ.

Быстро небольшая комната Совдепа наполнилась множествомъ людей. Всѣ они окружили насъ и возмущенно, взволнованно говорили о своей участи. Во всемъ они обвиняли Правительство и считали меня отвѣтственнымъ за ими испытанное:

Больные, съ угрозой подносили къ моему лицу распухшія руки . . .

Кричали о погибшихъ товарищахъ.

Все энергичнѣе раздавались крики: «Надо съ нимъ покончить».

Бечинъ старался успокоить взволнованныхъ іохангцевъ и добился только того, что они согласились отложить самосудъ, или, вѣрнѣе, «революціонный судъ» надо мною до утра.

Послѣ этого насъ еще разъ тщательно обыскали и здѣсь, найденные ими у меня корреспондентскіе удостовѣренія сослужили мнѣ службу.

Президіумъ Совдепа рѣшилъ запросить комиссара Кузьмина: разрѣшаетъ ли онъ революціонный судъ надо мною?

Между тѣмъ, насъ отвели въ карцеръ, небольшую холодную комнату, и здѣсь мы провели тяжелую, безсонную ночь. Въ сосѣдней караулкѣ солдаты, насъ охранявшіе, вели несмолкаемые разговоры на ту тему, что:

«Завтра утромъ ихъ будутъ разстрѣливать».

«Кому достанутся сапоги, что на министрѣ?»

«Какъ, молъ, жаль, что попалось только двое бѣлыхъ».

Въ шесть часовъ утра насъ повели, окруживъ усиленнымъ конвоемъ. Мы были убѣждены, что ведутъ насъ разстрѣливать. Да этого и не скрывали сопровождавшіе насъ солдаты. Конвойные были настроены очень миролюбиво. Угощали насъ папиросами и убѣждали насъ, «что бѣлые, что красные — все одно». Эти конвойные были изъ плѣнныхъ красноармейцевъ.

Насъ подвели къ маленькому полуразрушенному дому, приткнувшемуся къ большой голой скалѣ.

«Сейчасъ кончимъ, господа, сказалъ любезно старшій конвоиръ . . .»

Но мы простояли у скалы еще полъ часа. На жестокомъ полярномъ морозѣ. Намъ было такъ холодно и мы такъ замерзли, что основнымъ нашимъ чувствомъ было безразличіе.

Наконецъ, пришелъ Бечинъ и сообщилъ намъ, что:

«Пришло распоряженіе изъ Архангельска отправить насъ пока въ Мурманскъ, а потомъ при удобной оказіи обратно въ Архангельскъ».

«На расправу», прибавилъ онъ немного зло.

Насъ снова повели на пристань — полуразрушенную старую барку. Здѣсь къ намъ присоединили группу арестованныхъ іохангцами, смѣшавъ во едино съ Судаковымъ, тюремными надзирателями и предателями.

Отнынѣ мы не имѣли другого названія, другихъ эпитетовъ, какъ:

«Собаки — предатели».

Въ этой разношерстной компаніи насъ повезли на ледоколъ. Здѣсь все уже было полно больными и здоровыми іохангцами.

При видѣ насъ поднялся нечеловѣческій вой, дикіе крики:

«Собака Судаковъ, вотъ онъ, вотъ онъ».

Толпа схватила Судакова и стала его избивать. Удары посыпались и на другихъ нашихъ сосѣдей. Только вмѣшательствомъ Президіума Совѣта всѣ мы, въ томъ числѣ и Судаковъ, были спасены отъ разъяренной толпы и уведены въ трюмъ.

Но верхняя крышка трюма не была закрыта и весь двухдневный путь до Мурманска наверху толпились іохангцы и угрожали немедленной расправой намъ, беззащитнымъ ихъ плѣнникамъ.

Впечатлѣнія этихъ дней трудно передать въ короткихъ строкахъ настоящей главы. Все происходившее со мною, съ нами, казалось мнѣ чѣмъ то нереальнымъ, до того нелѣпо было все это. Высадка генераломъ Миллеромъ меня на «Русановъ», артиллерійскій бой во льдахъ, тюлени и наконецъ іохангская каторга. И на ряду съ этимъ — нестерпимое чувство голода.

Вспоминая теперь Іохангскую каторгу, я не могу мыслить ее реальностью. И самый фактъ ея существованія въ Сѣверной Области кажется мнѣ логическимъ недоразумѣніемъ, порожденнымъ узостью и крайней нетерпимостью отвѣтственныхъ руководителей Сѣверной Области.

XVII

На Мурманскѣ. Че-Ка. Въ угольной ямѣ

На Мурманской пристани нашъ ледоколъ поджидала огромная толпа: собрался весь городъ. Здѣсь былъ въ полномъ составѣ красноармейскій полкъ, портовые рабочіе и просто обыватели. Всѣ пришли встрѣчать освобожденныхъ Іохангцевъ.

Множество красныхъ флаговъ, оркестръ музыки, пѣніе Интернаціонала.

Послѣ всѣхъ вывели и насъ, арестованныхъ.

Снова проклятія, угрозы, дикіе вопли. Потомъ повели черезъ весь Мурманскъ. Этотъ путь былъ нашей Голгоѳой.

Толпа, возмущенная видомъ обезображенныхъ Іохангцевъ, требовала немедленнаго самосуда надъ виновниками страданій этихъ послѣднихъ.

Предметомъ особеннаго гнѣва толпы были Судаковъ и нѣкоторые надзиратели бывшей тюрьмы. Весь путь толпа старалась расправиться съ Судаковымъ по своему и этому мѣшали только часовые, насъ сопровождавшіе. Но иногда, когда энергія послѣднихъ ослабѣвала, казалось, вотъ вотъ Судаковъ и мы всѣ будемъ уничтожены толпой.

Уничтожены и разорваны, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Всякій изъ толпы считалъ своимъ долгомъ, своею прямою обязанностью бросить въ насъ камнемъ, палкой или кускомъ льда. И снова, больше всего ударовъ доставалось на долю бывшаго начальника Іохангской тюрьмы.

. . . .

Наконецъ, насъ привели къ низкому деревянному зданію — тюрьмѣ.

Здѣсь, послѣ тщательнаго обыска и избіенія нѣкоторыхъ изъ бывшихъ между нами партизановъ, насъ ввели въ общую камеру. Въ помѣщеніи, едва ли предназначенномъ больше чѣмъ на двадцать человѣкъ, мы нашли около сотни раньше насъ арестованныхъ. Въ этой камерѣ была вся высшая администрація Мурманскаго Края, арестованная въ первые же дни переворота. Между ними былъ начальникъ Края Ермоловъ, сенаторъ Виноградскій, много военныхъ, а также и рядъ мѣстныхъ интеллигентовъ.

Всѣ они сидѣли здѣсь уже около мѣсяца, дожидаясь своей участи. Нѣкоторые изъ нихъ были полны ни на чемъ не основаннымъ оптимизмомъ. Такъ, напримѣръ, Ермоловъ и Виноградскій думали, что ихъ скоро выпустятъ — они въ числѣ первыхъ были разстрѣляны Кедровымъ.

Помимо скученности нашей камеры, плохого питанія, было организованное и тщательно продуманное издѣвательство. Всѣхъ насъ заставляли въ центрѣ города производить самую грязную и утомительную работу. Чистить отхожія мѣста, пилить огромныя бревна, при чемъ на это собирался весь большевистскій городъ. Стараго полковника Н. заставляли нести огромные ящики со снарядами, а когда онъ изнемогая падалъ, то его подбадривали ударами палокъ. И все это при одобрительномъ хохотѣ многочисленныхъ зрителей.

«А, бѣлогвардейцы, ѣздили на нашей шеѣ, теперь и мы поѣздимъ!!»

«Ишь, какіе бѣлолицые!»

Особенно неистовствовалъ комиссаръ Мурманской Че-Ка молодой коммунистъ. Его репутація была весьма сомнительной, даже въ большевистскихъ кругахъ. Его считали нечистымъ на руку, разсказывали о томъ, какъ онъ беззастѣнчиво и развязно грабилъ арестованныхъ. Я въ этомъ убѣдился воочію.

При обыскѣ онъ замѣтилъ у меня запонки, простыя, позолоченныя.

«Золотыя?»

«Нѣтъ», отвѣчаю.

«Врешь небось?»

Я пожалъ плечами. Онъ началъ разглядывать эти запонки и послѣ нѣкотораго раздумья положилъ ихъ себѣ въ карманъ, прибавивъ:

«Пригодятся».

У Новикова онъ нашелъ серебряный портсигаръ и, ни слова не говоря, спряталъ его къ себѣ. Новиковъ вздумалъ было возмущаться, просить росписку въ отобраніи портсигара, но угрожающій окрикъ:

«Поговори еще» — заставилъ его примириться съ этимъ столь явнымъ грабежомъ.

Вечеромъ, въ первый же день нашего пребыванія въ Мурманской тюрьмѣ онъ пришелъ въ камеру и здѣсь обратилъ вниманіе на мои высокіе сапоги.

Это были обыкновенные русскіе военнаго образца сапоги.

«Скидывай».

«Я остолбенѣлъ отъ этого окрика и этого приказанія, дикаго даже при всей существующей большевистской обстановкѣ. Я рѣшительно отказался подчиниться этому требованію. Комиссаръ вызвалъ четырехъ караульныхъ и сапоги были съ меня насильно сняты.

Нѣсколько дней я ходилъ на обязательную рубку дровъ въ городъ босикомъ. На мое счастье въ это время была незначительная оттепель.

По разсказамъ Ермолова и другихъ администраторовъ Мурманскаго Края, переворотъ въ Мурманскѣ представляется происшедшимъ слѣдующимъ образомъ:

Уже 20-го февраля стало извѣстно о бѣгствѣ генерала Миллера и тотчасъ же группы портовыхъ рабочихъ начали собираться около дома Начальника Края. Попытка вооруженнаго разгона толпы оказалась безрезультатной и чреватой послѣдствіями. Полковникъ Д-скій, давшій распоряженіе стрѣлять по толпѣ, былъ звѣрски убитъ. Нѣсколько человѣкъ изъ стражи было ранено. Толпа безпрепятственно завладѣла городомъ и встрѣтила сопротивленіе только среди офицеровъ миноносца, находившагося въ Мурманскомъ порту. Въ результатѣ этого столкновенія шесть морскихъ офицеровъ покончило самоубійствомъ. Мало кто изъ администраціи или офицерскаго состава успѣлъ скрыться. Въ числѣ этихъ рѣдкихъ счастливцевъ былъ, какъ я говорилъ выше, и докторъ Бѣлелюбскій. Полковникъ Соколовскій былъ арестованъ почти на самой границѣ Финляндіи и жестоко избитъ комиссаромъ Че-Ка. Впослѣдствіи, по слухамъ, онъ былъ тоже разстрѣлянъ. Находившіеся на Мурманскѣ иностранцы успѣли въ большей своей части уѣхать на пароходѣ «Ломоносовъ». Отрядъ же датчанъ въ количествѣ 60 человѣкъ подвергся общей участи и принужденъ былъ капитулировать передъ большевиками. Но послѣ того какъ эти датчане признали Совѣтскую власть, они не только были оставлены на свободѣ, но имъ было возвращено ихъ оружіе. Вскорѣ они были отправлены за границу. Говорятъ, столь милостивое къ нимъ отношеніе было продиктовано изъ Москвы.

Изъ этого краткаго описанія видно, что власть въ Мурманскѣ оказалась еще болѣе безпомощной, чѣмъ въ Архангельскѣ. Вполнѣ естественно, что генералъ Скобельцынъ, узнавъ о происшедшемъ въ тылу у него возстаніи, закончившемся переходомъ власти къ мѣстнымъ большевикамъ, счелъ за наиболѣе благоразумное, не дожидаясь развитія дальнѣйшихъ событій, отойти въ Финляндію. Тѣмъ

более, что онъ не былъ информированъ ни о мѣстѣ нахожденія Штаба Главнокомандующаго, ни о судьбѣ войскъ Архангельскаго фронта.

Къ серединѣ марта, времени когда я былъ привезенъ въ Мурманскъ, туда уже прибыли красныя войска и ожидался со дня на день комиссаръ Кедровъ. А въ ожиданіи его пріѣзда безраздѣльно царила Чрезвычайная Комиссія. Она, въ полномъ смыслѣ этого слова, неистовствовала и ей была чужда и тѣнь либерализма, которымъ до извѣстной степени щеголялъ Архангельскъ.

Вся рѣшительно интеллигенція безъ единаго исключенія была арестована. Правда, что она была немногочисленной въ этомъ заброшенномъ городѣ. Офицеры, инженеры и учителя, врачи, конторщики — всѣ, кто хоть мало мальски претендовалъ на интеллигентность и не былъ большевикомъ, попалъ въ тюрьму, причемъ его имущество было разграблено или конфисковано. Повидимому, можно утверждать, что сильнѣе всего въ Области пострадалъ отъ большевиковъ и больше всего было жертвъ ихъ насилія — въ Мурманскѣ.

На третій день моего пребыванія въ Мурманской тюрьмѣ, подъ вечеръ, были впущены въ нашу камеру два датчанина. Одинъ, чрезвычайно изящный офицеръ и другой — солдатъ, видимо, его деньщикъ. Имъ разрѣшили взять съ собою кожаные саквояжи и всѣ необходимыя для европейца вещи. На фонѣ нашей камеры казались такими странными эти два европейца, принесшіе съ собою несессеры, кофейники, будильникъ и неотобранныя деньги.

Офицеръ, говорившій немного по французски, объяснилъ мнѣ, что онъ поздорилъ съ комиссаромъ по вопросу объ уменьшеніи пайка для его солдатъ. Онъ былъ увѣренъ, что его должны завтра же выпустить, и эта его надежда осуществилась. На другой же день онъ покинулъ нашу камеру.

Но ночь, проведенная имъ въ тюрьмѣ, оставила въ немъ большое впечатлѣніе.

Двое партизановъ были вызваны въ коридоръ. Они не хотѣли идти, ихъ вытащили, избили, и тутъ же въ коридорѣ разстрѣляли. Но главное мученіе, какъ мнѣ говорилъ датчанинъ, онъ испытывалъ отъ дѣйствительно антигигіеническихъ условій, въ которыхъ мы находились. Мы всѣ спали на грязномъ полу. Изобиліе паразитовъ. Невыносимо спертый воздухъ, запахъ параши — показались датчанину чѣмъ то чудовищнымъ. Онъ былъ журналистомъ, корреспондентомъ большой Копенгагенской газеты и пріѣхалъ на Мурманскъ въ погонѣ за сенсаціями. Вѣроятно, онъ ихъ получилъ.

Но я воспользовался его кратковременнымъ пребываніемъ въ камерѣ и подробно его информировалъ о послѣднихъ дняхъ С. О. Вѣроятно, ему я обязанъ тѣмъ, что о моей судьбѣ стало извѣстно въ Норвегіи и во Франціи — въ результатѣ чего состоялась интервенція въ мою судьбу со стороны Международнаго Краснаго Креста, Брантинга и французской прессы. Комиссаръ В. Че-Ка Могилевскій показывалъ мнѣ впослѣдствіи въ Москвѣ телеграммы просящія Совѣтское правительство объ облегченіи моей участи.

На седьмой день пребыванія нашего въ Мурманской тюрьмѣ мы, то-есть всѣ арестованные на Іохангѣ, Новиковъ и я были вызваны изъ камеры, еще разъ обысканы и затѣмъ насъ заставили подъ угрозой разстрѣла бѣжать черезъ Мурманскъ на пристань. Почему заставили насъ бѣжать — повидимому, это была одна изъ формъ большевистскаго издѣвательства. Мы бѣжали по скользкому,

оледенѣлому снѣгу, боясь больше всего оступиться и упасть. Одинъ изъ нашей партій, пожилой больной мужичекъ, не выдержавшій быстраго бѣга и поскользнувшійся, былъ заколотъ штыками сопровождавшаго насъ конвоя.

Мы снова на ледоколѣ. Снова неизмѣнное избіеніе Судакова и крики, и ругань комиссаровъ. Но на этотъ разъ намъ была пріуготовлена новая форма пытки. Всѣ мы, въ количествѣ около 30-ти человѣкъ, были посажены въ угольную яму. Узкая, длинная, насквозь пропитанная черной липкой пылью — таково было наше новое мѣстонахожденіе. Разъ въ день намъ сбрасывали внизъ хлѣбъ и спускали небольшое количество воды. Особенно гнетущее впечатлѣніе въ этой обстановкѣ — производили наши спутники, ибо были они — въ большинствѣ своемъ — отбросы общества, давнишніе и закоренѣлые преступники. И, хотя всѣ мы были нищими и ни у кого изъ насъ не было ничего съ собою цѣннаго, это не мѣшало тому, что подъ покровомъ темноты угольной ямы процвѣтало воровство. Явленіемъ неизбѣжнымъ были также ежедневныя драки изъ за бросаемой внизъ порціи хлѣба. Отъ недоѣданія и холода двое изъ нашей партіи умерло, но тщетно мы просили убрать мертвецовъ, ихъ убирать не хотѣли и нѣсколько дней ѣхали трупы вмѣстѣ съ нами въ угольной ямѣ.

Въ Архангельскѣ опять повторилась прежняя исторія, снова огромная большевистская толпа, на этотъ разъ на вокзалѣ, сочувствующая больнымъ Іохангцамъ и враждебная намъ. Снова избіеніе Судакова и угрозы расправиться со всѣми нами судомъ Линча. Но меня еще до того отдѣлили отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ Новикова, и со специальной стражей отправили въ Особый отдѣлъ Архангельской Че-Ка.

XVIII

Въ Москву

Архангельскіе чекисты обращались со мною вѣжливо. Не кричали на меня, не угрожали революціоннымъ судомъ и не снимали съ меня сапогъ. Получивъ распоряженіе объ отправкѣ меня въ Москву и убѣдившись въ моей безповоротной и неискоренимой контръ-революціонности, они оставили меня въ покоѣ. Я былъ посаженъ въ маленькую камеру — комнату при Особомъ отдѣлѣ, и нѣсколькимъ красноармейцамъ было поручено меня охранять. Послѣдніе все время играли въ «три листка», спорили о томъ, когда ихъ отпустятъ домой и приносили новости изъ архангельской жизни. Это время было расцѣтомъ дѣятельности Эйдука. Лихорадочно шли по всему городу обыски и аресты, ежедневно приводили въ Че-Ка толпы арестованныхъ, и не было другихъ разговоровъ у комиссаровъ и его помощниковъ, какъ на тему о томъ, что «товарищу Балакиреву удалось реквизнуть партію иностранной валюты», «а что товарищу Эйдуку посчастливилось найти у одного буржуя цѣлыхъ десять шкуръ голубого песца». Создавалось такое впечатлѣніе, что шла борьба отнюдь не съ контръ-революціей или съ буржуазіей, а самая настоящая погоня за цѣнными вещами. Неоднократно имѣли случаи аресты лицъ только потому, что предполагалось у нихъ «поживиться». Я съ совершеннѣйшимъ удивленіемъ черпалъ отъ моихъ конвоировъ

закулисныя тайны Чрезвычайной Комиссіи. Многому я не вѣрилъ и уже только въ Москвѣ убѣдился, что нравы и обычаи Че-Ки всюду по всей Россіи одни и тѣ же и что они дѣйствительно зиждутся на особомъ принципѣ — «грабь — награбленное».

Однажды, въ мою камеру, это было ночью, былъ введенъ пожилой интеллигентнаго вида господинъ. Въ совершенномъ отупѣніи онъ бухнулся въ уголъ, прямо на полъ, и просидѣлъ молча нѣсколько часовъ. Когда онъ обрѣлъ способность рѣчи, то на плохомъ русскомъ языкѣ онъ мнѣ объяснилъ что онъ, голандскій консулъ Смидтъ, былъ неожиданно вечеромъ арестованъ, при чемъ всѣ его деньги, золотыя вещи и мѣха были у него отобраны. Все, что онъ скопилъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, все это подверглось реквизиціи. За что? Онъ этого не понималъ. Голандія страна нейтральная, въ войнѣ съ большевиками не была и вмѣстѣ съ тѣмъ его обвиняютъ чуть ли не въ заговорѣ, въ покушеніи на интервенцію въ дѣла Совѣтской Республики и грозятъ разстрѣломъ. Онъ показался мнѣ невмѣняемымъ и дѣйствительно нѣсколько дней спустя, уже въ поѣздѣ онъ покушался на самоубійство. Мнѣ удалось его немного успокоить и доказать, что онъ долженъ быть скоро освобожденъ. Дѣйствительно, онъ былъ освобожденъ, но послѣ того, какъ мы съ нимъ просидѣли не одинъ день въ тюрьмѣ Особаго Отдѣла въ Москвѣ. Его выпустили, передъ нимъ извинился самъ Караханъ, но иностранная валюта ему не была возвращена, ибо, какъ ему объявили, «по закону Совѣтской Республики» иностранная валюта не можетъ быть въ обращеніи частныхъ лицъ.

Случаями, подобными только что мною описаннымъ, полна лѣтопись города Архангельска. Въ лучшемъ случаѣ: арестъ, реквизиція всего цѣннаго, реквизиція безъ описи и протокола, а затѣмъ освобожденіе и извиненія.

Въ худшемъ же случаѣ послѣ ареста и реквизиціи обвиненіе въ контръреволюціонности и разстрѣлъ, продиктованный желаніемъ комиссаровъ пограбить.

25-го марта мнѣ, а также находившимся въ Особомъ Отдѣлѣ иностранцамъ велѣли собираться въ путь. Мои сборы были не долги. Все мое имущество заключалось въ эмалированной кружкѣ, подаренной мнѣ однимъ изъ моихъ бывшихъ санитаровъ, и смѣны бѣлья, присланной фельдшеромъ моего отряда, узнавшимъ о моихъ злоключеніяхъ.

Противъ дома Че-Ка были собраны всѣ тѣ, которые отправлялись въ Москву. 320 офицеровъ, около 20-ти иностранцевъ, члены Правительства С. О. — М. Федоровъ и я, и, наконецъ, несчастная жена генерала Савича, арестованная недалеко отъ Онеги, при попыткѣ уѣхать въ Финляндію. Среди офицеровъ были генералъ Даниловъ и полковникъ Костанди.

Окруживъ насъ сплошнымъ кольцомъ часовыхъ, насъ повели на вокзалъ и здѣсь размѣстили весьма скученно въ теплушки и вагоны поѣзда, который везъ Эйдука въ Москву.

Нѣсколько дней пути! Несмолкаемые разговоры и споры о томъ, почему пала С. О., почему такъ печальна наша участь, разговоры, къ которымъ примѣшивалось плохо скрытое ощущеніе, что въ это время въ эти самые дни «наши военные вожди» въ Парижѣ или въ Лондонѣ, находятся въ культурнѣйшихъ условіяхъ и отнюдь не подвергаются ежеминутнымъ и ежесекунднымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ.

Позади — мѣсяцы фронтовой жизни. Мѣсяцы испытаній.

А впереди полнѣйшая неизвѣстность.

Одни говорятъ — «Везутъ, чтобы освободить». Другіе — ждутъ разстрѣла, а третьи — ничего не ожидаютъ, уставъ отъ прошлаго и не желая будущаго.

Многіе изъ этихъ офицеровъ разстрѣляны, къ сожалѣнію, точно не извѣстны ни имена погибшихъ, ни имена живыхъ. Ибо ихъ, привезя въ Москву, посадили въ Бутырскую тюрьму, въ условія сугубо строгія, и здѣсь ихъ начали сортировать, направляя однихъ на Польскій фронтъ, другихъ обратно въ распоряженіе Архангельской Че-Ка.

Меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ Федоровымъ и консуломъ Смидтомъ отдѣлили отъ остальныхъ арестованныхъ и отправили подъ усиленнымъ конвоемъ въ Особый Отдѣлъ В. Че-Ка. И только впослѣдствіи я былъ переведенъ въ Бутырскую тюрьму, гдѣ и встрѣтился вновь съ Сѣверными офицерами.

Но этотъ періодъ моей жизни не принадлежитъ уже Сѣверной Области и лишь нитями неизбѣжной причинности связанъ съ моимъ пребываніемъ на Сѣверномъ фронтѣ.

* *
*

Нужны ли обобщенія?

Я думаю, что нѣтъ.

Всякое обобщеніе, всякій синтезъ претендуетъ на «истину», на непреложность. Мой же разсказъ есть только повѣствованіе, вѣроятно, не лишенное субъективности, о томъ — чему я былъ свидѣтелемъ въ Сѣверной Области.

Этотъ разсказъ есть не больше, чѣмъ сырой матеріалъ, которымъ въ свое время сможетъ воспользоваться историкъ, который будетъ описывать годы «Великой Россійской Разрухи и гражданской войны».

Воспоминанія о революціи въ Закавказьи

(1917—1920 г. г.)

Б. Байкова

Русская революція 1917 года, этапы ея развитія въ Закавказьи и тѣ историческія событія, которыя привели Закавказье къ отдѣленію его отъ Россіи, отъ своего центра, и къ созданію цѣлаго ряда «суверенныхъ» республикъ, требуютъ подробнаго освѣщенія. Попытки въ этомъ направленіи уже были сдѣланы (Б. Ишханянъ, В. Станкевичъ и др.). Но нельзя не сказать, что всѣ эти попытки не даютъ должнаго исчерпывающаго освѣщенія всей этой эпохи, ибо или еще не наступилъ для серьезнаго историческаго изслѣдованія надлежащій моментъ, а потому никакая работа, какъ, напримѣръ, В. Станкевича («Судьбы народовъ Россіи»), основанная на информаціи весьма не точной и, подчасъ, прямо невѣрной, въ данномъ случаѣ не только ничего не освѣщаетъ, но даетъ результаты обратные; или же оцѣнка событій, изложенныхъ весьма подробно, страдаетъ крайней односторонностью въ силу рѣзко-національной точки зрѣнія самого автора, какъ въ работѣ Б. Ишханяна *.

Я совершенно не претендую въ этихъ моихъ «Воспоминаніяхъ» дать исчерпывающій отчетъ о событіяхъ, наблюдать которыя мнѣ пришлось или въ которыхъ приходилось играть ту или другую роль. Единственный смыслъ и цѣнность, которые я вижу въ человѣческихъ документахъ, подобныхъ настоящему, — послужить однимъ изъ матеріаловъ въ ряду другихъ для будущаго историка, который подведетъ пережитому нами, современниками, соотвѣтствующіе историческіе итоги.

Я не претендую въ этихъ запискахъ ни на какую полноту, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ эмигранта я лишенъ возможности использовать тотъ богатый матеріалъ, который именно за описываемый мною періодъ былъ мною уже собранъ и который мнѣ при моемъ бѣгствѣ отъ большевиковъ пришлось частью вовсе бросить на мѣстѣ, а частью уничтожить впослѣдствіи по цѣлому ряду причинъ.

Проживъ съ 1890 года въ Закавказьи и, въ частности, въ Баку съ 1895 года, я въ концѣ іюля 1919 года былъ вынужденъ выѣхать изъ Баку, такъ какъ атмосфера жизни въ Баку для русскаго человѣка стала почти невыносимой; въ сентябрѣ 1919 года состоялось обо мнѣ распоряженіе правительства Азербайджанской республики о томъ, что я почитаюсь «изгнаннымъ навсегда

* «Къ исторіи контръ-революціи въ Закавказьи»; точнаго заглавія этой брошюры сейчасъ не помню и подъ руками не имѣю экземпляра ея.

изъ предѣловъ Азербайджана», а все имущество мое было объявлено подлежащимъ конфискаціи; вернуться въ Баку я уже не могъ, я потерялъ съ нимъ окончательную связь и потерялъ все мною накопленное за время революціи — сборники газетъ, копіи резолюцій, доклады и много другого цѣннаго матеріала. Все-же, что я вывезъ и скопилъ въ дальнѣйшемъ, пришлось цѣликомъ уничтожить въ тотъ періодъ (май — октябрь 1920 года), когда мнѣ пришлось, скрываясь отъ большевиковъ, прожить въ занятой большевиками Сѣверной Персіи, изъ опасенія выдать себя при какомъ либо обыскѣ.

Осенью 1919 года, въ Ростовѣ на Дону мнѣ пришлось видѣть въ Отдѣлѣ Пропаганды при Добровольческой Арміи двѣ прекрасныя работы, предполагавшіяся къ напечатанію. Одна изъ нихъ — «Грузія» принадлежитъ перу Ю. Ф. Семенова (нынѣ секретаря Россійскаго Національнаго Союза и Комитета въ Парижѣ) и другая — «Азербайджанъ» — коллективный трудъ членовъ Бакинскаго Русскаго Національнаго Комитета (о коемъ мнѣ придется въ дальнѣйшемъ много говорить).

Что сталось съ этими двумя обстоятельными трудами — не знаю, но, видимо, они погибли, какъ и многое при крушеніи Добровольческой Арміи и ея учрежденій.

Долженъ отмѣтить одну подробность: тѣ чисто хаотическія обстоятельства, которыя переживало Закавказье съ конца 1917 года, создавали подчасъ такое положеніе, что, живя, напримѣръ, въ Баку, мы не знали о томъ, что дѣлается въ ближайшихъ къ нему Елизаветполѣ, съ одной стороны, и Петровскѣ и Дербентѣ, съ другой стороны, не говоря уже о Тифлисѣ, Батумѣ, Владикавказѣ, Ростовѣ на Дону и Екатеринодарѣ.

I

Тотъ историческій процессъ, который многими именуется «Великой Россійской Революціей», а другими — второй Россійской «смутой», Закавказье переживало во многомъ иначе, чѣмъ центръ Россіи или даже другія ея окраины, и это различіе вызвано было рядомъ самостоятельныхъ факторовъ.

Закавказье, прежде всего, представляло собою ближайшій тылъ одного изъ русскихъ фронтовъ въ Великой войнѣ 1914—1918 гг. и, притомъ, тылъ этотъ былъ настолько близокъ къ фронту, что, удайся въ декабрѣ 1914 года Халилу-Пашѣ прорывъ нашего фронта (Кавказскаго) у Сарыкамыша, Закавказью угрожало бы непосредственное вторженіе турецкой арміи.

Далѣе, въ то время, когда осенью 1917 года уже не существовало ни русско-германскаго, ни русско-австрійскаго фронтовъ, Кавказскій фронтъ существовалъ еще до конца года. Въ 1918 году Закавказье сдѣлалось ареной продолжавшейся еще Великой войны, и турецкія и германскія войска разсчитывали черезъ Закавказье нанести ударъ Антантѣ и, въ частности, англичанамъ на Мессопотамскомъ фронтѣ.

Провозглашенные революціей лозунги — «самоопредѣленіе народностей» и всяческія «свободы» въ Закавказьи нашли чисто-специфическую почву.

Рядъ населяющихъ Закавказье народностей, отличающихся языкомъ, вѣрованіями, правами и степенью культуры, связанныхъ до того не столько цементирующимъ вліяніемъ болѣе высокой культуры русской, сколько давленіемъ силы центральной русской власти, съ паденіемъ послѣдней, проявили столько

шовинизма въ отношеніяхъ взаимныхъ, что попытки трехъ главныхъ народностей Закавказья — татаръ, армянъ и грузинъ — удержаться на какой либо общей политической платформѣ и договориться до федераціи привели ихъ весьма скоро (къ веснѣ 1918 года) къ объявленію ими ихъ національной независимости, а затѣмъ и къ провозглашенію «суверенитета» каждой изъ этихъ трехъ новообразовавшихся «республикъ» и полному отдѣленію ихъ отъ Россіи.

Національный антагонизмъ упомянутыхъ трехъ народностей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, имѣвшій уже свои серьезные корни въ прошломъ (армяно-татарскія столкновенія 1905—1906 гг., традиціонное соперничество экономическое и вообще взаимная нелюбовь грузинъ и армянъ), былъ одной изъ главныхъ причинъ, что, еще задолго до прихода (въ 1920 году) большевиковъ въ Закавказье, уже полилась тамъ кровь во время взаимныхъ столкновеній татаръ и армянъ, армянъ и грузинъ.

И, наконецъ, естественныя богатства края и, въ особенности, нѣкоторыхъ изъ его частей сыграли также немаловажную роль въ будущихъ судьбахъ Закавказья.

Нѣмцы и турки въ 1918 году грабили Закавказье: первые — Грузію, вторые — богатый Азербайджанъ (г. г. Баку и Елизаветполь).

Союзники, выгнавъ и тѣхъ, и другихъ, съ первыхъ уже шаговъ своихъ въ краѣ поняли, что овладѣніе имъ и внѣдреніе въ немъ своего вліянія можетъ дать имъ реальную пользу. Въ особенности зарились на Закавказье англичане, игравшіе первую скрипку, и итальянцы. И чѣмъ болѣе выяснялось ослабленіе Россіи, тѣмъ болѣе распоясывались иностранцы, причемъ та политика, которую они проводили въ Закавказьи, не только явно клонилась къ ущербу недавней ихъ союзницы Россіи, принесшей колоссальныя жертвы въ общей борьбѣ противъ Германіи, но рѣзко противорѣчила и интересамъ самихъ народностей Закавказья.

Отсутствіе какого бы то ни было государственнаго навыка въ дѣлѣ управленія (въ Закавказьи не было даже земствъ); полное неумѣніе выдвинувшихся и ставшихъ у власти людей изъ представителей туземнаго населенія наладить финансы въ своихъ микроскопическихъ «суверенныхъ» государствахъ; неимѣрное національное самолюбіе каждой изъ этихъ республикъ, поминутно приводившее ихъ къ взаимнымъ столкновеніямъ и даже войнамъ (Грузіи съ Арменіей, Азербайджана съ Арменіей) и вѣчнымъ таможеннымъ конфликтамъ; — все это приводило республики эти къ такому ослабленію, что въ тотъ моментъ, когда большевики сочли это нужнымъ, одна за другою пали всѣ эти республики, какъ карточные домики.

И, если одною изъ главныхъ причинъ своего отдѣленія отъ Россіи и необходимости самобытнаго своего существованія народности Закавказья выставляли — необходимость застраховать себя отъ проникновенія русскаго большевизма, то цѣль эта была заранѣе обречена на гибель въ тотъ уже моментъ, когда Грузія и Азербайджанъ (Арменія стояла на противоположной точкѣ зрѣнія) заняли опредѣленно враждебную позицію противъ русскаго освободительнаго движенія, руководимаго Корниловымъ, Алексѣевымъ и Деникинымъ.

Пойди Закавказье рука объ руку съ арміями Корнилова и Деникина, я полагаю, что судьбы Россіи пошли бы по иному пути.

Въ этомъ вопросѣ союзники сыграли роковую роль и, въ особенности, англичане. Какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, англичанамъ не стоило бы большого труда не только заставить народности Закавказья договориться

съ русскими антибольшевиками и, въ томъ числѣ, А. И. Деникинымъ, а просто показать, что имъ такой сговоръ — желателенъ. Но на наше (да, полагаю, и на несчастье народностей Закавказья) несчастье политику Антанты дѣлали англичане, прошедшіе свой служебный стажъ въ Британской Индіи, гдѣ ненависть къ Россіи была воспитана издавна и была даже воспѣта однимъ изъ блестящихъ литературныхъ талантовъ, Редіардомъ Киплингомъ.

И Главнокомандующій союзныхъ силъ въ Закавказьи генералъ Томсонъ и (въ особенности) его начальникъ штаба полковникъ Стоксъ были опредѣленными руссофобами, даже съ трудомъ скрывавшими эти свои чувства. Но не буду забѣгать впередъ и перехожу къ изложенію своихъ воспоминаній.

II

Первые дни переворота мнѣ пришлось отсутствовать изъ Баку. Я провелъ ихъ частью въ пути, а частью въ городѣ Мервѣ, Закаспійской области, куда я выѣзжалъ на защиту по какому-то уголовному дѣлу въ сессіи Тукестанскаго Военно-Окружнаго Суда. Еще въ революціи 1905 года революціонное движеніе въ нашей Средней Азіи проявилось исключительно въ средѣ рабочей массы, каковыми тамъ являлись желѣзно-дорожные рабочіе и служащіе главныхъ пунктовъ, какъ Красноводскъ, Кызылъ-Арватъ, Асхабадъ, Самаркандъ и Ташкентъ, гдѣ сосредоточены главныя депо и мастерскія. Все остальное населеніе, какъ русское, такъ и въ особенности туземное, было настроено вполнѣ лойяльно, что въ отношеніи послѣдняго объясняется тѣмъ, что значительная его часть, туркмены, только что переходила отъ кочевого къ осѣдлому состоянію, а другая, главное сарты, осѣдлая и исключительно земледѣльческая, не имѣла въ своемъ составѣ вовсе пролетаріата. Поэтому-то въ 1905 году революція въ Средней Азіи задѣла исключительно полосу желѣзно-дорожнаго отчужденія и очень мало города. 4-го марта, собираясь отправиться въ засѣданіе Суда, я, выйдя изъ гостиницы на улицу, обычно малолюдную, невольно обратилъ вниманіе на толпы народа, собравшіяся во многихъ мѣстахъ и что-то читавшія на стѣнахъ. Настроеніе, однако, было вполнѣ спокойное. Въ расклеенныхъ объявленіяхъ сообщалось о безпорядкахъ въ Петроградѣ, объ отреченіи Николая II и о созданіи Временнаго Правительства. Приглядываясь къ читавшимъ эти сообщенія людямъ, я поразился общимъ впечатлѣніемъ какой-то растерянности на лицахъ читавшихъ; не было ни радости, ни оживленія, а скорѣе было какое-то общее чувство неловкости. Повидимому все то, что сообщалось въ объявленіяхъ, поражало своею полною неожиданностью.

Пріѣхавъ въ полковое собраніе (какого именно запаснаго полка — не помню), гдѣ обычно происходили засѣданія Военнаго Суда, я здѣсь впервые почувствовалъ вѣяніе «революціи». Внѣшне все было какъ будто и по прежнему, но какой-то внутренній безпорядокъ уже чувствовался: не прибылъ почему-то ко времени почетный караулъ, въ канцеляріи еще почти никого не было и никто абсолютно ничего не зналъ — состоится ли засѣданіе, или нѣтъ. Предсѣдатель (Военный Судья) всегда аккуратный, отсутствовалъ; говорили, что онъ находится у коменданта города и о чемъ-то съ нимъ совѣщается. Приходили и уходили офицеры, чѣмъ-то озабоченные; военные писаря (солдатская аристократія) держались непривычно свободно.

Такъ прошло часа три-четыре, пока, наконецъ, съѣхались всѣ, коимъ быть надлежало. Мнѣ объявили, что всѣ дѣла снимаются съ очереди, и я въ тотъ же день черезъ Красноводскъ уѣхалъ въ Баку.

Вернувшись въ Баку, я уже засталъ картину полнаго разгара новой политической обстановки.

Изъ Петрограда уже были получены отъ Временнаго Правительства указанія о конструкціи власти на мѣстахъ.

Городской Голова Л. Л. Бычъ * былъ во главѣ власти и чувствовалъ себя настоящимъ именинникомъ. Типичный демагогъ, весьма склонный къ авантюрѣ и человѣкъ крайне неустойчивыхъ политическихъ убѣжденій, Л. Бычъ теперь являлъ собою яркій образецъ «мартовскаго» соціалиста. Давно ли этотъ же самый Бычъ, ожидая въ концѣ декабря 1916 года пріѣзда въ Баку на открытіе Шолларскаго водопровода Намѣстника Великаго Князя Николая Николаевича, распинался повсюду въ своей преданности Монарху и произносилъ въ Городской Думѣ и въ другихъ собраніяхъ, къ случаю и вовсе не къ случаю, горячія вѣрноподданнически-патріотическія рѣчи. А еще раньше, въ 1912 году, на выборахъ въ IV-ую Государственную Думу тотъ же Бычъ вмѣстѣ со мною и Д. Овсяннико-Куликовскимъ прошелъ въ выборщики отъ кадетовъ по такъ-называемому «прогрессивному списку».

Теперь тотъ же самый Л. Бычъ, съ пѣной у рта, охрипшимъ голосомъ произносилъ повсюду демагогическія рѣчи о торжествѣ «революціоннаго народа», свергшаго, наконецъ, тирана-самодержца и призывалъ къ «углубленію завоеваній революціи».

Людей, близко знавшихъ Л. Быча, такой его уклонъ влѣво и явное заигрываніе съ крайными лѣвыми элементами нисколько не удивили. Обуреваемый неимовѣрнымъ честолюбіемъ, пробившійся въ люди благодаря своей большой трудоспособности, мало дисциплинированный, Л. Бычъ почуялъ, что наступилъ моментъ, когда преуспѣютъ тѣ, кто склоненъ дерзать, не задумываясь надъ вопросами строгой морали и принциповъ. Могу по совѣсти сказать, что Л. Бычъ человѣкъ сильной воли, если бы захотѣлъ, то могъ задержать процессъ распада общественныхъ силъ въ Баку. Меня не разъ удивляло, что Л. Быча можно было встрѣтить въ любомъ, самомъ не подходящемъ для его появленія, собраніи. И въ каждомъ изъ нихъ онъ во что бы то ни стало долженъ былъ такъ или иначе импонировать присутствующимъ. Плохой ораторъ, говорившій грубымъ и охрипшимъ голосомъ, Л. Бычъ повсюду произносилъ однѣ и тѣ же, скоро ставшія трафаретными, слова. И онъ добился своего: когда создался Исполнительный Комитетъ Общественныхъ Организацій, то Л. Бычъ оказался избранъ имъ его Предсѣдателемъ.

III

Временное Правительство, ставшее на мѣсто свергнутой власти «самодержавія», въ вопросѣ о внутреннемъ управленіи страною стало на точку зрѣнія уничтоженія всѣхъ органовъ прежняго управленія. На мѣсто агентовъ центральной власти — губернаторовъ и полиціи, должны были стать представители власти общественной — городскія самоуправленія и земства, а на мѣсто полиціи — милиція, создаваемая тѣми же органами общественности.

---

* Впослѣдствіи Кубанскій самостійникъ.

Губернаторъ В. Потоловъ, человѣкъ, въ сущности, не дурной, не игравшій и такъ особенной роли, ввиду того, что городъ Баку ему не былъ подчиненъ (въ городѣ Баку послѣ событій 1905 года — армяно-татарскихъ столкновеній — было учреждено сначала Генералъ-губернаторство, а затѣмъ Градоначальство), стушевался совершенно, а затѣмъ и вовсе ушелъ, а на его мѣсто Исполнительнымъ Комитетомъ Общественныхъ Организацій былъ назначенъ Губернскимъ Комиссаромъ малограмотный татаринъ, имени и фамиліи котораго сейчасъ не помню, почти безъ всякаго образовательнаго и, тѣмъ болѣе, служебнаго ценза.

Общественнымъ Градоначальникомъ былъ избранъ присяжный повѣренный Я. Н. Смирновъ, человѣкъ очень работоспособный, но крайне самолюбивый и въ политическомъ отношеніи крайне неустойчивый, съ постоянными колебаніями то влѣво, то вправо.

Начальникомъ Милиціи былъ избранъ присяжный повѣренный Александръ Константиновичъ Леонтовичъ, человѣкъ умный и энергичный и большой общественный работникъ, обладавшій къ тому же весьма завидными для общественнаго работника качествами — умѣніемъ улаживать острые вопросы и конфликты къ общей пользѣ.

Тенденція, проявленная революціоннымъ настроеніемъ тогдашняго момента, заключалась главнымъ образомъ не въ томъ, чтобы создать новые органы власти съ новыми методами управленія, а въ томъ, чтобы выгнать всѣхъ старыхъ слугъ власти и на ихъ мѣсто поставить новыхъ во что бы то ни стало. И сколько ни доказывалъ А. Леонтовичъ, что и среди старыхъ полицейскихъ есть хорошіе люди, вполнѣ пригодные къ службѣ и въ новыхъ демократическихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ требованій общественныхъ силъ, онъ вынужденъ былъ буквально выгнать всѣхъ приставовъ, ихъ помощниковъ, околодочныхъ и т. д. вплоть до городовыхъ. Въ участковые комиссары (пристава) и ихъ помощники попали присяжные повѣренные, ихъ помощники, недоучившіеся студенты и т. д. Ничего въ новомъ для нихъ дѣлѣ не знающіе, не имѣющіе никакого служебнаго опыта, — всѣ эти господа очень скоро до того застопорили всякую работу, такъ погрязли въ бумагомараніи, разборѣ всякихъ имъ неподсудныхъ жалобъ и дѣлъ, что не имѣли времени на исполненіе непосредственныхъ своихъ обязанностей по охранѣ общественнаго спокойствія и безопасности гражданъ. Дисциплина въ милиціи отсутствовала, а проникновеніе въ ея ряды зачастую и элементовъ преступныхъ привели къ старымъ полицейскимъ грѣхамъ — взяточничеству, превышенію власти и проч. Провившись нѣсколько мѣсяцевъ безуспѣшно надъ улучшеніемъ службы милиціи, Леонтовичъ въ серединѣ лѣта 1917 года подалъ въ отставку.

Въ первые же дни «свободъ» произведена была общественная чистка Окружнаго Суда и судебныхъ учрежденій вообще.

Исполнительный Комитетъ назначилъ «комиссара» при Окружномъ Судѣ. Что собственно это была за должность — неизвѣстно никому и до сего дня. Повидимому, роль его должна была заключаться въ осуществленіи въ дѣятельности суда возвѣщенныхъ новымъ строемъ «свободъ» и общей «демократизаціи» власти. Засиліе, царившее въ судебномъ вѣдомствѣ въ послѣдніе годы передъ революціей, сводившееся къ выполненію судебной администраціей — предсѣдателями судовъ и прокуратурой — предначертаній и плановъ центральной власти, исходившихъ отъ Министра Юстиціи Щегловитова, чувствовалось особенно сильно у насъ въ Закавказьи при Старшемъ Предсѣдателѣ

Палаты Лагодѣ и, въ частности, въ Баку при ставленникѣ послѣдняго — Предсѣдателѣ Суда Кудрявцевѣ, который оказывалъ явное давленіе на весь подчиненный ему составъ Суда и совершенно не выносилъ адвокатуру, какъ излишній, по его мнѣнію, институтъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Смѣнившій за годъ до войны Лагоду, на мѣстѣ Старшаго Предсѣдателя Тифлисской Судебной Палаты, сенаторъ Ал. Ал. Чебышевъ, человѣкъ просвѣщенный, либеральный (но безъ вмѣшательства въ какую бы то ни было политику), образованный юристъ и судья въ духѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, всячески въ порядкѣ судебнаго надзора одергивалъ г. Кудрявцева, но послѣдній, пользуясь заступничествомъ Петрограда, оставался до самой революціи на мѣстѣ, пока не былъ уволенъ Керенскимъ, вслѣдствіе единогласнаго ходатайства адвокатуры, Городской Думы и разныхъ общественныхъ организацій.

Назначенъ былъ Исполнительнымъ Комитетомъ на должность комиссара при Судѣ упомянутый уже выше присяжный повѣренный Я. Н. Смирновъ; послѣдній занялъ по отношенію къ судебному вѣдомству совершенно неподходящую позицію и позволялъ себѣ вмѣшиваться въ его жизнь и дѣйствія; адвокатура вынуждена была привлечь г. Смирнова къ отвѣту передъ своимъ Общимъ Собраніемъ и послѣ очень бурнаго засѣданія было признано, что представителю сословія адвокатуры вообще не вмѣстно занимать подобную должность, и послѣ этого и самая должность эта была упразднена.

Бакинская адвокатура, довольно значительная численно (свыше 150 человѣкъ, считая и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ), состояла главнымъ образомъ изъ армянъ и евреевъ (частью крещеныхъ); изъ остальныхъ національностей было десятка два русскихъ и по нѣсколько человѣкъ мусульманъ, поляковъ и другихъ.

Съ первыхъ же дней революціи помощники присяжныхъ повѣренныхъ и частные повѣренные предъявили требованіе объ уравненіи ихъ въ сословныхъ правахъ со старшими членами сословія и осуществили это требованіе, въ такъ-называемомъ, въ то время обычномъ, «революціонномъ порядкѣ».

Общее полѣвѣніе сказалось и въ нашей окраинной адвокатурѣ, причемъ демагогія и политиканство, находившія сочувствіе въ болѣе молодой части сословія, въ значительной степени измѣнили къ худшему общую физіономію сословія и его сословной жизни.

Какъ-то сразу стало черезчуръ много «соціалистовъ». Даже и въ чиновничествѣ проявилась та же тенденція.

Повѣтріе, охватившее всякіе виды и роды профессіональной дѣятельности, къ созданію всякихъ «союзовъ», захватило и чиновничество, которое организовало тоже «профессіональные» союзы, причемъ, главную роль въ этихъ союзахъ играли наиболѣе лѣвые изъ «мартовскихъ» соціалистовъ. Эти чиновничьи «союзы» объединяли чиновниковъ всякихъ ранговъ и положеній, причемъ, понятно, многіе изъ нихъ участвовали не по своей охотѣ.

И изъ всѣхъ вѣдомствъ, объ одномъ — судебномъ можно по совѣсти сказать, что оно, пріявъ, въ своемъ большинствѣ, революцію какъ освобожденіе отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ послѣднія тридцать лѣтъ гнета и насилія надъ его «судейской» совѣстью, искренно взялось служить Временному Правительству и Родинѣ, ставъ на почву чистой законности. И въ то время, какъ во многихъ вѣдомствахъ можно было замѣтить, что чиновничество пустилось въ политику, судебное вѣдомство опредѣленно отъ этой политики уклонилось. Въ такой твердой позиціи судебнаго вѣдомства значительную роль

сыгралъ тогдашній Прокуроръ Суда въ Баку Аф. Юл. Литвиновичъ (крымчакъ, сынъ священника). Очень неглупый человѣкъ, прямой, выдержанный, прекрасный юристъ и строгій законникъ, доброй души и не лишенный чувства общественности, Литвиновичъ совершенно не былъ способенъ ни на какіе компромиссы и сдѣлки съ совѣстью, что онъ впослѣдствіи не разъ и доказалъ. Большой авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ городѣ, давалъ ему возможность не разъ предотвращать тѣ или другія безтактности или явныя нелѣпости, которыя безъ его своевременнаго вмѣшательства были бы совершены неискусными въ дѣлѣ управленія новоявленными властями; онъ смѣло повелъ борьбу съ намѣтившеюся во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней жизни тенденціей къ «углубленію завоеваній революціи» и всѣмъ и вся напоминалъ, что есть законная власть — Временное Правительство — есть законы, исполнять которые нужно.

Для объединенія власти въ Закавказьи Временное Правительство создало въ г. Тифлисѣ органъ Центральной Краевой власти въ лицѣ Особаго Закавказскаго Комитета (Озакомъ), въ составѣ: В. А. Харламова — Предсѣдателя, и А. Чхенкели, М. И. Пападжанова и М. Джафарова — трехъ членовъ.

По національности и партійной принадлежности лица эти были:

Харламовъ — русскій, казакъ, к.-д.

Чхенкели — грузинъ, с.-д. меньшевикъ.

Пападжановъ — армянинъ, правый к.-д., впослѣдствіи членъ армян. нац. демокр. партіи; и

Джафаровъ — татаринъ, безпартійный, впослѣдствіи видный членъ партіи «Муссаватъ».

Физіономія первыхъ трехъ болѣе или менѣе извѣстна по дѣятельности ихъ въ Государственной Думѣ. Послѣдній — Мемедъ Джафаровъ — абсолютное ничтожество; хотя онъ и принадлежалъ къ сословію Бакинской адвокатуры, могу сказать по совѣсти, что до выборовъ его въ Государственную Думу, куда онъ проникъ вмѣстѣ съ М. Пападжановымъ (одинъ отъ татаръ, другой отъ армянъ), я о немъ никогда не слыхалъ и даже не подозрѣвалъ объ его существованіи.

Особый Закавказскій Комитетъ, просуществовавшій нѣсколько мѣсяцевъ, съ первыхъ же дней его появленія не создалъ себѣ никакого авторитета, погрязъ въ ворохѣ всякихъ бумагъ и утонулъ въ толпѣ просителей и челобитчиковъ, во всевозможныхъ разслѣдованіяхъ и т. д.

Въ томъ же самомъ дворцѣ (бывшемъ Кавказскихъ Намѣстниковъ), гдѣ жилъ и работалъ Особый Закавказскій Комитетъ, вскорѣ обосновался Совдепъ, который, какъ и его старшій собратъ — Совдепъ Петроградскій — оспаривалъ у представителей Временнаго Правительства власть, и съ большимъ успѣхомъ. Огромныя залы и анфилады парадныхъ и служебныхъ комнатъ были полны всякихъ «товарищей», стѣны внутри дворца пестрѣли всякими плакатами и прокламаціями.

Близко съ дѣятельностью «Озакома» мнѣ познакомиться не пришлось, но, побывавъ раза два въ Тифлисѣ по дѣламъ въ «Озакомѣ» и убѣдившись, что онъ существуетъ лишь номинально, я ушелъ изъ дворца со стѣсненнымъ сердцемъ, вспоминая, что еще при недавнемъ его хозяинѣ — Намѣстникѣ гр. И. И. Воронцовѣ-Дашковѣ — въ этомъ же дворцѣ можно было встрѣтить и болѣе участливое къ дѣлу отношеніе и, во всякомъ случаѣ, болѣе разумное его разрѣшеніе.

IV

Оглядываясь на пережитое, ничѣмъ инымъ не можешь объяснить этого безудержнаго и все прогрессировавшаго полѣвѣнія нашей общественности, не говоря о широкихъ массахъ населенія, какъ только разнузданностью опредѣленной противугосударственной пропаганды, чувствовавшей, при полномъ параличѣ власти, свою полную безнаказанность.

Желаніе идти въ ногу съ революціей, опасеніе какъ бы не прослыть реакціонеромъ. толкало многихъ въ ряды соціалистическихъ партій, и соціалистовъ въ мартѣ оказалось столько, что нужно было изумляться, какъ это могъ столько лѣтъ существовать прежній, только что свергнутый строй. Баку съ его огромнымъ промысловымъ и заводскимъ райономъ, съ его обширнымъ портомъ и огромнымъ флотомъ, издавна былъ очагомъ и политическаго и соціальнаго движенія. Создавшіяся послѣ февральской революціи условія и представившаяся возможность съ первыхъ же дней дали яркую картину расцвѣта соціалистическихъ партій.

Появилась обширная и хорошо субсидируемая соціалистическая пресса, которая занималась тѣмъ же, чѣмъ занимались ея столичные собратья, или подрывомъ Временнаго Правительства, или углубленіемъ завоеваній революціи. Заработали гласно политическія партіи, всевозможные союзы и комитеты. И что характерно: — въ начинаніяхъ, не имѣвшихъ ничего въ сущности политическаго, не могли обойтись безъ этой же политики, безъ резолюцій, безъ критики дѣятельности Временнаго Правительства. При разнохарактерности населенія, состоящаго изъ цѣлаго ряда всякихъ національностей, на собраніяхъ, гдѣ не всегда всѣ даже понимали другъ друга, принимались опредѣленныя, заранѣе подготовленныя, резолюціи, большей частью ярко пораженческаго характера. И соц.-рев. и соц.-дем. положительно изощрялись другъ передъ другомъ въ лѣвизнѣ своего поведенія. Ярко оборонческую позицію заняли «плехановцы» (группа «единство») и персонально нѣкоторые соц.-революціонеры. Зашевелились и наши «кадетскіе» круги. Но и здѣсь, подъ вліяніемъ вѣянія революціи, не все было благополучно. Почти единогласно принятъ былъ Городскимъ Комитетомъ партіи «Народной Свободы» тезисъ «о республикѣ» и лишь двое, трое горячо возражали, что до Учредительнаго Собранія, которое одно должно рѣшить вопросъ о формѣ государственнаго устройства Россіи, партія «Народной Свободы» должна оставить этотъ вопросъ открытымъ. На одномъ изъ первыхъ засѣданій Комитета при обсужденіи вопроса объ «автономіи» окраинъ двое изъ членовъ Комитета «изъ старѣйшихъ» К. А. Ирецкій (бывшій много лѣтъ городскимъ головой) и кн. І. І. Дадіяни (горный инженеръ) заявили о своемъ уходѣ изъ партіи: Ирецкій заявилъ, что онъ — лѣвѣе насъ и примкнулъ къ группѣ «Единство», а кн. Дадіяни заявилъ, что онъ — грузинскій націоналъ-федералистъ.

Наша кадетская партія, учитывая политическую ситуацію и тенденцію общаго полѣвѣнія въ странѣ, рѣшила выступить активно и вести пропаганду нашихъ идей, какъ устную, такъ и печатную. Торгово-промышленные круги насъ дѣятельно поддерживали, давъ всѣ необходимыя матеріальныя средства. Мы не только выписывали изъ центра (Москвы, главнымъ образомъ) огромное количество партійной литературы, но и выпускали свои брошюры, раздавая большинство этой литературы совершенно безплатно, и создали тогда же свой печатный органъ — ежедневную газету «Народная Свобода», пріобрѣвшую весьма скоро большой тиражъ, благодаря тому, что въ кадетскихъ кругахъ нашлись порядочныя публицистическія и литературныя силы. На чисто кадетской плат-

формѣ стояла и одна изъ лучшихъ бакинскихъ газетъ — газета «Баку», которая впослѣдствіи перетерпѣла много мытарствъ; въ мартѣ мѣсяцѣ 1918 года ее закрыли большевики, національзировавъ лучшую въ городѣ типографію, принадлежавшую газетѣ «Баку» (ея редактору-издателю); она пыталась выходить въ концѣ іюля 1918 г. послѣ паденія въ Баку большевиковъ, но въ сентябрѣ, послѣ взятія Баку турками, типографія была окончательно реквизирована Азербайджанскимъ правительствомъ и въ ней стала печататься газета «Азербайджанъ» — оффиціальная правительственная газета.

Пропаганда кадетскихъ идей дѣятельно шла и устная. Наши ораторы являлись на всѣ митинги, устраиваемые лѣвыми; устраивались и партійные доклады и митинги, на которые, конечно, являлись и оппоненты изъ лѣвыхъ и, правду сказать, эти лѣвые рѣдко (вѣрнѣе — никогда) выходили съ честью изъ этихъ боевъ; но опредѣленная демагогія, бросаніе въ массы многообѣщающихъ лозунговъ дѣлали свое дѣло въ средѣ несознательныхъ, и часто положеніе нашихъ партійныхъ ораторовъ бывало труднымъ даже въ смыслѣ личной безопасности. Помню, какъ однажды въ апрѣлѣ 1917 г. наши партійные товарищи еле-еле унесли, что называется, ноги съ одного изъ многолюдныхъ митинговъ въ заводскомъ районѣ послѣ неудачной реплики (личнаго характера), сорвавшейся у одного изъ нашихъ ораторовъ противъ одного изъ тогдашнихъ вождей соц.-революціонеровъ, пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди рабочихъ. Кстати, этотъ соц.-революціонеръ, прис. повѣр. Наджаровъ, впослѣдствіи настолько самъ поправѣлъ, что уже въ іюлѣ 1917 г. сталъ ярымъ оборонцемъ, а впослѣдствіи работалъ въ Добровольческой Арміи и въ защиту ея идей, оставшись въ ней до начала 1920 г., до ея распада. Лѣтомъ 1920 г. этотъ бывшій соц.-революціонеръ и несомнѣнный русскій патріотъ никогда не раздѣлявшій ни программы, ни идей армянской партіи «Дашнакцутюнъ» былъ разстрѣлянъ большевиками за принадлежность именно къ этой партіи.

Митинги и собранія въ заводскомъ и промысловомъ районахъ, расположенныхъ довольно далеко отъ города, доставляли намъ всего больше хлопотъ; происки нашихъ противниковъ доходили до того, что автомобиль или извозчики, на которыхъ пріѣзжали наши представители, угонялись и приходилось, порой, поздней ночью возвращаться пѣшкомъ. Благодаря оффиціальному вступленію въ партію офицеровъ, намъ удалось наладить связь съ кавказскимъ фронтомъ и снабжать его партійной литературой. Происходили собесѣдованія и въ казармахъ.

Къ этому же времени относится и организація партіей «Народной Свободы» курсовъ грамотности, первоначальныхъ знаній и прикладныхъ ремеслъ. Курсы эти были вечерніе и разсчитаны были, главнымъ образомъ, на прислугу, городскихъ низшихъ служащихъ; курсы были безпартійные, никакой опредѣленной политической пропаганды не велось, и мы разсчитывали лишь на то, что, быть можетъ, хоть сколько нибудь сдержимъ безуміе полѣвѣнія, возбуждаемаго безудержной и циничной демагогіей, въ особенности среди наименѣе сознательныхъ элементовъ городского населенія. Курсы посѣщались очень охотно, число слушателей порой было очень велико, и просуществовали они до марта 1918 г., до перваго въ Баку большевистскаго переворота.

Большевики оффиціально не выступали еще нигдѣ; оффиціально они стали появляться лишь съ начала сентября.

Очень яркой фигурой среди кадетскихъ ораторовъ въ Баку былъ прис. повѣр. Мих. Флор. Подшибякинъ (къ счастью, онъ сейчасъ внѣ предѣловъ

досягаемости большевиковъ). Человѣкъ большого темперамента, прекрасный и умный ораторъ, умѣвшій заставить себя слушать, съ огромной политической подготовкой и въ особенности прекрасно знавшій всю подоплеку соціалистовъ и ихъ слабыя мѣста, М. Подшибякинъ билъ своихъ противниковъ обыкновенно ихъ же собственнымъ оружіемъ: ихъ резолюціями, программами, партійными постановленіями и т. д.; онъ былъ положительно неотразимъ въ особенности въ своихъ репликахъ и сплошь да рядомъ его политическіе противники (соціалисты всякихъ оттѣнковъ) терпѣли фіаско въ заранѣе подготовленныхъ ими же собраніяхъ и уходили подъ свистъ тѣхъ самыхъ «товарищей», которые имъ только что рукоплескали.

Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, подъ лозунгомъ углубленія и закрѣпленія завоеваній революціи, соціалисты, видѣвшіе въ русской революціи элементы соціальной революціи, дѣятельно занялись организаціей широкихъ массъ, вѣрнѣе общественныхъ низовъ. Въ виду того, что въ организуемыхъ ими массахъ, въ большинствѣ своемъ совершенно несознательныхъ, не было собственныхъ руководителей, массы эти оказались всецѣло во власти демагоговъ, поставляемыхъ щедро соціалистическими партіями. Существовавшіе до того профессіональные союзы рабочихъ моряковъ, судоводителей, обогатились новыми союзами типографскихъ рабочихъ, домашней прислуги, приказчиковъ и проч. Объединяемые этими союзами ихъ члены не всегда съ охотою шли въ союзы и подчасъ съ большой неохотой подчинялись власти главарей своихъ коллективовъ. Припоминаются мнѣ и чистые курьезы въ этомъ отношеніи: такъ, среди курьеровъ Окружного Суда мало было охотниковъ вступить въ члены какого-то профессіональнаго союза, но, благодаря доносамъ со стороны нѣкоторыхъ изъ ихъ числа, всѣ остальные, опасаясь репрессій, вынуждены были вступить въ союзъ, что и отразилось тотчасъ же на внутренней жизни Суда, гдѣ не стало прежняго порядка и чистоты: лично, у насъ дома, и у многихъ нашихъ знакомыхъ, и намъ, и имъ приходилось помогать прислугѣ спасаться отъ назойливаго контроля профессіональнаго союза, проявлявшаго непрошенное вмѣшательство въ ихъ личную жизнь. Среди членовъ этихъ союзовъ было много протестующихъ противъ новыхъ порядковъ, но заявлять эти протесты и выражать такъ или иначе свое несочувствіе было далеко не безопасно, ибо нерѣдко были и случаи насилій надъ протестантами и не сочувствующими.

Одновременно съ этимъ все увеличивающимся движеніемъ начиналось все большее ухудшеніе въ заводской, промышленной, транспортной и другихъ отрасляхъ хозяйственной жизни страны.

Митингованіе, отлыниваніе отъ работы, забастовки по самымъ несущественнымъ поводамъ — вотъ характерная черта момента. И наряду съ этимъ — фейерверкъ трескучихъ фразъ о свободѣ, власти народа, сознательности (?) народныхъ массъ и т. д.

Аппарата власти у насъ не было; или, вѣрнѣе сказать, у насъ, въ Баку, весьма скоро создался аппаратъ, содѣйствовавшій лишь планомѣрному углубленію дезорганизаціи всей жизни. Аппаратъ этотъ именовался — Исполнительнымъ Комитетомъ Общественныхъ организацій (Исполкомъ).

Какъ и во всемъ Закавказьи, и въ Бакинской губерніи не было земскихъ учрежденій. Поэтому не было и той организованной общественности, на которую предполагало опереться Временное Правительство, уничтожая прежнее административное управленіе губерніей. Было у насъ, правда, въ Баку Городское Общественное Управленіе — Городская Дума и Управа. Но противъ этихъ

учрежденій лѣвые повели ожесточенную травлю, указывая, главнымъ образомъ, на то, что это — учрежденія цензовыя, не отвѣчающія новымъ демократическимъ принципамъ. Началась самая безшабашная травля и дѣятельная публичная агитація за уничтоженіе этихъ учрежденій и за созданіе новаго органа — Исполнительнаго Комитета Общественныхъ Организацій. Необходимо сказать, что городъ Баку, городъ богатый, центръ огромнаго промышленнаго района, населенный къ тому же представителями трехъ доминирующихъ національностей — русской, татарской и армянской, имѣлъ въ своемъ городскомъ самоуправленіи много весьма дѣльныхъ людей, изъ коихъ многіе прекрасно были освѣдомлены съ дѣйствительными нуждами этого большого города, растущаго съ американскою, прямо сказочною, быстротою. Правда, эти люди были дѣйствительно все больше цензовики, понимавшіе стоимость денегъ.

И когда на площадяхъ и торжищахъ людей этихъ стали распинать какіе-то политическіе проходимцы, люди безъ роду, безъ племени, выкинутые совершенно случайно наверхъ волною всероссійской «смуты», эти старые городскіе дѣятели стали опредѣленно отходить въ сторону, не желая компрометтировать своихъ именъ въ неминуемо надвигавшейся разрухѣ огромнаго городского хозяйства, къ которому жадно тянулись цѣпкія руки разныхъ политическихъ parvenus.

Л. Бычъ, ставшій съ первыхъ дней революціи «мартовскимъ» соціалистомъ, опредѣленно переметнулся въ ихъ сторону и, поддержанный ими, выдвинулся на мѣсто перваго предсѣдателя Исполкома.

Не вспомню сейчасъ ни послѣдовательной исторіи этого рокового для нашего города учрежденія, ни детальной его организаціи. Да и кто въ то время думалъ о томъ, что все пережитое станетъ когда-либо исторіей. Полагаю, что и у насъ, въ Баку, это учрежденіе проводилось по трафарету, изготовленному заранѣе въ подпольныхъ химическихъ лабораторіяхъ соціалистовъ.

Въ этотъ Исполнительный Комитетъ Общественныхъ Организацій въ весьма незначительномъ числѣ вошли гласные прежней Думы; большинство же составляли представители совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, разныхъ профессіональныхъ организацій и союзовъ, представители политическихъ партій. Не безъ большого труда удалось Торгово-Промышленному союзу и кадетамъ получить нѣсколько мѣстъ.

Особый Закавказскій Комитетъ (мы говорили о немъ выше) подъ давленіемъ соціалистовъ далъ свое благословеніе, и Исполкомъ принялся дѣйствовать. Отмѣчу здѣсь, что съ первыхъ дней основанія этого Исполкома однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ его былъ Степанъ Шаумянъ, большевикъ, впослѣдствіи предсѣдатель Бакинскаго Совнаркома.

Съ легкой руки Исполкома началась дезорганизація городского хозяйства, а главнѣйшимъ образомъ дезорганизація общественной жизни, ибо Исполкомъ вмѣшивался во всѣ мелочи послѣдней, а царившіе въ немъ соціалисты строили ее на свой ладъ.

V

Если не ошибаюсь, въ концѣ апрѣля или первыхъ числахъ мая 1917 года, въ Баку происходилъ первый въ Россіи «Всемусульманскій» политическій съѣздъ.

Мнѣ пришлось быть оффиціально на этомъ съѣздѣ для принесенія ему привѣтствія отъ Комитета партіи «Народной Свободы», привѣтствовавшаго въ выраженіяхъ весьма сдержанныхъ и корректныхъ первое проявленіе въ мусульманскихъ массахъ «здороваго» національнаго чувства и выражавшаго пожеланіе, чтобы въ будущихъ судьбахъ Россіи и мусульмане братски работали надъ обновленіемъ «общей» Родины. Привѣтствіе было принято довольно холодно. Чувствовалось, что за кулисами Съѣзда что-то происходитъ, что-то таится.

На Съѣздѣ, весьма многолюдномъ, происходившемъ въ огромномъ залѣ дома Мусульманскаго благотворительнаго Общества, выстроеннаго Бакинскимъ архи-милліонеромъ Мусой Нагіевымъ (домъ этотъ въ мартѣ 1918 года былъ разнесенъ и сожженъ артиллеріей большевиковъ), предсѣдательствовалъ присяжный повѣренный Али Мардашъ бекъ Топчибашевъ, членъ 1-й Государственной Думы, выборжецъ. Рѣчи произносились на русскомъ и татарскомъ языкахъ и въ нужныхъ случаяхъ переводились. Особеннымъ успѣхомъ пользовались рѣчи соціалистовъ и мусульманъ-націоналистовъ и, въ особенности, подчеркивалось, что отнынѣ всякій, входившій въ составъ Россіи, народъ имѣетъ право на національное «самоопредѣленіе». Были тутъ и представители Дагестана, Волжскихъ татаръ, киргизовъ, калмыковъ и невѣсть еще кого. Повидимому, постарались придать Съѣзду наиболѣе импозантный видъ.

Какъ въ рѣчи Предсѣдателя Съѣзда, такъ и въ рѣчахъ ораторовъ многократно и сугубо подчеркивалось, что наконецъ-де пало самодержавіе, устраненъ тиранъ и деспотъ, и народы Россіи могутъ зажить свободною жизнью; что въ начавшейся политической жизни огромной страны, носящей коллективное имя «Россіи», сейчасъ торжествуютъ тѣ политическіе круги, которые всегда стояли за истинную свободу и раскрѣпощеніе народныхъ массъ и которые сейчасъ имѣютъ право свободно называть себя соціалистами. Въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ ораторовъ звучали предостерегающія нотки — не довѣряться тѣмъ политическимъ теченіямъ, которыя, именуя себя «демократическими», на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ничего общаго съ народными чаяніями и являются замаскированными имперіалистами, посягающими на цѣлость и благоденствіе «братской» Турціи; при этихъ словахъ послышались крики «долой Милюкова и кадетъ».

Среди привѣтствій на Съѣздѣ впервые прозвучало слово «Муссаватъ»; кто-то изъ членовъ Съѣзда привѣтствовалъ его отъ имени «Тюркской националистической партіи «Муссаватъ».

Много говорилось объ объединеніи всѣхъ мусульманъ Россіи, которыхъ ораторы насчитывали до 35—40 милліоновъ (на самомъ дѣлѣ ихъ было въ то время въ Россіи около 22—24 милліоновъ); о необходимости ихъ объединенія политическаго и территоріальнаго; о сліяніи ихъ съ мусульманами Турціи, Персіи и Индіи.

Намѣчалась большая политическая программа, явно клонившаяся къ отдѣленію мусульманства отъ Россіи, къ сепаратизму, который нѣсколько времени спустя А. М.-б. Топчибашевъ взялся защищать передъ нашими бывшими союзниками и передъ вершителями судебъ міра на Версальской Конференціи.

Все то, что мнѣ пришлось услышать на Съѣздѣ, такъ было неожиданно и странно для меня, прожившаго болѣе двадцати лѣтъ въ Баку и въ Закавказьи, что я приглядывался все внимательнѣе къ составу Съѣзда и сдѣлалъ кой-какія наблюденія, показавшіяся мнѣ не безынтересными, именно: среди присутствующей публики незначительная лишь часть проявляла себя активно;

это были или совершенно незнакомыя мнѣ лица, очевидно спеціально къ данному случаю явившіяся и игравшія тѣ роли, кои были имъ предназначены, или же, наоборотъ, лица, мнѣ черезчуръ хорошо знакомыя и извѣстныя.

Первыя были соціалистическіе подголоски, многихъ изъ которыхъ пришлось впослѣдствіи встрѣтить и въ рядахъ большевиковъ и крайней соціалистической мусульманской партіи «Гюмметъ». Вторыя — будущіе политическіе дѣятели Азербайджана и въ ихъ числѣ: Топчибашевъ; Ханъ Хойскій, присяжный повѣренный въ Баку (первый Предсѣдатель Совѣта Министровъ Азербайджанской республики; убитъ въ Тифлисѣ террористомъ-большевикомъ); М. Г. Гаджинскій (инженеръ, членъ Городской Управы — впослѣдствіи замѣститель Предсѣдателя и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ той же республики и еще позже въ 1920—21 тг. народный комиссаръ при большевикахъ); Б. Х. Джеванширъ (инженеръ, представитель крупнѣйшихъ нефтяныхъ фирмъ — впослѣдствіи министръ Внутреннихъ Дѣлъ той же республики; убитъ въ іюлѣ 1921 г. въ Константинополѣ армяниномъ-террористомъ Торлакіаномъ); Н. Б. Усуббековъ (учитель, впослѣдствіи Предсѣдатель Совѣта Министровъ той же республики) и еще десятка полтора менѣе видныхъ лицъ изъ числа татарской интеллигенціи. Представители этой второй группы впослѣдствіи являлись видными вождями въ партіи «Муссаватъ», которая вела борьбу за власть, и въ Парламентѣ Азербайджана, и въ странѣ, съ мусульманскими соціалистами.

Отчетъ о Съѣздѣ, переданный мною въ очередномъ засѣданіи Комитета партіи «Народной Свободы», произвелъ очень сильное впечатлѣніе и на Комитетъ. Большинство Комитета, знакомое съ настроеніемъ подлинныхъ мусульманскихъ народныхъ массъ, вовсе не настроенныхъ шовинистически противъ Россіи и русскихъ, скорѣе расположенныхъ къ Россіи, которой въ сущности были обязаны и своимъ благополучіемъ, и безопасностью, нашло необходимымъ принять кое-какія мѣры. Комитетъ, учитывая все растущее полѣвѣніе и полагая, что можно было бы договориться съ мусульманами для совмѣстной борьбы противъ лѣвыхъ, выдѣлилъ Комиссію для переговоровъ съ вождями мусульманъ. Но, странное дѣло, даже въ лицѣ Топчибашева, Хана-Хойскаго и нѣкоторыхъ другихъ, оффиціально состоявшихъ раньше въ партіи «ка-де», Комиссія встрѣтила такую массу возраженій противъ программы партіи, что послѣ двухъ-трехъ засѣданій, пришлось отбросить всякую мысль договориться съ татарами. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кавказскомъ Сеймѣ пришлось выслушать рѣчи татарскихъ представителей, дышавшихъ ненавистью къ Россіи и недвусмысленно намекавшихъ на будущій союзъ Закавказскихъ татаръ съ Турціей, съ которой Азербайджанъ въ 1918 году, исполняя приказанія Германіи, собирался окончательно соединиться, отдѣлившись отъ Россіи.

VI

Временное Правительство въ самомъ началѣ своей дѣятельности издало законъ о Городскомъ Самоуправленіи, и въ соотвѣтствіи съ этимъ закономъ должны были быть произведены выборы сначала въ Думы районныя или участковыя, а затѣмъ и выборы въ Городскія Думы.

У насъ, въ Баку, выборы въ районныя Думы произведены были въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а выборы въ Городскую Думу произошли лишь въ сентябрѣ, почти

одновременно съ выборами въ Учредительное Собраніе. И эти первые выборы не только послужили яркимъ предсказаніемъ того, что нужно было ожидать отъ выборовъ послѣдующихъ, но и дали рядъ доказательствъ полнѣйшей неразборчивости г. г. соціалистовъ въ пріемахъ и средствахъ выборной борьбы.

Прежде всего о выборныхъ спискахъ: въ то время какъ кадеты и умѣренные избиратели выставляли въ своихъ спискахъ кандидатовъ изъ числа горожанъ, знающихъ обывательскія нужды своего района и могущихъ дѣйствительно поработать для своихъ согражданъ въ дѣлѣ обезпеченія ихъ все болѣе обострявшихся нуждъ, выставляя имена всѣмъ извѣстныя и пользовавшіяся общимъ признаніемъ, — г. г. соціалисты, смотрѣвшіе и на эти выборы, какъ на одно изъ средствъ агитаціи для цѣлей углубленія революціи, выставляли, съ своей стороны, демагоговъ, болтуновъ и людей, явно не способныхъ ни къ какой организаціонной работѣ, кромѣ одной пропаганды. На предвыборныхъ собраніяхъ, полемизируя со своими противниками, защитники соціалистическихъ списковъ громили буржуевъ, прежнихъ цензовиковъ и призывали массы передавать всякую степень власти и общественной дѣятельности въ руки истинныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, сирѣчь соціалистовъ. Въ тѣхъ изъ районовъ, гдѣ соціалисты разсчитывали на выборахъ встрѣтить серіозную оппозицію, они прибѣгали къ подлогамъ: по результатамъ подсчетовъ оказалось, что избирательныхъ записокъ подано было больше, чѣмъ было выборщиковъ въ избирательномъ собраніи. Жалобы со стороны избирателей на всѣ неправильности по выборамъ не привели ровно ни къ чему, ибо Исполкомъ не былъ совершенно настроенъ къ удовлетворенію жалобъ, умалявшихъ шансы г. г. соціалистовъ. Районныя Думы оказались почти сплошь изъ соціалистовъ. Интересъ къ нимъ очень скоро прошелъ, такъ какъ углубленіе революціи шло своимъ чередомъ и на очереди были болѣе захватывающіе моменты политической борьбы и нарастали болѣе широкія возможности къ захвату власти.

Въ Баку до войны изъ воинскихъ частей былъ расположенъ всего лишь одинъ пѣхотный полкъ (Сальянскій), съ уходомъ котораго на войну военный элементъ былъ представленъ исключительно Каспійской военной флотиліей и ея береговымъ экипажемъ. Баиловъ мысъ (часть города), гдѣ расположены были военный портъ, арсеналы и доки военнаго флота, казармы морского вѣдомства и цѣлый рядъ военно-морскихъ учрежденій, — всегда представлялъ собою обособленную часть города, жившую своей жизнью. Какъ и вездѣ во флотѣ, такъ и во флотѣ Каспійскомъ, революція нашла наиболѣе горючій матеріалъ. Съ первыхъ же дней на Баиловѣ образовался свой органъ — Центрокаспій, представлявшій собою тотъ же, обычный въ тѣ дни, Совдепъ, состоявшій изъ представителей матросовъ и рабочихъ порта и арсеналовъ. Предсѣдателемъ Центрокаспія оказался избранъ врачъ (морской) Туркія (грузинъ), объявившій себя соц.-революціонеромъ; огромнымъ вліяніемъ пользовался также уже названный нами выше соц.-рев. Наджаровъ. Положеніе морскихъ офицеровъ по началу было очень неопредѣленное и офицеры были, что называется, на чеку. Была организована какая-то слѣдственная комиссія, отрѣшившая отъ командованія цѣлый рядъ офицеровъ; нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ и начальникъ флотиліи адмиралъ (фамилію не помню), были арестованы и подъ конвоемъ отосланы въ Петроградъ для суда надъ ними. Къ счастію, эксцессовъ не было. Наиболѣе лѣвыми по настроенію являлись рабочіе военнаго порта и арсеналовъ, куда проникли пропагандисты-большевики, и это очень тревожило Туркію и Наджарова, понимавшихъ, что полѣвѣніе матросской массы

приведетъ къ анархическимъ дѣйствіямъ, а дѣйствія эти, при наличности только у флота артиллеріи и довольно сильной, — могли представлять непосредственную угрозу и самому городу. Другая морская часть — морская авіаціонная школа, созданная во время войны и имѣвшая своимъ назначеніемъ служить авіаціонной базой для сборки и провѣрки боевыхъ гидроплановъ, — была настроена весьма умѣренно, и въ ней «кадеты» пользовались опредѣленнымъ политическимъ вліяніемъ. Этой авіаціонной школы бывшіе въ Баку лѣвые элементы опредѣленно побаивались, понимая боевое значеніе авіаціи, тѣмъ болѣе, что къ этому времени школа обладала большимъ количествомъ вполнѣ годныхъ боевыхъ гидроплановъ, бомбъ и богатымъ оборудованіемъ.

Довольно индиферентно по началу держался и запасный пѣхотный полкъ, посылавшій пополненіе въ дѣйствующую армію. Уже въ маѣ мѣсяцѣ дезорганизація стала все болѣе проявляться во флотѣ. Все въ странѣ стремилось къ власти, и это настроеніе заражало все болѣе и болѣе широкіе круги. Власть у болѣе умѣренныхъ уходила изъ рукъ. Въ концѣ мая, одинъ изъ чиновниковъ морского вѣдомства, занимавшій довольно видное мѣсто, черезъ жену свою обратился ко мнѣ за защитой. Морская слѣдственная комиссія обвиняла его въ рядѣ злоупотребленій, матросы были противъ него очень настроены, и, по требованію послѣднихъ, онъ содержался подъ стражей. Знакомясь съ его дѣломъ, я установилъ два факта: совершенную вздорность всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, которыя къ тому же должны были быть направлены по адресу другого лица, и, во вторыхъ, что ожесточеніе значительно полѣвѣвшихъ къ тому времени матросскихъ массъ внушало серіозныя опасенія возможности какого-либо эксцесса. Послѣ ряда переговоровъ съ членами морской слѣдственной комиссіи и Центрокаспія, я добился освобожденія моего кліента изъ-подъ стражи и постановленія о препровожденіи его для дальнѣйшаго слѣдствія въ Петроградъ, куда онъ и выѣхалъ немедленно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при изученіи дѣла я наткнулся въ дѣлахъ комиссіи на такую массу подлоговъ, явныхъ измышленій и проч., причемъ рядъ постановленій, основанныхъ на этихъ подлогахъ, имѣлъ подъ собою авторитетныя по тогдашнему времени подписи (въ томъ числѣ и доктора Туркія), что я счелъ своимъ долгомъ разсказать всю эту исторію въ печати, назвавъ всѣ имена полностью и названнымъ мною лицамъ поставилъ вопросъ — можно ли всю ихъ дѣятельность квалифицировать чѣмъ-либо инымъ, чѣмъ словомъ «подлогъ». Поднялась страшнѣйшая буря: матросы потребовали моего ареста, но, встрѣтивъ отпоръ у Прокурора Суда и у Исполкома, Центрокаспій постановилъ принять мѣры къ тому, чтобы я не могъ выѣхать никуда изъ города. Вмѣстѣ съ тѣмъ, докторомъ Туркія (однимъ) возбуждено было противъ меня обвиненіе въ клеветѣ въ печати. Давъ всѣ свои объясненія Судебному слѣдователю и потребовавъ провѣрки путемъ слѣдствія всѣхъ представленныхъ мною документовъ и другихъ доказательствъ, я черезъ Наджарова далъ знать въ морскіе круги, что такого-то числа я уѣзжаю въ Москву на операцію, которую, по совѣту врачей, мнѣ давно уже нужно было сдѣлать. И въ назначенный мною день мы спокойно уѣхали съ женой въ Москву, а оттуда, послѣ операціи, въ Пятигорскъ. Вернулся я въ Баку лишь въ первыхъ числахъ сентября.

VII

По пріѣздѣ я засталъ нашъ партійный кадетскій комитетъ въ разгарѣ работы по подготовкѣ къ выборамъ въ Городскую Думу. Будущей Думѣ, которая должна была придти на смѣну злосчастному Исполнительному Комитету Общественныхъ организацій, находившемуся уже всецѣло въ рукахъ соціалистовъ, придавалось большое значеніе всѣми умѣренными слоями демократіи.

Картина выборовъ въ Баку осложнялась двумя привходящими обстоятельствами: съ одной стороны, органомъ, наблюдавшимъ за производствомъ выборовъ и правильностью таковыхъ былъ все тотъ же пресловутый «Исполкомъ», съ другой стороны, кромѣ чисто политической борьбы партій, предвидѣлась еще и борьба національныхъ вліяній, что, въ свою очередь, значительно спутывало всѣ предварительные расчеты. Что за нами, кадетами, не пойдутъ татары, это мы учитывали уже заранѣе. Но намъ пришлось считаться и съ тѣмъ фактомъ, что и многіе армяне ушли изъ нашихъ рядовъ, причемъ послѣдніе, не считая для себя возможнымъ голосовать съ армянской партіей «Дашнакцутюнъ» (партіей армянскихъ націоналистовъ-революціонеровъ, слѣдовательно соціалистической), организовали новую партію «армянскую національно-демократическую», которую въ общежитіи называли «армянской кадетской» партіей.

Но, и кромѣ этихъ привходящихъ обстоятельствъ, появились на горизонтѣ новыя тучи. Въ связи съ неудачей, постигшей Корниловское выступленіе, подняли голову и большевики, почуявшіе, что провалъ Корнилова даетъ имъ лишній козырь для вящаго революціонизированія солдатскихъ массъ, которое уже стало проникать съ нашего Кавказскаго и, главное, Персидскаго фронтовъ, проходя дальше въ Россію.

Такимъ образомъ приходилось предвидѣть, что бороться будутъ не четыре-пять списковъ, а много больше: ихъ оказалось (если не ошибаюсь) двѣнадцать или тринадцать. Вотъ эти списки:

1) соц.-демократы меньшевики.
2) соц.-демократы большевики.
3) группа «Единство».
4) соціалъ-революціонеры.
5) партія «Народной Свободы» (к.-д.).
6) группа «Русскаго нац.-демократическаго Общества».
7) еврейская партія.
8) группа чиновниковъ.
9) армянская нац.-демократія.
10) армянская національно-революціонная партія «Дашнакцутюнъ»
11) мусульманская партія «Муссаватъ».
12) партія «Мусульманство въ Россіи» (Иттихадъ).
13) мусульманская партія «Гюмметъ» (большевики).

Мусульманскія партіи, понятно, не могли получить ничьихъ голосовъ, кромѣ голосовъ самихъ мусульманъ. И, несмотря на то, что еще весною на «Всемусульманскомъ Съѣздѣ» выяснилась сепаратистская позиція татаръ, все же часть изъ нихъ голосовала и за соц.-дем., соц.-рев., и даже нѣсколько десятковъ голосовъ было подано и за насъ, кадетъ.

Что представляли собою эти три мусульманскія партіи?

Отвѣтить на этотъ вопросъ исчерпывающимъ образомъ я не могу по недостатку въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, но все же попытаюсь дать имъ нѣкоторую характеристику. — Партія «Гюмметъ», наименѣе вліятельная и самая малочисленная, представляла собою группу татаръ-большевиковъ, руководимую д-ромъ Наримановымъ, теперешнимъ Предсѣдателемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ большевистской Азербайджанской республики (съ апрѣля 1920 года). Эта группа не слилась съ партіей «большевиковъ» изъ чисто тактическихъ соображеній, такъ какъ увлечь татарскія массы на путь коммунизма могли только свои же большевики-мусульмане. — Партія «Мусульманство въ Россіи» (программа ея неясна мнѣ и по сейчасъ) очень многочисленная, руководимая, съ одной стороны, д-ромъ Кара-беемъ-Карабековымъ *, съ другой стороны возглавлялась главарями элементовъ неспокойныхъ, по мѣстному именуемыхъ «кочи» (это означаетъ головорѣзы); по заявленію ихъ противниковъ-муссаватистовъ, партія «Мусульманство въ Россіи» — партія реакціонная, клерикальная и ультра-буржуазная. Вотъ и разберитесь, что это за партія и въ чемъ ея сущность.

Наиболѣе вліятельною была партія «Муссаватъ». Вождями ея являлся весь цвѣтъ татарской интеллигенціи, крупной буржуазіи и помѣщичьяго класса. Вліяніе ея несомнѣнно зиждилось на косности татарскихъ массъ и первобытномъ ихъ укладѣ, при которомъ массы всегда руководились людьми сильными имущественно или обладающими исключительнымъ общественнымъ или служебнымъ положеніемъ. Руководство массами происходило не въ силу раздѣленія этими массами идей, исповѣдуемыхъ вождями, а въ силу того, что вожди приказывали то или другое, обязательное къ исполненію. Партія «Муссаватъ», отмежевываясь отъ Россіи и принимая своимъ основнымъ тезисомъ принципъ «самоопредѣленія» народовъ, опредѣленно вела за собою татарскія массы къ полному разрыву съ Россіей; вмѣстѣ съ тѣмъ она опредѣленно тянулась къ связи съ Турціей.

Политическая программа ея въ вопросахъ внутренняго устройства страны, т. е. въ вопросахъ аграрномъ, рабочемъ, народнаго образованія и т. д. представляла собою смѣшеніе разныхъ соціалистическихъ программъ, что и давало право вождямъ партіи говорить, что партія «Муссаватъ» — соціалистическая. Но уже и въ Городской Думѣ, а впослѣдствіи въ Азербайджанскомъ Парламентѣ, мусульмане-соціалисты не безъ основаній упрекали и партію, и первое «Муссаватское Правительство» Хана-Хойскаго въ томъ, что ни сама партія, ни тѣмъ болѣе Правительство Хана-Хойскаго, не имѣютъ ничего общаго съ соціализмомъ и что послѣдній въ ихъ программѣ являлся на самомъ дѣлѣ вывѣской, прикрывавшей совершенно иную сущность. Многихъ изъ дѣятелей партіи «Муссаватъ» я зналъ лично и могу сказать, что это были типичные представители буржуазно-демократической доктрины. Они улыбались, когда приходилось имъ указывать на то, что они — не соціалисты, а октябристы, и говорили, съ глазу на глазъ, что

* Кара-бей-Карабековъ подозрѣвался въ службѣ въ охранкѣ; затѣмъ эмигрировалъ въ Турцію, такъ какъ подозрѣвался въ 1906 году въ похищеніи архи-милліонера Мусы Нагіева и подлежалъ аресту; въ Турціи работалъ вмѣстѣ въ партіей «Единеніе и прогрессъ», но за какія то продѣлки былъ исключенъ и долженъ былъ бѣжать; появился передъ войною 1914 года и пошелъ въ качествѣ врача на войну съ «Дикой» дивизіей. Послѣ революціи вновь вернулся въ Баку. Человѣкъ очень способный, прекрасный ораторъ и очень искусный политическій интриганъ. Боролся съ партіей «Муссаватъ». Послѣ прихода большевиковъ въ 1920 году былъ у нихъ Народнымъ Коммиссаромъ.

другого сейчасъ они ничего сдѣлать не могутъ, чтобы не дать противъ себя соціалистамъ лишняго оружія въ руки, какъ самимъ назваться соціалистами. — Что же это за партія? Отвѣчу, что собственно партіи никакой и не было, да и быть не могло, при той еще бо́льшей пропасти, которая отдѣляла главарей партіи отъ руководимыхъ ими массъ, чѣмъ та пропасть, которая отдѣляла русскую интеллигенцію отъ русскаго крестьянства и вообще народныхъ массъ.

Русская революція (вѣрнѣе «смута»), внеся дезорганизацію въ огромной странѣ, создала условія, наиболѣе льготныя для «политическаго авантюризма». Развѣ при другихъ условіяхъ среднихъ способностей адвокатъ, какимъ былъ покойный Фатали Ханъ Хойскій, или совершенно бездарный учитель Насибъ-бекъ Усуббековъ могли бы даже въ мечтахъ своихъ возвыситься до положенія «премьеръ-министровъ», правда крошечныхъ, но все же, хоть на время суверенныхъ государствъ, обмѣниваться телеграммами съ «самимъ» Вильсономъ или Клемансо и Ллойдъ Джорджемъ. И, это — еще лучшіе изъ представителей политическаго авантюризма. А сколькимъ изъ нихъ улыбалась лишь мысль, сѣвъ на министерскія, губернаторскія и иныя кресла, пожить всласть за чужой счетъ, навороваться и т. д.

Партія «Муссаватъ» это — одна, двѣ, много три сотни авантюристовъ и дѣльцовъ на верху, а внизу конгломератъ татарскихъ народныхъ массъ, привыкшихъ по указкѣ испоконъ вѣковъ дѣлать то, что прикажетъ ханъ, бекъ, губернаторъ, начальникъ и т. д.

Переходя къ партіямъ армянскимъ, я не останавливаюсь на «армянской націон.-демократической партіи», ибо физіономія ея въ достаточной степени уже ясна изъ сказаннаго выше.

Чисто національной и могущественной въ армянскихъ народныхъ массахъ является «армянская революціонная партія Дашнакцутюнъ». Партія эта создалась нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Турціи подъ вліяніемъ тѣхъ ужасовъ и систематическихъ избіеній армянъ, которые угрожали полнымъ физическимъ истребленіемъ армянской націи въ Турціи. Партія поставила своей задачей спасеніе армянскаго народа и встала на путь революціонной борьбы съ турецкимъ правительствомъ и властью Султановъ. До 1907 года партія эта не вела въ Россіи никакой работы, привлекая армянскія массы въ Россіи лишь къ помощи въ борьбѣ ея въ Турціи. Но послѣ Вѣнскаго ея Съѣзда въ 1908 году подъ вліяніемъ безудержно прогрессировавшей въ Россіи реакціи и недовольная отношеніемъ Россійскаго Правительства къ дѣлу ея борьбы въ Турціи, партія «Дашнакцутюнъ» заявила, что, видя въ Россійскомъ Правительствѣ врага, имѣющаго возможность и власть улучшить положеніе армянъ въ Турціи и спасти ихъ отъ полнаго уничтоженія, она будетъ въ Россіи бороться съ правительственною властью до полнаго ея паденія, почему и примкнула къ партіи русскихъ соц.-революціонеровъ, не сливаясь съ нею, однако, и сохраняя свою националистическую сущность.

Послѣ паденія прежняго режима, съ началомъ русской революціи, когда все болѣе выяснялась возможность обособленія ея окраинъ, передъ партіей встала другая забота — борьба въ предѣлахъ бывшей Россіи за сохраненіе армянскаго народа отъ истребленія его тюркскими народами Россіи.

За армянскіе списки голосовали понятно только армяне, но все же часть армянъ голосовала и за соц.-дем., соц.-рев. и за кадетовъ (большинство); нѣсколько армянскихъ голосовъ подано и за «Плехановцевъ» («Единство»). Часть голосовъ, которые могли быть поданы за насъ, были поданы по списку еврей-

скому и по списку группы «руск. нац.-демокр. общества», какъ равно мы потеряли и всѣ голоса, поданные по списку «чиновниковъ», а также и всѣ голоса армянъ, голосовавшихъ по списку «армянск. нац.-демокр. партіи».

Кромѣ Городского (центр.) Комитета партіи «Народной Свободы» были организованы и рядъ районныхъ Комитетовъ, а въ нѣкоторыхъ районахъ, гдѣ предстояла особенно сильная борьба и по два Комитета, а также была организована и женская кадетская группа. Была произведена довольно тщательная регистрація членовъ партіи и сочувствующихъ ей при помощи многочисленныхъ платныхъ сотрудниковъ изъ учащейся молодежи обоего пола. Энергично раздавалась партійная литература, спеціально касавшаяся вопросовъ, связанныхъ съ городскимъ хозяйствомъ и самоуправленіемъ. Не менѣе энергично работала и газета «Народная Свобода».

Наша партія побила всѣ рекорды — на собраніяхъ и докладахъ, и митингахъ, въ особенности при выступленіяхъ М. Подшибякина и нѣкоторыхъ другихъ. Нерѣдки были случаи, когда въ одинъ и тотъ же день кадеты объявляли два-три митинга въ разныхъ концахъ города и вездѣ было полно.

Въ періодъ предвыборной агитаціи, во время выборовъ въ Городскую Думу, впервые оффиціально выступили большевики, считавшіе своимъ долгомъ являться положительно на всѣ наши публичныя выступленія. Здѣсь впервые увидѣли мы разнузданнаго «хама», того бунтаря, который шелъ уничтожать всю прежнюю Русь ради вящаго торжества «Интернаціонала», и услышали тѣ демагогическія рѣчи, которыя цинично звали ниспровергать все святое и дерзать на все — семью, вѣру, собственность, государство — ради равенства и счастья всѣхъ.

Задумались поневолѣ и соціалисты, и все чаще и чаще стали выступать и они въ качествѣ оппонентовъ ораторамъ изъ большевиковъ. Скажу по правдѣ, что выступленія соціалистовъ противъ большевиковъ были всегда неудачны, ибо большевики легко били ихъ на томъ, что они или не соціалисты вовсе, такъ какъ двухъ соціализмовъ нѣтъ, или же, что они — просто демагоги, скрывающіе свою политическую сущность.

Но были районы (заводской, напр.), куда намъ нечего было и соваться; насъ ожидалъ въ лучшемъ случаѣ моральный провалъ, а порою и хуже.

Соціалисты, добиваясь какъ можно больше провести своихъ въ Городскую Думу, провели, несмотря на довольно сильную оппозицію въ Исполкомѣ, проектъ о присоединеніи къ городу и всей промысловой площади, опредѣленно разсчитывая, что все промысловое рабочее населеніе подастъ голоса за нихъ. Но проэктъ этотъ былъ отклоненъ Закавказскимъ Комитетомъ.

Зато большевики добились другого: уже по окончаніи городскихъ выборовъ для какихъ-то проходившихъ мимо города дезорганизованныхъ воинскихъ частей были поставлены урны, которыя оказались переполненными большевистскими бюллетенями, благодаря чему и большевикамъ удалось по своему списку провести въ Думу нѣсколько гласныхъ. Не будь этого, пожалуй большевики и не были бы вовсе представлены въ Бакинской Городской Думѣ.

Результаты выборовъ, если память мнѣ не измѣняетъ, оказались слѣдующіе:

1)	Соц.-револ.	19 гласн.
2)	Соц.-дем. меньшевики	17 ,,
3)	Дашнаки	16 ,,
4)	Муссаватъ	16 ,,
5)	Мусульмане въ Россіи	12 ,,
6)	Соц.-дем. большевики	9 ,,
7)	Партія «Народной Свободы»	8 ,,
8)	Единство	3 ,,
9)	Евреи	3 ,,
10)	Армян. нац.-дем.	3 ,,
11)	Русск. нац.-дем.	2 ,,
		108 гласн.

Партіи эти въ Думѣ расположились такъ, считая слѣва на право:

1) Большевики.
2) Меньшевики.
3) Соц.-револ.
4) Дашнаки .
5) Муссаватъ.
6) Мусульмане въ Россіи.
7) Единство.
8) Ка-де.
9) Евреи.
10) Армян. ка-де.
11) Русск. нац.-дем.

Въ новой «демократической» Думѣ не оказалось центра, ибо дашнаки (армяне) и обѣ мусульманскія партіи относились другъ къ другу съ нескрываемымъ недовѣріемъ; лѣвое крыло, хотя и болѣе сплоченное, испытывало также опредѣленныя тренія. И наиболѣе сплоченнымъ, хотя и весьма малочисленнымъ, представлялось правое крыло, начиная отъ «Единства» и кончая русск. нац.-демократами — всего 19 гласныхъ.

Пройдя въ Думу 3-имъ или 4-ымъ по нашему списку, я, по тактическимъ соображеніямъ, ушелъ изъ числа гласныхъ, такъ какъ на мнѣ продолжало тяготѣть возбужденное д-ромъ Туркія обвиненіе въ клеветѣ, а самое дѣло продолжало лежать у Судебнаго Слѣдователя за невозможностью кого-то допросить или осмотрѣть какой-то документъ.

Началась и работа по выборамъ въ Учредительное Собраніе. Шансы на то, чтобы провести отъ партіи ка-де хотя бы одного члена, — были минимальные.

Мы не могли разсчитывать ни на татаръ, ни на грузинъ, ни на армянъ, выставившихъ по нѣскольку національныхъ списковъ. Еще изъ числа армянъ нѣкоторые могли подать свои голоса за нашъ списокъ. Трудно было разсчитывать и на разлагавшійся уже Кавказскій фронтъ, гдѣ у насъ не было орга-

низацій *. Безнадежнымъ представлялось строить расчеты на сочувствіе къ идеямъ партіи со стороны русскаго крестьянства въ Закавказьи и среди сектантовъ; мы имѣли свѣдѣнія, что и крестьянство и сектанты уже распропагандированы соціалистами. — Оставалось разсчитывать лишь на тѣ голоса, которые были получены партіей при выборахъ въ Городскія Думы въ Тифлисѣ, Баку, Эривани, Батумѣ, Елизаветполѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

Тѣмъ не менѣе и Областной Комитетъ (объединявшій все Закавказье), и Комитеты Бакинскій и Тифлисскій сдѣлали все для мобилизаціи своихъ избирателей.

Не остановились передъ приглашеніемъ интересныхъ лекторовъ изъ центра, мѣнялись своими лекторами; устраивали митинги во всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ центрахъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ; разослали пропагандистовъ съ литературой куда только могли и, въ особенности, въ такіе города и поселки, гдѣ не было городскихъ выборовъ.

Избирательный метръ опредѣлился въ 40 т. голосовъ; за кадетскій списокъ подано было около 36 т. голосовъ, благодаря чему мы и не провели ни одного кандидата отъ Закавказья.

Первыми по Закавказью въ спискѣ нашемъ состояли: М. Фл. Подшибякинъ, о которомъ мы уже говорили, и Ю. Ф. Семеновъ — Предсѣдатель Областного Комитета партіи.

VIII

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ проходившія черезъ Баку, моремъ изъ Персіи, и черезъ узловую ст. Баладжары (по шоссе 8 верстъ отъ Баку) съ Кавказскаго турецкаго фронта, а также и шедшія изъ Туркестана черезъ Красноводскъ—Баку, воинскія части, представляли собою въ большинствѣ разложившіяся солдатскія массы, съ оружіемъ въ рукахъ стремившіяся къ себѣ на родину въ центральную Россію. Въ ноябрѣ развалъ фронта уже вполнѣ обозначился, и мужественный старикъ ген. М. А. Пржевальскій, герой Сарыкамыша и Эрзерума, стоявшій въ то время во главѣ командованія Кавказской арміей, уже не могъ ничего подѣлать.

Создавшійся къ тому времени Закавказскій Комитетъ, во главѣ съ Е. П. Гегечкори, распорядился закрыть для уходившихъ съ фронта войскъ г. Тифлисъ, опасаясь разграбленія его и богатѣйшихъ военныхъ запасовъ, въ немъ сосредоточенныхъ, солдатскими бандами; для этой цѣли узловая станція Навтлугъ (въ 5—6 верстахъ отъ Тифлиса), черезъ которую шло раньше сообщеніе съ фронтомъ какъ изъ Тифлиса, такъ и изъ центра Россіи, была закрыта и узловая станція была перенесена въ Караязы, кажется, или еще дальше — однимъ словомъ, верстъ за 40—50 отъ города Тифлиса, благодаря чему воинскія части по желѣзной дорогѣ слѣдовали въ Россію, минуя Тифлисъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же Комитетъ, учитывая и послѣдствія переворота, свергшаго Временное Правительство и давшаго власть большевикамъ, и развалъ фронта, и совершенное обнаженіе государственныхъ границъ, постановилъ разрѣшить формированіе національныхъ частей. Армяне и грузины, отбывшіе

* И тѣмъ не менѣе за списокъ ка-де было подано на фронтѣ около 2—3 тысячъ голосовъ.

воинскую повинность въ Россіи на общемъ основаніи, имѣли въ своей средѣ не мало кадровыхъ солдатъ и много офицеровъ, среди которыхъ было много весьма дѣльныхъ.

Въ иномъ совершенно положеніи оказались Закавказскіе татары, взамѣнъ личнаго отбыванія воинской повинности платившіе воинскій налогъ и имѣвшіе въ составѣ россійской арміи очень немного представителей среди офицерства.

Тифлисскіе интендантскіе арсеналы и склады заключали въ себѣ колоссальнѣйшіе запасы оружія, обмундированія, провіанта, фуража, всякаго снаряженія и т. д., разсчитанные на милліонную армію. Было, слѣдовательно, чѣмъ и вооружить и снабдить вновь формируемыя національныя воинскія части всѣхъ родовъ оружія, какъ армянамъ, такъ и грузинамъ, не говоря уже о томъ, что оружіе имѣлось при себѣ у каждаго изъ возвращавшихся къ себѣ на родину со всѣхъ фронтовъ воиновъ — грузинъ и армянъ.

Разрѣшено было и русскому населенію Закавказья формированіе особаго русскаго корпуса, во главѣ котораго сталъ, если не ошибаюсь, ген. Левандовскій.

Татарамъ въ выдачѣ оружія было или вовсе отказано, или же выдача таковогo была только обѣщана въ будущемъ, да и то въ незначительномъ количествѣ. Однако, и татары приступили тоже къ формированію національныхъ воинскихъ частей, которымъ оружіе и снаряженіе нужно было имѣть во что бы то ни стало. И на этой именно почвѣ разыгрались ужасающія кровавыя событія, извѣстныя подъ именемъ Шамхорскихъ событій.

Лица, стоявшія къ этимъ событіямъ ближе, прольютъ когда-нибудь на всю эту, поистинѣ, кошмарную исторію полный свѣтъ.

По почину ли самихъ татаръ (кого-либо изъ ихъ главарей), по указкѣ ли изъ Тифлиса, прилегающему къ линіи желѣзной дороги Тифлисъ—Баку, татарскому населенію дано было кѣмъ-то понять, что можно отнять оружіе у проходящихъ съ фронта русскихъ воинскихъ частей*. И, вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней на желѣзнодорожныхъ станціяхъ въ районѣ гор. Елизаветполя (въ особенности у ст. Шамхоръ, Далляръ, Даль-Маметлы и др.) на проходившіе воинскіе эшелоны произведенъ былъ, по преимуществу въ ночное время, рядъ нападеній татарскими вооруженными бандами. Поѣзда обычно тѣмъ или инымъ путемъ останавливались (даже путемъ подготовленныхъ заранѣе крушеній) и сонные, ничего не понимавшіе солдаты разстрѣливались и ограблялись. Въ то же время слѣдующіе эшелоны, ничего не знавшіе о томъ, что происходитъ впереди, продвигались впередъ и съ ними продѣлывалось то же самое.

Такъ продолжалось нѣсколько дней, пока, наконецъ, объ учиненныхъ татарами звѣрствахъ не дошла вѣсть по линіи въ сторону къ фронту. Эвакуировавшіяся съ фронта части хотѣли было измѣнить направленіе и пробиваться черезъ Тифлисъ на Батумъ, но ихъ не допустили въ сторону къ Тифлису бронепоѣзда, охранявшіе этотъ участокъ пути.

Вынужденные двигаться въ ту же сторону, то-есть на Елизаветполь—Баку, воинскія части, озлобленныя участью своихъ боевыхъ товарищей, пошли дальше

---

* Широкіе общественные круги связываютъ съ Шамхорскими событіями имя грузина полковника кн. Л. Магалова, стоявшаго со своимъ татарскимъ полкомъ «Дикой» дивизіи около города Елизаветполя, невдалекѣ отъ мѣста избіенія русскихъ воинскихъ частей.

уже какъ по вражеской странѣ, сметая по всему пути все татарское населеніе, принимавшее и не принимавшее участіе въ кровавыхъ Шамхорскихъ и иныхъ нападеніяхъ. Мѣстами войска шли боевымъ порядкомъ, громя все изъ орудій и пулеметовъ. Въ результатѣ было дѣйствительно разгромлено уходившими съ фронта войсками много цвѣтущихъ ауловъ, поселковъ и мѣстечекъ.

Далекую отъ истины информацію по этому предмету даетъ В. Станкевичъ (Судьбы народовъ России, стр. 245), говоря, что «русская озлобленная и дезорганизованная армія катилась съ фронта, грабя и громя, главнымъ образомъ, мусульманское населеніе (по даннымъ мусульманъ при этомъ было разрушено до тла около 200 мусульманскихъ селеній)». Кромѣ мусульманскихъ селеній, ни одно селеніе другихъ національностей тронуто не было; цифра разрушенныхъ селеній мусульманъ безусловно преувеличена, ибо всякому, кто знаетъ Закавказье, ясно, что на 5—10 верстъ по обѣ стороны желѣзнодорожнаго пути, даже если считать весь путь отъ Баку до Тифлиса, расположено лишь нѣсколько десятковъ татарскихъ селеній.

Одна изъ воинскихъ частей, понесшихъ при столкновеніи съ татарами въ пути большія потери, привезла своихъ убитыхъ въ Баку, гдѣ и похоронила ихъ на кладбищѣ. Похороны соціалистическими организаціями были обставлены съ большой помпой и произвели на татарское населеніе весьма угрожающее впечатлѣніе; и въ татарскихъ частяхъ города ожидали эксцессовъ, которые, къ счастью, не имѣли мѣста. Настроеніе въ городѣ во всякомъ случаѣ было тревожное и ждали погрома татаръ.

Въ связи съ нароставшимъ все болѣе національнымъ разъединеніемъ, жизнь въ Закавказьи все болѣе усложнялась. Наростало недовѣріе татаръ къ армянамъ и обратно; ухудшались отношенія къ русскимъ со стороны и татаръ, и грузинъ. Передвиженіе по краю представителей одной національности въ мѣстахъ, населенныхъ другой національностью, недружелюбно или враждебно настроенной (какъ напр., армянъ черезъ татарскія провинціи), было не только затруднительно, но и опасно. Въ Баку скопилось около 8.000 армянъ-солдатъ, вернувшихся съ европейскихъ фронтовъ войны съ оружіемъ въ рукахъ. Слѣдовать одиночнымъ порядкомъ они опасались, такъ какъ имъ угрожала опасность отъ вооруженнаго татарскаго населенія; пропустить же ихъ эшелонами и въ видѣ воинскихъ частей не соглашалось татарское населеніе, опасаясь въ свою очередь эксцессовъ.

Населеніе, кромѣ русскаго, лихорадочно вооружалось въ ожиданіи какихъ-то грядущихъ событій.

Озлобленіе татаръ, вызванное въ нихъ тѣми потерями, которыя понесло татарское населеніе въ результатѣ Шамхорскихъ событій, вылилось въ такъ-называемыя Муганскія столкновенія: Муганская степь, расположенная въ нижнемъ теченіи рѣкъ Куры и Аракса и сѣверной части Ленкоранскаго уѣзда, до того совершенно безплодная и кишѣвшая всякими гадами, въ теченіе послѣднихъ 40—50 лѣтъ, съ поселеніемъ на ней русскихъ, по большей части сектантовъ (главнымъ образомъ, молоканъ) и съ устройствомъ на ней ирригаціи, расцвѣла и превратилась въ одну изъ плодороднѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстностей не только Закавказья, но и всей Россійской Имперіи. Появились богатѣйшія поселенія подчасъ съ населеніемъ, доходившимъ до нѣсколькихъ тысячъ

человѣкъ. Хлопокъ, клещевина, клеверъ, всякіе хлѣба, съ одной стороны, рыбные промыслы, съ другой, давали трудолюбивому русскому населенію (и сектантамъ, и православнымъ) огромные излишки, сверхъ необходимаго на прожитокъ. Населеніе богатѣло и примѣромъ своимъ будило къ подражанію и косное татарское населеніе, которое начинало перенимать у русскихъ ихъ способы обработки. Отношенія между населеніемъ русскимъ и татарскимъ не оставляли желать лучшаго; татары нѣсколько побаивались русскихъ, помня, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ только-что поселившіеся русскіе переселенцы жестоко расплачивались съ окрестнымъ туземнымъ населеніемъ за всякое причиняемое ему зло (кражи, угонъ скота, разбои, убійства). — И русскіе, и татары жили мирно и добрососѣдски. Правда, порою приходилось слышать отъ ярыхъ націоналистовъ татаръ, что русское правительство неправильно заселило богатѣйшую Муганскую степь русскими выходцами и лишило туземное населеніе этихъ богатѣйшихъ земель (къ слову сказать, въ теченіе столѣтій остававшихся незапаханными и безплодными).

Съ началомъ революціи и по мѣрѣ все большаго ея углубленія и соотвѣтственнаго ослабленія русской власти, татарскіе націоналисты стали все громче подымать свой голосъ. Лозунгъ — «Закавказье для Кавказцевъ» рѣшалъ по ихъ мнѣнію всѣ вопросы о дальнѣйшемъ существованіи русскаго населенія въ Закавказьи. Все чаще (даже и въ прессѣ) раздавались голоса, что русскимъ пора уходить изъ Закавказья, уступивъ насиженныя ими мѣста природнымъ ихъ владѣльцамъ-татарамъ.

Въ концѣ декабря 1917 года, точно по приказу, начался разгромъ татарскими вооруженными бандами цвѣтущей верхней Мугани. Было разгромлено до 30-ти богатѣйшихъ селеній; разгромъ этотъ начался такъ неожиданно, что русское населеніе не оказало почти никакого сопротивленія. Но уже Средняя и Нижняя Мугань не только подготовились къ защитѣ, но и сами, въ свою очередь, истребили всѣ тѣ татарскія поселенія, которыя находились или въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ, или вклинивались въ полосу русскаго поселенія. — Мугань стала вооруженнымъ станомъ въ особенности послѣ возвращенія съ фронта солдатъ, уроженцевъ Мугани.

Та же приблизительно картина наблюдалась и въ частяхъ Геокчайскаго и, въ особенности, Шемахинскаго уѣздовъ, гдѣ также имѣлось много русскихъ поселеній. Этому русскому сельскому населенію не на кого было опереться съ паденіемъ русской національной власти. Власть же Кавказская — Закавказскій Комитетъ — была занята своими внутренними и внѣшними національными дѣлами и ей было не до защиты чуждаго ей въ этотъ моментъ русскаго населенія. Передъ Кавказской Властью вставали, съ одной стороны, грозный призракъ торжествующаго русскаго большевизма, съ другой — реальная угроза со стороны Турціи.

Народившееся въ Баку безпартійное (въ него входили персонально правые эс-эры, кадеты и правыя политическія группы) «Русское Національно-Демократическое Общество» (выставившее свой списокъ и на городскихъ выборахъ въ Баку) энергично взялось за дѣло помощи бѣдствующему русскому населенію. Правильно считая, что въ переживаемой эпохѣ всѣ вопросы и политическаго, и физическаго существованія рѣшаются реальной силой, «Русское Нац.-Демокр. Общество» вступило въ ближайшее соглашеніе съ командованіемъ русскаго «національнаго» корпуса въ Тифлисѣ и провело на Мугани формированіе нѣ-

скольких русских пѣхотных полков и артиллеріи, и дѣятельно снабжало русское населеніе оружіем и патронами, собирая на это необходимыя денежныя средства.

Отношенія армян и татар послѣ событій 1905—1906 гг., когда междуусобная их вражда дошла до открытаго столкновенія, сопровождавшагося взаимными массовыми избіеніями, были испорчены в конец.

Быв свидѣтелем этих столкновеній, могу сказать с полной увѣренностью, что они были инспирированы русской правительственной властью, воспользовавшейся существовавшим втайнѣ антагонизмом этих двух народностей, хотя и не проявлявшимся до того внѣшним образом, но находившим себѣ опредѣленное объясненіе в симпатіях армян и мусульман русских к своим зарубежным единоплеменникам в Турціи. Баку и его район в 1905 году, во время первой русской революціи, представлял серіозный политическій очаг, и русское правительство созданіем этой національной междуусобной распри ликвидировало нароставшее политическое движеніе, запугав населеніе призраком гражданской войны.

Случайно на меня выпала тяжелая обязанность быть защитником во всѣх положительно дѣлах об армяно-татарских столкновеніях, разбиравшихся военными судами с примѣненіем законов военнаго времени. И ни в одном из этих дѣл не удалось доискаться до истинных причин этих столкновеній и до имен дѣйствительных их вдохновителей. И лишь в процессѣ об убійствѣ Бакинскаго губернатора кн. Накашидзе, убитаго бомбой (защищал вмѣстѣ со мной и присяжный повѣренный А. С. Зарудный), брошенной армянскими террористами, удалось пролить свѣт на роль кн. Накашидзе и вообще русской администраціи в дѣлѣ организаціи этих погромов, причем администрація опредѣленно инспирировала татар на эти погромы, снабжая их и оружіем.

Отношенія армян и татар с 1905—1906 гг. были испорчены и, хотя внѣшним образом и не проявлялись ни в чем, но взаимное недовѣріе и подозрительность проявлялись весьма рѣзко.

И чѣм больше проявлялся сепаратизм татар, тѣм болѣе в широких армянских массах (не говоря уже об интеллигенціи и вообще о верхах) преобладала чисто русская оріентація по мѣрѣ все большаго углубленія всероссійской «смуты». В армянах властно говорил инстинкт самосохраненія, подсказывавшій им, что изолированность их территоріальнаго разселенія угрожает им смертельной опасностью от окружавших их тѣсным кольцом мусульманских народностей, не сулившихъ им, судя по примѣру их турецких зарубежных братьев, ничего хорошаго в будущем. Это именно психологическое состояніе армян объясняет и их склонность идти даже с большевиками. Армяне откровенно говорили: «мы с русскими, будь они даже и большевики».

Привыкнув издавна к борьбѣ за свое физическое существованіе, армяне дѣятельно готовились к событіям, надвигавшимся с очевидной неизбѣжностью.

IX

При изложеніи исторіи выборовъ въ Городскую Думу намъ пришлось упоминать, что большевики къ этому времени уже объявились оффиціально въ ряду другихъ политическихъ партій.

Въ Баку существовалъ совершенно открыто рядъ большевистскихъ организацій и въ городѣ было опредѣленно извѣстно, что у нихъ имѣется свой штабъ и что они дѣятельно подготовляются къ выступленію.

Фракція большевиковъ въ Городской Думѣ, пользуясь разбродомъ соціалистическихъ силъ, вела соціалистовъ за собой по пути максимализма. Со дня на день постановленія Городской Думы становились все болѣе демагогическими. Истинные интересы городского хозяйства, до которыхъ соціалистамъ всѣхъ оттѣнковъ не было никакого дѣла (ибо имъ, пришлымъ людямъ, интересы плательщиковъ и демократическихъ слоевъ населенія были чужды), были принесены въ жертву цѣлямъ усиленія соціалистами своего политическаго вліянія. Расшатанные революціей городскіе финансы расшатывались еще больше путемъ широкой выдачи денегъ изъ городского сундука на удовлетвореніе самыхъ несуразныхъ требованій городскихъ служащихъ и рабочихъ. Изъ той же городской кассы выдавались деньги и бастующимъ рабочимъ промысловаго района (къ городу не принадлежавшаго), и морякамъ торговаго флота и пр., и пр. Не хватавшія на всѣ эти операціи средства извлекались сначала путемъ учета въ Банкахъ краткосрочныхъ обязательствъ Городской Управы, а когда изсякъ и этотъ источникъ (банки перестали вѣрить), Городская Дума приступила къ печатанію своихъ собственныхъ денегъ — бакинскихъ «бонъ».

Подъ вліяніемъ соціалистовъ, шедшихъ послушно за большевиками, Городское самоуправленіе вмѣшивалось положительно во всѣ сферы жизни горожанъ. При этомъ преслѣдовалась одна лишь опредѣленная цѣль: всѣ мѣропріятія имѣли цѣлью привлеченіе пролетарскихъ массъ подъ эгиду соціалистическихъ группъ и, въ частности, большевиковъ, обѣщавшихъ массамъ больше другихъ. Въ сущности проводилась самая беззастѣнчивая демагогія. Вмѣстѣ съ тѣмъ большевики очень ревностно слѣдили за дѣятельностью тѣхъ группъ и партій, которыя продолжали съ ними идейную борьбу.

Помню, между прочимъ, такой инцидентъ: Комитетъ партіи «Народной Свободы» выпустилъ анонимную листовку (не помню, кто былъ ея авторомъ), въ которой очень хлестко и мѣтко характеризовалась разрушительная и явно антигосударственная работа большевиковъ. Появилась эта листовка, кажется, въ первыхъ числахъ января 1918 г.; она произвела очень сильное впечатлѣніе и буквально расхватывалась повсюду.

Прошло нѣсколько дней и, вдругъ, какъ то поутру въ помѣщеніе Комитета явилась боевая дружина большевиковъ и, несмотря на протесты дежурнаго члена Комитета и служащихъ, ею былъ произведенъ обыскъ, причемъ большевикъ тов. Джапаридзе,* руководившій обыскомъ, заявилъ, что они ищутъ доказательствъ, что такъ не понравившаяся имъ листовка напечатана у насъ. И, хотя обыскъ не далъ никакихъ результатовъ, было заявлено, что дѣятельность наша находится подъ наблюденіемъ.

---

* Этотъ самый Джапаридзе былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ комиссаровъ большевистскаго правительства, продержавшагося въ Баку съ Апрѣля по Іюль. Въ Августѣ 1918 г. онъ былъ разстрѣлянъ англичанами въ Закаспіи.

Налеты большевиковъ, преслѣдовавшихъ цѣли (по ихъ словамъ) борьбы съ контръ-революцiей, становились все чаще. И все же многiе изъ русскихъ общественныхъ дѣятелей (не скрою, что и я былъ въ ихъ числѣ) не допускали не только мысли, чтобы выступленiе большевиковъ въ Баку и захватъ ими власти оказался возможнымъ, но даже не допускали самой возможности подобнаго выступленiя. При наличности двухъ компактныхъ нацiональныхъ массъ — армянъ и татаръ, въ большинствѣ своемъ настроенныхъ буржуазно, большевикамъ, полагали мы, не на кого было бы опереться въ населенiи.

Одновременно съ этимъ, въ группѣ горожанъ, не соцiалистовъ, учитывавшихъ, что усиливавшiйся развалъ городского хозяйства и управленiя приведетъ къ катастрофѣ, которая поразитъ одинаково всѣ классы населенiя и съ особой силой отразится на бѣднѣйшемъ населенiи, возникла мысль объ организацiи самопомощи населенiя. Во главѣ этой организацiи стали уже названные мною присяжные повѣренные А. К. Леонтовичъ и Я. Н. Смирновъ и одинъ изъ старѣйшихъ горожанъ — прис. повѣр. М. Я. Шоръ.

Предположенная организацiя — «Центродомъ» должна была объединить стройную систему «домовыхъ Комитетовъ», на которую возлагалось осуществить все то, что въ сущности входило въ ближайшiя задачи Городского Самоуправленiя и, прежде всего, охрана безопасности гражданъ.

Домовые Комитеты и ихъ объединенiя — участковые, районные и «Центральный» домовые Комитеты брали на себя исполненiе цѣлаго ряда функцiй и обязанностей, которыхъ въ то время не несъ никто: регистрацiя населенiя, наблюденiе за чистотой и порядкомъ въ домахъ и на улицахъ, охрана безопасности въ домахъ и на улицахъ, въ особенности въ ночное время, борьба съ огнемъ и т. д. Къ образовавшейся инициативной группѣ въ самое короткое время примкнулъ рядъ энергичныхъ людей, безъ различiя партiй, и этой значительно расширенной группѣ удалось добиться согласiя Городского Самоуправленiя на утвержденiе всего плана предположенной организацiи и разрѣшено было приступить къ открытiю дѣйствiй. Черезъ двѣ-три недѣли были произведены выборы, и у насъ въ городѣ появилась мощная и принесшая огромную пользу впослѣдствiи организацiя «Центродомъ».

Чѣмъ ниже падала дѣятельность Городского Самоуправленiя и его органовъ, тѣмъ болѣе всѣ нормальныя функцiи и Управы, и Думы переходили къ «Центродому» и его органамъ. Весьма скоро жизнь заставила «Центродомъ» взять на себя и всѣ заботы о питанiи населенiя, о снабженiи его предметами первой необходимости, заботы по борьбѣ съ эпидемiями и проч.

Душою «Центродома» съ самаго же начала былъ упомянутый А. К. Леонтовичъ, который безсмѣнно до iюля 1919 года оставался Предсѣдателемъ «Центральнаго Домового Комитета». Забросивъ свою профессiональную дѣятельность и всѣ свои личныя (многочисленныя) дѣла, покойный нынѣ, А. Леонтовичъ весь отдался созданному имъ дѣлу, сумѣвъ привлечь къ нему интересъ во всѣхъ слояхъ населенiя, многонацiональнаго и разноязычнаго. Если близкiе люди въ шутку звали его «Центродомъ», то многiе изъ числа населенiя звали его такъ совершенно въ серьезъ, до того личность его была не отдѣлима отъ его дѣятельности.

И какихъ только «Центродомъ» не имѣлъ органовъ: пекарни, потребительные кооперативы, закупочныя организацiи, больницы, дѣтскiе прiюты, образовательные курсы и т. д. Буквально, не было той выдвигаемой жизнью нужды или потребности, на которую бы ни откликнулся «Центродомъ».

Дѣятельность эта осуществлялась и при большевикахъ, въ дни осады турокъ, при владычествѣ турокъ, при англичанахъ, при Азербайджанскомъ Правительствѣ.

Отсутствовавшій съ іюля 1919 года по мартъ 1920 года А. К. Леонтовичъ въ апрѣлѣ 1920 года въ первые же дни занятія г. Баку большевиками былъ ими арестованъ и въ ту же ночь разстрѣлянъ въ тюрьмѣ, какъ контръ-революціонеръ и «деникинецъ».

Чтобы закончить характеристику личности А. К. Леонтовича, много поработавшаго на общественной нивѣ, скажу еще: Когда въ мартѣ мѣсяцѣ 1918 года въ городѣ произошло вооруженное выступленіе «большевиковъ» и выяснилось, что татары не удержатся, А. Леонтовичъ, жившій въ наиболѣе угрожаемой части города въ армянскомъ домѣ, несмотря на просьбы всѣхъ его близкихъ, не хотѣлъ уйти изъ дома, въ которомъ жилъ, ссылаясь на то, что уходъ его изъ дома произведетъ деморализирующее впечатлѣніе на сосѣдей и на околотокъ; онъ ушелъ изъ дома только тогда, когда домъ, подожженный татарами, былъ уже весь въ пламени и, выбѣжавъ на улицу съ женою и трехлѣтнимъ единственнымъ сыномъ, попалъ подъ уличный обстрѣлъ и на его глазахъ былъ убитъ пулей въ сердце его ребенокъ и разрывной пулей тяжело ранена была его жена.

X

Баку и его нефтепромышленный районъ съ его колоссальными запасами нефтяного топлива, безъ котораго должны были стать въ Россіи вся промышленность, желѣзнодорожное и пароходное движеніе, поставили передъ новымъ властелиномъ Россіи — большевиками — неотложную задачу захвата Баку. Навигація въ Баку начинается обыкновенно въ началѣ марта, ибо къ этому времени обычно очищается отъ льда устье рѣки Волги и рейдъ.

Приближеніе момента выступленія большевиковъ опредѣленно чувствовалось всѣми слоями населенія. Большевики и не думали вовсе скрывать свои намѣренія. Всякими правдами и неправдами у приходившихъ воинскихъ частей отбиралась та или другая часть оружія (въ особенности пулеметы) и снаряженіе; была задержана матеріальная часть нѣсколькихъ батарей. Каспійскій флотъ былъ весь распропагандированъ.

Къ моменту готовившагося выступленія большевиковъ, въ городѣ были задержаны, при содѣйствіи желѣзнодорожниковъ, нѣсколько воинскихъ пѣхотныхъ частей, шедшихъ съ фронта.

Одна лишь морская авіаціонная школа не только не раздѣляла плана большевиковъ, но и была опредѣленно настроена противъ этого выступленія, что до извѣстной степени смущало большевиковъ.

Силъ для овладѣнія въ городѣ властью было достаточно. И тѣмъ не менѣе, если бы и армяне, и мусульмане оказали большевикамъ совмѣстно энергичное сопротивленіе, попытка большевиковъ имъ бы навѣрное не удалась. И большевики это отлично учитывали и потому всѣ свои усилія направили на то, чтобы расколоть возможный союзъ этихъ двухъ національностей.

Изъ разсказаннаго выше видно, что поводовъ къ взаимному недовѣрію и даже къ непріязни было достаточно. И тѣмъ не менѣе наиболѣе умѣренно настроенные вожди обѣихъ національностей и люди изъ ихъ среды, смотрѣвшіе

въ даль и оцѣнивавшіе возможныя послѣдствія надвигавшихся событій, старались искренно повліять на элементы, наиболѣе возбудимые.

Изъ числа русскихъ всѣ тѣ общественные дѣятели, которые пользовались какимъ бы то ни было вліяніемъ среди армянъ и татаръ, энергично работали надъ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь поддержать общій фронтъ противъ большевиковъ. Происходили неоднократно свиданія руководителей той и другой національностей — Армянскаго и Мусульманскаго Національныхъ Комитетовъ.

Наканунѣ выступленія большевиковъ, вечеромъ 24-го марта 1918 года (по ст. ст.), я былъ на засѣданіи Городской Думы. Часовъ около 7-ми вечера по телефону дали знать, что на Петровской Набережной происходитъ вооруженное столкновеніе между большевиками-матросами и производившимъ погрузку въ Ленкорань эшелономъ «Дикой» дивизіи подъ командой корнета Али Асадуллаева. Засѣданіе Думы было прервано и въ результатѣ краткаго совѣщанія бывшіе на лицо представители армянъ, татаръ и нѣкоторые русскіе отправились къ большевикамъ и на мѣсто столкновенія, и, казалось, все было приведено къ спокойствію. Но, выйдя изъ зданія Думы, я увидѣлъ на улицѣ густыя толпы татаръ, вооруженныхъ до зубовъ, спѣшившія изъ всѣхъ нагорныхъ татарскихъ частей къ мѣсту бывшаго столкновенія.

На улицахъ было неспокойно, и я прошелъ по близости къ одному пріятелю-татарину, у котораго остался ночевать. Около 11 часовъ вечера намъ позвонили по телефону, что инцидентъ улаженъ, причемъ татарская воинская часть временно сдала оружіе матросамъ-большевикамъ.

Такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ Армянскій Національный Комитетъ категорически завѣрилъ, что, въ случаѣ какого-либо столкновенія между татарами и большевиками, армяне останутся нейтральными, то можно было надѣяться, что все обойдется благополучно.

На другой день, поутру, возвращаясь къ себѣ домой, я почти совсѣмъ успокоился: на улицахъ все было спокойно, хотя малолюдно и лишь поражало отсутствіе извозчиковъ. При переговорахъ по телефону отовсюду получались успокоительныя сообщенія.

Но около 4-хъ часовъ дня мнѣ позвонилъ по телефону А. К. Леонтовичъ и сообщилъ, что сейчасъ происходятъ горячіе переговоры на Баиловѣ (морская территорія) между большевиками и представителями татаръ, потребовавшими возвращенія оружія, отобраннаго наканунѣ вечеромъ у всадниковъ «Дикой» дивизіи; что переговоры эти врядъ ли приведутъ къ благополучному концу; и что перемиріе, если дѣло не закончится миролюбиво, кончается въ 5 час. дня.

Я жилъ въ центральной части города, въ большинствѣ населенной армянами, причемъ изъ оконъ моей квартиры открывался съ двухъ сторонъ видъ почти на весь городъ и рейдъ.

Около 5 часовъ дня загремѣли первые орудійные выстрѣлы судовъ Каспійскаго флота, отошедшаго нѣсколько вглубь рейда. Дымки разрывовъ ясно были видны въ нагорной части города, густо населенной татарами. Вскорѣ затрещали пулеметы въ разныхъ сторонахъ и одновременно послышалась сильная ружейная стрѣльба. Орудійная канонада все усиливалась.

Населеніе попряталось по домамъ; зашедшіе къ намъ, еще до начала открытія военныхъ дѣйствій, знакомые остались у насъ, не рискнувъ добираться уже до дому.

Въ теченіе 4-хъ дней въ городѣ былъ буквально адъ. Къ счастью телефонъ продолжалъ дѣйствовать, и это была наша единственная связь съ людьми близкими. Ежеминутно получались самыя разнообразныя сообщенія.

По началу татары имѣли успѣхъ; говорили, что у нихъ была артиллерія, и что она наноситъ большой уронъ большевикамъ. Но уже на второй день стало ясно, что татарамъ не устоять въ неравной борьбѣ.

Армянскій Національный Комитетъ съ своей стороны, принималъ мѣры къ тому, чтобы сдержать армянскія массы отъ участія въ столкновеніи. Но Комитетъ партіи «Дашнакцутюнъ» рѣшилъ принять активное участіе въ борьбѣ и «Дашнакцакане» повели наступленіе на татарскія позиціи; къ нимъ примкнули и армяне-солдаты, томившіеся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ городѣ и не имѣвшіе возможности, по указаннымъ выше причинамъ, добраться къ себѣ домой.

Озлобленіе съ обѣихъ сторонъ все усиливалось; большевистско-татарское столкновеніе начинало пріобрѣтать характеръ національнаго столкновенія, причемъ противъ татаръ, кромѣ большевиковъ, выступали все бо̀льшія массы армянъ.

Огонь судовой артиллеріи становился все сильнѣе и разрушительнѣе; артиллерія большевиковъ била на выборъ; одинъ за другимъ сносились зданія, особенно дорогія въ глазахъ мусульманъ: большая мечеть «Джума», домъ мусульманскаго благотворительнаго общества, редакція и типографія стариннѣйшей газеты «Каспій» (татарофильской, но выходившей на русскомъ языкѣ), дома богачей-татаръ. Начались пожары. Положеніе татаръ все ухудшалось и, наконецъ, они дрогнули: начался массовой исходъ татаръ изъ города въ окрестности.

Несчастное населеніе татарскихъ частей города, бросая имущество на произволъ судьбы, спѣшило уйти изъ-подъ убійственнаго огня артиллеріи и пулеметовъ и скрыться гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ.

Начались попытки къ прекращенію дальнѣйшаго кровопролитія, переговоры тянулись безъ конца, ибо большевики требовали сдачи безъ всякихъ условій съ выдачей всего оружія и извѣстнаго числа заложниковъ. *

На третій день мы получили тревожныя свѣдѣнія о несчастной судьбѣ брата моей жены, А. К. Леонтовича, а черезъ часъ къ намъ домой были привезены самъ обезумѣвшій отъ горя А. Леонтовичъ, тяжело раненая разрывной пулей навылетъ въ грудь его жена и трупъ ихъ трехлѣтняго единственнаго сына.

29-го марта по телефону я получилъ сообщеніе, что военныя дѣйствія будутъ прекращены, такъ какъ достигнуто соглашеніе между враждебными сторонами. И, дѣйствительно, огонь сталъ стихать и часамъ къ 2-мъ въ городѣ все какъ-то сразу затихло. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что въ городѣ образовалась большевистская власть и во главѣ ея сталъ Степанъ Шаумянъ, назначенный Верховнымъ Комиссаромъ всего Кавказа приказомъ изъ Москвы. Въ тотъ же день большевиками было объявлено въ Баку осадное положеніе

---

* На рѣшеніе большевиковъ о прекращеніи дальнѣйшихъ боевыхъ противъ татаръ дѣйствій повліяло не столько ненужность дальнѣйшаго кровопролитія, сколько категорическое заявленіе двухъ пѣхотныхъ русскихъ полковъ, при возвращеніи съ фронта умышленно задержанныхъ большевиками въ городѣ — полки эти, не принимавшіе никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ большевиковъ, категорически заявили, что, если большевики не прекратятъ дальнѣйшаго кровопролитія, то полки эти немедленно сами выступятъ противъ большевиковъ. Угроза эта была весьма серіозной, ибо эти два полка боевого состава представляли свыше 8000 человѣкъ бойцовъ.

и городъ былъ подчиненъ Коменданту прапорщику Авакіяну, извѣстному своей предшествующей дѣятельностью по разложенію воинскихъ частей. *

На другой же день Комитетъ партіи «Народной Свободы» имѣлъ конспиративное засѣданіе, на которомъ рѣшено было временно пріостановить дѣятельность и принять мѣры къ сокрытію всѣхъ дѣлъ Комитета и документовъ.

Мнѣ не разъ пришлось слышать впослѣдствіи отзывы, что въ «мартовскіе дни» 1918 года армяне безпощадно истребляли татаръ. Справедливость заставляетъ меня сказать, что это — далеко не вѣрно.

Въ результатѣ уличныхъ боевъ погибло не мало и армянъ и среди нихъ много выдающихся людей, какъ, напримѣръ, д-ръ Леонъ Атабекянъ, одинъ изъ лидеровъ эс-эровъ, сынъ другого виднаго общественнаго дѣятеля и члена армянскаго Національнаго Комитета Г. Б. Теръ-Микелянца, боевой офицеръ, пробывшій всю войну на фронтѣ, и много другихъ, коихъ сейчасъ не вспомню. Около 3.000 татаръ было спасено армянами и интернировано на время событій въ огромномъ театрѣ бр. Маиловыхъ, гдѣ ихъ все время поили и кормили. Среди спасенныхъ армянами татаръ было много представителей буржуазіи и общественныхъ дѣятелей и даже такой явный армянофобъ, какъ инженеръ Бейбутъ-Ханъ Джеванширъ, одинъ изъ организаторовъ и руководителей массового избіенія армянъ въ сентябрьскіе дни того же года, послѣ взятія Баку турками и азербайджанцами.

Кто первый началъ военныя дѣйствія въ памятные «мартовскіе» дни? Мнѣ лично доискаться этого не удалось и знаютъ это лишь тѣ, кто стоялъ въ то время во главѣ событій, но полагаю, что обѣ стороны — и большевики, и татары — шли одинаково неудержимо навстрѣчу событіямъ.

Надо при этомъ имѣть въ виду, что партія «Муссаватъ», послѣ національнаго разграниченія Закавказья (но еще до оффиціальнаго отторженія Закавказскихъ республикъ отъ Россіи, послѣдовавшаго мѣсяцемъ позже), считала Баку своею національною вотчиной и стремилась занять въ Баку доминирующее положеніе. Къ этому же стремились и большевики въ силу указанныхъ уже выше причинъ. Армяне въ большинствѣ тяготѣли къ Россіи и характерно, что даже у насъ, въ кадетскомъ комитетѣ правовѣрные кадеты изъ армянъ стояли на той точкѣ зрѣнія, что на Кавказѣ большевики дѣлаютъ «русское» дѣло. Русскіе рабочіе стояли въ то время въ большинствѣ уже на большевистской платформѣ; остальное же русское населеніе, явно не сочувствовавшее большевизму, не представляло собой никакой дѣйственной силы.

Какъ велики были потери, понесенныя татарами во время «мартовскихъ» дней? Оффиціальнаго ихъ подсчета никогда не было сдѣлано, да это и вообще представлялось бы невозможнымъ. Сами татары на первыхъ порахъ называли цифру убитыхъ и раненыхъ въ 6.000 человѣкъ; думаю, что цифра эта подъ вліяніемъ перенесенныхъ ужасовъ и страха была преувеличена. Поэтому цифры, называвшіяся впослѣдствіи — 15, 20 и болѣе тысячъ, — явно фантастическія.

---

* Авакіянъ — недоучившійся студентъ, офицеръ военнаго времени, все время скрывавшійся въ тылу; кокаинистъ и неврастеникъ; разстрѣлянъ въ числѣ 26-ти большевистскихъ Бакинскихъ главарей въ августѣ мѣсяцѣ 1918 г. англичанами въ Закаспійскомъ краѣ

Во всякомъ случаѣ, необходимо отмѣтить, — что и со стороны татаръ, и со стороны армянъ было проявлено много случаевъ звѣрствъ: не только убивали, но и надругались надъ своими жертвами и тѣ, и другіе.

XI

Исходъ татаръ, начавшійся еще въ самые дни «мартовскихъ» событій, обратился въ поголовное бѣгство. Татары, спасшіе свою жизнь, боялись за свою свободу, ибо большевики принялись массами арестовывать татаръ (больше — по доносамъ) и, въ особенности, всѣхъ тѣхъ, которые хоть сколько-нибудь возвышались надъ уровнемъ пролетарскихъ классовъ; обвиненія, если и предъявлялись, то — или въ контръ-революціонности или въ принадлежности къ «бекско-ханской» партіи «Муссаватъ».

Немедленно-же начались (для насъ это было еще вновь) политическіе и соціальные эксперименты, составляющіе систему большевистскаго государственнаго управленія: подъ лозунгомъ конфискаціи буржуазныхъ капиталовъ были закрыты и ограблены банки вмѣстѣ съ ихъ сейфами; произведена реквизиція товаровъ въ магазинахъ и на складахъ.

Мѣры эти тотчасъ же привели къ фактическому уничтоженію всякой торговли, закрытію базаровъ и къ исчезновенію съ рынка товаровъ и съѣстныхъ продуктовъ. Все бралось на учетъ и подлежало распредѣленію.

Началась реквизиція квартиръ, помѣщеній и домовъ. На мѣсто учрежденій и организацій, существовавшихъ до того, создавался неимовѣрно сложный аппаратъ многочисленныхъ коллегіальныхъ учрежденій съ огромнымъ штатомъ служащихъ «товарищей».

Большевистскія учрежденія заполнялись людьми въ большинствѣ малограмотными, не понимавшими того дѣла, къ которому они приставлены, исписывалась масса бумаги, отдавались безсмысленныя и жестокія распоряженія, и все это злое дѣло оправдывалось какимъ-то революціоннымъ правосознаніемъ и прочими соціалистическими бреднями.

Проведя на первыхъ же порахъ выборы въ Совѣтъ раб. солд. и матросскихъ депутатовъ, куда, понятно, на первыхъ же порахъ прошло большинство делегатовъ-большевиковъ, Верховный Комиссаръ Ст. Шаумянъ сорганизовалъ при себѣ Исполнительный Комитетъ, члены котораго являлись Народными Комиссарами по отдѣльнымъ отраслямъ управленія.

Затѣмъ было приступлено къ организаціи этихъ отдѣльныхъ Комиссаріатовъ.

Кто же были эти Комиссары?

Народное просвѣщеніе было вручено нѣкоей Колесниковой, сельской учительницѣ, вся заслуга которой передъ революціей заключалась въ довольно продолжительномъ тюремномъ стажѣ. Психопатка, малограмотная, вздорная, съ очень тяжелымъ характеромъ, особа эта принялась за коренную ломку всѣхъ школъ и учебныхъ заведеній (было много спеціальныхъ) и на первыхъ же порахъ окончательно запутала все дѣло народнаго образованія.

Какъ на одинъ изъ примѣровъ ея безтолковой дѣятельности укажу на слѣдующее: ей, Колесниковой, захотѣлось облагодѣтельствовать пролетарскія массы открытіемъ цѣлой системы библіотекъ, приблизивъ ихъ къ самому населенію. Для этого нѣсколько богатѣйшихъ и прекрасно поставленныхъ библіотекъ (Городского Самоуправленія и, въ особенности, Общественнаго Собранія —

частнаго клуба) со многими десятками тысячъ томовъ были свезены въ одно мѣсто, откуда безъ всякой системы книги эти (разрозненныя изданія, вперемѣшку и безъ всякаго разбора) были арифметически, счетомъ, разбиты между нѣсколькими десятками пролетарскихъ библіотекъ. Нечего и говорить, что большинство книгъ «товарищами» были раскрадены и впослѣдствіи появились въ видѣ товара на базарахъ.

Колесникова добивалась отъ учительскаго персонала того, чтобы онъ проникся пролетарскимъ міросозерцаніемъ.

Созвавъ собраніе всѣхъ педагоговъ, Колесникова повела къ нимъ рѣчь въ такомъ тонѣ, который оказался совершенно непріемлемымъ для людей интеллигентныхъ, а засимъ предложила собранію принять какую-то дикую резолюцію. Педагоги въ рядѣ рѣчей отчитали Колесникову, а когда ею были призваны въ собраніе красноармейцы для подавленія «бунта», то собраніе разошлось, заявивъ протестъ.

Комиссаръ воднаго транспорта, тоже имѣвшій продолжительный тюремный стажъ при старомъ режимѣ (фамиліи его не помню), уже черезъ мѣсяцъ проворовался и, хапнувъ 3.000.000 николаевскихъ рублей, съ ними бѣжалъ, но былъ гдѣ-то около Астрахани задержанъ и выведенъ «въ расходъ».

Комиссаръ финансовъ (фамиліи также не помню), мелкій чиновникъ Бакинскаго Казначейства, сразу ставшій большевикомъ, былъ изобличенъ въ мелкой взяткѣ (нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, бакинскими бонами) и также выведенъ «въ расходъ».

Мнѣ болѣе извѣстна дѣятельность Комиссаріата Юстиціи. Во главѣ его былъ поставленъ нѣкто Каринiанъ *, столичный помощникъ присяжнаго повѣреннаго, никогда не занимавшійся судебной практикой и имѣвшій завидное, съ точки зрѣнія революціонера, тюремное прошлое.

Мало свѣдующій въ юриспруденціи, основательно имъ позабытой съ университетской скамьи, Каринiанъ получилъ себѣ въ коллеги, или же самъ себѣ пригласилъ, какого то темнаго дѣльца, татарина, состоявшаго при одномъ изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ переводчика и маклера, приводившаго своему патрону съ улицы кліентовъ; и этотъ господинъ являлся главнымъ совѣтчикомъ «тов.» Каринiана.

Въ то время какъ всѣ отрасли управленія были уже реорганизованы большевиками, Каринiанъ, создавъ рядъ слѣдственныхъ, военнослѣдственныхъ и чрезвычайныхъ слѣдственныхъ комиссій, положительно не зналъ, что ему дѣлать съ Окружнымъ Судомъ и остальными судебными учрежденіями. Оставить эти Суды нетронутыми и предоставить имъ функціонировать дальше было бы ересью съ большевистской точки зрѣнія, ибо у нихъ должно было быть все по новому, вплоть до названія.

Въ концѣ концовъ было рѣшено Каринiаномъ переименовать Окружный Судъ въ Народный Окружный Судъ, уничтоживъ совершенно Гражданскія Отдѣленія Суда, а мировыхъ судей переименовать въ народныхъ судей, придавъ всѣмъ этимъ судамъ (какъ Окружному коллегіальному, такъ и единоличнымъ) народныхъ засѣдателей, избираемыхъ Совѣтомъ раб., сол. и матросскихъ депутатовъ изъ «товарищей» съ опредѣленнымъ пролетарскимъ правосознаніемъ.

---

* Нынѣ (въ 1921—22 гг.) состоитъ на службѣ въ большевистскомъ Внѣшторгѣ въ Константинополѣ.

Прокурорскій надзоръ было рѣшено уничтожить, а обвиненіе передъ судомъ сдѣлать свободнымъ дѣломъ всякаго гражданина, какъ будто задачи прокуратуры ограничивались однимъ публичнымъ обвиненіемъ передъ судомъ.

Назначенный Кариніаномъ Предсѣдателемъ Слѣдственной Комиссіи нѣкто Теръ-Оганіанъ, лѣвый с. р., помощникъ присяжнаго повѣреннаго, никогда не занимавшійся практикой, обратился ко мнѣ съ просьбой помочь имъ моими знаніями. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи написать вмѣсто проэкта судебной реформы самый злой памфлетъ, придавъ ему самый корректный видъ дѣловой записки, обильно снабженной ссылками на литературу по затронутымъ вопросамъ.

Кариніанъ пожелалъ со мной познакомиться и побесѣдовать. При единственномъ моемъ свиданіи съ нимъ я еще рѣзче высказалъ ему мою точку зрѣнія и предсказалъ ему, что уже черезъ мѣсяцъ они (большевики) не будутъ знать, что имъ дѣлать со своими судебными учрежденіями и съ распложенными ими дѣлами. Разумѣется, отъ всякихъ предложеній, сдѣланныхъ мнѣ Кариніаномъ, я отказался.

Военно-Слѣдственная Комиссія со своимъ Предсѣдателемъ тов. Кожемякой (малограмотнымъ слесаремъ) занялась изслѣдованіемъ «Муссаватскаго» бунта; такъ квалифицировались съ точки зрѣнія большевиковъ «мартовскіе» дни. Въ этой Комиссіи почти ничего не писали, а больше дѣйствовали: хватали людей, сажали въ тюрьмы и разстрѣливали.

Лично мнѣ пришлось много разъ по дѣламъ моихъ кліентовъ обращаться въ Слѣдственную Комиссію, гдѣ Предсѣдателемъ былъ Теръ-Оганіанъ, уже упомянутый мною выше. Среди 15—20 слѣдователей, ее составлявшихъ, было не болѣе двухъ-трехъ юристовъ, да и то безъ всякаго стажа; недоучившіеся студенты (медики, ветеринары, математики), писцы изъ судебныхъ канцелярій, два-три письмоводителя, служившихъ у присяжныхъ повѣренныхъ — вотъ составъ этихъ слѣдователей.

Принимались къ производству всякія жалобы, даже чисто гражданскаго характера; дѣла нагромождались сотнями и тысячами.

Главное затрудненіе Комиссіи состояло въ томъ, что никто не зналъ въ какой моментъ счесть дѣло законченнымъ и что съ законченнымъ дѣломъ сдѣлать дальше.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ, пока Кариніанъ додумался создать коллегію изъ всѣхъ слѣдователей (общее ихъ собраніе), которая должна была изображать изъ себя обвинительную камеру.

Можно себѣ представить, что дѣлалось только въ этомъ учрежденіи!

По мысли Кариніана всѣ дѣла, прошедшія черезъ обвинительную камеру, должны были поступать въ Народн. Окружн. Судъ на разсмотрѣніе и для сужденія. Но за время царствованія большевиковъ (апрѣль — іюль) ни одно дѣло не только не было разсмотрѣно, но даже не поступило въ судъ.

Народные судьи также не были назначены по недостатку подходящихъ людей.

Кариніанъ занялся совращеніемъ членовъ магистратуры и чиновъ прокуратуры на службу совѣтской власти.

Положеніе чиновъ судебнаго вѣдомства, матеріально и при прежнемъ режимѣ не обезпеченнаго, было ужасное; и тѣмъ не менѣе не болѣе половины изъ состава магистратуры соблазнились на призывъ Кариніана. Прокуратура же во главѣ съ своимъ Прокуроромъ А. Ю. Литвиновичемъ категорически отказалась работать у большевиковъ и всѣ они оказались за бортомъ.

Не могу не отмѣтить здѣсь трогательнаго отношенія А. Литвиновича къ своимъ товарищамъ; онъ дѣлился съ ними буквально послѣднимъ; бѣгалъ по городу и искалъ пристроить куда-нибудь своихъ бывшихъ товарищей, въ особенности семейныхъ, что, благодаря его большой популярности и незапятнанной репутаціи, ему не рѣдко и удавалось.

Большую услугу этимъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе членамъ судебной семьи оказалъ «Центродомъ» и его Предсѣдатель А. Леонтовичъ, устроившіе многихъ на службу по многочисленнымъ учрежденіямъ «Центродома». Тамъ же въ концѣ концовъ пріютился и самъ А. Литвиновичъ.

Изъ числа комиссаровъ нѣкоторое исключеніе составлялъ А. Джапаридзе, которому ввѣрено было два вѣдомства: внутреннія дѣла и продовольствіе.

Первая изъ этихъ отраслей управленія, при условіи коллегіальности созданныхъ учрежденій и, главное, при режимѣ диктатуры одного класса (пролетаріата) надъ всѣми другими, скоро дала себя почувствовать всему населенію.

Печать на первыхъ же порахъ была задушена, причемъ типографіи были національизированы, какъ и вся бумага.

Издавались въ изобиліи декреты, коими обыватель окончательно ущемлялся.

Дѣло продовольствія день отъ дня становилось все хуже и угрожало катастрофой.

Во-первыхъ, всѣ окрестныя селенія (татарскія) совершенно прекратили подвозъ и городъ остался безъ овощей, молока, яицъ, живности и т. д. Путь на хлѣбную Кубань и въ Ставропольскую губ. былъ отрѣзанъ, такъ какъ весь Дагестанъ былъ не только опредѣленно настроенъ противъ большевиковъ за ихъ жестокость въ отношеніи мусульманъ, но изъ Дагестана доходили тревожныя свѣдѣнія, что оттуда угрожаетъ большевикамъ первый ударъ.

Не приходилось, далѣе, большевикамъ разсчитывать и на богатую всегда хлѣбомъ Мугань: отношенія русскаго населенія Мугани къ мусульманамъ Мугани были до того обострены, что тамъ ежеминутно можно было ожидать возникновенія столкновеній; кромѣ того русскіе поселенцы не дали бы хлѣба иначе, какъ за деньги или за товары, и объ реквизиціяхъ нечего было и думать.

Голодъ въ Баку былъ, что называется, на носу. И комиссаръ А. Джапаридзе сумѣлъ на время отказаться отъ своихъ большевистскихъ доктринъ, понимая, что голодъ можетъ легко привести большевиковъ къ паденію ихъ власти. Онъ обратился къ Центродому и, въ частности, къ А. Леонтовичу; послѣднему удалось убѣдить А. Джапаридзе не только не разрушать организаціи Центродома, организаціи аполитичной, но, наоборотъ, организаціей этой воспользоваться какъ готовымъ аппаратомъ для распредѣленія продуктовъ среди населенія и, мало того, поручить тому же «Центродому» производство закупочныхъ операцій. Не безъ большой борьбы со своими «товарищами» Джапаридзе удалось отстоять «Центродомъ» и въ Исполнительномъ Комитетѣ и въ Совдепѣ.

И, хотя вопросъ продовольствія все же стоялъ очень остро въ теченіе всего времени владычества большевиковъ, однако, все же «Центродомъ» оказалъ населенію незабываемыя услуги.

Вообще Джапаридзе оказался наиболѣе творческимъ и гибкимъ изъ всѣхъ главарей большевиковъ. Достаточно вспомнить его проектъ полученія хлѣба изъ Терской области морскимъ путемъ съ постройкой желѣзно-дорожной вѣтки къ Старотеречной (пристань на западномъ побережьи Каспія), благодаря чему можно было миновать Петровскъ-Дагестанскій и Кубинскій уѣздъ, находившіеся въ рукахъ Дагестанцевъ и татаръ. Къ постройкѣ этой вѣтки, которая

должна была соединить Каспій съ Моздокомъ и Кизляромъ для выкачиванія хлѣба съ Сѣвернаго Кавказа, было приступлено, но она не была закончена до паденія власти большевиковъ.

А. Джапаридзе окончилъ свои дни также, какъ и большинство Бакинскихъ комиссаровъ; въ августѣ мѣсяцѣ, когда комиссары вынуждены были бѣжать и прибыли въ Красноводскъ, тамъ они были всѣ задержаны по распоряженію Правительства Закаспійской Области, состоявшаго изъ правыхъ эсэровъ и меньшевиковъ, и, по требованію англичанъ (ген. Мадисона), были переданы въ руки англичанъ, которые и разстрѣляли ихъ всѣхъ въ пустынѣ, верстахъ въ ста отъ гор. Красноводска.

XII

Съ первыхъ же дней захвата ими власти въ Баку, большевики повели усиленную агитацію противъ татаръ, имѣя главнымъ образомъ въ виду партію «Муссаватъ», по ихъ, большевиковъ, опредѣленію, бекско-ханскую феодальную организацію; и на митингахъ, и въ печати, и въ многочисленныхъ прокламаціяхъ большевики призывали рабочихъ и крестьянъ къ сверженію ига татарской буржуазіи, капиталистовъ и помѣщиковъ.

Пропаганда эта въ нѣкоторыхъ районахъ Елизаветпольской губерніи привела къ кровавымъ расправамъ татарскаго крестьянства надъ своими помѣщиками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большевики проповѣдывали походъ дальше, вглубь Закавказья, занятіе не только татарскихъ провинцій, но и всей Грузіи.

Въ Баку стали прибывать черезъ Астрахань моремъ артиллерія, пулеметы, воинскія части и все необходимое для веденія военныхъ дѣйствій. Одновременно шла и усиленная мобилизація среди христіанскаго населенія, главнымъ образомъ гор. Баку и его промысловаго района; выдача усиленныхъ пайковъ не только самимъ красноармейцамъ, но и ихъ семьямъ, а также и снабженіе семей мобилизованныхъ всѣмъ необходимымъ, привлекло въ ряды арміи массу людей, въ большинствѣ безъ всякой военной подготовки.

Начался походъ вдоль линіи Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ на Тифлисъ; въ то же время часть отрядовъ направлена была въ Шемахинскій и Геокчайскій уѣзды. Продвиженіе по линіи желѣзной дороги шло почти безъ боевъ до ст. Евлахъ, гдѣ большевикамъ преградила путь рѣка Кура, широкая, быстрая, и глубокая въ этомъ мѣстѣ, съ единственной переправой по желѣзно-дорожному мосту.

Въ предѣлахъ Шемахинскаго и Геокчайскаго уѣздовъ, гдѣ большинство населенія составляли татары, большевики встрѣтили отчаянное сопротивленіе, организованное командированнымъ изъ Елизаветполя, гдѣ, въ то время уже собралось Учредительное Собраніе будущей Азербайджанской республики, членомъ первой Государственной Думы Исмаилъ Ханомъ Зіатхановымъ (к.-д.) *.

Русское населеніе этихъ уѣздовъ (главнымъ образомъ молокане), уже потерпѣвшее передъ тѣмъ отъ безчинствъ татаръ въ связи съ Шамхорскими событіями, и, въ особенности, населеніе армянское, издавна враждовавшее (еще съ 1905 — 1906 г.г.) съ татарами, присоединились къ большевикамъ. Въ резуль-

* Разстрѣлянъ большевиками въ 1920 г. во время подавленія возстанія въ г. Елизаветполѣ.

татѣ двухмѣсячной борьбы, ведшейся съ перемѣннымъ успѣхомъ, почти всѣ татарскія селенія, большинство армянскихъ и цвѣтущій городъ Шемаха, съ 30-ти тысячнымъ населеніемъ, оказались уничтоженными до тла. Отъ всей Шемахи осталась одна русская церковь, да и то полуразрушенная.

Большевики, имѣя въ своемъ распоряженіи артиллерію и неимовѣрное количество снарядовъ, вынудили Зіатханова къ отступленію.

Но по линіи желѣзной дороги большевики, дойдя до ст. Евлахъ, дальше не могли развить своего наступленія и, въ концѣ концовъ, были даже вынуждены отойти къ станціи Кюрдамиръ, дававшей имъ болѣе выгодное стратегическое положеніе, такъ какъ лѣвый флангъ ихъ прикрывался рѣкой Курой и рядомъ болотъ.

Въ это же самое время со стороны Дагестана началось наступленіе двухъ Дагестанскихъ конныхъ полковъ съ 3 или 4 орудіями подъ командой ген. Б. П. Лазарева.

Дагестанцы не дошли до Баку всего 25 — 30 верстъ. Большевики двинули противъ нихъ свои лучшія силы (между прочимъ матросовъ) съ многочисленной артиллеріей. Два орудія у Дагестанцевъ были подбиты и они начали поспѣшно отступать.

Большевики въ своей прессѣ (а другой не было) трубили о своихъ побѣдахъ. Между тѣмъ, дѣла ихъ на главномъ фронтѣ, на Тифлисскомъ направленіи, шли не важно. Плохо обмундированные и снабженные красноармейцы, страдая отъ жары и не имѣя хорошей питьевой воды, все время дѣйствовали въ мѣстности, изобилующей комарами и москитами; началось массовое заболѣваніе маляріей и стало развиваться повальное дезертирство, ибо въ войскахъ дисциплины не было никакой и таковая замѣнялась революціоннымъ сознаніемъ.

На главномъ фронтѣ появились турецкія регулярныя части, медленно, но вѣрно, продвигавшіяся впередъ.

Въ началѣ мая 1918 г. и Грузія, и Азербайджанъ (а слѣдомъ за ними вынуждена была къ тому и Арменія) объявили о своемъ отдѣленіи отъ Россіи и объявили себя независимыми и суверенными государствами.

Въ то же время Азербайджанъ (или Елизаветпольская и Бакинская губерніи) заключилъ военный союзъ съ Турціей и на помощь къ нему пришелъ ген. Халилъ-Паша (братъ Энвера), съ двумя или тремя пѣхотными дивизіями. Въ Елизаветполѣ (Ганжѣ, по татарскому именованію) началось формированіе новыхъ воинскихъ частей (татарскихъ), главнымъ образомъ конныхъ, подъ руководствомъ турецкихъ офицеровъ и бывшихъ русскихъ, изъ числа татаръ и грузинъ.

Уже къ концу іюня турецко-азербайджанская армія подъ командой Мурсала-Паши сильно потѣснила большевиковъ и, въ сущности, обложила Баку со всѣхъ сторонъ. Баку, для защиты его отъ наступавшихъ на него турокъ, представлялъ исключительно выгодныя условія обороны. Подступы къ нему съ юга и юго-запада находились подъ обстрѣломъ тяжелой судовой артиллеріи Каспійскаго флота. Съ юго-запада и запада ближайшія, окаймляющія Баку возвышенности (Ясамальскій хребетъ), круто, почти отвѣсно падающія въ сторону наступающаго, усиливаются, съ точки зрѣнія обороны, глубокимъ ущельемъ (Ясамальскимъ), также обстрѣливаемымъ анфиладнымъ огнемъ съ моря. Наиболѣе уязвимой частью обороны гор. Баку была сѣверная сторона, т. е. Апшеронскій полуостровъ, густо населенный исключительно татарскимъ населеніемъ. Но и съ этой сѣверной стороны, при условіи, что линія обороны была бы надлежащимъ образомъ оборудована и укрѣплена до ст. Хурдаланъ и

Зоратъ (по желѣзной дорогѣ къ Петровску), при надлежащемъ содѣйствіи со стороны флота, не угрожало непосредственной опасностью, ибо наступающій долженъ былъ пройти около 15 — 20 верстъ по совершенно открытой мѣстности подъ огнемъ бьющей по немъ артиллеріи противника.

Населеніе съ момента воцаренія большевиковъ, переносившее всякія невзгоды, начинало высказывать явное неудовольствіе противъ большевиковъ.

Въ Совдепѣ все сильнѣе раздавались голоса о необходимости прибѣгнуть къ чьей нибудь посторонней помощи. Недовольные начавшейся противъ нихъ со стороны большевиковъ травлей, армяне — «Дашнакцаканы», которыхъ большевики обвиняли въ томъ, что партія «Дашнакцутюнъ» преслѣдуетъ не интернаціональную, а исключительно — національную и, слѣдовательно, имперіалистическую политику, не стѣсняясь выступали открыто противъ большевиковъ.

Явное осужденіе неуспѣховъ на фронтѣ и бездарной политики большевиковъ высказывали союзъ «Солдатъ-фронтовиковъ» и большинство моряковъ Каспійскаго флота, организовавшихъ къ тому времени руководящій органъ «Центрофлотъ», въ рукахъ котораго находилось могущественнѣйшее средство обороны Баку — флотъ съ его судовой артиллеріей.

Сильное недовольство противъ большевиковъ наростало и среди рабочихъ массъ на заводахъ и на промыслахъ. Оффиціально большевиками распущенные армянскій національный совѣтъ и комитетъ партіи «Дашнакцутюнъ» ясно представляли себѣ тѣ послѣдствія, которыя угрожаютъ армянскому населенію (скопившемуся въ Баку) въ случаѣ взятія послѣдняго турками и озлобленнымъ татарскимъ населеніемъ.

Одинъ изъ членовъ армянскаго національнаго совѣта, прис. повѣр. С. Арс. Теръ-Газаровъ былъ командированъ въ Энзели, въ Персію, къ ген. Данстервилю, командовавшему англійскими войсками въ Персіи, для переговоровъ о приглашеніи англичанъ для защиты Баку. И, несмотря на сильную оппозицію большевиковъ, послѣ ряда шумныхъ и безконечно длинныхъ засѣданій, Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и матросскихъ депутатовъ незначительнымъ, правда, большинствомъ рѣшилъ пригласить англичанъ и, въ первую голову, состоявшаго у нихъ на службѣ войскового старшину Л. Ф. Бичерахова, который вслѣдъ за тѣмъ, высадившись къ югу отъ Баку у ст. Аляты, съ своимъ отрядомъ изъ 18 сотенъ (кажется) Кубанцевъ и Терцовъ съ двумя батареями, 4-мя аэропланами и броневыми автомобилями тотчасъ же потѣснилъ правый флангъ турокъ за ст. Кюрдамиръ. Но, продержавшись около недѣли на фронтѣ и понеся въ результатѣ горячихъ боевъ съ турками и съ полками «Дикой» дивизіи значительныя потери, не поддержанный «красной» арміей Л. Ф. Бичераховъ внезапно отошелъ къ Баку, остановившись со всѣмъ своимъ отрядомъ, посаженнымъ въ вагоны, у ст. Баладжары.

Въ тотъ моментъ, когда турки, воспользовавшись отходомъ отряда Бичерахова, начали свое первое непосредственное наступленіе на Баку, Л. Ф. Бичераховъ ушелъ со своимъ отрядомъ къ сѣверу по желѣзной дорогѣ къ Петровску, посылая по своему полевому радіо-телеграфу въ Баку телеграмму, приглашая защитниковъ Баку держаться и обнадеживая своею дальнѣйшею помощью.

За нѣсколько дней до ухода Бичераховскаго отряда, въ гор. Баку изъ Астрахани, моремъ, прибылъ отрядъ товарища Петрова; въ составѣ этого отряда была хорошая артиллерія и въ особенности дивизіонъ полевой тяжелой артиллеріи — гаубицы и мортиры. Приходъ отряда Петрова окрылилъ надежды

большевиковъ удержаться и на внѣшнемъ и на внутреннемъ фронтѣ, т. е. удержаться у власти.

С. Шаумянъ и Исполнительный комитетъ распустили Совдепъ и назначили новые выборы, причемъ самые выборы сопровождались внушительной демонстраціей — дефилированіемъ по городу и заводскому району отряда Петрова. Но выборы не оправдали надеждъ большевиковъ; въ огромномъ большинствѣ во всѣхъ районахъ прошли соц.-рев., эсъ-деки и даже безпартійные. Такого провала не ожидали даже и большевики. Большевики окончательно потеряли власть и должны были уйти.

Жуткую ночь пережило населеніе осажденнаго турками гор. Баку (кажется 28 или 29 іюля): большевики рѣшили уйти въ Астрахань, забравъ съ собою по возможности все вооруженіе, наличность казначейства и запасы; во всемъ городѣ огни были потушены и большевистскимъ комендантомъ былъ отданъ приказъ, что всякій, появившійся послѣ 8 час. вечера на улицахъ безъ разрѣшенія, будетъ на мѣстѣ разстрѣлянъ; всю ночь по всѣмъ улицамъ грохотали грузовики, фургоны, повозки; скакали во всѣхъ направленіяхъ конные ординарцы. Въ то же самое время какими то путями проникали въ дома слухи о томъ, что съ фронта ушли его защитники и очищено отъ войска наиболѣе уязвимое для города мѣсто — Баладжарскій фронтъ.

Знай только турки истинное положеніе вещей, они легко могли бы взять Баку въ ту же ночь.

По утру у Петровской набережной и на рейдѣ Бакинской бухты стояли готовые къ отходу полтора десятка спѣшно погруженныхъ большевиками пароходовъ. Пароходы не отходили, какъ оказалось, потому, что между большевиками и «Центрофлотомъ» происходили рѣзкія препирательства: большевики требовали свободнаго ихъ пропуска, въ то время какъ «Центрофлотъ» настаивалъ на возвращеніи всего захваченнаго и увозимаго большевиками, угрожая въ противномъ случаѣ потопить большевиковъ. Пока тянулись эти переговоры часть большевистскихъ судовъ ушла въ море, но ихъ у о. Жилаго (часахъ въ 4-хъ хода отъ Баку) нагнали два быстроходныхъ военныхъ судна «Карсъ» и «Ардаганъ» и принудили, подъ угрозой открытія огня и потопленія въ открытомъ морѣ, вернуться обратно. Бѣжать удалось только одному пароходу, на которомъ находились всѣ комиссары и главари большевиковъ, причемъ въ виду случившейся на немъ аваріи и опасенія, что онъ не дойдетъ до Астрахани, пароходъ этотъ повернулъ въ Красноводскъ, гдѣ всѣ большевики, съ С. Шаумяномъ во главѣ, были задержаны, переданы англичанамъ и ими разстрѣляны.

XIII

Власть въ Баку перешла къ «Диктатурѣ Центрофлота», состоявшей изъ пяти лицъ: трехъ морскихъ офицеровъ и двухъ матросовъ.

Одержанная ими побѣда надъ большевиками, выразившаяся въ особенности въ отобраніи у нихъ столь необходимыхъ для продолженія защиты Баку артиллеріи и всякаго вооруженія, вызвала общій подъемъ настроенія въ населеніи.

31-го іюля турки начали приступъ на ближайшія къ Баку позиціи; наступленіе на Баладжарскомъ фронтѣ наскоро собранными частями было отбито

съ огромными потерями для турокъ, которые на открытой совершенно площади разстрѣливались изъ пулеметовъ и орудій. Но къ вечеру дано было знать, что нѣсколько турецкихъ батальоновъ повели наступленіе по Ясамальской долинѣ и что, поднимаясь по отвѣсной почти горѣ, они движутся въ сторону кладбища. Займи турки кладбище съ ея господствующей надъ всѣмъ городомъ высотой и успѣй они тамъ поставить орудія, эвакуація города была бы неминуемой.

Сосредоточеннымъ огнемъ «Карса» и «Ардагана» и спѣшно поставленной почти въ центрѣ города 8-орудійной батареей гаубицъ и мортиръ Петрова, развившей ураганный огонь, турки были остановлены, и бросившіеся въ отчаянную атаку матросы и нѣсколько русскихъ и армянскихъ ротъ уничтожили цѣликомъ прорвавшійся почти въ самый городъ турецкій баталіонъ.

1-го августа прибылъ въ Баку со своимъ штабомъ генералъ Данстервиль и послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней прибыло около 1000 англичанъ съ довольно многочисленной артиллеріей.

Подъемъ у населенія былъ несомнѣнно очень большой, но не было главнаго — не было вождя.

Англійскій генералъ Данстервиль, какъ человѣкъ военный и боевой офицеръ, имѣвшій подъ своей командой, хотя и не большой отрядъ, но состоящій изъ настоящихъ кадровыхъ солдатъ, претендовалъ на руководство командованіемъ и обороной. У «Центрофлота» не было ни одного выдающагося боевого офицера; назначенный имъ начальникъ обороны генералъ Д. — былъ полнѣйшая бездарность. Единственный человѣкъ въ городѣ, способный взять на себя руководство обороной, былъ ген. Я. Г. Багратуни, офицеръ генеральнаго штаба, но онъ былъ инвалидомъ (ему отняли за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ноги, раненыя при покушеніи на него какого-то террориста), а главное-онъ былъ армяниномъ, что было непріемлемо для русскихъ моряковъ и солдатъ, защищавшихъ послѣдній оплотъ Россіи на Кавказѣ.

Англичане стали осуществлять свой планъ защиты Баку. Строили батареи, ставили привезенныя ими морскія дальнобойныя орудія, устраивали проволочныя загражденія, высылали на нужные пункты своихъ солдатъ и броневики и дрались отлично.

Интеллигенція и органы «Центродома», съ тѣмъ же неутомимымъ А. Леонтовичемъ, горячо работали въ тылу, снабжая фронтъ по возможности всѣмъ, даже водою, которая подвозилась прямо подъ огнемъ.

Но не было одного общаго фронта; начиналось дезертирство и, что особенно удручало ген. Багратуни, дезертирство наблюдалось всего больше среди армянъ, которые должны были понимать, что именно имъ, армянамъ, угрожаетъ главная опасность въ случаѣ взятія Баку турками и озлобленными татарскими бандами.

Съ первыхъ числъ августа начальнику турецкой артиллеріи генералу отъ артиллеріи русской службы Шихлинскому (выдающемуся артиллеристу, бывшему профессору академіи) удалось установить весьма скрытно двѣ батареи полевыхъ пушекъ, которыя взяли подъ обстрѣлъ весь городъ. Матеріальный вредъ, причиняемый обстрѣломъ, былъ въ сущности ничтоженъ, ввиду малаго калибра снарядовъ; но моральное впечатлѣніе отъ этого постояннаго разрыва снарядовъ, отъ свиста разлетающихся шрапнелей и осколковъ — было весьма значительнымъ, и населеніе настраивалось панически.

Въ городѣ у непріятеля были безъ всякаго сомнѣнія свои люди, — агенты и шпіоны. Шло изъ города корректированіе стрѣльбы непріятельской артил-

леріи, ибо съ каждымъ днемъ пристрѣлка къ опредѣленнымъ цѣлямъ улучшалась. Обстрѣливались, главнымъ образомъ, армянскія зданія — домъ, гдѣ жилъ ген. Багратуни, зданіе Армянскаго Благотворительнаго О-ва, Епископскій домъ; обстрѣливались помѣщеніе Совдепа, гост. «Европа», гдѣ помѣщались ген. Данстервиль и англійскій штабъ, и т. д.

Расколъ между англійскимъ командованіемъ и русскими, въ связи съ вопросами о дальнѣйшей защитѣ Баку, все углублялся.

Англійское командованіе предлагало принять экстренныя мѣры къ борьбѣ съ дезертирствомъ и настаивало на томъ, чтобы на фронтѣ дрались не одни англичане.

Ген. Багратуни предложилъ мнѣ разработать ему положеніе о военныхъ и военно-полевыхъ судахъ, объ организаціи военно-судной части «Кавказской арміи» и предложилъ мнѣ занять мѣсто Начальника военно-суднаго управленія и Предсѣдателя Военно-Окружнаго суда Арміи. Былъ намѣченъ составъ и Управленія и Военно-Окружнаго Суда и Военно-Прокурорскаго надзора.

За два дня до паденія Баку ген. Багратуни былъ подписанъ и соотвѣтствующій приказъ, а мною были подписаны приказы о назначеніяхъ.

Между тѣмъ нажимъ противника на Баку становился все сильнѣе и ожесточеннѣе. Мурсалъ-Паша дважды обратился съ письмами на имя Армянскаго Національнаго Комитета съ предложеніемъ прекратить дальнѣйшее безплодное сопротивленіе и сдать городъ безъ боя, обѣщая за это принять мѣры къ тому, чтобы населеніе города и, въ томъ числѣ, армяне были пощажены. Эти предложенія были оставлены безъ отвѣта.

За день до паденія Баку по городу разнесся слухъ, что англичане уходятъ. Слухъ этотъ раскрылъ глаза даже и тѣмъ, кто еще надѣялся на какое-либо чудо.

31-го августа утромъ англичане погрузились на суда и въ то же утро они ушли въ море, направляясь въ Персію.

Вслѣдъ за англичанами стали уходить и остальные защитники Баку и изъ армянъ тѣ, кто только могли попасть на переполненные и безъ того пароходы.

Въ сущности фронта уже не было и турки могли бы уже овладѣть городомъ. Но въ расчетъ турокъ, видимо, входило, чтобы въ городѣ осталось какъ можно менѣе бойцовъ, опасаясь уличныхъ боевъ.

Ужасную ночь на 1-ое сентября перенесло несчастное населеніе мирнаго города Баку, неожиданно ставшаго фронтомъ ряда длительныхъ военныхъ дѣйствій; во всѣхъ домахъ была усилена домовая охрана, организованная «Центродомомъ». Всѣ ждали ужаснаго завтрашняго утра. Но, что должны были испытывать армяне, ожидавшие заранѣе имъ объявленной расплаты за «Мартовскіе дни»!

Около 9-ти часовъ утра, въ то время, когда фронтъ молчалъ, въ разныхъ частяхъ города послышалась перестрѣлка, которая шла, все усиливаясь; по телефону передавали объ ужасающихъ сценахъ, разыгрывавшихся въ армянскихъ частяхъ города, куда уже ворвались банды сельчанъ-татаръ, разыскивавшія армянъ и безжалостно избивавшія мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Раздались орудійные выстрѣлы; это — турки обстрѣливали продолжавшуюся въ порту эвакуацію и отходившіе изъ Баку послѣдніе пароходы.

Около 11-ти часовъ утра въ городъ вступили первыя турецкія воинскія части — какой то курдскій полкъ; солдаты этого полка врывались въ дома и, между прочимъ, ворвались въ домъ, въ которомъ мы временно нашли пріютъ (мы ушли изъ своей квартиры, находившейся въ армянскомъ домѣ). Предсѣдатель

домоваго комитета, еврей-врачъ вступилъ въ переговоры съ мародерами и откупился отъ грабежей отдѣльныхъ квартирантовъ, выдавъ мародерамъ какую-то сумму, впослѣдствіи распредѣленную между всѣми жильцами, что, впрочемъ не избавило квартирантовъ еще и отъ отдѣльныхъ поборовъ тѣхъ же мародеровъ; къ мародерамъ-туркамъ вскорѣ пристали и разные хулиганы, какъ татары, такъ и русскіе, причемъ въ одномъ изъ нихъ я узналъ одного матроса, игравшаго роль у большевиковъ.

Около 2-хъ часовъ дня въ городѣ появились турецкіе патрули съ офицерами, были разставлены посты и нѣсколько пойманныхъ ими мародеровъ-турокъ были на мѣстѣ разстрѣляны или повѣшены.

Стрѣльба въ армянскихъ частяхъ продолжалась, въ особенности въ Армяникендѣ, исключительно населенномъ и раньше армянами и гдѣ за время осады скопилось нѣсколько десятковъ тысячъ армянъ-бѣженцевъ, по большей части бѣдноты. Вся эта масса людей была безжалостно уничтожена татарскими бандами, пришедшими изъ окрестныхъ селеній. Сведены были и личные счеты.

Кровавая расправа съ армянами продолжалась въ теченіи четырехъ — пяти дней, несмотря даже и на то, что уже на второй день взятія Баку турками прибыло въ Баку все Азербайджанское Правительство и расположился штабъ Мурсала-Паши. Слышанныя нами впослѣдствіи заявленія Азербайджанскаго правительства, что оно не въ силахъ было что-либо сдѣлать съ разбушевавшейся народной массой — явная ложь, ибо достаточно было окрика власти, сопровождавшагося разстрѣломъ нѣсколькихъ татаръ, какъ массовыя безчинства и звѣрства прекратились мгновенно.

Никто, кромѣ армянъ, въ Баку лично не пострадалъ; изъ русскихъ были ограбленные въ первые дни, было нѣсколько случаевъ изнасилованія женщинъ, но ни одного убитаго.

Впослѣдствіи пришлось узнать о слѣдующемъ эпизодѣ, сопровождавшемъ взятіе Баку турками: на той части фронта, гдѣ былъ сосредоточенъ главный ударъ турокъ, 1-го сентября часамъ къ 9-ти утра оставалось нѣсколько десятковъ защитниковъ подъ командой армянина, инженера Евангулова (с.-р.). Видя безплодность дальнѣйшей борьбы, Евангуловъ съ привязаннымъ къ штыку ружья бѣлымъ платкомъ самоотверженно пошелъ навстрѣчу туркамъ и, дойдя до ставки Мурсалъ-Паши, заявилъ ему, что сдаетъ ему городъ и проситъ пощады населенію, безъ различія національностей. Мурсалъ-Паша приказалъ дать Евангулову охрану, которая и не покидала его въ теченіе всего того времени, что турки владѣли городомъ, т. е. до 17-го ноября 1918 года.

Кажется, 3-го или 4-го сентября по телефону обратились ко мнѣ нѣсколько армянскихъ общественныхъ дѣятелей съ просьбой съѣздить на рейдъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ армянъ, за о. Наргенъ (верстахъ въ 10 отъ Баку) стоятъ нѣсколько пароходовъ съ армянами бѣженцами; существовало предположеніе, что пароходы эти терпятъ аварію и нужно было имъ подать срочную помощь; мнѣ было сообщено, что съ такою же просьбой армяне обратились къ присяжному повѣренному Я. Н. Смирнову (о немъ уже упоминалось), который согласился исполнить просьбу армянъ.

Получивъ отъ М. Г. Гаджинскаго, исполнявшаго до пріѣзда Хана Хойскаго обязанности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, надлежащее разрѣшеніе на по-

ѣздку, я вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ отъ него же порученіе уговорить армянъ, которые окажутся на пароходахъ, вернуться въ городъ, пообѣщавъ имъ полную безопасность; вмѣстѣ съ тѣмъ я заручился и обѣщаніемъ того же Гаджинскаго, что, если армяне меня не послушаютъ и вернуться откажутся, то Правительство дастъ на пароходы все, что понадобится.

Переговоривъ часовъ около 7-ми вечера съ Я. Смирновымъ о времени выѣзда, я не мало былъ удивленъ, когда часовъ въ 12-ть ночи онъ мнѣ позвонилъ по телефону о томъ, что онъ отъ поѣздки отказывается, такъ какъ поѣздка эта не безопасна, а онъ — человѣкъ семейный; я могъ ему отвѣтить только, что я въ одинаковомъ съ нимъ положеніи, но все же поѣду.

Утромъ, прибывъ на указанную мнѣ пристань, я засталъ тамъ турецкаго офицера и еще двухъ господъ, оказавшихся военными агентами германскимъ и венгерскимъ.

Я никогда не забуду той картины, которую мнѣ пришлось увидѣть, отойдя на баркасѣ отъ пристани: всегда кипѣвшая пароходами огромная водная площадь порта и рейда, съ береговой полосой въ 20 верстъ, теперь была совершенно пуста и мертва; весь буквально флотъ ушелъ, по рейду во всѣхъ направленіяхъ плавали брошенные при спѣшномъ отходѣ вещи и домашній скарбъ и, среди нихъ, нѣсколько сотъ труповъ утонувшихъ; какъ впослѣдствіи оказалось, нѣкоторые сорвались при посадкѣ, а многіе были сброшены обезумѣвшими людьми, искавшими спасенія въ бѣгствѣ и переполнившими пароходы сверхъ мѣры.

По этой картинѣ, не видѣвъ самой эвакуаціи, можно было судить, что за ужасы должны были разыграться.

По пути я разговорился съ германскимъ офицеромъ, оказавшимся капитаномъ генеральнаго штаба, пруссакомъ; узнавъ, что я по политическимъ убѣжденіямъ — кадетъ, онъ сталъ передо мною развивать мысль о томъ, что партія наша поступаетъ неправильно, стоя на точкѣ зрѣнія вѣрности союзникамъ и не слѣдуя примѣру П. Н. Милюкова, который опредѣленно держится германской оріентаціи; что побѣда Германіи надъ Антантой — несомнѣнна и что мы, кадеты — цвѣтъ націи, ея мозгъ, несемъ въ будущемъ передъ страной огромную отвѣтственность за неправильность нашей политики.

Подходя къ о. Наргену мы увидѣли верстахъ въ 5-ти за нимъ эскадру изъ 10—12 судовъ, среди которыхъ я сейчасъ же узналъ «Карсъ» и «Ардаганъ» — военныя суда Каспійскаго флота. Когда мы подошли къ «Карсу», на которомъ былъ поднятъ флагъ Командующаго Флотомъ, то на палубѣ я встрѣтился съ сотникомъ Воскресенскимъ, офицеромъ отряда Бичерахова, его правой рукой. Отъ Воскресенскаго я тутъ же узналъ, что никакихъ пароходовъ съ бѣженцами нѣтъ, что всѣ эти пароходы ушли въ Петровскъ къ Бичерахову, а что здѣсь стоитъ только боевой Каспійскій флотъ съ нѣкоторыми вспомогательными судами; что задачей флота является, во-первыхъ, блокада Баку, и, во-вторыхъ, бомбардировка Баку, если только турки и азербайджанцы осмѣлятся обижать русское населеніе Баку.

Изъ разговоровъ (происходившихъ въ моемъ присутствіи) Воскресенскаго съ офицерами турецкимъ, германскимъ и венгерскимъ выяснилось, что послѣдніе, очевидно съ вѣдома Азербайджанскаго Правительства, явились къ Воскресенскому для переговоровъ о разрѣшеніи эвакуировать съ о. Наргена содержавшихся на немъ турецкихъ, германскихъ и австро-венгерскихъ плѣнныхъ, что-то около 3.000 человѣкъ. Воскресенскій, которому я успѣлъ сообщить, что въ Баку

организовался временный Русскій Національный Комитетъ, во главѣ съ М. Подшибякинымъ, А. Леонтовичемъ, А. Литвиновичемъ, мною и друг., и что мы взяли на себя защиту интересовъ русскаго населенія въ городѣ, отвѣтилъ этимъ офицерамъ, что со своей стороны и онъ, Воскресенскій, имѣетъ предъявить рядъ требованій, которыя онъ формулируетъ, побывавши въ Баку и узнавъ тамъ нужды русскаго населенія. Я условился съ Воскресенскимъ, что черезъ два дня онъ будетъ въ Баку и что онъ побываетъ у насъ въ комитетѣ.

Пока Воскресенскій угощалъ въ каютъ-кампаніи иностранцевъ, я успѣлъ на палубѣ переговорить съ командой «Карса» и съ представителями командъ другихъ судовъ, которые были срочно вызваны для этой цѣли на «Карсъ». Мнѣ удалось успокоить матросовъ, что въ Баку русскимъ людямъ не угрожаетъ непосредственной опасности; что поэтому, совершенно излишне и даже прямо для русскихъ интересовъ вредно, если флотъ предприметъ насильственныя дѣйствія противъ города, гдѣ могутъ погибнуть отъ этихъ же дѣйствій и многіе изъ русскихъ. Передавъ также и матросамъ объ организаціи русскаго національнаго комитета, мнѣ видимо удалось успокоить команды тѣмъ, что все же кто-то о русскомъ населеніи заботится. Меня крайне тронуло, что, прощаясь со мною, матросы просили передать ихъ привѣтъ членамъ нашего комитета и прокричали ему громкое «ура».

Побывавъ на судахъ флота, гдѣ я почувствовалъ себя снова русскимъ, мнѣ особенно тяжело было возвращаться въ Баку, гдѣ приходилось впервые видѣть и ощущать ежеминутное попираніе нашего русскаго національнаго чувства.

Точнаго подсчета числа жертвъ, понесенныхъ армянскимъ народомъ въ ужасные кошмарные «сентябрьскіе» дни въ Баку, сдѣлать невозможно. Городской обозъ и обозъ, мобилизованный все тѣмъ же «Центродомомъ», вывезли больше 20.000 труповъ въ предназначенное для сбора ихъ мѣсто, гдѣ потомъ они подвергались массовому погребенію. А сколько труповъ было похоронено самими родными убитыхъ, сколько было случайно открыто потомъ.

Но, что представило еще большій трудъ и безконечныя заботы — это подобрать на улицахъ нѣсколько тысячъ малютокъ сиротъ (начиная отъ грудныхъ), оставшихся безъ родителей послѣ этихъ массовыхъ убійствъ. Самъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ перенесшій глубокое горе А. Леонтовичъ день и ночь, буквально, работалъ съ другимъ другомъ дѣтей — д-ромъ Гиндесомъ для того, чтобы какъ-нибудь пріютить и устроить эту массу несчастныхъ дѣтей.

Забитые всѣмъ свалившимся на ихъ головы несчастіемъ, армяне и не способны были сами себѣ помочь, да и чувствовали, что всякая ихъ просьба встрѣчается новою властью или неохотно, или явно недружелюбно. И потому, содѣйствіе такой организаціи, какъ «Центродомъ», оказалось во многомъ для нихъ спасительнымъ.

Вынужденъ, правды ради, сказать, что въ «сентябрьскіе» дни многіе изъ армянъ были спасены заступничествомъ или помощью татаръ. Но размѣры бѣдствій, понесенныхъ тѣми и другими, татарами и армянами въ злосчастномъ для нихъ 1918 году, были далеко не соразмѣрны.

XIV

2-го сентября днемъ прибыло изъ Елизаветполя (Ганжи) Азербайджанское правительство, кромѣ премьера Фатали Хана Хойскаго. Министры въ сопровожденіи турецкихъ офицеровъ, одинъ за другимъ, на автомобиляхъ проѣхали по главнымъ улицамъ, привѣтствуемые толпами татаръ, въ большомъ числѣ вновь появившихся въ городѣ и державшихъ себя, какъ побѣдители.

Еще за нѣсколько дней до паденія города у моихъ друзей и у меня возникала мысль о необходимости созданія какой-либо организаціи, которая должна была взять на себя иниціативу въ дѣлѣ защиты интересовъ гражданъ русской національности, коимъ, мы это ясно предвидѣли, предстояло вскорѣ въ русскомъ городѣ Баку, созданномъ главнымъ образомъ на русскія деньги, играть роль иностранцевъ.

Мы собрались 2-го сентября у одного изъ нашихъ единомышленниковъ въ числѣ 12—15 человѣкъ и послѣ продолжительнаго обсужденія рѣшили, назвавъ себя Временнымъ Русскимъ Національнымъ Комитетомъ, приступить къ дѣятельности.

Выдвигавшіяся передъ нами жизнью неотложныя задачи сводились къ слѣдующему:

1) матеріальная помощь нуждающимся русскимъ людямъ; остались инвалиды, жены безъ мужей и въ особенности съ дѣтьми; ограбленные турками и азербайджанцами (таковыхъ сравнительно мало) — всѣ эти категоріи гражданъ русской національности нуждались въ первоначальной матеріальной помощи;

2) забота о русскихъ сиротахъ, а таковыхъ осталось не мало, ибо во время спѣшнаго отхода пароходовъ, при эвакуаціи, не мало было случаевъ, что родители, оставивъ дѣтей дома, не имѣли уже возможности подъ обстрѣломъ турокъ вернутся домой за дѣтьми; не мало дѣтей въ суматохѣ было потеряно;

3) защита личныхъ и имущественныхъ интересовъ русскихъ гражданъ, которымъ причиненъ былъ тотъ или иной вредъ;

4) выдача удостовѣреній личности, такъ какъ у многихъ оказались уничтоженными или потерянными виды на жительство;

5) защита политическихъ правъ русскихъ гражданъ на правахъ иностранцевъ, и т. д.

Выбравъ Временный Комитетъ изъ числа 5-ти лицъ (Предсѣдателемъ М. Ф. Подшибякина, товарищемъ предсѣдателя — меня), послѣднему было поручено завтра же повидаться съ членами Азербайджанскаго правительства, подать ему краткое заявленіе о нашемъ существованіи съ изложеніемъ предположенной нами программы дѣятельности и потребовать нашего признанія.

На другой день утромъ мы были приняты Мамедъ Гассаномъ Гаджинскимъ (инженеръ-технологъ, членъ Бакинской Городской Управы стараго состава), замѣстителемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ присутствіи еще нѣсколькихъ министровъ. Пріемъ былъ намъ оказанъ самый любезный, и мы наслушались всяческихъ увѣреній въ томъ, что русское населеніе не было никогда врагомъ татаръ и мусульманства вообще; что мы — русскіе люди — ихъ учителя; что въ новой республикѣ русскимъ людямъ будетъ житься лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Закавказьи и даже въ Россіи; что все будетъ сдѣлано для того, чтобы русское населеніе осталось на мѣстѣ.

Всѣ эти хорошія обѣщанія сопровождались увѣреніями, что вѣдь мы — члены Комитета прекрасно и давно знаемъ всѣхъ ихъ, членовъ Правительства, и что всѣ мы — другъ другу не чужіе.

Однако, тотъ пунктъ программы, гдѣ говорилось о защитѣ политическихъ правъ гражданъ русской національности на правахъ иностранцевъ, видимо не особенно понравился новымъ властителямъ, и намъ было отвѣчено, что правительство не потерпитъ у себя никакой національной политической организаціи. Дабы не создавать себѣ затрудненій на первыхъ порахъ, мы не стали спорить, и тутъ же получили легализацію.

Намъ важно было сейчасъ же начать дѣйствовать: имѣть возможность оповѣстить населеніе о своемъ существованіи, легально собирать необходимыя денежныя средства, открыть оффиціально дверь нанятаго нами помѣщенія и начать пріемъ людей, которымъ была бы нужна наша помощь.

Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ мы одержали новую побѣду — намъ предоставлено было право и политическаго представительства.

Началось съ того, что само Азербайджанское правительство возбудило вопросъ объ участіи нашихъ представителей въ Комиссіи, которую предполагалось послать на Мугань для того, чтобы, какъ выражались Азербайджанцы, безболѣзненно включить русскую Мугань въ предѣлы Республики, ибо въ противномъ случаѣ предполагалось покорить Мугань, двинувъ туда воинскія части, конечно, турецкія. Мы воспользовались этимъ предлогомъ для того, чтобы поставить Азербайджанскому правительству на видъ его отказъ въ предоставленіи Комитету политическихъ правъ. Намъ обѣщали подумать; мы тоже обѣщали подумать съ своей стороны. Дня черезъ два-три пріѣхалъ Воскресенскій, повидался съ нами и былъ введенъ нами въ курсъ нашихъ переговоровъ съ правительствомъ; нами было рѣшено, что поѣхать на Мугань кому-либо изъ членовъ Комитета необходимо, но, конечно, съ цѣлями, ничего общаго съ планами Азербайджанцевъ не имѣющими; что надобно постараться оттянуть и самую поѣздку какъ можно дольше и вернуться изъ поѣздки какъ можно позже, чтобы выгадать срокъ.

Оказалось, что Воскресенскій пріѣхалъ для урегулированія вопроса о военно-плѣнныхъ; мы условились, что онъ съ своей стороны предъявитъ требованія о возвратѣ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ во время обороны Баку русскихъ солдатъ, о свободномъ выѣздѣ всѣхъ русскихъ, кои пожелаютъ выѣхать, и, въ особенности семей и женъ моряковъ флота и всѣхъ ушедшихъ изъ Баку во время эвакуаціи, причемъ Воскресенскій долженъ былъ потребовать, чтобы исполненіе всѣхъ этихъ мѣропріятій должно было бы войти въ компетенцію Русскаго Національнаго Комитета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нужды Комитета имъ, Воскресенскимъ, по распоряженію Бичерахова было передано намъ 200.000 рублей николаевскими и керенскими деньгами.

Азербайджанское Правительство (не безъ давленія на него со стороны турокъ и ихъ союзниковъ, заинтересованныхъ въ освобожденіи нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ, иначе говоря, кадровыхъ солдатъ и офицеровъ) стало вдругъ крайне уступчивымъ и выдало намъ оффиціальное удостовѣреніе, признающее, что Временный Русскій Національный Комитетъ является организаціей національно-политической, дѣйствующей на основаніи заявленной правительству программы.

Комитетъ командировалъ на Мугань своего Предсѣдателя М. Ф. Подшибякина, поручивъ ему ознакомиться съ положеніемъ русскаго населенія, информировать его о происшедшемъ въ Баку и Закавказьи и о видахъ на будущее.

Порученіе это М. Подшибякинымъ было выполнено блестяще и докладъ его (объ этомъ дальше) значительно помогъ въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Комитета.

Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня нашей легализаціи, какъ мы были буквально завалены всевозможными просьбами, а наплывъ просителей и лицъ, имѣвшихъ къ Комитету какое-либо дѣло, превысилъ всякія ожиданія. Мы принялись за увеличеніе личнаго состава Комитета путемъ кооптаціи новыхъ членовъ изъ числа наиболѣе энергичныхъ и работоспособныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ авторитетъ во всѣхъ слояхъ населенія; не было недостатка и въ лицахъ, предлагавшихъ свой безвозмездный трудъ. Всѣ члены Комитета, понятно, работали безвозмездно. И, несмотря на то, что насъ было уже двадцать человѣкъ, работы было на всѣхъ.

Было принято нами за правило, каждому просившему о пособіи — дать хотя что-нибудь; отказывали крайне рѣдко — въ случаяхъ явнаго шантажа; зато, въ случаяхъ дѣйствительной нужды, старались оказывать щедрую помощь: такъ практиковалось, напримѣръ, при родахъ, при похоронахъ, тяжкихъ болѣзняхъ и т. д.

Съ первыхъ же дней была заведена регистрація безработныхъ и начало функціонировать бюро труда, къ которому весьма скоро намъ удалось привлечь интересъ и со стороны промышленности и всякихъ предпринимателей. Въ числѣ членовъ Комитета былъ, понятно, и нашъ уважаемый согражданинъ А. К. Леонтовичъ, предсѣдатель «Центродома» и, благодаря его содѣйствію, мы имѣли широкую помощь со стороны этого учрежденія.

Огромную работу намъ создавала выдача національныхъ паспортовъ, ибо, какъ мы ни старались облегчить самый порядокъ выдачи ихъ, все же соблюденіе минимальныхъ формальностей для обезпеченія достовѣрности включаемыхъ въ паспортъ свѣдѣній было необходимо. Я не помню случая, чтобы къ намъ поступило хотя бы одно указаніе, чтобы паспортъ былъ выданъ не тому лицу, которое было названо въ паспортѣ.

А, между тѣмъ, вскорѣ само Азербайджанское правительство и власти, найдя, что такой способъ избавляетъ ихъ отъ массы хлопотъ и работы, стали требовать отъ всѣхъ русскихъ представленія обязательно паспортовъ, выданныхъ Національнымъ Комитетомъ. То же самое было и впослѣдствіи при англійской оккупаціи. Наряду съ текущей работой бывали случаи, гдѣ требовалась не разъ провѣрка разныхъ обстоятельствъ (напримѣръ при удовлетвореніи нѣкоторыхъ просьбъ) или собраніе свѣдѣній на мѣстахъ членами Комитета. Сверхъ этого, чтобы наладить всю эту многообразную работу и выработать опредѣленные пріемы, а также и для разрѣшенія общихъ вопросовъ, Комитетъ собирался три разъ въ недѣлю по вечерамъ и засиживался иногда далеко за полночь.

Удалось Комитету благополучно справиться съ работой сначала по регистраціи, составленію списковъ и вѣдомостей, а затѣмъ и по эвакуаціи изъ Баку женъ и семействъ командъ судовъ, ушедшихъ изъ Баку, семей эвакуировавшихся и освобожденныхъ, по требованію Воскресенскаго, русскихъ военноплѣнныхъ.

Комитету вскорѣ пришлось стать и почтовымъ учрежденіемъ, ибо Комитетъ, понятно, имѣлъ гораздо большія возможности вступать въ сношенія съ такими мѣстностями, куда почты не было, какъ напримѣръ, Петровскъ, Красноводскъ, Ленькорань, Мугань и т. д., чѣмъ отдѣльныя лица.

Выдача паспортовъ и почтовыя сношенія производились за плату (явно неимущіе освобождались) и поступавшіе, довольно значительные, доходы давали возможность расширять оказаніе нами помощи.

Русскія фирмы и вообще русское достаточное населеніе широко шло навстрѣчу нараставшимъ потребностямъ русскаго Національнаго Комитета. Были весьма значительныя пожертвованія.

Этотъ первый періодъ дѣятельности нашего Комитета я опредѣляю съ 3-го сентября по 17-ое октября 1918 года. Этотъ первый періодъ былъ главнымъ образомъ періодомъ дѣятельности благотворительной и оказанія всякихъ видовъ помощи отдѣльнымъ нуждавшимся лицамъ русской національности и тѣмъ подготовительнымъ періодомъ къ слѣдующимъ эпохамъ нашей дѣятельности, когда и гдѣ Комитетъ выступилъ уже въ своей настоящей дѣятельности — въ качествѣ выразителя нуждъ и потребностей всей русской національности и защитника національныхъ стремленій русскихъ въ Закавказьи, русскимъ голосомъ въ оторванной отъ Родины окраинѣ.

То обстоятельство, что дѣятельность Комитета должна будетъ неминуемо развернуться и что самый Комитетъ вскорѣ приметъ характеръ представительства политическаго, но не партійнаго, а національнаго характера, стало для насъ очевиднымъ по возвращеніи М. Подшибякина изъ его поѣздки по Мугани.

Изъ доклада его намъ стало ясно, что русская Мугань съ почти 100-тысячнымъ населеніемъ, обезпеченнымъ и хлѣбомъ и всякимъ продовольствіемъ, населенная крѣпкимъ русскимъ крестьянствомъ, хорошо вооруженнымъ, можетъ стать въ будущемъ базой, на которую сможетъ опереться здоровая русская государственность въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ чисто-русскихъ вопросовъ въ краѣ и, въ частности, въ вопросѣ о владѣніи Баку.

По наблюденіямъ М. Подшибякина на Мугани было около 10—12 тысячъ кадровыхъ солдатъ; было достаточно оружія, артиллеріи и пулеметовъ; недостатокъ былъ въ снарядахъ, патронахъ и офицерскомъ составѣ.

Мугань не выдержала бы серьезнаго наступленія турецкихъ регулярныхъ войскъ, но во всякомъ случаѣ отчаянно бы защищалась; наступленіе же Азербайджанскихъ войсковыхъ частей, недавно сформированныхъ, было ей совершенно не страшно. Обстоятельства эти, видимо, хорошо учитывались и Азербайджанскимъ правительствомъ, которое хотѣло покончить съ Муганью, пока турецкія войска находились въ Баку.

Цѣлью Азербайджанскаго правительства было разореніе Мугани, что заставило бы русское населеніе уйти оттуда, и Мугань стала бы свободной для заселенія на ней татаръ и ихъ тюркскихъ сородичей.

Важно, поэтому, было оттянуть время предполагаемаго покоренія Мугани. Но, даже и въ этомъ случаѣ, на Мугани не все было благополучно. Съ возвращеніемъ солдатъ съ фронтовъ на Мугань проникла и большевистская зараза.

Старики жаловались на молодежь за ея настроеніе и поведеніе; идеи коммунизма, проповѣдуемыя большею частью молодежи, въ связи съ пьянствомъ, развратомъ, легкимъ отношеніемъ къ собственности, повальной лѣнью, нару-

шили тотъ старинный укладъ жизни, который вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, обезпечили Муганскому крестьянству его выдающееся довольство и сытость.

И для Комитета стало ясно, что такіе вопросы, какъ русскій Муганскій, потребуютъ иной совершенно дѣятельности Комитета. Пока что, всѣ сообщенныя намъ М. Подшибякинымъ свѣдѣнія были переданы Воскресенскому для освѣдомленія Л. Бичерахова.

Съ приходомъ турокъ и татаръ ожили базары и появились на рынкѣ хорошій и сравнительно дешевый хлѣбъ, мясо, баранина, овощи, зелень, фрукты и т. д., ибо тотчасъ же начался подвозъ какъ изъ окрестныхъ деревень, такъ и изъ Елизаветпольской губерніи. Постепенно стали открываться лавки и магазины. Азербайджанское правительство прилагало особыя усилія къ тому, чтобы внѣшній видъ жизни какъ можно болѣе напоминалъ прежнюю довольную жизнь довоеннаго времени.

Турецкія военныя власти очень мало вмѣшивались во внутреннюю жизнь Баку и въ дѣло административнаго управленія. И когда приходилось комулибо обращаться къ Мурсалу-Пашѣ съ тѣми или другими жалобами на неправильныя дѣйствія или притѣсненія Азербайджанскихъ властей, то и Мурсалъ-Паша, и другіе военные начальники категорически заявляли, что они совершенно не вмѣшиваются въ дѣло управленія, ибо ихъ дѣло — чисто военное, и поддерживать внѣшній въ городѣ порядокъ они будутъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ городѣ и въ оккупированныхъ ими мѣстахъ дѣйствуетъ военное положеніе; что ихъ главная забота — сохраненіе дисциплины въ войскахъ — дѣло вообще не легкое, когда войска находятся внѣ сферы боевыхъ дѣйствіи и находятся въ близкомъ соприкосновеніи съ населеніемъ.

И дѣйствительно, турецкія военныя власти круто расправлялись со своими солдатами, обижавшими такъ или иначе мирное населеніе, не останавливаясь передъ разстрѣломъ и повѣшеніемъ виновныхъ.

Были приняты энергичныя мѣры къ разоруженію населенія, причемъ здѣсь, конечно, имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, армяне и, отчасти, русскіе.

Съ внѣшней стороны жизнь начинала какъ будто входить въ колею и налаживаться.

Постепенно турецкія воинскія части стали незамѣтно (большею частью по ночамъ) выводиться изъ Баку; такъ какъ повсюду въ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ на желѣзной дорогѣ) большинство служащихъ были русскіе, то къ намъ, въ Русскій Національный Комитетъ, поступали довольно подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ передвиженіяхъ войскъ, о чемъ мы немедленно сообщали Воскресенскому. Стало выясняться, что турки предприняли наступленіе на сѣверъ — къ Дербенту и къ Петровску. Занятіемъ послѣдняго турки достигали того, что единственная (кромѣ Баку) морская база переходитъ къ нимъ въ руки и становились возможными операціи на югъ — черезъ Персію на помощь Мессопотамскому ихъ фронту, находившемуся въ то время въ критическомъ положеніи. Имѣлись свѣдѣнія, что къ тому же времени Германія высадила въ Поти двѣ дивизіи для тѣхъ же цѣлей.

Продвиженіе турокъ на сѣверъ — къ Петровску шло очень энергично и въ началѣ октября турки подошли къ Петровску, который защищался отрядомъ Бичерахова и тѣми русскими и армянскими частями, которыя наспѣхъ эвакуировались изъ Баку наканунѣ и въ день его паденія.

Л. Бичераховъ, принявъ на себя общее командованіе арміей и флотомъ, защищавшими Петровскъ и преграждавшими прорывъ турокъ далѣе, на Сѣверный Кавказъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и во главѣ эс-эро-меньшевистскаго правительства, извѣстнаго подъ именемъ Прикаспійскаго правительства, поставившаго своей задачей вооруженную борьбу съ большевиками, и для этой цѣли объединявшаго всѣ прилегающія къ Каспійскому морю русскія провинціи: Сѣверный Кавказъ (Терскую область), Ставропольскую губ., Закаспійскую республику и Муганскую республику. Изъ этихъ республикъ — Закаспійская уже вела борьбу съ большевиками при содѣйствіи англичанъ подъ командой генерала Малисона.

Въ задачи ген. Малисона входило не пропустить на тотъ же Мессопотамскій фронтъ сражавшихся со стороны Туркестана въ рядахъ большевиковъ свыше десяти тысячъ мадьяръ и нѣмцевъ (австрійцевъ) — военноплѣнныхъ, уже три или четыре года интернированныхъ въ Туркестанѣ и во что бы то ни стало стремившихся къ себѣ на родину.*

Въ задачи этого Прикаспійскаго Правительства входило отобраніе Баку у турокъ и Азербайджанцевъ.

Несмотря на то, что по спискамъ Л. Бичераховъ имѣлъ у себя подъ командой довольно значительную армію, большинство дезертировало и на фронтъ не являлось, митинговало, и борьба съ численно меньшимъ противникомъ, турками, Л. Бичераховымъ была проиграна, и онъ долженъ былъ и со своими войсками и съ Правительствомъ эвакуироваться и, посадивъ все это на пароходы, подъ давленіемъ турокъ оставилъ Петровскъ и ушелъ на югъ отъ Баку около Ленкорани, остановившись за островомъ Сара.

Но, если турки знали, что имъ дѣлать, то всего меньше знало Азербайджанское Правительство, что дѣлать ему въ отношеніи управленія занятымъ имъ Баку и тѣми областями, на которыя оно распространяло суверенитетъ своей «новоявленной» республики.

Двѣ задачи только были ему, повидимому, ясны: углубленіе борьбы съ армянами и насажденіе своего національзма.

Начну съ послѣдняго. Національное Собраніе, въ апрѣлѣ или въ маѣ 1918 года объявившее объ отдѣленіи отъ Россіи двухъ ея губерній — Бакинской и

* Еще въ бытность у насъ большевиковъ мнѣ пришлось случайно (благодаря одному пріятелю) ознакомиться съ очень интересными документами, перехваченными большевиками: оказалось, что у остававшихся въ Тегеранѣ во время «великой войны» австрійскихъ дипломатическихъ агентовъ, при содѣйствіи оффиціальныхъ представителей нѣкоторыхъ нейтральныхъ державъ, симпатіи коихъ были на сторонѣ Германіи и центральныхъ державъ, былъ разработанъ очень подробный планъ сосредоточенія, незначительными партіями, военно-плѣнныхъ изъ Туркестана въ береговой Каспійской полосѣ Персіи; здѣсь эти военно-плѣнные по мѣрѣ ихъ прибытія должны были формироваться въ воинскія части, которыя должны были послужить къ созданію или новаго фронта противъ русскаго Кавказско-Персидскаго (фронтъ ген. Баратова) фронта или же выйти на фронтъ Мессопотамскій, для англичанъ особенно трудный. Все необходимое вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе были заранѣе подготовлены.

Для тѣхъ же цѣлей служилъ и значительный отрядъ персидскаго авантюриста Кучукъ-Хана, вооруженный и инструктируемый германскими и австрійскими офицерами и содержавшійся на германскія деньги.

Этотъ Кучукъ-Ханъ еще во время войны доставлялъ не мало хлопотъ и русскимъ войскамъ.

Елизаветпольской и объ образованіи самостоятельнаго государства — Азербайджанской республики съ главнымъ городомъ Баку, составилось путемъ выдѣленія изъ числа депутатовъ Закавказскаго Сейма * всѣхъ депутатовъ мусульманъ (ихъ было, кажется, всего 42), причемъ, такъ какъ въ депутаты отъ мусульманъ попали и депутаты отъ мусульманъ Батумской области, Аджаріи, Эриванской губерніи и другихъ мѣстъ, то и эти, никакого отношенія къ территоріи «новоявленнаго» государства не имѣвшіе, люди попали въ число его законодателей.

Чтобы ясно себѣ представить, кто былъ авторомъ зарожденія идеи этого новаго государства и какія именно преслѣдовались при этомъ цѣли, необходимо себѣ ясно представить, что представляла собою эта новая республика въ свѣтѣ исторіи.

Никогда обѣ эти губерніи не составляли единаго политическаго тѣла. Никогда онѣ не носили и какого-либо общаго названія, а тѣмъ болѣе названія «Азербайджанъ».

Подъ этимъ именно названіемъ извѣстна одна изъ сѣверныхъ провинцій современной Персіи, каковая провинція составляетъ часть южной границы Закавказья, прилегая отчасти къ губерніи Бакинской, ко всей Елизаветпольской и частью къ Эриванской губерніи.

Присвоеніе себѣ этимъ новымъ государствомъ географическаго термина, относящагося къ части другого государства и къ иной совершенно мѣстности, явилось одной изъ главныхъ причинъ, почему Персія долгое время не хотѣла признавать этой новой республики и вступать съ нею въ какія-бы то ни было дипломатическія сношенія.

На самомъ же дѣлѣ территорія двухъ губерній (Бакинской, прежде носившей названіе Прикаспійской, а затѣмъ Шемахинской и Елизаветпольской), названныхъ совершенно произвольно «Азербайджанской республикой», составляла когда-то рядъ вассальныхъ провинцій, принадлежавшихъ Персіи и распадавшихся на рядъ зависимыхъ отъ Персіи ханствъ: Кубинское, Бакинское, Ленкоранское (Талышинское), Ширванское (Шемахинское), Шекинское (Нухинское), Карабахское (Шушинское) и Ганжинское (впослѣдствіи Елизаветполь).

Всѣ эти ханства постепенно, на протяженіи ряда лѣтъ и въ результатѣ долгихъ войнъ Россіи съ Персіей, по мирнымъ договорамъ и трактатамъ (какъ равно и ханство Эриванское) перешли во владѣніе Россіи.

Всѣ эти полунезависимыя дикія государства, доставлявшія много безпокойствъ и самой Россіи и вошедшей въ началѣ XIX вѣка въ ея составъ Грузіи, неоднократно грабили и своихъ сосѣдей и свою метрополію Персію и не только ничѣмъ не были между собою связаны, но нерѣдко враждовали и воевали другъ съ другомъ.

Ясно, что при этихъ условіяхъ искать историческаго оправданія вновь народившемуся государству было бы невозможно, а еще менѣе было основаніи окрестить его непринадлежащимъ ему именемъ.

Зарожденіе этого новаго государства на широкомъ пространствѣ ослабшей послѣ войны и разваливаемой большевиками Россіи объясняется тѣмъ, что задачи чисто-военныя Германіи и Турціи совпали и съ ростомъ панисламизма и пантура-

---

* Закавказскій Сеймъ получился изъ сложенія членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія съ прибавленіемъ къ нимъ 3-хъ-кратнаго увеличенія числа депутатовъ, проведенныхъ по каждому партійному списку; благодаря этому и партія ка-де получила два мѣста, и представителями ея являлись М. Подшибякинъ и Ю. Семеновъ, первые два по списку.

низма, съ одной стороны, и съ удобнѣйшей для всякихъ сепаратистскихъ достиженій новой идеологіей, провозглашенной сначала В. Вильсономъ, а затѣмъ и Петроградскимъ Совдепомъ, именно пресловутой формулой — «самоопредѣленія народностей», — съ другой.

Турціи, находившейся въ орбитѣ всемогущества Германіи, мерещилась одна огромная держава въ составѣ до-военной Турціи, Кавказа и Закавказья, нижняго Поволожья, Закаспія, Туркестана (съ Хивой и Бухарой), Персіи и т. д.

Тюркскимъ націоналистамъ, въ большинствѣ политическимъ авантюристамъ вродѣ Энверъ-Паши или доморощенныхъ политиковъ, вродѣ Топчибашева, покойнаго Хана Хойскаго и др., рисовались заманчивыя перспективы поиграть въ государственныхъ людей того или другого масштаба.

Въ созданіи Азербайджанской республики активную (при помощи турокъ) роль играли главари партіи «Муссаватъ», именовавшей себя «тюркской партіей Муссаватъ». Это они провозглашали тѣ или другіе политическіе акты. Народъ же молчалъ; и лишь когда доходило дѣло до бесѣдъ «по душамъ», то приходилось слышать характерныя заявленія, вродѣ слѣдующихъ: «Республика-это ничего; и Азербайджанъ — это тоже ничего; но надо, чтобы все было, какъ при Николаѣ».

Въ массѣ своей татарское населеніе Закавказья, какъ осѣдлое, занимавшееся земледѣліемъ и садоводствомъ, такъ и полукочевое, пастушеское, не имѣя совершенно рабочаго класса, было глубоко консервативнымъ; оно опредѣленно льнуло къ власти крѣпкой и притомъ власти по національности ей посторонней — власти россійской, такъ какъ изъ практики оно хорошо знало, что власть, осуществляемая представителями изъ числа своихъ же татаръ, всего чаще выражалась въ грубѣйшемъ произволѣ, въ сведеніи счетовъ съ врагами и т. д. Къ русской власти татарское населеніе не только привыкло, но и сжилось съ нею; не имѣя корней въ населеніи, русскіе представители власти (мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, администрацію) имѣли гораздо меньше шансовъ злоупотреблять властью безнаказанно.

Еще весною 1918 года сконструировавшееся Азербайджанское Правительство одной изъ очередныхъ задачъ поставило себѣ націонализированіе органовъ власти. Задача эта, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, оказалась Азербайджану совершенно непосильной. Тѣмъ не менѣе тенденціи къ искорененію русскаго духа не скрывали, несмотря на всякія увѣренія въ противномъ.

За то армянству была объявлена опредѣленно война. Не скрывали вовсе, что никакая армянская самодѣятельность, ни конкуренція въ какой-бы то ни было отрасли дѣятельности не будетъ терпима.

Нѣкоторые шовинисты, какъ напримѣръ, докторъ Хосровъ бекъ Султановъ (министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ) и др. открыто говорили, что въ Азербайджанѣ или вовсе не будетъ армянъ, или же они будутъ на положеніи турецкой райи (существъ безправныхъ); «армянамъ у насъ дѣлать нечего, пусть уходятъ къ себѣ», говорили господа изъ числа ярыхъ націоналистовъ.

На первыхъ же порахъ началось расхищеніе армянскихъ имуществъ, даже не національныхъ (учрежденій благотворительныхъ и др.), а частныхъ. Новый огромный театръ бр. Маиловыхъ объявленъ государственной собственностью безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Лучшая въ городѣ типографія Хр. А. Веришева объявлена государственной собственностью, также безъ вознагражденія владѣльца. Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, мы могли бы назвать очень много. Расхищались торговыя и промышленныя предпріятія, принадлежав-

шія армянамъ, и не только тѣ, которыя въ дѣйствительности остались безъ владѣльцевъ и управляющихъ изъ армянъ, бѣжавшихъ изъ опасенія насилій, ожидавшихся при взятіи города, но и владѣльцы коихъ были на лицо.

Мнѣ лично пришлось вступиться за имущество одной фирмы: предпріятіе очень крупное, по существу русское, такъ какъ большинство акцій принадлежало русскимъ волжскимъ купцамъ, было представлено директоромъ-распорядителемъ армяниномъ, бѣжавшимъ изъ Баку въ ночь на 1-ое сентября. Захвативъ всѣ соотвѣтствующіе случаю документы, я поѣхалъ къ Б. Х. Джеванширу, министру внутреннихъ дѣлъ, а также торговли и промышленности, и заявилъ ему требованіе о принятіи мѣръ къ охранѣ многомилліоннаго имущества (складовъ, пристаней, судовъ и проч.). Б. Х. Джеванширъ, выслушавъ отъ меня, что крупнымъ акціонеромъ является коммерціи совѣтникъ И. Ф. Скрѣпинскій, отказалъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что Скрѣпинскій заинтересованъ во многихъ армянскихъ дѣлахъ и является другомъ армянъ, а потому-де «Азербайджанское Правительство не можетъ оказать ему никакого содѣйствія». Я привожу этотъ случай, какъ яркій примѣръ того отношенія, которое существовало у руководителей политики новоявленнаго «Азербайджана» къ армянамъ.

Квартиры богатыхъ, по преимуществу, армянъ реквизировались со всею обстановкою подъ квартиры министровъ и другихъ высшихъ чиновниковъ правительства.

Въ сущности со стороны татаръ — представителей власти къ армянамъ и ихъ имуществу былъ проявленъ чисто большевистскій пріемъ. Но еще ужаснѣе были тѣ пріемы, къ которымъ стали прибѣгать татарскія власти въ дѣлѣ персональнаго уничтоженія армянскихъ буржуазіи и интеллигенціи.

Массовыя избіенія армянъ, производившіяся чернью, никѣмъ не сдерживаемой, въ первые дни занятія Баку (первые дни сентября 1918 г.), оффиціально прекратились въ результатѣ цѣлаго ряда выступленій и мѣстныхъ иностранныхъ консуловъ, и общественныхъ дѣятелей другихъ національностей (русскихъ, евреевъ) и подъ вліяніемъ свѣдѣній, полученныхъ изъ Тифлиса, о происшедшихъ тамъ общественныхъ выступленіяхъ (въ томъ числѣ Городской Думы).

Одинъ за другимъ, по одиночкѣ, стали безслѣдно пропадать то тотъ, то другой изъ видныхъ армянъ: ушелъ изъ дому и не вернулся давнишній городской дѣятель Д. Д. Арутюновъ (замѣститель Городского Головы и Членъ Управы), доктора Т. Захаріанъ и Агамирзовъ (имѣвшій исключительно татарскую практику), инженеръ С. Амировъ и многіе др. И все это были видные люди, буквально извѣстные всему городу.

Въ частности, будучи связанъ личной дружбой съ С. Амировымъ (товарищемъ по кадетской партіи), я предпринялъ дѣятельные его розыски: министръ внутреннихъ дѣлъ Б. Х. Джеванширъ, у котораго я былъ лично, отозвался полнымъ незнаніемъ и посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ министру юстиціи, а когда и послѣдній отозвался тѣмъ же, то Б. Х. Джеванширъ сказалъ мнѣ, что не сомнѣвается, что все должно быть извѣстно турецкимъ военнымъ властямъ. Мурсалъ Паша, къ которому я обратился вмѣстѣ съ покойнымъ А. Леонтовичемъ, выслушавши насъ, просилъ насъ ему повѣрить, что ни онъ, ни другія турецкія военныя власти, рѣшительно не при чемъ, и совѣтовалъ не вѣрить Азербайджанцамъ, взявшимъ за привычку приписывать все, что имъ не выгодно, туркамъ. Нѣсколько времени спустя, удалось узнать, что С. Амировъ арестованъ и сидитъ въ арестантской у начальника политической полиціи Бога-Эддинъ-Бея

(турецкаго офицера, поступившаго на службу къ Азербайджану и являвшемуся правой рукой вышеупомянутаго Джеваншира). На этотъ разъ Б. Х. Джеванширъ, не имѣя уже возможности отрицать предо мною и А. Леонтовичемъ своего близкаго отношенія къ аресту С. Амирова, перейдя на дружескій тонъ, замѣтилъ намъ: «И чего Вы, русскіе, мѣшаетесь въ армянскія дѣла», и пообѣщалъ принять мѣры къ выясненію причинъ ареста Амирова. Однако, черезъ нѣсколько дней намъ было сообщено, что Амировъ и остальные съ нимъ содержавшіеся армяне разстрѣляны.

Проѣздъ армянъ по линіи желѣзной дороги былъ не безопасенъ; армянъ снимали съ поѣздовъ, вытаскивали изъ вагоновъ и разстрѣливали. Много армянъ было вывезено изъ Баку въ другія мѣстности Азербайджана и или заключены въ тюрьмы, или посланы на принудительныя работы въ нездоровыя мѣстности.

Армяне были совершенно забиты; разсчитывать на свое національное представительство они не могли. Большинство сидѣло у себя по домамъ или же, кто могъ, старались выѣхать куда нибудь изъ Баку.

Изъ приведеннаго выше видно, что представители другихъ національностей также мало чѣмъ могли имъ помочь.

Торжествовавшій свою побѣду мало-культурный національзмъ Азербайджана создавалъ тяжелую, отравленную атмосферу.

XV

Съ большимъ трудомъ проникали къ намъ въ Баку извѣстія о томъ, что дѣлалось не только въ Россіи, но и на Западѣ. О начавшемся Освободительномъ движеніи во главѣ съ генераломъ Корниловымъ и Алексѣевымъ мы имѣли самыя смутныя представленія; ничего не знали ни о геройской смерти генерала Корнилова, ни объ одержанныхъ Добровольческой Арміей побѣдахъ и занятіи Екатеринодара, ни о смерти тяжко больного генерала Алексѣева.

Единственной газетой, изъ которой мы могли хоть что нибудь узнать, была «Азербайджанъ», оффиціальная газета, печатавшаяся на русскомъ языкѣ. Ни туркамъ, ни правительству Азербайджанской республики, вовсе не интересно было, чтобы населенію было извѣстно истинное положеніе въ мірѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, все же какими-то невѣдомыми путями проникали свѣдѣнія о начавшемся разгромѣ Германіи и о томъ, что Турція на послѣднемъ изъ своихъ фронтовъ, на Мессопотамскомъ, терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Эти свѣдѣнія поселяли въ русскихъ и армянскихъ массахъ надежды на измѣненіе къ лучшему ихъ положенія въ Азербайджанѣ. Появилась надежда на скорый уходъ турокъ изъ Баку и на занятіе его союзниками. Симптоматичнымъ являлось и заявленіе оффиціоза — газеты «Азербайджанъ» о томъ, что англичане, въ лицѣ новаго командующаго англійскими силами въ Персіи, генерала Томсона (на мѣсто уволеннаго генерала Данстервиля), признали якобы Азербайджанскую республику.

За нѣсколько дней до прихода союзниковъ (17 ноября 1918 г.) въ Баку, по городу разнесся слухъ, что англичанами предъявленъ турецкому главному командованію, въ лицѣ Халила-Паши и Мурсала-Паши, ультиматумъ объ очищеніи Баку въ теченіе двухъ сутокъ и о полномъ очищеніи всего Закавказья.

Первыми оставили Баку нѣмецкая и австрійская военныя миссіи. Приблизительно черезъ день стали уходить изъ Баку и турки; изъ Баладжаръ (узловой

желѣзно-дорожный пунктъ верстахъ въ 10-ти отъ Баку) сообщали, что одни за другимъ проходятъ съ сѣвера (отъ Петровска) эшелоны съ турецкими войсками въ сторону Тифлиса и Батума.

Турки, уходя, вывозили изъ Баку и изъ страны буквально все, что только могли вывезти: вывозили захваченную ими военную добычу, всякіе матеріалы, цѣнную мебель, мануфактуру, отобранный у населенія (главнымъ образомъ русскаго) хлѣбъ, и т. д.

За день или за два до прихода союзниковъ скрылся изъ города и Азербайджанскій «палачъ», названный уже Бога-Эддинъ-Бей.

Положеніе Азербайджанскаго Правительства было скомпрометировано и съ нимъ никто не хотѣлъ считаться.

16-го ноября вечеромъ въ городѣ стало извѣстно, что на утро въ городъ прибываетъ со своимъ штабомъ генералъ Томсонъ, въ качествѣ главы союзныхъ войскъ. Рѣшено было, что всѣ общественныя организаціи будутъ участвовать во встрѣчѣ генерала Томсона и союзниковъ. Уже съ 9-ти часовъ утра Русскій національный Комитетъ почти въ полномъ составѣ ожидалъ прибытія союзниковъ на пристани. Изъ представителей Азербайджанскаго Правительства, если не ошибаюсь, было только двое: Б. Х. Джеванширъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) и Таги-бекъ Сафаръ Аліевъ (товарищъ министра торговли и промышленности); видъ у этихъ господъ былъ сконфуженный. Собравшимися отмѣчалось, что не прибыли ни премьеръ министръ Фатали-Ханъ Хойскій, ни его замѣститель М. Г. Гаджинскій. По распоряженію Джеваншира на флагъ-штокѣ, на концѣ пристани, былъ поднятъ Азербайджанскій національный флагъ, недавно только изобрѣтенный.

День былъ сѣрый, хотя и теплый; изрѣдка накрапывалъ дождь.

Около 10-ти час. утра на горизонтѣ со стороны Персіи показался рядъ дымковъ; количество ихъ замѣтно все увеличивалось по мѣрѣ приближенія эскадры къ берегу.

Выглянуло солнце. Суда стали вырисовываться все яснѣе. Впереди, въ головѣ кильватерной колонны, шелъ пароходъ «Президентъ Крюгеръ» подъ нѣсколькими флагами.

И велики были восторгъ и національное удовлетвореніе насъ, русскихъ, когда мы увидѣли красовавшіеся на трехъ мачтахъ сѣверо-американскій, англійскій и французскій флаги союзниковъ и на кормѣ нашъ «родной» Андреевскій флагъ.

Подошелъ и ошвартовался «Крюгеръ», а за нимъ у разныхъ пристаней стали ошвартовываться и остальныя суда эскадры.

Генералъ Томсонъ, въ сопровожденіи французскаго и американскаго военныхъ агентовъ, сошелъ на пристань. Начались представленія: очень сухо отвѣтилъ генералъ Томсонъ на привѣтствіе Азербайджанскаго правительства и тутъ же, обративъ вниманіе на поднятый Азербайджанскій флагъ, приказалъ его немедленно спустить, что и было исполнено къ конфузу азербайджанцевъ и къ общему удовольствію всѣхъ остальныхъ.

Вслѣдъ за азербайджанцами просунулся впередъ совершенно неожиданно нѣкій полковникъ Олонгренъ (бывшій раньше, до революціи, въ Баку помощникомъ градоначальника) и, привѣтствуя генерала Томсона, сталъ возносить хвалу «молодой и милой» Азербайджанской республикѣ, мирно пріютившей подъ своею сѣнью русское офицерство. Насъ, русскихъ, въ особенности шокировало это заявленіе, и многіе изъ членовъ Русскаго Національнаго Комитета тутъ же обратились къ г. Олонгрену за объясненіями.

Съ краткимъ и глубоко прочувствованнымъ словомъ отъ имени Русскаго Національнаго Комитета и всего русскаго населенія обратился къ генералу Томсону предсѣдатель Комитета М. Ф. Подшибякинъ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе генералъ Томсонъ произнесъ приблизительно слѣдующій историческій отвѣтъ: «Великая война окончена полной побѣдой Антанты. Я пришелъ какъ ея представитель сюда, въ Баку, въ предѣлы Россіи въ ея границахъ до войны 1914 г., на русскую землю, на Кавказъ, принадлежащій Россіи отъ моря Каспійскаго и до Чернаго Моря. Я еще встрѣчусь съ представителями русскаго народа».

И, словно въ подтвержденіе только что сказанныхъ словъ, надъ нами стали проноситься гидропланы, сбрасывавшіе прокламацію, гдѣ за подписью генерала Томсона говорилось то же самое отъ имени всѣхъ союзниковъ Россіи.

Рѣчь Томсона произвела огромное впечатлѣніе на присутствующихъ, и короткое время спустя, какъ и содержаніе прокламаціи, она стала достояніемъ города.

Такъ какъ намъ дали знать, что вмѣстѣ съ союзниками въ Баку вернулся и Л. Бичераховъ со всѣми войсками, участвовавшими въ защитѣ Баку отъ турокъ и азербайджанцевъ, то Русскій Національный Комитетъ отправился на Петровскую пристань для принесенія привѣтствія и Л. Бичерахову.

У Л. Бичерахова мы встрѣтили, кромѣ него самого и его штаба, также представителей Прикаспійскаго правительства, въ томъ числѣ и Г. А. Наджарова (прис. повѣр., праваго эсера, о которомъ мы уже упоминали раньше). И, если совершенно опредѣленно звучало заявленіе генерала Томсона, то объясненія и Л. Бичерахова, и его товарищей по Прикаспійскому правительству о будущихъ ихъ задачахъ какъ въ Баку, такъ и въ русскомъ вопросѣ вообще, отличались неопредѣленностью, сумбурностью и даже какимъ то умолчаніемъ. Поэтому мы охотно приняли предложеніе членовъ Прикаспійскаго правительства собраться тотчасъ же вмѣстѣ для обсужденія политическаго положенія.

Въ часъ дня у насъ, въ Комитетѣ, собрались какъ члены нашего Комитета, такъ и члены Прикаспійскаго правительства.

Большинство явившихся къ намъ были соціалисты, причемъ нѣсколько человѣкъ армянъ.

Изъ разговоровъ выяснилось приблизительно слѣдующее: Прикаспійское правительство считаетъ г. Баку входящимъ въ территорію союза представляемыхъ имъ республикъ. Нѣтъ никакого Азербайджана, а есть только Россія. Власть Азербайджана должна быть свергнута и замѣнена властью Прикаспійскаго правительства, возглавляемаго Л. Бичераховымъ, стоящимъ во главѣ отряда въ 8 — 10 тысячъ человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ, и обладающаго сильнымъ флотомъ. Задачи правительства: продолженіе вооруженной борьбы съ большевиками и строительство новой демократической Россіи на принципахъ программы, провозглашенной Директоріей (Уфимской) и Комитетомъ членовъ Учредительнаго Собранія.

Намъ стало вполнѣ ясно, что, несмотря на присутствіе союзниковъ, готовится coup d'état, послѣдствій котораго мы имѣли серьезныя основанія опасаться. такъ какъ большинство силъ, бывшихъ у Л. Бичерахова, составляли армяне, враждебно настроенные противъ татаръ и явно искавшіе реванша за кровавые сентябрьскіе дни.

Разговоры между нами, происходившіе къ тому же экспромптомъ, не привели ни къ какимъ рѣшеніямъ, но все же выяснили рѣзкое расхожденіе Комитета съ точкой зрѣнія представителей Прикаспійскаго правительства.

Въ тотъ же день вечеромъ Комитетъ рѣшилъ экстренно собраться для опредѣленнаго рѣшенія по поводу создавшагося въ Баку политическаго положенія.

Часовъ около пяти вечера къ генералу Томсону были вызваны президіумъ Русскаго Національнаго Комитета (М. Ф. Подшибякинъ, я и Я. Н. Смирновъ) и Предсѣдатель «Центродома» А. К. Леонтовичъ.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ нами генералъ Томсонъ выяснилъ намъ, что онъ, Томсонъ, является лишь Генералъ-Губернаторомъ Баку и зоны оккупаціи союзниковъ, каковая будетъ расширяться постепенно по мѣрѣ надобности; что задачею союзныхъ войскъ является лишь содѣйствіе поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ странѣ; но, что и самый порядокъ и внутреннее управленіе должны быть дѣломъ самого населенія, въ лицѣ наиболѣе государственно-настроенныхъ его элементовъ; что никакихъ проявленій національнаго антагонизма и національныхъ столкновеній допущено не будетъ. Имѣя въ виду, что въ той области, которая названа Азербайджаномъ, живутъ три народности: татары, армяне и русскіе, онъ, Томсонъ, отъ лица союзниковъ, предлагаетъ этимъ тремъ національностямъ договориться между собою объ установленіи такого порядка, который устранилъ бы необходимость вмѣшательства союзниковъ и который существовалъ бы до разрѣшенія Мирной конференціей всѣхъ міровыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ войною.

Поясняя свою мысль, генералъ Томсонъ указалъ, что рѣчь идетъ лишь о временномъ самоуправленіи, основанномъ на сотрудничествѣ мирно-настроенныхъ, государственно-мыслящихъ элементовъ всѣхъ трехъ національностей. Что касается той формы, въ которую эта новая мѣстная власть выльется, то генералъ Томсонъ заранѣе обѣщалъ, что никакихъ препятствій въ этомъ отношеніи съ его стороны не будетъ.

Бесѣда съ генераломъ Томсономъ произвела на насъ весьма благопріятное впечатлѣніе.

Въ тотъ же день мнѣ пришлось видѣться съ полк. Шардиньи (французскимъ военнымъ представителемъ), который мнѣ подчеркнулъ особенно благожелательное отношеніе Франціи къ Россіи и русскимъ.

На другой день послѣ прибытія генерала Томсона, по требованію послѣдняго, Азербайджанское правительство напечатало въ газетѣ «Азербайджанъ» оффиціальное разъясненіе о томъ, что появившееся ранѣе того въ той же газетѣ сообщеніе о признаніи Азербайджанской республики генераломъ Томсономъ и союзниками — ложно.

Я забылъ упомянуть, что дня за два — за три до прихода союзниковъ прибылъ въ Баку изъ форта Александровска (на сѣверо-восточномъ побережьи Каспійскаго моря) на спеціальномъ пароходѣ представитель Уфимскаго правительства, профессоръ Казанскаго университета, фамилію котораго я забылъ. Цѣль его прибытія, да и степень его полномочій намъ были не совсѣмъ ясны и Русскій Національный Комитетъ уклонился отъ какой-либо солидарной съ нимъ работы.

Лишь впослѣдствіи выяснилось для насъ, что этотъ представитель былъ въ курсѣ готовившагося въ пользу адмирала Колчака переворота. Господинъ этотъ не сыгралъ никакой значительной роли въ нашей жизни.

Уже въ день прибытія Л. Бичерахова и его отряда, въ городѣ (въ татарской его средѣ) создалось тревожное настроеніе и было получено сообщеніе объ имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ концахъ города эксцессахъ, къ счастью окончившихся безъ человѣческихъ жертвъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Комитетомъ были приняты два рѣшенія.

1) вступить въ переговоры съ представителями армянъ и татаръ (но не съ представителями Азербайджанскаго правительства) объ организаціи общей власти на платформѣ, предложенной генераломъ Томсономъ; и

2) не разрывая окончательно съ Л. Бичераховымъ и Прикаспійскимъ правительствомъ, поддерживать съ ними связь лишь въ цѣляхъ информаціи.

На завтра начались дѣятельные переговоры нашего Комитета съ наиболѣе видными общественными дѣятелями изъ армянъ и татаръ, причемъ лейтъ-мотивомъ въ этихъ переговорахъ съ нашей стороны было заявленіе, что всѣ мы, безъ различія національностей, должны стремиться къ продолженію борьбы съ большевиками до возсозданія, на федеративныхъ или иныхъ началахъ, Россійскаго государства въ предѣлахъ до 1914 года съ обще-государственною властью, построенной на демократическихъ началахъ.

Со стороны армянъ мы встрѣтили полное содѣйствіе, причемъ ими было выражено согласіе встрѣтиться у насъ въ Комитетѣ съ представителями татаръ, обѣщая намъ заранѣе всяческую поддержку. Татары, не безъ оговорокъ, также изъявили согласіе прислать къ намъ своихъ делегатовъ. Число делегатовъ было опредѣлено съ каждой стороны по 5-ти человѣкъ.

На другой день вечеромъ всѣ делегаты сошлись у насъ въ Комитетѣ. Отъ татаръ пришли слѣдующія лица:

1) Ахмедъ бей Агаевъ, уроженецъ г. Шуши, журналистъ, много лѣтъ работавшій въ русской газетѣ «Каспій», основанной Н. Соколинскимъ; ярый туркофилъ, А. Агаевъ въ началѣ XX столѣтія бѣжалъ въ Турцію, перешелъ въ турецкое подданство, работалъ въ тамошнихъ газетахъ и былъ избранъ въ Турецкій парламентъ; членъ партіи «Единеніе и прогрессъ».

А. Агаевъ — человѣкъ европейски образованный, получившій образованіе во Франціи, былъ ярымъ турецкимъ націоналистомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ недюжинныхъ дипломатическихъ способностей;

2) Асадулла Ахмедовъ — одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ въ Баку; человѣкъ умный, выдержанный, пользовавшійся уваженіемъ не только среди своихъ, но и среди армянъ и русскихъ, въ политическомъ отношеніи взглядовъ весьма умѣренныхъ;

3) докторъ Абузаръ бекъ Рзаевъ; ярый націоналистъ, безпартійный;

4) Тагибекъ Сафаралієвъ, инженеръ, крупный нефтепромышленникъ, товарищъ министра торговли и промышленности въ Азербайджанскомъ правительствѣ; человѣкъ очень недалекій, пользовавшійся въ городѣ Баку среди татаръ большимъ вліяніемъ, благодаря обширнымъ связямъ своего дяди, одного изъ старѣйшихъ въ Баку общественныхъ и городскихъ дѣятелей, имѣвшаго въ Баку большую партію приверженцевъ-кліентовъ; и

5) докторъ Хосровъ бекъ Султановъ; по происхожденію изъ курдовъ Эриванской губерніи или Карсской области; министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Азербайджанскомъ правительствѣ; человѣкъ хитрый, большой интриганъ (мы съ нимъ еще не разъ встрѣтимся впослѣдствіи).

Армяне прислали своихъ наилучшихъ представителей, делегированныхъ Армянскимъ Національнымъ Комитетомъ.

Я ихъ не перечисляю, такъ какъ центръ тяжести въ интересовавшемъ насъ вопросѣ лежалъ не въ нихъ, а въ татарахъ.

Благодаря откровенному, подкупавшему своею искренностью, заявленію А. б. Агаева, переговоры наши закончились весьма скоро.

Агаевъ заявилъ приблизительно слѣдующее: любя свой народъ и будучи убѣжденнымъ націоналистомъ, въ русской реакціи, усиливавшейся годъ отъ году, онъ видѣлъ серьезное препятствіе осуществленію національныхъ чаяній своего народа и будущее его связывалъ съ усиленіемъ вліянія братской Турціи. Но сегодня, когда Турція разгромлена, а ставка ея на Германію оказалась битой; когда, наоборотъ, въ Россіи, благодаря революціи, свергнутъ старый самодержавный и реакціонный режимъ, народамъ Закавказья и, въ частности, татарамъ, необходимо опираться на Россію и искать точекъ соприкосновенія съ нею. Намъ, Закавказскимъ татарамъ, надо опереться на одного изъ двухъ сосѣдей: или на Турцію, или на Россію, говорилъ дальше Агаевъ, и, разъ Турціи нѣтъ, надо искать связи съ Россіей, культура которой къ тому же выше турецкой.

На совѣщаніи, поэтому, безъ особыхъ преній была принята резолюція, признававшая, что въ территоріальныхъ предѣлахъ Россіи, въ границахъ ея до 1914 года, на Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи будутъ опредѣлены сущность и предѣлы національныхъ автономій, если этотъ вопросъ не получитъ разрѣшенія до того на Мирной конференціи въ Версалѣ.

О состоявшейся резолюціи было доведено до свѣдѣнія генерала Томсона. Однако, черезъ два дня М. Ф. Подшибякинъ былъ увѣдомленъ изъ татарскихъ круговъ, что упомянутая резолюція встрѣчена была въ правящихъ кругахъ Азербайджана не только холодно, но и явно недоброжелательно, и что А. б. Агаевъ, оказавшій большое содѣйствіе ея принятію, разсорившись съ татарскими политическими и общественными кругами, долженъ былъ срочно покинуть Баку и выѣхалъ совсѣмъ изъ города въ Ганжу (Елизаветполь).

Начатые переговоры прервались. Представитель Русскаго Національнаго Комитета, повидавшись съ генераломъ Томсономъ, выразилъ все же свое согласіе сдѣлать еще одну попытку сойтись съ татарами, зная тѣмъ болѣе, что подобное соглашеніе въ значительной степени облегчитъ и положеніе армянъ.

XVI

Переговоры о конструкціи мѣстной власти продолжались. Было еще два или три засѣданія, происходившихъ на нейтральной почвѣ; составъ представителей-татаръ каждый разъ мѣнялся, причемъ, помнится, принималъ участіе въ нихъ со стороны татаръ все время безсмѣнно Мирза Асадуллаевъ, богатый нефтепромышленникъ, бывшій въ очень близкихъ отношеніяхъ съ полковникомъ Стоксомъ, начальникомъ штаба ген. Томсона, яркимъ руссофобомъ, сыгравшимъ впослѣдствіи видную роль въ дѣлахъ русскаго населенія и въ русскомъ вопросѣ на Кавказѣ вообще.

Во время этихъ переговоровъ татары опредѣленно открещивались отъ обсужденія принципіальныхъ вопросовъ и сводили всѣ разговоры къ разрѣшенію вопросовъ практическихъ — пойдемъ ли мы, представители русской національности, въ составъ Азербайджанскаго правительства и пошлемъ ли мы своихъ представителей въ Парламентъ — или же нѣтъ?

Въ Русскомъ Національномъ Комитетѣ было незначительное меньшинство въ его составѣ, которое стояло на той точкѣ зрѣнія, что такое вхожденіе необходимо. Но Комитетомъ (значительнымъ большинствомъ) вопросы эти были разрѣшены отрицательно и по принципіальнымъ, и по чисто утилитарнымъ практическимъ соображеніямъ.

По принципіальнымъ — мы могли пойти на совмѣстную съ инородцами работу лишь при условіи, если они откажутся отъ своей сепаратистской точки зрѣнія и признаютъ, что будущія ихъ судьбы связаны неразрывно и съ судьбами Россіи и русскаго народа. По практическимъ же соображеніямъ — работа совмѣстная и въ правительствѣ, и въ парламентѣ тѣмъ самымъ предполагала съ нашей стороны молчаливое признаніе совершившагося факта отдѣленія Азербайджана отъ Россіи со всѣми отсюда вытекающими выводами.

Мы не могли не учитывать того, что политическій авантюризмъ подвинетъ вершителей судебъ Азербайджана добиваться у Европы признанія независимости Азербайджанской республики. И, въ этомъ случаѣ, самымъ фактомъ вхожденія представителей Россійской Національной Организаціи въ правительство и въ парламентъ, мы давали лишній козырь въ руки для достиженія той самой независимости Азербайджана, которой мы никакъ признать не могли.

Необходимо отмѣтить, что представители Армянъ были съ нами совершенно солидарны.

Прошло въ безрезультатныхъ переговорахъ около двухъ недѣль; соглашенія, повидимому, достичь было нельзя. Представители нашего Комитета имѣли бесѣду съ генераломъ Томсономъ, причемъ имъ самимъ была предложена намъ компромиссная резолюція (соглашеніе). Точнаго ея текста не помню, но наша позиція становилась, въ случаѣ ея принятія, значительно слабѣе.

Обсужденная въ тотъ же вечеръ въ Комитетѣ, предложенная генераломъ Томсономъ резолюція была отвергнута огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Когда мы на другой день доложили генералу Томсону рѣшеніе Комитета, то здѣсь между генераломъ Томсономъ и представителями Комитета разыгралась довольно бурная сцена. На упреки генерала Томсона въ несговорчивости нашей и въ совершенномъ непониманіи политической обстановки, заключающемся въ томъ, что мы не принимаемъ совершенно въ соображеніе, что Россіи сейчасъ нѣтъ и неизвѣстно — когда-то она будетъ, генералу Томсону было резонно указано, что и въ своей первой прокламаціи и въ своихъ первыхъ съ нами бесѣдахъ онъ, ген. Томсонъ, исходилъ изъ утвержденія, что Россія существуетъ и что Кавказъ составляетъ неотъемлемую ея часть и что даже въ своей вчерашней резолюціи онъ, ген. Томсонъ, признавалъ необходимость подчеркнуть будущую связь Россіи и Кавказа.

Указывая намъ на нашу несговорчивость, ген. Томсонъ заявилъ, между прочимъ, что далеко не всѣ русскіе люди, по его свѣдѣніямъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія Комитета и что онъ прислушивается также и къ голосамъ этихъ русскихъ людей.

Разрывъ Комитета съ генераломъ Томсономъ сталъ совершившимся фактомъ.

Около этого времени Комитетъ рѣшилъ обзавестись своимъ печатнымъ органомъ и приступить къ изданію своей газеты «Единая Россія».

Однимъ изъ мотивовъ къ изданію газеты Комитетомъ являлась не только необходимость широкой пропаганды имъ своихъ идей, но, главное, желаніе представить всю дѣятельность Комитета на судъ общественнаго мнѣнія. Русскіе промышленные и буржуазные круги щедро пришли на помощь Комитету и газета съ первыхъ же дней была вполнѣ обезпечена матеріально.

Газета «Единая Россія» — органъ «Русскаго Національнаго Комитета въ Баку» съ первыхъ же дней стала пользоваться широкими симпатіями публики, тиражъ ея день отъ дня повышался и на исходѣ третьяго мѣсяца тиражъ

«Единой Россіи» превышалъ тиражъ всѣхъ въ совокупности остальныхъ издававшихся въ городѣ Баку газетъ, а ихъ издавалось около десятка.

Съ перваго же дня своего выхода «Единая Россія» сдѣлалась объектомъ злѣйшихъ на нее нападокъ Азербайджанскаго оффиціоза — газеты «Азербайджанъ», что послужило намъ явнымъ доказательствомъ того, что разъ съ нашей газетой вынуждены считаться наши принципіальные противники — Азербайджанскіе политическіе авантюристы, то, слѣдовательно, газета наша стоитъ на правильномъ пути, выступая опредѣленно за русскую государственную національную идею. Комитетъ на страницахъ «Единой Россіи» знакомилъ общественные круги со всею своею дѣятельностью. И въ первыхъ же номерахъ мы напечатали всю исторію переговоровъ Комитета съ ген. Томсонъ со всѣми къ нимъ относившимися документами.

Тотъ, кто работалъ идейно въ печати, знаетъ, какъ окрыляетъ работу сочувствіе читателя. Цѣлые дни нашъ редакціонный кабинетъ былъ полонъ самыхъ разнообразныхъ посѣтителей, приходившихъ къ намъ подѣлиться своими мыслями или впечатлѣніями отъ той или другой статьи, того или другого выступленія Комитета; общіе отзывы доказывали намъ, что русскіе круги вполнѣ удовлетворены постановкой русскаго національнаго дѣла и въ Комитетѣ, и въ нашей газетѣ.

На Русскій Національный Комитетъ шли нападки съ двухъ сторонъ: со стороны тѣхъ общественныхъ круговъ, которые поддерживали Прикаспійское Правительство, главнымъ образомъ, эс-эровъ, а впослѣдствіи со стороны большевиствующихъ кружковъ, продолжавшихъ свою агитацію, втихомолку, среди рабочихъ, флота и солдатъ Бичераховскаго отряда; и, во-вторыхъ, со стороны русской группы, состоявшей всего изъ двадцати съ чѣмъ-то человѣкъ и называвшей себя «Славяно-Русскимъ Обществомъ».

Когда генералъ Томсонъ впервые намекнулъ намъ на существованіе какой-то группы русскихъ, болѣе покладистой, чѣмъ мы — Русскій Національный Комитетъ, мы еще не знали, что рѣчь идетъ о «Славяно-Руссахъ», какъ звали мы ихъ впослѣдствіи.

Въ одно изъ засѣданій Комитета, когда шло обсужденіе ряда серьезныхъ вопросовъ о нашей тактикѣ, съ разрѣшенія нашего Предсѣдателя былъ допущенъ нѣкто М. Виноградовъ, именовавшій себя профессоромъ, желавшій сдѣлать Комитету какой-то докладъ. Передъ нами появился здоровенный, то, что называется, ражій дѣтина, въ поддевкѣ, съ огромной рыжей бородой и съ типичными ухватками «молодца» изъ чайной русскаго народа. Это и былъ профессоръ Виноградовъ.

Господинъ этотъ сталъ убѣждать насъ въ томъ, что переживаемый моментъ усиленно требуетъ для блага русскаго дѣла тѣсной связи русскаго населенія съ мусульманствомъ вообще, и приглашалъ насъ, измѣнить наше отношеніе къ Азербайджану и для доказательства измѣненія нашего отношенія командировать своихъ делегатовъ для привѣтствія открывающагося завтра Парламента.

Изъ разспросовъ этого господина и изъ представленнаго имъ, по нашему требованію, устава, выяснилось, что «Славяно-Русское Общество», зарегистрированное нѣсколько дней тому назадъ въ городѣ Тифлисѣ Окружнымъ Судомъ, имѣетъ своею цѣлью сплоченіе славянъ вообще, въ томъ числѣ и русскихъ, съ народами Закавказья. Не въ мѣру развязный г. Виноградовъ не имѣлъ никакого успѣха среди членовъ нашего Комитета, и Комитетъ въ соотвѣтствіи съ приня-

тою имъ уже линіей поведенія категорически отклонилъ предложеніе о привѣтствованіи открывающагося Парламента.

На другой же день стало извѣстно, что г. Виноградовъ не только привѣтствовалъ Парламентъ отъ имени русскаго населенія Азербайджана, но и имѣлъ наглость заявить, что истиннымъ представителемъ русскаго населенія является «Славяно-русское Общество» и что другія организаціи, говорящія отъ имени русскаго народа, никѣмъ на то не уполномочены.

Изъ собранныхъ нами свѣдѣній оказалось слѣдующее: когда еще въ самомъ началѣ переговоровъ нашихъ съ татарами выяснилась для нихъ наша точка зрѣнія, татары (вѣрнѣе, представители Азербайджанскаго политическаго авантюризма) нашли необходимымъ прибѣгнуть къ фальсификаціи русскаго представительства. Для этой цѣли Х.-б. Султановъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, подговорилъ 28 человѣкъ русскихъ и поляковъ, по большей части чиновниковъ изъ Тифлиса, оставшихся въ Грузіи безъ мѣста, въ виду проведенной тамъ національзаціи правительственной службы, создать общество, преслѣдующее политическія цѣли, причемъ Султановъ пообѣщалъ этимъ господамъ за ихъ содѣйствіе планамъ Азербайджанскаго правительства всякія богатыя милости. Наиболѣе активную роль среди г. г. «славяно-руссовъ» играли: полякъ, купецъ Лизгаръ (побочный сынъ покойнаго бакинскаго милліонера И. К. Рыльскаго, крупнаго нефтепромышленника), получившій мѣсто министра продовольствія въ Азербайджанскомъ правительствѣ; именующій себя профессоромъ М. Виноградовъ, на самомъ дѣлѣ землемѣръ при бывшемъ межевомъ Департаментѣ Тифлисской Судебной Палаты и преподаватель черченія при землемѣрномъ училищѣ, человѣкъ со скандальнымъ прошлымъ, дважды уволенный со службы за ложные доносы; полк. Олонгренъ, уже названный нами выше, во время владычества въ Баку турокъ кормившійся около нихъ и состоявшій на содержаніи и у Азербайджанскаго Правительства; свящ. Кравцовъ, исключенный изъ состава Русскаго Національнаго Комитета за свою хвалебную рѣчь-привѣтствіе, произнесенную имъ въ Соборѣ по адресу присутствовавшаго турецкаго главнокомандующаго Халила-Паши; бывш. товар. прокурора Захарьинъ во время войны состоявшій въ Тифлиссѣ въ военно-прокурорскомъ надзорѣ и отлученный своими товарищами отъ общенія за грязные доносы; и т. д. — Вотъ, та публика, которою полагали возможнымъ подмѣнить русское представительство, столь необходимое въ глазахъ ген. Томсона для демонстраціи, гдѣ и когда нужно, трогательнаго единенія трехъ господствующихъ въ Азербайджанѣ національностей.

«Славяно-руссы» опредѣленно говорили, что, если ихъ группа и немногочисленна, то также немногочисленна и группа Русскаго Національнаго Комитета; организація его, не выборная, и, слѣдовательно, не основывается на признаніи ея со стороны широкихъ національныхъ массъ. Тотъ-же самый аргументъ, отсутствіе выборнаго широко-демократическаго начала въ организаціи Комитета, выдвигали и наши враги слѣва, явные и тайные большевики.

Не признавая по условіямъ момента возможнымъ прибѣгнуть къ организаціи широкихъ выборовъ, Комитетъ рѣшилъ реконструироваться, причемъ обратился къ единственно возможному средству — кооптаціи. Было рѣшено вступить въ соглашеніе съ русскими политическими партіями и представителями крупныхъ общественныхъ, политическихъ и иныхъ организацій, причемъ рѣшено было предоставить всѣмъ этимъ организаціямъ въ Русскомъ Національномъ Совѣ-

тѣ (такъ должно было именоваться впредь представительство русской національности) столько мѣстъ, сколько они пожелаютъ.

Изъ политическихъ партій приняли участіе: меньшевики и кадеты, приславшіе по три делегата, с-ры же уклонились. Примкнуло и «Русское демократическое Общество», представлявшее организацію въ 12.000 человѣкъ и въ составъ Совѣта вошло цѣликомъ все Правленіе этого Общества.

Прислали своихъ представителей: Союзъ офицеровъ, православные приходы, всѣ молоканскія общины, Союзъ учителей, Союзъ чиновниковъ и т. д. Вступили въ Совѣтъ и нѣкоторыя рабочія организаціи, а также вошли всѣ русскіе гласные возстановленной Городской Думы, кромѣ гласныхъ эс-еровъ.

Въ соотвѣтствіи съ результатами кооптаціи составъ Совѣта увеличился до 70 человѣкъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость выдѣлить для текущей работы «малый» Совѣтъ изъ 12-ти человѣкъ. Были произведены выборы президіума, причемъ предсѣдателемъ были вновь избраны М. Ф. Подшибякинъ и товар. предсѣдателя — я и Я. Смирновъ. Совѣтомъ были выработаны наказъ и инструкція для дѣятельности его органовъ.

Результаты произведенной Комитетомъ кооптаціи подтвердили увѣренность нашу, что въ своей политической и общественной дѣятельности мы имѣемъ за собою опредѣленное сочувствіе огромнаго большинства русскаго населенія.

Эта наша увѣренность не замедлила найти себѣ подтвержденіе и въ организаціи многочисленныхъ провинціальныхъ отдѣленій нашего Совѣта на Мугани, въ Шемахинскомъ уѣздѣ, въ Ленкорани, Дербентѣ, Петровскѣ, Елизаветполѣ и другихъ мѣстахъ.

Наша газета «Единая Россія» (первая подъ этимъ названіемъ газета на пространствѣ бывшей Россійской Имперіи была именно наша) могла теперь гораздо авторитетнѣе выступать выразительницей дѣйствительнаго русскаго общественнаго мнѣнія. Газета имѣла свою типографію и значительный запасъ бумаги, имѣла и средства, а тиражъ одинъ уже обезпечивалъ всѣ расходы по изданію. Во главѣ газеты стояла редакціонная коллегія съ талантливымъ М. Подшибякинымъ; его обзоры печати читались съ захватывающимъ интересомъ. Серіозныя передовыя статьи, не дававшія спокойно почивать на лаврахъ ни Азербайджанцамъ, ни англичанамъ, съ ихъ обычной двойственной политикой, принадлежали перу образованнаго и вдумчиваго Д., котораго я, къ сожалѣнію, лишенъ возможности назвать сейчасъ.

Вся техническая часть газеты сосредоточивалась тутъ же въ помѣщеніи Совѣта. Богато (насколько это только было возможно по тогдашнимъ обстоятельствамъ) была поставлена информаціонная часть: офицерство, проѣзжавшее черезъ Баку; представители Закаспійскаго Края, Уральскаго и Оренбургскаго Казачества; делегаты отъ правительства Колчака; случайные проѣзжіе; ходоки отъ крестьянства; русское чиновничество, служившее въ Азербайджанскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, — всѣ несли намъ въ газету свою лепту.

Среди сотрудниковъ не могу не вспомнить А. А. Осберга, русскаго по происхожденію, майора (commandant) французской службы, состоявшаго въ штабѣ союзниковъ и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ нашего Совѣта. А. Осбергу мы много обязаны за его информацію о видахъ Союзническаго Командованія и его перу принадлежатъ многія интересныя статьи по ряду вопросовъ.

Не забуду инцидента, происшедшаго лично со мною: полк. Олонгренъ, личность котораго и его некрасивое поведеніе въ сношеніяхъ съ турками и Азербайджанцами, недостойное званія русскаго офицера, были подробно освѣ-

щены газетой, во время моего дежурства въ редакціи, явился въ редакціонный кабинетъ и заявилъ, что если газетой не будетъ прекращена травля его, Олонгрена, то онъ застрѣлитъ лично меня. На завтра инцидентъ былъ оглашенъ газетой, но полк. Олонгренъ, конечно, и не думалъ реагировать на это новое сообщеніе о его личности.

XVII

Азербайджанское Правительство тѣмъ временемъ насаждало свои органы власти.

Былъ заведенъ рядъ министерствъ, учреждены и органы мѣстнаго управленія. Никакого творчества проявлено не было и, пожалуй, это — было лучшее, что могли сдѣлать господа правители, не имѣвшіе никакого опыта въ управленіи, какъ по просту возстановить прежде существовавшіе при русскомъ правительствѣ органы власти.

Были возстановлены Бакинскій и Елизаветпольскій (называвшійся уже Ганжинскій) окружные суды и судебно-мировые округи и Прокурорскіе надзоры; обѣ губерніи управлялись губернаторами и уѣздными начальниками, какъ и встарь; возстановлены были Казенныя Палаты и Казначейства, контрольная палата, податная инспекція и т. д. и т. д. Существенная разница съ прежними русскими государственными учрежденіями заключалась въ томъ, что качественно личный составъ этихъ учрежденій былъ значительно хуже, что объяснялось тѣмъ, главное, что многіе изъ русскихъ чиновниковъ уже успѣли выѣхать въ предѣлы Россіи, а другіе опредѣленно отказывались служить у Азербайджана.

Незначительная у татаръ интеллигенція порасхватала уже всѣ сколько нибудь интересныя должности: министровъ, ихъ товарищей, директоровъ департаментовъ, членовъ Парламента, губернаторовъ и т. д. До чего ничтожно было число лицъ, изъ коихъ приходилось производить выборъ людей на тѣ или другія должности, видно изъ того, что мало способный податной инспекторъ попалъ въ министры финансовъ (Амирджановъ). На должности же поскромнѣе некого было и назначать: на мѣсто мировыхъ судей назначались бывшіе судебные пристава и переводчики, служившіе въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ особенности же ухудшился составъ въ администраціи и полиціи, гдѣ произволъ и взяточничество свили себѣ прочное гнѣздо. Изъ провинціи доходили самыя невозможныя, ужасныя вѣсти о произволѣ мѣстныхъ сатраповъ надъ бѣднымъ населеніемъ, которое все чаще и чаще вспоминало времена Русской Имперской власти.

Посылавшіяся изъ центра, то-есть изъ Баку, ревизіи не приводили обыкновенно ни къ чему, ибо ревизующіе были подъ стать ревизуемымъ.

Газета «Единая Россія» отводила широкое мѣсто критикѣ новой власти и ея дѣйствій, кладя въ основу строго провѣренные факты, недостатка въ коихъ никогда не было.

Хорошо помню, какъ изъ Кубинскаго уѣзда, гдѣ царькомъ былъ братъ премьеръ-министра, занимавшій скромную должность Уѣзднаго Начальника, раздавалось общее требованіе со стороны татарскаго населенія прислать на ревизію Члена Окружнаго Суда и непремѣнно русскаго. Недовѣріе къ власти было полное.

И, несмотря на то, что дѣло управленія въ Азербайджанѣ шло изъ рукъ вонъ плохо, Азербайджанское правительство задумало проводить въ жизнь національизацію и управленія, и школы. Давалось это дѣло Азербайджанскому

Правительству нелегко. Обойтись вовсе безъ сотрудничества русскихъ чиновниковъ нельзя было никакъ, ибо можно ли было сравнить какого нибудь вчерашняго репортера Талышханова въ роли директора канцеляріи Министра внутреннихъ дѣлъ съ бывшимъ градоначальникомъ или бывшимъ губернаторомъ, которымъ, понятно, и всѣ книги въ руки. Въ силу этого, все дѣлопроизводство велось по-прежнему на русскомъ языкѣ. Терпя это положеніе, Азербайджанское правительство грозно назначало сроки, къ которымъ все дѣлопроизводство должно было перейти на тюркскій языкъ и обязывало желающихъ оставаться на службѣ обязательно изучить новый государственный языкъ. Но сроки эти все отдалялись и отдалялись.

За школы, однако, принялись въ серьезъ: многія изъ учебныхъ заведеній были закрыты, въ другихъ для преподаванія на русскомъ языкѣ, были закрыты младшіе классы и обученіе всѣмъ предметамъ должно было производиться въ этихъ классахъ на государственномъ языкѣ.

Передъ русской частью населенія вставала тяжелая задача воспитанія и обученія русскихъ дѣтей и юношества.

И Русскій Національный Совѣтъ и «Единая Россія» вели ожесточенную борьбу за попираемыя элементарныя права русскаго населенія.

Наряду съ этимъ въ Баку открывался университетъ, въ которомъ некому было преподавать изъ числа татаръ, такъ какъ учеными они совершенно не блещутъ. Да, съ другой стороны, некому почти было и учиться, ибо среди татарскаго юношества весьма незначительный процентъ прошедшихъ среднюю школу.

Но могъ ли отставать Азербайджанъ отъ Грузіи, имѣвшей университетъ въ своей столицѣ Тифлисѣ, и не имѣть въ своемъ столичномъ Баку таковой же?

Злосчастная манія величія этихъ микроскопическихъ государствъ, не вызванныхъ къ жизни естественнымъ внутреннимъ ростомъ, а созданныхъ искусственно исключительнымъ желаніемъ группы политическихъ авантюристовъ поиграть ту роль, къ которой ихъ никогда не готовили ни природныя способности, ни надлежащая жизненная подготовка, вызывала лишь на грустныя размышленія.

Какая то сплошная хлестаковщина съ тридцатью тысячами курьеровъ!

И, несмотря на то, что всѣ эти начинанія заранѣе были обречены, все же производились поиски профессоровъ (конечно, русскихъ), пріискивалось помѣщеніе и т. д.

Правительство озабочено было проведеніемъ скорѣйшихъ выборовъ въ Парламентъ, такъ какъ считало неудобнымъ править далѣе, не опираясь на народное представительство *.

Пользуясь своею властью, Правительство, опиравшееся на партію «Муссаватъ», провело въ Парламентъ значительное число представителей партіи «Муссаватъ». По городу Баку и по уѣзду прошло много безпартійныхъ, что въ сущности означало людей съ явнымъ буржуазнымъ міровоззрѣніемъ. Появились и соціалисты (ей Богу, не разберешь — эс-еры, или эс-деки) и, наконецъ, «Гюмметисты» (большевики). Вопросъ о представительствѣ національныхъ меньшинствъ былъ разрѣшенъ такъ: русскимъ и армянамъ было предложено прислать по 5 депутатовъ, евреямъ — 2 или 3 (не помню) и грузинамъ и полякамъ — по одному. Имена депутатовъ представителей этихъ меньшинствъ должны были

* Первое правительство Азербайджана было выбрано Національнымъ Собраніемъ, составившимся изъ всѣхъ мусульманъ, входившихъ въ составъ Закавказскаго Сейма.

быть сообщены непосредственно Парламенту соотвѣтствующими національными Комитетами.

Русскій Національный Совѣтъ на предложеніе, ему сдѣланное, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ по мотивамъ, указаннымъ раньше, и свое мотивированное постановленіе огласилъ въ «Единой Россіи». Армяне, стоявшіе вначалѣ на одной точкѣ зрѣнія съ нами, вынуждены были обстоятельствами, и главное, чтобы еще болѣе не раздражать противъ себя татаръ, войти въ Парламентъ.

Появленію въ составѣ членовъ Парламента «Гюмметистовъ», то-есть большевиковъ, Азербайджанское Правительство обязано было исключительно самому себѣ, ибо дефекты всей системы управленія доставляли богатѣйшій матеріалъ для агитаціонной пропаганды.

Правительство Ф. хана Хойскаго осталось у власти, лишь нѣсколько измѣнившись въ своемъ составѣ, причемъ существенно отмѣтить, что въ правительствѣ этомъ появилось два «Славяно-русса» — полякъ Лизгаръ (министръ продовольствія), скоро проворовавшійся и вынужденный со скандаломъ уйти и еще какой то русскій (фамиліи не помню), получившій портфель министра народнаго здравія.

На скамьяхъ Парламента возсѣло пять членовъ изъ «славяно-руссовъ», долженствовавшихъ въ глазахъ иностранцевъ (главнымъ образомъ ген. Томсона) демонстрировать трогательное единеніе русскихъ съ азербайджанцами. Конечно, возсѣли тѣ самые, о которыхъ мы упоминали выше, какъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ среди фальсификаторовъ представительства русской національной мысли, а именно: г. г. Лизгаръ, Виноградовъ, Олонгренъ, о. Кравцовъ, Захарьинъ. Чтобы не возвращаться къ этому послѣ, скажу, что голосами этихъ господъ были разрѣшены такіе, между прочимъ, вопросы:

1) О выдачѣ субсидій въ 15 милліоновъ рублей (если память мнѣ не измѣняетъ въ отношеніи цифры) Горско-Дагестанскому правительству на вооруженную борьбу съ Добровольческой Арміей;

2) Объ организаціи при Парламентѣ бюро по формированію добровольческихъ отрядовъ для борьбы противъ Добровольческой арміи;

3) Объ обсужденіи контингента арміи.

Если вспомнить, что въ то время ни о какой борьбѣ съ большевиками не было даже и рѣчи, то естественно, что армія эта могла понадобиться опять таки для борьбы противъ той же Добровольческой арміи, тѣмъ болѣе, что Азербайджанъ въ то время не скрывалъ лелѣемаго имъ плана инкорпорированія въ свои государственные предѣлы и всего Дагестана.

Какъ ни оцѣнивать сегодня Добровольческое движеніе, но не можетъ быть двухъ мнѣній, что это антибольшевистское движеніе было несомнѣнно національнымъ. И сидѣвшіе въ Азербайджанскомъ Парламентѣ наймиты и бутербродники, выступавшіе безъ всякаго на то права отъ имени русской національности, дѣлали свое гнусное, измѣнническое дѣло противъ самой Россіи.

Но и созывъ Парламента и участіе его въ дѣлахъ управленія страною нисколько не улучшили положенія дѣлъ въ Азербайджанѣ.

Газета наша чуть ли не ежедневно отмѣчала факты вопіющаго безправія, отъ котораго страдали народныя массы.

Ввиду доходившихъ изъ провинціи, изъ мѣстъ, населенныхъ русскимъ населеніемъ, воплей о произволѣ Азербайджанскихъ властей, Русскій Національный Совѣтъ нашелъ необходимымъ вмѣшаться и довелъ до свѣдѣнія ген. Томсона о собранныхъ Совѣтомъ фактическихъ справкахъ:

Въ сѣверо-восточной части Шемахинскаго уѣзда, населенной по преимуществу молоканами, русское населеніе подвергалось повально ограбленію со стороны татарскаго населенія, предводимаго доморощенными администраторами изъ татаръ-же; у населенія отбирался хлѣбъ, скотъ, земледѣльческія орудія, домашнее имущество. Мало того, татары цѣлыми толпами врывались въ русскія селенія, выгоняли коренное русское населеніе изъ домовъ и занимали эти дома сами.

То же доносили и съ Мугани, и изъ Кубинскаго уѣзда.

Запрошенныя Азербайджанское правительство и администрація сообщали англичанамъ, что свѣдѣнія, доставленныя Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ преувеличены; что въ указанныхъ мѣстахъ существуютъ де тренія между національностями русской и татарской и что татарское населеніе повсюду голодаетъ и терпитъ нужду, и что, поэтому, молъ, администрація принимаетъ свои необходимыя мѣры.

Русскій Національный Совѣтъ, мало довѣряя разслѣдованію, которое было бы произведено при участіи однихъ Азербайджанцевъ, настояло на томъ, чтобы въ этихъ разслѣдованіяхъ принимали участіе и оффиціально командированные Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ его представители.

И разслѣдованія эти воочію подтвердили не только справедливость всѣхъ жалобъ, но и выяснили, что съ очевиднаго благословенія Азербайджанскаго правительства принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы заставить коренное русское населеніе подняться съ насиженныхъ мѣстъ, политыхъ кровью и потомъ отцовъ и дѣдовъ, и уйти вовсе изъ Азербайджана. Подъ предлогомъ того, что всѣ татарскія селенія и кочевки были разорены въ предшествовавшій періодъ гражданской войны (во время владычества въ Баку большевиковъ) и что у татарскаго населенія не осталось ни хлѣба, ни обиталищъ, татары, съ вѣдома администраціи, занимали русскія деревни, грабили русское населеніе и т. д. Русское населеніе было доведено до послѣдней степени отчаянія, ибо въ результатѣ жалобъ жалобщики подвергались лишенію свободы, истязаніямъ, побоямъ и были случаи (зарегистрированные), когда жалобщики и безслѣдно исчезали.

Результаты разслѣдованій, произведенныхъ смѣшанными комиссіями изъ англичанъ, татаръ и представителей Русскаго Національнаго Совѣта были доложены ген. Томсону, но ни къ какимъ особеннымъ результатамъ не привели. Повидимому, Азербайджанцамъ было кое-что поставлено на видъ и на первое время наступило нѣкоторое затишье.

Зная хорошо обстановку на мѣстахъ и учитывая общій политическій сдвигъ налѣво и нѣкоторую повышенность въ обостреніи и самаго національнаго чувства, Совѣтъ черезъ свои мѣстные органы рекомендовалъ русскому сельскому населенію большую сдержанность въ сосѣдскихъ и межнаціональныхъ отношеніяхъ, рекомендуя улаживать недоразумѣнія путемъ сговора съ татарами тѣмъ болѣе, что русское сельское населеніе въ Азербайджанѣ поголовно говоритъ по татарски.

Все же столкновенія продолжались, и не по винѣ русскаго населенія, и во многихъ мѣстахъ началась тяга на сѣверъ, въ Россію.

То же самое явленіе наблюдалось и въ Грузіи и въ Эриванской губерніи по доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ. Вездѣ, однимъ словомъ, въ Закавказьи, гдѣ національный шовинизмъ толкалъ народныя массы на исключительное предпочтеніе интересовъ господствующей національности, объявившей себя державной. результаты получались одни и тѣ же.

Ближайшее уже будущее повсюду доказало, что отдѣлившіяся, порвавшія свою связь съ Россіей, Кавказскія окраины безъ Россіи, безъ ея языка и ея культуры жить не могутъ и что все ихъ государственное дѣланіе на самомъ дѣлѣ ничего серіознаго не представляетъ и подлинный народъ отъ всей этой политики и игры въ государственность только страдаетъ.

Въ связи съ тенденціей къ національзаціи, правительство Азербайджана, никѣмъ къ тому времени не признанное еще даже de facto, поторопилось изданіемъ «закона о подданствѣ». Законъ этотъ, какъ и все, впрочемъ, въ этой странѣ, былъ крайне неудачнымъ и по существу и по формѣ. И хотя я былъ въ нашемъ Совѣтѣ докладчикомъ по поводу этого закона о подданствѣ, но сути его сейчасъ не помню.

Русскій Національный Совѣтъ не только подвергъ законъ жесточайшей критикѣ, но и призывалъ русское населеніе закону этому не подчиняться. Кажется, и сверху отъ союзниковъ были тоже даны соотвѣтствующія указанія и, въ концѣ концовъ, законъ этотъ былъ положенъ подъ сукно.

Намъ приходилось не разъ въ частной бесѣдѣ затрогивать вопросъ о томъ, къ чему, въ сущности, приведетъ политика авантюризма самый Азербайджанъ. Бесѣдовать приходилось и съ людьми, политику эту именно дѣлавшими и проводившими. Приходилось указывать на то, главное, что у Азербайджана нѣтъ положительно никакой культуры: нѣтъ науки и ученыхъ, нѣтъ искусства, нѣтъ знающихъ людей, нѣтъ спеціалистовъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи государственнаго навыка. И на все это приходилось слышать въ отвѣтъ: или, что ошибки могутъ быть вездѣ и что онѣ исправимы; или, что — чаще, что населеніе Азербайджана безъ россійской опеки скорѣе разовьется, а потому и нѣтъ надобности въ дальнѣйшей связи съ Россіей, которая если и будетъ возстановлена въ будущемъ, то на новыхъ началахъ.

XVIII

Лишь спустя двѣ-три недѣли послѣ прихода въ Баку союзниковъ, до насъ стали доходить болѣе или менѣе достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія о происходившемъ въ Россіи и въ частности, о вооруженной борьбѣ армій Деникина и Колчака съ большевиками.

Въ началѣ лѣта 1918 года нашъ Комитетъ партіи «Народной Свободы» сдѣлалъ попытку получить информацію относительно положенія въ Россіи и связаться съ Центральнымъ Комитетомъ партіи въ Москвѣ; одинъ изъ членовъ нашего комитета побывалъ по своимъ дѣламъ на Волгѣ и въ Москвѣ, но свидѣться ему съ кѣмъ либо изъ Членовъ Центральнаго Комитета не удалось; другой членъ Комитета, спеціально для этой цѣли командированный и вернувшійся обратно съ большимъ трудомъ, неоднократно рисковавшій жизнью во время этой экскурсіи, побывалъ въ Кіевѣ, Харьковѣ и Москвѣ и вернулся по Волгѣ черезъ Астрахань; онъ привезъ намъ далеко не утѣшительныя свѣдѣнія: о германской оріентаціи П. Н. Милюкова, о преслѣдованіяхъ ка-де въ Москвѣ, гдѣ члены нашей партіи и, въ особенности, Члены Центральнаго

Комитета вынуждены были уйти въ подполье, разсказалъ, что съ большими затрудненіями ему довелось повидаться кое съ кѣмъ въ Москвѣ, но попасть на засѣданіе Центральнаго Комитета не удалось, такъ какъ послѣднія происходили при условіяхъ полной конспиративности. Въ общемъ свѣдѣнія были далеко не утѣшительныя.

Наиболѣе полныя свѣдѣнія какъ объ отношеніи союзниковъ къ русскому вопросу, такъ и объ обстоятельствахъ борьбы съ большевиками Деникина и Колчака мы имѣли отъ нашего сочлена по Русскому Національному Совѣту, Ал. Адол. Осберга, русскаго по происхожденію, офицера французской службы. Отъ А. Осберга мы не только имѣли свѣдѣнія о самыхъ обстоятельствахъ борьбы Добровольческой Арміи и армій адмирала Колчака, но и о лозунгахъ этой борьбы. Къ этому-же времени относится и прибытіе въ Баку представителей адмирала Колчака (лейтенанта N.), Уральскаго казачьяго войска и генерала Толстова. Хотя, правда, всѣ эти свѣдѣнія не представлялись исчерпывающими, тѣмъ не менѣе для Русскаго Національнаго Совѣта стали выясняться и позиціи борющихся противъ большевиковъ силъ и ихъ національный лозунгъ.

Существованіе въ Баку отряда Л. Бичерахова и Прикаспійскаго Правительства и работа соціалистическихъ элементовъ, въ него входившихъ, поставили передъ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ на первую очередь вопросъ о принципахъ и методахъ нашей борьбы за русское дѣло и на окраинѣ и, въ частности, въ Азербайджанѣ.

Л. Бичераховъ, коего политическій авантюризмъ и желаніе сыграть во что бы то ни стало видную политическую роль, становились для насъ все яснѣе, вмѣстѣ со своимъ правительствомъ, состоявшимъ почти сплошь изъ соціалистовъ (эс-эровъ, какъ Сако Саакіанъ Мехралевъ, Наджаровъ и др.), въ томъ числѣ изъ многихъ армянъ, занимали для насъ позицію явно непріемлемую. Политика эта, провозглашавшая сохраненіе «завоеваній революціи» и дальнѣйшее ея углубленіе, высказывалась за самую широкую демократизацію управленія, упуская совершенно изъ виду, что борьба съ большевиками и большевизмомъ еще не закончена. Созванное Л. Бичераховымъ въ Баку Демократическое Совѣщаніе, превратившееся въ пустую соціалистическую говорильню, въ какой-то перманентный политическій митингъ, въ которомъ съ каждымъ днемъ все больше преобладали крайнія теченія и чувствовалось нароставшее вліяніе большевиковъ, опредѣленно насъ безпокоило. Въ работѣ этого совѣщанія совершенно не чувствовалось сознанія, что единственная задача момента — созданіе единаго противубольшевистскаго фронта. Большевики для этихъ господъ были все же соціалистами, а не, прежде всего, врагами Россіи, ея разрушителями. Опираясь на войсковыя части, въ большинствѣ состоявшія изъ армянъ, Прикаспійское правительство, состоявшее въ большинствѣ также изъ армянъ, прикрываясь лозунгами демократизма, на самомъ дѣлѣ добивалось реванша татарамъ за «сентябрьскую» рѣзню, хотя, понятно, открыто этого не высказывало.

Русскій Національный Совѣтъ не принималъ въ этомъ Совѣщаніи никакого участія и, если нѣкоторые изъ его членовъ бывали на его засѣданіяхъ съ цѣлью информаціи, то являлись туда лишь въ качествѣ представителей политическихъ партій и, главнымъ образомъ, ка-де. Л. Бичераховъ, преслѣдуя свою линію — сыграть яркую политическую роль въ будущихъ судьбахъ Россіи, добился производства его адмираломъ Колчакомъ въ генералы съ назначеніемъ его Главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ и на Каспіи. За этимъ

признаніемъ ѣздилъ въ Оренбургъ В. Ф. Минорскій (секретарь Миссіи нашей въ Тегеранѣ, откуда г. Минорскій сносился съ правительствомъ адмирала Колчака по прямому проводу. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? — неизвѣстно. Признаніемъ своей подчиненности генералу А. И. Деникину и вхожденіемъ отряда его въ составъ Добровольческой арміи Л. Бичераховъ, однако, не торопился.

Во второй половинѣ ноября Русскій Національный Совѣтъ поставилъ на очередь разрѣшеніе вопроса объ отношеніи своемъ къ борьбѣ за освободительное движеніе. Принятая Совѣтомъ, послѣ обсужденія этого вопроса въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, резолюція имѣла рѣшающее значеніе для всей его дѣятельности въ будущемъ, составивъ его политическую хартію, на другой же день опубликованную въ газетѣ «Единая Россія». Къ сожалѣнію, мнѣ приходится возстанавливать эту резолюцію лишь по памяти.

Въ основаніе ея положены были слѣдующіе принципы:

1) Единая, недѣлимая и Великая Россія въ территоріальныхъ предѣлахъ, существовавшихъ до войны 1914 года, исключая Польшу;

2) Созывъ Учредительнаго Собранія, Всероссійскаго, для установленія формы государственнаго устройства;

3) Широкая автономія (національно-культурная) окраинъ и тѣхъ отдѣльныхъ частей Россіи, гдѣ подобная автономія вызывается дѣйствительными потребностями народныхъ массъ, ихъ населяющихъ;

4) Борьба съ узурпаторами власти — большевиками; и

5) Сотрудничество въ этой борьбѣ со всѣми тѣми силами, которыя опредѣленно стремятся къ достиженію указанныхъ выше задачъ.

Для Л. Бичерахова и его Прикаспійскаго Правительства стало очевиднымъ, что намъ съ ними не по пути и между ними и Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ началось опредѣленное расхожденіе.

Не сумѣю сказать навѣрное, но полагаю, что принятая Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ, приведенная выше резолюція, оказала опредѣленное воздѣйствіе и на генерала Томсона и на союзниковъ, главнымъ образомъ англичанъ.

Существованіе въ Баку одновременно съ властью Азербайджанскаго Правительства и оккупаціонною властью союзниковъ еще какой-то (правда, весьма эфемерной) третьей власти — Л. Бичерахова и его правительства и, въ особенности, нахожденіе въ Баку значительной вооруженной силы — арміи и флота — признававшей авторитетъ лишь одного Л. Бичерахова, представляло для ген. Томсона и его штаба рядъ неудобствъ и даже явную опасность, ибо англійскихъ войскъ въ Баку на самомъ дѣлѣ для какихъ либо серьезныхъ дѣйствій было совершенно недостаточно. Кромѣ того, дисциплина и въ арміи, и во флотѣ, подчиненныхъ Л. Бичерахову, почти отсутствовала и, въ сущности, все подчиненіе ихъ Л. Бичерахову, строилось на опредѣленномъ потаканіи разнузданнымъ инстинктамъ этой орды ландскнехтовъ. Во главѣ флота стоялъ уже упомянутый выше сотникъ Воскресенскій, теперь произведенный Л. Бичераховымъ въ полковники. Этотъ Воскресенскій былъ типичный авантюристъ; до войны онъ состоялъ на службѣ въ полиціи и одно время занималъ должность помощника полицейскаго пристава на промысловой площади около Баку; попавъ во время войны въ отрядъ Л. Бичерахова, дѣйствовавшій на Мессопотамскомъ фронтѣ вмѣстѣ съ англичанами противъ турокъ, Воскресенскій сталъ близкимъ къ Л. Бичерахову человѣкомъ. Пьяный съ утра до вечера, не безъ хитрости и сметки, Воскресенскій умѣлъ подлаживаться къ людямъ и

умѣлъ влiять на массы, потакая ихъ самымъ низменнымъ инстинктамъ. Все влiянiе его во флотѣ было построено на томъ, что онъ приблизилъ къ своей особѣ человѣкъ 25—30 изъ числа матросовъ и офицеровъ, изъ числа тѣхъ, 50, которые могли дѣйствовать и влiять на массы матросовъ и прочихъ служащихъ флота, людей рѣшительныхъ; всѣ эти люди имѣли къ Воскресенскому невозбранный входъ въ любое время и проводили почти все свое время въ безконечныхъ пьяныхъ оргiяхъ съ Воскресенскимъ.

Основной отрядъ Л. Бичерахова, состоявшiй изъ Кубанскихъ и Терскихъ казачьихъ частей, во время Великой войны состоялъ на полномъ иждивенiи и содержанiи англичанъ, платившихъ также и жалованiе, какъ нижнимъ чинамъ, такъ и командному составу, выдавая на этотъ предметъ Л. Бичерахову значительныя суммы англiйскимъ золотомъ.

Рѣшивъ ликвидировать Л. Бичерахова и его отрядъ, ген. Томсонъ заявилъ Л. Бичерахову, что англiйское правительство закрыло кредиты на содержанiе его и его отряда. Мѣра эта вызвала ропотъ въ армiи и флотѣ Л. Бичерахова, и англичане, опасаясь, что это можетъ привести къ какимъ либо нежелательнымъ послѣдствiямъ, рѣшились на крайнюю мѣру — рѣшили ликвидировать самого Л. Бичерахова. Ему предложено было сдать командованiе и выѣхать изъ Баку, причемъ для того, чтобы позолотить пилюлю и устранить причины къ агитацiи, Л. Бичерахову, еще во время войны произведенному Англiйскимъ Королемъ Георгомъ V въ генералы англiйской службы и награжденному высшими боевыми англiйскими орденами, было объявлено, что онъ имѣетъ отправиться въ Лондонъ, для представленiя Англiйскому Королю.

Л. Бичераховъ, имѣвшiй на рукахъ весьма большiя суммы, передъ своимъ отъѣздомъ созвалъ особую комиссiю, которой онъ и поручилъ распредѣлить тѣ суммы, которыя Л. Бичераховъ ассигновалъ на русскiя общественныя и политическiя дѣла. Суммы эти были предназначены, между прочимъ, на русскую печать, на воспитанiе и образованiе русскихъ дѣтей, Центродому, Русскому Нацiональному Совѣту, Армянскому Нацiональному Совѣту и т. д. Суммы были довольно значительныя, въ общемъ на нѣсколько миллiоновъ рублей, что по тогдашнему курсу составляло сумму весьма значительную. Не забыли себя при распредѣленiи этихъ суммъ соцiалисты, отваливъ себѣ самые большiе куши, какъ на свою печать, такъ и персонально для политическихъ цѣлей.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Л. Бичерахову былъ поданъ англичанами экстренный поѣздъ, и подъ ихъ охраной онъ былъ увезенъ въ Тифлисъ и дальше на Батумъ.

Командующимъ Кавказской армiей былъ назначенъ ген. А. И. Деникинымъ генералъ М. А. Пржевальскiй, герой Сарыкамыша и Эрзерума.

Съ отъѣздомъ Л. Бичерахова роль Прикаспiйскаго правительства и демократическаго совѣщанiя сошли на нѣтъ.

Остались на лицо: съ одной стороны, Русскiй Нацiональный Совѣтъ, стоявшiй на чисто государственной россiйской точкѣ зрѣнiя, и, съ другой, соцiалисты съ очевиднымъ уклономъ влѣво.

XIX

Вскорѣ послѣ отъѣзда Л. Бичерахова прибыли въ Баку ген. М. А. Пржевальскiй съ начальникомъ его штаба ген. Г. Н. Лазаревымъ (тѣмъ самымъ,

который въ началѣ лѣта 1918 года наступалъ со стороны Дагестана противъ большевиковъ, бывшихъ въ Баку) и ген. отъ кавалеріи Ив. Георг. Эрдели, назначенный Главнокомандующимъ Добровольческой арміи А. И. Деникинымъ состоять при союзникахъ на Кавказѣ въ качествѣ его Главноуполномоченнаго; при послѣднемъ состоялъ въ качествѣ военнаго агента отъ Добровольческой арміи полк. М. П. Лазаревъ (несмотря на сходство въ отчествѣ, не родственникъ ген. Лазарева).

Кто изъ нихъ пріѣхалъ раньше — Эрдели или Пржевальскій — не помню.

Съ перваго же свиданія членовъ Президіума Русскаго Національнаго Совѣта, какъ съ Эрдели, такъ и съ Пржевальскимъ, у насъ создалась съ ними самая тѣснѣйшая связь.

Одною изъ главныхъ задачъ, порученныхъ ген. Эрдели, было принятіе всѣхъ мѣръ къ мобилизаціи всѣхъ военныхъ матеріальныхъ средствъ, принадлежавшихъ бывшей русской арміи и находившихся въ Закавказьи, и наравнѣ съ этимъ и мобилизація русскаго офицерства и годнаго для борьбы съ большевиками людскою матеріала.

Русскій Національный Совѣтъ, въ полномъ соотвѣтствіи со своей программой, пришелъ широко на помощь ген. Эрдели, предоставивъ послѣднему въ распоряженіе какъ самого себя, такъ и свои органы (въ томъ числѣ и газету) и во многихъ случаяхъ и денежныя средства, какъ заимообразно, такъ и безвозвратно.

Изъ ближайшихъ бесѣдъ съ ген. Эрдели выяснилось, что Русскій Національный Совѣтъ стоитъ во многомъ весьма близко къ той политической платформѣ, на которой стоитъ и Добровольческая армія и ген. Деникинъ.

Выяснивъ себѣ цѣли и задачи, а также дѣятельность Русскаго Національнаго Совѣта, ген. Эрдели отнесся совершенно отрицательно къ дѣятельности Славяно-Русскаго Общества, въ дальнѣйшемъ совершенно отмежевался отъ нихъ и пересталъ принимать ихъ представителей.

Вскорѣ было получено на имя Русскаго Національнаго Совѣта привѣтствіе отъ ген. Деникина, сообщавшаго, что онъ вполнѣ одобряетъ нашу національную позицію въ дѣлѣ защиты русской идеи и русскихъ интересовъ на окраинѣ.

Одна изъ труднѣйшихъ задачъ, стоявшихъ передъ ген. Эрдели, заключалась въ ликвидаціи Бичераховскаго отряда и его флота.

Къ этому именно времени въ Баку были уже получены свѣдѣнія о совершенномъ разгромѣ Добровольческой арміей на Сѣверномъ Кавказѣ XI-ой и XII-ой большевистскихъ армій и о совершенномъ очищеніи Сѣвернаго Кавказа отъ большевиковъ, остатки которыхъ отходили на Царицынъ и Астрахань, о занятіи Минеральныхъ Водъ, Грознаго и Петровска, который становился морской базой Добровольческаго флота, созданіе котораго было уже начато.

Воинскія части отряда Бичерахова были распущены и начата была правильная мобилизація новыхъ воинскихъ частей, которыя должны были составить Петровскій отрядъ Добровольческой арміи, подъ командованіемъ генерала Пржевальскаго.

Операція эта, производившаяся на глазахъ у англійскаго командованія, прошла въ общемъ безболѣзненно; англичане настаивали лишь на томъ, чтобы части эти не задерживались въ Баку и немедленно отправлялись дальше.

Дѣло не обходилось все же безъ треній съ союзниками, и я помню, какъ въ одинъ прекрасный день англичанами былъ отданъ приказъ о немедленномъ выводѣ изъ Баку всѣхъ вооруженныхъ частей.

Отсутствіе искренности въ отношеніяхъ англичанъ къ Россіи и, въ частности, къ Деникину и Добровольческой арміи, кромѣ ихъ всегда и во всемъ двойственной политики, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у насъ въ Закавказьи, и въ частности и въ Баку, политика эта дѣлалась англійскими военными людьми, прошедшими свою службу въ колоніяхъ и, въ особенности, въ Индіи, гдѣ ненависть къ русскимъ и убѣжденіе въ грозящей Индіи со стороны Россіи опасности, были основой дѣятельности ген. Томсона, и полковники Стоксъ и Шатлевортъ были яркими представителями людей этой именно школы. Противуположность имъ составлялъ полк. Раулинсонъ (прекрасно говорившій по-русски), находившійся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и всячески облегчавшій задачи Добровольческой Арміи въ весьма трудныхъ сношеніяхъ ея съ существовавшимъ тогда Горскимъ правительствомъ, имѣвшимъ резиденцію въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Какъ-никакъ, все же задачи по ликвидаціи Бичераховскаго отряда и по проведенію новой мобилизаціи были осуществлены. Удалось спасти для дѣла борьбы съ большевиками и часть матеріальной части, то-есть военскаго снаряженія и обмундированія.

Значительно труднѣе представлялся вопросъ о ликвидаціи Бичераховскаго флота, во главѣ котораго стоялъ попрежнему Воскресенскій. Ликвидація флота представляла ту опасность, что суда были вооружены и артиллеріей, и пулеметами; слѣдовательно, окажи флотъ противодѣйствіе, дѣло неминуемо должно было закончиться вооруженнымъ столкновеніемъ.

Генералъ Томсонъ, учитывая все это, предложилъ генералу Эрдели самому разоружить суда и ликвидировать флотъ. Но ген. Эрдели категорически отклонилъ какое бы то ни было участіе какъ свое, такъ и какихъ бы то ни было русскихъ военныхъ силъ и русскаго командованія во всемъ этомъ дѣлѣ, понимая, что весь одіумъ этого дѣла долженъ былъ отразиться на престижѣ русскаго имени и лишить Добровольческую армію явныхъ симпатій значительнаго большинства русскаго населенія.

И англичане вынуждены были сами разоружить суда и ликвидировать флотилію. Подробностей уже не помню, но только ночью команды со всѣхъ судовъ, подъ угрозою открытія по нимъ огня изъ орудій и пулеметовъ, были англичанами сняты и на всѣхъ судахъ была поставлена англійская охрана.

По требованію ген. Эрдели всѣ суда, входившія въ составъ флота, были отведены англичанами въ Петровскъ, сданы Добровольческой арміи и на нихъ, наконецъ, былъ поднятъ русскій, андреевскій флагъ.

Около этого времени прибылъ изъ Красноводска военный представитель Закаспійскаго Правительства В. Ф. Гнѣсинъ (капитанъ) съ докладомъ къ генералу Эрдели о положеніи на Закаспійскомъ фронтѣ, куда ген. Эрдели вскорѣ и выѣхалъ въ сопровожденіи ген. Лазарева, получившаго впослѣдствіи назначеніе на должность начальника штаба этого фронта. Ген. Эрдели пробылъ въ Закаспіи около 2-хъ недѣль и вернулся оттуда съ опредѣленнымъ выводомъ о томъ, что поддержать этотъ фронтъ необходимо во что бы то ни стало, такъ какъ съ потерей Закаспійскаго края и Красноводска создавалась угроза со стороны большевиковъ всему Кавказу и, слѣдовательно, Добровольческой арміи при дальнѣйшемъ наступленіи ея на сѣверъ. Большевики, имѣя въ Астрахани и въ устьяхъ Волги флотъ, въ случаѣ занятія Красноводска легко могли производить какія угодно переброски войскъ и рискнуть даже на операціи въ тылу Добровольческой арміи на Кавказѣ.

Изъ многочисленныхъ нашихъ бесѣдъ съ ген. Эрдели выяснилось, что миссія его въ Закавказьи имѣла главною цѣлью — собираніе русской антибольшевистской силы и всѣхъ тѣхъ огромныхъ военныхъ запасовъ и вооруженія, которые принадлежали россійской арміи. Часть этого боевого инвентаря находилась на бывшемъ Персидскомъ фронтѣ, часть въ Баку, но самая значительная часть въ предѣлахъ Грузіи и, въ особенности, въ Тифлисѣ; о спасеніи этой послѣдней и, несомнѣнно, главной части, нечего было и думать, ибо всѣмъ этимъ успѣли уже завладѣть еще Закавказскій Сеймъ, а затѣмъ Грузія, основавшая всю свою финансовую систему на распродажѣ доставшагося ей русскаго государственнаго имущества.

Генераломъ Эрдели были приняты мѣры и къ выясненію военнаго положенія на Мугани, откуда разсчитывали, если удастся, вывести какъ можно болѣе кадровыхъ солдатъ. Мысль эту, однако, пришлось оставить, ибо, во-первыхъ, населеніе Мугани, опасаясь за свою судьбу въ будущемъ, не хотѣло отпускать никого изъ тѣхъ, на помощь которыхъ естественно могло разсчитывать при возможныхъ въ будущемъ столкновеніяхъ, и, во-вторыхъ, намѣчавшаяся еще при посѣщеніи Мугани М. Подшибякинымъ (см. гл. XIV) большевистская пропаганда развивалась чѣмъ дальше, тѣмъ больше; приходилось быть поэтому на-сторожѣ при вербовкѣ укомплектованій съ Мугани.

Въ этихъ бесѣдахъ нашихъ (членовъ Русскаго Національнаго Совѣта) съ ген. Эрдели приходилось касаться и вопроса о дальнѣйшихъ перспективахъ въ борьбѣ съ большевиками. Ген. Эрдели совѣтовалъ не увлекаться тѣмъ, что Добровольческая армія одерживаетъ сейчасъ побѣды надъ большевиками; военное счастье — вещь капризная, въ особенности же въ войнѣ гражданской; ген. Эрдели тревожила и перспектива ряда грядущихъ бунтовъ по всему широкому пространству Россіи; по его словамъ, ихъ будетъ еще сколько угодно, пока удастся окончательно успокоить страну, даже уже освобожденную отъ власти большевиковъ; страна и ея населеніе отвыкли отъ власти, отъ порядка (это говорилось еще въ началѣ 1919 года), все развращено, отвыкло отъ работы и для успокоенія страны нужна будетъ желѣзная дисциплина въ теченіе ряда лѣтъ; страна разорена и войной, и смутой, и надъ ней уже виситъ призракъ голода; та власть, которая придетъ на смѣну большевикамъ, должна будетъ дать не только миръ и порядокъ, но и хлѣбъ. Предстоитъ долгая, возможно, что въ теченіе ряда лѣтъ, борьба за установленіе порядка въ странѣ, при наличности котораго только и возможенъ будетъ созывъ Учредительнаго Собранія. Но, и вслушиваясь въ эти грозныя предсказанія, все же хотѣлось намъ, русскимъ людямъ, вѣрить въ то, что мы уже на правильномъ историческомъ пути и что мы идемъ къ освобожденію, подлинному и прочному, нашей Родины отъ того навожденія, которое внесено въ нее интернаціональными разбойниками.

Настроеніе, созданное послѣдними побѣдами Добровольческой арміи надъ большевиками, та работа, которая производилась на нашихъ глазахъ по собиранію русской національной силы — все это еще болѣе поднимало жажду дѣятельности Русскаго Національнаго Совѣта. Тотъ контактъ, который создавался все тѣснѣе между нами, представителями русской національной мысли на окраинѣ и тѣмъ національнымъ движеніемъ, которое возглавлялось Добровольческой арміей и ея вождями, давалъ еще большій смыслъ нашей работѣ, побуждая насъ, не останавливаться ни передъ какою работою, такъ или иначе

имѣвшей отношеніе къ достиженію нашей конечной цѣли — освобожденію Родины отъ насильниковъ.

Помѣщеніе Совѣта было постоянно полно: здѣсь можно было встрѣтить офицеровъ, ѣдущихъ на тотъ или другой фронтъ; или же офицеровъ, наводящихъ у насъ ту или другую справку; матросовъ и нижнихъ чиновъ, которымъ мы устраивали безплатные проѣзды и выдавали пособія на дорогу; всякихъ доброжелателей нашихъ, считавшихъ своимъ долгомъ обязательно доставить намъ ту или другую информацію; курьеровъ, привозившихъ срочныя свѣдѣнія съ разныхъ концовъ антибольшевистскаго боевого фронта. Попадали къ намъ иногда и большевики, но какъ то всегда, при разспросахъ, удавалось выяснить физіономію подобнаго субъекта, и господа эти уходили, иногда даже и не скрывая, кто они такіе.

Газета «Единая Россія», имѣвшая богатый информаціонный матеріалъ какъ по вопросамъ Кавказской жизни, такъ и въ отношеніи того, что происходитъ на фронтахъ борьбы съ большевиками, пріобрѣтала все большее значеніе и не только въ Баку, но и далеко за его предѣлами и, въ томъ числѣ, и въ самой Добровольческой арміи.

Необходимо отмѣтить также и то, что газета «Единая Россія» и высказываемые ею взгляды имѣли опредѣленное вліяніе и на нѣкоторые татарскіе круги.

Среди группы татаръ, именовавшихъ себя «безпартійными», были лица, которыя въ совершенно частныхъ бесѣдахъ при встрѣчахъ съ нѣкоторыми изъ членовъ Русскаго Національнаго Совѣта поднимали вопросы о томъ, — каковы цѣли Добровольческой арміи, какую позицію вожди ея займутъ, въ случаѣ успѣха въ борьбѣ съ большевиками, по отношенію къ окраинамъ и инородцамъ, и т. д. Явно проглядывалъ интересъ къ созданію какого либо общаго языка съ Россіей будущаго и съ русскими.

Для того, чтобы яснѣе себѣ представить, что именно представляла собою эта группа татаръ и каковы были ея стремленія, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: независимость Азербайджана была провозглашена въ концѣ апрѣля 1918 года въ городѣ Елизаветполѣ; тамъ же было создано и избрано Правительство республики. При этомъ Бакинцы, въ то время находившіеся въ изгнаніи послѣ «мартовскихъ» дней, составляли меньшинство; Елизаветпольцы не только подавляли ихъ численно, но и были у себя дома; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство и въ Правительствѣ республики и въ составѣ высшей администраціи составляли Елизаветпольцы и вообще уроженцы этой губерніи.

И, когда Азербайджанское правительство послѣ взятія Баку обосновалось въ Баку, то коренные Бакинцы были явно недовольны такимъ оборотомъ вещей. Если среди Елизаветпольцевъ видную роль играли по большей части беки и ханы, иначе говоря дворянство, то въ Баку, торговомъ и промышленномъ центрѣ, имѣющемъ міровое значеніе, наиболѣе вліятельными среди татаръ являлись представители капитала и промышленности, буржуазія, а также и интеллигенція, вообще среди татаръ очень немногочисленная.

Бакинцы оказались въ большинствѣ, за рѣдкими исключеніями, совершенно не у дѣла. Имъ, Бакинцамъ, привыкшимъ смотрѣть на всѣхъ остальныхъ татаръ Закавказья, какъ на людей, въ матеріальномъ отношеніи стоящихъ далеко ниже ихъ и даже во многихъ случаяхъ отъ нихъ, бакинцевъ, зависимыхъ, было нестерпимо видѣть, что и властью, и почетомъ пользуются не они,

а другіе, къ тому же пришельцы въ ихъ родномъ городѣ. Это недовольство среди бакинцевъ росло все сильнѣе и скоро вылилось въ форму опредѣленнаго политическаго сговора — создалась партія.

Партія эта прекрасно понимала, что назваться ей попросту «бакинцами» — неудобно, а потому эта партія, опредѣленно заявлявшая, что она не раздѣляетъ ни одной изъ программъ существующихъ мусульманскихъ партій (Муссаватъ, Иттихадъ и Гюмметъ), назвала себя группой «безпартійныхъ», утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что она держится либерально-прогрессивныхъ взглядовъ.

Лица, входившія въ эту группу, являлись лицами весьма вліятельными въ Баку, такъ какъ, происходя изъ уроженцевъ или самаго Баку, или ближайшихъ къ нему селеній, они имѣли значительное родство и массу зависимыхъ отъ нихъ лицъ, что вмѣстѣ съ ихъ богатствомъ, придавало имъ вѣсъ и значеніе и въ глазахъ самого Азербайджанскаго правительства.

Съ этой именно группой лицъ и возникли упомянутые выше разговоры, которые вскорѣ привели Русскій Національный Совѣтъ къ мысли о томъ, что можно было бы попробовать наладить какую-нибудь связь съ «безпартійными» въ дальнѣйшей борьбѣ противъ большевиковъ.

Среди этой группы лидеръ ея Г. М., человѣкъ, хотя и не получившій никакого образованія, но выдающагося ума и рѣдкихъ способностей, высказалъ желаніе, познакомиться въ частной обстановкѣ съ представителями Добровольческой арміи и побесѣдовать съ ними.

Г. М. пригласилъ къ себѣ на ужинъ президіумъ Русскаго Національнаго Совѣта и генераловъ Эрдели и Лазарева; присутствовало человѣкъ до 25-ти татаръ изъ числа наиболѣе вліятельныхъ.

Какъ до ужина, такъ и послѣ ужина, происходила оживленная бесѣда, въ которой ген. Эрдели удалось вполнѣ исчерпывающе выяснить задачи, преслѣдуемыя Добровольческой арміей, ставящей себѣ первой цѣлью уничтоженіе власти большевиковъ, и послѣдующей — предоставленіе всему русскому народу, въ составѣ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, разрѣшить во Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи вопросъ о формѣ государственнаго устройства и о власти.

Встрѣча ген. Эрдели съ группой «безпартійныхъ» татаръ, хотя и не имѣла непосредственныхъ реальныхъ результатовъ, но повидимому все же произвела опредѣленное впечатлѣніе, ибо впослѣдствіи въ разговорахъ со многими лицами изъ этой группы приходилось констатировать, что эта группа, учитывая и слабость государственной организаціи Азербайджана, бездарность стоящаго во главѣ ея правительства, растущую агитацію большевизма и конечныя послѣдствія всей совокупности этихъ обстоятельствъ, ищетъ путей къ тому, чтобы опереться на какую-нибудь другую власть, представляющую болѣе гарантій уцѣлѣть отъ несомнѣнно надвигавшагося большевизма.

XX

Въ февралѣ 1919 года прибылъ къ намъ въ Закавказье и, въ частности, въ Баку, докторъ (фамиліи его не помню), членъ Учредительнаго Собранія, делегированный къ намъ «Юго-Восточнымъ Бюро Членовъ Учредительнаго Собранія». Господинъ этотъ, рекомендовавшій себя правымъ эс-эромъ, прочелъ свой докладъ у насъ въ Русскомъ Національномъ Совѣтѣ, въ Комитетѣ

партіи Народной Свободы и еще въ нѣсколькихъ организаціяхъ. Ни у насъ, въ Совѣтѣ, ни у кадетъ, онъ никакого успѣха не имѣлъ, такъ какъ въ сущности ничего новаго къ программѣ Уфимскаго правительства онъ не прибавилъ, а аргументы его не гармонировали съ тѣмъ несомнѣнно національнымъ, русскимъ настроеніемъ, которымъ проникнуты были мы. На очередь выдвигалась, прежде всего, защита «завоеваній революціи», тогда, какъ нашимъ лозунгомъ было — спасеніе Родины отъ большевиковъ и доведеніе страны до выборовъ въ новое Учредительное Собраніе. Несомнѣнный успѣхъ онъ имѣлъ только въ нѣкоторыхъ кругахъ, примыкавшихъ къ пресловутому «Демократическому Совѣщанію» (Бичераховскому); пробылъ онъ въ Баку недолго и уѣхалъ въ Тифлисъ.

Изъ Тифлиса и вообще изъ Грузіи до насъ доходили очень печальныя вѣсти о положеніи тамъ русскаго дѣла и русскихъ людей.

Національзація всего строя, всѣхъ учрежденій, всего управленія производились съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ нашемъ Азербайджанѣ, что объясняется, конечно, тѣмъ главнымъ образомъ, что грузины въ общей массѣ гораздо болѣе культурны, чѣмъ татары: грамотность стоитъ у нихъ очень высоко, образованныхъ людей достаточно, благодаря чему и явилась возможность въ дѣйствительности осуществить національзацію управленія во многихъ его отрасляхъ. Былъ изданъ также и законъ о подданствѣ, правда тоже очень неудачный, подвергшійся въ концѣ концовъ столь рѣзкой критикѣ со стороны русскихъ круговъ, что Правительство Гегечкори вынуждено было взять этотъ законъ обратно. Русскіе служащіе и чиновники повсюду увольнялись за незнаніемъ грузинскаго языка; русскимъ на каждомъ шагу чинились всякія препятствія; шло повальное преслѣдованіе русскаго офицерства, котораго въ Грузіи было не мало (около 15.000 человѣкъ, а можетъ быть и больше), ибо въ былое время въ Тифлисѣ помѣщались всѣ штабы Кавказской арміи, всѣ центральныя военныя учрежденія и т. д.

Всего труднѣе давалась Грузинскому Правительству національзація суда и судебныхъ учрежденій; учрежденія на самомъ дѣлѣ остались тѣ же, что были и при Россійскомъ правительствѣ, но не было ни своего законодательства, ни подготовленнаго кадра судебныхъ дѣятелей; пришлось остаться при Россійскихъ законахъ, которые нельзя же было сразу перевести на грузинскій языкъ; пришлось пригласить, ввиду недостаточнаго числа своихъ, на службу рядъ русскихъ судебныхъ дѣятелей; и, наконецъ, наряду съ грузинскимъ, пришлось въ судопроизводствѣ допустить и русскій языкъ.

Свободной русской, національной прессы не было. Наша газета «Единая Россія», имѣвшая большой спросъ въ Тифлисѣ, отбиралась у разносчиковъ на улицахъ и продажа и распространеніе ея Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ были воспрещены, что, однако, все же не могло намъ помѣшать наладить доставку нашей газеты въ Тифлисъ друзьямъ и черезъ нихъ широкое ея распространеніе. Газета «Единая Россія», чутко слѣдившая за судьбами русскаго дѣла и русскихъ гражданъ, оставшихся въ Грузіи, была бѣльмомъ на глазу для шовинистическаго грузинскаго правительства. Нашлись среди русскихъ нѣсколько ренегатовъ, которые продали свое перо для борьбы противъ Россіи и всего русскаго. Въ числѣ этихъ господъ на первомъ мѣстѣ стоялъ публицистъ изъ «Новаго Времени» В. П. Опочининъ. Въ своихъ статьяхъ въ издававшихся въ Тифлисѣ на русскомъ языкѣ соціалистическихъ газетахъ (названій, къ сожалѣнію, не помню) господинъ этотъ доходилъ до такого ци-

низма въ оцѣнкѣ прежней политики Россіи въ отношеніи окраинъ (Закавказья), въ огульномъ отрицаніи даже культурнаго вліянія Россіи и ея интеллигенціи, въ клеветѣ и измышленіяхъ на происходившее въ это время освободительное движеніе противъ тираніи большевиковъ, что приходилось только изумляться, какъ могъ русскій человѣкъ такъ забыть, что онъ прежде всего — русскій.

И въ Тифлисѣ, какъ и у насъ въ Баку, безправное положеніе русскаго населенія вызвало къ жизни учрежденіе, аналогичное нашему и носившее тоже названіе — Русскій Національный Совѣтъ (Тифлисскій).

Какъ видно изъ изложеннаго выше, въ Баку Русскій Національный Совѣтъ зародился совершенно независимо и самостоятельно и при обстоятельствахъ, когда Баку уже въ теченіе болѣе полугода (февраль—сентябрь 1918 года) не имѣлъ никакой связи съ Тифлисомъ. Повидимому, Тифлисскій Совѣтъ создался раньше (въ началѣ 1918 года), но о дѣятельности его намъ положительно ничего не было извѣстно; первыя о немъ свѣдѣнія были получены нами въ декабрѣ 1918 года отъ Ю. Ф. Семенова*, пріѣхавшаго тогда по нашему приглашенію для переговоровъ по вопросу о редактированіи имъ нашей газеты «Единая Россія».

Насколько помнится, Тифлисскій Русскій Національный Совѣтъ былъ организованъ путемъ сговора политическихъ партій, причемъ вошли въ него представители соціалистовъ (с.-д. и с.-р.) и кадетовъ; послѣднихъ въ Совѣтѣ было нѣсколько меньше, но удѣльный ихъ вѣсъ былъ значительнѣе. Имѣя въ виду, что Совѣтъ дѣйствовалъ въ государствѣ, гдѣ власть принадлежала соціалистамъ (с.-д. меньшевикамъ), сдвигъ Совѣта влѣво и отсутствіе въ немъ той національной сущности, которой отличался нашъ Русскій Національный Совѣтъ (въ Баку), были очевидны.

Территоріальное вліяніе Бакинскаго Совѣта было значительно большимъ, чѣмъ вліяніе Совѣта Тифлисскаго; такъ, напримѣръ, Елизаветпольскій отдѣлъ (Елизаветполь всего въ 3—4 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Тифлиса, тогда какъ отъ Баку въ 10—11 часахъ ѣзды) подчинялся Бакинскому, а не Тифлисскому Совѣту, не говоря уже объ остальныхъ, ближайшихъ къ Баку.

Въ составъ Совѣта въ Баку изъ соціалистовъ входило нѣсколько человѣкъ соц.-дем. (меньшевиковъ), делегированныхъ партіей. Весьма значительнымъ было участіе въ немъ представителей партіи «Народной Свободы», входившей, кромѣ того, и оффиціально въ составъ Совѣта въ лицѣ своихъ делегатовъ. И долженъ засвидѣтельствовать, что тѣ изъ соціалистовъ, которые состояли членами Бакинскаго Совѣта, совершенно отказывались отъ своей привычной узко-классовой позиціи и стояли на позиціи національной, патріотической.

Выходило на самомъ дѣлѣ, что въ двухъ сосѣднихъ, объявившихъ себя отдѣлившимися отъ Россіи государствахъ — въ Грузіи и въ Азербайджанѣ, Русскіе Національные Совѣты, органы русской національной идеи, ведутъ совершенно разную политику и по отношенію къ мѣстной правительственной власти, и по отношенію къ національнымъ задачамъ.

Въ то время, какъ нашъ Совѣтъ за все время его существованія не взялъ ни одной копѣйки на нужды русскихъ людей отъ правительства Азербайджана, Тифлисскій Совѣтъ неоднократно пользовался широкой денежной помощью Гру-

* Бывшій предсѣдатель Областного Комитета партіи Народной Свободы, Товарищъ Предсѣдателя Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта.

зинскаго правительства, что, конечно, не могло не отразиться на его самостоятельности.

Мы (Бакинскій Совѣтъ) всегда стояли за вооруженную борьбу съ большевиками и потому привѣтствовали зарожденіе и дальнѣйшее развитіе этой дѣйственной борьбы, въ лицѣ Добровольческой арміи; Тифлисскій Совѣтъ, если и не шелъ противъ арміи и ея командованія, то во всякомъ случаѣ не тяготѣлъ къ ней совершенно.

Одновременное существованіе двухъ Совѣтовъ, стоявшихъ на разныхъ платформахъ, представлялось во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ.

Мысль объ организаціи какого-то центральнаго органа, который долженъ былъ бы представить собою волю и настроеніе большинства русскаго населенія, еще оставшагося къ тому времени въ Закавказьи, затронута была и въ русской печати. Бакинскій Совѣтъ сознавалъ, что надобно что-то сдѣлать, на что-то рѣшиться, и все болѣе стала выясняться необходимость Краевого съѣзда делегатовъ отъ русскаго населенія всего Закавказья.

Кажется, въ началѣ марта къ намъ въ Баку прибыла делегація отъ Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта въ числѣ (помнится) пяти человѣкъ, изъ коихъ четверо были соціалисты и одинъ кадетъ; изъ числа соціалистовъ помню офицера Стрѣлковскаго и молоканина Кутукова (оба меньшевики), остальныхъ не помню. Делегаціей этой было предложено нашему Совѣту произвести не только перевыборы нашего Совѣта путемъ производства широкихъ выборовъ, но и произвести такіе же выборы на общій Съѣздъ.

Ни на одно изъ этихъ предложеній Бакинскій Совѣтъ не далъ согласія.

Какъ мы уже указывали выше, Бакинскій Совѣтъ, включавшій въ себя и представительство отъ всѣхъ политическихъ партій (кромѣ большевиковъ и эс-эровъ), ряда общественныхъ организацій (всѣ городскіе гласные, православныя и сектантскія общины), профессіональныхъ организацій, союзовъ и т. д., объединялъ на самомъ дѣлѣ наиболѣе значительную часть многочисленнаго русскаго населенія города Баку и его района (всего Азербайджана), настроеннаго національно-государственно. На критику принципа организаціи нашего Совѣта путемъ кооптаціи, раздававшуюся иногда со страницъ эс-эровскихъ и большевистскихъ русскихъ газетъ, издававшихся въ Баку, нашъ органъ «Единая Россія» — отъ имени Совѣта заявлялъ неизмѣнно, что всякая партія и организація, исключая большевиковъ, будутъ кооптированы Совѣтомъ, если заявятъ о томъ свое желаніе

Въ результатѣ ряда засѣданій нашего Совѣта совмѣстно съ делегатами Тифлисскаго Совѣта, мы пришли къ соглашенію, что Баку пошлетъ на Съѣздъ опредѣленное число делегатовъ какъ отъ самаго Совѣта, такъ и отъ политическихъ партій, общественныхъ и профессіональныхъ организацій; выборы же по Азербайджану среди русскаго населенія будутъ произведены лишь въ деревняхъ и селахъ. Кромѣ того, помнится, нашимъ Совѣтомъ была оказана весьма значительная денежная помощь Тифлисскому Совѣту.

Число делегатовъ отъ Баку, ввиду значительности русскаго его населенія, было весьма значительнымъ.

Съѣздъ этотъ нѣсколько разъ откладывался и, наконецъ, состоялся въ маѣ 1919 года, но объ этомъ Съѣздѣ будетъ сказано дальше.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Баку ген. Эрдели, выѣхалъ изъ Баку и ген. Томсонъ и большинство его штаба, ибо Союзное Командованіе на Кавказѣ по рѣшенію Антанты было сосредоточено въ Тифлисѣ.

Азербайджанское правительство, освободившееся отъ постоянной опеки (правда очень къ нему мягкой) Союзниковъ, распоясалось во-всю.

XXI

На мѣсто ушедшихъ изъ Баку англійскихъ войскъ въ него стали вступать новь сформированныя Азербайджанскія части; если не обманываетъ меня память, пришли въ Баку одинъ пѣхотный полкъ, двѣ конныя сотни и 4-хъ орудійная батарея. Войска эти, дефилировавшія по городу съ хоромъ музыки, производили довольно комичное впечатлѣніе: солдаты были разныхъ возрастовъ отъ мальчишекъ до глубокихъ стариковъ, плохо одѣтые и еще хуже обутые, безъ всякой военной выправки, они даже и шли не въ ногу; кавалерія на плохенькихъ, не убранныхъ лошадяхъ и также плохо одѣтая и не съѣзженная. Внѣшній видъ этихъ войскъ даже на татаръ производилъ крайне невыгодное впечатлѣніе.

Газеты были полны воинственныхъ выкриковъ, и тонъ ихъ былъ опредѣленно-шовинистическій и явно-угрожающій по адресу сосѣдей.

Къ тому же времени относится и прибытіе въ Баку представителей Горскаго Правительства Дагестана: Тапы Чермоева, Коцева, Ах. Цаликова, А. Кантеміра (Кантемирова) и др. Господа эти, сами себя выбравшіе и создавшіе государственную власть отъ имени не существовавшаго государства Горской республики и вынужденные, вслѣдствіе враждебнаго настроенія къ нимъ народныхъ массъ, покинуть предѣлы Дагестана и территорію Горскихъ народностей, вступили въ соглашеніе съ Правительствомъ Азербайджана, ведя опредѣленную агрессивную политику противъ Добровольческой арміи. Азербайджанское правительство выдавало имъ деньги и на агитацію, и на ихъ собственное существованіе, а Азербайджанскій Парламентъ ассигновалъ кредиты на созданіе Горскихъ добровольческихъ отрядовъ, которые должны были вступить въ борьбу съ арміями А. И. Деникина.

Намѣчавшаяся со стороны Азербайджана враждебность по отношенію къ задачамъ Добровольческаго командованія и склонность его къ включенію Дагестана въ свою орбиту и рождавшаяся отсюда опасность для ближайшаго къ Закавказью тыла Добровольческой арміи была парализована распоряженіями союзниковъ о томъ, что границей Азербайджана на сѣверѣ является рѣка Самуръ, за которой начиналась уже зона вліянія Добровольческой арміи и такимъ образомъ г. г. Дербентъ и Петровскъ-Дагестанскій со всей прибрежной полосой Каспійскаго моря отошли къ Добровольческой арміи, что для послѣдней составляло не маловажную услугу, такъ какъ Петровскъ являлся базой для возраждавшагося Добровольческаго флота, который долженъ былъ сыграть не послѣднюю роль въ дѣлѣ предполагавшагося обладѣнія Астраханью и въ борьбѣ съ большевиками.

Тотъ имперіализмъ, который является отличительной чертой внѣшней политики всѣхъ государственныхъ новообразованій, возникшихъ на пространствѣ бывшей могущественной Россіи, толкнувшій Грузію на овладѣніе Самурзаканью и Абхазіей съ г. г. Сухумомъ и Сочи, несмотря на то, что ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ народъ Грузіи не имѣлъ тамъ никакихъ интересовъ и грузины составляли тамъ лишь незначительное меньшинство, толкнулъ и Азербайджанъ на предъявленіе Грузіи требованія о включеніи въ территорію Азер-

байджана Закатальскаго округа, на который Азербайджанъ не имѣлъ положительно никакихъ правъ: Закатальскій округъ, расположенный на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта, населенный лезгинами, издавна въ административномъ отношеніи былъ присоединенъ къ Тифлисской губерніи, составляя тѣмъ не менѣе отдѣльную ея часть, находившуюся въ административномъ отношеніи въ подчиненіи Главнаго Кавказскаго военнаго командованія; такимъ образомъ, Закатальскій округъ не входилъ ни въ составъ Дагестана, ни въ составъ Грузіи; тѣмъ менѣе было основаній считать его частью никогда не существовавшаго исторически Азербайджана.

Притязанія Азербайджана на Закатальскій округъ покоились съ одной стороны, на томъ, что населеніе его составляли, главнымъ образомъ, мусульмане и, съ другой стороны, что это населеніе были лезгины, то-есть одна изъ народностей, населявшихъ Дагестанъ.

На примѣрѣ притязаній Азербайджана на Закатальскій округъ наглядно вырисовывается то вліяніе, которое играла Турція въ политикѣ Азербайджана. Турція опредѣленно толкала Азербайджанъ не только на полное отдѣленіе отъ Россіи, но и на выполненіе болѣе широкаго плана централизаціи всѣхъ окраинъ, населенныхъ мусульманами, въ одно государственное тѣло, обособленное отъ Россіи и союзное съ Турціей.

Притязанія Азербайджана на Закатальскій округъ привели къ обостренію отношеній съ Грузіей. Началась таможенная война, крайне тягостная для бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ Грузіи, вынужденной ввозить къ себѣ чуть ли не всѣ предметы первой необходимости и, въ первую голову, Бакинскую нефть и керосинъ, и хлѣбъ съ Сѣвернаго Кавказа, шедшій черезъ Баку.

Къ границамъ Грузіи начала стягиваться Азербайджанская армія. Газеты подняли ожесточенную травлю на все грузинское и со дня на день ожидался отъѣздъ изъ Баку грузинской миссіи. Война была неизбѣжна, и лишь вмѣшательство Союзниковъ этому помѣшало, и пылъ воинственно настроенныхъ Азербайджанцевъ былъ ими въ должной мѣрѣ охлажденъ.

Въ то же время внутреннія дѣла Азербайджана съ каждымъ днемъ шли все хуже и хуже.

Страшное взяточничество было развито во всѣхъ учрежденіяхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и центральныхъ правительственныхъ органовъ. За опредѣленную плату тому или другому всесильному чиновнику, вплоть до министра, можно было добиться всего, несмотря на тѣ или другія существовавшія запрещенія. Всякій дорвавшійся до власти, чувствуя опредѣленно всю эфемерность новаго строя и его недолговѣчность, торопился воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы наворовать и какъ можно скорѣе разбогатѣть.

На почвѣ этой вакханаліи разыгрался политическій скандалъ, стоившій кабинету Хана-Хойскаго своего политическаго положенія и вызвавшій его отставку. Инцидентъ, вызвавшій паденіе кабинета настолько характеренъ и пикантенъ, что стоитъ разсказать его подробнѣе:

Одною изъ главныхъ статей дохода въ бюджетѣ Азербайджана была нефть, добываемая на Бакинскихъ промыслахъ. Какъ самая нефть, такъ и продукты ея переработки на заводахъ (керосинъ, бензинъ, масла и проч.), были національзированы, причемъ собственникамъ нефти и нефтяныхъ продуктовъ казною выплачивалась опредѣленная цѣна; распорядителемъ же товаровъ являлось само государство, причемъ фактически распоряженіе это было сосредоточено въ рукахъ министра торговли и промышленности, которымъ въ то время состоялъ

уже названный нами выше Мирза Асадуллаевъ, участвовавшій со стороны татаръ въ переговорахъ съ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ. Мирза Асадуллаевъ, самъ по себѣ богатый человѣкъ, одинъ изъ сонаслѣдниковъ огромнаго нефтяного предпріятія, не устоялъ передъ искушеніемъ сразу разбогатѣть и въ качествѣ министра утвердилъ сдѣлку о продажѣ нѣкоему А. Хоштарія, крупному и ловкому финансовому дѣльцу (грузину) всего количества нефти и нефтяныхъ продуктовъ для вывоза ихъ заграницу; сдѣлка была заключена на продолжительный срокъ и по цѣнамъ, явно выгоднымъ для А. Хоштарія. На поднявшіеся вокругъ этой сдѣлки нареканія и толки М. Асадуллаевъ отвѣчалъ, что контрагентъ А. Хоштарія представляется исключительно выгоднымъ.

Группа «безпартійныхъ», о которой мы говорили уже выше, опредѣленно недовольная преобладающимъ вліяніемъ въ правительствѣ Елизаветпольцевъ, людей для Баку пришлыхъ, не успокоилась этими объявленіями М. Асадуллаева и, благодаря нескромности одного изъ друзей послѣдняго, доискалась до существованія тайнаго договора между А. Хоштарія и самимъ министромъ М. Асадуллаевымъ о распредѣленіи между ними всѣхъ выгодъ отъ заключеннаго А. Хоштарія съ Азербайджанскимъ правительствомъ договора. Одинъ изъ лидеровъ группы «безпартійныхъ», весьма вліятельный среди Бакинцевъ Г. М-въ, получилъ отъ самого министра М. Асадуллаева нотаріальную копію съ договора его съ А. Хоштарія, такъ какъ Г. М-въ обнадежилъ его, что исторія не получитъ дальнѣйшей огласки лишь въ случаѣ принятія его, Г. М-ва, въ участники дѣла. Одураченный М. Асадуллаевъ далъ, такимъ образомъ, самъ противъ себя оружіе въ руки.

Кампанія, ведшаяся въ Парламентѣ противъ правительства Хана-Хойскаго и сводившаяся къ убійственной критикѣ дѣйствій правительства и администраціи, разбивалась объ соображеніе, что всякое другое правительство, которое стало бы на смѣну существующему, при дѣйствовавшемъ аппаратѣ власти, не смогло бы ни въ чемъ измѣнить къ лучшему господствовавшіе въ странѣ порядки — единственно это заставляло Парламентъ поддерживать существующій кабинетъ.

Группа «безпартійныхъ», добившись полученія такого изобличающаго документа, какъ нотаріальная копія договора А. Хоштарія съ М. Асадуллаевымъ торжественно вручили этотъ документъ фракціи «соціалистовъ» и кабинетъ Хана-Хойскаго вынужденъ былъ подать въ отставку. На смѣну правительства Хана-Хойскаго пришелъ кабинетъ Насибъ бека Усуббекова, въ который вошли уже и соціалисты.

Насколько вообще Азербайджанъ былъ бѣденъ людьми, видно изъ того, что въ этомъ кабинетѣ игралъ яркую роль сначала въ качествѣ министра труда, а впослѣдствіи министра юстиціи нѣкто Сафикюрдскій, бездарнѣйшій изъ помощниковъ присяжнаго повѣреннаго въ г. Елизаветполѣ, типичнѣйшій демагогъ изъ «мартовскихъ» соціалистовъ. — Наиболѣе отвѣтственную работу во всѣхъ законодательныхъ работахъ Азербайджанскаго Парламента несъ Бакинскій присяжный повѣренный С. А. Вонсовичъ, полякъ, представитель одного изъ національныхъ меньшинствъ, именно польскаго.

Своихъ мало-мальски грамотныхъ людей среди татаръ Азербайджана не было, если не считать ген. отъ артиллеріи (русской службы) Мехмандарова, военнаго министра. Однако, популярность Мехмандарова въ значительной степени упала послѣ его заявленій въ Парламентѣ о томъ, что вся Азербайджанская армія, числившаяся въ составѣ до 50.000 человѣкъ, не выдержитъ натиска не то что одного русскаго пѣхотнаго полка, но даже одной конной части —

казачьяго полка, напримѣръ; Мехмандаровъ доказывалъ Парламенту, что созданіе арміи требуетъ долголѣтней работы, а боевыя ея качества создаются лишь въ результатѣ ряда войнъ, да и то побѣдоносныхъ. И, потому, Мехмандаровъ не рекомендовалъ Азербайджану задираться съ Добровольческой арміей, которая, какъ и всякая другая русская военная сила, прекратитъ независимость Азербайджана въ томъ моментъ, когда этого захочетъ или признаетъ нужнымъ. Будучи націоналистомъ и любя свой народъ, Мехмандаровъ тѣмъ не менѣе рекомендовалъ оріентироватся на Россію, а не на Турцію, дни которой, по его мнѣнію, были сочтены; не придавалъ онъ большого значенія и признанію Азербайджана de jure даже и со стороны союзниковъ, указывая, что это признаніе нуждается главнѣйше въ санкціи со стороны будущей Россіи.

Повальное дезертирство, царствовавшее въ рядахъ вновь формируемой Азербайджанской арміи, доходило до такихъ размѣровъ, что изъ частей, введенныхъ въ Баку, въ теченіе мѣсяца не осталось на лицо и 10% состава; дезертиры уносили съ собою обмундированіе и вооруженіе. Понадобилось создать военно-судебную часть и для этой цѣли Мехмандаровымъ были приглашены русскіе военные юристы, оставшіеся не у дѣлъ, а законы примѣнялись, за отсутствіемъ своихъ (таковыхъ не было), русскіе (XXII и XXIV книги Св. Военныхъ Постановленій).

Невозможность создать наново все свое и необходимость прибѣгать къ прежнимъ русскимъ образцамъ, будь то порядки, навыки, правила или законы; отсутствіе нужныхъ кадровъ подготовленныхъ для государственной или административной работы людей и неизбѣжность, въ силу этого, прибѣгать къ работѣ бывшихъ прежде на россійской службѣ чиновниковъ и служебныхъ спеціалистовъ — приводили къ тому, что цѣлыя учрежденія (напримѣръ, Рыбное Управленіе, Контрольная и Казенная Палаты) были возстановлены цѣликомъ, въ прежнемъ ихъ составѣ, а многія другія были въ большинствѣ заполнены русскими чиновниками. При этомъ татары говорили намъ, русскимъ, что они очень насъ любятъ и не только не дѣлаютъ никакой разницы между своими и русскими, но даже предпочитаютъ русскихъ своимъ, а потому-де намъ, русскимъ, нечего тревожиться за свою судьбу.

XXII

Но, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

На самомъ дѣлѣ, заигрыванія съ русскими людьми имѣли мѣсто только тогда, когда безъ насъ, русскихъ, обойтись не было никакой возможности, и это съ каждымъ днемъ становилось яснѣе.

Въ средѣ татаръ, оппозиціонно настроенныхъ къ правительству Азербайджана, даже и не скрывали своего отрицательнаго отношенія къ самой идеѣ отдѣленія Азербайджана отъ Россіи, а нѣкоторые имѣли мужество заявлять, что предпочитаютъ приходъ, какъ они говорили, Деникина.

Опредѣленно усиливалась среди татарскихъ низовъ и пропаганда идей большевизма, успѣхъ которой строился на недочетахъ управленія и на выпадахъ противъ націоналистической политики правительства Азербайджана. Русскій Національный Совѣтъ въ Баку не могъ пройти мимо вопроса объ отношеніи русскихъ чиновниковъ и служащихъ къ службѣ у Азербайджанскаго правительства.

Въ принципѣ Совѣтомъ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такъ: служба на тѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, гдѣ служащій не осуществлялъ какихъ либо самостоятельныхъ правительственныхъ функцій, допускалась, однако, при условіи, чтобы отправляемыя обязанности не заключали въ себѣ чего либо приносящаго опредѣленный вредъ или ущербъ русской идеѣ или русскому дѣлу. Занятіе же такихъ отвѣтственныхъ должностей, гдѣ могла быть проводима опредѣленная азербайджанская націоналистическая программа, признавалось Совѣтомъ совершенно нежелательнымъ. Поощрялось безусловно занятіе всѣхъ должностей въ бывшихъ русскихъ учрежденіяхъ въ цѣляхъ сохраненія ихъ для будущей Россіи, а также въ учрежденіяхъ общеполезныхъ или необходимыхъ всему населенію (водопроводъ, желѣзныя дороги и т. п.). Постановленія Совѣта, широко распространяемыя среди русскаго населенія, имѣли лишь моральную силу. И могу засвидѣтельствовать, что не разъ къ намъ въ президіумъ или къ дежурнымъ членамъ Совѣта приходили русскіе люди посовѣтоваться — принять ли ту или другую предлагаемую должность, или ту или другую работу. Помнится, какъ то разъ обратились къ намъ два спеціалиста-инженера за разрѣшеніемъ ихъ сомнѣнія: эти инженеры были единственными въ Баку спеціалистами по сборкѣ и провѣркѣ артиллерійскихъ орудій, и ими было получено предложеніе Азербайджанцевъ собрать и исправить доставшіяся имъ артиллерійскія орудія, за что этимъ инженерамъ было предложено огромное вознагражденіе; предложеніе это послѣ бесѣды съ членами Совѣта было инженерами отклонено и орудія остались не исправленными. Не помню случая, когда бы мнѣніе, высказанное Совѣтомъ, осталось бы не выполненнымъ, за исключеніемъ случая съ однимъ изъ членовъ Совѣта, принявшимъ должность юрисконсульта Совѣта министровъ и не оставившаго этой должности, несмотря на сдѣланное ему Совѣтомъ разъясненіе; понятно, что одновременно съ этимъ онъ вышелъ изъ состава Совѣта.

Національзація управленія и школы продолжалась. Въ особенности тяжело было положеніе школы. Русскія учебныя заведенія, бывшія правительственныя, или закрывались вовсе съ отобраніемъ при этомъ зданій*, или же создавались такія условія, при которыхъ оставленіе дѣтей въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было безцѣльнымъ, или же пребываніе дѣтей было связано съ оскорбленіемъ національнаго ихъ чувства; изъ программы такихъ, напримѣръ, предметовъ, какъ географія и исторія, было совершенно исключено преподаваніе русскихъ географіи и исторіи.

Приходилось русскому населенію и русскому обществу самимъ озаботиться созданіемъ частныхъ учебныхъ заведеній какъ начальныхъ, такъ и среднихъ. Въ этомъ дѣлѣ была проявлена и частная иниціатива и иниціатива со стороны Русскаго Національнаго Совѣта, причемъ послѣднимъ было возбуждено соотвѣтствующее ходатайство объ отпускѣ денежныхъ средствъ и передъ Главнокомандующимъ А. И. Деникинымъ. Какъ было разрѣшено это ходатайство Ставкой и Особымъ Совѣщаніемъ — не знаю.

Послѣ ухода изъ Баку англичанъ отношенія Совѣта и Азербайджанскаго правительства, никогда не отличавшіяся искренностью, опредѣленно стали портиться. Наша газета «Единая Россія», не замалчивавшая ни одного отрицательнаго факта, какъ въ дѣятельности самого правительства, такъ и азербайджанской

---

* Такъ, было закрыто женское учебное заведеніе Св. Нины, принадлежавшее, какъ частная собственность, одной просвѣтительной организаціи на Кавказѣ.

администраціи, причемъ каждое сообщеніе предварительно провѣрялось тщательнѣйшимъ образомъ, стала прибѣжищемъ и для всѣхъ тѣхъ изъ числа татаръ, которые не могли найти права и справедливости; намъ неоднократно приходилось печатать «письма въ редакцію», исходившія отъ татаръ большею частью изъ глухой провинціи. И не разъ парламентская оппозиція базировалась въ своихъ запросахъ правительству исключительно на сообщеніяхъ нашей газеты.

Явно враждебная самостійнымъ стремленіямъ Азербайджанцевъ наша газета тѣмъ не менѣе продолжала выходить безпрепятственно исключительно по той причинѣ, что закрытіемъ нашей газеты Азербайджанское правительство опасалось навлечь на себя неудовольствіе Добровольческаго командованія. Русскій Національный Совѣтъ учитывался какъ опредѣленная политическая сила не только нашими идейными врагами — Азербайджаномъ, съ одной стороны, и большевиками, съ другой, но и всѣми тѣми, кто съ уходомъ Россіи изъ Баку опредѣленно чувствовалъ себя въ положеніи покинутаго и обездоленнаго. Неоднократно къ нашему заступничеству прибѣгали и армяне, въ особенности, и представители другихъ національностей. И мы дѣлали то, что могли и главнымъ образомъ черезъ нашу прессу. Неоднократно были случаи обращенія къ намъ за полученіемъ національныхъ паспортовъ, въ выдачѣ коихъ, однако, мы отказывали всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ одной изъ русскихъ національностей, не желая дать какого либо повода Азербайджанскому правительству обвинить насъ въ превышеніи предоставленныхъ намъ правительствомъ правъ. Когда Добровольческимъ командованіемъ былъ установленъ порядокъ пропуска изъ Азербайджана въ предѣлы территоріи, занятой Добровольческой арміей, по удостовѣреніямъ нашимъ о благонадежности въ отношеніи непринадлежности даннаго лица къ большевикамъ, то въ выдачѣ этихъ удостовѣреній мы не отказывали и лицамъ другихъ національностей.

Помнится мнѣ и такой случай: во время возникновенія осложненій между Азербайджаномъ и частью Карабаха (Шушинскій и Зангезурскій уѣзды, бывшей Елизаветпольской губ.), гдѣ Азербайджанъ настаивалъ ввести свою власть, причемъ въ противномъ случаѣ угрожалъ репрессіями, къ намъ, въ Совѣтъ, явилась депутація изъ нѣсколькихъ человѣкъ армянъ, общественныхъ дѣятелей (среди нихъ — Шушинскій городской голова), которая заявила, что свыше полутораста тысячъ армянъ, тамъ проживающихъ, не желая присоединиться къ Арменіи и считая себя искони русскими подданными, обращаются къ заступничеству нашего Совѣта и просятъ о принятіи мѣръ къ предотвращенію угрожающихъ имъ бѣдъ.

Понятно, что мы ничего иного сдѣлать не могли, какъ направить просьбу эту Союзникамъ въ Тифлисъ и къ А. И. Деникину въ Екатеринодаръ. Деникинъ врядъ ли могъ что-либо сдѣлать, союзники же (англичане) не сдѣлали ровно ничего, ибо въ это время они уже стояли на точкѣ зрѣнія выгодности для нихъ существованія отдѣльныхъ Закавказскихъ республикъ, имѣвшихъ къ тому же лишь видимость государственности и не обладавшихъ никакой реальной властью, что давало имъ (англичанамъ) полную возможность дѣлать въ Закавказьи все, что имъ угодно, не стѣсняясь признанными ими же самими суверенитетами этихъ крошечныхъ государствъ.

Въ бытность мою въ Тегеранѣ (съ апрѣля по іюль 1919 года), куда я былъ вызванъ однимъ изъ моихъ русскихъ кліентовъ для содѣйствія ему въ заключеніи имъ договора съ Персіей объ одной концессіи, издавна принадлежавшей русскимъ подданнымъ и сохраненіе коей представляло огромный интересъ и для

будущей Россіи*, мнѣ пришлось прочесть въ Тегеранѣ о закрытіи Азербайджанскимъ правительствомъ ненавистной ему нашей газеты «Единая Россія», послѣдовавшемъ въ результатѣ оглашенія газетой какихъ-то свѣдѣній о тайныхъ сношеніяхъ Азербайджана съ Турціей. Вышедшая на другой же день газета «Россія» должна была по требованію властей снять и аншлагъ «органъ Русскаго Національнаго Совѣта».

По возвращеніи моемъ (въ концѣ іюля 1919 года) въ Баку, мнѣ и женѣ моей пришлось на самихъ себѣ испытать, что въ Баку многое уже измѣнилось. Начать съ того, что меня, почти что коренного жителя Баку, старожила, подвергли такимъ таможеннымъ придиркамъ, какихъ я никогда не испытывалъ нигдѣ заграницей, гдѣ я бывалъ много разъ; прибывшіе же съ нами изъ Персіи на томъ же пароходѣ татары не подвергались даже и осмотру. Намъ стало ясно, что дѣлается это съ нами исключительно потому, что мы — русскіе.

Отъ товарищей по Совѣту пришлось узнать много тяжелаго. Очередной задачей Совѣта — была борьба съ Азербайджанскимъ правительствомъ изъ-за преслѣдованія русскаго офицерства, находившагося въ Азербайджанѣ или прибывшаго туда по какимъ либо поводамъ.

Многіе русскіе офицеры сидѣли по тюрьмамъ въ Баку и въ Ганжѣ (Елизаветполѣ) по обвиненію въ шпіонажѣ и въ службѣ въ добровольческой контръразвѣдкѣ. Совѣтъ не только дѣятельно отстаивалъ свободу этихъ офицеровъ, но и поддерживалъ матеріально какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ семьи. Вмѣстѣ съ другимъ членомъ Совѣта мнѣ пришлось побывать и у Азербайджанскаго военнаго министра, генерала отъ артиллеріи Мехмандарова. И этотъ бывшій русскій генералъ, украшенный двумя георгіевскими крестами и съ честью командовавшій однимъ изъ русскихъ корпусовъ на германскомъ фронтѣ, пытался серьезно насъ увѣрить въ томъ, что въ дѣйствіяхъ русскаго офицера, хотя бы и дѣйствовавшаго въ интересахъ Добровольческой арміи съ цѣлью собранія свѣдѣній о военной готовности Азербайджана, имѣется составъ преступленія «измѣны», караемый по Уголовному Уложенію. Напрасно старались мы убѣдить генерала Мехмандарова въ томъ, что русскіе офицеры могли бы быть обвиняемы въ измѣнѣ, если бы дѣйствовали противъ интересовъ Добровольческой русской арміи, и что въ этомъ случаѣ инціатива преслѣдованія могла принадлежать только русскому командованію, а не Азербайджанскому; что въ Уголовномъ Уложеніи, законѣ русскомъ, не имѣется преступленія — измѣны противъ Азербайджана, а противъ Родины, — то-есть Россіи.

Генералъ Мехмандаровъ заявилъ, что Уголовное Уложеніе уже введено въ дѣйствіе и въ Азербайджанѣ, но съ тѣмъ, что законъ надо понимать такъ: — вездѣ, гдѣ говорится о Россіи, надо подразумѣвать Азербайджанъ; противъ подобнаго генеральскаго аргумента мы тутъ же выдвинули, понятно, цѣлый рядъ аргументовъ правового порядка, коими ген. Мехмандаровъ немало былъ смущенъ. Мы не могли не обратить его вниманія и на то, что русскіе офицеры имѣли полное основаніе надѣяться на безпристрастіе Азербайджанской военной юстиціи, разъ таковая находилась въ рукахъ русскаго же стараго офицера, каковымъ является онъ самъ, генералъ Мехмандаровъ.

---

* Аренда права рыбнаго лова по всему Персидскому побережью Каспійскаго моря, что представляло и огромный государственный интересъ, закрѣпощая за Россіей и самыя Персидскія морскія воды и береговую территорію.

Тогда же я узналъ и о результатахъ Русскаго съѣзда въ Тифлисѣ: на съѣздъ этотъ съѣхалось съ разныхъ концовъ Закавказья около полутораста (кажется) русскихъ делегатовъ. Предсѣдательствовалъ на Съѣздѣ с.-р. Лебедевъ. Соціалисты изъ Тифлисскаго Русскаго Національнаго Совѣта уже во время выборовъ на мѣстахъ развили сильную агитацію, причемъ главной задачей являлось доказать, что только они одни стоятъ на защитѣ права народа и «завоеваній революціи», на которую, яко бы, посягаютъ «кадеты-деникинцы» изъ Баку, несущіе вмѣстѣ съ поддерживаемой ими Добровольческой арміей новое рабство широкимъ народнымъ низамъ. Соціалисты разсчитывали имѣть на Съѣздѣ внушительное количество голосовъ.

Съѣздъ открылся рядомъ привѣтствій, въ томъ числѣ и отъ Грузинскаго правительства, приславшаго на Съѣздъ одного изъ своихъ представителей, который пообѣщалъ отъ имени своего правительства субсидіи что-то въ милліонъ рублей. (Если вспомнить, что Грузія присвоила русскаго казеннаго имущества на многія сотни милліоновъ полноцѣнныхъ рублей, то что значитъ эта подачка русскимъ людямъ въ милліонъ рублей грузинскими бонами!)

Нѣсколько дней ушло на споры по вопросу — считать ли Съѣздъ правомочнымъ, при составѣ собравшихся, или нѣтъ, на разрѣшеніе вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Во время этихъ дебатовъ лидеры кадетовъ М. Подшибякинъ, Ю. Семеновъ и другіе, коихъ назвать сейчасъ, къ сожалѣнію, не могу, оказали замѣтное вліяніе на делегатовъ Съѣзда, которые стали перестраиваться въ нежелательномъ для гг. соціалистовъ порядкѣ. Тогда Президіумъ Съѣзда поставилъ на очередь вопросъ о правильности мандатовъ, представленныхъ делегатами, и, признавъ недостаточность мандатовъ делегатовъ Бакинской группы, какъ не выбранныхъ въ порядкѣ, указанномъ въ Положеніи о выборахъ, изданномъ Тифлисскимъ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ (несмотря на состоявшееся уже по этому предмету въ Баку соглашеніе), исключилъ всю эту группу, что-то свыше 30-ти делегатовъ, особенно имъ, соціалистамъ, опасныхъ; тогда со Съѣзда ушелъ еще цѣлый рядъ делегатовъ, въ томъ числѣ и правыхъ организацій, и на Съѣздѣ осталось что-то около 70—80 делегатовъ, возглавляемыхъ соціалистами Лебедевымъ (эс-эромъ) и Стрѣлковскимъ (эс-декомъ), послѣ чего Съѣздъ объявилъ себя Первымъ русскимъ рабоче-крестьянскимъ Съѣздомъ, принявшимъ, между прочимъ, и упомянутый выше милліонъ отъ Грузинскаго правительства.

Я не могъ выдержать въ Баку болѣе нѣсколькихъ дней, до того тяжела была политическая атмосфера для насъ, русскихъ людей, и съ радостью я принялъ отъ Совѣта порученіе къ А. И. Деникину и къ Особому Совѣщанію по цѣлому ряду нашихъ русскихъ національныхъ дѣлъ. Въ первыхъ числахъ августа 1919 года, въ самый разгаръ побѣдоноснаго движенія Добровольческой арміи на сѣверъ, я выѣхалъ съ женою изъ Баку, совершенно не предполагая въ тотъ моментъ, что мы уже болѣе не вернемся въ Баку. Нѣсколькими днями раньше нашего возвращенія въ Баку изъ Персіи выѣхалъ на Сѣверный Кавказъ и А. К. Леонтовичъ, сложившій съ себя полномочія Предсѣдателя Центродома и избранный единогласно тутъ же его почетнымъ предсѣдателемъ во вниманіе къ заслугамъ, оказаннымъ имъ населенію города Баку безъ различія національностей.

Нѣсколько недѣль спустя (недѣли двѣ-три) товарищи мои по Совѣту сообщили мнѣ о томъ, что министръ юстиціи Азербайджанскаго правительства издалъ обязательное постановленіе о томъ, что всѣ присяжные повѣренные, про-

живающіе въ Азербайджанѣ и не состоящіе въ его подданствѣ, буде желаютъ впредь пользоваться своими сословными и профессіональными правами, должны быть заново приняты въ сословіе Азербайджанской Судебной Палатой. Для юристовъ смыслъ этого дикаго распоряженія былъ ясенъ: всѣ неугодные Азербайджанскому правительству члены сословія могли быть не приняты Судебной Палатой по такъ-называемымъ основаніямъ «не формальнымъ».

И такъ какъ въ составѣ Русскаго Національнаго Совѣта былъ цѣлый рядъ адвокатовъ и, притомъ, для Азербайджанцевъ совершенно не пріемлемыхъ (однимъ изъ нихъ явился и я), то для насъ было ясно, что затѣя министра юстиціи имѣла въ виду лишить насъ нашего адвокатскаго званія со всѣми отсюда вытекающими послѣдствіями.

Я не удержался и изъ Ессентуковъ, гдѣ я въ то время лѣчился, написалъ и съ вѣрною оказіей послалъ министру юстиціи рѣзкую отповѣдь, въ коей не только изобличалъ его въ грубомъ невѣжествѣ и забвеніи элементарныхъ нормъ права, но и заявлялъ ему въ самой категорической формѣ, что не признаю за нимъ даже и права именоваться министромъ государства, еще и не признаннаго de jure въ порядкѣ, установленномъ нормами международнаго права, и тѣмъ болѣе государства, отдѣлившагося отъ Россіи безъ ея на то согласія. Это мое письмо, оказывается, произвело впечатлѣніе разрывного снаряда, и Азербайджанское правительство отвѣтило на него постановленіемъ — «считать меня изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ Азербайджана съ полной конфискаціей моего имущества».

Связь моя съ Закавказьемъ оказалась, такимъ образомъ, окончательно прерванной.

Уѣзжая, я оставилъ свою квартиру въ распоряженіи военнаго агента Добровольческой арміи полк. генеральнаго штаба Палицына, который въ ней и поселился и давалъ въ ней пріютъ многимъ изъ офицеровъ Русской арміи, въ томъ числѣ и генералу отъ инфантеріи Н. Н. Баратову, чрезвычайному послу А. И. Деникина въ Закавказьи.

На этомъ, собственно, заканчиваются личныя мои переживанія, относящіяся къ развитію русской «смуты» въ Закавказьи, но мнѣ представляется важнымъ сообщить еще о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ послѣдующаго, имѣющихъ нѣкоторый историческій интересъ.

XXIII

Съ какимъ нетерпѣніемъ жаждали мы съ женой пріѣхать, наконецъ, въ Петровскъ-Дагестанскій и вступить на территорію, занятую прочно Добровольческой арміей.

Вмѣсто обычнаго суточнаго перехода отъ Баку до Петровска мы, благодаря шторму, пришли лишь на четвертый день къ вечеру.

Петровскъ производилъ впечатлѣніе большой морской военной базы и вообще военнаго центра. Масса солдатъ и матросовъ, недурно одѣтыхъ и, повидимому, дисциплинированныхъ; много офицерства всякаго рода оружія и, въ особенности, моряковъ.

Насъ обѣщали отправить по желѣзной дорогѣ, благодаря документамъ, даннымъ мнѣ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ, на другой день утромъ, и мы вернулись ночевать на пароходъ.

Здѣсь ждало насъ первое разочарованіе: часовъ около девяти вечера въ каютъ-кампанію ввалилась ватага пьяныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ нѣсколько моряковъ; большая ихъ часть, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежала къ составу Петровской контръ-развѣдки и какихъ-то тыловыхъ штабовъ. Господа эти потребовали, чтобы каютъ-кампанія была очищена для нихъ и чтобы имъ немедленно подано было вино; грубая ругань и оскорбленія посыпались въ отвѣтъ на просьбы капитана парохода и мои удалиться съ парохода и дать намъ всѣмъ возможность отдохнуть послѣ утомительнаго морского перехода; послышались крики, что мы — большевики и жиды и что мы будемъ немедленно арестованы. Безобразіе это прекратилось лишь тогда, когда я вернулся на пароходъ въ сопровожденіи комендантскаго плацъ-адъютанта, который удалилъ безобразниковъ.

На насъ вся эта сцена произвела угнетающее впечатлѣніе, въ особенности въ связи съ тѣмъ, что тогда же пришлось услышать отъ многихъ о безобразіяхъ, творимыхъ добровольческими офицерами и властями въ тылу арміи. Явленіе, которое пришлось наблюдать повсюду въ тылу арміи, — неимовѣрное переполненіе этого тыла фланирующимъ и ничего не дѣлающимъ, абсолютно здоровымъ офицерствомъ: группа Минеральныхъ Водъ (Кисловодскъ, Пятигорскъ и Ессентуки) и самый Ростовъ, гдѣ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, были полны офицерствомъ, пьянствующимъ, безобразничающимъ и ничего рѣшительно не дѣлавшимъ.

Связь съ Баку и съ Русскимъ Національнымъ Совѣтомъ я поддерживалъ черезъ пароходныя Конторы въ Петровскѣ довольно аккуратно.

Информація по поводу происходившаго въ Баку и въ Закавказьи была довольно слабая, и я дѣятельно принялся за работу по информаціи какъ въ печати, такъ и въ политическихъ организаціяхъ. Будучи избранъ членомъ Кисловодской (а затѣмъ и Ростовской) группы Всероссійскаго Національнаго Центра, мнѣ пришлось сдѣлать какъ въ Кисловодскѣ, такъ и въ Ростовѣ нѣсколько докладовъ о положеніи въ Азербайджанѣ и въ Персіи.

Въ началѣ сентября (1919 года) мнѣ и покойному А. К. Леонтовичу пришлось присутствовать у генерала Эрдели (въ Пятигорскѣ) на докладѣ нѣкоего г. Фальборка, именовавшаго себя «профессоромъ», но на самомъ дѣлѣ не имѣвшаго никакого отношенія къ ученому міру. Этотъ господинъ игралъ въ верхахъ Добровольческаго Командованія и кругахъ Особаго Совѣщанія какую-то странную роль; онъ кого-то информировалъ о положеніи на окраинахъ, ему оказывали особое содѣйствіе во время его поѣздокъ по Закаспію и Закавказью и, видимо, были склонны прислушиваться къ тому, что г-нъ Фальборкъ изрекалъ. Вышеупомянутый докладъ, на который попали А. Леонтовичъ и я по спеціальному приглашенію ген. Эрдели, былъ предназначенъ для чиновъ штаба генерала Эрдели въ цѣляхъ освѣдомленія ихъ съ тѣмъ, что дѣлается въ мусульманскихъ массахъ на нашихъ южныхъ окраинахъ.

И то, что мнѣ пришлось услышать отъ г. Фальборка, такъ существенно расходилось съ тѣмъ, что пришлось видѣть намъ самимъ въ теченіи двухъ съ лишнимъ лѣтъ и съ тѣми впечатлѣніями, которыя были получены нами, что и А. Леонтовичъ, и я не могли удержаться отъ рѣзкой критики всего выслушаннаго доклада, сущность котораго сводилась къ слѣдующему:

Мусульманство во всемъ мірѣ имѣетъ огромное число послѣдователей; въ мусульманствѣ наблюдаются объединительныя теченія, угрожающія вы-

литься въ мощную всемусульманскую организацію; и такъ какъ Россія въ число своихъ подданныхъ включаетъ до 30-ти милліоновъ мусульманъ, то Россія должна въ этомъ движеніи сыграть руководящую роль, замѣнивъ собою Германію, которая мѣтила встать во главѣ мусульманскаго міра; Россія должна привлечь къ себѣ симпатіи этого міра, всячески идти навстрѣчу стремленіямъ мусульманъ къ объединенію, и однимъ изъ практическихъ путей къ достиженію Россіей симпатій со стороны мусульманъ должно быть — объявленіе въ Россіи наряду съ православіемъ господствующей религіей и ученіе Магомета. Дальше, кажется, уже и идти некуда!

Съ г. Фальборкомъ, на котораго я, повидимому, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться, кажется, въ ноябрѣ 1919 г., въ Ростовѣ на Дону. Оказывается, что къ тому времени г. Фальборку удалось создать какое-то «Общество охраны окраинъ Россіи», гдѣ Фальборкъ игралъ роль предсѣдателя, а однимъ изъ членовъ этого Общества состоялъ уже упомянутый выше г. Виноградовъ, также именовавшій себя профессоромъ, бывшій членъ «Славяно-русскаго Общества» и членъ Азербайджанскаго Парламента; оба эти господина (Фальборкъ и Виноградовъ) энергично протестовали противъ принятія меня въ члены «Общества охраны окраинъ Россіи», куда нѣкоторые друзья мои хотѣли меня провести, какъ старожила Закавказья.

Кстати, о М. Виноградовѣ, — въ бытность мою въ предѣлахъ Добровольческой арміи мнѣ пришлось получить вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что онъ занимался шпіонажемъ въ пользу Азербайджана; всѣ эти свѣдѣнія тогда же были переданы мною ген. Эрдели. Я былъ, поэтому, не мало удивленъ, когда не только увидѣлъ М. Виноградова въ Ростовѣ, но и удостовѣрился лично, что онъ состоитъ на службѣ въ Министерствѣ Земледѣлія.

Не менѣе былъ я удивленъ и тѣмъ, что заслужившій не меньшую отрицательную извѣстность среди русскихъ людей въ Баку — полк. Олонгренъ (также членъ «Славяно-русскаго Общества» и членъ Азербайджанскаго парламента) также устроился въ администраціи въ предѣлахъ Добровольческой арміи, занимая должность начальника губернской стражи. Эти «оборотни» пристроились, благодаря оказавшимся у нихъ связямъ, въ той самой Добровольческой арміи, противъ которой они раньше сами же и работали, и агитировали; какъ я указывалъ выше, и тотъ, и другой вотировали за кредиты на расходы Горской республики на ея борьбу съ А. И. Деникинымъ и съ Добровольческой арміей. Можно ли было отъ подобныхъ людей ожидать жертвеннаго подвига? Несомнѣнно, что присутствіе подобныхъ людей въ станѣ «анти-большевистскаго» движенія было одной изъ многихъ и, думаю, не послѣдней причиной его крушенія.

Я переѣхалъ въ началѣ сентября въ Ростовъ въ связи съ тѣмъ, что мнѣ приходилось проводить въ Особомъ Совѣщаніи и въ разныхъ министерствахъ рядъ ходатайствъ нашего Русскаго Національнаго Совѣта. Во всѣхъ учрежденіяхъ, начиная съ Особаго Совѣщанія и министерствъ, царили удручающій бюрократизмъ и рутина. Повсюду было огромное количество чиновниковъ, исписывалась масса бумаги — живого же дѣла не было видно.

На свѣжаго человѣка, какъ я, все это производило гнетущее, тяжелое впечатлѣніе.

Нездоровая атмосфера спекуляціи и взяточничества висѣли надъ всѣмъ аппаратомъ власти. Слухи, сплетни, чудовищный вымыселъ совершенно затемняли дѣйствительную картину развертывавшихся событій и придавали повсе-

дневности какой-то тревожный характеръ. Руки сами собой опускались, ибо утрачивалась надежда на то, чтобы можно было вообще что-нибудь сдѣлать, чему-то хоть сколько-нибудь помочь.

Прежде всего, чувствовалось, что аппаратъ власти въ дѣлѣ гражданскаго управленія не соразмѣренъ ни съ территоріей, занятой Добровольческой арміей, ни съ размахомъ той борьбы, которая велась на фронтѣ.

Вмѣсто организаціи побѣды и принятія мудрыхъ мѣръ къ предупрежденію тѣхъ бѣдствій, которыя необходимо предвидѣть при перемѣнчивости «военнаго счастья», тылъ, неимовѣрно разросшійся, поглощалъ все свое вниманіе предположеніями о будущихъ судьбахъ покоренной и отнятой у большевиковъ Россіи.

Во время сентябрьскихъ боевъ подъ Царицынымъ мнѣ пришлось побывать въ Царицынѣ, куда я ѣздилъ вмѣстѣ съ ген. Эрдели, предложившимъ мнѣ проѣхать въ его поѣздѣ. Я впервые видѣлъ тогда ген. Врангеля, и онъ произвелъ на меня лично очень глубокое впечатлѣніе. Бои были тяжелые и происходили они подъ самымъ городомъ, полусожженнымъ, полуразрушеннымъ. И тѣмъ не менѣе, глядя на ген. Врангеля и видя отношеніе къ нему окружающихъ и подчиненныхъ, чувствовалось, что Царицынъ находится въ надежныхъ рукахъ и что не взять его большевикамъ.

Мнѣ, не военному человѣку, стало ясно, что ударъ по Совѣтской Россіи долженъ былъ вестись отсюда по Волгѣ, которая къ тому же такъ была нужна будущей Россіи, освобожденной отъ большевиковъ, какъ и побѣдоносно наступающей противъ нихъ арміи. Мнѣ, просидѣвшему два съ лишнимъ года въ Баку, стало воочію ясно, насколько необходимо пробить Волгу до Каспійскаго моря — взятіемъ Астрахани, лежавшей у ген. Врангеля въ тылу. И въ бытность мою въ Ростовѣ я изготовилъ докладъ на имя Главнаго Командованія по предмету необходимости овладѣнія Астраханью во что бы то ни стало. Мнѣ не посовѣтовали соваться съ этимъ докладомъ ни въ Ставку, ни въ Особое Совѣщаніе и посовѣтовали прочесть его въ Національномъ Центрѣ, указывая, что президіумъ Центра, пользующійся вліяніемъ у А. И. Деникина, скорѣе сможетъ что-либо сдѣлать. Докладъ мой не состоялся въ назначенный день за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ, не состоялся и во второй разъ по той же причинѣ, несмотря на широкую публикацію, и состоялся лишь въ послѣднихъ числахъ ноября, когда Добровольческая армія уже безудержно катилась отъ Харькова.

Не имѣла никакого успѣха и моя попытка созданія какого-либо органа изъ общественныхъ дѣятелей и освѣдомленныхъ людей для изученія вопросовъ о судьбѣ русскаго дѣла въ Закавказьи. Благодаря участію нѣкоторыхъ моихъ друзей, мнѣ удалось познакомиться съ членомъ Государственной Думы В. А. Степановымъ, также уроженцемъ Закавказья, и я подалъ ему свой докладъ, сводившійся, главнымъ образомъ, къ тому, что проектируемый органъ (названный имъ «Совѣщаніе по Кавказскимъ дѣламъ») долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всю полноту тѣхъ свѣдѣній, которыя были разбросаны по разнымъ министерствамъ, объединить всю информацію и разрабатывать необходимыя мѣропріятія и планъ политики на этой окраинѣ. В. А. Степановъ, горячо взявшійся за осуществленіе этой идеи, недѣли черезъ двѣ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ, что событія на фронтѣ врядъ ли позволятъ разсчитывать на осуществленіе моего проекта.

«Если случится чудо и мы удержимся, тогда и поговоримъ», были послѣднія слова, сказанныя мнѣ В. А. Степановымъ. Настроеніе въ Ростовѣ было ужасное, близкое къ паникѣ. Съ фронта каждый день доходили ужасныя вѣсти — фронтъ неудержимо катился назадъ.

Припоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ изъ Ростовскаго періода моей жизни. Въ началѣ октября, не знаю, по чьему именно совѣту, ко мнѣ обратился кн. Л. Магаловъ (полковникъ, въ то время генералъ грузинскаго производства), тотъ самый Магаловъ, имя коего связывалось съ кошмарными «шамхорскими» событіями (см. гл. VIII). Магаловъ объяснилъ мнѣ, что онъ не можетъ добиться принятія его ни А. И. Деникинымъ, ни генералами Романовскимъ и Лукомскимъ; а, между тѣмъ, по словамъ Магалова, онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ, которое должно было бы живо заинтересовать Главное Командованіе Добровольческой арміи. За нимъ, Магаловымъ, стоятъ яко-бы до 30-ти тысячъ грузинъ, офицеровъ и солдатъ, которые пойдутъ за нимъ всюду, куда онъ ихъ поведетъ. Воспользоваться этимъ кадромъ живой силы для борьбы съ большевиками необходимо; однако, учитывая натянутыя отношенія, создавшіяся у А. И. Деникина съ Грузинскимъ правительствомъ, нельзя и думать о какихъ либо формированіяхъ на территоріи Грузіи; необходимо всю эту массу людей перебросить на сѣверный Кавказъ (черезъ хребетъ) и начать формированіе готовыхъ воинскихъ частей, главное конницы и конной артиллеріи, около Владикавказа. Въ разговорѣ со мною Магаловъ какъ бы конфиденціально добавлялъ мнѣ, что и Грузинское правительство съ Н. Жорданія и Е. П. Гегечкори за осуществленіе этого проекта и благословляютъ Магалова на это дѣло, ибо они яко бы сознаютъ необходимость побѣды надъ большевиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ, что Грузія, хотя бы и не официально, не открыто, учитывая свои будущія отношенія съ анти-большевистской Россіей, должна что-то сдѣлать для сверженія ига большевиковъ.

На поставленный мною Магалову прямо вопросъ — что же ему нужно и чѣмъ я могу быть ему полезенъ, Магаловъ мнѣ сказалъ, что на переброску указаннаго выше количества людей ему нужно 30 милліоновъ рублей (сумма даже по тогдашнимъ временамъ огромная); что же касается меня, то я долженъ ему посодѣйствовать получить аудіенцію.

Я повидался съ Начальникомъ Генеральнаго Штаба, генераломъ Вязьмитиновымъ, и узналъ отъ него, что Магаловъ уже у него былъ и что затѣя его ему извѣстна и что лично онъ, генералъ Вязьмитиновъ, серьезнаго значенія словамъ Магалова не придаетъ.

Я разсказалъ объ этомъ эпизодѣ, какъ очень характерномъ: кто только ни являлся въ Добровольческую армію съ тѣми или иными предложеніями, въ особенности же съ такими, въ основѣ которыхъ лежала возможность заполучить ту или другую крупную сумму денегъ! Я весьма сомнѣваюсь, чтобы о затѣѣ Магалова было что-либо извѣстно Гегечкори, Жорданія или еще кому-либо изъ состава правительства Грузіи.

Лично мнѣ, человѣку гражданскому и общественному дѣятелю, нечего уже было дѣлать въ Ростовѣ, гдѣ со дня на день яснѣе становились агонія арміи и развалъ фронта. Однако, выбраться изъ Ростова было далеко не такъ легко, въ особенности человѣку, не располагавшему лишними деньгами. Жена моя и родные оставались въ Кисловодскѣ, а времена были такія, когда, разставшись съ родными на время, легко было и вовсе ихъ потерять. Доставъ около 9—10 декабря билетъ на Кисловодскъ послѣ неимовѣрныхъ хлопотъ и запла-

тивъ кому-то черезъ комиссіонера большія для меня деньги, я выѣхать, однако, не смогъ, такъ какъ всѣ поѣзда оказались отмѣнены вслѣдствіе сплошного движенія отходившихъ, подъ натискомъ «красныхъ», воинскихъ эшелоновъ. И такъ какъ никому не было въ точности извѣстно, когда именно пойдутъ поѣзда, то я въ день два раза бѣгалъ черезъ весь городъ на вокзалъ и обратно. Погода, какъ нарочно, стояла ужасная: то хлопьями валилъ снѣгъ, то начиналась оттепель, то начинало сильно морозить. Я безуспѣшно пробѣгалъ дней восемь-девять и конца этому видно не было.

На мое счастье, у знакомыхъ я встрѣтился съ выборнымъ Астраханскимъ наказнымъ атаманомъ Ляховымъ (по профессіи присяжнымъ повѣреннымъ), съ которымъ я былъ знакомъ и раньше; благодаря любезности Ляхова, взявшаго меня съ собой въ вагонъ, я наконецъ выѣхалъ изъ Ростова и послѣ цѣлаго ряда мытарствъ (то насъ держали неизвѣстно почему на станціяхъ, то не давали паровоза) черезъ два дня добрался къ семьѣ.

XXIV

На группахъ Минеральныхъ Водъ, то-есть въ Кисловодскѣ, Ессентукахъ и Пятигорскѣ, гдѣ скопилось, съ одной стороны, значительное количество раненыхъ и часть изъ нихъ съ семьями, а съ другой стороны, компактная масса русскихъ буржуазіи и аристократіи, я засталъ полнѣйшее смятеніе. Вездѣ и у всѣхъ былъ одинъ разговоръ — куда и какъ бѣжать.

Въ улучшеніе боевой обстановки никакой и ни у кого вѣры не было и всѣ думали лишь о спасеніи. Бѣжали кто черезъ Владикавказъ и горы на Тифлисъ, кто — на Новороссійскъ. Съ каждымъ днемъ возможность выѣзда затруднялась, какъ по недостатку поѣздныхъ составовъ, такъ и потому, что магистраль на Екатеринодаръ и Ростовъ была забита составами воинскихъ эшелоновъ и всевозможныхъ поѣздовъ особаго назначенія. Эвакуація изъ Ростова была въ полномъ разгарѣ, причемъ происходила она въ условіяхъ катастрофическихъ.

Никакого порядка въ эвакуаціи населенія группы Минеральныхъ Водъ также не было. Выѣхать можно было лишь при особенно счастливыхъ данныхъ, по протекціи, или за колоссальныя взятки.

Черезъ день или два я съѣздилъ къ ген. Эрдели въ Пятигорскъ посовѣтоваться съ нимъ, что мнѣ дѣлать лично съ собой и семьей. Отъ ген. Эрдели я услышалъ опредѣленное заявленіе, что положеніе — катастрофическое и спасти это положеніе уже ничто не сможетъ; что черезъ мѣсяцъ — два, самое большое — весь Сѣверный Кавказъ будетъ въ рукахъ большевиковъ, а потому тѣмъ, кому выѣхать нужно (то-есть тѣмъ, кому угрожаетъ неминуемый разстрѣлъ), лучше выѣзжать сейчасъ. Въ частности мнѣ ген. Эрдели посовѣтовалъ уѣхать немедленно и посовѣтовалъ сдѣлать это также и тѣмъ изъ моихъ друзей, кто былъ скомпрометированъ въ глазахъ большевиковъ. Ген. Эрдели предоставилъ въ мое распоряженіе изъ своего личнаго поѣзда большой классный вагонъ II класса и предложилъ мнѣ дать ему списокъ всѣхъ тѣхъ, которые поѣдутъ со мною.

Не скрою, что всѣ приготовленія къ отъѣзду мы по необходимости дѣлали въ глубочайшей тайнѣ, и 5-го января (ст. ст.) вечеромъ я самъ пригналъ въ Кисловодскъ данный мнѣ вагонъ, ночью произвелъ посадку всѣхъ тѣхъ,

которые должны были ѣхать со мною, и утромъ, съ первымъ дачнымъ поѣздомъ, мы ушли въ сторону станціи Минеральныя Воды на Петровскъ.

Лично я выбралъ направленіе на Петровскъ и дальше въ Персію потому, что ясно представлялъ себѣ путь на Новороссійскъ и далѣе — или за границу, или въ Крымъ — невозможнымъ, какъ вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для существованія денежныхъ средствъ, такъ и потому, что Новороссійскъ не могъ пропустить всего того людского потока, который въ него отовсюду стремился.

Я не могъ направиться и въ Закавказье — Азербайджанъ и Грузію, что должно быть ясно изъ всего уже разсказаннаго мною. Оставался Петровскъ и послѣднее прибѣжище — Персія, съ которой я былъ хорошо уже и раньше знакомъ.

Часть нашихъ спутниковъ держала то же направленіе, что и я; остальные пробирались черезъ Петровскъ въ Баку и дальше.

Приблизительно дней за десять до нашего отъѣзда изъ Кисловодска въ домѣ одного изъ гласныхъ города Ростова на Дону и виднаго общественнаго дѣятеля собрались, по приглашенію, человѣкъ двадцать общественныхъ и финансовыхъ дѣятелей. О цѣли собранія намъ предварительно ничего не было сообщено. Здѣсь мы встрѣтились (лично я — впервые) съ г. Тверскимъ, бывшимъ прокуроромъ Московскаго Окружнаго Суда и впослѣдствіи Саратовскимъ губернаторомъ, если не ошибаюсь. О Тверскомъ въ бытность мою въ Ростовѣ осенью 1919 года мнѣ пришлось слышать какъ объ одномъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей министерства внутреннихъ дѣлъ въ правительствѣ А. И. Деникина; въ послѣднее же время говорили о большой близости Тверского къ ген. Врангелю.

Тверской, оговорившись, что бесѣдуетъ съ нами частнымъ образомъ и чисто-конфиденціально, повелъ рѣчь о томъ, что звѣзда А. И. Деникина закатывается; что дѣло, начатое Добровольческой арміей, проиграно безвозвратно и, врядъ ли, дѣло борьбы съ большевиками можетъ быть продолжено, если во главѣ его останутся тѣ же лица, которыя возглавляли его до сихъ поръ. Но борьба все же не безнадежна, если у борющихся будетъ новый вождь, въ котораго будетъ вѣра; что такой вождь имѣется и выдвинутъ онъ въ процессѣ самой борьбы съ большевиками; что за этимъ вождемъ пойдутъ и войска, и казаки, и народныя массы.

И когда однимъ изъ присутствующихъ было названо имя барона П. Н. Врангеля, то Тверской сказалъ, что именно его онъ и имѣлъ въ виду, говоря о вождѣ. Оговорившись, что самъ ген. Врангель не при чемъ во всей бесѣдѣ, имъ, Тверскимъ, затѣянной, Тверской вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ насъ высказаться о томъ, что мы думаемъ о кандидатурѣ ген. Врангеля и полагаемъ ли мы, что общественность пойдетъ за ген. Врангелемъ и что финансовые круги дадутъ ему свою поддержку.

Отвѣтъ нашъ, почти единогласный, — былъ отрицательный и не потому, что личность самого ген. Врангеля заключала въ себѣ какія либо качества, не внушавшія вѣры въ его патріотизмъ и въ его готовность пойти на жертву. Наоборотъ, всѣми были подчеркнуты исключительныя личныя качества генерала Врангеля; но, указывалось на то, что въ переживаемый моментъ, когда въ сущности армія уже агонизируетъ, то и ген. Врангель врядъ ли, при всей его личной храбрости и выдающихся талантахъ полководца, сможетъ что-либо сдѣлать. А, далѣе, выдвигалось соображеніе и о томъ, что дальнѣйшая борьба

съ большевиками должна быть ведена подъ такими лозунгами, притомъ при безусловно честномъ проведенiи ихъ въ жизнь, которые могли бы привлечь къ новой, въ сущности, борьбѣ широкiя народныя массы и, прежде всего, крестьянство.

Разговоръ съ Тверскимъ дальнѣйшихъ слѣдствiй не имѣлъ. Поскольку ген. Врангель былъ посвященъ въ затѣю г. Тверского — не знаю, но Тверской это категорически отрицалъ.

Самъ ген. Врангель въ тѣ дни прiѣзжалъ на нѣсколько дней въ Кисловодскъ.

Прибывъ около 12 часовъ дня на ст. Минеральныя Воды, откуда насъ должны были отправить съ первымъ отходящимъ любымъ поѣздомъ, мы застали на этой большой станцiи полное смятенiе и самые разнообразные толки.

Военное начальство, ген. К., заявляло, что не ручается за безопасность нашего проѣзда, ибо возможно, что сообщенiя съ Петровскомъ черезъ Моздокъ уже нѣтъ, такъ какъ большевики заняли уже Кизляръ и ведутъ наступленiе на Червленную-узловую, куда сейчасъ идутъ на помощь казачьи части съ Терскимъ атаманомъ во главѣ; что не лучше положенiе и на самой станцiи Минеральныя Воды, гдѣ, несмотря на присутствiе двухъ эскадроновъ кавалерiи (не надежныхъ), ежеминутно ожидаютъ выступленiя мѣстныхъ большевиковъ.

Приблизительно черезъ часъ насъ прицѣпили дѣйствительно къ воинскому поѣзду, и мы пошли на авось.

Ночью мы прошли ст. Моздокъ, гдѣ насъ прицѣпили къ другому поѣзду, въ составѣ котораго шло десять вагоновъ артиллерiйскихъ снарядовъ для Петровска. Мы шли, все болѣе и болѣе задерживаясь на станцiяхъ, чѣмъ ближе мы подходили къ Червленной-узловой. На послѣднемъ разъѣздѣ насъ задержали довольно основательно, причемъ отъ коменданта разъѣзда я узналъ, что бои идутъ верстахъ въ 8—10 отъ самой станцiи Червленной-узловой. Лишь благодаря тому, что я везъ секретныя бумаги на имя Командующаго Петровскимъ отрядомъ и на имя Командующаго Каспiйскимъ Флотомъ и что въ составѣ поѣзда были вагоны со снарядами, насъ протолкнули наконецъ въ Червленную. По серьезному настроенiю, господствовавшему на станцiи среди военныхъ, было ясно видно, что мы попали въ самую гущу боевой обстановки; свѣдѣнiя все же были скорѣе успокоительныя, ибо говорили, что съ подходомъ резервовъ (терскихъ казаковъ) красныхъ отогнали и они отходятъ назадъ.

Но тутъ явилось другое препятствiе: машинистъ заявилъ, что онъ дальше не повезетъ поѣзда и уходитъ черезъ Гудермесъ въ депо, въ Грозный. Сложились и дали машинисту огромную взятку, послѣ чего онъ согласился идти немедленно до Петровска. Уже передъ выходомъ комендантъ станцiи сообщилъ мнѣ по секрету, что за Гудермесомъ и до Хасавъ-Юрта, по его свѣдѣнiямъ, испорчено бандами большевиковъ-горцевъ полотно желѣзной дороги. Несмотря на это и на наступившую уже темноту и валившiй хлопьями снѣгъ, мы двинулись дальше и, слава Богу, въ 7 часовъ утра пришли благополучно въ Петровскъ. Путешествiя этого я никогда не забуду, въ особенности потому, что, не желая поднимать паники среди сорока съ лишнимъ пассажировъ нашего вагона, я никому не сообщалъ обо всѣхъ угрожавшихъ намъ опасностяхъ и переживалъ все это одинъ.

Въ Петровскѣ мы встрѣтились съ выѣхавшимъ недѣли за двѣ до насъ въ Петровскъ неутомимымъ А. К. Леонтовичемъ, который, не успѣвъ пріѣхать туда, уже и тамъ взялся вновь за общественную работу и былъ единогласно избранъ директоромъ-распорядителемъ Городского Кооператива.

XXV

Въ Петровскѣ, гдѣ я пробылъ всего лишь нѣсколько дней, настроеніе было весьма подавленное въ связи съ выясняющимся разваломъ Добровольческой арміи. До открытія навигаціи на 12-ти футовомъ Астраханскомъ рейдѣ, то-есть до конца марта по старому стилю, Петровску не угрожала непосредственная опасность отъ сосредоточеннаго въ Астрахани и въ устъѣ Волги «краснаго» флота. Но, съ открытіемъ навигаціи, «красный» флотъ, по имѣвшимся у командованія свѣдѣніямъ, отремонтированный заново и значительно усиленный переводомъ изъ Балтійскаго флота по Волгѣ, въ концѣ прошлой навигаціи, большого количества мореходныхъ миноносцевъ, вооруженныхъ сильной и дальнобойной артиллеріей, представлялъ для Петровска настолько реальную угрозу, что вопросъ объ эвакуаціи Петровска долженъ былъ быть разрѣшенъ до срока выхода въ море «краснаго» флота. И хотя у Добровольческой арміи имѣлось значительное количество кораблей, вооруженныхъ артиллеріей даже болѣе сильной, чѣмъ у большевиковъ, но всѣ рѣшительно суда Добровольческаго флота нуждались въ капитальномъ ремонтѣ. Однако, ремонтъ этотъ могъ быть произведенъ только въ Баку, гдѣ имѣлись и доки и всѣ необходимыя средства и части, но Азербайджанъ категорически отказывалъ Добровольческому Командованію въ соотвѣтствующемъ разрѣшеніи. Безъ производства же необходимаго ремонта многіе изъ наиболѣе сильныхъ, въ боевомъ отношеніи, судовъ не могли даже передвигаться самостоятельно.

Между Командующимъ флотомъ, адм. Сергѣевымъ, и командующимъ Петровскимъ укрѣпленнымъ райономъ, ген. Рудневымъ, шла борьба за власть и отношенія были натянуты до крайности.

Существовало и взаимное недовольство между арміей и флотомъ, какой то антагонизмъ интересовъ. Не было представителя высшей военной власти, который пользовался бы достаточнымъ авторитетомъ и былъ бы снабженъ такой степенью власти, что заставилъ бы подчиниться себѣ и того и другого — и Сергѣева и Руднева. Прямой начальникъ Руднева, генералъ Драценко, этимъ авторитетомъ не являлся, генералъ же Эрдели, Главнокомандующій всѣмъ Кавказскимъ фронтомъ, подчинявшій себѣ и флотъ, былъ далеко въ Пятигорскѣ, откуда руководить чѣмъ бы то ни было, да еще имѣя въ виду то, что происходило у него подъ бокомъ, было невозможно.

Даже намъ, штатскимъ людямъ, было ясно, что надобно было заблаговременно думать о ликвидаціи дальнѣйшей борьбы на западномъ побережьи Каспія и озаботиться спасеніемъ того, что можно было еще спасти какъ изъ живой силы, такъ и изъ имущества арміи и флота. Кромѣ того, представлялось яснымъ, что надобно заблаговременно подумать о спасеніи всѣхъ тѣхъ, которые, попадись они въ руки большевикамъ, были бы безжалостно уничтожены, выведены въ расходъ; надобно было подумать о семьяхъ бойцовъ и о тѣхъ, изъ числа гражданскаго населенія, которымъ въ рукахъ большевиковъ равнымъ образомъ угрожала бы смерть.

Возможны были только два исхода: или проникнуть на территорію Азербайджана или на территорію Персіи, гдѣ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, угрожало бы разоруженіе и интернированіе. Не было никакихъ надеждъ на то, чтобы можно было защищать Петровскъ, не владѣя моремъ, съ одной стороны, ни достаточной территоріей, которая могла бы обезпечить продовольствіе арміи, флота и гражданскаго населенія, съ другой стороны.

Оставалось одно — уходить и уходить какъ можно скорѣе, пока не поздно.

По мысли А. К. Леонтовича, необходимо было создать денежный фондъ въ иностранной валютѣ, чтобы этимъ фондомъ хотя бы на первое время обезпечить (на мѣсяцъ, два, три, въ зависимости отъ размѣра фонда) остатки арміи и флота. И такъ какъ изъ двухъ рынковъ (Бакинскаго и Персидскаго) только Персидскій рынокъ, крайне нуждавшійся въ цѣломъ рядѣ товаровъ, могъ дать эту иностранную валюту, то необходимо было дѣятельно взяться за вывозъ всего, что только можно было вывезти изъ Петровска въ Персію, и за ликвидацію на валюту всего вывезеннаго.

Представлялись нѣкоторыя опасенія за судьбу вывозимыхъ въ Персію товаровъ, ибо извѣстно, что Персидское правительство заявляло, что имѣетъ какія то претензіи къ Россіи за убытки, причиненные Персіи военными дѣйствіями экспедиціоннаго корпуса ген. Баратова во время Великой войны. Въ связи съ этимъ допускалась возможность, что Персидское правительство захочетъ наложить руку на привозимые въ Персію товары и имущество, какъ принадлежащіе одной изъ борющихся въ Россіи силъ; то-есть въ конечномъ счетѣ Россіи.

Поэтому необходимо было создать фикцію принадлежности всего этого имущества частнымъ лицамъ.

Генералу Эрдели была послана телеграмма и вслѣдъ затѣмъ подробная докладная записка, гдѣ исчерпывающе излагалось все создавшееся положеніе. И телеграмма и докладная записка посланы были отъ имени группы общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и отъ имени А. Леонтовича и меня.

Я съ женой уѣхалъ въ Персію въ г. Энзели (на берегу Каспійскаго моря). Изъ Энзели я держалъ связь съ Петровскомъ и, пользуясь каждымъ отходящимъ пароходомъ, информировалъ оставшагося въ Петровскѣ А. Леонтовича о цѣнахъ на разные товары въ Персіи и о возможностяхъ реализаціи задуманнаго плана созданія валютнаго фонда для нуждъ отходящихъ арміи и флота.

Въ концѣ февраля (ст. ст.) я выѣхалъ по вызову А. Леонтовича въ Петровскъ и здѣсь, пробывъ около двухъ недѣль, я узналъ о томъ, что, хотя и съ большимъ опозданіемъ во времени, рѣшено экстренно вывезти изъ Петровска все, что только возможно; что все вывозимое будетъ высылаться отъ имени и на имя А. Леонтовича; что реализація всего вывозимаго будетъ произведена Учетно-Ссуднымъ Банкомъ въ Персіи (на самомъ дѣлѣ отдѣленіемъ Государственнаго Банка), учрежденія коего еще сохранились, на основаніи заявленій о томъ А. Леонтовича, выдавшаго ген. Драценко и адм. Сергѣеву нотаріальную подписку о томъ, что всѣ вырученныя суммы изъ Банка поступаютъ въ ихъ распоряженіе и А. Леонтовичъ отъ нихъ въ ихъ пользу отказывается. Для совершенія необходимыхъ отъ имени А. Леонтовича въ Энзели формальностей я, по его просьбѣ, получилъ отъ него довѣренность.

Я полагаю, что, если бы эта операція начата была своевременно и осуществлялась бы безъ задержки, то очень и очень многое могло бы быть сдѣлано, и положеніе эвакуировавшихся въ концѣ концовъ въ Энзели частей Каспій-

скаго Добровольческаго флота и арміи было бы значительно лучше, чѣмъ въ какомъ онѣ очутились въ концѣ концовъ.

Въ Петровскѣ начиналась агонія арміи, хотя большевиковъ еще и близко не было.

Ген. Драценко былъ изданъ приказъ о демобилизаціи арміи, причемъ приглашались оставаться въ арміи только тѣ, кто этого пожелаютъ добровольно. Такой же приказъ по флоту изданъ былъ и адм. Сергѣевымъ.

Изъ арміи ушла значительная часть солдатъ, изъ флота-же сравнительно незначительная часть матросовъ. Не могу не отмѣтить, что во время ухода и солдатъ и матросовъ не мало было случаевъ самаго трогательнаго прощанія уходившихъ со своими офицерами; доходило до слезъ.

Существовавшіе и раньше нелады и недоразумѣнія между моряками и армейскими еще болѣе усилились, какъ только сталъ осуществляться вывозъ имущества въ Энзели. И та, и другая группа боялись быть обманутыми другой стороной. Всѣ эти тренія естественно не шли на пользу дѣлу, а только его тормазили.

Все агонизировало, спайка была нарушена, вѣры въ дѣло и въ вождей не осталось.

Во время пребыванія моего въ Петровскѣ прибыло туда нѣсколько пароходовъ съ остатками Уральской арміи, доблестно дравшейся болѣе двухъ лѣтъ съ большевиками у себя на родинѣ и ушедшей оттуда подъ давленіемъ численнаго превосходства «красныхъ». Большинство доставленныхъ уральцевъ было въ ужасномъ состояніи: обмороженные поголовно, многіе уже полутрупы, съ омертвѣвшими или же отвалившимися конечностями. Картина, которую мнѣ пришлось видѣть при выгрузкѣ этихъ несчастныхъ, не поддается никакому описанію.

То обстоятельство, что фронтъ Уральцевъ, не будучи достаточно поддержанъ ген. Деникинымъ и союзниками, рухнетъ, было ясно еще лѣтомъ 1919 года, когда единственною связью между Добровольческой арміей и Уральской арміей были крайне недостаточныя сообщенія черезъ Каспійское море. Позднею же осенью и, въ особенности, зимою связь эта должна была совершенно оборваться, и тогда весь уральскій фронтъ оставался предоставленнымъ собственной судьбѣ. Многіе изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и старыхъ казаковъ, предвидя необходимость уходить съ фронта и вовсе изъ области, такъ какъ казачество не мирилось съ мыслью о возможности признанія власти Совѣтовъ, совѣтовали Ген. Толстову заблаговременно подготовить этапы по линіи отхода, снабдивъ ихъ продовольствіемъ и топливомъ, такъ какъ единственный путь отступленія лежалъ въ сторону Форта-Александровска, къ Каспійскому морю, проходя на протяженіи болѣе 1000 верстъ по безлюдной песчаной пустынѣ.

Толстовъ на всѣ эти представленія и совѣты заявлялъ, что онъ обо всемъ уже подумалъ и все имъ, Толстовымъ, подготовлено. Когда же пришлось на самомъ дѣлѣ уходить, оказалось, что Толстовымъ не сдѣлано было рѣшительно ничего, и несчастные Уральцы, гонимые злою судьбой, должны были двинуться въ снѣжную стужу при 20^0 морозахъ, безъ топлива и достаточнаго продовольствія; больше половины Уральцевъ дорогою погибло, а большинство дошедшихъ до моря осталось калѣками на всю жизнь.

Все, однимъ словомъ, что въ этотъ мой послѣдній пріѣздъ въ Петровскъ мнѣ пришлось увидѣть, ясно свидѣтельствовало о полномъ крушеніи борьбы «бѣлыхъ» съ «красными».

Я уѣхалъ въ половинѣ марта, а уже въ послѣднихъ числахъ марта изъ Петровска ушли флотъ и остатки войскъ. Часть ихъ пришла въ Энзели, другая, почему то, ушла въ Баку.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1920 года большевики заняли Петровскъ, въ апрѣлѣ они заняли безъ единаго выстрѣла Баку.

По свѣдѣніямъ, доходившимъ въ Персію, большевики расправились крайне жестоко въ Азербайджанѣ не только съ партизанами бѣлаго, деникинскаго, движенія, коихъ они тамъ застали, но и съ національнымъ азербайджанскимъ движеніемъ, поставивъ себѣ цѣлью его коренное уничтоженіе.

Во время подавленія возстанія въ г. Елизаветполѣ въ маѣ 1920 года погибло въ общемъ до 40.000 мусульманъ, съ которыми звѣрски расправлялись большевики.

XXVI

Закончивъ изложеніе моихъ «Воспоминаній», мнѣ все же хочется остановиться еще и на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ я, какъ одинъ изъ пережившихъ описанныя событія.

Революція 1917 года, разрушивъ прежній аппаратъ государственной русской власти и не создавъ власти другой, достаточно авторитетной и сильной, въ сущности создала лишь условія полнѣйшей свободы не столько для разумнаго государственнаго строительства, сколько для полнаго произвола и не только въ области проповѣди какихъ бы то ни было идей, но и въ области всякихъ начинаній и дерзаній.

Были ли въ Закавказьѣ для населявшихъ его народностей достаточныя основанія для проявленія національныхъ стремленій и той или иной формы «самостійности»?

Полагаю, что — нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что Закавказье съ его тремя главными господствующими народностями — грузинами, армянами и татарами не представляетъ собою территоріи, гдѣ бы каждая изъ этихъ народностей представляла собою компактную массу населенія одной національности, обладающей опредѣленной территоріей.

Такъ, татары составляютъ значительную часть населенія провинцій, считающихся населенными армянами; въ свою очередь, армяне составляютъ значительный процентъ населенія провинцій, почитающихся татарскими; провинціи Грузіи населены въ нѣкоторыхъ частяхъ, притомъ въ значительной степени, и мусульманами (татарами, турками, аджарцами) и армянами, а также осетинами. На ряду съ этимъ, во всѣхъ этихъ провинціяхъ имѣются и значительныя массы русскаго сельскаго населенія.

Чрезвычайная національная черезполосность еще во времена намѣстничества графа И. И. Воронцова-Дашкова вызвала огромныя затрудненія при разрѣшеніи вопроса о введеніи въ Закавказьѣ земскихъ учрежденій, представляя рядъ препятствій къ созданію такихъ административныхъ единицъ, которыя обезпечили бы наилучшимъ образомъ невозможность поглощенія одною національностью другой въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ. Та же національная черезполосность поставила и передъ новыми Закавказскими государственными образованіями тяжелый вопросъ о новомъ подданствѣ — вопросъ особенно тяжелый въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отнынѣ, съ образованіемъ новаго государства, для значительнаго числа населенія, принадлежащаго къ національности не господствующей,

возникалъ вопросъ о будущемъ подчиненіи ихъ представителямъ національности господствующей. Всѣ эти вопросы, не возникавшіе раньше при существованіи одной общей россійской государственной власти, одинаковой для всѣхъ, не замедлили сказаться со всею своею остротою, едва возникъ въ Закавказьѣ вопросъ о созданіи новыхъ національныхъ государствъ, заявившихъ о своей полной самостоятельности и о своемъ совершенномъ отдѣленіи отъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе, это «самостійное» движеніе должно было все же возникнуть уже по тому одному, что оно диктовалось изъ самаго центра, изъ тѣхъ политическихъ органовъ Россіи, которые играли въ нашей революціи руководящую роль.

Петроградскій Совдепъ, провозгласившій принципъ «самоопредѣленія народностей», навязанный имъ и слабому Временному Правительству, сыгралъ въ этомъ отношеніи огромную и роковую роль. Представители политическаго авантюризма разныхъ народностей Закавказья, учитывая слабость центральной власти, почувствовали почву подъ ногами, ибо созданіе новыхъ государствъ представляло для нихъ широкія перспективы удовлетворенія личнаго тщеславія и честолюбія, не говоря уже о другихъ возможностяхъ наилучшаго устроенія личнаго благополучія.

Была еще и другая причина къ государственному обособленію отъ Россіи, къ уничтоженію былой связи. Причина эта заключалась въ эгоистическомъ стремленіи, разорвавъ съ Россіей былую государственную связь, застраховать себя отъ естественныхъ послѣдствій того процесса политическаго распада, который уже ярко намѣчался въ Россіи, застраховать себя отъ большевизма и грядущаго съ нимъ неминуемаго экономическаго развала.

Будущее, недалекое будущее показало, насколько эфемерны были политическія предвидѣнія руководителей этихъ новоявленныхъ государственныхъ образованій. Когда пришелъ необходимый, съ точки зрѣнія Совѣтскаго правительства, моментъ, всѣ эти новыя государства были сметены грубою рукой новыхъ вандаловъ и эфемерныя государства Закавказья, разсчитывавшія на поддержку ихъ Европой, перестали существовать, не проявивъ не только героизма въ защитѣ своей самостоятельности, но даже не сдѣлавъ какихъ либо серьезныхъ къ тому попытокъ.

Тѣмъ не менѣе въ обстоятельствахъ провозглашенія своей самостоятельности каждою изъ главныхъ Закавказскихъ народностей и въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя ими руководили, были несомнѣнныя и глубокія различія.

Армяне въ теченіе всего процесса русской революціи не скрывали своей приверженности къ Россіи, видя въ ней естественную и единственную защитницу отъ полнаго ихъ физическаго истребленія. И въ этомъ ихъ инстинктѣ самосохраненія лежитъ и объясненіе непротивленчества армянъ русскому большевизму и порою даже фактическаго ихъ сотрудничества съ большевиками. Армяне откровенно и многократно заявляли: «Только съ Россіей, хотя бы и большевистской. чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было противъ Россіи» и «лучше большевики, они все же русскіе, чѣмъ турки».

Маленькая, безплодная Арменія, съ немногочисленнымъ, менѣе 2-хъ милліоновъ, населеніемъ, со всѣхъ сторонъ стиснутая магометанскимъ міромъ, бывъ оторвана отъ Россіи провозглашеніемъ Азербайджаномъ своей самостоятельности, вынуждена была заявить и о своей самостоятельности въ разсчетѣ на могущественную поддержку Антанты и Америки, надѣясь, что эти послѣднія не дадутъ ей окончательно погибнуть. Но, какъ только палъ Азербайджанъ, ставъ

въ апрѣлѣ 1920 года легкой добычей Совѣтской Россіи, въ Арменіи тотчасъ происходитъ большевистскій переворотъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о причинахъ, побудившихъ Грузію къ объявленію своей самостоятельности. Идеи сепаратизма процвѣтали среди части грузинской интеллигенціи и руководящихъ политическихъ круговъ Грузіи еще до войны 1914 года. И сколько бы ни отнѣкивались грузины отъ того, что часть ихъ руководителей вели тайные переговоры съ Турціей по поводу союза между Турціей и Грузіей противъ Россіи во время войны, но это — несомнѣнный фактъ, установленный документально въ самой же грузинской прессѣ. Въ средѣ грузинской интеллигенціи еще за много лѣтъ до войны 1914 года, во время празднованія столѣтняго юбилея присоединенія Грузіи къ Россіи, раздавались уже голоса, что Россія вѣроломно попрала права грузинскаго народа, установленныя актомъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

Поставленная весною 1918 года передъ угрозой продвиженія на ея территорію турецкихъ полчищъ, Грузія объявила свою самостоятельность и независимость отъ Россіи и оперлась на Германію, опасаясь, что оставшись нераздѣльной частью Россіи, она попадетъ подъ послѣдствія невыгоднаго для нея истолкованія Брестскаго договора.

Но наиболѣе серьезною изъ причинъ, обусловившихъ отдѣленіе ея отъ Россіи и провозглашеніе Грузіей своей самостоятельности, была идеологія самой сильной въ Грузіи политической партіи — соц.-дем. меньшевиковъ; послѣдніе считали, что объявленіемъ Грузіей своей независимости и установленіемъ въ ней политической власти соц.-дем. меньшевиковъ, Грузіи удастся избѣгнуть общей съ Россіей участи. Планъ ихъ казался имъ осуществленнымъ, когда самостоятельность Грузіи была признана и Совѣтской властью, силу и значеніе обязательствъ коей они, однако, переоцѣнили, въ чемъ имъ и пришлось убѣдиться уже въ февралѣ 1921 года, когда большевики открытою силою заняли Грузію и ввели въ ней свою власть.

Но, если и у Арменіи и у Грузіи могли существовать тѣ или другія, болѣе или менѣе основательныя, побудительныя причины къ отложенію отъ Россіи и къ объявленію своей независимости и самостоятельности, то никакихъ, рѣшительно, достойныхъ уваженія причинъ поступить по примѣру Грузіи и Арменіи не было, да и не могло быть, у азербайджанскихъ татаръ.

Необходимо помнить, что въ составъ территоріи Азербайджана вошли двѣ губерніи: Елизаветпольская и Бакинская съ населеніемъ крайне смѣшаннымъ, большинство котораго, правда, составляли татары.

Наиболѣе культурнымъ представлялось сельское хозяйство, бывшее въ рукахъ русскихъ и армянъ. Въ рукахъ армянъ было виноградарство и садоводство; въ рукахъ русскихъ поселенцевъ — хлопководство и высокія сельско-хозяйственныя культуры.

Имѣвшій міровое экономическое и промышленное значеніе, гор. Баку, съ его нефтянымъ промысловымъ раіономъ (90% коего принадлежали русскимъ фирмамъ), созданъ исключительно русскими руками и на русскія деньги и абсолютное большинство его населенія — христіанское и главная масса — русская, не говоря уже объ интеллигенціи.

О значеніи Баку и его нефтяныхъ промысловъ въ общемъ государственномъ хозяйствѣ Россіи говорить, врядъ ли, много нужно, ибо всѣмъ хорошо извѣстно, что и значительная часть русской промышленности и русскаго транспорта были главными потребителями бакинской нефти и ея продуктовъ.

Татарское населеніе, какъ гор. Баку, такъ и упомянутыхъ двухъ губерній, составившихъ государственную территорію «Азербайджанской Республики» не имѣло положительно никакихъ основаній быть болѣе недовольнымъ прежней политикой русской государственной власти, чѣмъ, скажемъ, коренное населеніе другихъ окраинъ Россіи. Лично проживъ въ татарами около 25 лѣтъ, могу сказать, что мнѣ не приходилось ни наблюдать, ни слышать въ массахъ татарскаго населенія какихъ либо выраженій ихъ недовольства именно русскою властью и политикою русскаго правительства, которое, въ особенности въ последніе годы, сдѣлало много для окончательнаго раскрѣпощенія татарскихъ массъ отъ остававшихся еще пережитковъ феодализма.

Заявленіе о томъ, что татары Закавказья были не довольны (считали себя обиженными) тѣмъ, что были освобождены отъ личнаго выполненія воинской повинности — явная ложь, и могу, наоборотъ, засвидѣтельствовать, что введеніе этой повинности Азербайджанскимъ правительствомъ было встрѣчено населеніемъ съ крайнимъ недовольствомъ.

Не было у азербайджанскихъ татаръ и основаній, какъ у Грузіи и Арменіи, ревновать къ своему историческому прошлому, ибо никогда не существовало въ исторіи государства, объединявшаго татарское населеніе, той территоріи, которая была объединена въ 1918 году въ самостоятельную и независимую Азербайджанскую Республику; территорія эта и народъ ее населявшій, до включенія ихъ въ составъ Россійской Имперіи, представляли цѣлый рядъ отдѣльныхъ вассальныхъ провинцій Персіи, отъ которой перешли къ Россіи въ результатѣ ряда неудачныхъ для Персіи войнъ, на основаніи законныхъ актовъ — международныхъ трактатовъ.

Необходимо отмѣтить и еще одну, весьма важную, подробность въ прошломъ азербайджанскихъ татаръ: у нихъ въ прошломъ никогда не замѣчалось какихъ либо симпатій или тяготѣнія къ туркамъ и къ Турціи. Въ то время, какъ среди части горцевъ Дагестана тяготѣніе къ Турціи претворилось въ 1877—78 г. г., во время Русско-Турецкой войны, въ возстаніе на побережьи Каспійскаго моря, азербайджанскіе татары, во время безконечныхъ въ XIX столѣтіи войнъ Россіи съ Турціей. оставались всегда лойяльными по отношенію къ Россіи. Объясненіе этому факту нужно искать въ религіозной нетерпимости шіитовъ-татаръ къ суннитамъ-туркамъ, нетерпимости весьма сильной, въ особенности, если имѣть въ виду низкій уровень культуры азербайджанскихъ татаръ.

Но уже за время Великой Войны мнѣ лично пришлось наблюдать среди близкихъ мнѣ знакомыхъ татаръ обостреніе у нихъ чувства интереса къ Турціи и къ Германіи и явныя симпатіи ихъ къ послѣднимъ. Среди части азербайджанскихъ татаръ было весьма распространено убѣжденіе въ конечной побѣдѣ центральныхъ державъ, то-есть въ побѣдѣ Германіи и Турціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Германія много поработала не только въ дѣлѣ самаго созданія этихъ симпатій, но и вообще въ планы ея входило наиболѣе широкое насажденіе и распространеніе идей пантюркизма и пантуранизма.

И Англія и Россія, наиболѣе опасные для Германіи, да и для Турціи, противники, насчитывали въ числѣ своихъ подданныхъ многіе милліоны магометанъ, а потому созданіе въ колоніяхъ Англіи и въ предѣлахъ Россіи серьезнаго всемусульманскаго движенія явно входило въ задачи Германіи, которой усиленіе Турціи не угрожало рѣшительно ничѣмъ.

Сепаратизмъ Азербайджана былъ насажденъ опытною рукою турокъ, разжегшихъ честолюбивые замыслы представителей мѣстнаго

политическаго авантюризма, для которыхъ внутреннее крушеніе России и ея временное, надѣемся, ослабленіе представляли столь благопріятныя обстоятельства.

Развѣ могли среднихъ способностей юристы, ничѣмъ не выдававшіеся раньше въ своей профессіи врачи, захудалые учителя и т. д., мечтать играть сколько нибудь выдающуюся роль какъ въ Русской революціи, такъ и въ будущей демократической Россіи? И иныя совершенно возможности открывались передъ этими политическими авантюристами въ условіяхъ самостоятельнаго существованія, то-есть при условіи отдѣленія отъ Россіи.

Правители Азербайджана продѣланнымъ ими опытомъ государственнаго управленія не убѣдили и Западную Европу въ правотѣ своего дѣла и не смогли никому вселить мысли о серьезности своихъ начинаній. Азербайджанъ и по сей день никѣмъ не признанъ за государство, въ то время какъ Арменія и Грузія, нынѣ самостоятельно уже не существующія, признаны Европой.

Но, къ счастью и для самаго Азербайджана, и для будущей Россіи, сепаратизмъ Азербайджана — весьма не глубокъ.

А кратковременное пребываніе въ Баку и въ Азербайджанѣ турокъ оставило въ населеніи самую печальную о нихъ память.

Вотъ почему я полагаю, что возсоединеніе Россіи и Закавказья, съ прекращеніемъ смуты внутри самой Россіи, есть дѣло недалекаго затѣмъ будущаго.

Приблизительно до начала XX столѣтія Закавказье содержалось за счетъ центра, то-есть, иначе говоря, за счетъ русскаго крестьянина. Лишь съ начала 1900-хъ годовъ Закавказье, въ особенности благодаря бакинской нефтепромышленности, стало себя окупать, не считая, конечно, тѣхъ колоссальныхъ тратъ, которыя сдѣланы были Россіей на пути сообщенія, всевозможныя сооруженія, ирригацію, созданіе ряда новыхъ культуръ и т. д.

И всего того, что создано было Россіей и ея денежными средствами въ Закавказьѣ, было такъ много, что за пять лѣтъ революціи Закавказье смогло самостоятельно просуществовать: Азербайджанъ — за счетъ той нефти, которую онъ собиралъ, пользуясь до того созданною промышленностью, а Грузія — за счетъ того огромнаго военнаго имущества и всякихъ запасовъ (сахара, провіанта, обмундированія, машинъ, автомобилей и т. д.), которые были собраны въ Тифлисѣ и др. мѣстахъ, составлявшихъ базы всего Кавказскаго фронта, какъ равно и за счетъ огромнаго государственнаго имущества, принадлежавшаго Россіи. Но остатки русскаго достоянія приходятъ, если уже не пришли, въ Закавказьѣ къ концу. Разсчетъ на иностранцевъ оказался весьма ненадеженъ, ибо послѣдніе готовы придти и вложить свои капиталы въ промышленность или торговлю, но для того лишь, чтобы на этомъ нажить. Предположить, чтобы какая бы то ни было иностранная держава взялась расходовать свои народныя средства на созданіе изъ Закавказья колоніи — болѣе чѣмъ наивно, въ особенности, имѣя въ виду, что возродившаяся Россія такого хозяйничанья у себя подъ бокомъ не потерпитъ.

Въ силу всего этого, возстановленіе промышленности и экономической, а также государственной жизни въ Закавказьѣ несомнѣнно явится въ будущемъ дѣломъ Россіи.

Экономическое тяготѣніе Закавказья къ Россіи неминуемо и естественно, а оздоровленная государственность Россіи найдетъ безболѣзненные и вполнѣ пріемлемые для этой своей окраины пути для возсоединенія ея съ центромъ.

Январь—Мартъ, 1922 г.

Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента

Н. Плешко

Въ томъ, что я пишу, нѣтъ ничего выдуманнаго. Все это было въ дѣйствительности. Это сама жизнь. «Я беру кусокъ жизни и не лѣплю изъ нея ничего, а преподношу этотъ кусокъ въ сыромъ видѣ». Мнѣ долго не приходило въ голову написать то, что я называю «изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента». Мнѣ казалось, что почти всѣ наши современники имѣютъ такъ много въ прошломъ, такъ много перенесли и испытали, что мои воспоминанія будутъ блѣдными, неинтересными и ненужными. Прошло много времени, пока я взялся за перо. Сдѣлать это меня убѣдили мои знакомые, которыхъ я занималъ въ тоскливые вечера изгнанія своими «разсказами изъ прошлаго». Многое изъ прошлаго я забылъ, разсказъ мой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ будетъ касаться не только эпохи большевизма, онъ не всегда будетъ сохранять хронологическую послѣдовательность и иногда будетъ носить характеръ отрывка, не имѣющаго связи съ прошлымъ, но это меня не смущаетъ, ибо повторяю, я намѣренъ преподнести свои воспоминанія въ формѣ сырого, необработаннаго «куска жизни». Я ничего не прикрасилъ и записалъ лишь все то, что пережилъ, все то, что остановило мое вниманіе, что оставило слѣдъ въ моемъ умѣ и сердцѣ и что я не забылъ.

«Николай Оберемокъ»

Разсказъ о Николаѣ Оберемкѣ относится къ 1914 году. Я былъ назначенъ Товарищемъ Прокурора С-го Окружнаго Суда, но еще не сдалъ своихъ дѣлъ по должности Судебнаго Слѣдователя. 27 апрѣля я получилъ отъ Полиціи увѣдомленіе о томъ, что въ трехъ верстахъ отъ м. Златополя, гдѣ я проживалъ по обязанностямъ своей службы, на одномъ изъ хуторовъ совершено убійство — убита молодая, красивая женщина, жена запасного военнаго фельдшера, находящагося въ г. Львовѣ, и ея двоюродная сестра — 11-лѣтняя дѣвочка, исполнявшая роль няни при двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ. Отправившись въ тотъ же день къ мѣсту преступленія, я увидѣлъ слѣдующую картину: окно дома, гдѣ было совершено убійство, оказалось вырваннымъ вмѣстѣ съ рамой. Убитые лежали на полу между «палатями» и печкой и названнымъ окномъ, черезъ которое, повидимому, проникли убійцы. Одна изъ убитыхъ, — жена фельдшера, лежала лицомъ внизъ, и

была лишена жизни путемъ удушенія при посредствѣ краснаго шерстяного пояса, который носятъ обыкновенно крестьянки; другая же лежала на трупѣ первой, лицомъ вверхъ, причемъ на лицѣ покойной зіяло нѣсколько ранъ, происхожденіе которыхъ могло опредѣлить лишь судебно-медицинское вскрытіе. Изъ опроса свидѣтелей на мѣстѣ я выяснилъ, что убійство было совершено съ цѣлью грабежа подъ вліяніемъ слуховъ о томъ, что покойная въ послѣднее время сказочно разбогатѣла, получая отъ своего мужа, находящагося въ Галиціи, очень много денегъ и цѣнныхъ вещей. Дѣйствительно, обстановка дома, гдѣ проживала покойная, не была похожа на обстановку обыкновенной, хотя бы зажиточной крестьянской семьи — стѣны были украшены прекрасными картинами и дорогими коврами, на комодѣ оказалось нѣсколько изящныхъ фарфоровыхъ статуэтокъ, которыя сами какъ бы говорили, что попали сюда по недоразумѣнію, будучи занесены изъ богатыхъ австрійскихъ домовъ вихремъ алчности, разнузданности и неуваженія къ чужой собственности, порожденнымъ кровавымъ кошмаромъ насилія — именуемаго войной, поднявшагося въ «завоеванныхъ мѣстахъ» и пронесшагося затѣмъ позже въ Россіи свирѣпымъ ураганомъ подъ лозунгомъ «грабь награбленное».

Никакихъ вещественныхъ доказательствъ, которые могли бы хоть немного приподнять таинственную завѣсу надъ только что разыгравшейся драмой, обнаружено не было. Перечитывая старыя письма, оказавшіяся въ одномъ изъ ящиковъ въ домѣ покойной, я натолкнулся на письмо, полученное покойной отъ мужа изъ Львова и датированное 7 апрѣля, которое остановило мое вниманіе и очень заинтересовало. Въ этомъ письмѣ корреспондентъ жаловался на душевную тяжесть и постоянный гнетъ и тревогу подъ вліяніемъ видѣннаго имъ сна. Ему снилось, что во дворѣ его дома стоятъ два гроба, а въ саду, гдѣ его братъ копалъ колодецъ, находился третій гробъ. Въ первомъ гробу лежала его жена, а во второмъ ея двоюродная сестра. Очертанія третьяго гроба ему долго не были ясны. Лишь только тогда, когда братъ его вырылъ колодецъ и «потекла чистая, свѣтлая вода» передъ нимъ съ ясностью выяснились очертанія третьяго гроба. Гробъ этотъ былъ чернаго цвѣта въ противоположность первымъ двумъ бѣлымъ гробамъ. Въ гробу этомъ лежалъ молодой человѣкъ, ему совершенно незнакомый.

Прочтя это письмо, я былъ пораженъ. Какъ могъ присниться такой страшный, такой вѣщій сонъ за 20 дней до убійства. Гдѣ разгадка этому? Скажу впередъ, разгадки этой я не нашелъ и впослѣдствіи. Сонъ съ поразительной точностью предсказалъ первую часть драмы, — смерть двухъ покоившихся въ бѣлыхъ гробахъ. Кто же тотъ, кому готовила судьба «вѣчное упокоеніе» въ черномъ гробу? Фантазія моя подсказывала мнѣ, что третій гробъ, черный гробъ долженъ принадлежать тому, на рукахъ кого кровь погибшихъ. Внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что убійца будетъ найденъ, и такъ какъ дѣла объ убійствахъ, ввиду войны въ той мѣстности, гдѣ происходило описываемое, подсудны были военнымъ судамъ, то преступникъ будетъ казненъ и, такимъ образомъ, исполнится предсказаніе сна и по поводу финала этой драмы. Дѣйствительно, сонъ исполнился и во второй части, но нѣсколько иначе, чѣмъ я предполагалъ, иначе, чѣмъ диктовала мнѣ моя «логика», если, конечно, допустимо вообще говорить о логикѣ въ подобныхъ вещахъ. Однако, не буду забѣгать впередъ.

Прошло дня три. Слѣдствіе не подвинулось ни на іоту. Убійца оставался необнаруженнымъ. Всѣ попытки мои напасть на слѣдъ преступника оказывались тщетными. Онъ не оставилъ никакого слѣда. Пробовалъ я допрашивать

одного изъ свидѣтелей убійства — 3-лѣтняго сына покойной (другому ея ребенку было всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ), но изъ этого ничего не вышло. Испуганный мальчикъ, къ тому же плохо развитой, едва говорилъ и я ничего отъ него не добился.

Наконецъ, на третій день послѣ убійства у меня мелькнула надежда. Мнѣ доложили, что на полицейскомъ дознаніи, при допросѣ по моему распоряженію урядникомъ одного изъ арестантовъ, работавшихъ на казенныхъ работахъ въ имѣніи гр. Бобринскаго, вблизи котораго находились названные хутора, гдѣ было совершено убійство, арестантъ этотъ показалъ, что дня за два до убійства къ нему приходилъ его знакомый, мѣстный парень, «Николай Оберемокъ», работавшій на кирпичномъ заводѣ, и выражался такъ: «ахъ, жаль, братъ Ванька, что ты въ тюрьмѣ, а то мы надѣлали-бъ съ тобою хорошихъ дѣлъ». Оберемокъ былъ взятъ сейчасъ же подъ негласный надзоръ полиціи и вскорѣ было замѣчено, что онъ нѣсколько разъ заходилъ въ казармы, гдѣ помѣщались арестанты, и о чемъ то разговаривалъ съ «Ванькой». Будучи спрошенъ по поводу этихъ посѣщеній «Ванька» сознался, что Оберемокъ приходилъ къ нему и спрашивалъ совѣта, какъ бы ему «спастись отъ собаки-ищейки», о прибытіи которой носился въ деревнѣ слухъ, причемъ «Ванька», прося вознагражденіе въ суммѣ 25 рублей, обѣщалъ вывести Оберемка «на свѣжую воду». Получивъ обѣщаніе о вознагражденіи, «Ванька» заявилъ, что въ три часа дня у него будетъ совѣщаніе съ Оберемкомъ въ экономической банѣ. Въ назначенное время урядникъ съ двумя понятыми, пробравшись въ баню и спрятавшись подъ полками стали ожидать Оберемка и Ваньку. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого въ баню явился сначала «Ванька», а за нимъ Оберемокъ и между ними произошелъ такой разговоръ: «ну, что принесъ то, что обѣщалъ», спросилъ Оберемокъ. «Да», отвѣтилъ Ванька, «но я боюсь, что это для тебя будетъ очень дорого. стоитъ — 1 руб. 20 коп.». «Ничего, отвѣтилъ первый, я готовъ заплатить и 3 руб. лишь бы помогло противъ этой проклятой собаки, а то пропадешь». — «Ну, хорошо, разсказывай, какъ и съ кѣмъ ты убивалъ, а я буду тебя мазать. Эта мазь, ежели ею вымазаться, отбиваетъ нюхъ у собаки». Послѣ этихъ словъ Оберемокъ, совершенно успокоившись, нисколько не стѣсняясь, нарисовалъ своему «другу» полную картину убійства, назвавъ своихъ двухъ соучастниковъ.

На вопросъ же «Ваньки», гдѣ его одежда, въ которой онъ совершилъ убійство, Оберемокъ сказалъ, что таковая находится въ домѣ его матери.

Послѣ того, какъ Оберемокъ и «Ванька» покинули баню, послѣдній былъ немедленно арестованъ. При производствѣ обыска въ домѣ его матери была найдена его одежда со слѣдами крови.

Однако, Оберемокъ, не допуская мысли, что онъ можетъ быть преданъ своимъ пріятелемъ, ни за что не хотѣлъ сознаваться, ломался и, принявъ вызывающій тонъ, сталъ кричать и браниться. Смирился же онъ лишь только тогда, когда ему задали вопросъ, почему у него вся одежда и даже тѣло покрыты большими жирными пятнами. Повидимому, онъ догадался, что мазь «противъ собаки», изобрѣтенная «Ванькой» — есть средство, къ которому тотъ прибѣгъ, предавая его въ руки полиціи.

Когда Оберемокъ былъ приведенъ ко мнѣ, я задалъ ему вопросъ о виновности, но онъ отвѣтилъ, что не виновенъ и арестованъ «фараонами» (такъ назвалъ онъ полицію) «безвинно», причемъ онъ выразилъ увѣренность, что я, какъ «гуманная судейская власть», разберу его дѣло и немедленно освобожу его изъ-подъ стражи, такъ какъ для него, какъ для человѣка, собирающагося вступить

добровольцемъ въ ряды войскъ, «борющихся за миръ всего міра», самая мысль о томъ что онъ можетъ обвиняться въ убійствѣ беззащитныхъ женщинъ и притомъ съ цѣлью грабежа прямо таки оскорбительна. Оберемокъ говорилъ такимъ убѣдительнымъ, искреннимъ, спокойнымъ тономъ, такъ ясно и открыто смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что если бы я не зналъ обстоятельствъ дѣла, то, пожалуй, повѣрилъ бы въ его невинность.

Видя, что его краснорѣчіе на меня не дѣйствуетъ, онъ вдругъ замолчалъ и опустилъ голову, затѣмъ быстро ее поднялъ и, видимо, рѣшившись, произнесъ со злобой: «А, вотъ какъ, крови моей захотѣли, нате, пейте ее. Развяжите мнѣ руки. Я буду говорить». Когда по моему приказанію ему развязали руки, онъ быстро направился къ столу, за которымъ сидѣлъ я съ приставомъ, и подойдя къ послѣднему, произнесъ: «рубите мнѣ голову, я убилъ ее». Затѣмъ Оберемокъ сознался во всемъ, подробно нарисовалъ мнѣ картину убійства, сказалъ, что убійство онъ совершилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пьяныхъ и Николаемъ Гулей, жителями сосѣдняго села Б... Говоря, Оберемокъ все время посмѣивался и съ такимъ цинизмомъ расписывалъ мученія, которымъ онъ подвергалъ своихъ жертвъ, что мнѣ просто стало противно и къ концу допроса я его возненавидѣлъ. Вспоминая теперь иногда громадную фигуру Оберемка, его медвѣжьи лапы, его цинизмъ и смѣхъ, я начинаю понимать откуда берутся у Дзержинскаго кадры его палачей. Очевидно, убійство — это ихъ потребность.

По его словамъ дѣло было такъ. Сговорившись на преступленіе, онъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пьяныхъ и Николаемъ Гулей, отправился ночью въ указанное время къ дому покойной. Ночь была вѣтренная, темная, глухая. Лишь жалобно скрипѣли деревья въ саду отъ вѣтра. Подойдя къ хатѣ соучастники заколебались. Кто первый войдетъ въ хату? Тогда Оберемокъ, чтобы пресѣчь нерѣшительность своихъ товарищей, ударилъ находившейся у него въ рукахъ желѣзной палкой въ стекло окна, разбилъ его и быстро захвативъ рукояткой этой палки перекладину рамы, вырвалъ ее съ мѣста, а затѣмъ такъ же быстро вскочилъ въ хату. За нимъ послѣдовали его соучастники. Несмотря на поднятый ими шумъ, звонъ разбитаго стекла и трескъ попавшихъ подъ ноги молочныхъ кувшиновъ, стоявшихъ у окна, въ хатѣ оставалось все спокойно. Очевидно, люди находившіеся въ хатѣ потеряли отъ страха способность кричать и даже встать съ своего мѣста. Женщина спала на печкѣ, а дѣвочка на полатяхъ. Подойдя къ первой и заставя ее встать, преступники, обвязавъ ей шею ея же краснымъ поясомъ, стали водить свою жертву по хатѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, требуя, чтобы она показала спрятанныя ею цѣнности и деньги. Женщина повиновалась, но, словно окаменѣвъ, молчала, тупо наблюдая за происходившимъ. Не добившись отъ нея ничего, не смотря на причиняемые побои, преступники озлобленные «ея упрямствомъ», повалили ее на полъ и Оберемокъ сталъ топтать ея пальцы своими ногами, обутыми въ подкованные желѣзомъ сапоги. Не выдержавъ этой картины, Гуля вылѣзъ изъ хаты, сказавъ товарищамъ, что онъ будетъ стеречь у окна. Въ то время, когда Оберемокъ мучилъ женщину, она тихо сказала: «Коля, тебѣ не стыдно?». Эти слова рѣшили ея участь. Преступники поняли, что женщина знаетъ ихъ, а потому тутъ же рѣшили «покончить съ ней». Пьяныхъ взялъ одинъ конецъ пояса, завязаннаго на шеѣ ихъ жертвы, а Оберемокъ другой и, потянувъ ихъ, они безъ труда задушили ее. Все это происходило при свѣтѣ, такъ какъ преступники, разыскивая деньги, зажгли лампу, на глазахъ 11-лѣтней дѣвочки, которая, взявъ на руки грудного ребенка и закутавъ его, смотрѣла на все происходившее широкими, полными ужаса

глазами. «Любопытно было видѣть, какъ эта дѣвченка смотрѣла на насъ, глаза у ней стали, какъ у совы круглые, прямо смѣхъ», — говорилъ Оберемокъ. Когда была убита женщина, Оберемокъ подошелъ къ дѣвочкѣ. Онъ приказалъ ей положить ребенка и снять платокъ, и когда она все это покорно исполнила, Оберемокъ схватилъ ее руками за шею и сталъ душить. «Да развѣ ее задушишь», говорилъ Оберемокъ, смѣясь, «шея у нея тоненькая, какъ у цыпленка. Тогда я взялъ ее за ноги и ударилъ объ полъ головой. Я думалъ, ну, теперь конецъ. Однако, между прочимъ, можете себѣ представить, Ваше Благородіе, дѣвченка то не сдохла — она шевелилась. И померла лишь только тогда, когда я сталъ топтать ея голову ногами» . . .

Все было кончено. Оставаться въ хатѣ не было нужды. Нужно было уходить. И вотъ, когда убійцы собрались вылѣзти въ окно, они замѣтили, что на печкѣ, гдѣ спала покойная, что-то «шевелится». Оказалось, что это 3-лѣтній сынъ покойной поднялъ голову и смотритъ. Очевидно, несчастный мальчикъ видѣлъ все. Оберемокъ предложилъ убить и ребенка, но Пьяныхъ, проявляя почему-то великодушіе, сказалъ: «чортъ съ нимъ». Послѣ этого убійцы, выйдя черезъ окно, скрылись въ ночной темнотѣ. Когда они подходили къ своей деревнѣ, Пьяныхъ замѣтилъ, что Оберемокъ несетъ взятыя въ хатѣ убитыхъ ножницы и топорикъ. Онъ велѣлъ ему бросить эти вещи, а также и желѣзную его палку въ озеро. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ веденіи предварительнаго слѣдствія, вода изъ озера была выпущена, и вещи эти были оттуда извлечены и пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.

При судебно-медицинскомъ вскрытіи труповъ оказалось, что все лицо убитой дѣвочки изрѣшетено какимъ-то острымъ орудіемъ — были пробиты хрящи носа, выколоты глаза и т. д.

Допрошенный по этому поводу Оберемокъ объяснилъ, что онъ «для смѣха» послѣ смерти дѣвочки «долбилъ» ея лицо своей желѣзной палкой.

Допросивъ Оберемка и препроводивъ его въ тюрьму, я отправился въ деревню Б. . . съ цѣлью ареста Пьяныхъ и Гули и для производства въ ихъ домахъ обысковъ. Пьяныхъ дома не оказался, онъ отправился вмѣстѣ со своей сожительницей въ церковь. Произведенный въ его домѣ обыскъ не далъ никакого результата. Въ то время, когда я производилъ въ домѣ Пьяныхъ обыскъ, туда привели задержаннаго Гулю.

Сначала Гуля отрицалъ свое участіе въ убійствѣ и утверждалъ, что въ ночь убійства онъ былъ у своей знакомой «дѣвки». Когда же я приказалъ пригласить эту «дѣвку», Гуля страшно заволновался, сталъ просить не безпокоить ее и все обѣщалъ разсказать. Очевидно, ему было стыдно смотрѣть въ глаза своей невѣстѣ. Послѣ этого Гуля не сталъ больше запираться и чистосердечно разсказалъ все о своемъ участіи въ убійствѣ, причемъ разсказъ его вполнѣ совпалъ съ разсказомъ Оберемка. Гуля держался скромно и спокойно. Окончивъ свое показаніе, которое, повидимому, самого его очень волновало, Гуля, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на землю и поникъ головой въ тяжеломъ раздумьи, съ полной покорностью своей судьбѣ. Послѣ допроса Гули всѣ случайные слушатели его разсказа разошлись, и возлѣ хаты Пьяныхъ остался я, полицейскій приставъ, переодѣтый стражникъ Шумило и почтенный старикъ съ лицомъ святого — мѣстный староста. Я сидѣлъ за столомъ возлѣ хаты и записывалъ показаніе Гули. Вдругъ у меня явился вопросъ, который я выпустилъ изъ виду при допросѣ, вопросъ о деньгахъ, взятыхъ у убитой. Я задалъ этотъ вопросъ Гулѣ. Онъ отвѣтилъ, что денегъ они не нашли. И когда я высказалъ предполо-

женіе, что деньги, можетъ быть, спрятаны у «дѣвки» и выразилъ намѣреніе пригласить ее для допроса, Гуля снова заволновался и, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать по свѣже-вспаханному огороду къ улицѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыться. Въ этотъ моментъ, что-то словно застлало мое сознаніе, я забылъ, что я слѣдователь, что не моя обязанность ловить преступниковъ. Единственное чувство, владѣвшее мною въ тотъ мигъ, это упорное желаніе не упустить преступника. Мало отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлаю, я бросился вмѣстѣ съ приставомъ и стражникомъ Шумило въ погоню за убѣгавшимъ. Я бѣжалъ въ серединѣ и видѣлъ, что приставъ, съ блѣднымъ лицомъ, на ходу сбрасываетъ свое пальто, мѣшавшее его бѣгу, въ то время, какъ Шумило тщетно старается вытащить изъ кармана своихъ брюкъ, запутавшійся въ шнурѣ «наганъ». Почти не сознавая, что я дѣлаю, я выхватилъ, находившійся у меня въ карманѣ «браунингъ» и произвелъ въ убѣгавшаго выстрѣлъ. Судя по поднявшейся пыли, пуля ударила въ землю впереди бѣгущаго. Я выстрѣлилъ снова и промахнулся вторично. Послѣ второго выстрѣла, Гуля вдругъ остановился, повернулся и бѣгомъ направился намъ на встрѣчу. Мы остановились въ напряженно-тревожномъ ожиданіи, не зная намѣренія преступника. Хотѣлъ ли онъ сопротивляться или рѣшилъ прорвать нашу цѣпь, чтобы затѣмъ скрыться въ садахъ, мы не знали. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, Гуля совершенно неожиданно бросился въ сторону и добѣжавъ въ нѣсколько шаговъ до колодца, котораго мы раньше не замѣтили, вскочилъ на его срубъ и прыгнулъ въ воду. Это было такъ неожиданно, что въ первую минуту мы остолбенѣли, но вслѣдъ за этимъ бросились искать багры и веревки. Попытки наши спасти Гулю не увѣнчались успѣхомъ, несмотря даже на выдающуюся храбрость Шумило, который, обвязавъ себя веревкой, спустился вслѣдъ за Гулей и пытался зацѣпить за его рубаху багромъ, эти попытки ни къ чему не привели, такъ какъ Гуля отрывалъ руками крючекъ багра отъ своей рубахи и снова погружался въ воду. Минутъ черезъ десять его, однако, вытащили, но вытащили уже трупъ. Сонъ исполнился и во второй части. Третій гробъ, черный гробъ былъ гробъ преступника.

Въ тотъ моментъ, когда вытащили трупъ Гули, къ колодцу, пробираясь черезъ густую толпу собравшихся въ одну минуту сельчанъ, подбѣжалъ со страшнымъ крикомъ его отецъ. Увидя мертваго сына, онъ сначала бросился къ его трупу, а затѣмъ ко мнѣ и приставу. «Развѣ такъ можно, господа начальство, кричалъ онъ, запугали ни въ чемъ неповинное дитя, вотъ онъ и утопился отъ страха. Кто теперь мнѣ за него заплатитъ». Появленіе старика, его безумный видъ, его отчаяніе, его неистовые крики ударили по нервамъ толпы. Она была на сторонѣ Гули-отца. Я слышалъ въ толпѣ негодующіе возгласы, я видѣлъ суровыя лица, со злобой смотрѣвшія на насъ. Кольцо народа, въ которомъ мы очутились, все болѣе и болѣе сжималось. Наше положеніе съ каждой секундой становилось страшнѣй и опаснѣй. Приставъ, обыкновенно очень хвастливый, властный крикунъ и «мордобой», стоялъ весь блѣдный, опустивъ глаза. Тогда я какъ-то неожиданно очутился спасителемъ положенія. Нервы мои были приподняты до нельзя, я былъ золъ на убійцъ, меня возмущала толпа — какъ можетъ она такъ быстро забыть злодѣяніе, неужели она идейно съ убійцами, въ ней даже нѣтъ чувства самосохраненія и полное равнодушіе къ погибшимъ. Разнообразіе всѣхъ этихъ мыслей и чувствъ заставило меня дѣйствовать, сознаюсь, почти безсознательно. Я закричалъ во всю силу своихъ легкихъ: «Молчать. Староста, иди сюда. Скажи имъ, сказалъ я какъ можно громче,

ты вѣдь былъ свидѣтелемъ того, какъ сознавался Гуля». Староста вышелъ медленно изъ толпы и спокойно поглаживая свою сѣдую бороду, обратился къ старику Гулѣ: «Нѣтъ, Корнѣичъ, ты это напрасно. Грѣха нечего таить, сынка твоего никто не пугалъ. Онъ самъ все разсказалъ чистосердечно». И староста не торопясь сталъ передавать содержаніе показанія Гули, рисуя своимъ корявымъ языкомъ картину убійства и страданія погибшихъ. Его спокойный тонъ, которымъ велся разсказъ, его рѣчь, столь понятная толпѣ, слушавшей съ напряженнымъ вниманіемъ, сразу повернула ея настроеніе. Какъ только онъ смолкъ, толпа загудѣла, послышались возгласы: «ну, и люди пошли, звѣри. Женщинъ убиваетъ, а ты имъ и слова не скажи. Собакѣ собачья смерть. Да, что вы молчите, кидайте и батьку въ колодецъ. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ».

Я побѣдилъ. Путь былъ свободенъ. Теперь толпа почтительно разступалась передъ нами. Я прошелъ на улицу къ своему экипажу. Тамъ меня ждала радость: привезли третьяго и послѣдняго виновника преступленія — Пьяныхъ.

Слѣдствіе было поставлено на рельсы. Главное было сдѣлано. Оставались лишь детали.

Заканчивая свой разсказъ, я скажу нѣсколько словъ о Пьяныхъ. Пьяныхъ единственный изъ трехъ преступниковъ, уже судился ранѣе и былъ лишенъ за разбой правъ состоянія. Отбывъ наказаніе за разбой и судившись ранѣе нѣсколько разъ за кражи, онъ, сойдясь съ теперешней своей сожительницей, жилъ въ теченіи 5 лѣтъ, какъ честный человѣкъ, былъ очень трудолюбивъ и пользовался среди своихъ односельчанъ хорошей репутаціей.

Любопытно, что этотъ человѣкъ, совершившій столь жестокое убійство, при разставаніи со своей сожительницей, когда его отправляли въ тюрьму, проявилъ такія трогательныя чувства привязанности и глубокой любви, которыя предполагать въ немъ было никакъ нельзя. Онъ плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, цѣловалъ любимую женщину, и его съ трудомъ оторвали отъ нея. Все время онъ просилъ у нея прощенія за то, что заставляетъ ее страдать, и благодаря своему преступленію оставляетъ ее одну.

Странная судьба и этой женщины: отецъ ея и два первыхъ мужа были судимы и сосланы въ каторжныя работы за убійство.

Послѣ Февральской Революціи.

Начало семнадцатаго года. Я въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Атмосфера тамъ, какъ и во всей Россіи, напряженная; въ обществѣ, подъ вліяніемъ нашихъ военныхъ неудачъ, душевная подавленность, глухое недовольство правительствомъ, которое обвиняютъ въ измѣнѣ; увеличивающееся къ тому времени дезертирство изъ войскъ быстро повышало преступность, упавшую было очень въ началѣ войны. Чувствуется, что такъ продолжаться не можетъ. Нужна гроза, которая бы освѣжила атмосферу, нужно что то, что могло бы дать новыя силы для борьбы, необходимо влить бодрость въ души уставшихъ и упавшихъ духомъ. Въ то время лозунгъ «все для войны» еще не сталъ гаснуть. Ради побѣды надъ врагомъ готовы были жертвовать многимъ. Но вотъ свершилось. Февральскій переворотъ, упавшій такъ неожиданно на головы гражданъ, не испугалъ. Всѣ вѣрили, что теперь успѣхъ въ борьбѣ обезпеченъ. Вѣдь только

это настроеніе всей Россіи отъ столицъ до глухихъ угловъ провинціи дало силы Думѣ въ ея борьбѣ съ правительствомъ. Была глубокая увѣренность въ томъ, что Временное Правительство достаточно сильно, чтобы удержать настроеніе гражданъ въ руслѣ стремленія воевать до побѣднаго конца. Но прошло очень мало времени и въ душу стали закрадываться смутныя опасенія, «что смѣна шоффера», какъ тогда говорили, можетъ стоить Россіи очень дорого. Сразу же стала чувствоваться слабость правительства, не сумѣвшаго поднять настроеніе народа для творчества, самоограниченія, выдержки и терпѣнія, столь необходимыхъ во время войны. Толпа поняла свободу въ смыслѣ права на разрушеніе. И первой, подъ ударами никѣмъ не обуздываемой жаждой разрушенія, пала полиція, — то-есть власть исполнительная. Я не беру на себя задачи защищать до-революціонную полицію, но не могу удержаться отъ упрека по адресу правительства, которое такъ легко отказалось отъ органа, хотя далеко и несовершеннаго, но который, какъ охранитель порядка, былъ необходимъ, въ особенности же въ то время, когда такъ повысилась преступность, когда страна кишѣла шпіонами и пораженцами всѣхъ видовъ. Пала полиція — органъ охраны и исполненія, взамѣнъ не было ничего создано, и центральная власть осталась безъ связи со страной, попавшей сейчасъ же въ руки преступниковъ и хулигановъ. Замѣнить полицію вновь возникшая милиція, конечно, не могла. Въ милицію бросились служить всѣ, кому не лѣнь, кто матеріально нуждался, кто захотѣлъ хотя бы маленькой власти. Какъ будто вся дѣятельность полиціи, имѣвшей, конечно, много своихъ недостатковъ сводилась только къ «тащить и не пущать». О необходимости въ борьбѣ съ преступностью опытности, навыка, дисциплины тогда не думали. Народъ творилъ съ молчаливаго согласія совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ «свою волю», а правительство было безсильно. На мѣстѣ пристава, въ роли Начальника Милиціи вы могли видѣть тогда частнаго повѣреннаго, сельскаго писаря, студента и даже гимназиста. И результаты всего этого не замедлили сказаться очень быстро. Преступность увеличивалась, количество уголовныхъ дѣлъ стало расти, работа слѣдственной власти затормазилась, такъ какъ розыскной органъ, исполнительный органъ пересталъ существовать. Просто опускались руки. Нерѣдко судебный слѣдователь, посылая повѣстку о вызовѣ свидѣтелей, получалъ ее обратно, съ такого рода надписями: «начальникъ милиціи такого-то участка возвращаетъ повѣстку безъ исполненія, вслѣдствіе того, что никто изъ милиціонеровъ не согласился вручить таковую свидѣтелю, такъ какъ послѣдній проживаетъ въ очень далекой улицѣ города и при томъ очень грязной». Или: «Исполнительный Комитетъ такого-то села увѣдомляетъ гражданина слѣдователя, что повѣстка такому-то не вручена, такъ какъ комитетъ находитъ. что явка этого лица для допроса въ качествѣ свидѣтеля излишня, такъ какъ онъ по дѣлу ничего не знаетъ».

А то, однажды, получаю отъ милиціи дознаніе. Читаю и не вѣрю глазамъ: «Постановленіе начальника милиціи: «я, революціонный начальникъ милиціи такого-то района, допрашивалъ сего числа гражданина такого-то села въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ, но послѣдній виновнымъ себя не призналъ. Считая, что лучшее доказательство виновности — это собственное сознаніе, каковое обвиняемый отказывается дать, я нашелъ цѣлесообразнымъ подвергнуть его пыткѣ, для чего мною тогда же было приказано принести соломы, запалить ее и жечь обвиняемому пятки». Подпись начальника милиціи. И далѣе приписка: «пытка дала прекрасные результаты — обвиняемый сознался».

Такъ дѣйствовалъ самообразовавшійся революціоннымъ путемъ органъ власти. Но правительство? Что дѣлалъ въ это время Министръ Юстиціи А. Ф. Керенскій, какимъ творчествомъ онъ занимался? Онъ говорилъ рѣчи. Объ этомъ знаютъ всѣ. Я же буду говорить лишь о тѣхъ рѣчахъ его, которыя были обращены къ судебному вѣдомству и о впечатлѣніи производимомъ ими на армію Министерства Юстиціи — насъ провинціальныхъ чиновниковъ этого вѣдомства. Всякій, жившій въ провинціи въ то время, очень хорошо знаетъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались тамъ тогда газеты, съ какимъ нервнымъ напряженіемъ слѣдили за невѣрными слабыми шагами правительства, съ какой надеждой ловилось слово «власть имущихъ». И вотъ однажды читаемъ: «Посѣщеніе Министра Юстиціи А. Ф. Керенскаго Судебной Палаты». Оказывается, Министръ Юстиціи, войдя въ зданіе Судебной Палаты, началъ здороваться съ курьерами, протягивая имъ руку и отказываясь протянуть ее почтеннымъ, заслуженнымъ судебнымъ дѣятелямъ. Затѣмъ, вскочилъ на столъ и произнесъ рѣчь, въ которой не постѣснялся вылить на все судебное вѣдомство огуломъ ушаты грязи и клеветы, обвиняя чиновъ этого вѣдомства въ «лицепріятствѣ», угодничествѣ и чуть ли не взяточничествѣ. Легко можно было представить какое впечатлѣніе произвела на насъ эта рѣчь. Читать все это было больно до слезъ. За что эти оскорбленія? Вѣдь всякому русскому интеллигенту, который хоть немного былъ знакомъ съ судебнымъ вѣдомствомъ, было ясно, что то, что говорилъ, съ позволенія сказать, Министръ Юстиціи, была ложь. Я прослужилъ въ этомъ вѣдомствѣ 10 лѣтъ и, если мнѣ не суждено болѣе отдавать свои силы и свои знанія Россіи на этомъ поприщѣ, я все же буду всегда вспоминать съ гордостью это время. Я могу гордиться интеллигентностью и порядочностью своей среды юристовъ, ея высокимъ нравственнымъ уровнемъ, ея глубокимъ пониманіемъ своей тяжелой задачи служенія правосудію. Читая рѣчь Керенскаго, я дрожалъ отъ негодованія. Каково же было читать эту рѣчь тѣмъ изъ моихъ товарищей, кто посѣдѣлъ на службѣ у Ѳемиды, кто отдалъ свои лучшіе годы и силы молодости, а иногда и свое сердце въ борьбѣ по охраненію правъ въ «безправной странѣ». Процессы Ющинскаго, дѣло о Мултановскомъ убійствѣ не могли, конечно, служить матеріаломъ для обвиненія всего вѣдомства огуломъ, ибо эти и подобные имъ процессы, порожденные политическими соображеніями «высшихъ государственныхъ лицъ», всегда встрѣчались въ общей массѣ судебныхъ дѣятелей неодобреніемъ и самой суровой критикой. Вся армія же судебнаго вѣдомства всегда была чужда какой-либо политики въ дѣлѣ правосудія, свято храня въ сердцѣ своемъ завѣты первыхъ творцовъ судебныхъ уставовъ и служа имъ «не за страхъ, а за совѣсть».

Такъ для чего же эта пощечина? Очевидно, это просто походъ противъ судебнаго вѣдомства вообще. «Воля народа» разрушила административный аппаратъ — Министръ Юстиціи идетъ войной на судебное вѣдомство. Съ кѣмъ же намѣрено работать правительство? Черезъ кого оно намѣрено проводить въ жизнь свои мѣропріятія? Наивно думать, что это можно сдѣлать черезъ вновь возникшія революціонныя организаціи, таившія уже въ своемъ существѣ зачатки анархіи. Было больно не лично за себя, страдали не за корпорацію, а было больно и страшно за Россію.

Вотъ тѣ невеселыя мысли и чувства, владѣвшія нами тогда.

Дѣйствительно, послѣ этого знаменательнаго выступленія г. Керенскаго, посыпались телеграммы съ предложеніемъ подать въ отставку цѣлому ряду видныхъ судебныхъ дѣятелей.

Слѣдуетъ обратить при этомъ вниманіе, что Министръ Юстиціи былъ «очень не умѣренъ въ произволѣ», какъ выразился о немъ одинъ изъ судебныхъ дѣятелей. Лица судебнаго вѣдомства удалялись со службы безъ суда, безъ опредѣленія Сената, какъ то требовалось закономъ, а исключительно единоличной властью г. Министра, начавшаго дѣятельность свою съ попранія закона. Оказалось, что было нельзя Щегловитову, то стало совершенно возможно Керенскому.

Уходили старые, опытные судьи и прекрасные юристы, и приходили на смѣну выскочки, бездарности, близкіе г. Керенскому. Какъ будто бы для Временнаго Правительства была «большой роскошью» имѣть хорошихъ чиновниковъ и какъ будто бы люди дѣла были ему не нужны. Нѣтъ, Временному Правительству такіе люди нужны были, они не были нужны самовластію г. Керенскаго, не терпѣвшему независимости мнѣнія и совѣсти, и вмѣстѣ съ тѣмъ нужны были ему, какъ умилостивляющія жертвы, приносимыя г. Керенскимъ «Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ». Это, такъ сказать, отдѣлъ административныхъ распоряженій. А вотъ вамъ и творчество. Я до сихъ поръ не могу забыть нѣкоторыхъ циркуляровъ по Министерству Юстиціи, подписанныхъ Керенскимъ. Что это — полное ли незнаніе жизни, или же сознательное созданіе почвы для прихода большевиковъ? Получаемъ какъ-то срочно для исполненія циркуляръ. Содержаніе его сводилось къ ниже цитируемой выпискѣ: «тѣ изъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, которые изъявятъ желаніе искупить свой грѣхъ и заслужить прощеніе на поляхъ брани, немедленно подлежатъ передачѣ подлежащему воинскому начальнику для направленія таковыхъ въ войска».

Какъ только этотъ циркуляръ сталъ извѣстенъ въ тюрьмахъ, почти всѣ арестанты изъявили желаніе «пролить кровь за революцію». Конечно, всѣ эти лица, согласно указанному циркуляру, были освобождены, и, само собой разумѣется, попавъ на волю, они занялись не «искупленіемъ грѣха», а подготовленіемъ почвы для большевиковъ.

Когда были освобождены мужчины, женщины-арестантки заявили протестъ. Онѣ, молъ, тоже хотятъ «искупить свой грѣхъ». По этому поводу было запрошено Министерство, которое, нисколько не задумавшись, разъяснило, что дѣйствіе указаннаго циркуляра распространяется и на женщинъ, при чемъ послѣднія подлежали зачисленію въ сестры милосердія. Всякій, хоть немного знакомый съ тюремными сидѣлицами-женщинами, можетъ легко себѣ представить этихъ сестеръ милосердія — «милосердія» г. Керенскаго, и безъ труда пойметъ, какой цѣнный матеріалъ онѣ представляютъ для арміи.

Хороши оказались также циркуляры и по главному тюремному управленію; ну, вотъ, хотя бы циркуляръ, лишавшій права надѣвать на буйныхъ арестантовъ, отказывающихся исполнять тюремныя правила, кандалы и заключать ихъ въ видѣ наказанія въ карцеръ, изъ тѣхъ соображеній, что эти «мѣры лишь озлобляютъ, а не исправляютъ», почему во всѣхъ этихъ случаяхъ рекомендовалось прибѣгать лишь къ уговорамъ и апелляціи къ совѣсти совершившихъ проступокъ. Въ результатѣ этихъ циркуляровъ, арестанты, главный контингентъ которыхъ составился изъ быстро возвратившихся въ тюрьму «добровольцевъ», желавшихъ «искупить свой грѣхъ» и глотнувшихъ на свободѣ революціоннаго воздуха, отказались совершенно повиноваться тюремной власти, очевидно потому, что не всѣ начальники тюремъ и тюремные надзиратели

были одарены ораторскими дарованіями и не могли убѣдить безчинствующихъ и вызвать пламенными своими рѣчами слезы раскаянія.

Помню, довелось мнѣ въ это время явиться по обязанностямъ службы въ одну изъ тюремъ прифронтовой полосы. Въ тюрьмѣ этой дѣлалось что-то невообразимое: стражъ-привратникъ не былъ вооруженъ, арестантскія камеры не запирались, и арестанты свободно расхаживали другъ къ другу въ гости, и, при желаніи, легко, конечно, могли сговариваться, какъ давать показанія у слѣдователя и на судѣ; арестанты сидѣли на окнахъ и вели разговоры съ прохожими, завели сапожные и перочинные ножи, играли открыто въ карты и т. п. Когда я выразилъ начальнику тюрьмы свое возмущеніе по поводу существующихъ у него въ тюрьмѣ порядковъ, онъ отвѣтилъ, что «такова воля арестантовъ», заявляющихъ, что всякія стѣснительныя мѣры «унижаютъ ихъ достоинство». «Да, это ничего», прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія, «вотъ въ Ж—ой тюрьмѣ арестанты на дняхъ праздновали въ тюрьмѣ свадьбу со спиртными напитками». Легко допускаю, что это дѣйствительно было такъ, и начальникъ тюрьмы не очень удалился отъ истины. Благодаря моему настоянію двери арестантскихъ камеръ все же съ тѣхъ поръ стали запираться. Въ остальномъ же прежній порядокъ сохранился.

Мое распоряженіе о закрытіи камеръ естественно вызвало сильное неудовольствіе арестантовъ.

Наблюдая по обязанности своей службы за тюрьмой, я долженъ былъ по закону посѣщать ее не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, но посѣщалъ я ее гораздо чаще. Но, Боже, сколько мнѣ это стоило. Я приходилъ въ тюрьму, заходилъ въ камеры вмѣстѣ съ начальникомъ тюрьмы и однимъ изъ тюремныхъ надзирателей, быстро, кое-какъ, насколько позволяла обстановка, опрашивалъ арестантовъ, которые держались со мною съ глазу на глазъ относительно спокойно, а какъ только я двигался къ двери и скрывался за ней въ корридорѣ, вслѣдъ мнѣ неслись изъ камеръ невѣроятные крики, стукъ и площадная брань. Та же картина повторялась и въ слѣдующей камерѣ, и, когда я, произведя осмотръ, выходилъ изъ тюрьмы, вся тюрьма гудѣла, стонала и положительно тонула въ морѣ матерной брани.

Прошло немного времени, въ тюрьмѣ произошелъ бунтъ. Арестанты потребовали открытія камеръ, ворвались въ контору тюрьмы, вооружились хранившимися тамъ винтовками, и, убивъ двухъ надзирателей, бѣжали, въ количествѣ 12 человѣкъ.

Узнавъ о случившемся, я далъ знать милиціи и вслѣдъ за тѣмъ немедленно же явился самъ въ тюрьму. Тамъ я засталъ уже начальника милиціи и уѣзднаго комиссара. Послѣдній стоялъ въ одной изъ камеръ и, называя арестантовъ «товарищами», укорялъ ихъ, призывая къ «революціонной совѣсти». Арестанты же его не слушали, хохотали и ругали со всей силою арестантскаго жаргона. Наконецъ мнѣ это надоѣло и, каюсь, я, призванный охранять законъ, тогда его нарушилъ. Я велѣлъ арестантамъ замолчать, а двухъ особенно выдѣлявшихся своею наглостью отправить въ карцеръ, и, когда они и тамъ продолжали буйствовать, приказалъ одѣть на нихъ кандалы. Послѣ этого въ тюрьмѣ былъ произведенъ обыскъ, были отобраны ножи, карты и прочіе, запрещенные тюремнымъ уставомъ, предметы. О своихъ распоряженіяхъ я, по возвращеніи изъ тюрьмы, немедленно доложилъ прокурору суда, который, вообще будучи человѣкомъ рѣшительнымъ, умнымъ, независимымъ и

смѣлымъ, распоряженіе мое не отмѣнилъ, поставивъ меня въ извѣстность, однако, что все мною сдѣланное лежитъ на моей личной отвѣтственности.

Съ тѣхъ поръ тюрьма успокоилась.

Большевики

I

Вскорѣ послѣ Тарнопольскаго прорыва, я былъ переведенъ изъ г. С—ба въ г. Ровно. Всякій помнитъ, что творилось тогда на желѣзныхъ дорогахъ. Толпы солдатъ, бросивъ фронтъ, шли домой, «дѣлить панскую земельку». Они наводняли вокзалы, набивались въ вагоны, какъ «сельди въ бочку», стояли на площадкахъ, буферахъ, подножкахъ, влѣзали на крыши вагоновъ. Попасть въ вагонъ обыкновеннымъ путемъ — черезъ двери, было немыслимо, а приходилось влѣзать черезъ окно. Везти въ такихъ условіяхъ жену и маленькаго сына было невозможно, и я къ мѣсту новой службы уѣхалъ одинъ. Городъ Ровно находился недалеко отъ фронта, и тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чувствовалось гніеніе арміи, распадъ одной изъ величайшихъ армій въ мірѣ. Жуткая это была картина. День и ночь проходили черезъ Ровно воинскія части, направляясь въ глубь страны; офицеры въ одиночку и кучками пробирались домой, такъ какъ на фронтѣ имъ нечего было дѣлать.

Съ тяжелымъ чувствомъ наблюдалъ я, какъ тянулись, казалось, нескончаемой вереницей, словно стаи журавлей, казаки, вызванные съ фронта генераломъ Калединымъ на Донъ, за ними прошли какія-то кавалерійскія части безъ офицеровъ во главѣ, съ красными лентами въ петличкахъ обмызганныхъ шинелей, безъ погонъ, на изможденныхъ, запущенныхъ лошадяхъ. За ними повалили стада пѣхотныхъ солдатъ, пьяныхъ, озлобленныхъ, буйныхъ и дикихъ, потерявшихъ всякое представленіе о воинской дисциплинѣ, отчасти еще сохранившейся въ кавалеріи.

Я жилъ въ домѣ, окна котораго выходили на площадь, расположенную передъ бывшимъ винокуреннымъ заводомъ. Во время войны весь спиртъ былъ выпущенъ, а самъ заводъ сгорѣлъ. Теперь я наблюдалъ, какъ толпы мѣстныхъ жителей и проходящихъ солдатъ являлись на эту площадь и рыли для перегонки глину, въ которой задержался выпущенный спиртъ. Обыкновенно когда собиралась большая толпа, пріѣзжалъ броневикъ и открывалъ по толпѣ стрѣльбу изъ пулеметовъ, но и къ этому всѣ уже привыкли и мало обращали вниманія, продолжая свое дѣло добыванія водки, ради которой толпа была готова отдать жизнь. На дворѣ стояла слякоть, было хмуро, сѣро, пасмурно. Дни тянулись медленно. Всюду пьяные крики, брань, стрѣльба. Городъ замеръ. Жители, опасаясь солдатской пьяной толпы, не выходили на улицу. Грабежи, разбои и убійства стали обычнымъ явленіемъ. Сидѣть вечеромъ при лампѣ, въ комнатѣ, обращенной окнами на улицу, было немыслимо, ибо каждую минуту могла залетѣть «на огонекъ» пуля какого-либо пьянаго товарища, забавлявшагося страхомъ «буржуя».

Но вотъ солдатская масса схлынула. Съ фронта пошли безхозяйныя лошади. Товарищи бросили ихъ на произволъ судьбы и онѣ пошли табунами на жилье въ надеждѣ, найти кормъ. Ужасно тяжело было смотрѣть на этихъ бѣдныхъ, худыхъ, голодныхъ животныхъ. Они заходили въ деревни, понуро

останавливались у воротъ домовъ, но хозяева выбѣгали на улицу и гнали ихъ палками, — тогда ни у кого не было кормовъ и лошадей никто не хотѣлъ брать и даромъ. И онѣ медленно отходили, печальныя, и брели все дальше и дальше. Шли онѣ табунами и въ одиночку, больныя и слабыя отъ голода и изнуренія. не находя себѣ корма на мерзлой землѣ, падая и умирая въ полѣ и на улицахъ на глазахъ равнодушной толпы. Трупы ихъ валялись всюду и съ наступленіемъ весны стали разлагаться, заражая зловоніемъ воздухъ. Никто не заботился зарывать трупы. Было не до нихъ — всѣ митинговали.

Потомъ пришли украинцы. Городъ то и дѣло сталъ переходить изъ рукъ въ руки — то украинцевъ, то большевиковъ, старавшихся удержать городъ. Сегодня просыпаетесь вы, выходите на улицу, вамъ навстрѣчу попадаются гайдамаки, сѣчевые стрѣльцы или просто обыкновенные растерзанныя фигуры солдатъ, именующихъ себя почему-то украинцами, а завтра вы просыпаетесь въ царствѣ ревкомовъ, реввоенсовѣтовъ и т. д. Но, въ сущности, разницы между тѣми и другими не было большой — и тѣ, и другіе производили по ночамъ обыски въ домахъ, грабили, убивали и насильничали въ одинаковой мѣрѣ. Населеніе было запугано, пришиблено и обобрано. Судейская власть была безсильна. Насъ какъ будто бы признавали и украинцы, и большевики, но въ то же время съ нами нисколько не считались. Но вотъ въ воздухѣ начали носиться сначала не ясные, а потомъ все болѣе и болѣе настойчивые слухи о приближеніи нѣмцевъ, двинувшихъ свои войска на помощь «Украинѣ въ борьбѣ ея съ москалями-большевиками». И какъ ни печально сознаться, слухи эти встрѣчались въ большинствѣ случаевъ съ чувствомъ скрытаго удовлетворенія. Всѣ такъ устали отъ произвола и насилія, что готовы были съ радостью пріять миръ и спокойствіе хотя бы изъ рукъ нѣмецкаго вахмистра. Но вотъ, когда наступилъ этотъ день, кто-то какъ бы сжалъ сердце холодной рукой. Я стоялъ на тротуарѣ въ молчаливой толпѣ народа и смотрѣлъ, какъ они шли стройными, тяжелыми рядами, увѣренные въ своей мощи. Сначала прошла кавалерія, блистая чистотой амуниціи и сбруи на прекрасныхъ, холеныхъ лошадяхъ съ упитанными самодовольными офицерами впереди. За ними, громыхая, прошла въ образцовомъ порядкѣ артиллерія, а тамъ тяжелая медлительная пѣхота и аккуратные обозы. Они идутъ спасать насъ отъ насъ же самихъ, вчерашніе наши враги, ставшіе по милости измѣнниковъ и предателей нашими друзьями. Я смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ, какъ что-то комкомъ подступало къ горлу и слезы катились у меня изъ глазъ. Я не вытиралъ ихъ, я не стыдился ихъ, вѣдь плакалъ я тогда о Великой Россіи, не знавшей ни «самостійной» Украины, ни множества возникшихъ самостоятельныхъ республикъ съ авантюристами и проходимцами во главѣ, строившими свое благополучіе на народной темнотѣ и несчастьи своей Родины.

Съ приходомъ нѣмцевъ окончилась боязнь за жизнь, за имущество, но началась мука нравственная оскорбленнаго національнаго достоинства. Къ этому времени присоединилась еще тревога за семью, которая осталась тамъ, гдѣ царили большевики. Я получилъ случайно, съ оказіей, письмо отъ жены, что она съ ребенкомъ оказалась безъ денегъ, безъ хлѣба, въ постоянной тревогѣ за завтрашній день и въ постоянномъ опасеніи разгрома со стороны солдатъ стоявшаго въ С—бѣ артиллерійскаго дивизіона, объявившихъ себя «демобилизованными» и проводящихъ время въ постоянномъ пьянствѣ и безцеремонномъ неудержимомъ разгулѣ. Это письмо побудило меня ѣхать немедленно къ семьѣ, хотя бы съ этимъ путешествіемъ былъ сопряженъ боль-

шой рискъ въ виду необходимости пробираться черезъ «фронтъ». Получивъ отпускъ, я двинулся въ путь. Отъ этого рѣшенія меня не могли остановить ни уговоры товарищей, ни свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы, занявъ Кіевъ и приближаясь къ Гомелю, черезъ который мнѣ нужно было ѣхать, движутся къ С—бу, лежавшему почти на границѣ демаркаціонной линіи, установленной украинской и большевистской властью.

Поѣздка отъ Ровно до Гомеля, хотя и была трудна и продолжалась вмѣсто однѣхъ сутокъ 7 дней, но въ виду того, что въ пути со мной не случилось ничего болѣе или менѣе интереснаго и необыденнаго, я начну описаніе своего путешествія прямо съ момента прибытія въ Гомель.

Пріѣхалъ я въ Гомель вечеромъ. Гомельскій вокзалъ обыкновенно очень людный и оживленный, былъ оживленъ по прежнему, но жизнь эта была не жизнью спокойной суеты мирнаго времени, царящей обычно по большимъ станціямъ, а жизнь военнаго лагеря во время войны. Тутъ на вокзалѣ узналъ я, что фронтъ, черезъ который долженъ былъ я пробираться, лежитъ гдѣ-то недалеко отъ Гомеля. Полагая, что сообщеніе съ той стороной безусловно существуетъ, я рѣшилъ ждать утра, чтобы съ наступленіемъ его обратиться за содѣйствіемъ по переходу фронта къ евреямъ, которые, какъ коммерческіе люди, конечно въ курсѣ этого вопроса.

Истомленный продолжительнымъ путешествіемъ, полнымъ всякихъ неудобствъ и лишеній, я, добывъ себѣ съ трудомъ стулъ у стола, усѣлся на него, положилъ голову на руки и незамѣтно для себя уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся я почти на разсвѣтѣ отъ того, что почувствовалъ, какъ кто-то осторожно трясетъ меня за плечо. Съ трудомъ открываю глаза и вижу передъ собой какого-то маленькаго, рыженькаго человѣчка, который что-то мнѣ говоритъ. Долго ничего не могу понять. Потомъ уясняю себѣ, что стоящій передо мною незнакомецъ спрашиваетъ меня, не ѣду ли я въ С—бъ. Оказывается, что разбудившій меня житель г. Н., былъ какъ-то присяжнымъ засѣдателемъ по дѣлу, по которому я обвинялъ въ Н., и увидѣвъ меня на вокзалѣ, узналъ и рѣшилъ предложить мнѣ себя въ спутники при переходѣ фронта. Онъ сообщилъ мнѣ, что проѣхать къ м. З., лежащее за фронтомъ, можно кружнымъ путемъ, черезъ станцію Тереховку, куда черезъ полчаса идетъ поѣздъ. Обрадовавшись такому предложенію, я, взявъ свой чемоданчикъ, послѣдовалъ за своимъ спутникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ вагонѣ. Тамъ кромѣ насъ оказался какой-то молодой человѣкъ въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора и пожилая женщина-старообрядка. Скоро между нами завязался разговоръ, причемъ спутники мои, узнавъ, что я ѣду въ С—бъ, стали усиленно уговаривать меня отказаться отъ своего намѣренія, по ихъ словамъ, очень опаснаго и безнадежнаго. Они говорили, что большевики, отступая отъ Кіева послѣ кровавыхъ дней, очень озлоблены и кровожадны. Они очень подозрительны и во всякомъ человѣкѣ, пытающемся перейти фронтъ, видятъ шпіона. И если я попадусь имъ въ руки, меня ждетъ вѣрная смерть. Конечно, разговоры эти очень подѣйствовали на мои нервы, но все же я заявилъ, что отъ своего рѣшенія не откажусь и «попытаю счастья». Спутница моя, повидимому очень добрая, жалостливая женщина, долго смотрѣла на меня, затѣмъ стала плакать и причитать: «охъ, голубчикъ ты мой, какъ мнѣ тебя жалко, пропадешь ты даромъ и жены не увидишь. Что ты надумалъ такое, жена твоя наплачется еще. У меня самой большевики эти проклятые все

имущество растащили, едва живую выпустили. Ты бы хоть пуговицы эти блестящія съ орлами и коронами снялъ. Все лучше. Подумаютъ, что ты не чиновникъ, а учитель сельскій, а ихъ-то они не такъ притѣсняютъ». Этотъ совѣтъ мнѣ показался основательнымъ; я тамъ же въ вагонѣ, при помощи моей спутницы обрѣзалъ съ форменнаго пальто моего пуговицы и снялъ съ фуражки арматуру. Но вотъ и Тереховка, мы у цѣли. Прощаемся съ нашими доброжелательными спутниками, причемъ спутница моя, все время утирая слезы, благословила меня, когда я выходилъ изъ вагона.

Прошли м. Тереховку, минули нѣмецкую заставу и вышли въ поле. Гдѣ-то далеко, далеко слышалась артиллерійская стрѣльба, все время увеличивающаяся и становившаяся все громче и отчетливѣй по мѣрѣ того, какъ мы шли дальше. Попытки наши достать во встрѣчавшихся намъ деревняхъ лошадей не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ хозяева ихъ — крестьяне, пугливо прислушиваясь къ гулу орудій, предпочитали въ «такое время» быть дома. Въ одномъ селѣ мы разговорились съ кучкой крестьянъ, толпившихся у колодца и обсуждавшихъ событія дня. Они все время вздыхали, почесывали головы и тихо разговаривали: «вишь ты, нѣмецъ-то хитрый, обошелъ кругомъ. Какъ братались съ нашими — друзья были, а какъ наши ушли — они наступать. Не иначе, братцы, что это помѣщики купили ихъ и ведутъ — небось за землю напугались, какъ наши-то ребята съ фронта съ винтовками пришли». Въ этой деревнѣ намъ посчастливилось: какой-то «отчаянной жисти человѣкъ», какъ онъ самъ себя называлъ, согласился отвезти насъ въ З. Мы усѣлись въ телѣгу и двинулись въ путь. Миновавъ какую-то полуразрушенную помѣщичью усадьбу, по поводу которой возница нашъ объяснилъ намъ, что въ ней на дняхъ какіе-то проходящіе солдаты убили «барина» и его жену, и трупы ихъ бросили въ рѣку, мы, проѣхавъ плотину, стали приближаться къ маленькому лѣску. Когда мы подъѣхали къ лѣсу, оттуда выскочили три солдатскихъ фигуры съ винтовками въ рукахъ и направились къ намъ. Мы со своимъ спутникомъ тревожно переглянулись и стали готовиться ко всякимъ непріятностямъ. Поровнявшись съ нашей телѣгой, солдаты остановили лошадей и, подойдя къ намъ, потребовали наши документы.

Взявъ мой паспортъ, въ которомъ я значился Товарищемъ Прокурора, одинъ изъ солдатъ долго его разсматривалъ, читая по складамъ, и затѣмъ молча его возвратилъ. Затѣмъ спросилъ, есть ли у насъ оружіе. Я отвѣтилъ утвердительно и вручилъ имъ свой «браунингъ». Разстаться съ револьверомъ мнѣ было очень жаль, и я сталъ просить возвратить мнѣ его обратно. Одинъ изъ солдатъ, тотъ самый, который разсматривалъ мой паспортъ — сталъ на мою сторону и сказалъ: «давайте, отдадимъ ему револьверъ, онъ не буржуй, а свой человѣкъ, вѣдь въ паспортѣ сказано, что онъ товарищъ. Да и къ тому же и человѣка сразу видать, онъ не сталъ запираться, а сразу предъявилъ оружіе». Два же другихъ начали ему возражать и заявили, что сдѣлать это безъ согласія начальства нельзя. Потомъ они закурили, поговорили съ нами нѣсколько минутъ и, отпустивъ насъ съ миромъ, пошли въ лѣсъ и скоро въ немъ скрылись. Радуясь, что все окончилось такъ благополучно, мы двинулись дальше.

Вскорѣ, миновавъ лѣсъ, мы встрѣтили какого-то всадника, ѣхавшаго намъ навстрѣчу шагомъ на маленькой лошади съ громаднымъ до смѣшного животомъ. Несмотря на сильный холодъ, на всадникѣ была лишь одна лѣтняя накидка, на головѣ его надѣта была жокейская фуражка; старыя, истрепанныя

до бахромы брюки забрались отъ верховой ѣзды вверхъ и изъ-подъ нихъ выглядывали бѣлые чулки. На ногахъ были калоши. Онъ былъ не бритъ, длинные его волосы космами висѣли изъ-подъ жокейки, на горбатомъ большомъ носу торчало пенснэ. Черезъ плечо всадника неловко болталась старая шашка, а въ петлицѣ красовался громадный красный бантъ. Не будь при всадникѣ шашки, его можно было бы принять за экстерна изъ тѣхъ молодыхъ евреевъ, которые вѣчно держатъ при гимназіяхъ экзамены за 8 классовъ или же на званіе провизора.

Поровнявшись съ нами, всадникъ остановилъ лошадь и отрывисто спросилъ: «что за люди?» Догадавшись, что мы имѣемъ дѣло съ военнымъ начальствомъ, мы протянули ему свои документы. Онъ, молча, просмотрѣлъ ихъ и возвратилъ обратно. «Можете ѣхать», сказалъ онъ, и тронулъ свою лошадь. Я рѣшилъ «попытать счастья» и сталъ объяснять ему, что у меня только-что какіе-то солдаты отобрали револьверъ, который мнѣ дорогъ и не можетъ ли онъ оказать содѣйствіе по возвращенію мнѣ револьвера. Выслушавъ меня, всадникъ произнесъ: «А, знаю, то вѣроятно револьверъ отобрали у Васъ мои молодцы-партизаны. Я возвращу Вамъ его. Револьверъ завтра будетъ доставленъ въ Н. и Вы можете получить его у Начальника Штаба первой арміи товарища Овсянникова, находящагося въ Н. Скажите ему, что Вы явились отъ военнаго комиссара Гомельскаго района Бахтина. Бахтинъ — это я», ткнулъ онъ себя въ грудь и, приложившись къ фуражкѣ, отъѣхалъ. Къ вечеру мы благополучно добрались до З., гдѣ, переночевавъ на грязномъ полу постоялаго двора, переполненнаго солдатами, я, на другой день утромъ, поѣздомъ отправился дальше, оставивъ спутника своего въ З. у какихъ-то его родственниковъ. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ Н., но такъ какъ оказалось, что поѣздъ дальше на ст. «Унечу», черезъ которую я долженъ былъ ѣхать въ С—бъ, идетъ черезъ два часа, я рѣшилъ отправиться къ товарищу Овсянникову. Мнѣ сказали, что штабъ помѣщается въ вагонѣ поѣзда, стоявшаго тутъ же у станціи.

Войдя въ штабной вагонъ, я увидѣлъ въ одномъ изъ купэ высокаго бритаго мужчину, съ наружностью актера. На немъ была сѣрая шинель безъ погонъ и фуражка безъ кокарды. Держался онъ важно и властно. Его окружали нѣсколько человѣкъ солдатъ и матросовъ, которымъ онъ что-то объяснялъ. Догадавшись, что это и есть товарищъ Овсянниковъ, я направился къ нему. «Вы товарищъ Овсянниковъ?» спросилъ я. «Да», отвѣтилъ онъ, «Вы кто такой?» Не желая назвать себя, я, не замѣчая вопроса, продолжалъ: «Я къ Вамъ отъ комиссара Гомельскаго района Бахтина». Это, сверхъ ожиданія, не произвело на Овсянникова никакого впечатлѣнія, и онъ рѣзко сказалъ: «Я Васъ спрашиваю, кто Вы?» Пришлось отрекомендоваться. Когда я сказалъ, что я Товарищъ Прокурора, Овсянниковъ оборвалъ меня: «Товарища прокурора теперь не существуетъ. Подождите. Я занятъ. Нѣмцы въ «Закопатьи». Фронтъ ждетъ моихъ распоряженій». Встрѣтивъ такой нелюбезный пріемъ и опасаясь худшаго, я вышелъ и больше къ Овсянникову не пошелъ. Вскорѣ на станціи поднялась суета и, насколько я могъ выяснить изъ разспросовъ, причина ея была въ томъ, что фронтъ не удержался и нѣмцы приближались къ Н. Очевидно, это была правда, такъ какъ штабной поѣздъ послѣ этого черезъ нѣсколько минутъ отошелъ въ сторону Унечи. Вслѣдъ за нимъ отошелъ и этапный поѣздъ, которымъ я доѣхалъ до Унечи. Пріѣхавъ туда, я почувствовалъ себя дома. До С—ба оставалось всего лишь 30 верстъ.

Войдя въ вокзалъ, я не узналъ знакомой комнаты: столы были безъ скатертей, полъ заплеванъ и загаженъ, листья искусственныхъ пальмъ, которыя буфетчикъ очевидно не успѣлъ убрать, были оборваны и отъ пальмъ остались одни остовы. Всюду на скамьяхъ и на столахъ сидѣли и лежали сѣрыя солдатскія фигуры, валялись винтовки, мѣшки. Всякій, кому доводилось бывать въ «зонѣ» пребыванія большевистскихъ «войскъ», особенно вскорѣ послѣ ихъ воцаренія, легко представитъ себѣ ту картину «мерзости и запустѣнія», которую я увидѣлъ. Закусывая у буфетной стойки и разговаривая съ знакомымъ буфетчикомъ, я узналъ отъ него много интересныхъ новостей. Оказывается, что со времени прихода большевиковъ въ С—бъ тамъ произошло много перемѣнъ. Окружный Судъ былъ замѣненъ трибуналомъ, судьи разогнаны, лица прокурорскаго надзора арестованы. Слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, имѣвшій лошадь, сдѣлался ломовымъ извозчикомъ. Въ городѣ исчезъ хлѣбъ и началась страшная дороговизна.

Во время нашего разговора къ намъ подошелъ какой-то желѣзнодорожникъ, который, принявъ участіе въ разговорѣ, разсказалъ намъ, что онъ точно такъ же, какъ и я, ѣдетъ въ С—бъ къ семьѣ и отъ Гомеля шелъ до З. пѣшкомъ.

Отъ буфетчика я направился къ начальнику станціи. Начальникъ станціи сообщилъ мнѣ, что поѣздъ въ С—бъ идетъ только завтра утромъ и предложилъ мнѣ переночевать у него въ служебномъ кабинетѣ. Поблагодаривъ за эту любезность, я пошелъ въ мѣстечко, чтобы переговорить тамъ по телефону со С—бомъ и сообщить своей семьѣ о моемъ пріѣздѣ. По дорогѣ я встрѣтился со своимъ знакомымъ мѣстнымъ лавочникомъ — Даненбергомъ, который совѣтовалъ мнѣ во избѣжаніе непріятностей не попадаться на глаза шмыгавшимъ всюду по мѣстечку матросамъ.

Переговоривъ по телефону, я возвратился въ кабинетъ начальника станціи. Входъ въ кабинетъ былъ изъ телеграфной комнаты, а окна и двери на перронъ были закрыты глухими ставнями и поэтому я чувствовалъ себя тамъ почти въ безопасности, тѣмъ болѣе, что на станціи и въ мѣстечкѣ меня видѣли очень немногіе. Начальникъ станціи разсказалъ мнѣ, что большевистскими войсками, стоявшими на Унечѣ, командуетъ бывшій мѣстный агрономъ Шимановскій, ставшій со времени переворота «большимъ лицомъ». Служа въ С—бѣ, я хорошо зналъ Шимановскаго. При мнѣ Шимановскій былъ М—кимъ агрономомъ и, какъ я слышалъ, состоялъ представителемъ какой-то Нѣмецко-Норвежской компаніи. Одно время онъ добивался быть избраннымъ въ Государственную Думу, но это ему не удалось. Во время войны онъ работалъ въ Земскомъ Союзѣ. Въ результатѣ этой «работы» у него появился хуторъ, и онъ сталъ разъѣзжать на собственныхъ прекрасныхъ лошадяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о немъ возникло у Судебнаго Слѣдователя С—го Окружнаго Суда дѣло по обвиненію его въ какихъ-то подлогахъ и злоупотребленіяхъ при покупкѣ скота для арміи. Послѣ большевистскаго переворота Шимановскій, во главѣ съ какой-то бандой солдатъ, пытался отобрать у Слѣдователя «дѣло» о себѣ, но попытка эта окончилась ничѣмъ, такъ какъ Слѣдователь, увѣдомленный кѣмъ-то о намѣреніи Шимановскаго, зарылъ «дѣло» въ землю и при обыскѣ, произведенномъ у него Шимановскимъ, обнаружить «дѣло» не удалось.

Начальникъ станціи разсказалъ мнѣ тогда, что послѣ моего отъѣзда изъ С—ба въ Ровно, Шимановскій старался образовать изъ четырехъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи самостоятельную республику, желая стать во главѣ ея въ качествѣ президента и даже выпустилъ свои деньги, пріемъ ко-

торыхъ для населенія этихъ уѣздовъ былъ обязателенъ. Самъ же онъ на свои деньги сталъ пріобрѣтать «романовскія» и на этой комбинаціи нажилъ нѣсколько милліоновъ. По словамъ начальника станціи, теперь Шимановскій уѣхалъ по дѣламъ въ г. М., а его замѣстителемъ на Унечи остался матросъ Александръ Ивановичъ Картавенко. Служба его, начальника станціи, при большевикахъ — сущая каторга, за каждый промахъ, по самому ничтожному поводу, по нелѣпому доносу рискуешь быть разстрѣляннымъ. Разстрѣлы на Унечѣ обычное явленіе и происходятъ почти каждый день. Изъ начальства свирѣпствуетъ особенно бывшая папиросница изъ п. К. — Хавкина, которой боятся даже китайцы и матросы.

Разсказавъ все это, начальникъ станціи вышелъ изъ кабинета по служебному дѣлу, а я, оставшись одинъ, взялъ книгу и сталъ читать. Вскорѣ начальникъ станціи возвратился. Взглянувъ на него, я прочелъ на его лицѣ какую-то тревогу. На мой вопросъ, что случилось, онъ сокрушенно махнулъ рукой и сказалъ: «знаете, вѣдь Шимановскаго убили въ М. Сейчасъ прискакалъ одинъ изъ его охраны и сообщилъ объ этомъ Картавенко, и тотъ вызываетъ по телефону изъ Брянска артиллерію, чтобы «снести съ лица земли М.». На станціи ходятъ слухи, что Шимановскаго убили изъ засады какіе-то офицеры и чиновники. Вся станція на ногахъ — идутъ поиски убійцъ».

Сообщеніе это начало смутно тревожить меня. И дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, опасенія мои были не напрасны. Не прошло послѣ этого и четверть часа, какъ въ кабинетъ начальника станціи открылась дверь и туда, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ винтовками солдатъ, вошелъ какой-то молодой человѣкъ, съ шашкой наголо и, обращаясь къ начальнику станціи, спросилъ: «товарищъ Плешко здѣсь?» Я поднялся и назвалъ себя. «Слѣдуйте за мной», произнесъ молодой человѣкъ отрывисто. Ничего не понимая, но съ тяжестью въ сердцѣ, пошелъ я за нимъ, подъ конвоемъ двухъ его спутниковъ. «Скажите, пожалуйста, куда мы идемъ?» задалъ я вопросъ, когда мы вышли на перронъ. «Не безпокойтесь», отвѣтилъ молодой человѣкъ, «здѣсь нѣкоторое недоразумѣніе, которое надо выяснить».

Меня провели черезъ пути и ввели въ какой-то ярко освѣщенный вагонъ. Въ вагонѣ оказалась какая-то походная канцелярія. Тамъ толпилось нѣсколько человѣкъ солдатъ и матросовъ. Въ дальнемъ концѣ отъ входа стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ молодой блондинъ лѣтъ 22—25. На немъ была надѣта кожаная куртка, изъ-подъ которой выглядывала матросская рубаха. На боку у него висѣла сабля, черезъ плечо шла пулеметная лента, пальцы рукъ были украшены брилліантовыми перстнями и кольцами. Меня подвели къ нему. Онъ всталъ, протянулъ мнѣ руку и, отрекомендовавшись начальникомъ штаба, предложилъ мнѣ сѣсть. «Вы бывшій слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ?» спросилъ онъ. Я отвѣтилъ отрицательно. «Что Вы дѣлаете на Унечѣ?» Я объяснилъ, что на Унечѣ нахожусь проѣздомъ въ С—бъ. «Вы товарища Даненберга знаете?» — «Да». — «Почему онъ говоритъ, что Вы вотъ уже нѣсколько дней живете на Унечѣ, все время переодѣваетесь изъ одного костюма въ другой и два раза неизвѣстно куда отлучались со станціи?»

Понимая, что меня впутываютъ въ какую-то «грязную исторію» и смутно догадываясь, что допросъ мой находится въ связи съ только-что происшедшимъ убійствомъ Шимановскаго, я, стараясь не волноваться, подробно разсказалъ о своемъ путешествіи.

Послѣ этого «начальникъ штаба», просмотрѣвъ мой паспортъ и отойдя въ сторону, сталъ совѣтоваться со своими товарищами, а затѣмъ, возвратившись ко мнѣ, сказалъ: «извините, товарищъ, Вы арестованы по недоразумѣнію, можете идти спать спокойно».

Я возвратился въ кабинетъ начальника станціи и разсказалъ ему обо всемъ происшедшемъ. Только тогда, когда я увидѣлъ, какой эффектъ произвелъ на него мой разсказъ, я понялъ со всей ясностью ту опасность, какой я подвергался, вѣдь меня могли обвинить въ убійствѣ Шимановскаго, а это не шутка. Испугъ начальника станціи, изобразившійся у него на лицѣ, быстро заразилъ и меня. У меня задрожали ноги и голосъ сталъ прерываться отъ волненія, какъ будто бы легкимъ моимъ не хватало воздуха. Не успѣлъ я еще успокоиться, какъ дверь снова съ трескомъ распахнулась и въ кабинетъ буквально ворвались со страшнымъ шумомъ и площадной бранью два солдата съ револьверами въ рукахъ, которые, направившись прямо ко мнѣ и приложивъ револьверы къ моимъ вискамъ, потребовали, чтобы я поднялъ руки. Когда я это исполнилъ, одинъ изъ нихъ быстро сталъ шарить въ моихъ карманахъ, пощупалъ сапоги, посмотрѣлъ въ мою фуражку и заявилъ, что я арестованъ и долженъ идти за ними. «Позвольте, товарищи», началъ я, «здѣсь какая-то ошибка. Дѣло очевидно опять идетъ о М. Это недоразумѣніе, оно уже выяснилось, я былъ у начальника штаба . . .», но одинъ изъ солдатъ грубо оборвалъ меня, крикнувъ: «самъ понимаешь, въ чемъ дѣло. Нечего, нечего тутъ прохлаждаться. Иди, не разговаривай, это тебѣ не судъ», и съ этими словами онъ толкнулъ меня больно въ шею. Я принужденъ былъ повиноваться и съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ на перронъ. Мысли съ быстротой неслись въ моей головѣ. Очевидно, въ мое отсутствіе меня обвинили въ убійствѣ и теперь ведутъ къ разстрѣлу. Не пытаться ли бѣжать? На перронѣ было совершенно темно, лишь кое-гдѣ по путямъ мерцали огоньки, моросилъ дождь, было сыро и холодно.

«Куда вы меня ведете?» задалъ я вопросъ. «Молчать, стерва, узнаешь», крикнули мои стражи. Грубый тонъ отвѣта и брань конвоировъ, не спускавшихъ съ моей головы дула револьверовъ, еще болѣе убѣдили меня въ мысли, что меня ведутъ на разстрѣлъ. Но вотъ, слава Богу, обстановка начинаетъ проясняться — я вижу, что меня ведутъ къ тому же «штабному вагону».

Войдя въ вагонъ, я обратился къ бывшимъ тамъ «товарищамъ» со словами: «товарищи, что это за безобразіе, меня уже арестовывали, начальникъ штаба меня освободилъ, а теперь меня арестовали снова. Этакъ вы будете водить меня всю ночь». Одинъ изъ присутствующихъ отвѣтилъ мнѣ, что начальника штаба сейчасъ нѣтъ, «онъ кушаетъ», но что онъ скоро долженъ прійти и что мнѣ нечего безпокоиться, такъ какъ меня, очевидно, арестовали по ошибкѣ. Повидимому, дѣло здѣсь въ томъ, что распоряженіе объ моемъ арестѣ было дано тремъ отрядамъ и вотъ теперь второй отрядъ, не зная, что я былъ уже арестованъ и освобожденъ, арестовалъ меня вторично. Это объясненіе нѣсколько меня успокоило и я, сѣвъ на стулъ, сталъ ждать начальника штаба. Прошло нѣкоторое время и между мною и присутствующими завязался даже разговоръ. Ко мнѣ относились явно благожелательно и ничто не предвѣщало бѣды.

Во время нашего мирнаго разговора, въ вагонъ вдругъ вошелъ какой-то солдатъ, высокій и худой, съ красной, очевидно отъ пьянства, физіономіей и, подойдя ко мнѣ, сиплымъ голосомъ закричалъ: «стать, по какимъ такимъ дѣламъ ты ѣздилъ въ М.? Я тебѣ покажу «кузькину мать», буржуяка несчастная». Я

всталъ и отвѣтилъ, какъ можно спокойнѣй, что въ М. я не былъ и что вообще здѣсь просто недоразумѣніе, такъ какъ я былъ уже у начальника штаба и онъ, убѣдившись въ неосновательности моего ареста, освободилъ меня изъ-подъ стражи. «Что ты тычешь мнѣ начальника штаба, я начальникъ отряда и хорошо самъ все понимаю. Лобанова знаешь? Такъ это я», снова заоралъ солдатъ. Я принужденъ былъ умолкнуть. Затѣмъ Лобановъ направился къ столу, порылся тамъ въ какихъ-то бумагахъ и потомъ, повидимому, нѣсколько успокоившись, поманилъ меня пальцемъ и произнесъ: «ну, бреши, кобель, а мы послушаемъ, а потомъ разсудимъ: виноватъ ты, али нѣтъ». Я подошелъ къ Лобанову и снова началъ разсказывать ему о своемъ путешествіи. Когда я кончилъ, Лобановъ спросилъ отрывисто: «паспортъ есть», я, молча, протянулъ ему свой паспортъ и вмѣстѣ съ нимъ проѣздной билетъ отъ Ровно до Унечи, какъ доказательство справедливости моихъ словъ. Заглянувъ въ паспортъ, Лобановъ протяжно свистнулъ: «Ну то то и есть, о чемъ же тутъ разговаривать. Эхъ, вы, Щегловитовскіе слуги», заговорилъ онъ, «ты знаешь, кто былъ Щегловитовъ для Россіи», продолжалъ онъ, «онъ былъ катъ, насильникъ и кровопійца». Повидимому, поговорить Лобановъ любилъ, такъ какъ на эту тему онъ говорилъ очень долго и, наконецъ, закончилъ совершенно неожиданно такъ: «ты думаешь, что теперь Вамъ Щегловитовское правосудіе, когда карали за вину, предусмотрѣнную Вами же самими написанными статьями закона, нѣтъ, братъ, теперь не такое правосудіе, теперь могу осудить и поставить къ стѣнкѣ за то только, что ты буржуй и контръ-революціонеръ. Это самое лучшее доказательство вины». Можетъ быть, Лобановъ продолжалъ бы свою рѣчь и дальше, но въ этотъ моментъ въ вагонъ ввели подъ конвоемъ того самаго желѣзнодорожника, съ которымъ я разговаривалъ у буфета.

«А вотъ и еще», закричалъ Лобановъ. «Ты знаешь этого человѣка?» — указывая на меня, спросилъ Лобановъ желѣзнодорожника, «нѣтъ» — послѣдовалъ отвѣтъ. «А ты?» «Я тоже не знаю, сказалъ я. Мы только сегодня встрѣчались съ нимъ у буфета на вокзалѣ». — «Такъ-съ», протянулъ Лобановъ, сощуривъ глаза. «Ты куда ѣдешь?» «Въ С-бъ», отвѣтилъ желѣзнодорожникъ. «А ты?» Я сказалъ, что я уже говорилъ, что я ѣду въ С-бъ къ семьѣ. «Ну о чемъ же тутъ разговаривать. Ясно все. Соучастники. Разстрѣлять, произнесъ Лобановъ. У меня потемнѣло въ глазахъ. Я даже не совсѣмъ понялъ въ чемъ дѣло и ждалъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ конвойныхъ взялъ меня за плечо и толкнулъ къ выходу. Въ этотъ моментъ кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ: «Товарищъ Лобановъ, здѣсь ошибка. Этотъ товарищъ, указалъ онъ на желѣзнодорожника, не виновенъ, я его знаю». Лобановъ задумался. «Ну, вотъ что, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ раздумья, чтобы имъ не валяться на полу, пусть переночуютъ, а завтра сдѣлаете тщательный обыскъ и коли что разстрѣляемъ».

Насъ вывели на перронъ. Ночь стала еще глуше, огоньки на путяхъ едва мерцали; тоскливо сжималось сердце, на душѣ была какая-то муть. Къ этому присоединилась еще физическая слабость во всемъ тѣлѣ. Ноги передвигались съ трудомъ. Мысль работала тупо и вяло. Сознанія нависшей смертельной опасности, пожалуй, не было. Шли молча. Наконецъ, остановились у какого-то вагона на запасныхъ путяхъ. Наши конвоиры долго будили караульныхъ (оказалось, что въ этомъ же вагонѣ помѣщается караульная команда). Тѣ не хотѣли насъ принимать, бранили матерно свое начальство, не дающее имъ покоя, ругали насъ и выражали удивленіе, что съ нами, съ «буржуями возятся». Наконецъ, вышелъ караульный начальникъ и велѣлъ помѣстить насъ въ свободномъ купэ этого

же вагона. Насъ ввели туда и предоставили возможность усѣсться на проволочную сѣтку, оставшуюся отъ когда-то прекраснаго дивана перваго класса. Дверь не заперли, но зато въ корридорѣ на скамьѣ противъ двери нашего купэ усѣлся солдатъ съ винтовкой, который не спускалъ съ насъ глазъ и слѣдилъ за каждымъ нашимъ движеніемъ. Мы усѣлись и стали тихо разговаривать о случившемся. Затѣмъ замолчали, отдавшись каждый своимъ думамъ. Мой товарищъ забился въ уголъ и, кажется, даже заснулъ. Что наступилъ конецъ, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ трупами, не вѣрилось. Казалось, что все это только недоразумѣніе. Ужъ слишкомъ глупо, все это было. Неужели же нѣтъ надежды? Но гдѣ она? Бѣжать, но какъ? Разбить окно и выброситься было слишкомъ опасно. Броситься на часового, вырвать у него винтовку и бѣжать, но удастся ли все это сдѣлать, пока не проснется команда; а нѣтъ ли второго караула у вагона? Ну, хорошо, побѣгъ удастся, но гдѣ скрыться? Вокругъ большевики. Вѣдь былъ уже почти у цѣли, у «порога дома», могъ завтра увидѣть жену, сына, по которымъ такъ изболѣло сердце, и вотъ вмѣсто этого — смерть. Я закрывалъ глаза и видѣлъ себя мысленно уже мертвымъ, брошеннымъ гдѣ-нибудь у откоса въ грязи. Представлялъ горе жены. Холодный комъ ужаса подкатывался порой къ сердцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надежда на жизнь не покидала. Пожалуй, даже увѣренность въ томъ, что я буду жить была сильнѣе. Мелькнула мысль о Картавенко. Нужно во что бы то ни стало повидать его. Можетъ быть, въ немъ спасеніе. Но вслѣдъ за тѣмъ, я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ лежатъ «посвидченья», выданныя нѣмецко-украинской властью на право ношенія оружія, право проѣзда въ С-бъ и право хожденія по г. Ровно послѣ 10 час. вечера. Я слышалъ, что въ Кіевѣ большевики безъ всякаго сожалѣнія разстрѣливали всякаго, у кого находили подобные документы. Что дѣлать? Отъ нихъ нужно отдѣлаться непремѣнно. Но какъ? Солдатъ сидитъ у входа и все время смотритъ. Выбросить — найдутъ и тогда, конечно, пощады не будетъ. И вотъ я рѣшаю ихъ съѣсть. «Посвидченья» эти лежали у меня въ боковомъ карманѣ пальто, подъ пачкой книгъ безъ переплета. Нужно вынуть сначала книги. Но не успѣлъ я положить книги на столъ, какъ солдатъ, караулившій насъ, быстро поднялся и потребовалъ отдать ихъ ему. Просмотрѣвъ книги (это были томики разсказовъ Короленко), онъ возвратилъ мнѣ ихъ. «Это читать можете», милостиво разрѣшилъ онъ мнѣ. Я сдѣлалъ видъ, что читаю и вмѣстѣ съ тѣмъ одной рукой сталъ незамѣтно отрывать въ карманѣ кусочки отъ «посвидченій» и раскатывая ихъ въ маленькіе шарики, класть незамѣтно въ ротъ, жевать ихъ и глотать. Это было очень трудно. Бумага не разжевывалась и плохо глоталась. Попробовалъ я жеваные шарики бросать на полъ, но, едва замѣтные на грязномъ полу, они пугали меня несказанно. Мнѣ казалось, что шарики эти всѣ видятъ. Будетъ лишняя улика. Можетъ быть, это излишняя предосторожность и мои опасенія кажутся теперь смѣшными, но нужно вспомнить тогдашное мое душевное состояніе, чтобы понять меня . . .

Ѣлъ я «посвидченья» очень долго. Но когда съѣлъ, стало покойнѣе, и я завелъ разговоръ съ караульнымъ. Онъ восхищался современнымъ строемъ, восхвалялъ Шимановскаго, какъ революціоннаго вождя, выражалъ глубокое сожалѣніе по поводу его смерти и заявлялъ, что за его смерть «жиды и мужики», его убившіе, понесутъ тяжкую и заслуженную кару. Отъ него я узналъ, что Лобановъ отправился съ карательной экспедиціей въ г. М., и что его въ настоящее время замѣняетъ Картавенко. Это послѣднее сообщеніе очень ободрило меня и моего товарища по несчастью, который въ это время тоже принялъ участье въ разговорѣ.

Время отъ времени изъ караульнаго помѣщенія выходили, зѣвая, потягиваясь и почесываясь, товарищи и принимали участіе въ нашихъ разговорахъ; они обѣщали «изничтожить до тла, до корня» всѣхъ буржуевъ; грозили, что утромъ они «пустятъ кровь» тѣмъ, кто убилъ Шимановскаго, тѣмъ, кто вообще противится новой власти, при которой «всѣ равны, всѣ будутъ ѣздить въ вагонахъ третьяго класса» и что вагоновъ съ «мягкими подушками» и въ поминѣ не будетъ. У меня нѣтъ словъ, чтобы передать всю дикость, нелѣпость и кровожадность мыслей, высказанныхъ ими въ томъ разговорѣ.

Около четырехъ часовъ ночи, нашъ караульный былъ смѣненъ другимъ и разговоры прекратились, такъ какъ новый стражъ оказался человѣкомъ молчаливымъ и мрачнымъ и при попыткѣ моей заговорить съ нимъ, онъ оборвалъ меня, выбранивъ матерно и заявивъ, что ему, какъ истому пролетарію, бывшему шахтеру «не идетъ разговаривать съ современными паріями — проклятыми буржуями». Мы замолчали.

Въ шесть часовъ намъ въ купэ привели еще двухъ арестованныхъ — одного человѣка пожилого, степеннаго и спокойнаго крестьянина и другого парня лѣтъ 18, съ бѣльмомъ на глазу.

Новые заключенные объяснили намъ, что они были въ М. въ то время, когда толпа, передъ которой Шимановскій держалъ рѣчь, растерзала его. Послѣ убійства всѣ перетрусили и рѣшили послать делегацію на Унечу къ большевикамъ, чтобы «объяснить имъ все дѣло», но отправиться съ такимъ щекотливымъ порученіемъ желающихъ не нашлось. «И вотъ тогда мы съ дядькой», разсказывалъ молодой парень, «вызвались пойти, вѣдь не звѣри же эти самые большевики, они должны понять, что не прикажи Шимановскій стрѣлять по толпѣ, которая прерывала его рѣчь неодобрительными возгласами, онъ былъ бы цѣлъ и невредимъ». Не успѣли они прибыть на Унечу, какъ были арестованы «якимсь» Лобановымъ. «А вы за что сидите?», спросили вновь прибывшіе меня. Я отвѣтилъ, что этого я и самъ не знаю. «Какъ же ты не знаешь, сукинъ сынъ, прервалъ меня караульный, ты же сидишь за убійство Шимановскаго». Эти слова вызвали протестъ и даже смѣхъ со стороны прибывшихъ. «Грѣхъ вамъ, дядько, такъ говорить», сказалъ молодой, «ихъ тамъ не было». «А если не было, то не о чемъ и говорить, не можетъ того быть, чтобы разстрѣляли безвиннаго человѣка», отозвался какъ-то смутившись нашъ суровый стражъ. Мы замолчали снова.

Стало свѣтать. И странное дѣло, безпокойство наше съ разсвѣтомъ стало усиливаться.

Наконецъ, около семи часовъ утра вагонъ качнулся, кто-то вошелъ въ него и раздались по корридору шаги и бряцанье оружія. Мы насторожились, сердце сжалось тревогой; но вотъ шаги ближе и къ намъ въ купэ вошелъ . . . Картавенко. «Веди», сказалъ онъ пришедшимъ съ нимъ тремъ солдатамъ, указывая на молодого крестьянина. Когда его выводили изъ купэ, Картавенко уступилъ ему дорогу и задержался у нашей двери. Я воспользовался этой минутой и обратился къ нему съ просьбой разъяснить недоразумѣніе — почему онъ меня освободилъ, не найдя меня ни въ чемъ виновнымъ, а теперь вотъ меня снова арестовали и, въ чемъ обвиняютъ, мнѣ не извѣстно. Картавенко посмотрѣлъ на меня, помолчалъ и сказалъ: «что же дѣлать, я освободилъ, а товарищъ Лобановъ приказалъ арестовать. Не идти же мнѣ вмѣсто Васъ подъ разстрѣлъ», и онъ направился къ выходу, но затѣмъ вдругъ вернулся и сказалъ: «а впрочемъ, я еще съ Вами поговорю». Его слова немного насъ успокоили и мы стали ждать.

Но когда конвой явился за другимъ крестьяниномъ, безпокойство охватило насъ съ новой силой. На наши вопросы куда повели арестованныхъ, конвойные посмѣивались, стучали ружьями и отвѣчали: «а вотъ сами узнаете скоро, дождетесь, куда торопитесь, не на свадьбу». Эти слова, казавшіяся намъ полными загадочнаго смысла и скрытой угрозы, заставили насъ поблѣднѣть отъ страха. Я съ трудомъ удерживалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, какой-то холодокъ стоялъ подъ сердцемъ, я чувствовалъ это просто физически. Это была самая страшная, самая ужасная минута нашего томленія.

Но вотъ опять шаги, я узнаю ихъ, это шаги Картавенко. Дѣйствительно, это оказался онъ. «Ну, вотъ что, товарищи, на мой рискъ, идите домой», произнесъ онъ лаконически, повернулся и быстро вышелъ. Черезъ минуту мы были на свободѣ.

Вскорѣ подошелъ поѣздъ, который долженъ былъ отвезти меня въ С-бъ. Изъ него волнуясь и спѣша высыпала толпа пассажировъ, которые, повидимому, были чѣмъ-то встревожены.

Я подошелъ къ группѣ стоявшихъ пассажировъ, которые о чемъ-то оживленно бесѣдовали между собою, по временамъ указывая вдаль по направленію, виднѣвшагося за поворотомъ пути, лѣска. Въ этой группѣ оказался мой знакомый изъ С—бъ. «О чемъ Вы говорите, что случилось?» спросилъ я. «Да вотъ, видите лѣсокъ, отвѣтилъ онъ, тамъ лежатъ два трупа, проѣзжая мы видѣли ихъ изъ оконъ вагона. Ихъ сегодня разстрѣляли на разсвѣтѣ. Одинъ, говорятъ, бросился бѣжать, въ него дали залпъ, онъ упалъ, но оказывается его не убили, а лишь повредили позвонокъ и онъ поползъ, но его догнали и добили прикладами».

Когда поѣздъ нашъ подходилъ къ лѣску, пассажиры бросились къ окнамъ. Я тоже подошелъ къ окну. На насыпи, у самаго полотна, лежало два трупа, на груди которыхъ бѣлѣлись какія-то записки. Я взглянулъ. Все поплыло у меня передъ глазами — это были тѣ, кто раздѣлялъ сегодня ночью наше заключеніе, кто такъ недавно наивно думалъ: «вѣдь, не звѣри же эти большевики». Вѣдь и я могъ быть сейчасъ вмѣстѣ съ ними. Смертъ отъ меня была такъ близка . . .

Говорятъ, что приговоренные къ смерти наканунѣ казни очень крѣпко спятъ. Такъ ли это или нѣтъ, не знаю. Я лично эту ночь не могъ сомкнутъ глазъ ни на минуту. Но зато теперь, когда я взглянулъ на трупы, страшная слабость овладѣла мной, я опустился на скамейку и немедленно, самъ даже не замѣтивъ, заснулъ, сидя, крѣпкимъ сномъ.

Впослѣдствіи, живя въ С—бѣ до прихода нѣмцевъ, я слышалъ, что одинъ изъ разстрѣлянныхъ былъ признанъ не виновнымъ и женѣ его въ видѣ вознагражденія было выдано 5.000 руб.

II

Безпрерывно слышна орудійная канонада. То ближе, то дальше. Мы уже даже привыкли къ ней. Однако, чувствуется, что власть гетмана на закатѣ. Идетъ борьба его войскъ съ войсками Петлюры, обложившими Кіевъ.

Помню, сижу однажды утромъ въ гостиницѣ «Грандъ-Отель», гдѣ помѣщалась контръ-развѣдка и, какъ наблюдающій за слѣдствіемъ Товарищъ Прокурора. присутствую при допросѣ Судебнымъ Слѣдователемъ ряда свидѣтелей по дѣлу о разбойномъ нападеніи на Купеческій Банкъ, въ которомъ обвиняются бывш. Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества, чиновникъ 5 класса при

Финляндскомъ Генералъ-Губернаторѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ш, Начальникъ 6-ой дружины обороны г. Кіева и рядъ видныхъ офицеровъ. Таково время. Вдругъ тревога. Служащіе контръ-развѣдки забѣгали, заволновались и скоро въ контръ-развѣдкѣ не осталось ни души: убѣжали конвойные, свидѣтели, обвиняемые. Оказывается, въ Кіевъ входятъ Петлюровцы. Мы со Слѣдователемъ вышли на улицу. Тамъ суета. Снуютъ автомобили, бѣгутъ офицеры съ блѣдными лицами, тянутся какіе-то обозы, солдаты кучками спѣшатъ куда-то. Канонада стихла. И лишь вдали стрекочетъ гдѣ-то пулеметъ.

Но вотъ и побѣдители. Показались верховые въ бѣлыхъ шапкахъ съ кистями, за ними идетъ стройными рядами пѣхота, въ нѣмецкихъ каскахъ. На душѣ неспокойно. Грустно. Идутъ «самостійники». Это похуже гетмана. При немъ была хоть видимость власти. И хотѣлось думать, что власть его временная, что онъ играетъ какую-то хитрую роль на пользу Россіи и что наступитъ, конечно, день, когда, проснувшись, мы увидимъ, вмѣсто «желто-блакитнаго» знамени, нашъ родной національный флагъ. Съ приходомъ же Петлюровцевъ эта, быть можетъ фантастическая надежда, гнѣздившаяся у многихъ въ душѣ, отпала.

Они пришли, и надъ Кіевомъ нависли потемки. Жизнь стала тревожной, напряженной. На улицахъ трупы растерзанныхъ офицеровъ. Ни одна ночь не проходитъ безъ убійства. Во многихъ домахъ обыски. Произволъ и разстрѣлы безъ конца. Я знаю, что тяжесть атмосферы владычества этой власти, заставляла многихъ мечтать о большевикахъ — тѣ, по крайней мѣрѣ, свои, русскіе.

Наконецъ, принялись и за насъ. До сихъ поръ суду удавалось сохранить право вести переписку и разбирать дѣла на русскомъ языкѣ. Украинизація къ суду не прививалась. Съ приходомъ же новой власти начался нажимъ въ этомъ направленіи. Мы боролись, насколько могли. Впереди другихъ боролся прокурорскій надзоръ. Помню, изъ состава прокурорскаго надзора было командировано нѣсколько человѣкъ Товарищей Прокурора въ Комиссію по разслѣдованію дѣятельности офицеровъ, служившихъ русскому національному дѣлу. Назначенные въ Комиссію отказались ее посѣщать. Были командированы другіе, но и тѣ поступили такъ же. И, въ концѣ концовъ, Комиссія эта осталась безъ лицъ прокурорскаго надзора, такъ какъ Кіевскій Прокурорскій надзоръ, пригрозивъ коллективной отставкой, принудилъ власть отказаться отъ его участія въ подобнаго рода дѣлахъ. Однако, бывало и не безъ курьезовъ.

Однажды, я былъ командированъ въ Радомысльскій съѣздъ мировыхъ судей для дачи «заключеній». Входимъ въ засѣданіе. И что же. Предсѣдатель началъ вести его на украинской «мовѣ», на такой же «мовѣ» члены суда дѣлали доклады, защитники заговорили по украински. Мое мѣсто находилось вблизи публики, состоявшей главнымъ образомъ изъ крестьянъ и поэтому до меня иногда долетали обрывки ихъ разговоровъ. Когда началась «мова», я вижу, какъ вытянулись лица крестьянъ, и они въ недоумѣніи стали переглядываться другъ съ другомъ, а одинъ изъ нихъ, нагибаясь къ сосѣду сказалъ: «Петро, а Петро, что это паны показились, чи що?»

Но вотъ канонада снова. Приближаются большевики. Опять тревога. Но падающей власти не жаль. Однако, многіе спѣшатъ уѣхать въ Одессу. Въ числѣ уѣзжающихъ и мой братъ. Онъ долго уговаривалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но я рѣшилъ остаться. Говорятъ, большевики уже не тѣ. Чего же ихъ бояться?

Они эволюціонировали. И я остался. Послѣдній день власти Петлюры, — послѣдній аккордъ — галиційскія части окружили «присутственныя мѣста», ограбили казначейство и ушли. Слѣдомъ за ними явились большевистскіе разъѣзды. Новыя лица. Верховые съ громадными красными бантами, пьяные, съ торчащими лихо изъ-подъ сбитыхъ на бекрень шапокъ волосами.

Пришли большевики и, можете себѣ представить, стало легче дышать. Они писали декреты, митинговали, но на первыхъ порахъ никакихъ притѣсненій не было; прекратились и безсмысленные разстрѣлы, процвѣтавшіе такъ при Петлюровцахъ. Населеніе вздохнуло свободнѣе. И, когда большевики рубили на Софіевской площади деревянную колонну, поставленную Петлюрой, какъ эмблему «самостійной Украины», я видѣлъ, какъ въ толпѣ при этомъ присутствующей, крестились: «слава Богу, пришли свои. Конецъ этимъ нѣмецкимъ выдумкамъ» (здѣсь имѣлась въ виду петлюровская авантюра). Почему-то народъ съ первыхъ же дней возненавидѣлъ эту башню и далъ ей неприличное, неудобо-печатное названіе. Шли дни. Судъ прекратилъ свое существованіе. И я очутился «на подножномъ корму». Жалованье прекратилось, къ большевикамъ на службу я поступать не хотѣлъ, и приходилось для своего пропитанія заниматься «чѣмъ Богъ пошлетъ». Я занялся тѣмъ, что покупая дрожжи, мыло, табакъ, конфекты на фабрикахъ, разносилъ все это по магазинамъ и продавалъ. Этимъ я зарабатывалъ недурно, во всякомъ случаѣ, мнѣ съ сыномъ на жизнь хватало. Но вотъ «свои» стали выпускать когти, посыпались декреты болѣе суровые, начали націонализировать фабрики, торговля пришла въ упадокъ. Жить стало труднѣе. Пришлось заняться другимъ дѣломъ — скупкой старыхъ вещей и перепродажей ихъ на базарѣ. Однако, и это занятіе скоро сдѣлалось очень рискованнымъ, такъ какъ на базарахъ начались облавы и обыски. Въ одинъ несчастный день мы могли остаться и безъ товара, и безъ денегъ, которые большевики безъ всякихъ разговоровъ отбирали «у торговцевъ». Заработка намъ уже не хватало на жизнь. Приходилось распродавать собственныя вещи. А тутъ еще нужно было «ловчиться». — Вышелъ декретъ по которому всѣ буржуи подлежали призыву на работы въ лѣсу. Что было дѣлать? Уйди я на работы, мой 8-ми лѣтній сынъ остался бы и безъ хлѣба, и безъ призора, такъ какъ его мать, а моя жена незадолго до этого времени погибла отъ тифа.

Такъ какъ декретъ этотъ не распространялся на студентовъ, я поспѣшилъ поступить въ университетъ, на первый курсъ математическаго факультета. Но оказалось, что студенты, освобождаясь отъ трудовой повинности, подлежали призыву въ войска; и вотъ мнѣ снова пришлось изыскивать «способы спасенія». Къ этому времени начались обыски, аресты, выселеніе изъ квартиръ. Мы перестали чувствовать уже свою безопасность, такъ какъ неосторожный взглядъ, неосторожное слово, могло привести васъ въ чрезвычайку. Поступившимъ на совѣтскую службу было легче — они имѣли документъ, который до извѣстной степени давалъ имъ надежду на то, что ихъ не захватятъ во время уличной облавы. Наконецъ, ввели карточную систему и въ результатѣ хлѣбъ почти исчезъ. Бѣгая цѣлый день безъ устали, я своей торговлей едва зарабатывалъ, чтобы прокормить своего сына. Самъ же я, бывали дни, когда питался оставшейся у меня въ запасѣ мукой, разведенной въ водѣ. Было очень тяжело, но я не сдавался и на службу къ большевикамъ не шелъ.

Но вотъ вышелъ декретъ, по которому всѣ юристы, не состоящіе на совѣтской службѣ, подлежали мобилизаціи въ большевистскіе суды, на должности народныхъ слѣдователей, народныхъ судей и т. д., причемъ уклоняющемуся

грозилось преданіемъ революціонному трибуналу. Служить у большевиковъ вообще было тяжко, служить же въ ихъ судѣ была мука. Свято любя судебные уставы Александра II, я полагалъ служеніе Ѳемидѣ только на основѣ этого совершеннаго творенія юридической мысли. Возвратиться же въ храмъ ея оскверненный и загаженный творчествомъ товарищей Стучекъ и К-о было выше моихъ силъ. Нужно было найти выходъ, и я сталъ искать его. Съ одной стороны измученный постоянной тревогой за завтрашній день, тяжкія матеріальныя условія и боязнь сдѣлаться «совѣтскимъ судьей» вынудили меня искать «нейтральнаго мѣста». Къ счастью, мнѣ скоро удалось устроится чиновникомъ для порученій въ «Пленбеже», учрежденіи, вѣдавшемъ отправку, пріемъ и кормленіе военноплѣнныхъ и бѣженцевъ. Это избавило меня отъ «мобилизаціи юристовъ».

Первое время по поступленіи на службу я вздохнулъ свободнѣе: у меня былъ документъ совѣтскаго служащаго и я сталъ получать паекъ. Работы не было буквально никакой, какъ, впрочемъ, и у большинства совѣтскихъ чиновниковъ.

Однако, мое благополучіе продолжалось недолго. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ моего поступленія на службу въ «Пленбежъ», тамъ началась борьба между начальникомъ его г. Ш. — старымъ земскимъ дѣятелемъ и комиссаромъ «Пленбежа» (фамилія его улетучилась), который находилъ, что Ш. недостаточно преданъ революціи, слишкомъ строгъ съ рабочими, которые, кстати сказать, буквально ничего не хотѣли дѣлать, заботясь лишь о пайкахъ и «прибавкахъ» во всѣхъ видахъ. На сторонѣ комиссара, какъ болѣе сильнаго, было большинство служащихъ, старавшихся заслужить его расположеніе. Борьба эта окончилась, конечно, удаленіемъ Ш. отъ должности.

Находя этотъ актъ несправедливымъ и считая Ш. прекраснымъ работникомъ, я вмѣстѣ съ небольшой группой служащихъ, раздѣлявшихъ мое мнѣніе, написалъ Ш., по поводу его ухода, привѣтственный адресъ, подъ которымъ подписалось около 20 человѣкъ. Объ этомъ адресѣ сейчасъ же сдѣлалось извѣстно комиссару, и отъ насъ потребовали, чтобы мы взяли отъ Ш. свой адресъ обратно и присоединились къ резолюціи большинства, осуждавшей дѣятельность Ш. и выражавшей ему порицаніе. Большинство подписавшихъ адресъ Ш. сняло свои подписи, но я и еще 6 человѣкъ, а въ томъ числѣ и В. И. Сухомлинъ, правый «соціалистъ-революціонеръ», осужденный лѣтъ 20 тому назадъ по дѣлу Лопатина въ каторжныя работы и амнистированный при Временномъ Правительствѣ, отказались, конечно, это сдѣлать и были немедленно уволены со службы. Вскорѣ я узналъ, что обо мнѣ и о Сухомлинѣ сообщено въ Че-ка. Нужно было спасаться. Выѣздъ изъ Кіева безъ соотвѣтствующихъ документовъ былъ невозможенъ. Къ счастью, у Сухомлина оказался знакомый Н. К. Линиченко, предсѣдатель «Украинскаго Червонаго Креста»*. Мы направились къ нему и напрямикъ объяснили, что намъ необходимо выѣхать изъ Кіева. Линиченко принялъ въ насъ участіе и предложилъ намъ отвезти въ Полтаву — пробравшись черезъ фронтъ — три милліона въ распоряженіе В. Г. Короленко, состоявшаго Предсѣдателемъ «Всероссійской лиги спасенія дѣтей». Несмотря на рискованность этого порученія, мы съ благодарностью приняли это предложеніе. Черезъ нѣсколько дней, я, Сухомлинъ и присяжный повѣренный прапорщикъ Федорченко, уклонявшійся отъ большевистской мобилизаціи, выѣхали изъ Кіева.

---

* Украинскій Красный Крестъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего отъѣзда изъ Кіева, ко мнѣ на квартиру, съ цѣлью ареста, явились матросы изъ Че-ка, но, къ счастью, я былъ уже далеко. Всѣ же мои товарищи по должности въ прокурорскомъ надзорѣ, арестованные въ тотъ день, когда за мной являлись изъ Чека, были разстрѣляны и несомнѣнно меня постигла бы та же участь, если бы я оказался дома.

Имѣя разрѣшеніе на проѣздъ и всякія «хранительныя грамоты», мы едва попали въ теплушку, набитую исключительно красноармейцами, которые неистово ругались, толкались, плевались, бросали шелуху отъ подсолнуховъ на полъ и т. п. На первой же станціи, гдѣ садились новые пассажиры, насъ, какъ «штатскихъ», хотя и имѣвшихъ на рукахъ повязки Краснаго Креста, хотѣли выбросить изъ вагона, и лишь краснорѣчіе Сухомлина и упоминаніе его о томъ, что онъ бывшій народоволецъ, проведшій почти всю свою жизнь за свои политическія убѣжденія на каторгѣ и въ изгнаніи, спасло насъ. Въ дорогѣ мы получили свѣдѣнія, что добровольцы заняли Лубны, куда, въ сущности говоря, мы и должны были вначалѣ пріѣхать, чтобы, встрѣтившись тамъ съ Уполномоченнымъ «Червонаго Креста» — С., отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Полтаву.

Пріѣхавъ, не помню, на какую-то станцію, мы узнали, что дальше поѣзда не идутъ, такъ какъ всѣ пути отъ ст. «Гребенки» забиты отступающими эшелонами и что до «Гребенки» можно добраться лишь лошадьми; получить же лошадей было невозможно. Что было дѣлать? Мы въ унынiи усѣлись на станціи и стали размышлять, какъ быть дальше. Въ такомъ же положеніи очутился и одинъ изъ нашихъ попутчиковъ, съ которымъ мы познакомились въ дорогѣ — бывшій офицеръ, а нынѣ «совработникъ» совѣтскаго имѣнія. «Знаете», сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ раздумья, «я нашелъ выходъ. Я хорошо знаю комиссара мѣстечка, расположеннаго у этой станціи, и попытаюсь дѣйствовать черезъ него. Комиссаръ этотъ — матросъ Черноморскаго флота, славящійся своей силой и жестокостью, но человѣкъ глуповатый, авось я его обману». Съ этими словами спутникъ нашъ направился къ телефонной будкѣ и вызвалъ Исполнительный Комитетъ. Мы съ тревогой наблюдали за нимъ. А вдругъ онъ коммунистъ, рѣшившій насъ предать. Черезъ нѣсколько минутъ ему отвѣтили, и мы услышали, какъ онъ сказалъ: «попросите немедленно пріѣхать на станцію комиссара, есть важное дѣло». Тревога наша усилилась и мы съ безпокойствомъ наблюдали, какъ спутникъ нашъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая, ходилъ по вокзалу.

Приблизительно черезъ полчаса, стоя у вокзала, мы увидѣли, что къ намъ приближается какая-то группа всадниковъ, имѣвшихъ во главѣ матроса громаднаго роста, ѣхавшаго верхомъ на бѣлой лошади. Подъѣхавъ къ станціи, матросъ соскочилъ съ лошади и, подойдя къ намъ, спросилъ: «Кто меня вызывалъ, по какому дѣлу?» — «Это я вызывалъ Васъ, товарищъ комиссаръ», произнесъ нашъ спутникъ, приближаясь къ матросу, «дѣло въ томъ, что мы, то-есть я и товарищи доктора ѣдутъ въ Лубны по срочному дѣлу эвакуаціи госпиталей, а поѣзда, оказалось, дальше не идутъ. Такъ вотъ, мы, зная Васъ, какъ прекраснаго, распорядительнаго, энергичнаго и строгаго администратора, у котораго управлять должны были поучиться прежніе губернаторы, рѣшили обратиться къ Вамъ съ просьбой помочь намъ достать лошадей». Эти слова лести очень понравились комиссару и онъ, самодовольно улыбнувшись, спросилъ: «Неужели меня знаютъ? Да, Вы не ошиблись, я человѣкъ строгій,

чуть что — къ стѣнкѣ, но зато у меня и порядокъ. Лошади у Васъ будутъ». И съ этими словами комиссаръ подошелъ къ телефону и, снявъ трубку, вызвалъ какую-то «Чернояровскую экономію», и когда ему отвѣтили, онъ сказалъ: «чтобы черезъ часъ на станціи были двѣ подводы. Поняли. То-то. А то знаете меня — къ стѣнкѣ». И повѣсилъ трубку. Затѣмъ, подойдя къ намъ снова, онъ сталъ жаловаться на сильный кашель и просилъ его полечить. В. И. Сухомлинъ не растерялся, посмотрѣлъ его языкъ, пощупалъ пульсъ, разспросилъ о признакахъ болѣзни, потомъ преспокойно залѣзъ въ карманъ и вынувъ оттуда какіе-то порошки, какъ я узналъ потомъ, аспирина, вручилъ ихъ комиссару, заявивъ, что отъ этихъ порошковъ болѣзнь его, «какъ рукой сниметъ». Поблагодаривъ В. И. Сухомлина и поговоривъ съ нами еще нѣсколько минутъ, комиссаръ извинился, что не можетъ дольше побыть съ нами, такъ какъ у него, въ виду приближенія «кадетъ» *, масса работы, и, пожавъ намъ крѣпко руки, направился къ своей лошади, но затѣмъ вдругъ повернулся и спросилъ: «позвольте, а гдѣ Вы намѣрены ждать лошадей, тутъ Вамъ на станціи неудобно. Пожалуйте за мной».

Черезъ нѣсколько секундъ мы входили въ какой-то постоялый дворъ. Хозяинъ его — еврей встрѣтилъ насъ низкими поклонами. Комиссаръ приказалъ ему дать намъ «безплатно два номера исполнительнаго комитета» и накормить, «а то знаете меня», добавилъ онъ. Послѣ этого онъ усѣлся на свою лошадь и уѣхалъ.

Чѣмъ объяснить, что онъ не поинтересовался посмотрѣть наши документы, я и до сихъ поръ не могу понять.

Прекрасно отдохнувъ и закусивъ, мы сѣли на подводы «Чернояровской экономіи» и благополучно доѣхали до ст. Гребенки. «Гребенки» оказались набиты отступающими эшелонами войскъ, обозами, бѣженцами. Все это двигалось походнымъ порядкомъ, такъ какъ желѣзнодорожное сообщеніе почему-то прекратилось. Мѣстные жители, запуганные настоящей властью, но и съ тревогой ждущіе новой, попрятались по домамъ и выходили изъ нихъ лишь въ случаѣ крайней нужды. Всѣ двери, всѣ окна были на запорѣ. Торговля умерла. Достать какую-либо пищу было буквально невозможно ни за какія деньги. И стыдно сознаться, что я, представитель закона, живя три дня въ «Гребенкахъ», питался картошкой, которую мы крали въ сосѣднихъ огородахъ.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ пристанища, мы, наконецъ, съ большимъ трудомъ и за большія деньги уговорили одного изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ пріютить насъ на нѣсколько дней. Устроившись кое-какъ, мы отправились къ коменданту станціи въ намѣреніи просить оказать намъ содѣйствіе къ дальнѣйшему нашему путешествію. Комендантъ — юноша лѣтъ 20, въ формѣ какого-то техническаго учебнаго заведенія, принялъ насъ очень сухо и, выслушавъ нашу просьбу и посмотрѣвъ документы, заявилъ: «что Вы мнѣ суете какую-то «всероссійскую лигу», Вы еще захотите проѣхать по документамъ Всероссійскаго Земскаго Союза. Дайте мнѣ удостовѣреніе о томъ, что Вы — коммунисты, тогда другое дѣло». Мы начали его уговаривать, но кончилось это тѣмъ, что онъ прогналъ насъ и пригрозилъ тѣмъ, что отправитъ насъ въ «политическій отдѣлъ полевого штаба» на ст. «Лазорьки», гдѣ насъ «могутъ или отпустить далѣе, или разстрѣлять». Такъ какъ перспектива быть отправленными въ политическій отдѣлъ намъ не улыбалась, то мы рѣшили

* Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звали добровольцевъ.

никому не показываться на глаза, сидѣть смирно въ своей комнатушкѣ и ждать прихода добровольцевъ. Прошло два дня или три. За это время въ сторону Лубенъ не отошло ни только поѣзда, но даже и паровоза, съ которымъ мы могли бы кое-какъ проѣхать. Наконецъ, какъ-то ночью, я услышалъ паровозный гудокъ и что-то меня словно толкнуло, что это поѣздъ, идущій въ сторону Лубенъ. Руководимый предчувствіемъ, я разбудилъ своихъ товарищей и, высказавъ имъ свои предположенія, предложилъ «попытать счастья». Они согласились со мной. Черезъ нѣсколько минутъ мы, захвативъ свои вещи, двинулись на станцію. Придя туда, мы увидѣли, что на путяхъ въ сторону Лубенъ стоитъ паровозъ и двѣ теплушки. Подойдя къ паровозу и узнавъ, что этотъ составъ дѣйствительно идетъ въ Лубны, мы стали просить машиниста, взять насъ съ собой, но онъ рѣшительно намъ въ этомъ отказалъ, а когда мы пообѣщали ему хорошо заплатить, онъ пришелъ въ ярость, сталъ кричать, бранить насъ и угрожать, немедленно отправить насъ къ коменданту. Уныло отошли мы отъ паровоза, но все же не хотѣли терять надежды на успѣхъ. Подойдя къ теплушкамъ и услышавъ тамъ кашель, мы стали просить, впустить насъ. Оттуда намъ отвѣтили, что это теплушка съ тифозными больными, и, когда мы заявили, что это насъ не страшитъ, насъ, наконецъ, согласились впустить. Забравшись въ вагонъ, оказавшійся, судя по неубранному навозу, вагономъ для скота, мы увидѣли въ одномъ углу его человѣка 4 или 5 солдатъ, лежавшихъ на соломѣ. Забившись въ другой уголъ, мы стали ждать. Время тянулось необычайно медленно. Мы очень опасались, что вагоны эти передъ отправленіемъ будутъ провѣрять и обнаружатъ въ нихъ наше присуствіе. Однако, этого, слава Богу, не случилось. Правда, поѣздъ стоялъ очень долго, и это стоило намъ много нервовъ. Отправился онъ лишь на разсвѣтѣ. На слѣдующей станціи къ нашему поѣзду прицѣпили еще нѣсколько вагоновъ, и въ такомъ составѣ мы прибыли на ст. «Лазорьки» — самое страшное мѣсто нашей остановки, мѣстонахожденіе «политическаго отдѣла», гдѣ, какъ мы совершенно основательно предполагали, будетъ производиться контроль. Наши опасенія оправдались. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прибытія на станцію, мы услышали, какъ съ шумомъ отодвигаются двери теплушки и чей-то голосъ спрашиваетъ: «ваши документы, ваши документы, нельзя, выходите, взять» и т. п. Наконецъ очередь дошла и до нашего вагона — дверь съ шумомъ отодвинулась и въ вагонъ заглянуло нѣсколько человѣкъ, но увидѣвъ на нашихъ рукавахъ пальто повязки Краснаго Креста, закрыли двери, сказавъ: «дальше, это санитарка». Мы облегченно вздохнули. Намъ положительно везло. Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ тронулся дальше. До Лубенъ оставалась еще одна станція — «Вилы». На этой станціи намъ пришлось снова превратиться въ докторовъ. Дѣло въ томъ, что по прибытіи туда поѣзда, къ намъ въ вагонъ принесли только-что раненаго въ животъ красноармейца и просили, его осмотрѣть. Что было дѣлать? Но В. И. Сухомлинъ нашелся и на этотъ разъ. Онъ спросилъ, дѣлали ли больному перевязку, и, получивъ отвѣтъ, что перевязка сдѣлана сейчасъ же послѣ раненія фельдшеромъ, заявилъ, что онъ не будетъ безпокоить больного, а осмотритъ и сдѣлаетъ все, что нужно по прибытіи въ Лубны.

Но вотъ и Лубны. Станція пуста. Кое-гдѣ сожженныя станціонныя постройки. Гдѣ-то вдали не часто гукаетъ орудіе. Мы вышли изъ вагона и, минуя станцію, прошли боковой калиткой въ городъ. Кругомъ ни души — словно все вымерло. Тихо и безлюдно и дальше на улицахъ. Кто здѣсь,

свои ли, большевики ли, или въ городѣ ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ? Я совѣтовалъ своимъ спутникамъ зайти въ какой-либо ближайшій домъ, чтобы тамъ разспросить обо всемъ и оріентироваться въ обстановкѣ, но В. И. Сухомлинъ ни за что съ этимъ не соглашался и велъ насъ въ какую-то гостиницу, въ которой онъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ. Но вотъ, наконецъ, навстрѣчу намъ попался какой-то молодой еврей съ блѣднымъ, напуганнымъ лицомъ, спѣшившій, по его словамъ, на станцію для того, чтобы попытаться куда-либо уѣхать. Онъ сообщилъ намъ, что въ городѣ ни бѣлыхъ, ни красныхъ нѣтъ, что третьяго дня городъ былъ занятъ передовыми частями добровольцевъ, которые, пограбивъ еврейское населеніе, были вчера выбиты большевиками изъ города. Отъ него же мы узнали, что штабъ послѣднихъ находится на станціи. Распрощавшись съ этимъ евреемъ, мы пошли дальше, но не успѣвъ свернуть въ слѣдующую улицу, увидѣли ѣдущаго навстрѣчу намъ на прекрасной лошади пожилого, судя по его одеждѣ, донского казака. Подъѣхавъ къ намъ, казакъ остановилъ лошадь и вынувъ изъ кобуры револьверъ, приказалъ намъ вернуться назадъ. Не зная, кто передъ нами, мы рѣшили выждать и покорно пошли обратно подъ конвоемъ казака. На нашъ вопросъ, куда онъ насъ ведетъ, казакъ отвѣтилъ: «ну, ну, нечего тамъ, ступайте, ступайте», и недвусмысленно потрясъ револьверомъ.

Пройдя немного, мы встрѣтили двуколку, на которой ѣхало человѣкъ 5—6 солдатъ растерзаннаго и дикаго вида, увидѣвъ которыхъ, казакъ приказалъ имъ поворотить и сопровождать насъ, причемъ солдатъ этихъ онъ назвалъ «товарищами». Узнавъ, что мы въ рукахъ красныхъ и предпочитая имѣть дѣло съ ихъ начальствомъ, мы начали просить ихъ отвезти насъ либо въ исполнительный комитетъ, либо въ штабъ. Выслушавъ нашу просьбу, конвоиры стали хохотать, осыпать градомъ брани и заявлять, что у нихъ есть свой штабъ, «штабъ Духонина», при чемъ одинъ изъ нихъ, глядя съ насмѣшкой на В. И. Сухомлина, сказалъ: «что, попались, Ваше Превосходительство, не любишь небось этого, а шкуру съ людей драть любилъ». В. И. Сухомлинъ, видя, что его принимаютъ за какого-то генерала, сталъ доказывать, что генераломъ онъ никогда не былъ, что онъ самъ пострадалъ за народъ, и т. п. Однако, на этотъ разъ излюбленный имъ пріемъ не оказалъ никакого дѣйствія, такъ какъ солдатъ грубо прервалъ его: «будетъ, будетъ очки втирать, я вѣдь у тебя въ бригадѣ служилъ, сукинъ сынъ». Оставалось покориться судьбѣ и ждать. Особенно плохо себя чувствовалъ я. Дѣло въ томъ, что, отправляясь въ путешествіе, В. И. Сухомлинъ предупреждалъ, чтобы мы не брали съ собой никакихъ могущихъ насъ скомпрометировать документовъ. Однако, я не послушалъ его и тайкомъ отъ него захватилъ свой паспортъ Товарища Прокурора, разсчитывая на то, что онъ можетъ очень мнѣ пригодиться при встрѣчѣ съ бѣлыми. Что мнѣ было теперь съ нимъ дѣлать? При обыскѣ его обнаружатъ, и дѣло можетъ принять очень плохой оборотъ. Я думалъ сначала бросить его, но это было слишкомъ рискованно, и эту мысль пришлось оставить. Идя и разговаривая между собой о томъ, какъ мы неосторожно попались, мы выражали больше всего опасеніе, что солдаты произведутъ безъ своего начальства у насъ обыскъ, найдутъ деньги и, желая ими воспользоваться, покончатъ съ нами. Гдѣ свидѣтели, попробуй-ка найти виновныхъ! Сегодня они здѣсь, а завтра за 30—40 верстъ отсюда. Это было страшнѣе всего. Было рѣшено, во что бы то ни стало, добиться того, чтобы насъ отвели въ штабъ, и вотъ, когда мы дошли до вокзала, мы остановились

и сказали, что дальше мы не двинемся съ мѣста. Однако, это помогло очень мало, такъ какъ солдаты, соскочивъ съ двуколки, стали насъ бранить и подталкивать довольно сильно винтовками. Въ это время казакъ, насъ задержавшій, отдѣлился отъ нашей группы и направился къ вокзалу. Смутно, инстинктивно догадываясь, что имѣть дѣло съ казакомъ лучше, чѣмъ съ остальной бандой, мы стали кричать ему и просить насъ не покидать. Это довѣріе, повидимому, казаку понравилось, такъ какъ онъ уже болѣе дружелюбно крикнулъ намъ, чтобы мы не безпокоились, такъ какъ онъ сейчасъ вернется. Двинулись дальше. Вышли въ поле. Куда насъ ведутъ? Но вотъ слышимъ сзади топотъ лошади. Оглядываемся — нашъ казакъ скачетъ за нами, машетъ и кричитъ солдатамъ, чтобы они поворачивали обратно. Когда мы приблизились къ вокзалу, насъ окружила толпа солдатъ, кричавшая: «что тутъ разговаривать, и такъ видно, что офицеры; они здѣсь были, да вотъ проспали и не успѣли удрать со своими». Два или три изъ нихъ кричали больше всѣхъ и божились, что они насъ опознаютъ и что мы дѣйствительно были вчера въ Лубнахъ съ бѣлыми. Среди этого крика и брани насъ повели на вокзалъ. Когда я входилъ послѣднимъ въ дверь вокзала, стоявшій тутъ же казакъ, насъ задержавшій, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ: «не бойтесь, я такой же, какъ и Вы. Господи, когда же этому конецъ, когда же это кончится, надоѣло смерть какъ!» Я взглянулъ на него съ благодарностью и уже веселѣе поспѣшилъ за товарищами.

На вокзалѣ насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ во френчѣ и желтыхъ гетрахъ съ шашкой черезъ плечо. Онъ отрекомендовался комиссаромъ Скорняковымъ и вѣжливо протянулъ намъ руку. В. И. Сухомлинъ въ свою очередь назвалъ себя и сказалъ, что онъ «старый народоволецъ», что онъ и мы, его товарищи, желаемъ переговорить съ комиссаромъ наединѣ, такъ какъ у насъ есть «секретное дѣло». Скорняковъ ввелъ насъ въ какую-то комнату, въ которой находилось нѣсколько человѣкъ солдатъ, и попросилъ ихъ выйти. Солдаты, хотя и неохотно, и ворча, повиновались и вышли. Скорняковъ предложилъ намъ сѣсть и, просмотрѣвъ наши документы и выслушавъ В. И. Сухомлина, сказалъ, что пойдетъ посовѣтоваться съ командующимъ отряда т. Забалуевымъ и его начальникомъ штаба т. Загорскимъ.

Во время отсутствія Скорнякова, въ комнату, въ которой мы находились, вошелъ какой-то солдатъ, повидимому писарь, и, роясь въ бумагахъ, сталъ съ нами разговаривать, причемъ мы узнали отъ него, что Забалуевъ — бывшій рабочій, командуетъ теперь кавалерійской частью, а Загорскій — бывшій прапорщикъ, его ближайшій другъ и правая рука.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Скорняковъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришли Забалуевъ и Загорскій. Первый, — худой, высокаго роста мужчина, лѣтъ 35, съ заломленной лихо на затылокъ папахой, изъ-подъ которой выбивалась прядь рыжихъ волосъ, какъ у донского казака, былъ мраченъ и молчаливъ. Второй же — маленькій, щупленькій, рыженькій, прыщеватый, очень подвижной и говорливый. И тотъ, и другой вѣжливо поздоровались съ нами и сѣли. В. И. Сухомлинъ снова предъявилъ имъ наши документы, объяснилъ, что мы веземъ въ Полтаву деньги, что въ Лубнахъ должны встрѣтить своего уполномоченнаго, но не знаемъ, эвакуировался онъ или нѣтъ, и что вотъ теперь задержавшіе насъ красноармейцы свидѣтельствуютъ ложно, что мы будто бы бывшіе офицеры и что при этихъ условіяхъ намъ держать при себѣ деньги рискованно. Поэтому онъ проситъ принять деньги на

храненіе и выдать намъ въ этомъ расписку, чтобы впослѣдствіи на насъ не было нареканій и обвиненій въ томъ, что мы эти деньги присвоили. Выслушавъ насъ, Забалуевъ и Скорняковъ изъявили желаніе принять деньги и хранить ихъ въ полковомъ сундукѣ до тѣхъ поръ, пока мы не разыщемъ своего уполномоченнаго и не явимся вмѣстѣ съ нимъ въ штабъ. Однако, этому воспротивился Загорскій, сказавшій: «Вы разсуждаете, какъ штатскіе люди, а я буду говорить, какъ военный. Взять деньги въ полковой сундукъ неудобно, такъ какъ возлѣ него нужно ставить часового; затѣмъ неизвѣстно, долго ли мы пробудемъ въ Лубнахъ. Лучше всего отправить ихъ (насъ) въ «Лазорьки» въ политическій отдѣлъ». Услышавъ это, мы стали просить этого не дѣлать, такъ какъ это удалило бы насъ отъ цѣли нашего путешествія. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ разговоровъ, было рѣшено, что наши чемоданы съ деньгами останутся въ этой же комнатѣ, я останусь ихъ охранять, а Сухомлинъ и Федорченко, получивъ разрѣшеніе на въѣздъ въ Лубны, отправятся разыскивать Уполномоченнаго С.

Не прошло получаса послѣ того, что мои спутники отправились въ городъ, какъ началась сильнѣйшая артиллерійская стрѣльба. На станціи засуетились, забѣгали. Вмѣстѣ съ другими я вышелъ на перронъ, тамъ стоялъ готовый къ отправленію бронепоѣздъ. Изъ разспросовъ я выяснилъ, что бѣлые изъ-за рѣки Сулы обстрѣливаютъ станцію. Канонада все усиливалась и усиливалась. Скоро на станціи почти не осталось живой души. Сидѣть одному въ комнатѣ, когда вблизи падали снаряды, было очень жутко. Особенно мучительное чувство страха испыталъ я, когда отъ упавшаго почти противъ дверей станціи снаряда задрожали стѣны и посыпались стекла выбитыхъ оконъ. Въ такомъ состояніи время идетъ «черепашьимъ шагомъ», и мнѣ начало уже казаться, что я никогда не дождусь моихъ спутниковъ. Напуганное воображеніе рисовало мнѣ, что они арестованы или даже уже убиты. Я сталъ помышлять, какъ бы и мнѣ скрыться со станціи, но чемоданъ съ деньгами, который я приставленъ былъ охранять, крѣпко держалъ меня незримыми узами, парализуя мою рѣшимость бросить все и бѣжать. Но вотъ въ тотъ моментъ, когда я, прождавъ часа три, потерялъ всякую надежду на то, что поѣздка наша можетъ кончиться благополучно, вдругъ открылись двери и я съ радостью увидѣлъ В. И. Сухомлина и Уполномоченнаго С. Собрать чемоданы и вынести ихъ на извозчика, даннаго С. комендантомъ города, было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Жили мы въ Лубнахъ дня три. Въ городъ почти не выходили и все ждали, вотъ придутъ наши. Но бѣлыхъ все не было. Всѣ эти три дня мы жили подъ обстрѣломъ. Сзади нашего дома, въ саду стояла батарея большевиковъ, обстрѣливавшая бѣлыхъ, стоявшихъ за Сулой. Тѣ же въ свою очередь время отъ времени посылали свои «гостинцы» большевикамъ. Снаряды съ шумомъ и визгомъ носились черезъ нашъ домъ. Говорятъ, что къ орудійной стрѣльбѣ можно привыкнуть. Что касается меня, то, грѣшный человѣкъ, долженъ сознаться, за все это время я къ ней не привыкъ. Безпрерывный грохотъ, дребезжаніе стеколъ въ окнахъ, ожиданіе отвѣтнаго выстрѣла страшно напрягали нервы, въ ушахъ стоялъ безпрерывный шумъ, болѣла голова, словно по ней били чѣмъ-то тяжелымъ. Наконецъ, на третій день вечеромъ канонада стихла. Это было неожиданно, очень хотѣлось знать, въ чемъ дѣло, но было поздно и выходить на улицу опасно. Тихо было и всю ночь. На другой день, рано утромъ, кто-то изъ насъ пробрался въ городъ

и принесъ тревожно-радостную вѣсть: «кажется, въ городѣ наши войска». Дѣйствительно, спустя полчаса послѣ этого къ намъ въ домъ явились два ингуша. Войдя въ домъ, они, ни слова не говоря, не здороваясь и не снимая фуражекъ, прошли по всѣмъ комнатамъ, что-то посмотрѣли и затѣмъ спросивъ: «коммунистовъ нѣтъ, жидовъ нѣтъ, хозяинъ не жидъ?» — и, получивъ на эти вопросы отрицательные отвѣты, удалились. Какъ бы то ни было, въ городѣ были наши. Городъ ожилъ, на базарѣ бойко торговали, цѣны на продукты, по сравненію съ Кіевскими, были невысокія, и мы, наголодавшись за это время, съ радостью набросились на всѣ эти «земныя блага» въ видѣ бѣлаго хлѣба, сала и т. п. Въ городѣ мы узнали, что большевики, уходя, разстрѣляли въ близъ лежащемъ монастырѣ 18 престарѣлыхъ монаховъ. Вмѣстѣ съ многочисленной толпой мы отправились къ монастырю. Стоя въ часовенкѣ, гдѣ рядышкомъ, еще не положенные въ гробы, лежали семидесятилѣтніе старцы — звѣрски замученные большевиками, вдыхая запахъ ладана, носившійся въ воздухѣ, и слушая тихія, невнятныя слова молитвы, которыя читались надъ покойниками, невольно думалось, для чего эти жертвы, кому понадобилась ихъ кровь, какой вредъ и кому могли причинить эти старцы, давно покинувшіе суетный міръ съ его неправдой и страстями. Было тоскливо и смутно на душѣ. Неужели для счастья человѣчества нужно такое море крови и океанъ слезъ? И если это такъ, то не лучше ли отказаться отъ будущаго благополучія? Надъ покойниками никто изъ родственниковъ не плакалъ, очевидно, они пережили всѣхъ своихъ родственниковъ и были въ мірѣ совершенно одиноки, ужъ слишкомъ много имъ было лѣтъ. Зато, вмѣсто близкихъ, плакала толпа. Тихо катились слезы по опущеннымъ долу лицамъ. Было торжественно тихо. И лишь на полянкѣ у монастырскихъ стѣнъ толпа гудѣла и волновалась: «Кому, какъ не жидамъ, понадобились они. У, проклятые. Передушить бы ихъ всѣхъ. Небось, своихъ не мучаютъ. Почему ни одного ни цадика, ни раввина нѣтъ убитаго. Будь они прокляты, христопродавцы. Вишь ты, монахи имъ понадобились. Потопить бы ихъ до одного». Мы стояли и со смущенной душой слушали эти слова, полныя злобы и ненависти. В. И. Сухомлинъ не выдержалъ и вступилъ въ разговоръ: «Почему же во всемъ евреи виноваты, мы и сами хороши», началъ онъ, «вѣдь большевики есть и не евреи. Тамъ и русскіе, и поляки, и китайцы, и латыши. Большевики — интернаціоналисты». Толпа слушала, молча. Было явно, что сочувствіе не на его сторонѣ. «Такъ, такъ», началъ одинъ изъ толпы, «значитъ, жидки тутъ не причемъ, вотъ вы значитъ изъ какихъ? а вы кто будете, господинъ? Что за заступники жидовскіе? Бей ихъ сукиныхъ сыновъ». Толпа загудѣла и какъ-то нерѣшительно надвинулась на насъ и, конечно, намъ бы пришлось очень плохо, если бы въ этотъ моментъ вниманіе толпы не было отвлечено прошедшимъ мимо человѣкомъ въ штатскомъ костюмѣ, съ длинными сѣдыми волосами и бородой. «Смотрите, смотрите», послышались голоса, «это батюшка, его тоже повели на разстрѣлъ, но пули въ него не попали, онъ упалъ вмѣстѣ съ другими и притворился мертвымъ. Такъ только и спасся». И толпа повалила за священникомъ, позабывъ о нашемъ существованіи.

При возвращеніи изъ монастыря съ нами произошелъ небольшой курьезъ. Пройдя версты двѣ, мы встрѣтили верхового казака. Онъ потребовалъ наши документы. Я далъ ему паспортъ Товарища Прокурора. Взглянувъ на него и прочтя «товарищъ», казакъ нахмурился, взглянулъ на меня и сказалъ: «а, такъ ты товарищъ, теперь время ваше прошло, товарищей нынѣ не по-

лагается». Съ большимъ трудомъ втолковали мы ему, что «товарищи прокурора» существовали и при царѣ, что должность эта не большевистская. Неохотно, сомнѣваясь, онъ все же отпустилъ насъ — очевидно, спѣшилъ куда-то и ему было не до насъ.

Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали въ Полтаву.

Живя въ «станѣ бѣлыхъ», разъѣзжая въ теплушкахъ, бродя по деревнямъ, я присматривался къ «новой власти».

Стройно тянулись ея воинскія части. Лошади сытыя. Орудія въ порядкѣ. Прекрасное обмундированіе. Блестящая дисциплина. Всюду привѣтливое, доброжелательное отношеніе «власти». Въ сердцѣ была радость. Хотѣлось думать, что это новая эра въ жизни Россіи, что минулъ періодъ лихолѣтья, что тамъ дальше на путяхъ къ Москвѣ льется послѣдняя братская кровь, что окончены муки голода, холода и безправія, что снова есть у насъ Родина, имя которой Великая Россія. Такъ говорило чувство, но разумъ порою шепталъ другое. Сомнѣнія подтачивали радость, гасили надежду. Много, слишкомъ много происходило такого, что омрачало окружающее. На долженствующемъ быть бѣлоснѣжнымъ знамени «добровольцевъ», обнажившихъ мечъ для борьбы за Родину, вѣру, истинную свободу и счастье будущаго, было много темныхъ пятенъ. Чувствовалось, что высшая власть, несомнѣнно одушевленная лучшими настроеніями, глубокимъ патріотизмомъ и преданной любовью къ несчастной Родинѣ, безсильна справиться съ «примазавшимися» къ ней темными силами, захватившими въ «крестовый походъ» слишкомъ много пищи для питанія большевизма.

Довелось мнѣ какъ-то въ полѣ встрѣтиться съ тремя пожилыми крестьянами. Я былъ не въ формѣ и принять меня за начальство было нельзя. Быть можетъ, поэтому мнѣ удалось разговориться съ ними. Заговорили о большевикахъ; крестьяне бранили ихъ, возмущались поборами, произволомъ, насиліемъ. Въ это время вдали показались, приближаясь къ намъ, какія-то кавалерійскія части. «А это какъ, лучше большевиковъ?» спросилъ я. «Эти-то?», крестьяне замялись и пытливо посмотрѣли на меня. «Эти, что же, ничего». Потомъ, словно рѣшившись, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Извѣстное дѣло, это власть, а все-таки и они творятъ не приведи Богъ что. Тѣ хоть большевики были, что съ нихъ спросишь, ни Царя, ни Бога не признавали. А этимъ поступать такъ не годится. Ну, только и отъ нихъ бѣдному человѣку не житье. Намедни вотъ у сосѣда свинью свели, а у другого сѣно забрали. Денегъ не платятъ, а спросить боязно. Не повѣрите, у меня самого съ ногъ сапоги сняли, такъ въ деревню босой и пришелъ. Одинъ срамъ. Особенно эти какъ ихъ, ингуши, что ли, называются. Отъ нихъ людямъ прямо житья нѣтъ». Мнѣ стало неловко и я промолчалъ. Замолчали и крестьяне. Затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ задалъ мнѣ вопросъ: «А скажите, господинъ, можетъ Петлюра этотъ и не совсѣмъ разбойникъ, якъ о немъ пишутъ въ газетахъ». И въ самомъ вопросѣ и въ тонѣ какимъ былъ заданъ этотъ вопросъ я почувствовалъ скрытую симпатію къ «этому Петлюрѣ», который еще не пришелъ (вѣдь фактически власть Петлюры распространялась только на Кіевъ). Видѣли большевиковъ, увидѣли добровольцевъ, а Петлюру еще не видали. Не несетъ ли этотъ самый Петлюра мира, спокойствіе и лучшую жизнь. Чувствовалось, что мысль уставшаго населенія ищетъ новой власти, власти безъ насилія, произвола, власти, которая можетъ дать законность

и порядокъ. И вотъ мысль эта наталкивается на Петлюру, враждебнаго новой власти добровольцевъ, не удовлетворявшихъ настроенія массъ.

Другой разъ ѣду въ поѣздѣ, идущемъ въ Кіевъ. Вагоны «биткомъ набиты» кіевлянами, освободившимися отъ большевистскаго плѣненія и хлынувшими за продовольствіемъ въ Полтавскую губернію. Всюду мѣшки съ картофелемъ, мукой, хлѣбомъ. Пассажиры усталые, но довольные результатомъ поѣздки, возвращаются въ Кіевъ. Бранятъ большевиковъ, разсказываютъ про ихъ звѣрства, описываютъ картину, обнаруженную въ чрезвычайкахъ послѣ ухода большевиковъ изъ Кіева. Вообще настроеніе среди нихъ царило самое противобольшевистское. Но вотъ доѣзжаемъ до какой-то, не помню названія, станціи. Вдругъ суета, крики. Въ чемъ дѣло? Оказывается, явилась какая-то казачья часть. Теперь очищаютъ для себя вагонъ и безъ церемоніи выбрасываютъ ѣхавшихъ въ немъ пассажировъ. Несчастные покорно покидаютъ вагонъ, хотя найти мѣсто въ другихъ вагонахъ буквально невозможно, и имъ, очевидно, придется ждать слѣдующаго поѣзда. Вслѣдъ за ними летитъ ихъ багажъ. Хлѣбъ бросается прямо въ грязь, мѣшки съ силой швыряютъ на перронъ. Одинъ изъ упавшихъ мѣшковъ лопнулъ, и изъ него сыплется мука. Несчастный хозяинъ его, по виду рабочій, съ растеряннымъ видомъ стоитъ надъ нимъ, не зная, что дѣлать, вѣдь въ этотъ мѣшокъ имъ вложено почти все его мѣсячное содержаніе, а казаки хохочутъ. Казачій офицеръ, молодой человѣкъ, съ серьгой въ одномъ ухѣ, подошелъ къ рабочему и сталъ кричать, чтобы тотъ немедленно «убирался вонъ». И когда рабочій возразилъ, что онъ не можетъ уйти, не собравъ муки, офицеръ сталъ хлестать его нагайкой. Нужно сказать, что и дальше, на слѣдующихъ станціяхъ офицеръ этотъ творилъ что-то ужасное. На одной изъ станцій, черезъ которую мы проѣзжали, онъ, увидя, что какой-то старикъ-крестьянинъ взгромоздился съ двумя мѣшками муки на буфера вагона, велѣлъ своимъ казакамъ арестовать этого крестьянина и «всыпать горячихъ», а когда тотъ началъ умолять этого не дѣлать, офицеръ «сжалился» и ограничился лишь тѣмъ, что приказалъ отобрать муку и отнести ее въ свой вагонъ, заявивъ, что «все равно мука эта везется для спекуляціи». Крестьянинъ сталъ плакать и публика сложившись уплатила ему стоимость погибшей муки. На третьей станціи тотъ же офицеръ, увидѣвъ молодого парня въ солдатской шинели, стоявшаго на перронѣ и ковырявшаго самымъ мирнымъ образомъ въ своемъ носу, подошелъ къ нему и заоралъ: «чего стоишь, почему не поступаешь въ Добровольческую Армію, большевиковъ ждешь, сукинъ сынъ? Мало васъ били, хамово отродье» и съ этими словами онъ сталъ бить парня по лицу рукояткой нагайки.

Смотря на это, пассажиры пріумолкли, прекратились похвалы по адресу добровольцевъ, чувствовалась какая-то растерянность. Въ то время, о которомъ я говорю, евреи перестали ѣздить въ поѣздахъ, такъ какъ за ними устраивалась настоящая погоня; травили, какъ зайцевъ; заводили въ воинскіе поѣзда, обирали и избивали. Я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то офицеръ, провѣряя документы въ вагонѣ, долго допытывался у одного пассажира, еврей онъ или русскій. И когда тотъ сталъ увѣрять, что онъ не еврей, офицеръ сказалъ «не можетъ быть, рожа больно жидовская, хотя документъ и въ порядкѣ». Впрочемъ, онъ ограничился только этимъ замѣчаніемъ и ушелъ далѣе, оставивъ пассажира въ покоѣ.

На смѣну большевистской пропагандѣ, поставленной, долженъ сознаться, на большую высоту, въ виду того, что къ этому дѣлу ими были привлечены, лучшіе спеціалисты по пропагандѣ, пришелъ злополучный «Освагъ».

Живя въ Полтавской губерніи, я видѣлъ, какъ съ аэроплановъ разбрасывали въ цѣляхъ пропаганды испорченныя совѣтскія деньги.

До чего бездаренъ этотъ способъ пропаганды, легко убѣдиться, взглянувъ на помѣщенный образецъ разбрасываемыхъ денегъ; (см. прил. фототипію.)

По приходѣ добровольцевъ въ Кіевъ одинъ знакомый мой — молодой человѣкъ, выгнанный за тупоуміе и неспособность изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, не умѣвшій правильно писать по русски, съ цѣлью уклониться отъ вступленія въ ряды войскъ, поступилъ въ «Освагъ» и, какъ говорятъ, былъ тамъ на прекрасномъ счету.

Исходъ

Въ Кіевѣ Добровольческая Армія. Но не долго красавецъ Юга пользовался миромъ, не долго отдыхалъ онъ отъ борьбы, кипѣнія національныхъ и политическихъ страстей. Не долго Кіевляне наслаждались спокойной, нормальной жизнью, безъ страха и опасенія за завтрашній день. Гдѣ-то сначала далеко, далеко, а затѣмъ все ближе и ближе заревѣли орудія. Снова надъ Кіевомъ нависли темныя тучи опасности. Говорятъ, на Ирпинѣ добровольцы сдерживаютъ натискъ большевиковъ, идущихъ отъ Одессы и стремящихся прорвать фронтъ добровольцевъ съ цѣлью присоединиться къ своимъ войскамъ, отступающимъ къ Москвѣ. Однако, не хочется вѣрить, что опасность близка. Хочется вѣрить въ силу новой власти. И ей вѣрятъ. Смутно носятся слухи о возстаніяхъ кругомъ, о кровавыхъ еврейскихъ погромахъ, происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ Юга. Жизнь въ Кіевѣ течетъ тихо и спокойно и спокойствія этого не будитъ даже несмолкающая канонада, висящая надъ Кіевомъ. И лишь въ немногихъ кругахъ зловѣще шепталось о слабости Добровольческой Арміи и возможности паденія Кіева. Даже перваго октября съ утра населеніе не испытывало сильной тревоги. Оно вѣрило объявленіямъ, которыя расклеивались по улицамъ отъ имени Кіевскаго Губернатора, призывавшаго къ спокойствію и утверждавшаго, что Кіевъ внѣ опасности. А въ двѣнадцать часовъ дня застрекотали пулеметы — предвѣстники близкой кровавой борьбы и населеніе потокомъ хлынуло за Днѣпръ, спасаясь отъ большевиковъ. Власть обманула населеніе, предпочитая прибѣгнуть къ излюбленному способу утвержденія: «все обстоитъ благополучно», нежели дать понять, что опасность близка, какъ сдѣлалъ это Ген. Врангель въ Крыму. Впослѣдствіи злые языки утверждали, что объявленіе Кіевскаго Губернатора объ отсутствіи для Кіева угрозы со стороны большевиковъ, онъ подписывалъ, садясь въ автомобиль, который долженъ былъ отвезти его за Днѣпръ.

Всѣ эти три дня пребыванія въ Кіевѣ большевиковъ, мы сидѣли въ дачномъ поселкѣ «Дарница», съ тревогой слушая гулъ орудія, полные заботы о близкихъ, не успѣвшихъ, благодаря спѣшности эвакуаціи уйти своевременно изъ Кіева.

Но, слава Богу, минули эти дни, и мы возвратились въ Кіевъ, вновь израненный, со слѣдами недавней борьбы. Снова на нѣкоторыхъ домахъ зіяли темныя пробоины снарядовъ, печально свисали къ землѣ оборванные телеграфные и телефонные провода, жутко глядѣли срѣзанныя снарядами деревья многочисленныхъ садовъ Кіева.

Буря пронеслась, но слѣды ея остались; потянулись похоронныя процессіи павшихъ при защитѣ Кіева, и населеніе его не могло уже вернуть прежняго

душевнаго спокойствія, перестало вѣрить власти, и мысль о томъ, что опасность паденія Кіева допустима и возможна его эвакуація, уже не покидала. Нѣкоторые даже держали на готовѣ чемоданы. Но, какъ всегда бываетъ, грозныя событія наступили все-таки неожиданно, заставъ многихъ врасплохъ.

Большевики подтянули войска и къ угрозѣ отъ Ирпеня присоединилась угроза со стороны Днѣпра. Начались всевозможныя совѣщанія, сталъ вырабатываться планъ эвакуаціи. Всѣ, кто могъ, спѣшили уѣхать, пользуясь для этого всякими возможностями. А уѣхать изъ Кіева было очень трудно — желающихъ его покинуть были десятки тысячъ, вѣрнѣе — объ этомъ мечтали почти всѣ, а подвижного состава было недостаточно. Властъ же въ это время думала не о томъ, чтобы предоставить эту возможность населенію, а о томъ, чтобы спастись самой. Военная власть, увѣряя, что все обстоитъ благополучно, въ то же время готовила для себя вагоны, а гражданская власть, не вѣря ей, изыскивала для себя способъ бѣгства. Въ нужный моментъ даже Губернатору не нашлось вагона болѣе или менѣе приличнаго и онъ уѣхалъ изъ Кіева въ арестантскомъ вагонѣ съ рѣшетками. Лицамъ же Прокурорскаго Надзора и магистратуры Судебной Палаты и Суда, которымъ несомнѣнно грозила большая опасность, въ поѣздахъ мѣста такъ и не нашлось и они принуждены были уйти изъ Кіева пѣшкомъ. Я оказался счастливѣе моихъ товарищей — у меня нашелся знакомый полковникъ, командиръ огнесклада, имѣвшій свой поѣздъ, предложившій мнѣ мѣсто съ семьей въ своемъ вагонѣ. И вотъ, когда дни паденія Кіева стали считать часами, я переселился въ его вагонъ. Однако, мы уѣхали не сразу — командиръ никакъ не могъ достать для своего поѣзда (имѣвшаго, конечно, чрезвычайное значеніе, такъ какъ въ немъ находились снаряды, питавшіе почти всю армію, стоявшую у Кіева) свободнаго паровоза и у насъ былъ рискъ, что мы такъ и не выѣдемъ изъ Кіева. Мы оставались на станціи около двухъ дней, пока, наконецъ, не получили паровозъ. Кстати, не могу не упомянуть объ очень характерномъ эпизодѣ. Рядомъ съ нашимъ поѣздомъ стоялъ поѣздъ какого-то военнаго учрежденія. Командиръ этого поѣзда полковникъ Ж. вмѣсто того, чтобы заботиться о томъ, чтобы раздобыть паровозъ и вывезти ввѣренныхъ его попеченію людей, все это время пьянствовалъ безъ просыпу, въ его вагонѣ безпрерывно слышалось пѣніе и звуки военнаго оркестра, игравшаго «Боже, Царя храни». Мы уѣхали, а поѣздъ, о которомъ я говорю, попалъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ руки большевиковъ. Самъ полковникъ Ж. въ виду большевиковъ успѣлъ сѣсть въ автомобиль и бѣжать, бросивъ все на произволъ судьбы.

Поѣздъ нашъ идетъ медленно вслѣдъ за другими многочисленными эшелонами. А сзади тянутся другіе, и кажется имъ нѣтъ конца. На ст. «Постъ-Волынскій» — насъ почему-то задерживаютъ и ставятъ въ тупикъ. Мы ждемъ, а мимо насъ ползутъ перегруженные многочисленные эшелоны, по путямъ тянутся толпы вооруженныхъ и невооруженныхъ людей, которые не попавъ въ вагоны, несмотря на сильную стужу, предпочли уйти изъ Кіева, рискуя лучше погибнуть отъ холода, голода и истощенія, нежели остаться у большевиковъ. Вотъ какой-то человѣкъ, надрываясь, везетъ по снѣгу саночки со своимъ скарбомъ, а за ними тихо плетется его жена, ведущая за руку маленькую дѣвочку. И такихъ много. А вдали по дорогѣ нескончаемой вереницей тянутся артиллерія, обозы, кое-гдѣ мелькаютъ кавалерійскія части. На станціи крики, суета, безтолковая команда. При каждой остановкѣ поѣздовъ къ нимъ катится лава пѣшеходовъ, умоляющихъ впустить ихъ въ поѣздъ, но обычно просьбы ихъ почему-то от-

клоняютъ съ эгоизмомъ животныхъ, думающихъ только о своей шкурѣ. Всюду брань, проклятія. Настроеніе самое подавленное. Въ сторонѣ Кіева неумолчно гудятъ пушки. Это волнуетъ, заставляя въ животномъ страхѣ стремиться впередъ, все впередъ. А тутъ еще, неизвѣстно кѣмъ рожденные, носятся вздорные слухи о томъ, что кавалерія Буденнаго обошла Кіевъ и насъ могутъ отрѣзать. Съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда двинемся дальше. Часы тянутся медленно, какъ осенніе дождливые дни. Поѣзда все идутъ и идутъ, а мы стоимъ. Почему насъ не пропускаютъ, — неизвѣстно. Наконецъ выясняется, что проходятъ тѣ эшелоны, командиры которыхъ оказывались болѣе настойчивыми и не останавливались передъ угрозами оружіемъ при требованіи отправить поѣздъ дальше.

И вотъ нашъ полковникъ, взявъ съ собой человѣкъ 20 солдатъ и пулеметъ, отправился на станцію. Этотъ способъ подѣйствовалъ, и мы тронулись. Шли очень медленно. Почти на каждой станціи, чтобы «протолкнуть поѣздъ», приходилось прибѣгать либо къ оружію, либо давать взятки желѣзнодорожной администраціи.

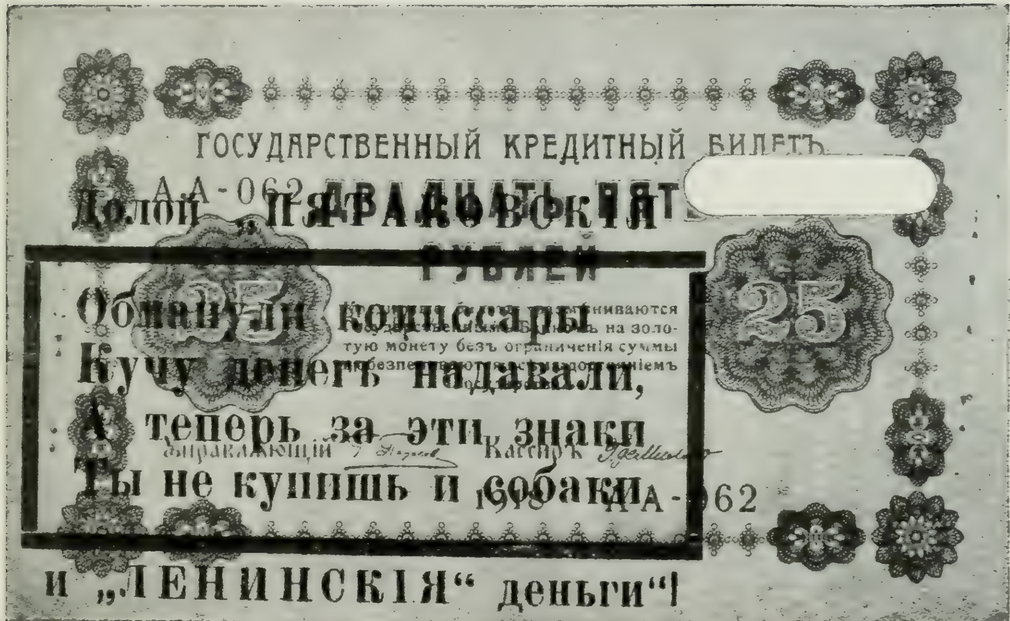
Достать продовольствіе на станціяхъ можно было либо въ обмѣнъ на какія-нибудь вещи, либо на «царскія» деньги», а онѣ были не у многихъ.

Быть можетъ, благодаря тому, что мы ѣхали въ офицерскомъ вагонѣ, мы не заболѣли свирѣпствующимъ тогда тифомъ. Въ другихъ же поѣздахъ, гдѣ люди ѣхали въ зараженныхъ теплушкахъ, смерть собирала обильную жатву, люди заболѣвали десятками. Тамъ же въ вагонѣ они умирали, и на ближайшей станціи трупы ихъ зарывали тутъ же у полотна. Однако, эта жуткая картина никого не трогала — всѣ привыкли и были поглощены лишь одною мыслью: спасти себя. Одна изъ встрѣтившихся намъ на пути станцій, не помню ея названія, оказалась вся завалена тифозными больными, лежавшими на полу вперемежку съ уже умершими.

А тутъ еще неугасающіе, тревожные пугающіе слухи — тамъ впереди повстанецъ Шепель занялъ станцію, черезъ которую мы должны проѣзжать, а здѣсь только вчера былъ повстанецъ Шуба и т. д. Пріѣхавъ на ст. Фастовъ, мы услышали близкую пулеметную стрѣльбу; оказалось, что наступаютъ повстанцы. Нужно было во что бы то ни стало убираться во-свояси. Но сдѣлать это было нельзя, — впереди гдѣ-то крушеніе и тамъ убираютъ путь. Ко всему этому, очевидно, съ цѣлью взорвать нашъ поѣздъ со снарядами, злоумышленники подожгли рядомъ стоявшій вагонъ, и огонь угрожалъ нашему поѣзду. Каждую минуту мы могли взлетѣть на воздухъ. Но, слава Богу, нашъ паровозъ, ходившій за водой, быстро возвратился и отвелъ насъ на безопасное мѣсто. Жуткія были это минуты. Зловѣще пылаетъ пламя горящаго вагона, крики, брань, угрозы, а тамъ за станціей въ темнотѣ ночи близко трещатъ пулеметы.

Нѣсколько разъ въ пути мы получали свѣдѣнія, что гдѣ-то впереди засѣла банда мѣстныхъ большевиковъ, обстрѣливающихъ поѣзда. Въ этихъ случаяхъ впередъ на паровозѣ посылалась команда съ пулеметовъ. Происходилъ короткій бой, большевиковъ выбивали и только тогда поѣздъ шелъ дальше. Однако, эти предосторожности не всегда помогали и насъ все-таки въ двухъ мѣстахъ обстрѣляли, но, къ счастью, ни убитыхъ, ни раненыхъ у насъ въ поѣздѣ не оказалось.

Въ дорогѣ я узналъ, что въ Винницѣ погибъ отъ тифа мой братъ, мой сверстникъ и лучшій другъ, и товарищъ. Можете судить о моемъ настроеніи, владѣвшемъ мною тогда.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
АА-062
Долой „ПЯТАКОВСКІЯ
Обманули комиссары
Кучу денегъ надавали,
А теперь за эти знаки
Ты не купишь и собаки
и „ЛЕНИНСКІЯ“ деньги“!
25
25
тую монету безъ ограниченія суммы
Управляющій
Кассиръ
АА-062

Къ стр. 230.

И вотъ, помимо личныхъ настроенiй, атмосфера окружающей обстановки каждую минуту заставляла все больше и больше приходить къ убѣжденiю, что это не временная неудача, что это не отступленiе до новыхъ позицiй, до новой улыбки военной фортуны, а гибель святого дѣла спасенiя Родины. Чувствовалось, что свѣча надежды, зажженная незабвенной памяти Ген. Алексѣевымъ на берегахъ Дона и освѣтившая на мигъ сумерки русской дѣйствительности, уже догорѣла и каждую минуту готова погаснуть. Очевидно, такое же сознанiе, что ставка бита, была и у окружавшихъ меня офицеровъ огнесклада. И среди веселья и удалыхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ ими, скрывалось уже полное отсутствiе надежды. Почти каждый изъ нихъ старался «запастись на черный день». И, Боже, что здѣсь творилось! По пути захватывались цѣлые вагоны съ сахаромъ, спиртомъ и керосиномъ, а иногда устраивались просто-таки набѣги на сахарные заводы, и все это распродавалось на слѣдующихъ станцiяхъ. Къ чести нашего начальника эшелона — полковника, насъ прiютившаго, стараго офицера, воспитаннаго въ лучшихъ традицiяхъ, нужно сказать, что онъ повидимому не принималъ участiя въ этихъ аферахъ, но несомнѣнно, онъ повиненъ въ томъ, что смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что творили его подчиненные-офицеры. Особенно отличалась молодежь, она была неизлѣчимо больна недугомъ спекуляцiи. Я видѣлъ часто, какъ собравшись вечеромъ въ общей столовой послѣ «трудового дня», они, не стѣсняясь, считали свои миллiоны. А какiя при этомъ высказывались убѣжденiя — страшно вспомнить. Понятiя морали, нравственности или просто человѣчности здѣсь отсутствовали. Очевидно, большевизмъ, какъ отрицанiе права, справедливости, закона и даже, скажу, патрiотизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова, основательно пустилъ свои корни и въ «станѣ бѣлыхъ» и отравилъ его своимъ зловоннымъ ядомъ. И люди, называвшiе себя бѣлыми, въ дѣйствительности, сами не подозрѣвая того, были красными изъ красныхъ. Это тлетворное влiянiе не прошло мимо и дѣтей: я былъ свидѣтелемъ, какъ 15-лѣтнiй кадетъ «Вовочка», прикомандированный къ нашему огнескладу, играя въ азартныя игры, ставилъ въ банкъ по 20 — 30 тысячъ. Откуда могли быть такiя деньги у мальчика? Очевидно, въ этомъ обогащенiи играли не малую роль его таинственныя экскурсiи съ солдатами по ночамъ въ еврейскiя мѣстечки при нашихъ остановкахъ на станцiяхъ. Наконецъ, послѣ двадцатидневнаго путешествiя, мы прибыли въ Одессу.

Одесса, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась переполненной до нельзя.

Остановились мы въ зданiи судебныхъ установленiй. Тамъ уже ютилось нѣсколько десятковъ человѣкъ судейскихъ разныхъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу раньше насъ. Спали кое-какъ на скамьяхъ, столахъ, всѣ вмѣстѣ, женщины, дѣти, мужчины. Зданiе не отапливалось и люди не раздѣвались, а, благодаря отсутствiю воды, и не мылись. Появились вши, сильно мучившiе людей. Вскорѣ начались заболѣванiя тифомъ. Часто случалось, что больной, котораго не сразу удавалось помѣстить, за отсутствiемъ мѣста, въ больницу, оставался вмѣстѣ съ здоровыми нѣсколько дней. Опасенiе заболѣть съ одной стороны, съ другой невыносимыя условiя обстановки вынудили напречь всю энергiю, чтобы найти комнату. Это было очень трудно, такъ какъ квартиры и комнаты были безумно дороги и къ тому же хозяева, узнавъ, что вы прiѣзжiй, отказывались сдавать комнаты, боясь заразы. Совершенно случайно я встрѣтилъ знакомаго, который прiютилъ меня у себя. Трудно передать то ощущенiе чисто животной радости, когда мы, вымывшись и переодѣвшись, оказались въ относительно теплой комнатѣ, обогрѣваемой обыкновеннымъ «примусомъ». Это временное

благополучіе заслонило на нѣкоторое время всѣ событія текущихъ дней и надвигающуюся «красную опасность». Во время пребыванія въ Одессѣ, я похоронилъ двухъ лучшихъ своихъ друзей и зятя, заразившихся въ дорогѣ и погибшихъ отъ тифа. Смерть зятя особенно была тяжела для меня, такъ какъ его жена, а моя сестра, выѣхавшая изъ Кіева, но оставшаяся по дорогѣ въ Умани вслѣдствіе болѣзни дочери, обрекалась изъ-за отсутствія средствъ со своими 4-мя малолѣтними дѣтьми на вѣрную смерть отъ голода.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось очевиднѣй, что Одесса не уцѣлѣетъ. Всякій понималъ, что не спасутъ ее ни Шиллингъ, на котораго возлагали сначала такъ много надеждъ, ни нѣмецкая самооборона, ни «священные отряды». Войскъ, настоящихъ войскъ уже не было. Были совершенно деморализованныя банды вооруженныхъ людей.

Ходить вечеромъ по улицамъ сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ вы рисковали быть ограбленнымъ и даже убитымъ. Грабили въ большинствѣ случаевъ военные и часто офицеры, «запасавшіеся копейкой на черный день». Всевозможныя развѣдки и контръ-развѣдки неистовствовали, открыто занимались вымогательствомъ и грабежами, причемъ жертвой обыкновенно становились богатые люди, а особенно евреи.

Нужно было подумать о спасеніи. Я рѣшилъ, что «лучше быть погонщикомъ муловъ на этомъ свѣтѣ, нежели царемъ на томъ». Лучше голодать и терпѣть лишенія за-границей, нежели остаться въ «лонѣ» творцовъ «новой жизни» — Ленина и Троцкаго. У меня былъ товарищъ, состоявшій начальникомъ одного изъ такихъ учрежденій, которое имѣло большое основаніе разсчитывать быть вывезеннымъ изъ Одессы. Онъ обѣщалъ взять меня съ семьей на пароходъ.

Между тѣмъ жизнь становилась все тревожнѣе и напряженнѣй, все ниже и ниже опускались темныя тучи опасности. То тутъ, то тамъ банды мѣстныхъ большевиковъ разстрѣливали на улицахъ офицеровъ.

24 января съ вечера было особенно тревожно; говорили, что Шиллингъ уже перебрался на пароходъ, что нѣсколько пароходовъ съ бѣженцами уже ушло въ Крымъ, на окраинахъ слышалась стрѣльба изъ пулеметовъ. Гдѣ-то, казалось, еще далеко слышны раскаты орудійной стрѣльбы. Ночь провели тревожно. На другой день рано утромъ, я отправился къ своему товарищу, чтобы узнать, когда можно разсчитывать уѣхать. Я встрѣтилъ его по дорогѣ, онъ въ автомобилѣ съ семьей мчался уже въ гавань и на ходу успѣлъ лишь крикнуть, чтобы я, не теряя времени, пробирался туда же. Я, конечно, немедленно бросился домой. Уложиться было дѣломъ буквально нѣсколькихъ секундъ. Однако, когда мы съ женой* и сыномъ вышли на улицу, въ городѣ была уже полная тревога. Всюду слышалась частая пулеметная и ружейная стрѣльба, пѣшеходы съ разстроенными, блѣдными лицами спѣшили по домамъ, другіе съ вещами на плечахъ стремились въ портъ. Туда же неслись какіе-то запоздалые обозы. Спѣша, задыхаясь отъ тяжести вещей и опасенія, что мы придемъ слишкомъ поздно, неслись мы по улицамъ. Наконецъ, вотъ уже портъ, мы у цѣли. Тамъ было какъ-то спокойнѣй и тише. Тревога города еще не достигла сюда, а, можетъ быть, въ виду пароходовъ люди чувствовали себя въ большей безопасности. Тутъ оказалось, что обѣщаннаго товарищу моему парохода нѣтъ. Начальство надуло его. Вдругъ въ то время, когда мы обсуждали, какъ намъ поступить дальше, близко и совершенно неожиданно застрочилъ

* Я женился второй разъ.

пулеметъ. Раздались крики, что стрѣляютъ по публикѣ, набившейся въ портъ. Публика, охваченная паникой, ничего не соображая, бросая свои вещи, теряя дѣтей, хлынула съ криками о спасеніи къ стоявшимъ у пристани нѣсколькимъ пароходамъ. Однако, попасть на нихъ удалось не многимъ счастливцамъ, такъ какъ пароходы и безъ того были нагружены народомъ. Я съ женой и сыномъ былъ также подхваченъ потокомъ человѣческихъ тѣлъ и занесенъ на какую-то баржу. Во время паники, я былъ оттертъ толпой отъ жены и попалъ на баржу въ числѣ послѣднихъ. Замедли моментъ и я могъ бы быть разлученъ съ женой и сыномъ на очень долго, если не на всегда, ибо только что я ступилъ на баржу, какъ были сняты сходни и обрублены канаты, на которыхъ она держалась у берега. Въ это время стоявшіе у пристани пароходы одинъ за другимъ стали сниматься съ якоря и медленно уходить въ море, скрываясь скоро за моломъ. Попали мы, какъ оказалось потомъ, на баржу «Зворона», которую долженъ былъ буксировать маленькій колесный пароходикъ «Мэри», стоявшій тутъ же рядомъ съ «Звороной». Пароходы уходили, а мы оторвавшись отъ берега, безпомощно качались по волнамъ, не имѣя возможности уйти хотя бы на внѣшній рейдъ, такъ какъ «Мэри» была «холодна» — котлы ея не работали за неимѣніемъ топлива. Несмотря на вопли и крики, несшіеся со «Звороны» и «Мэри» ни одинъ изъ пароходовъ не взялъ насъ на буксиръ, спасаясь отъ выстрѣловъ. Всѣ ушли, а мы остались одни. Я думаю, что если бы съ нами рядомъ не стоялъ также съ холодными котлами громадный пароходъ «Донъ», то не прошло бы и нѣсколько часовъ, какъ наша баржа была бы захвачена мѣстными большевиками, кишѣвшими въ порту и мы были бы всѣ ограблены и перебиты. Но, къ счастью, «Донъ» имѣлъ на своемъ борту нѣсколько пулеметовъ и все время отстрѣливался, прикрывая своимъ огнемъ и насъ. Послѣ долгаго ожиданія, было рѣшено послать шлюпку къ французскому или англійскому командованію съ просьбой спасти насъ. Время шло, посланные не возвращались и спасеніе не приходило. Но вотъ, наконецъ, передъ вечеромъ на горизонтѣ показался дымокъ, все ближе и ближе. Идетъ какое-то судно. Всѣ съ трепетомъ и нетерпѣніемъ ждутъ его. Вотъ оно уже близко. Его привѣтствуютъ криками радости и умоляютъ скорѣе взять на буксиръ, но судно не обращая вниманія на крики, мѣняетъ направленіе и подходитъ къ «Дону». Вскорѣ «Донъ» — нашъ защитникъ оказался взятымъ на буксиръ и двинулся въ море. Съ нимъ ушла и теплившаяся до сихъ поръ надежда на спасеніе. И дѣйствительно, лишь только «Донъ» скрылся изъ виду, стрѣльба съ берега сейчасъ же усилилась. Несмотря на то, что на «Зворонѣ» находилось нѣсколько десятковъ человѣкъ военныхъ, вооруженныхъ винтовками, никто не думалъ объ отраженіи нападенія, а напротивъ, всѣ будто ошалѣвъ, бросая винтовки, переодѣваясь въ штатское платье, ползали по полу, не смѣя поднять головы, набились въ трюмъ, съ легкимъ сердцемъ предоставляя женщинамъ и дѣтямъ оставаться на верху. Немногіе голоса смѣлыхъ людей тонули въ общемъ морѣ трусости, подлости и самаго отвратительнаго вида шкурничества. Я не знаю, чѣмъ объяснить со стороны военныхъ проявленіе такого малодушія, но допускаю, что объясненіе этому можетъ быть найдено въ специфическомъ подборѣ публики вообще и военныхъ въ частности, — на «Зворонѣ» оказались «Освагъ», уголовно-розыскныя управленія и нѣсколько контръ-развѣдокъ.

Съ трудомъ удалось, наконецъ, положить на верху по борту человѣкъ 20—30 вооруженныхъ, отстрѣливавшихся и не дававшихъ возможности хулиганамъ съ берега приблизиться по льду къ баржѣ и завладѣть ею. Нѣсколько

человѣкъ изъ находившихся на палубѣ было уже ранено, а помощь все не приходила. Положеніе становилось все опаснѣе и опаснѣе, такъ какъ къ пулеметамъ, стрѣлявшимъ по нашей баржѣ, вскорѣ присоединились орудія. Два снаряда упали отъ нашей баржи очень близко, — одинъ, не долетѣвъ, врѣзался въ ледъ шаговъ въ 30 отъ насъ, а другой угодилъ въ какой-то пакгаузъ на берегу. Достаточно было, чтобы одинъ изъ нихъ залетѣлъ на «Зворону» и мы всѣ, конечно, немедленно бы отправились на дно «въ гости къ рыбамъ». Къ счастью для насъ, вскорѣ наступили сумерки, и стрѣльба прекратилась. Въ теченіи ночи нужно было во что бы то ни стало либо уйти хотя бы на внѣшній рейдъ, либо, приставъ къ берегу, разбрестись по городу и тамъ «разсосаться» или же присоединиться къ войскамъ и обозамъ, шедшимъ на Румынію. Въ противномъ случаѣ съ наступленіемъ утра насъ безъ сомнѣнія или потопили бы, или же взяли живьемъ; и не трудно угадать, что насъ ждало бы въ послѣднемъ случаѣ, если принять во вниманіе составъ нашей публики. Однако, пассажиры, словно оцѣпенѣвъ, не двигались съ мѣста и покорно ждали своей участи. Нѣкоторые даже высказывали мысль о необходимости «сдаться» большевикамъ, такъ какъ спасенія ждать не откуда. Другіе же предлагали то же, но въ болѣе мягкой формѣ — они настаивали на томъ, что мы не должны обороняться, чтобы «не раздражать большевиковъ», которые могутъ насъ еще и помиловать. Третьи же покорно ждали, изрѣдка крестясь. Большинство потеряло волю и не было въ состояніи работать и проявить инициативу и энергію. Это были не люди, а просто стадо, охваченное смертельнымъ ужасомъ. Къ счастью, среди этой безвольной толпы нашлось нѣсколько человѣкъ, не потерявшихъ голову. На берегъ, подъ покровомъ ночи, были послана лодка, которая захватила тамъ валявшіеся на берегу два боченка подсолнечнаго масла, съ помощью котораго удалось растопить котлы машины «Мэри» и поддерживать горѣніе, бросая въ топку какую-то, оказавшуюся на баржѣ въ числѣ груза мебель. Вскорѣ машина начала работать. Пароходъ ожилъ. И трудно передать, какой райской музыкой показался пассажирамъ шумъ машины. Всѣ ожили и ждали. Прошло нѣсколько часовъ и вотъ мы почти на разсвѣтѣ тихо тронулись. За ночь морозъ и вѣтеръ усилились и когда мы вышли изъ порта въ море, началось волненіе, баржу нашу стало валять и швырять во всѣ стороны. Явилось новое опасеніе, что мы утонемъ. Тревога охватила всѣхъ снова. Но что это? Мы идемъ все тише и тише. Наконецъ стали совсѣмъ. Оказалось, что мы замерзли во льду и «Мэри» не въ силахъ везти насъ дальше. Всѣ высыпали на палубу. Надъ нами стояли сѣро-свинцовыя тучи, утро было хмурое, рѣзкій вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, отъ мороза коченѣли руки, стыло тѣло. Все пространство вокругъ нашихъ суденышекъ покрыто льдомъ. Вдали виднѣется Одесса. Нѣкоторые говорятъ, что они различаютъ рѣющіе надъ ней красные флаги. Пройдетъ еще нѣсколько часовъ, ледъ окрѣпнетъ и тогда большевики легко пройдутъ по немъ къ нашей баржѣ. Всѣ, кто могъ, отмораживая лицо и руки, тянули канаты, помогая «Мэри», но все тщетно. «Мэри» недостаточно сильна и не можетъ вытянуть насъ изо льда. И вотъ тогда было рѣшено, что «Мэри» одна пробьется черезъ ледъ и постарается найти какое-либо судно, чтобы сообщить ему о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Но тутъ явилось опасеніе, что «Мэри» уйдетъ и не вернется къ «Зворонѣ». Люди ожесточились и перестали довѣрять другъ другу. Поэтому поступили такъ: нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ съ «Звороны», оставившихъ на ней свои семьи и вещи, пересѣли па «Мэри» съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности заставить командира ея вернуться назадъ. «Мэри» ушла,

а мы, запасшись терпѣніемъ, стали ждать. На этотъ разъ намъ пришлось ждать недолго. Не болѣе чѣмъ часа черезъ два къ намъ подошелъ какой-то французскій катеръ, которому «Мэри» сообщила о нашемъ положеніи, и, забравъ съ «Звороны» въ нѣсколько очередей пассажировъ, перевезъ на болгарскій пароходъ «Царь Фердинандъ». Черезъ сутки мы были уже въ Варнѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что «Зворона» и «Мэри» погибли отъ бури, свирѣпствовавшей въ то время, когда мы шли на «Фердинандѣ» въ Варну.

Въ «хорошіе дни» у меня было кромѣ приличнаго жалованья по службѣ недурное состояніе и тогда мнѣ казалось, что на одно жалованье, не имѣя личныхъ средствъ, жить нельзя. Большевики отняли у меня сначала средства, а потомъ и жалованье, но я жилъ. Наконецъ, «волею судебъ» я, не имѣя ни «валюты», ни драгоцѣнностей, попалъ заграницу, и . . . вотъ, все-таки живу. Въ Варнѣ я писалъ въ русской газетѣ, служилъ на папиросной фабрикѣ, на мельницѣ. Жена служила въ русской гимназіи, и мы жили, и жили даже не плохо, можетъ быть, лучше многихъ другихъ русскихъ.

Живя въ Варнѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за Крымомъ, гдѣ тогда еще не умерла національная идея, гдѣ теплилась, хотя и слабо, надежда на «воскресеніе», гдѣ билось еще чуть слышно, но билось русское сердце.

Оставаться дольше за границей и быть «нейтральнымъ», молчаливымъ свидѣтелемъ въ тотъ моментъ, когда тамъ шла борьба не на жизнь, а на смерть за спасеніе Родины, я не могъ. Мнѣ казалось, что и я со своими слабыми силами и скромными знаніями могу быть полезнымъ тамъ. И я поѣхалъ въ Крымъ.

Въ Крыму я пробылъ недолго. Прорывъ у Перекопа, — власть зашаталась, и я снова на кораблѣ, снова бѣгу за-границу, на этотъ разъ на долго, если не на всю жизнь. Всѣ, кто могъ, въ смертельномъ ужасѣ бѣжали отъ «таинственнаго незнакомца». Бѣжали отъ ужаса пытокъ, непередаваемаго душевнаго гнета, царящаго ужаса, страданій голода и невиданныхъ униженій.

На пароходѣ «Сіамъ», на которомъ мы шли въ Константинополь, мы голодали, не спали вслѣдствіе тѣсноты много дней, но были счастливы, что уѣхали.

Въ Константинополѣ насъ очень долго держали на рейдѣ, а потомъ отдѣлили всѣхъ невоенныхъ, пересадили на какое-то небольшое суденышко и повезли въ Санъ-Стефано. Шелъ мелкій дождь, который, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливался, и когда мы остановились у Санъ-Стефано, шелъ настоящій ливень. Суденышко, на которомъ мы находились, не имѣло крыши, и дождь мочилъ насъ не переставая. Подъ проливнымъ дождемъ стояли мы, промокшіе и промерзшіе до костей всю ночь, и лишь утромъ насъ стали высаживать. А дождь все не переставалъ. А затѣмъ мы очутились въ мѣстѣ нашего новаго жительства — въ знаменитыхъ Санъ-Стефанскихъ лагеряхъ.

Представьте себѣ громадный плацъ, окруженный колючей проволокой, охраняемый черными бдительными стражами; весь плацъ этотъ покрытъ черной липкой грязью. На немъ раскинуты деревянные бараки, нѣкоторые безъ крышъ, и всѣ почти безъ стеколъ, вмѣсто которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виситъ лоскутами грязная мокрая бумага. Всюду въ грязи валяются вещи, корзины, портплэды, чемоданы и другой скарбъ бѣженцевъ, толпы которыхъ копошатся всюду, какъ муравьи. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось укрыться отъ дождя подъ навѣсомъ для скота, и они, словно стадо, толкутся тамъ въ ожиданіи, когда имъ отведутъ мѣсто для отдыха. Съ трудомъ протискиваемся подъ на-

вѣсъ, становимся въ очередь и терпѣливо ждемъ. Черезъ нѣсколько часовъ утомительнаго стоянія, получаемъ какой-то билетикъ. Оказывается, это ордеръ на постель въ баракѣ. Вмѣстѣ съ другими бѣжимъ по грязи къ указанному бараку, чтобы захватить получше мѣсто. Предоставленный намъ баракъ оказался нѣсколько лучше остальныхъ. Правда, въ немъ, какъ и въ другихъ, нѣтъ стеколъ, нѣтъ печей, крыша его протекаетъ, земляной полъ покрытъ такой же липкой грязью, какъ и плацъ, но здѣсь по крайней мѣрѣ есть кровати и соломенные матрацы лежатъ не прямо на полу. Всѣ наши вещи промокли — нѣтъ, что называется, сухой нитки. Переодѣться не во что и негдѣ. И вотъ потянулись дни нашихъ мученій въ Санъ-Стефано. Переодѣться мы не могли, бѣлье гнило, умыться нельзя — нѣтъ воды, достать кипятокъ удавалось съ трудомъ лишь разъ въ сутки. У насъ завелись вши. И если вши эти согрѣвали въ плѣну Пьера Безухова, и онъ даже ихъ полюбилъ, то сказать этого про себя я не могу — вши мучили меня безгранично, постоянный зудъ и сознаніе присутствія у себя на тѣлѣ этихъ насѣкомыхъ, разстраивали нервы до нельзя, не давали спать. Разрѣшеніе на выходъ изъ лагерей давалось очень немногимъ счастливцамъ. Наконецъ, съ большимъ трудомъ такое разрѣшеніе удалось получить и мнѣ. Рѣшилъ ѣхать въ Константинополь, добиваться возможности уѣхать въ Сербію, которая казалась тогда «обѣтованной страной».

Когда я очутился въ Константинополѣ, городѣ, ставшемъ городомъ русскаго горя, голода, нищеты, униженій, позора и паденія нашихъ несчастныхъ женщинъ, я понялъ, что здѣсь оставаться дальше нельзя. Холодное дыханіе смерти чувствовалось кругомъ, призракъ голодной смерти виталъ всюду. Онъ носился надъ толпами бѣдныхъ голодныхъ, измученныхъ русскихъ людей, наводнявшихъ дворъ русскаго посольства, онъ стоялъ за спиной тѣхъ, кто растерянно толокся на улицѣ «Пера», онъ слѣдовалъ за вами въ бани, гдѣ, не имѣя пріюта, ночевали многіе русскіе, онъ смотрѣлъ на васъ изъ каждаго двора по улицѣ «Bey Oglou», мѣста позорныхъ прогулокъ нашихъ сестеръ и дочерей, принужденныхъ изъ-за куска хлѣба продавать свое тѣло. Нужно было во что бы то ни стало бѣжать отсюда, изъ этой холодной, чуждой, занятой интернаціональной толпы, этого «современнаго Вавилона».

Я направился въ посольство. Мнѣ сказали тамъ, что выдачей разрѣшеній на проѣздъ въ Сербію вѣдаетъ какой-то генералъ. Я съ трудомъ добился свиданія съ его адъютантомъ. Выслушавъ меня, адъютантъ, взглянувъ на часы, заявилъ, что пріемъ у генерала до 3 часовъ, а сейчасъ уже четверть четвертаго, и поэтому доложить обо мнѣ генералу онъ не можетъ. Я возразилъ ему, что въ такое время ограничивать пріемъ опредѣленными часами едва ли допустимо и что явиться раньше въ посольство я не могу, такъ какъ живу въ лагеряхъ Санъ-Стефано. Адъютантъ пожалъ плечами и со словами: «Ну, хорошо, я доложу», скрылся въ генеральскую комнату. Приблизительно минутъ черезъ двадцать онъ вышелъ оттуда и, подойдя ко мнѣ, сказалъ съ язвительной улыбкой: «Я докладывалъ генералу, и онъ, узнавъ, что Вы изъ лагеря, предлагаетъ Вамъ немедленно отправиться къ французскому командованію, которое водворитъ Васъ обратно, такъ какъ выѣздъ изъ лагеря запрещенъ». На это я замѣтилъ, что столь остроумный отвѣтъ былъ бы, пожалуй, умѣстенъ, если бы у меня на выѣздъ изъ лагеря не было соотвѣтствующаго разрѣшенія, и поэтому я прошу меня принять. Адъютантъ ушелъ и очень скоро появился въ сопровожденіи какого-то полковника. Послѣдній, разспросивъ меня, заявилъ, что сейчасъ доложитъ обо мнѣ генералу. Черезъ небольшой проме-

жутокъ времени меня пригласили въ кабинетъ генерала. Судя по любезному пріему, я начинаю думать, что всѣ предшествующіе переговоры съ адъютантомъ велись безъ вѣдома генерала. Генералъ, кажется Половцевъ, оказался очень предупредительнымъ человѣкомъ. Онъ, узнавъ о моемъ желаніи, далъ мнѣ бумагу къ лейтенанту Скворцову, вѣдавшему посадкой на пароходы, идущіе въ Сербію.

Я немедленно отправился къ Скворцову. Оказалось, что послѣдній принимаетъ на пароходѣ «Вальдекъ Руссо», стоявшемъ далеко на рейдѣ. Не имѣя денегъ, чтобы нанять катеръ для поѣздки на «Вальдекъ Руссо», я былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Наконецъ, какъ-то дежуря у пристани, я увидѣлъ, что какой-то польскій офицеръ садится въ катеръ, чтобы ѣхать на «Вальдекъ Руссо». Я попросилъ его, взять меня съ собой. И такимъ путемъ я попалъ къ Скворцову. Скворцовъ заявилъ мнѣ, что «никакихъ пароходовъ въ Сербію въ ближайшемъ времени не предвидится». Когда же я замѣтилъ, что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ ближайшее время долженъ уйти пароходъ «Виттимъ», Скворцовъ сказалъ, что на этотъ пароходъ можно попасть только съ разрѣшенія генерала Ермакова.

Генералъ Ермаковъ, повидимому, заваленный работой, едва меня выслушалъ и отвѣтилъ на мою просьбу, что попасть на пароходъ «Виттимъ» можно только съ согласія начальника штаба командующаго флотомъ. Оказывается, канцелярія послѣдняго помѣщается на дредноутѣ «Корниловъ». Ѣду туда, но начальникъ штаба «не принимаетъ». Наконецъ, отчаявшись совершенно добиться чего-либо, я шелъ какъ-то по лѣстницѣ въ посольствѣ. Вдругъ мнѣ бросилась въ глаза визитная карточка: «М. П. Шатиловъ». Я рѣшился на крайнее средство. Долго не думая, я позвонилъ у этихъ дверей. Мнѣ открыла дверь какая-то пожилая дама. «Что Вамъ угодно?» — «Я желаю видѣть г-жу Шатилову», отвѣтилъ я. — «Вамъ угодно видѣть какую-же Шатилову, старую или молодую?» — «Мнѣ все равно, я хочу видѣть ту, которая можетъ мнѣ помочь». Меня пригласили войти, и я изложилъ свое дѣло. Оказалось, что разговоръ этотъ я велъ съ матерью генерала Шатилова, начальника штаба генерала Врангеля. Марья Петровна, выслушавъ меня, изъявила полную готовность помочь мнѣ, и сказала, что сама она для меня сдѣлать ничего не можетъ, но можетъ написать своей дочери, Софіи Федоровнѣ, которая живетъ вмѣстѣ съ мужемъ, генераломъ Шатиловымъ, на кораблѣ «Александръ Михайловичъ». Поблагодаривъ Марію Петровну, я, не чувствуя подъ собой ногъ отъ радости, спускался по лѣстницѣ съ письмомъ къ Софіи Федоровнѣ, заранѣе убѣжденный въ успѣхѣ своего дѣла.

На другой день я былъ уже на «Александрѣ Михайловичѣ».

Софія Федоровна приняла меня очень мило и сердечно и обѣщала сдѣлать все, что можно. Оставивъ меня у себя въ каютѣ, она сейчасъ же отправилась хлопотать на «Корнилова», стоявшаго тутъ же рядомъ съ «Александромъ Михайловичемъ». Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ея ухода, въ каюту, гдѣ я ждалъ, явился какой-то полковникъ, къ которому я въ канцеляріи начальника штаба командующаго флотомъ уже нѣсколько разъ обращался съ просьбой дать мнѣ разрѣшеніе на проѣздъ въ Сербію, и который мнѣ въ этомъ отказалъ, почти не захотѣвъ со мной разговаривать. Увидѣвъ меня, онъ съ улыбкой во все лицо спросилъ: «скажите, это Вы хотите проѣхать въ Сербію? Боже мой, почему же Вы сразу не обратились ко мнѣ? Къ чему по такимъ пустякамъ было обращаться къ Софіи Федоровнѣ и безпокоить ее. Идемте, голубчикъ,

я Вамъ сейчасъ же все устрою». На это я не нашелъ нужнымъ что-либо ему отвѣтить, и онъ, взявъ меня подъ руку, повелъ въ канцелярію начальника штаба командующаго флотомъ.

Не болѣе, чѣмъ черезъ десять минутъ разрѣшеніе на посадку на пароходъ «Владиміръ», отправлявшійся въ Сербію, было у меня въ карманѣ.

Такъ кончились мои продолжительныя мытарства и хлопоты. И пожалуй, не приди мнѣ на помощь Софія Федоровна, я и до сихъ поръ былъ бы въ Константинополѣ, а, можетъ быть, погибъ бы уже отъ голода. Услуги, оказанной мнѣ Софіей Федоровной, я никогда не забуду и всегда буду вспоминать эту отзывчивую къ чужому несчастью женщину съ чувствомъ теплоты и признательности. Оказывается, что Софія Федоровна помогла не мнѣ одному. Многіе, нуждающіеся въ чемъ-либо, ищутъ ея помощи, и она всегда охотно идетъ на встрѣчу этимъ просьбамъ. Пользуясь своимъ положеніемъ жены начальника штаба, она не разъ многихъ выручала изъ бѣды, помогая выпутаться изъ сѣти безсердечія, холодности, черствости и крайняго бюрократизма тѣхъ, кто обязанъ былъ, хотя бы на чужбинѣ, не забывать, что мы всѣ граждане одной Родины и что всѣ мы «зарубежные жители» въ одинаковой мѣрѣ боролись за ея счастье.

При мнѣ Софія Федоровна помогла какому-то молодому слѣпому офицеру, потерявшему зрѣніе во время гражданской войны и котораго, хотя онъ былъ совершенно безпомощенъ, врачъ, не знаю ужъ по какимъ причинамъ, хотѣлъ выписать изъ лазарета въ лагерь для бѣженцевъ.

Тогда же она устроила двухъ сиротъ, потерявшихъ своихъ родителей, погибшихъ отъ тифа.

Заключеніе

Теперь я живу въ Сербіи, въ маленькомъ, захолустномъ городкѣ. Живу въ теплѣ, сытъ и одѣтъ. Постепенно «обрастаю жиромъ» и жизнь въ Совдепіи представляется мнѣ какимъ-то тяжелымъ сномъ, мучительнымъ кошмаромъ. Всѣ заботы, всѣ горести, все, что волновало, мучило меня, отходитъ вдаль, покрывается туманомъ и постепенно тускнѣетъ и забывается. Но не можетъ только время поглотить моей громадной тоски по моей несчастной, но все же великой Родинѣ. И сердце мое рвется туда, гдѣ, быть можетъ, возвратившись когда-либо, я найду (а можетъ быть, и не найду) лишь дорогія могилы родныхъ и близкихъ друзей. Но не то страшитъ меня, что, попавъ въ Россію, я, подобно Потоку-Богатырю, проснувшемуся послѣ долгаго сна, окажусь въ чужой обстановкѣ, одинокій, не понятый и не понимающій происходящаго вокругъ. Страшитъ меня будущее Россіи съ ея новымъ поколѣніемъ, воспитаннымъ въ коммунистической школѣ, гдѣ воспитываются дѣти не на основахъ любви къ Родинѣ, на началахъ права, справедливости, любви къ Богу и ближнему, а на основахъ новой «коммунистической, интернаціональной морали», по которой нужно отрицать Родину, не признавать Бога, допустимо доносить на «контръ-революціонныхъ» родителей, а если нужно, то и убивать ихъ во имя коммунистическихъ достиженій...

Но довольно объ этомъ, это будущее, а записки мои озаглавлены: «Изъ прошлаго»...

Сербія. 20. XII. 21 г.

Документы

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 году *

(составленъ въ февралѣ—мартѣ 1919 года, представленъ генералу Деникину въ апрѣлѣ того же года)

Вступленіе

Съ 1914 по май 1917 года я участвовалъ въ войнѣ, но послѣ революціи 1917 года былъ вынужденъ отстраниться отъ активной дѣятельности, перейдя на положеніе состоящаго въ резервѣ — скаго военнаго округа. Въ концѣ августа, вслѣдъ за выступленіемъ генерала Корнилова, которое я понималъ, какъ попытку остановить угрозу надвигавшагося германо-большевизма, я прибылъ въ гор. Могилевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, но, за ликвидаціей выступленія, предложеніе осталось неиспользованнымъ. Въ первой половинѣ ноября, послѣ торжества большевизма въ столицахъ, я поспѣшилъ удалиться на югъ Россіи, гдѣ намѣчалось образованіе Юго-Восточнаго союза, враждебнаго власти «Народныхъ Комиссаровъ»; въ Новочеркасскѣ засталъ Мих. Вас. Алексѣева, занятаго организаціей силъ для продолженія борьбы съ той же властью и былъ записанъ въ учрежденный имъ тайный «Союзъ защиты родины и свободы».

Возложеніе порученія

Съ прибытіемъ на Донъ ген. Корнилова съ его штабомъ и образованіемъ политической организаціи, возглавляемой М. В. Алексѣевымъ, съ участіемъ А. М. Каледина, Л. Г. Корнилова и другихъ видныхъ политическихъ дѣятелей, на повторную просьбу о предоставленіи мнѣ возможности принять активное участіе въ выполненіи задачъ организаціи и по полученіи отъ меня утвердительнаго отвѣта на вопросъ о согласіи принять на себя порученіе военно-политическаго характера, мнѣ въ январѣ 1918 года было предложено отправиться въ Сибирь для выполненія опредѣленной задачи.

Руководящія указанія

Инструкціи, которыми я былъ снабженъ для руководства въ предстоящей мнѣ дѣятельности, полученныя большею частью настолько поздно, что по невозможности далѣе откладывать отъѣздъ, не оставалось времени для полученія необходимыхъ по нимъ разъясненій, страдали нѣкоторыми недочетами, въ томъ числѣ противорѣчіями** по существу, зависѣвшими, повидимому, отъ несогласованности взглядовъ на цѣль командировки, — съ одной стороны штаба Добровольческой Арміи ген. Корнилова, съ другой «политическаго отдѣла», переименованного около этого времени въ «военно-гражданское управленіе». дѣятельность котораго направлялъ лично ген. Алексѣевъ.

* Во избѣжаніе возможныхъ послѣдствій для дѣйствующихъ лицъ настоящаго отчета или для ихъ семействъ и родственниковъ, оставшихся въ совѣтской Россіи, пришлось, къ сожалѣнію, передъ выпускомъ его въ печать, большинство фамилій замѣнить произвольными буквами (не иниціалами).

** Личныя качества моего ближайшаго сотрудника и его готовность считаться съ моими указаніями помогли устранить много шероховатостей въ общей работѣ, которыя могли возникнуть въ результатѣ дефектовъ инструкцій.

Повидимому, инициатива командированія меня въ Сибирь исходила отъ Л. Г. Корнилова, причемъ въ выборѣ имъ именно этого раіона играли роль связи, которыя Л. Г. издавна тамъ имѣлъ, какъ уроженецъ Сибирскаго казачьяго войска, и свѣдѣнія, полученныя отъ вернувшагося недавно изъ командировки въ гор. Омскъ приближеннаго къ ген. Корнилову лица, г. X., о томъ особомъ обаяніи, которымъ пользуется въ Западной Сибири имя Лавра Георгіевича. Генералъ Алексѣевъ, насколько можно было судить по его личнымъ отзывамъ, не вполнѣ сочувствовалъ командировкѣ въ столь отдаленный раіонъ, гдѣ даже благопріятный результатъ работы не могъ оказать вліянія на судьбу ближайшихъ начинаній Добровольческой Арміи. Генералъ Корниловъ, напротивъ, смотрѣлъ на вопросъ шире, учитывая, кромѣ своего личнаго престижа въ Сибири, также и важность заблаговременнаго захвата богатѣйшей продовольственной базы, какую представляетъ Степной край, если и не для непосредственной эксплоатаціи Добровольческою Арміей, то хотя бы для лишенія противника возможности пользоваться ею, какъ единственнымъ остающимся въ его распоряженіи источникомъ для продовольствованія арміи — при условіи если бы удалось отстоять отъ его захвата хлѣбородные раіоны южной Россіи.

Правда, что обстановка складывалась въ это время не въ пользу послѣдняго предположенія, т. к. къ концу января и началу февраля ст. ст. перевѣсъ въ борьбѣ явно склонялся на сторону «совѣтскихъ» войскъ. Малочисленная Добровольческая Армія была окружена тѣснымъ кольцомъ противника, Донское казачество повально заражено большевизмомъ, и дни Новочеркасска можно было признать сочтенными, въ то время какъ Украина наводнялась съ запада нѣмцами, съ сѣвера красными, а Терская и Кубанская области — сорвавшейся съ своихъ позицій бывшей Кавказской арміей. Держался еще, подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, Ростовъ на Дону, но работа въ немъ штаба Добровольческой Арміи при этихъ условіяхъ не могла протекать спокойно и планомѣрно, что, вѣроятно, и оказало вліяніе на качество наставленій, которыми я былъ снабженъ. Составленныя наспѣхъ, инструкціи штаба страдали, во первыхъ, излишне подробною регламентаціей, заключая въ себѣ требованія, явно невыполнимыя при условіяхъ сибирской обстановки, а во вторыхъ, черезчуръ стѣсняли самостоятельность исполнителя, не учитывая трудности поддержанія связи на огромномъ разстояніи между Домомъ и Сибирью, черезъ обширныя территоріи, находящіяся подъ властью большевиковъ. На сдѣланное мною по поводу этихъ недочетовъ заявленіе исполнявшему должность начальника штаба, ген. Романовскому, послѣдній пояснилъ, что инструкціями надлежитъ руководствоваться «по мѣрѣ возможности», проявляя въ нужныхъ случаяхъ иниціативу.

Въ окончательномъ видѣ, по даннымъ письменнымъ инструкціямъ, дополненнымъ личными указаніями Л. Г. Корнилова, моя задача сводилась къ тому, чтобы сгруппировать и сорганизовать на мѣстахъ элементы, одушевленные идеей борьбы съ германо-большевизмомъ, произвести учетъ живой силы, могущей принять вооруженное участіе въ этой борьбѣ, разрѣшить вопросы ея снабженія, а также дѣйствія ея въ тѣсной связи съ политическими группами, которыя, въ случаѣ сверженія совѣтской власти, могли бы принять на себя задачи управленія. Въ качествѣ способовъ указывались: агитація въ войскахъ, распространеніе тайной литературы, поддержка періодическихъ изданій, враждебныхъ совѣтской власти и т. п. Возглавляемый мною «Сибирскій отдѣлъ Союза защиты родины и свободы» долженъ былъ состоять изъ двухъ подотдѣловъ — военнаго и политическаго; во главѣ каждаго — особый Помощникъ начальника отдѣла, причемъ допускалось совмѣщеніе въ одномъ лицѣ начальника и помощника по военной части; выборъ лицъ на должности помощниковъ предоставлялся начальнику отдѣла. На помощника по политической части, между прочимъ, опредѣленно возлагалась обязанность изыскивать на мѣстахъ необходимыя для операцій отдѣла денежныя средства. Постояннаго мѣстопребыванія отдѣлу не указывалось; первыя его операціи естественно намѣчались въ Омскѣ и Томскѣ, въ дальнѣйшемъ предоставлялось работу распространять на востокъ до Харбина и Владивостока включительно. Относительно Томска имѣлись смутныя свѣдѣнія объ образованіи тамъ какого то «Сибирскаго», небольшевицкаго,

правительства *, возглавляемаго Г. Н. Потанинымъ, съ которымъ указывалось войти въ контактъ, для чего генералъ Корниловъ снабдилъ меня собственноручнымъ письмомъ къ этому извѣстному ученому и общественному дѣятелю Сибири; такія же письма Л. Г. далъ мнѣ для передачи въ Омскѣ гг. У. и Z. Отъ генерала же Корнилова я получилъ, для руководства политическую программу общегосударственнаго характера за его личною подписью.

Военно-гражданское управленіе снабдило меня «Наказомъ»** (никѣмъ не подписаннымъ, — какъ и большинство документовъ, полученныхъ изъ штаба), въ которомъ возглавляемой мною миссіи присваивалось наименованіе «Делегаціи въ Сибирь». Задачи, возложенныя на делегацію по «Наказу» имѣли болѣе широкій характеръ, нежели тѣ, которыя опредѣлялись инструкціями штаба: такъ, между прочимъ, ей вмѣнялось въ обязанность войти въ соглашеніе «съ краевымъ правительствомъ по вопросу о формированіи добровольческихъ частей и взаимной поддержкѣ», и «заключить съ нимъ договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи». Такимъ образомъ, на начальника делегаціи возлагалась роль уполномоченнаго политической организаціи генерала Алексѣева при предполагаемомъ Сибирскомъ Правительствѣ, безъ снабженія его, однако, формальнымъ актомъ, удостовѣряющимъ право явиться въ качествѣ такого представителя. На сдѣланное мною по этому поводу заявленіе начальнику в.-гр. управленія полк. Лебедеву, послѣдній пояснилъ, что наличіе на бумагахъ подписей главныхъ дѣятелей организаціи не допускается по соображеніямъ конспираціи.

По инструкціямъ военно-гражданскаго управленія, его «представителю» въ делегаціи, подъ каковымъ подразумѣвался помощникъ начальника по политической части, отводилась болѣе самостоятельная роль, чѣмъ опредѣлялось инструкціями штаба для того же должностного лица, которое, повидимому, разсматривалось, какъ подчиненное начальнику делегаціи; разъяснить это противорѣчіе въ руководящихъ указаніяхъ, полученныхъ изъ двухъ учрежденій, не представлялось возможнымъ, такъ какъ назначеніе мнѣ пріема у полк. Лебедева и выдача бумагъ изъ военногражданскаго управленія затянулись до вечера 7 февраля, между тѣмъ, откладывать далѣе отъѣздъ изъ Ростова было невозможно, ввиду угрозы быть отрѣзаннымъ отъ Новочеркасска, гдѣ у меня производились приготовленія по снаряженію въ командировку.

Другимъ крупнымъ противорѣчіемъ въ тѣхъ же указаніяхъ являлось то, что въ инструкціяхъ военно-гражданскаго управленія отсутствовалъ пунктъ, спеціально обязывающій помощника по политической части изыскивать на мѣстахъ денежные рессурсы. Объ этомъ я узналъ, впрочемъ, много времени спустя, такъ какъ ознакомиться съ инструкціями, данными моему помощнику, тогда не пришлось, ввиду врученія ихъ ему послѣ моего отъѣзда изъ Ростова.

Мое личное свиданіе съ полковникомъ Лебедевымъ ничего не дало въ отношеніи полученія разъясненій по интересующимъ меня вопросамъ; такъ, на просьбу назвать наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей, вошедшихъ въ составъ организаціи ген. Алексѣева и опредѣлить хотя бы въ общихъ чертахъ ея политическую программу, для того, чтобы я могъ освѣдомить своихъ будущихъ политическихъ собесѣдниковъ въ Сибири, отъ имени кого и во имя чего работаетъ возглавляемая мною делегація, полк. Лебедевъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на необходимость соблюденія тайны. Это и побудило меня, по совѣту Х., обратиться къ ген. Корнилову, который, какъ сказано выше, далъ мнѣ соотвѣтствующій документъ (см. Прил. № 2), причемъ, однако, осталось невыясненнымъ, представлялъ ли онъ личное мнѣніе ген. Корнилова или политическое credo всей организаціи. О личномъ составѣ послѣдней я имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ частныхъ источниковъ и въ результатѣ немногочисленныхъ случайныхъ встрѣчъ;

---

* О существованіи Сибирскаго правительства, если не считать фантастическихъ газетныхъ свѣдѣній, имѣлось, въ сущности, только единственное указаніе въ формѣ полученной случайно копіи соглашенія его съ правительствомъ Украины о выводѣ съ фронта и пропускѣ въ Сибирь Сибирскихъ войскъ, входившихъ въ составъ дѣйствующихъ армій.

** См. Приложеніе № 1.

отсутствіе формальнаго полномочія до нѣкоторой степени возмѣщалось наличіемъ того же документа за подписью и печатью Л. Г. Корнилова и удостовѣреніемъ за подписью и печатью начальника штаба, что я командированъ въ Западную Сибирь «для вербовки добровольцевъ» въ Добровольческую Армію и «организаціи на мѣстахъ» (см. Прил. № 3.)

Снабженіе денежными средствами

Крайне неудовлетворительно былъ рѣшенъ вопросъ финансированія ввѣренной мнѣ делегаціи. Вѣроятно, исходя изъ опыта функціонированія уже дѣйствующихъ въ Европейской Россіи отдѣловъ, имѣвшихъ возможность поддерживать съ штабомъ частую связь, была отпущена въ качествѣ аванса на всѣ расходы, считая и личное содержаніе большинства членовъ делегаціи, ничтожная сумма въ 6880 рубл. Только благодаря настоятельной личной просьбѣ удалось получить еще 25 000 рубл. изъ какого то особаго фонда, находившагося въ непосредственномъ распоряженіи ген. Корнилова. Кромѣ того помощнику по политической части было обѣщано выдать на руки авансъ въ 15 000 рублей, на расходы по спеціальности, но въ дѣйствительности онъ получилъ только 6000 р., которыми покрылся расходъ на его личное содержаніе за нѣсколько мѣсяцевъ. Остальные 9000 р. должны были быть досланы въ Омскъ, но въ дѣйствительности вовсе не поступили.

Личный составъ делегаціи

Вопросъ о личномъ составѣ делегаціи разрѣшился слѣдующимъ образомъ:

Выборъ двухъ помощниковъ былъ предоставленъ мнѣ, но т. к. среди лицъ, въ кругу которыхъ мнѣ приходилось вращаться въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ, не оказалось такихъ, которыя мнѣ были бы хорошо знакомы, выборъ былъ затрудненъ, почему я рѣшилъ, обязанности помощника по военной части на первое время принять на себя, а помощника по политической части просилъ назначить по усмотрѣнію военно-гражданскаго управленія. Послѣднее отъ этого предложенія сначала уклонилось, почему я принужденъ былъ самъ приняться за поиски сотрудника, но опредѣленнаго результата не достигъ, пока въ послѣднюю минуту не оказалось, что военно-гражданское управленіе подыскало кандидата въ лицѣ г. А., который и былъ представленъ мнѣ 7 февраля, наканунѣ моего отъѣзда изъ Ростова. Впечатлѣніе, произведенное на меня А., оказалось благопріятнымъ, такъ-же какъ и полученныя о немъ свѣдѣнія, изъ которыхъ выяснялось, что А. по предыдущей дѣятельности имѣетъ связи въ Сибири, почему я изъявилъ свое согласіе на его назначеніе.

Для сотрудничества по военной части, но безъ облеченія оффиціально званіемъ помощника, былъ назначенъ въ мое распоряженіе, по желанію Л. Г. Корнилова, упоминавшійся выше Х.

Обиліе выданныхъ для руководства бумагъ въ видѣ наказа, инструкцій и перечней различныхъ свѣдѣній мелочного характера, которыя делегаціи поставлялось въ обязанность собирать и т. п., а также объемистой литературы въ формѣ воззваній къ населенію и проч., не говоря уже о такихъ документахъ, какъ секретные ключи для шифрованія, политическая программа за подписью генерала Корнилова и удостовѣреніе за печатью штаба, обязывало принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы все это, въ случаѣ весьма возможныхъ въ пути и на мѣстахъ обысковъ, — не могло быть обнаружено. Кромѣ того необходимо было обезпечить сохранность денежныхъ суммъ делегаціи отъ возможныхъ конфискацій, широко практиковавшихся въ то время совѣтскими властями, и простыхъ кражъ, представлявшихъ заурядное явленіе при томъ хаосѣ, среди котораго приходилось совершать переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ.

Принимая все это во вниманіе, было рѣшено большую часть бумагъ, не имѣющихъ значенія документовъ, везти съ собой зашифрованными особымъ секретнымъ ключемъ, извѣстнымъ мнѣ одному и сохраняемымъ мнемоническимъ способомъ, безъ какого либо письменнаго слѣда. Зашифрованный текстъ былъ переписанъ на мягкую ткань, которая подшита подъ подкладку различныхъ предметовъ одежды и снаряженія. Секретные шифры, полученные изъ штаба и военно-гражданскаго управленія, были скрыты такимъ же способомъ. Ввиду удобства принадлежностей женскаго костюма для вышеуказанной цѣли и исходя изъ соображенія, что женщины вообще навлекаютъ на себя меньше

подозрѣній, было рѣшено для сохраненія на время пути денегъ и всего, что въ глазахъ большевицкихъ властей могло бы получить характеръ улики, пригласить на службу въ делегацію двухъ довѣренныхъ женщинъ, согласившихся подвергнуться послѣдствіямъ возможнаго задержанія ихъ съ поличнымъ, съ тѣмъ, чтобы избавить отъ такого риска отвѣтственныхъ чиновъ делегаціи, — обезпечивая послѣднимъ возможность продолженія работы. На этихъ же женщинъ была возложена работа по зашифрованію и перепискѣ бумагъ и прочія обязанности обыкновенныхъ переписчицъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о личномъ составѣ, остается еще упомянуть, что г-номъ А. былъ приглашенъ на службу офицеръ въ качествѣ секретаря, который долженъ былъ явиться къ опредѣленному сроку въ Новочеркасскъ, но на самомъ дѣлѣ не прибылъ, вѣроятно, изъ за задержки въ пути военными дѣйствіями, разыгравшимися въ раіонѣ Ростова и Новочеркасска въ періодъ 9—12 февраля ст. ст. Самъ А. прибылъ въ Новочеркасскъ 10 февраля, сдѣлавъ часть пути пѣшкомъ съ войсками отходившей отъ Ростова Добровольческой Арміи.

Начальникъ делегаціи, состоящій въ его распоряженіи Х. и одна изъ служащихъ, штабомъ Добровольческой Арміи были снабжены подложными видами на жительство — первый на имя екатеринославскаго гражданина Фадѣева, второй — Б., третья — сестры милосердія В.; другая служащая по паспорту значилась драматической артисткой. Менѣе удачно разрѣшился вопросъ объ удостовѣреніи личности для г. А., которому, за недостаткомъ времени для выправки другого подходящаго документа, пришлось удовольствоваться своей старой паспортной книжкой.

Приготовленія къ отъѣзду

Указанные сборы въ командировку производились начиная съ 8 февраля въ Новочеркасскѣ, гдѣ я уже перешелъ на нелегальное положеніе, оффиціально заявивъ въ комендантское управленіе о своемъ выѣздѣ къ мѣсту служенія (до этого я числился въ отпуску, просроченномъ по болѣзни), а въ дѣйствительности, — оставшись въ одной изъ гостиницъ Новочеркасска подъ именемъ гражданина Фадѣева, — комиссіонера по торговымъ дѣламъ, задержаннаго на Дону военными дѣйствіями.

Хотя А. и присоединился 10 февраля къ остальному составу делегаціи, однако, выѣхать тотчасъ же не представлялось возможнымъ, т. к. желѣзныя дороги, ведущія изъ Новочеркасска были перехвачены и испорчены большевиками, а всѣ лошади въ разгонѣ по причинѣ эвакуаціи изъ города правительственныхъ учрежденій и выѣзда множества частныхъ лицъ; необходимо было также предварительно зашифровать и зашить въ одежду привезенныя г-номъ А. бумаги. Самый проѣздъ по грунтовымъ дорогамъ (предположительно намѣчался маршрутъ Новочеркасскъ — ст. Поворино) по имѣвшимся свѣдѣніямъ представлялся необезпеченнымъ, ввиду перспективы пересѣчь боевой фронтъ и риска подвергнуться грабежамъ и насиліямъ со стороны разнузданнаго населенія. Въ лучшемъ случаѣ пришлось бы переплатить огромную сумму за лошадей и подводы и въ результатѣ очутиться подъ сильнымъ подозрѣніемъ на какой нибудь жел. дорожной станціи въ тылу совѣтскихъ войскъ.

Занятіе Новочеркасска большевиками

Пока шли послѣднія приготовленія къ отъѣзду, къ вечеру 12 февраля довольно неожиданно вступилъ въ Новочеркасскъ, при громкихъ привѣтствіяхъ городской черни, авангардъ совѣтской арміи подъ начальствомъ бывшаго войскового старшины Голубова. На слѣдующій день подошли и главныя силы. Началась обычная въ такихъ случаяхъ кровавая вакханалія. Чины делегаціи, уже успѣвшіе подготовить соотвѣтствующую инсценировку и надежно скрыть почти все, что могло ихъ уличить, не имѣли особеннаго основанія къ опасеніямъ. Единственная улика, которая ко времени прихода большевиковъ не была удалена, являлась въ видѣ громоздкаго тюка, до полупуда вѣсомъ, съ литературой Добровольческой Арміи въ формѣ листковъ, прокламацій, приглашеній записываться на службу и т. п., которые были навязаны мнѣ штабомъ, несмотря на безполезность въ Сибири этого литературнаго багажа и явную опасность возки его съ собою на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Для скрытія его былъ заказанъ чемоданъ съ двойнымъ дномъ, внутри котораго предполагалось помѣстить по одному

экземпляру каждаго изданія въ качествѣ образца. Но ко времени вступленія большевиковъ чемоданъ не былъ готовъ, что понудило принять мѣры къ немедленному уничтоженію компрометирующаго тюка. Черезъ 20—30 минутъ послѣ этого дѣйствительно нагрянуло въ гостиницу съ обыскомъ большевицкое начальство въ лицѣ «Помощника командующаго войсками Пугачевскаго (?) района», которому, также какъ и Голубову, были отведены помѣщенія въ той же гостиницѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ со мною.

На требованіе о выдачѣ оружія мною былъ предъявленъ карманный револьверъ, послѣ чего произведенъ опросъ и поверхностный осмотръ занимаемаго помѣщенія и вещей, который повидимому не внушилъ подозрѣній.

Это настроеніе, равно какъ и близкое сосѣдство, я постарался использовать, держа себя впредь въ присутствіи большевицкихъ главарей съ полной непринужденностью и стараясь путемъ бесѣдъ добыть нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могли бы представить интересъ для штаба Добровольческой Арміи. Такимъ способомъ удалось кое что узнать, но доставить полученныя свѣдѣнія, за отсутствіемъ средствъ связи, не пришлось.

Съ занятіемъ большевиками Новочеркасска постепенно возстанавливалось желѣзнодорожное сообщеніе по сходящимся къ нему линіямъ, что открывало для делегаціи непрерывный путь до Сибири, заставивъ окончательно отказаться отъ предположенія выѣхать на лошадяхъ. Но правильное пассажирское движеніе открылось только около 20 февраля, а затѣмъ, ввиду послѣдовавшаго запрещенія выѣзда безъ разрѣшенія властей, пришлось потерять еще нѣсколько дней на хожденіе за полученіемъ соотвѣтствующаго «пропуска», для чего надлежало явиться лично въ канцелярію «совдепа», помѣстившуюся въ зданіи Судебныхъ Установленій.

Проживъ въ Новочеркасскѣ всего около трехъ мѣсяцевъ, уединенно, на одной изъ окраинъ города и удачно измѣнивъ ко времени прихода большевиковъ свою наружность, я лично мало рисковалъ быть узланнымъ кѣмъ либо изъ толпы, ежедневно, со времени начала выдачи пропусковъ, густо наполнявшей обширныя помѣщенія зданія Судебныхъ Установленій. Въ иномъ положеніи былъ Х., который, при довольно характерной наружности и въ результатѣ своей предыдущей дѣятельности въ Новочеркасскѣ, приводившей его въ соприкосновеніе съ довольно широкими кругами населенія, рисковалъ встрѣчами, которыя могли имѣть для него, какъ лица завѣдомо приближеннаго къ Л. Г. Корнилову, роковой исходъ. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній онъ сначала рѣшилъ было пуститься въ путь безъ пропуска, но полученныя свѣдѣнія о печальной судьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, выѣхавшихъ подобнымъ образомъ, заставили отказаться отъ такого намѣренія. Приходилось идти на рискъ личной явки въ совдепъ, но подъ вліяніемъ продолжавшихся опасеній это откладывалось со дня на день, пока мною 24 февраля, ввиду назначеннаго на слѣдующій день выѣзда делегаціи изъ Новочеркасска, не было отдано категорическое на этотъ предметъ распоряженіе. Но получить пропускъ въ тотъ же день оказалось невозможнымъ за многолюдствомъ, а на слѣдующій день, 25 февраля, когда члены делегаціи уже садились въ поѣздъ, поджидая Х., послѣдній прибылъ съ заявленіемъ, что пропуска получить ему опять не удалось, т. к. по случаю воскреснаго дня въ совдепѣ не было присутствія. Было рѣшено, что онъ пойдетъ за пропускомъ на слѣдующій день, и по полученіи его тотчасъ же выѣдетъ вслѣдъ за делегаціей, догнавъ ее въ Самарѣ, гдѣ предполагалась остановка на нѣсколько дней.

Отъѣздъ въ командировку

Остальные члены делегаціи выѣхали 25 февраля ст. ст., направляясь на Царицынъ, т. к. кратчайшій путь по Воронежской линіи, на Лиски, былъ еще закрытъ для частнаго пользованія.

Ѣзда по жел. дорогамъ представляла въ описываемое время чрезвычайныя неудобства. Вплоть до Челябинска делегаціи не пришлось видѣть вагоновъ 1-го или 2-го класса, даже попасть въ вагонъ 3-го класса можно было почитать за особое счастье, такъ какъ ѣзда въ этихъ вагонахъ являлась исключительной привилегіей самодовольной толпы «товарищей», возвращавшихся съ фронта. Набивались до отказа вагоны и теплушки; получить мѣсто для сидѣнія часто оказывалось возможнымъ только на

вторыя или третьи сутки послѣ посадки. Въ долгія зимнія ночи вагоны скудно освѣщались средствами пассажировъ, а чаще погружались въ полный мракъ. Вопросъ питанія представлялъ иногда большія затрудненія. При этихъ условіяхъ, а особенно во время хаотической посадки въ вагоны, часто принимавшей характеръ рукопашнаго боя, приходилось зорко слѣдить за своимъ багажомъ и одеждой, которые заключали въ себѣ, какъ сказано выше, предметы особаго для делегаціи значенія; по этой причинѣ были установлены негласныя дежурства и при малѣйшей возможности члены делегаціи размѣщались группами въ 2—3 человѣка.

При такомъ способѣ передвиженія крайнее утомленіе заставляло иногда останавливаться для отдыха въ попутныхъ пунктахъ, преимущественно такихъ, въ которыхъ предстояла пересадка; съ этой цѣлью делегація останавливалась на короткое время въ Царицынѣ, Пензѣ и Челябинскѣ, кромѣ того, до Омска предстояло еще выполнить служебное порученіе въ Самарѣ, требовавшее болѣе продолжительной остановки, почему пунктъ этотъ и былъ назначенъ г-ну Х. для присоединенія къ делегаціи.

Пребываніе въ Самарѣ

Порученіе, которое надлежало выполнить въ Самарѣ, имѣло попутный характеръ и было дано мнѣ генераломъ Романовскимъ на словахъ, на скорую руку, въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія въ Ростовѣ. Оно заключалось въ томъ, чтобы разыскать въ Самарѣ штабсъ-капитана Г., командированнаго туда штабомъ Добровольческой Арміи для тайной развѣдки, съ его помощью завязать связи съ мѣстными политическими и финансовыми дѣятелями и по соглашенію избрать изъ нихъ подходящаго для роли начальника мѣстнаго отдѣла союза; объ избранномъ кандидатѣ сообщить штабу. Однако, задерживаться ради этого порученія, если бы не удалось его скоро исполнить — не рекомендовалось. О шт.-капитанѣ Г. была дана справка, что онъ проживаетъ въ гост. «Россія» подъ настоящей фамиліею, скрывая только свое офицерское званіе. И. д. Начальника штаба добавилъ, что не желая обременять меня мелочами, онъ прикажетъ штабу сообщить непосредственно Х. нѣкоторыя дополнительныя данныя о Самарѣ, а также вручить ему перечень свѣдѣній, которыя желательно оттуда доставить. Полученіе такого перечня Х. дѣйствительно подтвердилъ, но подробностей даннаго ему порученія, за краткостью нашихъ свиданій въ Новочеркасскѣ, доложить не успѣлъ.

По расчету времени, ввиду остановокъ делегаціи въ Царицынѣ и Пензѣ, онъ могъ прибыть въ Самару раньше насъ, но, пріѣхавъ туда 4 марта ст. ст., я не нашелъ его по условленному между нами адресу. Такой же отрицательный результатъ имѣли и розыски штабсъ-капитана Г. Въ гостиницѣ «Россія», типа плохенькихъ провинціальныхъ «номеровъ», швейцаръ заявилъ, что лицо съ фамиліей, похожей на ту, которую я назвалъ, какъ будто бы дѣйствительно проживало въ ней, но должно быть выбыло и неизвѣстно куда. Списка постояльцевъ за прежнее время въ гостиницѣ не нашлось. Изъ адреснаго стола мнѣ дали справку о трехъ проживавшихъ въ Самарѣ Г. и нѣсколькихъ лицахъ съ однозвучными фамиліями, но ни одно изъ нихъ не оказалось тѣмъ, которое я искалъ. Попытка завязать связи помимо Г. успѣхомъ не увѣнчалась, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія. Кромѣ того, повидимому, въ результатѣ установившагося въ Самарѣ террористическаго режима, наиболѣе видные политическіе и финансовые дѣятели, въ томъ числѣ и извѣстный всему Поволжью Башкировъ, еще раньше успѣли спастись бѣгствомъ; менѣе крупные дѣятели не подавали признаковъ жизни.

Лучшія общественныя зданія и богатые особняки города оказались занятыми многочисленными анархическими организаціями, которыя повидимому оспаривали здѣсь власть у большевиковъ. При такихъ условіяхъ нельзя было разсчитывать организовать что нибудь въ короткое время, почему послѣ шестидневнаго пребыванія въ Самарѣ, прошедшаго въ вышеупомянутыхъ попыткахъ и тщетномъ ожиданіи пріѣзда Х., было рѣшено продолжать путь въ Сибирь.

Путевыя впечатлѣнія

Въ пути между Самарой и Омскомъ, также какъ и раньше до Самары, приходя, при тѣсномъ сосѣдствѣ въ вагонахъ, въ близкое соприкосновеніе съ пассажирами изъ пролетаріата, делегація имѣла много

случаевъ отмѣтить въ общемъ недружелюбное и часто ироническое отношеніе большинства къ совѣтской власти, по мотивамъ, однако, не столько идейнаго, сколько чисто практическаго свойства.

Прибытіе въ Омскъ

29-го марта нов. стиля* делегація прибыла въ Омскъ, гдѣ выяснилось, что въ квартирѣ Х., которую онъ здѣсь оставилъ за собой со времени послѣдняго посѣщенія Омска и которой предполагалось воспользоваться, — только что, по распоряженію совдепа, былъ произведенъ строжайшій обыскъ, сопровождавшійся разгромомъ имущества и обстановки. Съ большимъ трудомъ удалось найти другое помѣщеніе, т. к. Омскъ въ то время былъ уже переполненъ пришлымъ населеніемъ, а гостиницы, по обыкновенію, заняты подъ разныя совѣтскія учрежденія. Зато вопросъ о завязкѣ здѣсь сношеній могъ рѣшиться болѣе благопріятно благодаря полученнымъ рекомендательнымъ письмамъ и знакомствамъ г-на А.

Завязка сношеній

Первымъ изъ лицъ, къ которымъ у меня имѣлись такія рекомендаціи, удалось разыскать инженера NN., который былъ указанъ мнѣ однимъ изъ членовъ нашей организаціи, М. М. Федоровымъ, какъ лицо, могущее ввести меня въ торгово-промышленные круги Омска. По передачѣ ему письма г. Федорова, г. NN. принялъ меня довольно привѣтливо, но заявилъ, что онъ отъ политики въ настоящее время совершенно отстранился, для содѣйствія же мнѣ въ возложенномъ на меня порученіи, познакомитъ меня съ виднымъ представителемъ партіи народной свободы, К., а также со своимъ родственникомъ Д., офицеромъ, оставшимся съ конспиративной цѣлью на службѣ у большевиковъ. Первое изъ этихъ знакомствъ, однако, не состоялось, вслѣдствіе отказа г. К. прибыть на условленное свиданіе подъ предлогомъ сомнѣній въ подлинности письма г. Федорова и моей личности, въ дѣйствительности же, какъ можно было предполагать, изъ боязни скомпрометировать себя передъ мѣстной совѣтской властью**.

Выбытіе Х. изъ состава делегаціи

Нѣсколько дней спустя послѣ прибытія въ Омскъ были получены вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія (изъ московскихъ оффиціальныхъ «Извѣстій») о состоявшемся арестѣ г-на Х., большевицкими властями въ Москвѣ. Какимъ образомъ онъ очутился въ Москвѣ, осталось невыясненнымъ.

Характеристика большевицкаго режима въ Сибири

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, считаю необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ совѣтской власти въ Сибири, которая, установившись здѣсь позднѣе, чѣмъ въ большинствѣ центровъ Европ. Россіи, и преслѣдуя ту же основную цѣль — осуществить на дѣлѣ диктатуру пролетаріата, — проявлялась однако въ нѣсколько иныхъ формахъ, нежели по ту сторону Урала. Сибирскіе совдепы, — не уступая россійскимъ въ отношеніи твердости и опредѣленности задачъ управленія, озабоченные въ одинаковой степени своимъ самосохраненіемъ, для чего окружали себя сѣтью органовъ тайнаго розыска и «борьбы съ контръ-революціей», на первое время избѣгали примѣненія крайнихъ террористическихъ пріемовъ управленія, обычныхъ въ то время въ Евр. Россіи и, считаясь съ народными настроеніями, старались ставить преграды самочиннымъ дѣйствіямъ разныхъ «карательныхъ» — матросскихъ и иныхъ — отрядовъ. «Красная гвардія» въ Сибири была немногочисленна и, повидимому, не считалась надежной, взамѣнъ чего главари большевизма въ Сибири стремились создать себѣ опору въ лицѣ многочисленныхъ, одѣтыхъ въ русскую военную форму, «интернаціональныхъ» отрядовъ, изъ плѣнныхъ нѣмцевъ и мадьяръ. При обиліи военно-плѣнныхъ въ Сибири и щедромъ ассигнованіи средствъ на содержаніе составленныхъ изъ нихъ отрядовъ, комплектованіе послѣднихъ не встрѣчало затрудненій.

---

* Въ дальнѣйшемъ всѣ числа по новому стилю.

** Несостоявшееся знакомство съ г. К. косвенно имѣло для дѣла делегаціи отрицательный результатъ, такъ какъ вслѣдствіе допущенной г. г. NN и К. нескромности при обсужденіи предъявленнаго мною письма, моя настоящая фамилія и принятый псевдонимъ сдѣлались вскорѣ достояніемъ гласности среди мѣстнаго буржуазнаго общества, откуда свѣдѣнія эти легко могли проникнуть въ совѣтскіе круги, что ставило въ тяжелыя условія послѣдующую работу делегаціи.

Зависимость мѣстныхъ совѣтовъ отъ московскаго «совнаркома» имѣла скорѣе номинальное, чѣмъ реальное, значеніе, не особенно ощущалась также въ Омскѣ зависимость отъ «Центросибири», организовавшейся гдѣ то въ Томскѣ или Иркутскѣ, въ качествѣ органа, объединяющаго рабоче-крестьянскую власть во всей Сибири.

Указанными особенностями мѣстнаго большевицкаго режима можно объяснить слабость репрессій въ отношеніи завѣдомыхъ враговъ совѣтской власти въ Омскѣ въ лицѣ, напр., Е. и оффиціальнаго лидера партіи нар. свободы адвоката Жардецкаго, изъ коихъ первый, состоя подъ слѣдствіемъ революціоннаго трибунала, продолжалъ проживать въ своемъ домѣ, сохранивъ относительную свободу внѣшнихъ сношеній*, а второй, поднявшій въ январѣ юнкеровъ военнаго училища на возстаніе противъ совдепа и захваченный чуть-ли не съ поличнымъ, сохранилъ тѣмъ не менѣе жизнь, содержась со времени ликвидаціи возстанія въ мѣстной тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ, затянувшимся на нѣсколько мѣсяцевъ.

Неудача первыхъ шаговъ въ Омскѣ

Черезъ знакомыхъ г-на А. делегація познакомилась съ временнымъ замѣстителемъ г. Жардецкаго въ лидерствѣ кадетской партіи, г. Ж., но этотъ дѣятель, такъ-же какъ и вышеупомянутый его коллега по партіи г. К., оказался несклоннымъ къ активной работѣ противъ большевиковъ, ссылаясь на директивы центральнаго комитета партіи и на безнадежность вообще, по его мнѣнію, выступленій противъ совѣтской власти безъ поддержки со стороны союзныхъ державъ, въ частности Японіи, почему г. Ж. рекомендовалъ возможно скорѣе выѣхать на Дальній Востокъ, гдѣ по его свѣдѣніямъ будто бы велась подготовка къ предстоящей интервенціи союзниковъ.

Такимъ образомъ первые шаги въ Омскѣ возбуждали сомнѣнія относительно возможности опереться въ работѣ на солидныя политическія группы и достигнуть хорошихъ результатовъ въ отношеніи организаціи мѣстныхъ силъ; одновременно изъ тѣхъ же источниковъ получались отрицательныя свѣдѣнія и относительно существованія въ Омскѣ болѣе или менѣе прочно организованныхъ тайныхъ отрядовъ, имѣющихъ задачей вооруженную борьбу противъ большевиковъ. Говорили о летучемъ казачьемъ отрядѣ нѣкоего шт.-ротмистра Анненкова, который — получая небольшую поддержку отъ мѣстныхъ капиталистовъ, — послѣ похищенія имъ изъ собора знамени Ермака Тимофеевича, будто держится гдѣ то въ степи, не проявляя активной дѣятельности; по слухамъ имѣлись еще какіе то влачащіе жалкое существованіе не казачьи офицерскіе отряды съ эс-эровской окраской и др.

Перемѣна въ положеніи

Къ счастью, однако, дальнѣйшія изысканія, произведенныя делегаціей, не подтвердили первоначально полученныхъ свѣдѣній. Значительную помощь въ этомъ отношеніи оказали гг. У. и Z., къ которымъ я имѣлъ письма отъ Л. Г. Корнилова.

Первый ввелъ делегацію въ тайный кружокъ политическихъ дѣятелей, хотя принадлежащихъ къ партіи ка-де, но относившихся далеко не столь индиферентно къ вопросу объ активной борьбѣ противъ большевизма, какъ другіе представители той же партіи; второй помогъ установленію сношеній делегаціи съ нѣсколькими лицами, стоявшими во главѣ одной изъ наиболѣе значительныхъ офицерскихъ тайныхъ организацій.

Донесенія въ Штабъ добровольческой Арміи

Подробное донесеніе о послѣдовавшей въ результатѣ этихъ связей работѣ делегаціи въ Омскѣ было въ свое время отправлено съ особымъ курьеромъ, о судьбѣ котораго, равно какъ и посланнаго съ нимъ донесенія, съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Принимая во вниманіе важность установленія на первыхъ же порахъ возможно прочной связи со штабомъ Добровольческой Арміи, делегація еще въ Новочеркасскѣ была озабочена вопросомъ обезпеченія себя надежнымъ курьеромъ, который доставилъ бы первыя донесенія, причемъ признавалось необходимымъ, чтобы

* Е. былъ посѣщенъ мною и г-номъ А. въ одинъ изъ первыхъ дней пребыванія въ, Омскѣ.

лицо это было мѣстнымъ уроженцемъ, такъ какъ при установившемся на Дону большевицкомъ режимѣ и продолжающихся на юго-востокѣ Россіи военныхъ дѣйствіяхъ, миссія по доставкѣ секретнаго донесенія въ неизвѣстно гдѣ находящійся штабъ Д. А. едва-ли могла-бы съ успѣхомъ быть выполнена лицомъ, не знающимъ въ совершенствѣ мѣстныхъ условій.

По изложеннымъ соображеніямъ былъ приглашенъ для выполненія порученія по доставкѣ донесеній изъ Омска бывшій командиръ одного изъ Донскихъ казачьихъ полковъ, природный казакъ, полковникъ З., извѣстный г-ну А. по совмѣстной съ нимъ службѣ на фронтѣ. Ему было предложено выѣхать съ Дона съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть къ делегаціи въ половинѣ апрѣля. Полк. З. къ назначенному сроку дѣйствительно прибылъ въ Омскъ, откуда выѣхалъ обратно 25 апрѣля, съ донесеніями моимъ и А., представлявшими въ общей сложности довольно объемистую, частью зашифрованную рукопись на кускахъ ткани, зашитыхъ въ одежду полк. З.

Ввиду вѣроятной утраты этихъ донесеній (копій съ коихъ, изъ предосторожности, не оставлялось), но принимая съ другой стороны во вниманіе, что большинство свѣдѣній, сообщенныхъ изъ Омска, теперь уже не представляетъ интереса, я въ настоящемъ отчетѣ ограничусь краткимъ очеркомъ фактовъ, послужившихъ предметомъ посланныхъ изъ Омска донесеній.

Развитіе работы делегаціи

Главными дѣятелями въ вышеупомянутомъ кружкѣ, въ который ввелъ меня У., были Л. и М. Большинство извѣстныхъ мнѣ членовъ кружка Л. признавали себя принадлежащими къ правому крылу партіи народной свободы и не скрывали своихъ симпатій къ монархическому образу правленія, но ближайшей задачей ставили не реставрацію монархіи, а возстановленіе цѣлости и мощи Россіи. Программа дѣятельности кружка ко времени моего пріѣзда въ Омскъ только начала вырабатываться, почему делегація имѣла возможность принять въ этой работѣ непосредственное участіе.

Послѣ ряда совѣщаній, состоявшихся конспиративно у Л. и М., послѣ которыхъ кружокъ согласился программу ген. Корнилова, за небольшими исключеніями, положить въ основаніе своей дальнѣйшей политической дѣятельности, было рѣшено войти въ ближайшія сношенія съ мѣстными боевыми отрядами, обезпечить имъ притокъ опредѣленныхъ денежныхъ средствъ и придать устройство, соотвѣтствующее требованіямъ нормальной военной организаціи.

На этомъ пути ожидались большія затрудненія, т. к. по свѣдѣніямъ кружка составъ отрядовъ былъ большею частью соціалистическій и потому едва ли склонный къ примѣненію началъ единоличнаго командованія, строгой дисциплины и т. п., съ другой стороны мѣстнымъ казачьимъ организаціямъ приписывались недостатки иного рода, дѣлавшіе ихъ также малопригодными въ качествѣ опоры будущей власти, а именно нѣкоторая моральная распущенность, неразборчивость въ средствахъ*, стремленіе руководствоваться больше честолюбивыми побужденіями своихъ атамановъ, чѣмъ сознаніемъ гражданскаго долга и т. п.

Ознакомленіе съ боевыми организаціями

Все это обязывало принять мѣры къ подробному обслѣдованію омскихъ военныхъ организацій съ тѣмъ, чтобы опредѣлить изъ нихъ тѣ, которыя дѣйствительно стоило бы поддержать матеріально и объединить ихъ между собою и съ кружкомъ Л., какъ единственной въ Омскѣ политической организаціей, которая въ случаѣ переворота могла бы на первое время принять на себя, съ надеждой на успѣхъ, задачи твердой правительственной власти.

Какъ было упомянуто, делегація при посредствѣ г. Z. уже завязала сношенія съ одной изъ такихъ военныхъ организацій; благодаря содѣйствію г. Д. (родственника инженера N. N.), оказалось возможнымъ вступить въ близкое личное общеніе съ фактическимъ руководителемъ этой организаціи, капитаномъ Н. Послѣдній произвелъ

---

* Между прочимъ, ссылались на недавно бывшій случай растраты крупной суммы, полученной начальникомъ одной изъ организацій отъ мѣстныхъ коммерсантовъ.

хорошее впечатлѣніе, но оказалось, что юридически организація, насчитывающая нѣсколько сотъ офицеровъ, подчиняется не ему какъ единоличному начальнику, а штабу, въ который кромѣ офицеровъ входятъ и гражданскія лица, а именно, представители кооперации. Такое коллективное начало управленія являлось будто бы уступкой взглядамъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, поддерживающихъ организацію матеріально.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ капитаномъ Н. и подтвердившимся изъ другихъ источниковъ, большинство офицеровъ, принадлежащихъ къ организаціи, однако, отнюдь не признавали себя соціалистами и вообще стояли внѣ какихъ бы то ни было политическихъ партій. Имѣлся выработанный въ общихъ чертахъ планъ боевыхъ дѣйствій, предусматривающій нѣсколько случаевъ. Средства существованія, получаемыя частью отъ кооперативовъ, частью отъ комерсантовъ изъ числа менѣе крупныхъ, скудны и въ дальнѣйшемъ предвидится ихъ истощеніе. Оружія на лицо немного, но запасъ его постепенно пополняется путемъ похищенія, тайной покупки у красноармейцевъ (такимъ способомъ пріобрѣтенъ даже пулеметъ) и т. п. Захватъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ предполагается произвести къ моменту выступленія, при содѣйствіи Д. Однако, не имѣется спеціалистовъ для управленія артиллеріею въ бою, почему просятъ содѣйствія делегаціи къ подысканію такихъ лицъ.

Установленіе единоличнаго командованія

При послѣдующемъ ознакомленіи съ подробностями устройства, состава и задачъ той же организаціи выяснилось, что послѣдняя готова подчиниться руководительству группы, которая приметъ на себя осуществленіе временной государственной власти на основѣ программы ген. Корнилова, а также согласна признать единоличную власть военнаго начальника, который будетъ поставленъ мною, съ другой стороны кружокъ Л. обѣщалъ рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о финансированіи отряда капитана Н. при условіи переустройства его на началахъ нормальной организаціи, причемъ признавалось желательнымъ во главѣ поставить авторитетное лицо, которое подъ своею властью могло бы объединить и другія, преимущественно казачьи, организаціи. Въ качествѣ кандидата на этотъ постъ былъ названъ полковникъ Сибирскаго казачьяго войска П. П. Ивановъ, который еще раньше былъ рекомендованъ мнѣ г-номъ У., какъ лицо, пользующееся большимъ вліяніемъ среди казачества и имѣющее обширный административный опытъ. Меня просили лично познакомиться съ полк. Ивановымъ, проживавшимъ въ то время въ Петропавловскѣ, и если впечатлѣніе отъ знакомства и другія свѣдѣнія, которыя удастся получить, будутъ благопріятны, предложить ему, переѣхавъ на жительство въ Омскъ, принять на себя обязанности общаго начальника надъ всѣми военными организаціями Омска и Петропавловска.

Съ указанной цѣлью я около половины апрѣля совершилъ поѣздку въ Петропавловскъ, воспользовавшись ею кстати, чтобы замести свои слѣды въ Омскѣ, гдѣ неблагопріятно сложившаяся въ отношеніи конспираціи обстановка обязывала принять мѣры предосторожности. Въ результатѣ знакомства съ полк. Ивановымъ, заканчивавшимъ въ это время расформированіе Сибирской казачьей дивизіи, которой онъ командовалъ на фронтѣ, я заручился его согласіемъ на сдѣланное предложеніе, но съ тѣмъ, что на первое время, впредь до окончанія расформированія дивизіи, онъ останется жить въ Петропавловскѣ, чтобы не возбудить подозрѣній.

Въ то же время, въ предвидѣніи отъѣзда делегаціи въ Иркутскъ и далѣе на востокъ, что должно было еще болѣе затруднить связь со штабомъ Д. А., я призналъ полезнымъ оставить полковника Иванова въ Омскомъ раіонѣ въ качествѣ начальника мѣстнаго военнаго подотдѣла ввѣренной мнѣ делегаціи, съ предоставленіемъ права непосредственнаго сношенія съ штабомъ, снабдивъ его соотвѣтствующей инструкціей.

Отношеніе Сибирскихъ казаковъ къ большевизму

Дальнѣйшая совмѣстная работа делегаціи съ кружкомъ Л. происходила при ближайшемъ участіи П. П. Иванова, который съ этой цѣлью, по моему приглашенію, пріѣзжалъ въ Омскъ.

Для объясненія вліянія, которое выборъ полк. Иванова оказалъ на дальнѣйшія событія въ Омскѣ, необходимо въ нѣсколькихъ сло-

вахъ очертить настроенія, существовавшія въ то время въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ и его отношеніе къ большевизму.

Подобно тому, какъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ, проводникомъ идей большевизма въ войско оказалась, главнымъ образомъ, молодежь, вернувшаяся съ фронта въ составѣ строевыхъ частей. Обольщенные заманчивыми обѣщаніями земли, воли, раздѣла имуществъ и т. п., молодые казаки, по возвращеніи на родину, хотя и недружелюбно встрѣченные своими «стариками», тѣмъ не менѣе нашли тотчасъ же моральную поддержку со стороны столь же развращенныхъ пропагандой солдатъ и казаковъ тыловыхъ частей и учрежденій, городской черни, казачьей голытьбы, крестьянъ-новоселовъ, съ завистью смотрѣвшихъ на благосостояніе старыхъ казачьихъ хозяйствъ, и т. п. Былъ поставленъ на очередь вопросъ о созывѣ круга, который долженъ былъ, въ предѣлахъ войсковой территоріи, практически осуществить чаянія пролетаріата, связанныя съ большевицкой программой.

Кругъ состоялся раннею весною 1918 года, и ввѣренная мнѣ делегація еще успѣла захватить его послѣднія засѣданія. Подъ давленіемъ казаковъ-фронтовиковъ, къ участію въ кругѣ были допущены делегаты существовавшихъ ранѣе, но ко времени созыва круга уже расформированныхъ казачьихъ частей, представители иногородняго населенія («разночинцы») и другіе элементы, не имѣвшіе на это никакого права, что, однако, дало лѣвымъ теченіямъ въ кругѣ лишь небольшой перевѣсъ. Въ результатѣ, хотя и были вынесены постановленія коммунистическаго характера, вродѣ соціализаціи земли, нормированія инвентаря хозяйствъ и т. п., но, благодаря искусно проведеннымъ представителями оппозиціи поправкамъ, большинство основныхъ положеній сводилось почти къ нулю или обрекалось съ теченіемъ времени естественной смерти.

Впрочемъ, войсковое правительство было упразднено и административное управленіе войскомъ, до мелкихъ единицъ включительно, построено на коллективныхъ началахъ, но и эти мѣры привели скорѣе къ результатамъ обратнымъ тѣмъ, на которые разсчитывали ихъ иниціаторы, т. к. смѣщеніе не пользовавшихся популярностью войскового атамана Копѣйкина и нѣкоторыхъ членовъ правительства съ замѣной ихъ лишенными всякаго значенія «коллективами», открыло пути для вліянія другихъ, болѣе энергичныхъ дѣятелей въ родѣ П. П. Иванова, которые, во имя оказанія дружнаго отпора вреднымъ новшествамъ, сумѣли сплотить вокругъ себя многочисленный классъ домовитыхъ казаковъ-хозяевъ и этимъ парализовать вліяніе въ станицахъ молодежи и голытьбы. Такъ еще въ періодъ работы делегаціи въ Омскѣ, мнѣ при посѣщеніи Петропавловска пришлось наблюдать то, почти независимое, положеніе, которое занимала въ отношеніи городскихъ совѣтскихъ властей примыкающая къ городу богатая казачья станица, фактически руководимая П. П. Ивановымъ, хотя наружно и державшимся въ сторонѣ.

Объединеніе организацій

При указанномъ значеніи, которое имѣлъ въ войскѣ этотъ штабъ-офицеръ, вопросъ о подчиненіи ему казачьихъ боевыхъ организацій рѣшался самъ собою, а признаніе его своимъ начальникомъ офицерскими не казачьими отрядами, такимъ образомъ, фактически объединяло всѣ вооруженныя силы Омска и ближайшаго къ нему раіона, поставившія себѣ цѣлью борьбу съ большевизмомъ (см. Прил. 4).

Вопросъ финансированія организацій съ назначеніемъ полковника Иванова также получилъ благопріятное разрѣшеніе, такъ какъ, вслѣдъ за выраженнымъ имъ согласіемъ подчиниться политическому руководительству кружка Л., были изысканы средства для содержанія подчиненныхъ ему отрядовъ, съ назначеніемъ опредѣленнаго ежемѣсячнаго бюджета въ довольно крупной суммѣ.

Разработка плана дѣйствій

Этотъ бюджетъ, первые взносы по которому были немедленно сдѣланы, давалъ возможность довести численность отрядовъ до цифры, необходимой для выполненія плана, окончательно разработаннаго при содѣйствіи полковн. Иванова и одобреннаго мною. Планъ предусматривалъ одновременное выступленіе по соглашенію съ организаціями другихъ городовъ Сибири и долженъ былъ имѣть характеръ нечаяннаго нападенія на военныя и гражданскія совѣтскія учрежденія, причемъ всѣ роли были точно предусмотрѣны и распредѣлены;

самостоятельное выступленіе допускалось только какъ мѣра необходимой самообороны, въ случаѣ, если бы были получены достовѣрныя свѣдѣнія о намѣреніи большевиковъ привести въ исполненіе предложенія, сдѣланныя нѣкоторыми членами совдепа, о поголовномъ истребленіи офицерства и буржуазіи. Чтобы быть объ этомъ своевременно предупрежденнымъ, въ совдепѣ содержалась тайная агентура.

Вопросъ объ управленіи артиллеріею не получилъ пока удовлетворительнаго разрѣшенія за отсутствіемъ въ Омскѣ подходящихъ спеціалистовъ, почему было рѣшено такихъ подыскать и командировать изъ Томска или Иркутска; такимъ же образомъ предполагалось привлечь и офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ въ Омскѣ не оказалось.

Работа въ послѣдніе дни пребыванія въ Омскѣ

Политическая работа делегаціи въ Омскѣ въ послѣднихъ числахъ апрѣля заключалась въ совмѣстномъ съ кружкомъ Л. вырѣшеніи вопроса объ организаціи на первое время по сверженіи большевиковъ правительственной власти. Съ этой цѣлью были распредѣлены между мѣстными дѣятелями портфели предполагаемаго временнаго правительства, съ участіемъ въ немъ и небольшого процента умѣренныхъ соціалистовъ въ менѣе отвѣтственныхъ роляхъ.

На первое время намѣчалось установленіе военной диктатуры, съ П. П. Ивановымъ во главѣ. Выработанъ планъ правительственныхъ мѣропріятій, подлежащихъ приведенію въ исполненіе немедленно по вступленіи во власть, причемъ, между прочимъ, особенное вниманіе удѣлялось вопросамъ продовольственному и о безработныхъ, число коихъ въ одномъ Омскѣ доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Рѣшено привлечь ихъ къ обмолоткѣ хлѣба, накопившагося въ крупныхъ хозяйствахъ Степного края за нѣсколько лѣтъ. Общее количество хлѣбныхъ запасовъ Края исчислялось въ 150 милліоновъ пудовъ, часть этого запаса предполагалось свезти къ жел. дорогѣ, чтобы имѣть возможность быстро двинуть его въ Евр. Россію для нуждъ населенія и Добровольческой Арміи въ случаѣ расширенія раіона дѣйствія послѣдней.

Принимая во вниманіе исключительное значеніе Западной Сибири, какъ базы для операцій, направленныхъ къ освобожденію Евр. Россіи отъ германо-большевизма, и обаяніе, которымъ пользуется здѣсь имя генерала Л. Г. Корнилова, члены кружка высказывали горячія пожеланія, чтобы дѣло организаціи здѣсь очага возстанія принялъ на себя лично Лавръ Георгіевичъ, что и просили меня передать ему отъ ихъ лица въ ближайшемъ донесеніи.

На принятіе на себя государственной власти омская политическая организація смотрѣла какъ на временную мѣру, необходимую для избѣжанія анархіи на первыхъ порахъ по сверженіи большевизма, впослѣдствіи же имѣлось ввиду, въ случаѣ образованія гдѣ либо въ Сибири или на Дальнемъ Востокѣ другой, однородной, власти, но съ болѣе обширной территоріальной компетенціей, немедленно уступить ей принятыя на себя полномочія. О существованіи такого правительства или возможнаго его появленія имѣлись, впрочемъ, только смутные слухи, основанные на газетныхъ и другихъ извѣстіяхъ о нахожденіи на Дальнемъ Востокѣ русскихъ политическихъ дѣятелей и о формированіи въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной жел. дороги добровольческихъ отрядовъ. Предполагалось также, что въ образованіи такого правительства, которое могло бы анулировать брестское предательство, должны быть заинтересованы союзныя державы, вмѣшательство которыхъ такимъ образомъ признавалось вѣроятнымъ. Происшедшая въ началѣ апрѣля высадка небольшого японскаго десанта во Владивостокѣ, казалось, подтверждала приписываемое союзникамъ намѣреніе.

По этимъ соображеніямъ, омскіе общественные дѣятели признавали крайне желательнымъ поѣздку ввѣренной мнѣ делегаціи на Дальній Востокъ, съ тѣмъ, чтобы по возможности ускорить тамъ нарожденіе ожидаемой власти, освѣдомить ее о положеніи на Дону и въ Зап. Сибири, установить прочную связь и содѣйствовать полученію поддержки отъ союзниковъ. Хотя съ другой стороны признавалось полезнымъ продолженіе работы делегаціи въ Омскѣ, однако, принимая во вниманіе, что здѣсь дѣло уже болѣе или менѣе наладилось, общее мнѣніе болѣе склонялось къ скорѣйшему отъѣзду

делегаціи на Д. Востокъ съ тѣмъ, чтобы она задержалась въ попутныхъ центрахъ не долѣе того, сколько нужно для нѣкотораго упорядоченія военныхъ организацій; предполагалось, что въ теченіе этого времени обстановка въ Омскѣ разъяснится настолько, чтобы можно было безошибочно рѣшить вопросъ о продолженіи пути или возвращеніи въ Омскъ; послѣднее допускалось только въ видѣ маловѣроятнаго предположенія, въ зависимости отъ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, наприм., внезапной вспышки возстанія и т. д.

Для участія въ поѣздкѣ на Д. В. предполагалось привлечь еще одного — двухъ общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ бывшаго члена государственной думы И., которому и было послано соотвѣтствующее приглашеніе по мѣсту его жительства. И. долженъ былъ выѣхать съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть въ Харбинъ приблизительно въ одно время съ ввѣренной мнѣ делегаціей.

Полученіе свѣдѣній объ образованіи на Д. В. правительства

За 2—3 дня до предполагаемаго отъѣзда изъ Омска, слухи объ образованіи на Д. В. правительства и предстоящемъ вмѣшательствѣ союзниковъ получили неожиданно болѣе опредѣленныя формы, придавшія имъ нѣкоторое правдоподобіе. Эти новыя свѣдѣнія были привезены двумя прибывшими изъ Томска офицерами, которые свой пріѣздъ объясняли порученіемъ, полученнымъ отъ военнаго министра, образовавшагося въ Харбинѣ «Сибирскаго правительства»: порученіе заключалось въ томъ, чтобы собрать свѣдѣнія объ омскихъ военныхъ организаціяхъ и объявить имъ о принятіи ихъ военнымъ министромъ подъ свое начальство.

Со словъ этихъ офицеровъ, при свиданіи ихъ со мною и съ г. А., обстановка на Д. Востокѣ рисовалась въ слѣдующемъ видѣ.

Сибирское правительство, нынѣ объявившееся въ Харбинѣ, избрано въ январѣ 1918 года въ Томскѣ областной сибирской думой, которая вслѣдъ за тѣмъ, подъ вліяніемъ преслѣдованій со стороны большевиковъ, временно прекратила свою работу. Лица, выбранныя въ составъ правительства, выѣхавъ тайно изъ Томска, собрались въ Харбинѣ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ П. Я. Дербера, приступили къ исполненію своихъ обязанностей, получивъ признаніе со стороны широкихъ общественныхъ круговъ русскаго Дальняго Востока. По партійной принадлежности министры — государственно-мыслящіе соціалисты, но такой односторонній составъ признается ими самими нежелательнымъ, почему кабинетъ преобразовывается на коалиціонныхъ началахъ, съ участіемъ несоціалистическихъ элементовъ; въ качествѣ представителей таковыхъ приглашенъ генералъ Д. Л. Хорватъ, извѣстный финансовый дѣятель А. И. Путиловъ и др., причемъ и предсѣдательство можетъ перейти къ другому лицу. Возможно, что такое преобразованіе уже состоялось.

Правительство хотя и именуется Сибирскимъ, но за отсутствіемъ въ Россіи общегосударственной власти исполняетъ временно функціи правительства всероссійскаго и какъ таковое находится въ сношеніяхъ съ союзными державами, отъ которыхъ будто-бы уже получило признаніе. Тѣ же союзники субсидирують его, что дало ему возможность сформировать въ полосѣ отчужденія Кит. В. жел. дороги корпусъ войскъ, численностью болѣе 20 тысячъ человѣкъ, вполнѣ готовыхъ къ дѣйствію, подъ командой генерала-отъ-кавалеріи Плѣшкова; въ ближайшемъ будущемъ ожидается подчиненіе послѣднему и автономнаго отряда атамана Семенова, сформировавшагося у границъ Забайкалья. Офицерскія организаціи въ Читѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и др. городахъ Сибири признаютъ власть военнаго министра Сибирскаго Правительства и содержатся на отпускаемыя имъ средства. Къ сожалѣнію доставка послѣднихъ изъ Харбина сопряжена со значительными затрудненіями, почему приходится прибѣгать къ заимствованію у мѣстныхъ капиталистовъ.

Вопросъ объ интервенціи союзниковъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; начнется она съ наступленіемъ благопріятнаго для операцій въ Сибири времени года, т. е. около 1 іюня, причемъ корпусъ генерала Плѣшкова явится въ роли авангарда союзныхъ силъ, которыя числомъ до 100 тысячъ человѣкъ уже сосредоточиваются въ тихоокеанскихъ портахъ.

Военнымъ министромъ въ кабинетѣ Дербера состоитъ подполковникъ А. А. Краковецкій, занимавшій въ 1917 году постъ Командующаго войсками Иркутскаго военнаго округа*; докладчикъ г. О. (раздѣлявшій съ Краковецкимъ при царскомъ правительствѣ ссылку въ каторжныя работы), является нынѣ его уполномоченнымъ по управленію военными организаціями Сибири, съ резиденціей въ Томскѣ, имѣющемъ вполнѣ обезпеченную связь съ Харбиномъ, откуда и получены вышеуказанныя свѣдѣнія изъ первоисточника.

Значеніе полученныхъ свѣдѣній

Таковы были свѣдѣнія, сообщенныя г-номъ О. Заключая въ себѣ подробности, уже извѣстныя изъ другихъ источниковъ, а также и такія, которыя при существовавшемъ въ то время порядкѣ сношеній и отсутствіи регулярныхъ телеграфныхъ извѣстій провѣрить не представлялось возможнымъ, свѣдѣнія эти казались въ общемъ правдоподобными, тѣмъ болѣе, что самъ докладчикъ не уклонялся отъ фактической провѣрки ихъ, поддерживая делегацію въ ея намѣреніи отправиться на Д. Востокъ, куда, по его словамъ, онъ самъ предполагалъ выѣхать въ ближайшемъ будущемъ. Во всякомъ случаѣ становилось очевиднымъ, что на Д. В. назрѣваютъ важныя событія и что делегація могла скорѣе всего найти тамъ то «краевое правительство» — будь то Дерберовское или иное — съ которымъ Наказъ обязывалъ его вступить въ сношенія; при этихъ условіяхъ вопросъ о скоромъ отъѣздѣ на востокъ становился еще болѣе настоятельнымъ.

Въ кружкѣ Л. къ свѣдѣніямъ, привезеннымъ изъ Томска, отнеслись сдержанно. Въ частности, что касалось личности главы сибирскаго правительства П. Я. Дербера, хорошо извѣстной въ Омскѣ съ отрицательной стороны, высказывалось предположеніе, что имя это едва-ли могло способствовать всеобщему признанію возглавляемой его носителемъ организаціи.

Окончаніе работы въ Омскѣ

Считая свою задачу въ Омскѣ послѣ четырехнедѣльнаго тамъ пребыванія временно законченной**, делегація, по принятіи надлежащихъ мѣръ для связи съ полк. Ивановымъ и кружкомъ Л., выѣхала въ Томскъ. Несмотря на то, что по свѣдѣніямъ нашей тайной агентуры совдепу было извѣстно о прибытіи въ Омскъ какого-то агитатора — «корниловца», пропуски для проѣзда были выданы безпрепятственно, что открывало для будущаго успокоительныя перспективы.

Работа въ Томскѣ

Въ Томскѣ, куда делегація прибыла 28 апрѣля, не предполагалось долго задерживаться, ограничиваясь задачами сбора свѣдѣній о мѣстныхъ военныхъ организаціяхъ и установленія связи съ потанинскимъ кружкомъ, который по своему крупному общественному значенію долженъ былъ сыграть извѣстную роль при всякихъ перемѣнахъ власти въ Сибири.

Изъ военныхъ организацій я ознакомился прежде всего съ той, которая, по словамъ О., состояла въ подчиненіи военнаго министра Краковецкаго; личный составъ ея штаба, представленный мнѣ г-номъ О., прибывшимъ въ Томскъ раньше меня, по своему наружному виду, дисциплинированности и дѣловитости произвелъ отличное впечатлѣніе. Одновременно я познакомился съ подполковникомъ артиллеріи А. И. Гришинымъ, только что приглашеннымъ О. на должность начальника штаба по всѣмъ организаціямъ Сибири къ западу отъ Байкала; до этого онъ состоялъ въ одной изъ военныхъ организацій Новониколаевска. Его же О. предполагалъ оставить въ качествѣ своего замѣстителя на время намѣченной поѣздки на Д. В.***.

* Послѣ установленія въ Евр. Россіи большевицкаго режима подполковникъ Краковецкій былъ командированъ на Украину въ качествѣ уполномоченнаго временнаго Сибирскаго правительства для заключенія договора по пропуску черезъ территорію Украины сибирскихъ войскъ.

** Неудовлетворительно рѣшеннымъ оказался въ Омскѣ вопросъ о вліяніи на мѣстную прессу — съ одной стороны, вслѣдствіи уклончиваго отношенія редакцій мѣстныхъ оппозиціонныхъ органовъ, руководимыхъ соціалистами, а съ другой, по недостатку у делегаціи денежныхъ средствъ для широкаго субсидированія враждебныхъ большевицкому режиму газетъ.

*** Для характеристики отношеній О. ко ввѣренной мнѣ делегаціи, можно отмѣтить, что въ Омскѣ, держа себя въ отношеніи меня наружно весьма почтительно и, вѣроятно,

Г. Н. Потанинъ, котораго я посѣтилъ въ первый же день пребыванія въ Томскѣ, оказался дряхлымъ старцемъ, съ слабыми остатками зрѣнія и слуха, живущимъ въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Письмо Л. Г. Корнилова, которое я ему привезъ, мнѣ пришлось самому прочесть Григорію Николаевичу вслухъ, послѣ чего онъ, заявивъ, что по старости уже не принимаетъ личнаго участія въ политикѣ, пригласилъ своего сосѣда А. Н. Гаттенбергера, рекомендовавъ мнѣ послѣдняго какъ общественнаго дѣятеля и вполнѣ довѣренное лицо, замѣщающее его въ кружкѣ, названномъ его именемъ. Г. Гаттенбергеръ назначилъ мнѣ дѣловое свиданіе, къ которому обѣщалъ пригласить еще нѣсколькихъ лицъ.

Свиданіе состоялось въ тотъ же день при участіи, кромѣ г. Гаттенбергера, меня и А., еще г. Р., хорошо извѣстнаго всей Сибири, а также офицера С., представленнаго мнѣ въ качествѣ начальника наиболѣе крупной изъ мѣстныхъ военныхъ организацій.

Новыя свѣдѣнія о Сибирскомъ правительствѣ

Бесѣда съ названными лицами дала богатый матеріалъ, провѣренный впослѣдствіи изъ другихъ источниковъ, для сужденія о характерѣ политической организаціи, возглавляемой П. Я. Дерберомъ и принявшей наименованіе «Правительства Автономной Сибири», а также о военныхъ организаціяхъ различныхъ типовъ, существовавшихъ въ то время въ Сибири. Содержаніе этихъ данныхъ было въ свое время сообщено въ донесеніи, отправленномъ въ штабъ Д. А. около половины мая изъ Иркутска; ввиду отсутствія свѣдѣній о полученіи этого донесенія и неимѣнія копіи привожу здѣсь на память краткое изъ него извлеченіе.

Дерберовское правительство явилось дѣйствительно продуктомъ Сибирской областной думы, избравшей его въ тайномъ ночномъ засѣданіи, въ которомъ участвовало менѣе половины законнаго кворума членовъ; сама же дума была созвана на основаніи акта, хотя и подписаннаго бывшимъ главою временнаго сибирскаго правительства Г. Н. Потанинымъ, однако, немедленно вслѣдъ за симъ имъ же опороченнаго путемъ офиціальнаго заявленія, въ которомъ значилось, что подпись на указанномъ актѣ исторгнута у него, пользуясь его старостью и слабостью зрѣнія, почему онъ отъ нея отказывается, выходя одновременно изъ состава правительства и отстраняясь впредь отъ всякаго участія въ политикѣ. Опубликованный актъ, однако, остался въ силѣ, узаконивъ въ качествѣ представительнаго органа Сибири думу, «отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно».

При указанныхъ условіяхъ своего происхожденія, правительство, возглавляемое г. Дерберомъ, нынѣ собравшееся въ неполномъ составѣ въ Харбинѣ, по мнѣнію моихъ томскихъ собесѣдниковъ, едва ли можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе, но по свойству характера своего главы и большинства членовъ оно, повидимому, предполагаетъ утвердить свою власть явочнымъ порядкомъ, посредствомъ извѣстныхъ политическихъ пріемовъ, одинъ изъ коихъ заключается, напримѣръ, въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ пунктѣ, пользуясь невозможностью, при существующихъ условіяхъ, скорой провѣрки, распространять чрезъ посредство ловкихъ агентовъ свѣдѣнія о силѣ и значеніи, которое правительство будто бы уже пріобрѣло въ другихъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы этимъ повліять на признанія его въ данномъ пунктѣ.

Свѣдѣнія о военныхъ организаціяхъ

Такой же пріемъ примѣняется и для приведенія въ подчиненіе военныхъ организацій. Въ дѣйствительности зависимыми отъ подполк. Краковецкаго являются только тѣ изъ офицерскихъ отрядовъ, во главѣ которыхъ сумѣли стать соціалистическія, преимущественно, эс-эровскія, группы дѣ-

---

убѣдившись въ значеніи, которое делегація успѣла тамъ пріобрѣсти, онъ воздерживался отъ всего, что могло бы привести къ коллизіи распоряженій, ограничивая свою задачу, чисто информаціонными рамками. Въ Томскѣ, продолжая оказывать знаки внѣшняго вниманія, онъ, напротивъ, старался держать себя независимо, не отказываясь, однако, отъ согласованія своихъ распоряженій съ взглядами делегаціи. Такъ, между прочимъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ спросилъ, одобряю ли я выборъ имъ подполк. Гришина въ начальники своего штаба, на что я отвѣтилъ уклончиво, замѣтивъ, что по первому знакомству подполк. Гришинъ производитъ благопріятное впечатлѣніе.

ятелей, но на ряду съ такими отрядами существуютъ и другіе, не уступающіе первымъ въ численности, признающіе себя безпартійными и не только не признающіе сибирскаго правительства и его военнаго министра, но часто не знающіе и объ ихъ существованіи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ организація, представляемая С., наиболѣе крупная изъ существующихъ въ Томскѣ, субсидируемая мѣстными комерсантами и частью образовавшимся въ Харбинѣ «Дальневосточнымъ комитетомъ», ничего общаго съ Сибирскимъ правительствомъ не имѣющимъ. Здѣшняя эс-эровская офицерская организація, также довольно многочисленная, номинально содержится на средства, отпускаемыя подполк. Краковецкимъ, въ дѣйствительности же питается подачками мѣстныхъ кооперативовъ и обыкновенно испытываетъ острую нужду въ деньгахъ. Во главѣ ея стоитъ вовсе не тотъ «штабъ», который былъ мнѣ представленъ, являющійся продуктомъ искусной инсценировки, а соціалистическій «коллективъ», въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, участвуютъ рабочіе и другія лица, съ военнымъ дѣломъ ничего общаго не имѣющія. Въ смыслѣ снабженія обѣ организаціи обставлены слабо, но количество оружія постепенно возрастаетъ, а въ случаѣ сліянія обѣихъ организацій въ одну, вопросъ снабженія улучшится такъ какъ недостатки одной частью возмѣстятся избытками другой. Большинство офицеровъ эс-эровской организаціи вовсе не являются правовѣрными соціалистами, а въ организацію попали случайно, ища какой-нибудь точки опоры.

Направленіе работы томскихъ организацій

Въ результатѣ полученныхъ свѣдѣній, убѣдившись, что программа потанинскаго кружка чужда идеѣ сепаратизма, которая ей, по слухамъ, приписывалась и близка къ корниловской и также что безпартійная офицерская организація охотно пойдетъ на сліяніе съ такъ называемой эсэровской, — делегація остальное время пребыванія въ Томскѣ провела въ переговорахъ съ подполк. Гришинымъ, (оказавшимся лицомъ, обладающимъ здравыми военными понятіями) по вопросамъ о сближеніи обѣихъ организацій между собою, объ обмѣнѣ излишествующими предметами вооруженія и снаряженія, о выработкѣ общаго плана дѣйствій и т. п. съ тѣмъ, чтобы работа вообще велась въ направленіи полнаго сліянія организацій подъ единоличнымъ командованіемъ и при политическомъ руководительствѣ кружка Г. Н. Потанина.

Отъѣздъ въ Иркутскъ

Заручившись по важнѣйшимъ пунктамъ намѣченной работы согласіемъ представителей обѣихъ организацій и обѣщаніемъ содѣйствія А. Н. Гаттенбергера, я призналъ возможнымъ этимъ результатомъ удовлетвориться. Въ ночь на 1 мая делегація выѣхала въ Иркутскъ, куда прибыла въ Страстную Субботу, 4 мая н. ст.

Планъ работы въ Иркутскѣ

Приступая къ выполненію своей задачи въ Иркутскѣ, делегація имѣла возможность использовать опытъ предыдущей работы въ двухъ крупныхъ центрахъ Сибири съ тѣмъ, чтобы избѣжать сдѣланныхъ тамъ ошибокъ и съ самаго начала поставить себѣ опредѣленныя частныя цѣли.

Одна изъ этихъ ошибокъ заключалась въ томъ, что делегація, ища ощупью точекъ опоры среди мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, безъ пользы для дѣла обнаруживала себя въ данномъ пунктѣ, затрудняя этимъ дальнѣйшую работу, почему планъ дѣйствій въ Иркутскѣ намѣчался такимъ образомъ, чтобы сначала искать точекъ соприкосновенія съ военными организаціями и только по выясненіи вопроса объ ихъ отношеніяхъ къ политическимъ группамъ, входить въ сношенія съ тѣми изъ послѣднихъ, которыя могли бы оказаться полезными въ смыслѣ финансированія боевыхъ отрядовъ и подчиненія ихъ политическому руководству, основанному на здравыхъ государственныхъ началахъ.

Завязка сношеній съ военной организаціей

По этимъ соображеніямъ, по прибытіи въ Иркутскъ, по явкѣ, полученной отъ О. (который путь отъ Томска до Иркутска совершилъ вмѣстѣ съ делегаціей, но, не останавливаясь въ послѣднемъ, продолжалъ путь на востокъ), было приступлено къ розыску указанной имъ военной организаціи, однако, оказалось, что конспиративнаго имени представителя подполк. Краковецкаго еще недостаточно, чтобы сразу открыть делегаціи доступъ въ нѣдра этого сообщества, работавшаго, повидимому, въ условіяхъ строжайшей тайны.

Такъ обстояло дѣло въ отношенiи собственно «коллектива», возглавляющаго мѣстную офицерскую организацiю, но случай помогъ завязать знакомство съ однимъ изъ хорошо освѣдомленныхъ офицеровъ строевого состава, съ которымъ и состоялось нѣсколько тайныхъ свиданiй на мѣстномъ кладбищѣ. Однако, это не могло замѣнить личныхъ дѣловыхъ сношенiй съ отвѣтственными руководителями организацiи, которые все еще не открывали свое инкогнито; наконецъ, послѣ ряда предварительныхъ свиданiй съ отдѣльными лицами, скрывавшимися подъ разными кличками, недовѣрiе повидимому разсѣялось и дней 5—6 спустя по прибытiи въ Иркутскъ я и А. были введены, на правахъ довѣренныхъ лицъ, въ самый «коллективъ», возглавляемый молодымъ прапорщикомъ Т., членами коего состояли такiе же прапорщики Ф., Ц. и другiе, не говоря о нѣкоторыхъ членахъ гражданскаго званiя, съ которыми, вѣроятно, насъ не сочли нужнымъ знакомить, но существованiе коихъ устанавливалось несомнѣнными признаками.

Расширенiе круга знакомствъ

Свои свиданiя на кладбищѣ мы отъ коллектива утаили, какъ то было условлено съ тамошнимъ собесѣдникомъ, но поддерживая хорошiя отношенiя съ новыми знакомыми, въ то же время не пренебрегали и старымъ знакомствомъ и другими, явившимися его послѣдствiемъ, имѣя такимъ образомъ возможность провѣрять свѣдѣнiя, получавшiяся отъ членовъ коллектива. Такими полезными сторонними информаторами оказались бывшiй начальникъ той же организацiи Ч. и членъ ея, Ш., оставшiйся на службѣ при большевикахъ.

Совмѣстная работа съ военной организацiей

Начались частыя свиданiя съ представителями коллектива, во время которыхъ делегацiя старалась проводить начала своей программы, встрѣтившiя въ общемъ благосклонный прiемъ. Въ то же время обстановка въ Забайкальѣ складывалась такимъ образомъ, что требовала воздѣйствiя на организацiю и въ другомъ смыслѣ, а именно въ отношенiи оказанiя ею оперативнаго содѣйствiя отряду атамана Семенова, который съ начала мая успѣшно наступалъ отъ ст. Манчьжурiи къ Читѣ и, судя по имѣющимся даннымъ, — между прочимъ паникѣ, которая обуяла большевиковъ въ тылу и приготовленiемъ къ эвакуацiи Иркутска, — въ скоромъ времени могъ появиться у восточныхъ береговъ Байкала.

Принимая во вниманiе, что при сильномъ натискѣ съ востока красные могли разрушить тунели Кругобайкальской жел. дороги, и, угнавъ пловучiя средства съ восточнаго берега Байкала къ Иркутску, такимъ образомъ принудить Семенова искать обходныхъ путей черезъ трудно доступный горный раiонъ къ югу отъ Байкала или черезъ Монголiю — содѣйствiе атаману должно было выразиться въ парализованiи такого образа дѣйствiй противника, руководство операцiями котораго находилось въ опытныхъ рукахъ приглашеннаго большевиками на службу генерала русскаго генеральнаго штаба барона А. А. Таубе.

Руководители иркутской военной организацiи и въ этомъ отношенiи пошли навстрѣчу моимъ указанiямъ, выработавъ планъ дѣйствiй, въ который входили — и быстрый захватъ въ нужный моментъ, при содѣйствiи преданныхъ желѣзнодорожниковъ, кругобайкальскихъ туннелей, съ цѣлью предотвращенiя ихъ взрыва и овладѣнiе пароходами, плавающими по Байкалу и Ангарѣ; въ качествѣ вспомогательныхъ мѣръ въ томъ же планѣ намѣчались: производство крушенiй поѣздовъ съ эшелонами красныхъ, направляемыми на Забайкальскiй фронтъ, усиленiе развѣдки въ тылу большевиковъ, мѣры по улучшенiю связи съ атаманомъ Семеновымъ и тайной агентуры въ совдепахъ, агитацiя среди жел.-дор. служащихъ и рабочихъ съ цѣлью вызвать забастовку и т. п.

Денежный вопросъ въ Иркутскѣ

Къ сожалѣнiю, намѣченныя мѣропрiятiя, часть коихъ уже энергично проводилась въ жизнь, встрѣчали препятствiе къ ихъ осуществленiю полностью въ отсутствiи необходимыхъ денежныхъ средствъ. Отъ своего номинальнаго главы, А. А. Краковецкаго, организацiя получила, кажется, только одинъ разъ небольшую сумму, уже давно разошедшуюся на насущныя нужды; мѣстныя общественныя организацiи, враждебныя большевикамъ, могли оказать лишь слабую денежную поддержку; торгово-промышленный классъ, въ лицѣ

своихъ наиболѣе видныхъ представителей Второва, Посохина и др. состоялъ «въ бѣгахъ», оставшіяся второстепенныя коммерческія силы, опасаясь возмездія со стороны свирѣпаго мѣстнаго комитета по борьбѣ съ контръ-революцiей, а главное, не предвидя добра отъ субсидированія партійной, эс-эровской организаціи, къ просьбамъ о помощи оставались глухи.

Если бы делегація располагала собственными денежными средствами въ суммѣ хотя бы сотни тысячъ рублей, то взявъ на себя удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ иркутской военной организаціи, она пріобрѣла бы значеніе дѣйствительнаго хозяина и распорядителя всѣми анти-большевицкими элементами не только здѣсь, но и въ обширномъ районѣ, на который распространялось вліяніе Иркутска. Несомнѣнно, что это сильно подняло бы также престижъ делегаціи и представляемой ею политической организаціи М. В. Алексѣева въ глазахъ торгово-промышленнаго класса, который по свойственной ему психологіи въ денежной обезпеченности организаціи усматривалъ бы признакъ реальной силы. Предвидя это, я въ донесеніи, посланномъ еще изъ Омска, настоятельно просилъ выслать мнѣ въ Иркутскъ 100 000 рублей, съ тѣмъ, чтобы дать делегаціи возможность хотя бы на первое время стать въ независимое отъ мѣстныхъ источниковъ положеніе. Удовлетвореніе моей просьбы, казалось, не должно бы встрѣтить препятствій, т. к. по имѣвшимся у делегаціи свѣдѣніямъ, организація располагала въ то время крупными денежными средствами.

Отвѣта на это представленіе, какъ и на всѣ остальныя, я не получилъ, почему поневолѣ пришлось явиться передъ мѣстными купцами въ роли просителя. Однако, здѣсь въ полуразрушенномъ*, разоренномъ и оставленномъ наиболѣе богатыми жителями Иркутскѣ, эта роль являлась гораздо менѣе благодарной, чѣмъ въ сравнительно уцѣлѣвшемъ Омскѣ, гдѣ кромѣ того торгово-промышленный классъ былъ представленъ лицами съ болѣе широкимъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ кругозоромъ.

Но если и можно было ожидать денежной поддержки со стороны иркутскихъ коммерсантовъ, то лишь при условіи формальнаго отказа мѣстной военной организаціи отъ ея эс-эровскаго ярлыка, почему оказалось необходимымъ прежде всего выяснить, насколько дѣйствительно партійна эта организація и каково ея отношеніе къ политическимъ партіямъ, а также къ другимъ военнымъ организаціямъ, образовавшимся въ Иркутскѣ.

Слабый притокъ силъ въ боевыя организаціи

По поводу послѣднихъ оказалось, что несмотря на значительную цифру проживавшаго въ то время въ Иркутскѣ офицерства, ряды котораго все пополнялись вновь прибывавшими, стремившимися на Д. В., но туда не пропущенными — военныя организаціи въ Иркутскѣ были сравнительно малочисленны, главнымъ образомъ по причинѣ скудости средствъ, при которыхъ, напримѣръ, рядовому офицеру возможно было платить не болѣе 100 рубл. въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ въ Омскѣ былъ установленъ наименьшій окладъ въ 250 рубл. Не безъ вліянія на слабый притокъ силъ въ боевыя военныя организаціи былъ, вѣроятно, и болѣе суровый режимъ, установленный въ Иркутскѣ въ отношеніи «контръ-революціи». Массы офицеровъ искали себѣ заработковъ въ разнообразнѣйшихъ профессіяхъ, въ томъ числѣ самыхъ тяжелыхъ видахъ физическаго труда, оставаясь внѣ существующихъ организацій. Изъ числа послѣднихъ наиболѣе значительной (до 400 чел.) и, можно сказать, единственной, заслуживающей вниманія, была та, во главѣ которой стоялъ прапорщикъ Т. со своимъ «коллективомъ»; въ Иркутскѣ не было и подобія самостоятельной безпартійной организаціи силою въ 800 офицеровъ, которая была обнаружена въ Томскѣ; здѣсь, въ Иркутскѣ, элементы, сторонившіеся отъ соціалистовъ, успѣли сложиться только въ небольшія ячейки, крайне перемѣннаго состава, которыя не имѣли данныхъ для развитія въ болѣе крупные организмы, почему въ концѣ концовъ, естественно, должны были слиться съ организаціей Т.

* Иркутскъ въ декабрѣ 1917 г. былъ ареной ожесточенныхъ боевъ, съ участіемъ артиллеріи, между большевиками и юнкерами, въ результатѣ чего значительная часть города обращена въ развалины.

Политическая окраска военной организаціи

Во главѣ послѣдней, еще за нѣсколько недѣль до моего прибытія въ Иркутскъ, стоялъ энергичный и немного нервный Ч., съ которымъ, какъ упоминалось, делегація познакомилась съ первыхъ же дней пребыванія въ Иркутскѣ. По его словамъ ушелъ онъ съ этого поста изъ-за расхожденія во взглядахъ съ состоявшимъ при немъ тѣмъ же коллективомъ. Однако, объясненія Ч. по этому поводу казались нѣсколько туманными и, вообще, о коллективѣ онъ отзывался безъ порицанія, говоря, что со времени его ухода многое измѣнилось къ лучшему.

Что касается политической окраски организаціи, о которой идетъ рѣчь, то, хотя она въ мѣстныхъ антибольшевицкихъ кругахъ и трактовалась какъ эс-эровская и руководители ея, по происхожденію, несомнѣнно являлись типичными представителями этой партіи, однако, сами они во многихъ случаяхъ заявляли о состоявшемся выходѣ ихъ изъ партіи и о безпартійности возглавляемой ими организаціи; къ атаману Семенову, который не въ однихъ только большевицкихъ кругахъ признавался монархистомъ или реакціонеромъ, относились безъ предубѣжденія, не отказываясь отъ открытаго сотрудничества съ нимъ; съ соціалистами, какъ видно будетъ дальше, не стѣснялись иногда входить въ острыя отношенія.

Знакомство съ политическими дѣятелями

Таковы были свѣдѣнія, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ личныхъ сношеній съ Т. и его товарищами; свѣдѣнія эти были подвергнуты повѣркѣ путемъ опроса постороннихъ организаціи лицъ. Изъ политическихъ дѣятелей, съ которыми делегаціи пришлось войти въ сношенія, заслуживаютъ упоминанія присяжный повѣренный Щ. и членъ партіи к.-д. Ъ...., изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Иркутска. Для делегаціи онъ былъ особенно полезенъ ввиду своихъ связей съ торгово-промышленнымъ классомъ*.

Знакомство съ Щ., хотя онъ, по извѣстнымъ мотивамъ, и отказался отъ непосредственнаго участія въ работѣ по активной борьбѣ съ большевизмомъ, принесло пользу въ отношеніи всесторонней информаціи о мѣстныхъ дѣлахъ и оказаннаго имъ содѣйствія къ установленію связи съ торгово-промышленниками. Представитель послѣднихъ г. Ы., приглашенный на одно изъ совѣщаній делегаціи съ гг. Щ. и Ъ., освѣдомившись о характерѣ организаціи, возглавляемой коллективомъ Т., причемъ, между прочимъ, было доведено до его свѣдѣнія, что по произведенной анкетѣ не болѣе 8—10 офицеровъ этой организаціи признали себя соціалистами, заявилъ о готовности торгово-промышленнаго класса оказать организаціи посильную денежную помощь при условіи, если она приметъ на себя нѣкоторыя обязательства, касающіяся ея программы и порядка управленія ею. Подробности этихъ обязательствъ предоставлялось выработать ввѣренной мнѣ делегаціи совмѣстно съ политическими дѣятелями Иркутска.

Финансированіе военной организаціи

Не останавливаясь на происходившихъ по этому поводу переговорахъ, о чемъ въ свое время было подробно донесено, считаю достаточнымъ здѣсь резюмировать результатъ работы делегаціи, выразившійся въ томъ, что, подобно тому, какъ имѣло мѣсто въ Омскѣ, удалось обезпечить, хотя въ значительно болѣе скромныхъ размѣрахъ, денежную помощь организаціи, выразившуюся на первое время въ единовременномъ взносѣ въ 35 000 рублей. Сумма эта была передана Т. лично мною въ присутствіи гг. А., Ш., Ъ., Ѣ. и др., причемъ условіемъ врученія перваго взноса ея было предварительное заявленіе получателя въ присутствіи поименованныхъ лицъ, что организація отказывается впредь отъ какой бы то ни было партійной принадлежности и политической дѣятельности, подчиняется въ военномъ отношеніи поставленному мною начальнику въ лицѣ полковника Ѣ., а въ политическомъ отношеніи обязуется руководствоваться указаніями

---

* Мнѣ лично г. Ъ. оказалъ большую услугу въ томъ отношеніи, что пріютилъ, несмотря на рискъ, у себя на квартирѣ, когда около половины мая по агентурнымъ даннымъ выяснилось, что мѣстный совдепъ близокъ къ тому, чтобы напасть на мои слѣды. Это обстоятельство вынудило меня выписаться изъ Иркутска подъ старой фамиліей и прописаться подъ новой, воспользовавшись припасеннымъ на всякій случай паспортомъ на имя мѣщанина . . .

группы лицъ подъ предсѣдательствомъ г-на Ъ., принявшей программу Л. Г. Корнилова за основу своей политической работы.

Характеристика полковника Ѣ

Вновь назначенный начальникъ организаціи полковникъ Ѣ., опытный строевой штабъ-офицеръ, командовавшій на войнѣ однимъ изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, представлялъ всѣ гарантіи, что управленіе организаціей и работа по дальнѣйшему ея усовершенствованію вестись будутъ въ духѣ началъ, на которыхъ строилась наша армія въ дореволюціонное время. Между прочимъ, ему было вмѣнено въ обязанность принять подъ свое начальство также и офицерскія организаціи ближайшихъ уѣздныхъ городовъ Иркутской губерніи, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ Нижнеудинская, представляли довольно внушительную силу. Организаціи эти, косвенно признававшія свою зависимость отъ коллектива Т., были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иркутской организаціей и играли нѣкоторую роль въ планѣ послѣдней, принявъ на себя обязательство, въ случаѣ выступленія въ Иркутскѣ, не пропускать туда эшелоновъ съ подкрѣпленіями идущими къ большевикамъ.

Характеристика работы дѣятелей коллектива

Выше я уже имѣлъ случай отмѣтить ту достойную поощренія энергичную дѣятельность, которую во многихъ случаяхъ проявляли члены коллектива Т. Въ рамки этой дѣятельности входило, кромѣ чисто военнаго управленія, также и кипучая политическая работа, заключавшаяся въ поддержаніи, путемъ агитаціи, антибольшевицкаго настроенія среди жел.-дор. рабочихъ, въ вербовкѣ себѣ въ ихъ средѣ активныхъ сотрудниковъ, распространеніи, насколько позволяли скудныя средства организаціи, листковъ и воззваній и т. п.

Для характеристики содержанія этой литературы, считаю полезнымъ остановиться на одномъ изъ такихъ воззваній, выпущенномъ во время пребыванія делегаціи въ Иркутскѣ съ ея вѣдома и подъ ея редакціей. Прокламація, о которой идетъ рѣчь, являлась отвѣтомъ на таковую же, выпущенную мѣстными военно-плѣнными *, въ которыхъ послѣдніе, опровергая обвиненіе ихъ такъ называемыми «семеновцами» въ работѣ на пользу германскаго имперіализма, выражали свою преданность идеѣ интернаціонала, которая будто бы является единственной побудительной причиной, заставляющей ихъ сражаться въ рядахъ красной арміи. Отвѣтъ, выпущенный прапорщикомъ Т., въ который г-номъ А. были внесены не существенныя поправки, заключалъ въ себѣ настолько рѣзкую, — въ духѣ истиннаго пониманія началъ государственности и патріотизма, — отповѣдь идеямъ, высказаннымъ въ прокламаціи военно-плѣнныхъ, что вся соціалистическая печать Иркутска не преминула ополчиться на авторовъ воззванія, обвиняя ихъ въ черносотенствѣ и т. п.

Во вниманіе къ ревностной работѣ извѣстныхъ делегаціи членовъ бывшаго коллектива на пользу организаціи, а также въ видахъ использованія ихъ знакомства съ бытомъ и нуждами послѣдней, по соглашенію моему съ полк. Ѣ., было рѣшено привлечь нѣкоторыхъ изъ нихъ къ работѣ въ штабѣ, который новый начальникъ организаціи долженъ былъ сформировать въ кратчайшій срокъ.

Планъ боевыхъ дѣйствій

Планъ боевыхъ дѣйствій, по вступленіи полк. Ѣ. въ командованіе и въ результатѣ происшедшихъ перемѣнъ въ обстановкѣ, подвергся переработкѣ и былъ окончательно утвержденъ мною непосредственно передъ выѣздомъ изъ Иркутска. Въ качествѣ способа дѣйствій оставалось по прежнему нечаянное нападеніе, съ захватомъ недостающаго оружія. Для вѣрности успѣха, по сдѣланнымъ исчисленіямъ, требовалась сила около 1000 человѣкъ, но, ввиду невозможности найти въ Иркутскѣ средства для содержанія отряда такой численности, меня просили изыскать необходимыя суммы на Дальнемъ Востокѣ, что я и обѣщалъ сдѣлать по возможности, условившись также относительно способа быстраго перевода въ Иркутскъ ожидаемыхъ къ полученію денегъ.

Содѣйствіе атаману Семенову въ форсированіи оборонительной линіи Байкала, въ планѣ, по прежнему, имѣлось въ виду принципіально, но подробности исполненія

* Иркутскъ съ перваго-же взгляда поражалъ своимъ обиліемъ военно-плѣнныхъ, особенно германцевъ (которые въ другихъ городахъ уступали первенство австро-венгерцамъ), а также той развязностью, съ которой они держали себя въ публичныхъ мѣстахъ.

подлежали выработкѣ послѣ тщательнаго производства развѣдокъ и установленія прочной связи съ атаманомъ, пользуясь отсрочкой, которую предоставлялъ состоявшійся отходъ его отряда, послѣ испытанныхъ неудачъ, къ границамъ Манчьжуріи.

Донесенія въ штабъ Д. А.

Заканчивая очеркъ пребыванія делегаціи въ Иркутскѣ, продолжавшагося три недѣли съ 4 по 25 мая, — считаю необходимымъ оговорить, что изъ Иркутска донесенія въ штабъ Д. А. посылались дважды — первый разъ около 15 мая съ тремя артиллерійскими офицерами, командированными въ Омскъ на усиленіе тамошней организаціи недостающими спеціалистами*, второй — съ женщиной-курьеромъ, г-жей Ь., которая должна была выѣхать изъ Иркутска два дня спустя послѣ отъѣзда делегаціи. Изъ Омска оба донесенія подлежали переотправкѣ попеченіемъ полк. Иванова, что, по докладу послѣдняго, и было имъ въ свое время исполнено, причемъ въ качествѣ курьеровъ посылались надежные офицеры. Извѣстно также, что донесеніе, которое везла г-жа Ь. сильно запоздало прибытіемъ въ Омскъ (болѣе мѣсяца) ввиду разыгравшихся въ концѣ мая и началѣ іюня на участкѣ жел. дороги Новониколаевскъ—Нижнеудинскъ военныхъ событій, прекратившихъ по ней сообщеніе.

Связь съ Омскомъ

Ожидаемыхъ донесеній изъ Омска и Томска делегація, вѣроятно, по причинѣ дефектовъ связи, также не получила, за исключеніемъ краткаго телеграфнаго сообщенія изъ Омска, въ которомъ условнымъ языкомъ сообщалось, что какія то обстоятельства задержали г. И. въ Западной Сибири и что препятствій къ продолженію делегаціей пути на Д. Востокъ не встрѣчается.

Обезпеченіе проѣзда на Д. В.

Ранѣе выѣзда изъ Иркутска, принимая во вниманіе условія полученія отъ мѣстнаго совдепа пропусковъ на Д. В. и тѣ драконовскія мѣры, которыя были установлены большевиками на пропускномъ пунктѣ на ст. Слюдянка (Кругобайкальской линіи), съ цѣлью пресѣченія дальнѣйшаго пути всѣмъ, внушающимъ малѣйшее подозрѣніе въ принадлежности къ офицерскому составу прежней арміи, необходимо было тщательно обдумать соотвѣтствующія мѣры предосторожности.

Особенно приходилось опасаться свирѣпствовавшаго на ст. Слюдянка комиссара Дашкова, слава о которомъ — въ извѣстномъ смыслѣ — гремѣла по всей Сибири, начиная съ Челябинска. По этимъ соображеніямъ, ввиду выяснившейся на практикѣ безполезности многихъ изъ полученныхъ делегаціей бумагъ съ руководящими указаніями, большая часть коихъ, къ тому же была извѣстна на память, значительное количество ихъ было передъ отъѣздомъ уничтожено. Все остальное, въ томъ числѣ «Наказъ делегаціи въ Сибирь», ключи для шифрованія, программа ген. Корнилова, удостовѣреніе личности, деньги, — спрятано надежно на служащихъ делегаціи. Для проѣзда выбранъ поѣздъ, который проходитъ Слюдянку глубокой ночью, — въ расчетѣ на меньшую внимательность чиновъ охраны въ это время сутокъ.

Благодаря перечисленнымъ и другимъ принятымъ мѣрамъ**, а главнымъ образомъ, вѣроятно, немолодому возрасту моему и г. А., делегаціи удалось, — несмотря на произведенный обыскъ, — избѣжать опасностей, которыя могли грозить ей на ст. Слюдянка. Дальнѣйшее путешествіе на Дальній Востокъ послѣ этого являлось уже почти обезпеченнымъ.

Маршрутъ дальнѣйшаго слѣдованія

Для слѣдованія изъ Иркутска въ Харбинъ былъ избранъ кружный маршрутъ Чита—Срѣтенскъ—Благовѣщенскъ—Хабаровскъ—Никольскъ-Уссурійскій, такъ какъ прямой путь черезъ ст. Манчьжурія и по Китайской Вост. жел. дорогѣ былъ недоступенъ по случаю военныхъ дѣйствій въ юго-восточной части Забайкалья. При этомъ крайняя пере-

---

* См. стр. 255. Командировать офицеровъ генер. штаба не оказалось возможнымъ ни изъ Томска, ни изъ Иркутска.

** Между прочимъ косвенной уликой въ случаѣ обыска могли явиться различные денежные расчеты, съ оправдательными документами по расходованію казенныхъ авансовъ. Чтобы избавиться отъ нихъ на время, они были отправлены заказными письмами во Владивостокъ, что повело къ утратѣ части ихъ по неисправности почты.

груженность поѣздовъ и задержки въ движеніи по еще не вполнѣ законченной постройкой и бѣдной подвижнымъ составомъ Амурской жел. дорогѣ побудила предпочесть водный путь по Шилкѣ и Амуру, по которымъ въ это время года предположительно уже должны были совершаться пароходные рейсы, обычно начинающіеся въ первыхъ числахъ мая ст. ст., — если тому не препятствуетъ мелководье на Шилкѣ*.

Настроеніе въ Забайкальѣ

Остановки въ Читѣ въ продолженіи одного дня, а въ Срѣтенскѣ, въ ожиданіи парохода, съ 28 по 31 мая, дали возможность нѣсколько ознакомиться съ общественнымъ настроеніемъ въ тылу большевицкаго, противосеменовскаго фронта, которое въ общемъ оказалось смѣшаннымъ, въ значительной степени подавленнымъ, но съ перевѣсомъ антибольшевицкихъ теченій. Однако, среди представителей казачьяго населенія вообще не наблюдалось симпатій къ атаману, Семенову. Разсказывали, что включенные Семеновымъ въ составъ его отряда казачьи части показали себя не особенно устойчивыми въ бою, а нѣкоторыя цѣликомъ передавались на сторону большевиковъ, что собственно и было причиной неудачи его такъ блестяще начатаго, майскаго наступленія. Результатъ возможнаго новаго наступленія оцѣнивался исключительно съ экономической точки зрѣнія, какъ могущій, въ случаѣ успѣха, открыть двери изъ обильной Манчьжуріи въ голодное Забайкалье.

Въ послѣдній день пребыванія въ Срѣтенскѣ члены делегаціи подверглись новому обыску, въ номерахъ гостиницы. Обыскъ и сопровождавшій его опросъ имѣли, впрочемъ, довольно поверхностный характеръ и производили впечатлѣніе, какъ будто это дѣлается только «для очистки совѣсти». Ничего уличающаго найдено не было и 31 мая делегація благополучно отплыла въ Благовѣщенскъ.

Остановка въ Благовѣщенскѣ

Перемѣна въ Благовѣщенскѣ парохода вызвала остановку въ этомъ городѣ на двое сутокъ (съ 5 по 7 іюня), которая была использована для ознакомленія, по разспросамъ, съ событіями, отдавшими городъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, окончательно во власть большевиковъ, и для посѣщенія расположеннаго на Амурѣ противъ Благовѣщенска Сахаляна, бойкаго китайскаго торговаго мѣстечка, имѣвшаго въ то время значеніе убѣжища для благовѣщенскихъ элементовъ, спасавшихся отъ предслѣдованій совѣтской власти. Съ цѣлью затрудненія сношеній ихъ съ Благовѣщенскомъ, грознымъ предсѣдателемъ мѣстнаго совдепа Мухинымъ были, между прочимъ, установлены строжайшія правила для пропуска на китайскій берегъ, причемъ мужчинамъ такіе пропуски выдавались не иначе, какъ въ случаяхъ исключительной надобности и самимъ Мухинымъ лично. Къ счастью, послѣдній, въ дни пребыванія делегаціи въ Благовѣщенскѣ, оказался настолько поглощеннымъ политической борьбой съ засѣдавшимъ въ это же время въ городѣ строптивымъ крестьянскимъ съѣздомъ, что выдачу пропусковъ довѣрилъ своему болѣе покладистому помощнику, котораго, съ помощью предъявленныхъ подложныхъ удостовѣреній какихъ то томскихъ кооперативовъ мнѣ и А., удалось убѣдить въ необходимости отпустить насъ въ Сахалянъ будто бы для закупокъ товара.

Поѣздка, впрочемъ, не дала особенно интересныхъ свѣдѣній, такъ какъ главные дѣятели январскаго выступленія, въ томъ числѣ атаманъ Амурскаго войска Гамовъ (изъ народныхъ учителей), довольно легкомысленно поднявшій возстаніе противъ большевиковъ, оказались въ отъѣздѣ; выяснилось, что собравшіеся въ Сахалянѣ офицеры еще не успѣли сорганизоваться и по недостатку средствъ испытываютъ лишенія; отношеніе китайскихъ властей къ нимъ не враждебное, но имѣвшееся оружіе отобрано подъ предлогомъ опасенія, что присутствіе вооруженнаго отряда можетъ повести къ

---

* Въ сущности, делегація направилась въ Срѣтенскъ на удачу, т. к. ни въ Иркутскѣ, ни даже въ Читѣ не оказалось не только признаковъ какого-либо расписанія движенія пароходовъ по Шилкѣ и Амуру, но даже свѣдѣній о томъ, что такое движеніе —грузовое или пассажирское — вообще открылось. Это можетъ служить лучшей характеристикой хозяйственныхъ порядковъ у большевиковъ, которые, съ захватомъ въ январѣ 1918 г. власти въ Благовѣщенскѣ, поспѣшили «національзировать» частныя пароходныя предпріятія Амурскаго бассейна, но не сочли нужнымъ принять элементарнѣйшія мѣры для привлеченія грузовъ и пассажировъ на захваченныя линіи.

переброскѣ военныхъ дѣйствій на китайскую территорію. — По разспросамъ и наблюденіямъ въ самомъ Благовѣщенскѣ выяснилось, что послѣ подавленія возстанія буржуазный классъ Благовѣщенска и всѣ внушавшіе подозрѣніе въ участіи въ выступленіи, подверглись безпощаднымъ преслѣдованіямъ, въ результатѣ чего городъ значительно пострадалъ и опустѣлъ, а наиболѣе крупныя торговыя предпріятія націонализированы. Отношеніе населенія къ зачинщикамъ возстанія, не сумѣвшимъ проявить необходимыхъ для успѣха его качествъ, отрицательное. Сверженіе большевицкой власти впредь мыслится не иначе, какъ при активной поддержкѣ какой нибудь внѣшней силы. Состоявшійся въ городѣ «съѣздъ трудящихся», — преимущественно крестьянъ — сначала доставилъ властямъ много хлопотъ, но обычными пріемами враждебныя совдепу выступленія удалось постепенно свести на нѣтъ и даже добиться выбора Ленина и Троцкаго въ почетные предсѣдатели съѣзда.

Слухи о выступленіи чехословаковъ

Еще въ Читѣ и Срѣтенскѣ, а въ болѣе опредѣленной формѣ въ Благовѣщенскѣ, до делегаціи дошли слухи о состоявшихся въ послѣднихъ числахъ мая, на значительномъ протяженіи Сибирской желѣзной дороги, боевыхъ столкновеніяхъ между совѣтскими войсками съ одной стороны и слѣдовавшими по жел. дорогѣ въ восточномъ направленіи эшелонами чехо-словацкаго корпуса, въ другой.

Несмотря на старанія совѣтской цензуры умалить значеніе этихъ событій и по возможности скрыть ихъ отъ общества, слухи объ одержанныхъ чехо-словаками успѣхахъ возникали все чаще и чаще. Досадное впечатлѣніе произвело объявленное официальное сообщеніе о заключенномъ между враждующими сторонами, при посредничествѣ французскаго консула въ Иркутскѣ Буржуа, и др. иностранцевъ, — перемиріи по 10-е іюня.

г. Хабаровскъ

Въ Хабаровскѣ совѣтская власть утвердилась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ тѣхъ глубокихъ потрясеній, которыми водвореніе ея сопровождалось въ Благовѣщенскѣ и особенно въ Иркутскѣ. Вѣроятно, по этой причинѣ городъ, въ который делегація прибыла утромъ 10 іюня, при бѣгломъ осмотрѣ не производилъ впечатлѣнія запустѣнія, наблюдавшагося въ двухъ другихъ названныхъ центрахъ. Торговыхъ предпріятій совдепъ, руководимый здѣсь Краснощековымъ (онъ же Тобельсонъ), не успѣлъ національзировать, и магазины производили впечатлѣніе наполненности, сравнительно съ тѣмъ безтоварьемъ, которое наблюдалось въ Иркутскѣ и особенно въ Омскѣ.

Въ Хабаровскѣ, какъ оказалось, не были также установлены тѣ стѣснительныя правила для полученія права на выѣздъ, повсемѣстно установленныя совдепами въ Сибири и часто поражавшія своею безсмысленностью*.

Послѣ пребыванія въ Хабаровскѣ всего нѣсколько часовъ, делегація, освѣдомившись о закрытіи пути Никольскъ-Уссурійскій—Харбинъ въ районѣ станціи Пограничной, выѣхала по ж. дорогѣ во Владивостокъ.

Встрѣча съ чехословаками

Во время пути, на одной изъ станцій, былъ встрѣченъ подъ видомъ санитарнаго поѣзда чехо-словацкій воинскій эшелонъ, человѣкъ въ 150 до 200. На разспросы пассажировъ о назначеніи эшелона, нѣкоторые изъ офицеровъ объяснили, что эшелонъ направлялся во Владивостокъ, но, узнавъ о событіяхъ въ Сибири, офицеры и солдаты по собственной иниціативѣ рѣшили повернуть обратно, чтобы идти на выручку своимъ братьямъ, причемъ они не

---

* Только единственный разъ при полученіи «пропусковъ», а именно въ Иркутскѣ, пришлось видѣть, что должностное лицо, выдававшее пропуски, тщательно осматривало предъявленные виды на жительство и справлялось по какому то списку, очевидно заключавшему фамиліи лицъ, не подлежащихъ выпуску. Также только одинъ разъ, а именно въ Челябинскѣ, случилось наблюдать извлеченіе совдепомъ дохода изъ выдачи пропусковъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ крайне стѣснительная для обывателей обязанность выбирать пропуски являлась чистѣйшей формальностью, установленіе которой было бы совершенно непонятно, если не признать правильность объясненія, часто слышаннаго въ толпѣ, что это дѣлается «чтобы показать свою власть».

сомнѣваются, что ихъ примѣру послѣдуетъ и чехо-словацкая дивизія, уже собравшаяся во Владивостокѣ.

Неудача попытокъ вступить въ сношенія съ чехо-словаками

Эта встрѣча съ чехо-словаками, сыгравшими такую крупную роль въ сверженіи въ Сибири совѣтской власти, была для делегаціи не первой. Еще въ бытность въ Омскѣ, около половины апрѣля, были получены свѣдѣнія о слѣдованіи съ юга Россіи, многими десятками эшелоновъ, чехо-словацкаго корпуса тысячъ въ 60, сформированнаго въ 1917 году въ Россіи и съ разрѣшенія «совнаркома» направляемаго во Владивостокъ, для перевозки на французскій фронтъ. Естественно явилось предположеніе о возможности использованія этой силы для борьбы съ большевиками. Хотя еще до выѣзда въ Сибирь у делегаціи имѣлись свѣдѣнія, что генералъ Алексѣевъ безуспѣшно пытался получить для Добровольческой Арміи нѣкоторую косвенную поддержку отъ чехо-словацкаго корпуса, находившагося въ то время въ раіонѣ Кіева, въ Омскѣ делегаціей были сдѣланы шаги вступленія въ сношенія съ проходящими эшелонами. Попытки не удались ввиду отсутствія желанія у другой стороны выйти изъ своего состоянія строгаго нейтралитета въ отношеніи русскихъ «внутреннихъ дѣлъ».

Несмотря на неискренность совѣтскихъ властей въ отношеніи чехословацкихъ войскъ, питаемую тайной боязнью, что послѣднія могутъ обратить противъ нихъ свое оружіе, и чинимыя чехо-словакамъ, подъ вліяніемъ этого страха, (а можетъ быть и директивъ изъ Берлина) препятствія на пути ихъ слѣдованія изъ Пензы во Владивостокъ, чехо-словацкое военное начальство неизмѣнно и демонстративно продолжало держаться политики нейтралитета, упорно отказываясь отъ вступленія съ русскими въ какія бы то ни было сношенія по дѣламъ нашей внутренней политики*.

Слѣдуя по Сибирской жел. дорогѣ делегаціи приходилось иногда обгонять задержанные на станціяхъ чешскіе эшелоны и видѣть ихъ томящихся отъ бездѣйствія и скуки, крайне озлобленныхъ за чинимыя имъ задержки людей, но тѣмъ не менѣе при вступленіи съ послѣдними въ разговоръ они неизмѣнно повторяли, повидимому, затверженную формулу о невмѣшательствѣ въ русскія дѣла.

Вооруженное выступленіе чехо-словаковъ въ Сибири

Будь совѣтскія власти въ Сибири дальновиднѣе, онѣ поспѣшили бы въ интересахъ самосохраненія поскорѣе доставить чеховъ во Владивостокъ, отнюдь не оставляя этого опаснаго горючаго матеріала раскинутымъ по всей странѣ, тѣмъ болѣе, что совдепы, слѣдившіе черезъ своихъ агентовъ за каждымъ шагомъ чехо-словаковъ, не могли не знать, что, несмотря на офиціальное разоруженіе, эшелоны сохранили нѣкоторое количество винтовокъ, пулеметовъ и ручныхъ гранатъ. Но повидимому покорность велѣніямъ изъ Берлина настолько затмевала ихъ здравый смыслъ, что «Центро-Сибирь» и подчиненные ей органы сочли возможнымъ принять къ исполненію полученный въ концѣ мая приказъ Троцкаго, коимъ указывалось окончательно обезоружить и задержать чехо-словацкій корпусъ, съ интернированіемъ солдатъ на мѣстахъ и изолированіемъ офицеровъ въ особыхъ концентраціонныхъ лагеряхъ. О существованіи такого приказа делегаціи, впрочемъ, стало извѣстно много позднѣе, почему выступленіе чеховъ въ Сибири сначала представлялось не совсѣмъ понятнымъ послѣ слышанныхъ столько разъ увѣреній въ «нейтралитетѣ»; самый ходъ событій, ввиду скудости извѣстій, тщательно просѣиваемыхъ цензурой, также казался неяснымъ въ теченіе первыхъ недѣль послѣ выступленія.

Впослѣдствіи уже выяснилось, что приказъ Троцкаго, который, повидимому, чехо-словакамъ мѣстами сталъ извѣстенъ ранѣе, чѣмъ было приступлено къ его исполненію, въ другихъ же случаяхъ начатъ исполненіемъ безъ необходимой твердости и самоувѣренности, явился каплей, которая переполнила чашу долготерпѣнія чехо-словаковъ,

---

* Послѣ ликвидаціи большевизма чехи тотчасъ же отказались отъ нейтралитета, весьма назойливо вмѣшиваясь въ русскія внутреннія дѣла, главнымъ образомъ въ смыслѣ оказанія поддержки соціалистическимъ элементамъ

заставивъ ихъ выступить активно, съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, результатъ этого выступленія первоначально представился сомнительнымъ, ввиду недостатка у чеховъ оружія и разброски ихъ, въ числѣ не болѣе 10—15 тысячъ человѣкъ, вдоль всей Сибирской магистрали западнѣе Байкала, т. к. первые эшелоны уже успѣли подтянуться къ Владивостоку, а главныя силы корпуса еще не выходили изъ Евр. Россіи, — въ то время какъ совѣтскія войска въ раіонѣ той же магистрали превосходили чеховъ числомъ въ нѣсколько разъ.

Первые шаги во Владивостокѣ

Свѣдѣнія о всѣхъ этихъ событіяхъ на Дальній Востокъ поступали съ большимъ запозданіемъ. Въ теченіе недѣли, съ 11 по 18 іюня, которую делегація провела во Владивостокѣ, не было получено сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній, что произошло въ Сибири послѣ истеченія срока заключеннаго по 10-е іюня перемирія*.

Хорошо мнѣ знакомый мѣстный англійскій консулъ, г. Ходсонъ (Hodgson), у котораго я разсчитывалъ информироваться, только могъ сообщить мнѣ свои основанныя на слухахъ предположенія, сводившіяся къ тому, что чехо-словаки продолжаютъ въ Сибири бороться и что положеніе ихъ тяжелое; это обстоятельство, вѣроятно, ускоритъ военную интервенцію, по поводу которой пока еще ведутся переговоры между державами. Возможно, по мнѣнію г. Ходсона, что по этимъ соображеніямъ и подъ предлогомъ отсутствія въ Тихомъ океанѣ соотвѣтствующаго тоннажа, будетъ временно задержана во Владивостокѣ собравшаяся тамъ чехо-словацкая дивизія.

Отсутствіе признаковъ близости интервенціи

Однако, эта дивизія, на которую по предположеніямъ консула могла выпасть роль осуществленія военнаго вмѣшательства державъ, занятая разными національными празднествами и спортивными состязаніями, по моимъ наблюденіямъ, совершенно не имѣла вида части, готовящейся къ выступленію въ походъ.

Вооруженныя силы союзниковъ во Владивостокѣ въ то время были представлены нѣсколькими крейсерами и устарѣвшими броненосцами на рейдѣ, съ которыхъ спускались небольшія команды для охраны консульствъ и патрулированія по городу.

Ликвидація военной организаціи

Мѣстный совдепъ, опасаясь, вѣроятно, подъ вліяніемъ событій въ Сибири возможнаго выступленія военной организаціи, за нѣсколько дней до прибытія во Владивостокъ ввѣренной мнѣ делегаціи заключилъ въ тюрьму наиболѣе видныхъ изъ проживавшихъ здѣсь офицеровъ, которые предположительно и по свѣдѣніямъ совѣтской агентуры являлись главарями организаціи; въ числѣ ихъ оказался и дѣйствительный руководитель послѣдней полковникъ Э., надъ которымъ назначили слѣдствіе, и другіе участники. Союзные представители во Владивостокѣ, хорошо освѣдомленные о существованіи офицерской организаціи и поддерживавшіе съ ней тайныя сношенія, на произведенные аресты реагировали только въ томъ смыслѣ, что «по соображеніямъ гуманности» просили совдепъ о примѣненіи къ заключеннымъ болѣе мягкаго режима. Организація, лишенная своихъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, угрожаемая терроромъ большевиковъ, временно замерла.

Трудность условій работы во Владивостокѣ

Такимъ образомъ, по наблюденіямъ, за время съ 11 по 18 іюня ничто не предвѣщало скораго наступленія во Владивостокѣ какихъ нибудь рѣшительныхъ событій. Между тѣмъ работа въ этомъ городѣ для меня была обставлена болѣе трудными условіями, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Сибири, такъ какъ здѣсь, въ прежнее время, я прожилъ въ общей сложности около десяти лѣтъ, входя въ соприкосновеніе съ широкими слоями мѣстнаго населенія. Неожиданныя и нежелательныя встрѣчи при этомъ условіи могли случаться ежедневно, въ чемъ и пришлось убѣдиться въ первые же дни пребыванія въ городѣ, когда за ненахожденіемъ помѣщенія, делегація была принуждена ютиться въ залѣ 1 класса мѣстнаго жел. дор. вокзала**.

---

* См. стр. 266.

** Послѣдніе дни пребыванія во Владивостокѣ, благодаря содѣйствію г. Ходсона, удалось прожить въ полной безопасности въ квартирѣ одного изъ его соотечественниковъ.

Также проходя по улицамъ, чего нельзя было избѣжать, мнѣ то и дѣло приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ людьми, которые съ удивленіемъ вглядывались въ меня, какъ будто что-то припоминая, и далеко не во всѣхъ такихъ случаяхъ можно было разсчитывать на скромность встрѣченнаго и его благожелательное отношеніе. Предсѣдатель совдепа, бывшій студентъ Сухановъ оказался сыномъ моего стараго знакомаго и въ прежнее время могъ часто видѣть меня въ домѣ своихъ родителей.

Формированіе въ Харбинѣ новой государственной власти

Вмѣстѣ съ тѣмъ во Владивостокѣ не оказалось и того правительства, которое делегація искала на Д. В. съ цѣлью вступленія съ нимъ въ сношенія. Собранныя въ этомъ отношеніи справки подтвердили фактическое существованіе сибирскаго, дерберовскаго правительства въ Харбинѣ, но также указывали на производящіяся тамъ попытки образовать другую, болѣе жизнеспособную, государственную власть, которая бы могла принять на себя задачу возстановленія Россіи. Стремленія эти, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, сосредоточивались главнымъ образомъ въ «Дальневосточномъ комитетѣ» и около личности управляющаго Кит. Вост. жел. дорогой генералъ-лейтенанта Хорвата.

Отъѣздъ изъ Владивостока

Таковы были свѣдѣнія, полученныя во Владивостокѣ отъ нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ преимущественно къ числу близкихъ знакомыхъ по прежнему времени, которымъ я счелъ возможнымъ открыться. Данныя эти указывали на необходимость не откладывать отъѣзда въ Харбинъ, но жел. дор. сообщеніе съ послѣднимъ оказалось прерваннымъ вслѣдствіе существованія близъ государственной границы боевого фронта большевиковъ, обращеннаго противъ отряда атамана Калмыкова; такимъ образомъ для поѣздки въ Харбинъ оставался только кружный путь моремъ черезъ Японію или Корею и далѣе на Мукденъ—Харбинъ. Однако, чтобы воспользоваться имъ надлежало предварительно получить разрѣшеніе на выѣздъ, что при необходимости, по дѣйствовавшему порядку, лично явиться за паспортомъ въ совдепъ и подвергнуться тамъ опросу о причинахъ вызывающихъ надобность отъѣзда за границу, для меня, по изложеннымъ выше причинамъ, представлялось довольно рискованнымъ.

Этой процедуры удалось избѣжать благодаря содѣйствію одного изъ моихъ знакомыхъ, который устроилъ мнѣ и А. тайный отъѣздъ на японскомъ грузовомъ пароходѣ Саніо-Мару, безъ паспорта и разрѣшенія совдепа. Маршрутъ поѣздки былъ намѣченъ слѣдующій: моремъ изъ Владивостока въ корейскій портъ Гензанъ, далѣе по жел. дорогѣ черезъ Сеулъ, Антунь и Мукденъ въ Харбинъ. Ввиду дороговизны заграничнаго пути*, служащіе были оставлены во Владивостокѣ впредь до открытія жел. дорожнаго сообщенія.

Свѣдѣнія, собранныя во Владивостокѣ

Недѣльное пребываніе во Владивостокѣ въ общемъ дало немного матеріала въ отношеніи разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, ради которыхъ делегація прибыла на Дальній Востокъ; въ частности, по вопросу о военной интервенціи союзниковъ, которой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Сибири, пришлось убѣдиться, что еще нѣтъ особенныхъ данныхъ къ тому, чтобы считать ее близкой и неизбѣжной. Выше было приведено мнѣніе по этому поводу англійскаго консула; японскій консулъ въ бесѣдѣ по тому же вопросу выразился еще болѣе сдержанно, заявивъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о намѣреніи своего правительства принять участіе въ интервенціи, несмотря на то, что вмѣшательство въ русскія дѣла (съ цѣлью противодѣйствія планамъ Германіи относительно Д. Востока) предусмотрѣно въ опубликованномъ въ газетахъ японо-китайскомъ соглашеніи, офиціальный текстъ коего имъ, консуломъ, впрочемъ, еще не полученъ. Присутствіе во Владивостокѣ вооруженныхъ силъ союзниковъ, ихъ представителями офиціально истолковывалось исключительно какъ мѣра, направленная во

* За нѣсколько дней до прибытія делегаціи во Владивостокъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ событій въ Сибири, произошло рѣзкое паденіе курса рубля, съ 3 рублей съ небольшимъ за японскую іену, до 6 слишкомъ рублей за ту же единицу (1 іена = 0,98 золот. рубля)

первыхъ, къ недопущенію вывоза изъ Владивостока сосредоточеннаго въ его порту огромнаго имущества, которое могло бы послужить на пользу Германіи, а во вторыхъ, — къ защитѣ жизни и имущества иностранныхъ подданныхъ, угрожаемыхъ народными волненіями; послѣдній мотивъ оставался въ силѣ и въ случаѣ болѣе крупнаго сравнительно съ ежедневнымъ нарядомъ десанта, который предполагалось высадить, если бы въ городѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе. Однако, неофиціально, въ болѣе интимныхъ разговорахъ, вполголоса сообщалось, что въ этомъ случаѣ, подъ видомъ защиты иностранцевъ, было бы все таки оказано нѣкоторое благопріятствованіе врагамъ совѣтской власти.

Напротивъ, отношеніе къ послѣдней со стороны иностранныхъ консуловъ и военныхъ начальниковъ было только сухо официальное, что же касается дѣятелей совдепа, то они иностранцамъ отвѣчали довольно откровенной ненавистью, неустанно ища случая уличить ихъ въ сношеніяхъ съ «контръ-революціонерами».

Въ общемъ мѣстный совдепъ, руководимый осторожнымъ К. А. Сухановымъ, мало стѣснялся присутствія вооруженныхъ силъ союзниковъ, дѣйствуя по обычнымъ большевицкимъ трафаретамъ и избѣгая лишь слишкомъ рѣзкихъ мѣръ, которыя могли бы вызвать протестъ по гуманитарнымъ соображеніямъ. Однако, ввиду недавняго сравнительно функціонированія во Владивостокѣ совѣтской власти, которая только въ мартѣ 1918 г. окончательно утвердилась, послѣ разгона областного земскаго собранія и городской думы, здѣсь многое изъ «буржуазнаго» и «капиталистическаго» строя жизни, уже давно упраздненное въ центральной совдепіи, продолжало пока оставаться въ неприкосновенности, въ томъ числѣ, напримѣръ, функціонированіе судебныхъ учрежденій, къ закрытію коихъ было только что приступлено. Въ общемъ совѣтскій режимъ не успѣлъ еще особенно сильно отразиться на мѣстной общественной жизни, которая продолжала сохранять свойственныя ей внѣшнія формы и оживленіе.

Условной телеграммой въ Иркутскъ, на имя г. Ъ., передъ отъѣздомъ кратко сообщено о результатахъ посѣщенія Владивостока; между прочимъ и о томъ, что денегъ для иркутской организаціи здѣсь добыть не удалось и что делегація постарается сдѣлать это въ Харбинѣ*.

Путевыя впечатлѣнія

Въ Харбинъ мы прибыли 24-го іюня**. Въ пути, продолжавшемся 5 дней, при остановкѣ въ теченіе около сутокъ въ Сеулѣ, пришлось отмѣтить — правда по бѣглому осмотрѣ — значительные успѣхи въ культурномъ отношеніи, сдѣланные посѣщенными мѣстами, со времени предыдущаго знакомства съ ними, относящагося къ періоду до русско-японской войны. Особенно поражалъ въ этомъ отношеніи городъ Сеулъ.

Японскія желѣзныя дороги, принадлежащія двумъ обществамъ, Корейскому и Южно-Манчьжурскому, оказались въ блестящемъ состояніи. Въ Манчьжуріи замѣчена эксплоатація на широкую ногу естественныхъ богатствъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, залежей каменнаго угля въ раіонѣ мѣстечка Беньсиху, пріобрѣвшаго печальную извѣстность со времени шахэйскаго наступленія нашей Манчьжурской арміи въ сентябрѣ 1904 г. Станціи нашей бывшей южно-манчьжурской вѣтки и поселки въ полосѣ отчужденія, какъ напримѣръ у станціи Мукденъ, преобразились до неузнаваемости. Разница въ состояніи желѣзныхъ дорогъ японскихъ и нашихъ особенно бросалась въ глаза при пересадкѣ на станціи Чанчунъ (Куанченцзы) и производила удручающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что Кит. Вост. жел. дорога, сравнительно съ сибирскими, а особенно россійскими, могла считаться выдающеюся по своему благоустройству.

Присутствіе въ предѣлахъ японской концессіи охраны замѣчалось повсюду, но нигдѣ не приходилось видѣть скопленія войскъ или подвижного состава, которое указывало бы на предстоящія воинскія перевозки.

* Изъ Харбина въ началѣ іюля переведены 50 000 рублей, полученные отъ ген. Хорвата.

** Дней 7—8 спустя къ намъ присоединились оставленные во Владивостокѣ служащіе, которые по собственной инициативѣ выѣхали по желѣзной дорогѣ и съ большими трудностями, пройдя болѣе 100 верстъ пѣшкомъ, пробрались черезъ большевицкій фронтъ, на станцію Пограничную, гдѣ находился штабъ отряда атамана Калмыкова.

Сводка предыдущихъ свѣдѣній

Приступая къ описанію пребыванія делегаціи въ Харбинѣ, считаю необходимымъ предпослать ему небольшой очеркъ, резюмирующій данныя, собранныя во время предыдущей работы делегаціи въ Сибири, и опредѣляющій послѣдующіе этапы ея дѣятельности, какъ они въ то время намѣчались.

Ко времени чехо-словацкаго выступленія въ маѣ 1918 г. положеніе въ Сибири было таково, что не давало основаній надѣяться на возможность сверженія большевицкой власти безъ помощи извнѣ.

Офицерскія организаціи, не насчитывающія въ каждомъ изъ крупныхъ центровъ и тысячи бойцовъ (единственное исключеніе представлялъ Томскъ, съ 1500 челов.) и двухъ-трехъ сотенъ во второстепенныхъ городахъ, плохо вооруженныя и снабженныя, лишенныя твердаго руководства испытанныхъ боевыхъ начальниковъ, подверженныя тлетворному вліянію политическихъ партій, скудно обставленныя въ отношеніи удовлетворенія насущныхъ матеріальныхъ потребностей, ежечасно угрожаемыя предательствомъ своихъ сочленовъ*, — при такомъ состояніи не могли считаться надежной боевой силой, способной къ веденію систематичной и упорной борьбы съ совѣтскими войсками, во много разъ превосходившими ихъ числомъ и богато снабженными пулеметами и артиллеріей. Значительная часть красной арміи къ тому же состояла изъ хорошо организованныхъ военно-плѣнныхъ мадьяръ и германцевъ, которые въ боевомъ отношеніи представляли надежную силу, болѣе чѣмъ уравновѣшивавшую малую боевую годность красныхъ русскихъ частей.

Единственно чего можно было ожидать отъ офицерскихъ организацій — это временнаго захвата власти въ мѣстѣ своего постояннаго квартированія путемъ нечаяннаго нападенія; продолжительность удержанія власти въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣла отъ близости расположенія другихъ совѣтскихъ войскъ, отъ успѣха мѣръ по перерыву для послѣднихъ желѣзнодорожнаго сообщенія и отъ одновременности выступленія военныхъ организацій въ другихъ пунктахъ; но второе условіе требовало наличія достаточнаго количества взрывчатыхъ веществъ и подготовленныхъ спеціалистовъ, что не вездѣ имѣлось, а третье — являлось трудно осуществимымъ по дефектамъ связи и отсутствію единой высшей власти, которая имѣла бы возможность требовать безпрекословнаго повиновенія. Во всякомъ случаѣ, даже при наилучшихъ условіяхъ, офицерскія организаціи въ большинствѣ крупныхъ центровъ не могли разсчитывать удержать захваченную власть долѣе 1—2 недѣль, послѣ чего неминуемо должна была наступить реакція.

Не лучше обстояло дѣло и въ отношеніи политической подготовки. Преобладающее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежало городамъ, въ которыхъ, однако, враждебные большевизму элементы ни числомъ, ни по своей организаціи не представляли силы, которая могла бы съ успѣхомъ выступить противъ совѣтской власти, поддерживаемой большинствомъ пролетаріата, — все еще обольщеннаго тѣми матеріальными благами, которыя доставило ему торжество большевизма. Какъ неоднократно упоминалось, партія народной свободы принципіально отказывалась отъ активной борьбы и только отдѣльныя личности изъ ея состава, принадлежащія къ наиболѣе энергичнымъ ея представителямъ, сочли возможнымъ пренебречь директивами своего центральнаго комитета, фиктивно выйдя для этого изъ партіи. Эти лица, съ участіемъ уцѣлѣвшихъ представителей торгово-промышленнаго класса, самоотверженно работали по оказанію поддержки военнымъ организаціямъ, но средства ихъ были ограничены и они не создавали себѣ иллюзій относительно возможности обойтись безъ помощи извнѣ, разсматривая мѣстную боевую силу только какъ вспомогательную въ отношеніи арміи, ожидаемой съ востока. Своей работы они не ограничивали городами, ведя агитацію также среди крестьянства и казачества, но хотя здѣсь, особенно среди послѣдняго, настроеніе большинства и не было благопріятно совѣтской власти, однако, по пассивности этихъ массъ онѣ не могли сыграть роли въ установленіи того или другого режима въ большихъ городахъ.

* О такихъ случаяхъ приходилось слышать въ каждомъ изъ посѣщенныхъ городовъ.

Обособленно отъ другихъ общественныхъ группъ стояли такъ называемые «фронтовики», къ которымъ примыкали «союзы увѣчныхъ воиновъ». Число фронтовиковъ было не велико, т. к. большинство солдатъ, вернувшихся съ войны, успѣло уже раствориться въ общей массѣ населенія; союзы фронтовиковъ въ большихъ городахъ насчитывали по нѣсколько сотъ — рѣдко до тысячи — членовъ. Отношеніе ихъ къ большевизму было большею частью отрицательное, но не по идейнымъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ изъ оппозиціи предположеніямъ большевицкой власти принудительно привлечь ихъ къ службѣ въ красной арміи и крутымъ мѣрамъ, которыя проводились тою же властью для искорененія спекуляціи, — «мѣшечничества» — составлявшаго излюбленное занятіе фронтовиковъ и увѣчныхъ; съ другой стороны, имѣя на совѣсти тяжкія преступленія въ отношеніи офицеровъ прежней арміи и считая дѣломъ чести наружно поддерживать свой «пролетарскій» обликъ, тѣ же фронтовики — въ массѣ разбогатѣвшіе, излѣнившіеся и разнузданные, въ большинствѣ чуждались общенія съ офицерскими организаціями и буржуазными элементами, которые отвѣчали имъ такимъ же недовѣріемъ, далеко не лишеннымъ основаній, такъ какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, когда фронтовики участвовали въ тайныхъ организаціяхъ, они нерѣдко оказывались предателями.

Кромѣ перечисленныхъ элементовъ, совѣтская власть въ Сибири имѣла еще довольно многочисленныхъ враговъ въ лицѣ соціалистовъ умѣренныхъ толковъ, игравшихъ преобладающую роль въ богатыхъ и вліятельныхъ сибирскихъ кооперативахъ; но сомнѣніе, основанное на опытѣ всей русской революціи, относительно способности вообще соціалистическихъ партій съ успѣхомъ участвовать въ государственномъ строительствѣ, равно какъ и роль, которую въ концѣ 1917 года сыграли сибирскіе соціалисты въ отношеніи созданія условій, содѣйствовавшихъ побѣдѣ большевизма, исключали для несоціалистическихъ элементовъ возможность тѣснаго сотрудничества съ ними, основаннаго на взаимномъ довѣріи.

При указанныхъ условіяхъ освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти, которое во избѣжаніе окончательнаго разрушенія государства не могло быть откладываемо на долгій срокъ, мыслилось не иначе какъ путемъ воздѣйствія нѣкоторой внѣшней силы, послѣднюю же представляли себѣ въ видѣ союзной арміи, высаженной во Владивостокѣ, или русскихъ добровольческихъ войскъ, сформированныхъ при содѣйствіи союзниковъ въ Манчьжуріи. Тамъ же на Дальнемъ Востокѣ естественно ожидалось и образованіе временнаго россійскаго правительства, которое, подвигаясь подъ прикрытіемъ вооруженной силы на западъ, постепенно утверждало бы свое господство въ странѣ.

Отношеніе къ вопросу объ интервенціи

Ввѣренная мнѣ делегація должна была по возможности ускорить процессъ образованія этого правительства и его выступленія въ качествѣ активнаго фактора, поддержаннаго силой оружія, почему политическіе дѣятели западной и центральной Сибири и торопили нашъ отъѣздъ на Дальній Востокъ. Однако, ко времени выѣзда делегаціи съ Дона вопросъ о союзнической интервенціи въ широкихъ размѣрахъ еще не подымался и никакихъ указаній по этому поводу въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ не было: ожидать, что такія указанія могли послѣдовать дополнительно, при существующихъ условіяхъ связи, не приходилось. По этимъ соображеніямъ вопросъ объ отношеніи делегаціи къ иностранному вмѣшательству надлежало рѣшить самостоятельно на основаніи данныхъ обстановки.

Послѣ обсужденія этого вопроса еще въ пути отъ Срѣтенска до Хабаровска, мы съ г. А. пришли къ заключенію, что по существу задачъ, которыя поставилъ себѣ учрежденный М. В. Алексѣевымъ союзъ, въ число коихъ входило и возобновленіе, въ сотрудничествѣ съ союзными державами, борьбы противъ Германіи, идея военной интервенціи союзниковъ, предпринимаемой во имя возстановленія русскаго, противогерманскаго фронта, упраздненнаго большевиками, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что давало бы основаніе противодѣйствовать ея осуществленію. Возможность неблагопріятныхъ послѣдствій такой интервенціи въ смыслѣ ущерба крупнымъ государственнымъ интересамъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ и въ Сибири исклю-

чалась по соображеніямъ о несомнѣнномъ существованіи взаимнаго соперничества* державъ, что же касается менѣе существенныхъ компенсацій, которыя пришлось бы предоставить за оказанную помощь, то онѣ окупались бы во много разъ возстановленіемъ единства и цѣлости Россіи.

Опредѣливъ свое отношеніе къ вопросу о военной интервенціи союзниковъ, делегаціи оставалось такимъ образомъ, по прибытіи въ Харбинъ, сдѣлать выборъ между тѣми или другими организаціями, претендующими на государственную власть, и предложить свое сотрудничество той изъ нихъ, которая по задачамъ и программѣ оказалась бы наиболѣе близкой къ «Союзу защиты родины и свободы», стремясь къ скорѣйшему осуществленію плана о постепенномъ распространеніи власти съ Дальняго Востока въ Сибирь и далѣе вглубь Европейской Россіи, на сліяніе съ организаціей ген. Алексѣева.

Характеристика Сибирскаго правительства

Въ предыдущемъ изложеніи приходилось уже неоднократно упоминать объ организаціи, присвоившей себѣ наименованіе «Правительства Автономной Сибири», фактическое существованіе которой на Д. В. несомнѣнно устанавливалось. Однако, попутно отмѣчалось также, что первоначальныя, полученныя въ Омскѣ, свѣдѣнія о сибирскомъ правительствѣ, рисовавшія его въ извѣстномъ ореолѣ, постепенно тускнѣли по мѣрѣ продвиженія делегаціи съ запада на востокъ. Такъ постепенно отпадали приписанные ему атрибуты будто бы состоявшагося признанія его широкими кругами населенія и союзными державами и обладанія большими денежными ресурсами; во Владивостокѣ уже опредѣленно выяснилось, что попытка дерберовской организаціи войти въ коалицію съ цензовыми элементами не имѣла никакого успѣха ни въ Харбинѣ, ни во Владивостокѣ и что расположенныя въ районѣ Кит. Вост. жел. дороги войска, дѣйствительно состоявшія до послѣдняго времени подъ начальствомъ генерала Пѣшкова, ни въ малѣйшей степени не подчиняются военному министру Сибирскаго Правительства подполк. Краковецкому.

Былъ ли г. О. искрененъ, когда распространялъ въ Омскѣ свѣдѣнія о пославшемъ его правительствѣ — или нѣтъ — это не могло измѣнить неизбѣжнаго вывода изъ вышеизложеннаго, что для распространенія своего вліянія эта организація прибѣгаетъ къ пріемамъ, не свидѣтельствующимъ о ея дѣйствительной политической силѣ и внутреннемъ достоинствѣ.

Все это подтвердилось въ первые же дни пребыванія въ Харбинѣ, гдѣ дополнительно выяснено, что опору дерберовскаго правительства составляютъ только соціалистическіе, преимущественно эс-эровскіе, круги и что хотя оно заявляло о готовности исключить изъ своей программы пункты, которые могли составить препятствіе къ соглашенію съ цензовыми элементами, но соглашеніе — по отсутствію довѣрія не только къ программѣ, но и къ персональнымъ качествамъ членовъ дерберовской организаціи, — не состоялось.

Подготовка выступленія генерала Хорвата

Въ то же время въ Харбинѣ нарождалось другое правительство, вызванное къ жизни по инициативѣ мѣстныхъ общественныхъ круговъ, во главѣ съ «Дальневосточнымъ комитетомъ активной защиты родины», образовавшимся здѣсь, подъ предсѣдательствомъ присяжнаго повѣреннаго В. А. Александрова, послѣ торжества большевизма въ Сибири. Комитетъ, въ составъ котораго вошли многіе видные политическіе и общественные дѣятели Сибири, представители крупной промышленности, интеллигентнаго труда, а также небольшое число делегатовъ отъ подобныхъ же организацій Евр. Россіи, убѣдившись въ безуспѣшности попытокъ соглашенія съ дерберовской организаціей, пришелъ къ заключенію, что при современномъ состояніи Россіи только единоличная власть можетъ вывести страну изъ состоянія разрухи и анархіи, въ которую ее ввергли соціалистическіе опыты послѣдняго года.

* Примѣръ такого взаимно нейтрализующагося соперничества пришлось наблюдать во время военной интервенціи державъ въ Китаѣ въ 1900—1901 гг. и послѣдовавшихъ за нею событій.

Въ качествѣ носителя такой власти выдвигался генералъ-лейтенантъ Дмитрій Леонидовичъ Хорватъ, который, стоя въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ во главѣ управленія Китайской Восточной жел. дороги и осуществляя въ полосѣ ея отчужденія гражданскую власть, (въ послѣднее время, къ качествѣ Комиссара Временнаго Правительства Керенскаго) пріобрѣлъ не только на Дальнемъ Восоткѣ, но и далеко за предѣлами его, репутацію дѣятеля, способнаго къ выполненію государственныхъ задачъ широкаго масштаба. Сформированныя иждивеніемъ ген. Хорвата въ полосѣ отчужденія войска, признававшія его своимъ начальникомъ, являлись готовой опорой для новой власти, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи воспринята единственнымъ оставшимся при исполненіи своихъ обязанностей представителемъ законнаго и признаннаго союзниками правительства, имѣла, казалось, и формальное основаніе разсчитывать на признаніе со стороны державъ и значительной части населенія.

Дальневосточный комитетъ

Вскорѣ послѣ прибытія въ Харбинъ и пріема у Д. Л. Хорвата делегація была приглашена въ пленарное засѣданіе Дальне-Восточнаго комитета, въ которомъ послѣ докладовъ о работѣ делегаціи въ Сибири, я и мой помощникъ явились предметомъ горячихъ овацій комитета. При обсужденіи плана дальнѣйшей работы выяснилось, что политическая программа комитета, которая должны была лечь въ основаніе дѣятельности вновь создаваемаго правительства, по существу однородна съ корниловской, равнымъ образомъ не было расхожденія и въ ближайшихъ задачахъ, намѣченныхъ къ исполненію, что открывало возможность совмѣстной работы делегаціи съ будущимъ правительствомъ ген. Хорвата. Послѣднее должно было образоваться въ составѣ «Временнаго Правителя» Д. Л. Хорвата съ безпартійнымъ «Дѣловымъ Кабинетомъ» при немъ, состоящимъ изъ членовъ, управляющихъ отдѣльными вѣдомствами; всѣ постановленія кабинета подлежали утвержденію Временнаго Правителя.

Вступленіе въ составъ правительства Хорвата

Получивъ предложеніе генерала Хорвата вступить въ составъ Дѣлового Кабинета, причемъ предложеніе это помимо соображеній личнаго свойства, мотивировалось желаніемъ, путемъ привлеченія элементовъ, принадлежащихъ къ всероссійской политической организаціи М. В. Алексѣева, придать своему правительству болѣе универсальный характеръ, — г. А. и я, полагая, что такимъ способомъ наилучшимъ способомъ разрѣшится вопросъ о совмѣстной работѣ, — дали свое согласіе, при условіи, однако, испрошенія на то, при первой возможности, разрѣшенія М. В. Алексѣева, а также внесенія въ программу новаго правительства нѣкоторыхъ измѣненій, съ цѣлью болѣе полнаго согласованія съ программой Л. Г. Корнилова, на что возраженій не послѣдовало. Кромѣ того, по собственной иниціативѣ, ген. Хорватъ обязался, въ случаѣ установленія соприкосновенія съ организаціей М. В. Алексѣева, тотчасъ же уступить принятую на себя власть главѣ организаціи или другому лицу съ извѣстнымъ именемъ, изъ ея состава, которое будетъ для этой цѣли выдвинуто.

Положеніе вопроса объ интервенціи

Сношенія съ мѣстными военными представителями и консулами союзныхъ державъ, а равно, свѣдѣнія, собранныя во время поѣздокъ, недавно предпринятыхъ Д. Л. Хорватомъ въ Пекинъ и Токіо, давали основаніе надѣяться на благожелательное отношеніе державъ ко вновь зарождающейся власти. Вопросъ о союзнической интервенціи въ Сибири, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, все еще находился въ стадіи переговоровъ между державами, причемъ, однако, принималъ уже болѣе опредѣленныя формы и казался близкимъ къ разрѣшенію въ положительномъ смыслѣ; между прочимъ, мнѣніе о необходимости этой интервенціи раздѣлялось здѣсь всѣмъ почти русскимъ населеніемъ, кромѣ большевиковъ и примыкающихъ къ нимъ соціалистовъ крайняго лѣваго крыла; соотвѣтствующія резолюціи, съ просьбой о немедленномъ вмѣшательствѣ, были вынесены на многолюдныхъ собраніяхъ различныхъ общественныхъ группъ и сообщены консуламъ для передачи соотвѣтствующимъ правительствамъ.

Отголоски свѣдѣній изъ Сибири

Въ принятіи этихъ резолюцій, кромѣ соображеній обще-политическаго характера, сыграли нѣкоторую роль и получавшіяся изъ Сибири отрывочныя и по прежнему сбивчивыя свѣдѣнія, которыя свидѣтельствовали о жестокихъ репрес-

сіяхъ совѣтской власти въ отношеніи враждебныхъ ей элементовъ, неудачно воспользовавшихся выступленіемъ чехо-словаковъ*; съ другой стороны войска, сформированныя въ полосѣ отчужденія, оказались еще настолько слабыми числомъ (не болѣе $2^1/_2$—3 тысячъ бойцовъ) и съ такими дефектами въ организаціи, что не давали права основывать на нихъ надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ большевизмомъ въ Сибири.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, съ запада были получены болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, изъ которыхъ явствовало, что въ наиболѣе крупныхъ изъ центровъ Сибири совѣтская власть, повидимому, дѣйствительно пала подъ ударами чехо-словаковъ и примкнувшихъ къ нимъ офицерскихъ организацій, что военныя дѣйствія приближаются къ раіону Урала и что въ Томскѣ образовалась временная власть подъ названіемъ «эмисаріата Сибирскаго правительства». Въ качествѣ военнаго дѣятеля въ телеграммахъ упоминалось имя полковника Гришина-Алмазова, въ которомъ делегація узнала своего томскаго знакомаго, подполковника А. Н. Гришина, сумѣвшаго, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и роли, которую сыграла въ переворотѣ Томская военная организація, въ короткое время выдвинуться въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ возстанія. Тотчасъ же, ввиду отсутствія прямого телеграфнаго сообщенія, была сдѣлана попытка связаться съ полк. Гришинымъ (см. Прил. 5), а также съ полковниками Ивановымъ (см. Прил. 6), въ Омскъ и Ѣ. въ Иркутскѣ (см. Прил. 7) кружнымъ путемъ, а именно китайскимъ телеграфомъ черезъ Пекинъ и Чугучакъ, для чего тремъ названнымъ лицамъ посланы телеграммы объ образованіи правительства генерала Хорвата и о сліяніи съ нимъ ввѣренной мнѣ делегаціи, а также съ выраженіемъ увѣренности въ дальнѣйшемъ дружномъ сотрудничествѣ адресатовъ съ вновь образовавшейся властью.

Отвѣты на эти телеграммы, посланныя въ началѣ іюля, поступили много времени спустя (см. Прил. 8, 9) (отъ одного до полутора мѣсяцевъ)**, а пока приходилось съ прискорбіемъ констатировать, ввиду полнаго перерыва связи съ Сибирью черезъ Забайкалье, временную потерю для делегаціи возможности влiять на событія, развивающіяся въ раіонѣ ея недавней работы.

Декларація генерала Хорвата

29-го іюня 1918 г. чехо-словаки, внезапнымъ выступленіемъ, подготовлявшимся въ строжайшей тайнѣ, покончили съ совѣтской властью во Владивостокѣ. Ввиду перерыва прямого телеграфнаго сообщенія, достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ въ Харбинѣ были получены только 3—4 іюля. Генералъ Хорватъ рѣшилъ послѣ этого не медлить своимъ провозглашеніемъ, но необходимость сдѣлать это на русской территоріи заставила выждать результатовъ наступленія отряда, направленнаго отъ станціи Пограничной въ предѣлы Приморской области; получивъ свѣдѣніе о занятіи этимъ отрядомъ казачьей станицы Гродековой, ген. Хорватъ выѣхалъ туда съ Дѣловымъ Кабинетомъ, гдѣ 9.го іюля и состоялось официальное объявленіе о принятіи имъ на себя государственной власти***.

Выступленіе дерберовской организаціи

Однако, такой же актъ былъ выпущенъ значительно раньше Сибирскимъ Правительствомъ Дербера, успѣвшимъ ко времени выступленія чехо-словаковъ конспиративно собраться во Владивостокѣ, гдѣ оно тотчасъ же и использовало совершившійся переворотъ, встрѣтивъ въ своемъ выступленіи поддержку со стороны чехо-словаковъ **** и социалисти-

* Такое неудачное возстаніе офицерской организаціи дѣйствительно случилось въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Иркутскѣ, въ результатѣ чего главные дѣятели выступленія, въ томъ числѣ и полк. Ѣ, были принуждены бѣжать въ тайгу.

** О роли полковника Иванова и Омской военной организаціи въ переворотѣ долгое время не было никакихъ свѣдѣній, пока не выяснилось, наконецъ, что организація приняла выдающееся побѣдоносное участіе въ бою у станціи Маріановки (къ западу отъ Омска) и что полк. Ивановъ избранъ въ войсковые атаманы Сибирск. казачьяго войска (см. Прил. 4).

*** По принадлежности къ партіямъ Дѣловой кабинетъ имѣлъ слѣдующій составъ: трое безпартійныхъ, двое — партіи народной свободы, два народныхъ социалиста, изъ коихъ одинъ потанинскаго кружка.

**** Чехо-словаки въ массѣ и въ лицѣ своего «національнаго совѣта» во Владивостокѣ открыто симпатизировали русскимъ соціалистамъ, почему является болѣе чѣмъ вѣроят-

ческихъ элементовъ въ лицѣ возстановленныхъ областного земскаго собранія и городской думы.

Со вступленіемъ моимъ и А. въ Дѣловой Кабинетъ, возглавляемая мною делегація, какъ таковая, прекратила свое существованіе, но такъ какъ участіе въ правительствѣ генерала Хорвата разсматривалось нами какъ естественное продолженіе работы делегаціи, считаю необходимымъ вкратцѣ изложить послѣдующія событія*.

Отношеніе союзныхъ державъ

Выступленіе чехо-словаковъ во Владивостокѣ явилось началомъ военной интервенціи союзниковъ, официально мотивированной необходимостью оказать помощь чехо-словакамъ въ Сибири въ ихъ неравной борьбѣ съ совѣтскими, германо-мадьярскими войсками. Правительство генерала Хорвата, хотя и энергично поддержанное несоціалистическими кругами Приморской области, не встрѣтило ожидаемой поддержки со стороны союзныхъ державъ, что съ самаго начала обрекло его на безплодное политическое единоборство съ правительствомъ Дербера. При этомъ политика державъ, сознательно или случайно, — но въ своей равнодѣйствующей была, повидимому, направлена къ взаимному парализованію этихъ двухъ политическихъ силъ, не давая ни одной изъ нихъ рѣшительнаго преобладанія.

Упустивъ въ Харбинѣ, гдѣ онъ въ свое время былъ полнымъ хозяиномъ, моментъ для ликвидаціи дерберовской организаціи, Д. Л. Хорватъ, несмотря на то, что реальная сила и теперь была на его сторонѣ, былъ лишенъ возможности сдѣлать это во Владивостокѣ, такъ какъ союзное командованіе не допускало примѣненія открытой силы въ политической борьбѣ. Въ то же время, не располагая источниками государственныхъ доходовъ и возможностью заключить внѣшній заемъ, онъ не имѣлъ необходимыхъ средствъ для доведенія подчиненныхъ ему войскъ до состоянія, при которомъ они могли бы принять участіе въ борьбѣ на фронтѣ. При этихъ условіяхъ зависимость отъ ген. Хорвата отрядовъ казачьихъ атамановъ Семенова, Калмыкова, а впослѣдствіи и Гамова, взятыхъ иностранцами подъ свое покровительство и открыто поощряемыхъ ими къ обособленію, постепенно слабѣла, пока, наконецъ, не исчезла вовсе, выродившись въ уродливый сепаратизмъ, извѣстный подъ названіемъ «атаманства».

Образованіе твердой власти въ Западной Сибири

Между тѣмъ, въ западной и центральной Сибири, въ продолженіе около трехъ мѣсяцевъ почти совершенно отрѣзанной отъ Дальняго Востока, военныя событія шли своимъ чередомъ въ направленіи успѣшнаго развитія наступленія чехо-словаковъ и добровольческихъ сибирскихъ войскъ (образовавшихся изъ бывшихъ офицерскихъ организацій) за Уралъ, соединенія тамъ съ такъ называемой Народной Арміей, дѣйствовавшей въ раіонѣ средняго Поволжья, и окончательнаго утвержденія въ раіонѣ Иркутска и Байкала (причемъ туннели Кругобайкальской дороги удалось уберечь отъ разрушенія).

Параллельно съ этимъ укрѣплялась внутри страны вновь образовавшаяся власть, смѣнившая соціалистическій «эмисаріатъ» первыхъ недѣль по сверженіи большевизма и принявшая наименованіе «Временнаго Правительства Сибири», въ составѣ «Совѣта министровъ» (изъ 5—6 членовъ) подъ предсѣдательствомъ П. В. Вологодскаго, съ состоящимъ при немъ «Административнымъ Совѣтомъ» изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Все болѣе и болѣе обнаруживался твердый государственный курсъ, принятый этой организаціей, избравшей своей резиденціей г. Омскъ, причемъ, несмотря на свое происхожденіе отъ Сибирской областной думы, совѣтъ министровъ, — первоначально сформированный изъ лицъ, избранныхъ въ томъ же январскомъ ночномъ засѣданіи думы, но не послѣдовавшихъ за г. Дерберомъ на Дальній Востокъ, — сумѣлъ съ теченіемъ времени, при поддержкѣ административнаго совѣта, стать въ вполнѣ

нымъ, что соціалистическое дерберовское правительство было предупреждено ими о предстоящемъ выступленіи во Владивостокѣ.

* Болѣе подробно событія эти изложены въ запискѣ подъ заглавіемъ: «Генералъ-Лейтенантъ Д. Л. Хорватъ и политика державъ на Дальнемъ Востокѣ въ 1918 году». (См. Прил. 18.)

независимое отъ думы положеніе, распустивъ ее и изъявъ изъ своей среды негосударственно-мыслящіе элементы.

Сила новаго правительства выразилась, между прочимъ, въ проведеніи такихъ мѣръ, какъ призывъ въ войска, на основаніи устава о воинской повинности, младшихъ возрастныхъ классовъ населенія, что положило начало формированію на нормальныхъ началахъ вооруженной силы, съ изъятіемъ изъ обихода послѣдней всѣхъ нововведеній, установленныхъ послѣ революціи 1917 г. Командиромъ вновь сформированнаго Омскаго армейскаго корпуса, назначенъ полковникъ Ивановъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры; повышенный въ этотъ же чинъ А. И. Гришинъ занялъ постъ управляющаго военнымъ министерствомъ*.

Объединеніе власти въ Сибири и на Д. В.

Мѣсяца три спустя послѣ начала выступленія чехо-словаковъ въ Сибири, власть правительства П. В. Вологодскаго можно было считать вполнѣ упрочившеюся въ обширномъ раіонѣ Сибири къ западу отъ Байкала; къ этому же времени — концу августа — состоялось, наконецъ, и очищеніе отъ большевиковъ Забайкалья, что возстанавливало связь Сибири съ Дальнимъ Востокомъ.

Ближайшимъ результатомъ этого соединенія явился пріѣздъ во Владивостокъ, во второй половинѣ сентября, делегаціи отъ Омскаго правительства, съ предсѣдателемъ совѣта министровъ во главѣ, съ цѣлью объединенія государственной власти на всемъ пространствѣ территоріи, очищенной отъ власти большевиковъ. Послѣдовала немедленная ликвидація дерберовскаго правительства (состоявшаго послѣднее время подъ предсѣдательствомъ И. А. Лаврова); съ Д. Л. Хорватомъ заключено соглашеніе, на основаніи котораго онъ призналъ власть Сибирскаго Правительства и, будучи включенъ въ число членовъ совѣта министровъ, оставленъ во главѣ управленія дальневосточныхъ областей, въ качествѣ Верховнаго уполномоченнаго Сибирскаго правительства. Вступленіе ген. Хорвата въ новую должность состоялось въ ноябрѣ 1918 г., но эта перемѣна мало повліяла на существовавшее на Д. В. многовластіе, т. к. при наличіи «атаманства», Забайкальская и Амурская области и территорія Уссур. каз. войска, съ гор. Хабаровскомъ включительно, продолжали фактически оставаться въ безконтрольномъ распоряженіи атамановъ Семенова, Гамова и Калмыкова.

Къ этому времени выяснилось также, что надежды, которыя возлагались на интервенцію союзниковъ, въ значительной мѣрѣ не оправдались. Въ оперативномъ отношеніи интервенція дала только очищеніе отъ большевиковъ и военно-плѣнныхъ Приморской и Амурской областей, въ остальномъ — имѣла результатомъ занятіе небольшими гарнизонами главныхъ центровъ Сибири для поддержанія порядка и нѣкоторую помощь въ отношеніи снабженія дѣйствующихъ армій. Въ самой борьбѣ на фронтѣ изъ иностранцевъ участвовали только чехо-словаки, но къ началу 1919 года и это участіе прекратилось.

Неблагопріятныя условія для продолженія работы делегаціи

Состоявшееся объединеніе государственной власти въ Сибири, казалось, могло служить основаніемъ къ возобновленію самостоятельной дѣятельности делегаціи, командированной ген. Алексѣевымъ въ Сибирь, такъ какъ данный ей наказъ предусматривалъ возможность выступленія ея главы въ качествѣ представителя организаціи М. В. Алексѣева при Сибирскомъ Правительствѣ. Однако, отсутствіе для этого формальнаго полномочія**, а главное, полная потеря связи съ организаціей, при прошедшемъ со времени командированія 8—9 мѣсячномъ промежуткѣ, въ теченіе котораго обстановка на югѣ Россіи могла значительно измѣниться, заставили усумниться въ пользѣ такого выступленія, въ результатѣ чего возобновленія самостоятельной дѣятельности делегаціи не послѣдовало.

---

* По установившейся послѣ сверженія большевиковъ практикѣ, эти лица къ своимъ настоящимъ фамиліямъ присоединили нелегальныя, подъ которыми они проживали при совѣтской власти, откуда получились двойныя фамиліи Иванова-Ринова, Гришина-Алмазова и пр.

** См. стр. 245.

Попытка установленія связи съ штабомъ Д. А.

По поводу вопроса о связи съ своею организаціею считаю необходимымъ перечислить попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ отношеніи послѣ отъѣзда делегаціи изъ Иркутска, откуда были посланы послѣднія письменныя донесенія.

1) Въ концѣ сентября, во Владивостокѣ, освѣдомившись, что великобританское правительство имѣетъ черезъ Персію связь съ организаціей ген. Алексѣева, причемъ будто бы послѣдовалъ запросъ изъ Лондона мѣстной англійской военной миссіи, не признается ли ею своевременнымъ прибытіе въ Сибирь ген. Корнилова, я обратился къ главѣ миссіи ген. Ноксу съ просьбой, о передачѣ отъ меня телеграммы на имя ген. Корнилова*. Ген. Ноксъ, подтвердивъ полученіе изъ Лондона вышеозначеннаго запроса, принялъ отъ меня телеграмму (см. Прил. 10) для передачи по назначенію.

2) Въ послѣднихъ числахъ того же сентября мѣсяца, основываясь на газетныхъ извѣстіяхъ, по которымъ М. В. Алексѣевъ будто бы фактически вступилъ въ образовавшееся въ Уфѣ Всероссійское Правительство, я послалъ ему по правительственному телеграфу служебную депешу въ 600 слишкомъ словъ (см. Прил. 11) съ краткимъ очеркомъ всей работы делегаціи въ Сибири и съ испрошеніемъ инструкцій.

3) Около этого же времени, по совѣту прибывшаго изъ Самары офицера генеральнаго штаба, я телеграфировалъ туда генералъ-квартирмейстеру Приволжскаго фронта краткія свѣдѣнія о делегаціи съ просьбой переслать ихъ въ штабъ Д. А. Нѣсколько дней спустя было получено извѣстіе объ оставленіи Самары, состоявшемся, вѣроятно, раньше чѣмъ туда дошла моя телеграмма.

4) Освѣдомившись, что свѣдѣнія о прибытіи генерала Алексѣева въ Уфу не вѣрны, я телеграфировалъ туда Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Розанову просьбу получить съ телеграфа мои депеши на имя генерала Алексѣева (см. п. 2) и переслать ихъ по назначенію. Впослѣдствіи я узналъ, что за послѣдовавшимъ перемѣщеніемъ штаба Верх. Главнокомандующаго изъ Уфы въ Омскъ, ген. Розановъ моей просьбы исполнить не успѣлъ.

5) 10-го ноября, узнавъ о прибытіи въ Омскъ бывшаго начальника военно-гражданскаго управленія въ Ростовѣ на Дону, полк. Лебедева, я телеграфировалъ ему объ отсутствіи у меня связи съ Дономъ и просилъ сообщить имѣющіяся оттуда свѣдѣнія (см. Прил. 12). Отвѣта на эту телеграмму я не получилъ, но впослѣдствіи, при личномъ свиданіи съ полк. Лебедевымъ, узналъ, что онъ выѣхалъ съ Дона недѣли двѣ спустя послѣ меня и о современномъ положеніи тамъ не освѣдомленъ.

6) Послѣ занятія Константинополя союзными войсками, что открывало имъ связь съ штабомъ Добровольческой Арміи, я обратился къ начальнику французской военной миссіи во Владивостокѣ ген. Парису съ просьбой принять отъ меня и отправить черезъ Парижъ телеграмму ген. Алексѣеву или его замѣстителю. Телеграмма (см. Прил. 13) была любезно принята и отправлена 13 ноября, а мѣсяца черезъ полтора послѣ этого еще повторена на имя генерала Деникина, однако, къ 10 февраля, дню моего отъѣзда изъ Владивостока, отвѣта не было получено.

7) Въ бытность въ началѣ января с. г. въ Омскѣ, узнавъ, что съ Добровольческой Арміей установлена связь по линіи Омскъ—Оренбургъ—Уральскъ—Гурьевъ и т. д. и что туда выѣзжаетъ на дняхъ въ качествѣ курьеровъ нѣсколько офицеровъ, я одному изъ нихъ, вручилъ для представленія по принадлежности офиціальное письмо на имя генерала Деникина отъ 12 января № 12 съ приложеніемъ копіи телеграммы, посланной въ сентябрѣ въ Уфу на имя генерала Алексѣева.

Неоправданіе расчета, связаннаго съ поѣздкой на Д. В.

Итакъ, несмотря на всѣ попытки, связь съ своей организаціей возстановить не удалось, а изъ предыдущаго изложенія видно, что вслѣдствіе неожиданнаго выступленія въ западной и центральной Сибири чехословаковъ, при крайней скудости первоначальныхъ свѣдѣній о его ходѣ и результатѣ, делегація въ теченіе трехъ мѣсяцевъ

* Достовѣрныя свѣдѣнія о смерти генераловъ Корнилова и Алексѣева были получены только въ ноябрѣ.

разгара событій оказалась изолированной именно отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ была сосредоточена ея предыдущая работа по организаціи вооруженнаго возстанія противъ большевиковъ.

Вмѣсто ожидаемаго зарожденія будущей власти на востокѣ и дальнѣйшаго побѣднаго шествія, — «наростанія» — отъ окраины къ центру, при дѣятельномъ сотрудничествѣ ввѣренной мнѣ делегаціи, — какъ представляли себѣ картину освобожденія отъ большевизма политическіе дѣятели Сибири, произошло обратное, и именно сверженіе совѣтскаго ига и послѣдующее наростаніе власти отъ центра къ окраинамъ, безъ непосредственнаго участія въ этомъ командированной ген. Алексѣевымъ делегаціи, обреченной на пассивную роль зрительницы событій.

Краткій очеркъ послѣдующихъ событій въ Сибири и современнаго положенія

Заканчивая настоящій отчетъ, считаю необходимымъ дополнить его краткимъ очеркомъ послѣдующихъ событій, совершившихся въ Сибири по день моего отъѣзда изъ Владивостока, а также характеристикой современнаго состоянія этой окраины съ точки зрѣнія значенія ея, какъ одного изъ очаговъ, откуда можетъ идти дальнѣйшее освобожденіе Россіи отъ большевицкаго засилія.

Еще въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, одновременно съ совѣщаніями, происходившими во Владивостокѣ по вопросу объединенія власти на Д. В., состоялось въ г. Уфѣ собраніе делегатовъ различныхъ мѣстныхъ правительствъ, возникшихъ въ освобожденномъ отъ большевиковъ раіонѣ. Цѣлью собранія, принявшаго названіе Государственнаго Совѣщанія, было заключеніе соглашенія относительно образованія единаго Всероссійскаго правительства. Освобожденный первоначально раіонъ представлялъ обширное пространство до Казани, Симбирска и Самары включительно, причемъ въ послѣднемъ городѣ роль правительственной власти игралъ т. наз. Комитетъ Учредительнаго Собранія, выбранный изъ наличнаго состава собравшихся тамъ членовъ этого учрежденія подъ названіемъ «осколковъ Учредительнаго Собранія». Комитетъ, въ которомъ, разумѣется, подавляющимъ большинствомъ располагала партія соціалистовъ-революціонеровъ, опирался на сформировавшуюся въ среднемъ Поволжьи «Народную армію», организованную на революціонныхъ началахъ. Другими правительствами, приславшими своихъ делегатовъ въ Уфу, были Сибирское, Уральское (образовавшееся въ Екатеринбургѣ), казачьи войсковыя правительства и еще нѣсколько менѣе значительныхъ.

Результатомъ совѣщаній явилось образованіе «директоріи» изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ трое изъ состава Комитета Учредительнаго Собранія, а именно эс-эры Авксентьевъ и Зензиновъ и кадетъ Виноградовъ, и двое безпартійныхъ — Верховный Главнокомандующій генералъ Болдыревъ и П. В. Вологодскій.

Нѣсколько раньше образованія директоріи, въ результатѣ активнаго выступленія въ Омскѣ мѣстныхъ политическихъ группъ и нѣкоторыхъ членовъ административнаго совѣта во главѣ съ министромъ финансовъ Иваномъ Адріановичемъ Михайловымъ произошло распаденіе сибирской «пятерки», изъ состава которой три члена, а именно соціалисты Крутовскій, Шатиловъ и Пашутинскій принуждены были вовсе выйти, а четвертый — П. В. Вологодскій выбылъ вслѣдствіе избранія въ составъ директоріи.

Послѣдняя, ввиду происшедшей тѣмъ временемъ потери значительной части территоріи за Ураломъ, отвоеванной красными (начиная съ Казани, Симбирска и Самары) и въ результатѣ вліянія сибирскихъ политическихъ организацій, признала соотвѣтственнымъ свою резиденцію перенести въ Омскъ, причемъ естественно, бывшій административный совѣтъ, какъ готовый правительственный аппаратъ, остался при всероссійской директоріи въ качествѣ совѣта министровъ, перемѣнивъ лишь незначительно свой составъ. Въ новомъ совѣтѣ на посту военно-морского министра оказался прибывшій незадолго до этого въ Омскъ адмиралъ Колчакъ, замѣнившій генерала Иванова-Ринова, который въ сентябрѣ смѣнилъ на этомъ посту А. Н. Гришина-Алмазова; министромъ путей сообщенія назначенъ Л. А. Уструговъ (занимавшій тотъ же постъ въ Дѣловомъ Кабинетѣ Д. Л. Хорвата), а министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Гаттенбергеръ, о которомъ упоминалось въ предыдущемъ изложеніи, какъ замѣстителѣ Г. Н. Потанина.

Однако, вскорѣ по прибытіи въ Омскъ всероссійской «пятерки» выяснилось, что она не пользуется довѣріемъ вліятельныхъ круговъ Сибири и не имѣетъ внутри себя данныхъ, которые обезпечивали бы ей возможность плодотворной работы въ будущемъ. Члены-соціалисты, несмотря на увѣренія, что они вполнѣ отрѣшились отъ заблужденій временъ Керенскаго, оказались на самомъ дѣлѣ не въ силахъ стать въ положеніе, независимое отъ вліяній своей партіи и осколковъ Учредительнаго Собранія; послѣдніе, преслѣдуемые своей обычной маніей страха передъ призракомъ «контръ-революціи», и, вѣроятно, усматривая въ организаціи сибирской арміи на началахъ единоличнаго командованія и строгой дисциплины подготовку орудія реакціи, принялись за привычную работу моральнаго разложенія войскъ по испытаннымъ рецептамъ 1917 года. Львиная доля этой работы принадлежала извѣстному В. Н. Чернову съ нѣсколькими товарищами, которые и были захвачены съ поличнымъ, причемъ обнаружилось, что указанная агитація въ войскахъ производилась не безъ вѣдома гг. Авксентьева и Зензинова.

Внутри директоріи въ это же время между ея правыми и лѣвыми членами обнаруживались серьезныя тренія, тормозившія продуктивную работу; кадетъ Виноградовъ оказался недостаточно рѣшительнымъ, чтобы дать отпоръ соціалистическимъ тенденціямъ лѣваго крыла. Все это вызвало глубокое недовольство жаждавшихъ установленія твердаго порядка мѣстныхъ общественныхъ силъ, объединившихся тѣмъ временемъ, подъ предсѣдательствомъ г. Жардецкаго*, въ прочный союзъ, получившій названіе омскаго «политическаго блока», въ который вошли представители всѣхъ общественныхъ и политическихъ организацій Западной Сибири до соціалистовъ праваго крыла включительно.

Результатомъ неоправдавшихся надеждъ на всероссійскую директорію явился государственный переворотъ, совершившійся въ Омскѣ 18 ноября 1918 г., въ результатѣ котораго директорія оказалась ликвидированной съ замѣной ея единоличной властью Всероссійскаго Верховнаго Правителя, адмирала Александра Васильевича Колчака.

Власть Верховнаго Правителя

Признаніе власти Верховнаго Правителя на всемъ пространствѣ Сибири (включая и Д. В.) встрѣтило препятствія только со стороны атамана Семенова, полновластнаго, — хотя и безъ офиціальнаго титула, — распорядителя судьбами Забайкалья, имѣющаго вліяніе также на Амурское и Уссурійское казачьи войска, въ отношеніи которыхъ онъ присвоилъ себѣ прерогативы «Походнаго Атамана». На почвѣ непризнанія власти Верховнаго Правителя возникъ между А. В. Колчакомъ и подполковникомъ Семеновымъ острый конфликтъ, который ко времени моего отъѣзда изъ Владивостока еще не былъ ликвидированъ; закулисное участіе въ этомъ конфликтѣ одной изъ союзныхъ державъ, повидимому поставившей себѣ цѣлью поддерживать русскій Дальній Востокъ въ состояніи если не анархіи, то по меньшей мѣрѣ многовластія, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ остальныхъ частяхъ территоріи, находящейся подъ управленіемъ всероссійскаго правительства, особенно Западной Сибири, гдѣ А. В. Колчакъ, весьма популярный въ офицерской средѣ, имѣетъ также сильную поддержку въ лицѣ политическаго блока, власть его можно считать упрочившеюся. По личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ отъ посѣщенія Омска съ 5 по 21 января 1919 г., Верховный Правитель и состоящій при немъ совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ П. В. Вологодскаго, дружно работаютъ въ направленіи возстановленія нормальной государственной жизни и продолженія вооруженной борьбы съ московскимъ комисародержавіемъ; къ сожалѣнію ресурсы правительства А. В. Колчака, какъ въ отношеніи людского матеріала, такъ главнымъ образомъ финансовыхъ средствъ **, не соотвѣтствуютъ широтѣ задачъ, которыя властно выдвигаются моментомъ; нѣкоторая помощь, но только по снабженію войскъ, оказывается союзными державами, изъ коихъ отношеніе Англіи и Франціи къ новой власти можно считать благожелательнымъ, остальныхъ — сдержаннымъ.

---

* См. стр. 251 и приложенія №№ 14—17.

** Захваченный въ Казани золотой запасъ, цѣнностью около 700 000 000 рублей зол., своевременно вывезенный въ Омскъ, оказалъ въ этомъ отношеніи значительную помощь

Внутри страны мѣропріятія правительственной власти по прежнему не встрѣчаютъ препятствій, за исключеніемъ небольшого раіона по обѣ стороны желѣзной дороги между Красноярскомъ и Канскомъ, гдѣ въ разстояніи 50—100 верстъ отъ дороги, въ труднодоступной таежной мѣстности имѣется нѣсколько большевицкихъ гнѣздъ, продолжающихъ оказывать вооруженное сопротивленіе.

Огромное вліяніе на хозяйственную жизнь Сибири ожидается отъ установившагося съ января с. г. новаго порядка въ управленіи желѣзными дорогами, которыя, по соглашенію съ союзными державами, всѣ (включая и Кит. В. ж. д.) поступили въ распоряженіе особаго междусоюзнаго комитета подъ предсѣдательствомъ министра путей сообщенія Устругова, въ составѣ представителей Англіи, Франціи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, по одному отъ каждой державы; техническая эксплоатація ввѣряется управленію американскихъ инженеровъ съ г. Стивенсомъ во главѣ. Ближайшимъ результатомъ новаго порядка долженъ явиться притокъ изъ Америки заготовленнаго тамъ въ большомъ количествѣ для нашихъ дорогъ подвижного состава, главнымъ образомъ паровозовъ, а также необходимыхъ станковъ и матеріаловъ, для возстановленія работы полнымъ ходомъ ж.-д. мастерскихъ; ожидается также увеличеніе производительности личнаго труда, подъ вліяніемъ мѣръ понужденія въ отношеніи сильно распустившейся морально массы низшихъ служащихъ и рабочихъ. Разсчитываютъ, что въ результатѣ вновь устанавливаемаго порядка уже по прошествіи немногихъ мѣсяцевъ сильно пониженная провозоспособность сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ поднимется до нормъ, отвѣчающихъ потребностямъ товарообмѣна и нуждамъ сражающейся на фронтѣ арміи.

Вооруженныя силы.

Послѣдняя, насчитывающая въ своихъ рядахъ свыше 100 тысячъ бойцовъ и располагающая резервами, которые въ концу мая могутъ довести ее до 150 тысячъ*, состояла къ февралю с. г., не считая мелкихъ группировокъ, изъ трехъ частныхъ армій: «Сибирской» генерала Гайды, «Западной» генерала Ханжина и «Юго-Западной» генерала Дутова, изъ коихъ первая оперировала отъ Екатериненбурга на Пермь и Вятку, а вторая и третья соотвѣтственно отъ Челябинска и Оренбурга на Самару. Дѣйствія Сибирской арміи были удачны и увѣнчались взятіемъ въ декабрѣ г. Перми съ нанесеніемъ краснымъ сильнаго пораженія; Западная армія сформировалась послѣ потери, въ концѣ декабря, г. Уфы и къ февралю занимала выжидательное положеніе на фронтѣ верстъ 60 восточнѣе Уфы; Юго-Западная, понеся рядъ неудачъ, къ концу января потеряла Оренбургъ, лишившись такимъ образомъ своей операціонной базы, съ предоставленіемъ противнику возможности возстановить давно утраченную связь съ Ташкентомъ, въ то время какъ мы потеряли только что налаженную связь съ Добровольческой Арміей черезъ Уральскъ и Гурьевъ. Повидимому, подобную же неудачу испытала и крайняя лѣвофланговая группа общаго стратегическаго фронта въ раіонѣ г. Уральска, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ во Владивостокѣ къ началу февраля не было получено. Кромѣ главнаго, такъ называемаго Западнаго, фронта, есть еще второстепенный, обращенный на югъ въ сторону Семирѣчья; здѣсь, имѣя базой Семипалатинскъ, дѣйствуетъ съ перемѣннымъ успѣхомъ 2-й Степной Корпусъ слабаго состава и небольшіе отдѣльные отряды.

Всѣ дѣйствующія арміи и отдѣльныя группы подчиняются Верховному Главнокомандующему, адмиралу Колчаку, замѣнившему въ этой должности, одновременно съ переворотомъ 18 ноября, удалившагося отъ дѣлъ ген. Болдырева; штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, начальникомъ котораго съ того же времени состоитъ генералъ-маіоръ Лебедевъ (бывшій начальникъ военно-гражданскаго управленія въ Ростовѣ на Дону), расположенъ въ Омскѣ. Въ должности военнаго министра, адмирала Колчака, вскорѣ послѣ переворота, смѣнилъ генералъ-маіоръ Н. А. Степановъ.

Свѣдѣнія, собранныя относительно дисциплины, настроенія и боевой годности войскъ, сражающихся на фронтѣ, были вообще вполнѣ удовлетворительны; многія

* Развить ее до большей численности препятствуетъ не столько финансовое положеніе, сколько нежеланіе включать въ армію старшіе возрастные классы населенія, развращенные службою въ войскахъ въ революціонное время.

части, особенно Сибирской арміи, проявили даже блестящія боевыя качества, ставящія ихъ въ уровень съ лучшими полками прежней императорской арміи. Много слабѣе оказались вступившіе въ составъ общаго фронта полки бывшей Народной арміи, постепенно ликвидируемые; равнымъ образомъ казачьи части нерѣдко оказывались не на высотѣ предъявляемыхъ имъ боевыхъ задачъ. Изъ инородческихъ частей хорошую репутацію на фронтѣ пріобрѣли башкирскіе полки.

Игравшіе еще не такъ давно преобладающую и, кстати сказать, не всегда полезную для общихъ интересовъ роль на западномъ фронтѣ, организованныя на началахъ «революціонной» дисциплины, чехо-словацкія войска, понеся большія потери въ первыхъ бояхъ, а также за счетъ слишкомъ расточительнаго комплектованія различныхъ тыловыхъ учрежденій, къ концу января с. г. окончательно разложились, отказываясь отъ участія въ бояхъ, почему уведены съ фронта въ глубокій тылъ. Здѣсь эти баловни союзнаго командованія, роскошно, до мелочей, обставленные въ отношеніи удовлетворенія всѣхъ матеріальныхъ потребностей, должны были нести необременительную гарнизонную и т. п. службу.

Въ то же время положеніе нашей арміи на фронтѣ въ отношеніи снабженія къ началу 1919 года продолжало оставаться въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Недостатокъ матеріальной части артиллеріи имѣлъ въ результатѣ состояніе ея при войскахъ въ количествѣ не болѣе $^1/_5$ даже тѣхъ нормъ, которыя были приняты до войны 1914 года. Отсутствіе достаточнаго количества теплой одежды приводило къ большимъ потерямъ больными и обмороженными. Недостатокъ ручного оружія сильно ощущался въ запасныхъ и тыловыхъ частяхъ.

Предположенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, насколько удалось выяснить до паденія Оренбурга, заключались въ слѣдующемъ: въ теченіе зимняго періода, исправивъ, насколько возможно, недочеты въ организаціи и снабженіи войскъ, подготовить для дѣйствующихъ армій подкрѣпленія, которыя влить въ нихъ къ концу мая, усиливъ главнымъ образомъ южную часть западнаго фронта, съ цѣлью перехода въ рѣшительное наступленіе на участокъ средняго Поволжья Самара—Саратовъ*.

Для облегченія предполагаемой переброски войскъ въ раіонъ Оренбурга и Уральска производились спѣшныя работы по окончанію жел. дороги Троицкъ—Орскъ—Оренбургъ и по оборудованію этапныхъ линій.

Послѣдовали-ли въ этомъ планѣ, съ паденіемъ Оренбурга, какія либо частныя измѣненія, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, по личному заявленію мнѣ Верховнаго Главнокомандующаго, сдѣланному въ январѣ с. г., когда положеніе Оренбурга уже внушало серьезныя опасенія, главной стратегической задачей остается во всякомъ случаѣ утвержденіе въ среднемъ Поволжьи, съ установленіемъ тамъ непосредственнаго соприкосновенія съ Добровольческой Арміей. Отъ послѣдней ожидается, что она сосредоточитъ свои усилія въ направленіи Камышина и Царицына.

Силы противника.

Силы противника, развернутыя противъ армій западнаго фронта, опредѣляются въ 200—250 тыс. бойцовъ, снабженныхъ многочисленной артиллеріей. Руководство операціями красной арміи за послѣдніе мѣсяцы, повидимому, отъ бывшихъ самоучекъ-товарищей перешло въ руки опытныхъ спеціалистовъ, въ числѣ коихъ называютъ имена, пользовавшіяся извѣстностью въ нашемъ прежнемъ генеральномъ штабѣ. Независимо такого улучшенія въ отношеніи руководства операціями, красная армія, насчитывающая въ своемъ составѣ не мало доброкачественныхъ инородческихъ элементовъ, со времени лѣтней кампаніи сдѣлала немаловажные успѣхи въ смыслѣ упорядоченія организаціи, поднятія дисциплины и снабженія удовлетворительнымъ составомъ младшихъ начальниковъ изъ числа бывшихъ офицеровъ, повидимому уже не отказывающихся въ массѣ служить у большевиковъ.

---

* Впослѣдствіи выяснилось, что переходъ въ наступленіе состоялся значительно раньше, очевидно, до окончанія намѣченныхъ организаціонныхъ мѣропріятій. Объ этомъ я узналъ изъ газетъ въ порту Коломбо, на пути между Владивостокомъ и Европой.

Виды на будущее.

При этихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что сила большевицкаго владычества опирается на ресурсы сплошного стомилліоннаго населенія центральной Россіи, въ то время какъ противники совѣтской власти оперируютъ на слабонаселенныхъ окраинахъ, имѣя преимущество только въ обиліи средствъ продовольствія и сравнительной свободѣ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, — приходится придти къ заключенію, что борьба можетъ принять упорный и затяжной характеръ, если не произойдетъ внутри Россіи какихъ нибудь неожиданныхъ событій, которыя приведутъ къ самовзрыву предпріятія Ленина и Троцкаго, или къ окончательному изсякновенію у нихъ средствъ для питанія населенія и арміи (признаковъ чего пока еще не наблюдается), или, наконецъ, если, противъ ожиданія, не послѣдуетъ со стороны союзниковъ дѣйствительно реальная помощь въ борьбѣ противъ большевизма, вмѣсто системы осторожныхъ и незначительныхъ подачекъ, которую они практиковали до сихъ поръ.

Союзники въ Сибири.

Нѣкоторую, хотя слабую, надежду, скорѣе намекъ, въ послѣднемъ отношеніи даетъ состоявшееся въ январѣ с. г. въ Омскѣ между адмираломъ Колчакомъ и французскимъ генераломъ Жанненомъ соглашеніе, по которому послѣдній, оставаясь главнымъ начальникомъ всѣхъ союзныхъ вооруженныхъ силъ, находящихся въ Сибири, принялъ на себя обязанности помощника россійскаго Верховнаго Главнокомандующаго по командованію иностранными контингентами, имѣя въ качествѣ органа управленія особый штабъ смѣшаннаго состава, дѣйствующій въ непосредственномъ контактѣ со штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго. Но возможно также допустить, что подъ вліяніемъ опредѣленныхъ директивъ союзныхъ правительствъ, повидимому, вполнѣ подпавшихъ вліянію ультрадемократическихъ теченій въ своихъ странахъ, этотъ шагъ, продиктованный, можетъ быть, личными побужденіями союзнаго генерала и его ближайшихъ сотрудниковъ, обратится въ простую административную мѣру, лишенную оперативнаго содержанія.

Во всякомъ случаѣ въ отношеніи заграничнаго снабженія нашей арміи, находящагося въ Сибири въ рукахъ англійскаго генерала Нокса, можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ нѣкотораго улучшенія, т. к. увеличившееся нынѣ количество тоннажа въ Тихомъ океанѣ, въ связи съ ожидаемымъ повышеніемъ провозоспособности Сибирской магистрали, дадутъ, вѣроятно, возможность доставить нашей арміи запасы обмундированія и другихъ предметовъ снабженія, которые англійскимъ правительствомъ сосредоточены въ тихоокеанскихъ портахъ Канады. Въ отношеніи ручного оружія ожидается поступленіе въ скоромъ времени значительнаго количества трехлинейныхъ винтовокъ съ патронами, изготовленныхъ въ Америкѣ по прежнимъ заказамъ.

Относительно численности союзныхъ войскъ въ Сибири вполнѣ точныхъ свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что японцами были выставлены три дивизіи (3-я, 7-я и 12-я), но часть окупаціонной арміи подлежала обратной перевозкѣ въ Японію; главную массу своихъ войскъ японцы держатъ въ дальне-восточныхъ областяхъ и въ полосѣ отчужденія Кит. Вост. ж. д.; но японскія военныя миссіи, представленныя многочисленными офицерами генеральнаго штаба, имѣются во всѣхъ большихъ центрахъ Сибири. Вторыми по численности послѣ японскихъ войскъ являются американскія, насчитывающія до 7 тысячъ человѣкъ; у американцевъ наблюдается тенденція къ совмѣстному квартированію съ японцами. Стремленіе на западъ обнаруживаютъ только англичане, которые, нѣсколько уступая въ числѣ американцамъ, въ составѣ преимущественно канадскихъ войскъ, проникли до Омска и даже Челябинска включительно.

Кромѣ трехъ перечисленныхъ главныхъ контингентовъ, осуществляющихъ союзническую интервенцію, имѣются слабыя части французской колоніальной пѣхоты (преимущественно аннамиты) и небольшое количество итальянскихъ войскъ.

Положеніе на Д. В.

Ко времени моего отъѣзда изъ Владивостока положеніе на Дальнемъ Востокѣ внушало нѣкоторыя опасенія ввиду непрекращающихся происковъ Японіи, направленныхъ къ поддержанію нашихъ дальне-восточныхъ областей въ состояніи безвластія, облегчающаго проведеніе названной державой выгодныхъ ей мѣропріятій политическаго и экономическаго характера.

По мнѣнію Верховнаго Правителя адмирала Колчака, лично имъ мнѣ высказанному, положеніе это едва ли обѣщаетъ улучшеніе въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ другіе союзники, не располагая на Д. В. реальной силой, которая могла бы сколько нибудь уравновѣсить огромные ресурсы Японіи, будутъ, даже при желаніи помочь намъ, лишены возможности сдѣлать что нибудь большее, чѣмъ безплодное дипломатическое воздѣйствіе; въ частности, Англія, повидимому, изъ всѣхъ державъ наиболѣе доброжелательно къ намъ настроенная, однако, едва-ли будетъ склонна изъ за насъ вступать въ серьезный конфликтъ съ Японіей, — своей естественной союзницей въ назрѣваемомъ міровомъ соперничествѣ между нею и Соединенными Штатами.

Въ бесѣдѣ на ту же тему въ Токіо съ хорошо освѣдомленнымъ лицомъ, которое я посѣтилъ проѣздомъ черезъ Японію, мой собесѣдникъ, какъ и А. В. Колчакъ, высказался о нашемъ положеніи на Д. В. довольно пессимистически, говоря, что политика японскаго правительства внушаетъ ему основательныя сомнѣнія въ ея искренности, несмотря на всѣ увѣренія въ дружбѣ и безкорыстіи и такія, принимаемыя для нашего успокоенія мѣры, какъ, напримѣръ, отозваніе изъ Сибири нѣкоторыхъ черезчуръ ретивыхъ агентовъ, вродѣ генерала Накажима, истиннаго злого генія Россіи на Д. В.

Возвращеніе въ Европейскую Россію.

Въ началѣ текущаго года возстановилось морское сообщеніе между Владивостокомъ и Европой; считая свою задачу въ Сибири временно законченной*, я рѣшилъ воспользоваться вновь открывшимся путемъ для возвращенія въ Европейскую Россію, — съ цѣлью представленія отчета по командировкѣ, въ которую былъ посланъ около года тому назадъ. Получивъ по постановленію Совѣта Министровъ отъ 14 января необходимыя на проѣздъ средства, я, съ разрѣшенія генерала Хорвата, отплылъ 10 февраля въ Европу.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

НАКАЗЪ ДЕЛЕГАЦІИ ВЪ СИБИРЬ.

Секретно.

I. Завязать сношенія съ Краевымъ правительствомъ. Выяснить его составъ и направленіе. При возможности войти съ нимъ въ соглашеніе по вопросу о формированіи добровольческихъ частей и взаимной поддержкѣ.
II. Широко развить пропаганду идей добровольческой арміи путемъ соглашенія съ мѣстными органами печати и изданія отдѣльныхъ брошюръ и листковъ.
III. При посредствѣ Краевого правительства или путемъ частнаго соглашенія съ желѣзнодорожной администраціей въ первую очередь организовать охрану желѣзной дороги.
IV. Учесть всѣ имѣющіеся запасы продовольствія и, при возможности, сосредоточивать ихъ въ близкихъ къ желѣзной дорогѣ пунктахъ, дабы въ любой моментъ можно было бы вывезти ихъ въ направленіи по указанію штаба.
V. По возможности объединить работу всѣхъ организацій, по цѣли своей сходныхъ съ нашей цѣлью, какъ въ центрѣ, такъ и путемъ разсылки своихъ агентовъ во всѣ наиболѣе важные пункты Сибири.
VI. На мѣстахъ желательно проведеніе въ жизнь прилагаемой при семъ инструкціи.
VII. При наличіи правительства, по составу своему могущаго не только разрѣшить работу делегаціи, но и желающаго помочь ей, всѣ мѣропріятія проводить черезъ его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить съ ней договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи.
VIII. При правительствѣ равнодушномъ или враждебномъ намъ, ту же работу производить тайно, путемъ организаціи цѣлаго ряда ячеекъ во многихъ пунктахъ, объединяя ихъ общимъ руководствомъ.

---

* См. стр. 277.

IX. Возможно чаще и подробнѣе информировать штабъ, какъ о мѣропріятіяхъ краевого правительства, такъ и по прилагаемому къ сему перечню наиболѣе важныхъ свѣдѣній.
X. По возможности установить непосредственныя связи съ сосѣдними съ Сибирью городами для информаціи ихъ и полученія необходимыхъ свѣдѣній.
XI. Обезпеченіе безпрепятственнаго сквозного пути по жел. дорожной линіи Владивостокъ—Омскъ и далѣе на Челябинскъ и Екатеринбургъ.

(безъ подписи.)

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕН. КОРНИЛОВА.

Преступное легкомысліе, либо сознательное предательство людей, вознесенныхъ къ власти стихійной революціонной волной, привело страну въ состояніе полной дезорганизаціи и анархіи. То что предсказывалъ ген. Корниловъ въ первые дни освободительнаго движенія, съ чѣмъ онъ рыцарски боролся, какъ горячій русскій патріотъ, наконецъ совершилось: — Россія оказалась въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, дѣлающихъ подъ флагомъ соціальной революціи — велико-германское дѣло разрушенія боевой мощи страны. Играя съ одной стороны на низменныхъ инстинктахъ темныхъ народныхъ массъ, съ другой — на моральной и физической усталости широкихъ слоевъ русскаго общества, вызванной тяжелой четырехлѣтней войной, такъ называемый «Совѣтъ народныхъ комиссаровъ» — утвердилъ у насъ деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всѣмъ культурно-историческимъ завоеваніямъ страны.

Печальный опытъ революціи показалъ полную несостоятельность власти, созданной представителями различныхъ нынѣшнихъ политическихъ партій, слишкомъ связанныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ мертвою буквой программы. Какъ въ рядахъ партійной демократіи, взявшей на себя иниціативу управленія страной, такъ и въ противоположномъ лагерѣ, вслѣдствіе этого не могло быть достаточной увѣренности и твердости въ опредѣленіи своей линіи поведенія. Въ результатѣ пожаръ анархіи, вспыхнувшій въ центрахъ и перекинувшійся въ армію и на окраины, неизбѣжно сметалъ всѣ политическія комбинаціи, выдвигаемыя сторонами и привелъ наконецъ къ господству германо-большевизма. Поэтому ген. Корниловъ, вступая снова на арену политической борьбы, во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей ближайшей задачей сокрушеніе большевистскаго самодержавія и замѣну его такимъ образомъ правленія, который обезпечивалъ бы въ странѣ порядокъ, возстановилъ бы попранныя права гражданства и, закрѣпивъ цѣлесообразныя завоеванія революціи, вывелъ бы Россію на свѣтлый путь свободы и прочнаго почетнаго мира, столь необходимаго для культурно-экономическаго прогресса государства.

Такой образъ правленія ген. Корниловъ видитъ въ созданіи въ странѣ временной сильной верховной власти изъ государственно-мыслящихъ людей, для коихъ интересы родины стоятъ безспорно выше вопросовъ преуспѣянія ихъ партійной политики, и которые въ своихъ дѣйствіяхъ руководились бы исключительно искренней любовью къ родинѣ и горячимъ самоотверженнымъ стремленіемъ спасти ее отъ неизбѣжной гибели. Низвергнувъ гибельную диктатуру черни и оперевшись на всѣ здоровые національно-демократическіе элементы народа, эта власть должна прежде всего всѣ свои усилія направить къ подавленію анархіи и возрожденію арміи, и урегулированію транспорта, и поднятію производительныхъ силъ страны.

Общія основы Корниловской программы таковы.

1. Возстановленіе правъ гражданина: всѣ граждане Россіи равны передъ закономъ, безъ различія пола и національности; уничтоженіе классовыхъ привилегій, сохраненіе неприкосновенности личности и жилища, свобода передвиженій, мѣстожительства и проч.

2. Возстановленіе въ полномъ объемѣ свободы слова и печати.
3. Возстановленіе свободы промышленности и торговли, отмѣна націонализаціи частныхъ финансовыхъ предпріятій.
4. Возстановленіе права собственности.
5. Возстановленіе русской арміи на началахъ подлинной военной дисциплины. Армія должна формироваться на добровольческихъ началахъ, (по принципу англійской арміи) безъ комитетовъ, комисаровъ и выборныхъ должностей.
6. Полное исполненіе всѣхъ принятыхъ Россіей союзныхъ обязательствъ международныхъ договоровъ. Война должна бывъ доведена до конца въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Миръ долженъ быть заключенъ всеобщій и почетный, на демократическихъ принципахъ, т. е. съ правомъ на самоопредѣленіе порабощенныхъ народовъ.
7. Въ Россіи вводится всеобщее обязательное начальное образованіе съ широкой мѣстной автономіей школы.
8. Сорванное большевиками Учредительное Собраніе должно быть созвано вновь. Выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены свободно, безъ давленія на народную волю и во всей странѣ. Личность народныхъ избранниковъ священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ, коему оно и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собраніе, какъ единственный хозяинъ земли русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окончательно сконструировать государственный строй.
10. Церковь должна получить полную автономію въ дѣлахъ религіи. Государственная опека надъ дѣлами религіи устраняется. Свобода вѣроисповѣданій осуществляется въ полной мѣрѣ.
11. Сложный аграрный вопросъ представляется на разрѣшеніе Учредительнаго Собранія. До разработки послѣднимъ въ окончательной формѣ земельнаго вопроса и изданія соотвѣтствующихъ законовъ, — всякаго рода захватно-анархическія дѣйствія гражданъ признаются недопустимыми.
12. Всѣ граждане равны передъ судомъ. Смертная казнь остается въ силѣ, но примѣняется только въ случаяхъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій.
13. За рабочими сохраняются всѣ политико-экономическія завоеванія революціи въ области нормировки труда, свободы рабочихъ союзовъ, собраній и стачекъ, за исключеніемъ насильственной соціализаціи предпріятій и рабочаго контроля, ведущаго къ гибели отечественную промышленность.
14. Генералъ Корниловъ признаетъ за отдѣльными народностями, входящими въ составъ Россіи право на широкую мѣстную автономію, при условіи, однако, сохраненія государственнаго единства. Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя національно-государственныя единицы, должны быть широко поддержаны правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ.

Генералъ Корниловъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе N. въ томъ, что онъ командируется Штабомъ Добровольческой Арміи въ города Западной Сибири для организаціи на мѣстахъ и вербовки добровольцевъ въ Добровольческую Армію.

Что подписью съ приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

1 февраля 1918 г. — За Начальника Штаба

г. Ростовъ на Д. № 162. — Генералъ-Маіоръ Романовскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Командующій войсками
Пріамурскаго
Военнаго Округа
7 февраля 1919 г.
No. 250.

Верховному Главнокомандующему
Южной Арміей, Генералу Деникину.

N. прибылъ въ Западную Сибирь съ порученіемъ отъ Генераловъ Алексѣева и Корнилова, весною 1918 года. Порученіе заключалось въ томъ, чтобы организовать и связать дѣйствовавшія противъ большевиковъ въ Сибири боевыя дружины. N. вдохновилъ всѣхъ насъ, составившихъ боевыя офицерскія и казачьи организаціи, какъ посланецъ Генераловъ Алексѣева и Корнилова. Въ результатѣ, получивъ полномочія отъ N., я объединилъ организаціи всей Степной Сибири. Въ концѣ мая и началѣ іюля нашими организаціями, частью самостоятельно, частью при совмѣстной работѣ съ чехо-словаками, была свергнута большевистская власть: 1) по Сѣв. ж. д. Барабинскъ—Омскъ—Ишимъ 2) по Сибирской ж. д. Омскъ—Петропавловскъ Курганъ 3) по р. Иртышу—Тобольскъ—Тара—Омскъ—Павлодаръ—Семипалатинскъ—Устькаменногорскъ—Зайсанъ 4) въ Алтайской губ. — Барнаулъ—Бійскъ и 5) въ Семирѣчьи — вся сѣверная часть, т. е. Лепсинскій уѣздъ и сѣверная часть Копальскаго. Затѣмъ дивизія изъ офицерскихъ полковъ силою не болѣе 1100 штыковъ при 12 орудіяхъ и при поддержкѣ не болѣе 1500 штыковъ чехо-словаковъ, развивая смѣлыя до дерзости операціи, овладѣли городами: Ялуторовскъ, Тюмень и Ирбитъ. Нынѣ Сибиркія ячейки послужили для формированія частей Сибирской Арміи въ составѣ 5 корпусовъ съ соотвѣтствующей артиллеріей, изъ коихъ всѣ состоятъ изъ 8-ми стрѣлковыхъ полковъ, а 2 сверхъ того имѣютъ еще и по 1-ой кадровой бригадѣ, 2-хъ сформированныхъ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ дивизій, 2-хъ казачьихъ дивизій, 4-хъ казачьихъ полковъ и 9 сотенъ, сведенныхъ въ 3 дивизіона. Кромѣ того формируется стрѣлковая дивизія, казачья бригада, артиллерійскія и инженерныя части на Дальнемъ Востокѣ. Въ составѣ дѣйствующихъ корпусовъ сформированы техническія и спеціальныя части. Ощущается недостатокъ обмундированія, снаряженія вооруженія и денежныхъ средствъ.

Подл. подп. Генералъ-Маіоръ Ивановъ-Риновъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

Телеграмма.

Новониколаевскъ Полковнику Гришину-Алмазову.

На дальномъ Востокѣ Генералъ Хорватъ образовалъ на русской территоріи государственную власть, въ составъ которой вошли объединившіеся на дѣловой безпартійной программѣ общественные дѣятели Сибири и Европейской Россіи, томъ числѣ и возглавляемая мною миссія. Въ составъ правительства будутъ привлечены и другіе пользующіеся довѣріемъ населенія лица, по мѣрѣ освобожденія Русской территоріи отъ большевиковъ. Сформировавшаяся власть прежде всего озабочена возсозданіемъ былой мощи страны на основахъ строгой дисциплины и непричастности арміи къ политикѣ.

Боевыя организаціи Сибири должны послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій. Ознакомившись съ Вами при нашемъ свиданіи въ Томскѣ, я убѣжденъ, что оставаясь вѣрнымъ идеѣ спасенія родины отъ анархіи, Вы попрежнему будете ставить благо родины выше интересовъ партійной политики и посвятите свои силы общему дѣлу возсозданія арміи.

Ожидаю Вашего сотрудничества и прошу незамедлительнаго отвѣта.

Харбинъ 13 іюля. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Телеграмма.

Омскъ Полковнику Иванову.

На дальнемъ Востокѣ Генералъ Хорватъ образовалъ на русской территоріи государственную власть, въ составъ которой вошли объединившіеся на дѣловой безпартійной программѣ общественные дѣятели Сибири и Европейской Россіи томъ числѣ и возглавляемая мною миссія. Въ составъ правительства будутъ привлечены и другіе пользующіеся довѣріемъ населенія лица, по мѣрѣ освобожденія Русской территоріи отъ большевиковъ. Сформировавшаяся власть прежде всего озабочена возсозданіемъ былой мощи страны на основахъ строгой дисциплины и непричастности арміи къ политикѣ. Боевыя организаціи Сибири должны послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій.

Ожидаю Вашего сотрудничества и прошу незамедлительнаго отвѣта.

Харбинъ 13 іюля. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 7.

Телеграмма.

Иркутскъ для передачи Ѣ.

Сформировалось безпартійное правительство генерала Хорвата, которое вошла и возглавляемая мною миссія. Объявившись на русской территоріи правительство приступило возсозданію боевыхъ силъ, составъ коихъ имѣютъ войти и организованные Сибири боевые отряды. Для нуждъ Иркутской организаціи случаѣ сохраненія ею своей безпартійной позиціи переводятся пятьдесятъ тысячъ рублей отправка коихъ до сего времени тормазилась неопредѣленностью обстановки Сибири послѣ выступленія чехословаковъ телеграфируйте Харбинъ положеніе дѣлъ.

Пограничная 11 іюля 1918 года. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 8.

Телеграмма Консула въ Чугучакѣ въ Россійскую Миссію въ Пекинѣ

$^{16}/_{29}$ Августа 1918 года № 23

Командиръ Степного Корпуса Войсковой Атаманъ Сибирскаго войска Генералъ-Маіоръ Ивановъ проситъ Васъ передать N. слѣдующую телеграмму: горячо привѣтствуя Васъ безмѣрно радъ тому, что Вы избѣжали смертныхъ опасностей на пользу дорогой родины. Мы заняты формированіемъ арміи на началахъ строгой дисциплины и единства воли командованія. Казачьи и добровольческіе полки Западной Сибири и Урала успѣшно дерутся съ цѣлью овладѣть Камою отъ верха до Чистополя, Волгою отъ Казани до Хвалынска и отъ Царицына до Астрахани.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ паденія Читы послѣ того какъ войска овладѣли Байкаломъ, сохранивъ тоннели. Горячо вѣримъ въ близкій часъ соединенія съ Вами. Въ Челябинскѣ собралось Государственное совѣщаніе для конструированія Россійской власти. Отсрочка угрожаетъ гибелью, вынуждая немедленно къ созданію органа верховнаго государственнаго управленія.

No. 370 Генералъ-Маіоръ Ивановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 9.

Телеграмма Россійскаго Посланника въ Пекинѣ на имя Чиновника по Дипломатической Части въ Приамурскомъ Краѣ отъ 5-го сентября 1918 г. № 780.

Передайте N. слѣдующую телеграмму Генерала Гришина-Алмазова, полученную чрезъ Кобдо 22 августа 17 часовъ въ Ургѣ, переданной послѣдней сюда: «Я и ввѣрен-

ныя мнѣ войска Сибирской Арміи всегда готовы служить дѣлу возрожденія Россіи. Не сомнѣваюсь, что Сибирское Временное Правительство, находящееся въ настоящее время въ Омскѣ, объединяющее всю Сибирь и часть Европейской Россіи съ Туркестаномъ отъ Екатеринбурга до Верхнеудинска включительно, встрѣтится дружелюбно Генераломъ Хорватомъ съ тѣмъ чтобы придти къ общему согласію на благо нашей родины. Ввѣренная мнѣ Сибирская Армія съ объявленіемъ призыва 1919 и 1920 годовъ переходитъ отъ добровольческой къ постоянной. Организація и дисциплина Сибирской Арміи проведены безъ всякихъ уклоненій отъ принциповъ, диктуемыхъ непреложными выводами военной науки. Наша Правительственная Армія внѣпартійна, она совершенно неполитична, нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ комитетчины, ни комисарства, начальники обладаютъ полнотой власти, въ томъ числѣ дисциплинарной. Привѣтствую Васъ и войска Дальняго Востока отъ имени моего и ввѣренной мнѣ Сибирской Арміи. Да поможетъ намъ Богъ соединиться возможно скорѣе и идти продолжать великое дѣло возсозданія единой и нераздѣльной Россіи.

Кудашевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 10.

Записка ген. Ноксу, для передачи по телеграфу Ген. Корнилову.

N и А. исполняя возложенное порученіе въ Сибири и достигнувъ благопріятныхъ результатовъ въ концѣ іюня прибыли Дальній Востокъ гдѣ согласно даннаго наказа вступили контактъ съ правительствомъ Хорвата какъ преслѣдующимъ однородныя задачи временно войдя въ составъ его. Изъ Сибири посылались донесенія, на которыя отвѣта не послѣдовало. Испрашиваютъ указаній относительно дальнѣйшаго направленія дѣятельности

ПРИЛОЖЕНІЕ № 11.

УФА ГЕНЕРАЛУ АЛЕКСѢЕВУ.

Освѣдомившись Вашемъ прибытіи Уфу и не имѣя увѣренности что посланныя донесенія достигли назначенія представляю нижеслѣдующій краткій очеркъ дѣятельности делегаціи въ Сибирь главѣ которой я былъ поставленъ Вами. Изъ Новочеркасска выѣхалъ 10 марта нов. стиля вмѣстѣ начальникомъ политическаго отдѣла А. и двумя служащими. Вслѣдствіе неприбытія Самару назначеннаго мое распоряженіе но слѣдовавшаго отдѣльно Х. который штабомъ былъ снабженъ явками а также неразысканіе несмотря на тщательные поиски представителя штаба въ Самарѣ Г. завязать сношенія теченіи шестидневнаго пребыванія не удалось. Не считая возможнымъ далѣе задерживаться ради второстепенной задачи выѣхалъ Омскъ куда прибылъ 29 марта здѣсь получилъ свѣдѣнія что Х. арестованъ большевиками Москвѣ. Омскѣ пробылъ до 27 апрѣля оттуда было послано нарочнымъ подробное донесеніе. Работа Омскѣ была затруднена тѣмъ что благодаря нескромности одного изъ лицъ которому имѣлъ рекомендацію мое инкогнито стало достояніемъ гласности что заставило до крайности усилить конспиративность ущербъ производительности работы однако удалось установить контактъ политическими группами соорганизовать взаимодѣйствіе ихъ съ боевыми отрядами Омска Петропавловска объединить ихъ на общей безпартійной программѣ обезпечить притокъ средствъ торгово-промышленныхъ круговъ поставить главѣ объединенныхъ военныхъ организацій опытнаго начальника послѣ переворота получившаго высокій постъ составѣ сибирской военной администраціи. Дальнѣйшая работа намѣчалась Иркутскѣ дорогой делегація останавливалась три дня Томскѣ гдѣ былъ установленъ контактъ потанинскимъ кружкомъ и даны общія директивы для согласованія работы военныхъ организацій. Пребываніе Иркутскѣ

продолжалось 4 по 25 мая оттуда послано два донесенія работа велась томъ направленіи какъ Омскѣ дала хорошіе результаты смыслѣ согласованія разрозненныхъ усилій различныхъ группъ признанія военными принципа безпартійности и замѣны коллективнаго начала командованія единоличнымъ въ лицѣ боевого начальника который послѣ переворота остался Иркутскѣ высокомъ отвѣтственномъ посту. Однако вопросъ финансированія боевыхъ отрядовъ Иркутскѣ рѣшился менѣе благопріятно вслѣдствіе разгона крупныхъ торговопромышленныхъ дѣятелей и отсутствія у самой делегаціи достаточныхъ денежныхъ средствъ. Для выполненія задачи указанной Наказомъ о поискѣ и вступленіи контактъ краевымъ правительствомъ предстояло выѣхать далѣе востокъ такъ какъ избранная январѣ областной думой Томскѣ группа лицъ именовавшихъ себя сибирскимъ правительствомъ по полученнымъ свѣдѣніямъ организовывалась Харбинѣ. Крайнія строгости установленныя совдепами для контроля лицъ слѣдующихъ изъ Иркутска дальній востокъ заставили принять особыя мѣры предосторожности смыслѣ тщательнаго пересмотра багажа и взятой собой литературы причемъ послѣдней пришлось значительной мѣрѣ пожертвовать. Невозможность проникнуть черезъ боевые фронты раіонѣ станціи Маньчжурія принудили избрать кружный маршрутъ Срѣтенскъ Благовѣщенскъ Хабаровскъ. Благовѣщенскѣ остановились двое сутокъ знакомясь обстановкой на мѣстѣ и китайскомъ Сахалянѣ. Изъ Никольска Уссурійскаго виду закрытія пути на Пограничную делегація направилась Владивостокъ гдѣ пробыла 11 до 18 Іюня здѣсь получены свѣдѣнія подтвердившія имѣвшіяся уже данныя о безпочвенности и недѣеспособности дальневосточной группы сибирскаго правительства. Совпавшія прибытіемъ делегаціи строгія репрессіи совдепа отношеніи главныхъ дѣятелей мѣстныхъ военныхъ организацій связи особыми условіями Владивостока гдѣ меня могли узнать и выдать многія лица которыми я соприкасался раньше живя на Дальнемъ Востокѣ диктовали поведеніи здѣсь большую осторожность почему работа ограничилась информированіемъ у небольшого круга надежныхъ знакомыхъ а выѣздъ морскимъ путемъ произведенъ тайно при содѣйствіи одного изъ иностранныхъ консуловъ. Прослѣдовавъ черезъ Гензанъ Сеулъ Мукденъ прибыли 25 іюля Харбинъ гдѣ будучи поставлены необходимость временно прекратить работу делегаціи я и А. предложенію Хорвата согласились принять назначеніе въ формировавшееся имъ правительство которое по программѣ и задачамъ являлось почти тождественнымъ съ возглавляемой Вами организаціей въ то время какъ дальневосточное сибирское правительство не являло никакихъ гарантій плодотворной работы въ направленіи возстановленія боевой мощи Россіи. Вступленіе составъ правительства Хорвата было обусловлено полученіемъ какъ только откроется телеграфная связь Вашего согласія по поводу чего и испрашиваю указаній. Въ заключеніе считаю необходимымъ донести выдающихся заслугахъ по дѣятельности составѣ делегаціи моего ближайшаго сотрудника А. на долю котораго выпала главная тяжесть военно-политической работы въ западной и центральной Сибири связанная съ необходимостью напряженнѣйшаго труда и ежечасной опасностью которая усугублялась тѣмъ что онъ проживалъ подъ настоящей фамиліей и какъ служившій ранѣе Сибири почти вездѣ рисковалъ быть узнаннымъ почему ходатайствую о разрѣшеніи представить его наградѣ какъ за военное отличіе. Особыя условія въ которыхъ находилась делегація во время ея работы въ Сибири и крайне тягостныхъ передвиженій а также рядъ неблагопріятныхъ случайностей и отсутствіе возможности пополнить запасъ средствъ привели почти полному израсходованію отпущенныхъ денежныхъ авансовъ. Прошу если имѣются свѣдѣнія сообщить судьбѣ Новочеркасска

N.

28 сентября
1918 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 12.

Омскъ Штаверхъ Полковнику Генеральнаго Штаба Лебедеву

Освѣдомившись Вашемъ пріѣздѣ Сибирь сообщаю я и А. выполняя возложенное порученіе прибыли лѣтомъ Дальній Востокъ гдѣ пока остаемся ожиданіи указаній посланъ

цѣлый рядъ донесеній на которыя никакого отвѣта не получено послѣднее донесеніе было послано сентябрѣ телеграфомъ въ Уфу гдѣ предполагалъ Алексѣева узнавъ что его тамъ нѣтъ телеграфировалъ Розанову просьбу телеграмму переслать мѣсту нахожденія. Прошу телеграфировать имѣющіяся свѣдѣнія и если есть указанія для ввѣренной мнѣ делегаціи

10 ноября. 1918 г 146 N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 13.

Записка ген. Парису для передачи по телеграфу.

N. проситъ передать генералу Алексѣеву или замѣстителю что исполняя порученіе N. А. прибыли Дальній Востокъ гдѣ остаются ожиданіи указаній. Изъ Сибири посланъ рядъ донесеній курьерами по открытіи сообщенія Уфой сентябрѣ послана подробная телеграмма для передачи Алексѣеву также телеграфировано кратко черезъ Лондонъ ни на одно донесеніе отвѣта не получено N. проситъ оказать матеріальную помощь его семьѣ сообщить ей что онъ Владивостокѣ благополучно.

13 ноября 1918 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 14.

Изъ Омска отъ 7 сентября 1918

Харбинъ N. мѣсту нахожденія.

Группа извѣстныхъ Вамъ лицъ горячо привѣтствуя Васъ Вашихъ спутниковъ долгомъ опасномъ тяжеломъ пути за Ваше единеніе генераломъ Хорватомъ и его сотрудниками мы выражаемъ твердую увѣренность часъ объединенія нашихъ силъ Вашими близокъ положеніе здѣсь доложитъ нашъ курьеръ прибытіе всѣхъ васъ Омскъ нашему убѣжденію усилитъ ускоритъ процесъ скрѣпленія элементовъ стоящихъ платформѣ Единая Россія

М Л.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 15.

Омскъ М.

Высоко цѣня помощь и поддержку оказанныя мнѣ Омскѣ при выполненіи порученія возложеннаго на меня и моихъ спутниковъ генераломъ Алексѣевымъ отъ лица Дѣлового Кабинета Генерала Хорвата себя лично благодарю Васъ и всѣхъ лицъ приславшихъ намъ привѣтствіе Взаимно надѣемся скорѣйшее объединеніе вокругъ единой твердой русской власти всѣхъ государственно мыслящихъ людей

66 N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 16.

Телеграмма изъ Омска на имя N полученная въ Харбинѣ 28-го августа (10 сентября) черезъ дипломатическаго агента въ Монголіи.

Въ цѣляхъ правильнаго информированія Васъ о происходящихъ въ настоящее время въ Россіи и Сибири событіяхъ позволяемъ себѣ поставить Васъ въ извѣстность о томъ отношеніи, какое сейчасъ наблюдается въ разныхъ общественныхъ и политическихъ кругахъ въ Россіи и Сибири къ этимъ событіямъ.

Возникающія мѣстныя временныя правительства въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ признаются всѣми, начиная отъ праваго соціалистическаго объединенія до монархистовъ включительно, какъ законныя, поскольку они руководствуются общегосударственными законами или законами издаваемыми ими самими, если эти законы вызваны неотложными мѣстными нуждами и не противорѣчатъ общегосударственнымъ и если эти правительства не имѣютъ въ себѣ препятствій къ организаціи обще-россійской власти.

Соціалистическія партіи, начиная отъ эс-эровскаго центра и влѣво къ оцѣнкѣ дѣятельности персональнаго состава временныхъ правительствъ подходятъ съ точки зрѣнія, поскольку эти правительства стремятся закрѣпить прежде всего завоеванія революціи въ странѣ, которую мыслятъ какъ федеративную республику; противоположное объединеніе, куда входятъ эс-эры (правые), народные соціалисты, Единство и далѣе вправо, оцѣниваютъ временныя правительства съ точки зрѣнія готовности во что бы то ни стало прежде всего, возсоздать государство, для чего считаютъ необходимымъ реальное вмѣшательство союзниковъ немедленно.

По вопросу объ образованіи Всероссійской государственной власти между этими различными объединеніями лежитъ глубокая пропасть.

Первую точку зрѣнія поддерживаетъ Самарскій комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія, Сибирская областная дума и отчасти національныя, нынѣ появившіяся, правительства Киргизъ, Татаръ и Башкировъ, вторую — Сибирское Правительство и казачьи войска, которыя тоже возглавляются своими правительствами.

Бывшее въ Челябинскѣ 25-го августа вторичное совѣщаніе разныхъ правительствъ и партій, пытавшееся примирить эти два теченія, оказалось безрезультатнымъ; теперь оно перенесено въ Уфу на 1-ое сентября.

Можно съ увѣренностью утверждать, что и оно закончится такъ же безрезультатно и возможно даже формальнымъ разрывомъ, ибо Самарскій Комитетъ не мыслитъ будущее Всероссійское Правительство безъ контроля надъ нимъ осколковъ Учредительнаго Собранія прошлогодняго созыва; государственно мыслящіе элементы общества и партіи отъ народныхъ соціалистовъ и Единства вправо совершенно не признаютъ этого Учредительнаго Собранія и Сибирскую Думу и мыслятъ будущую власть только на принципахъ диктатуры — пока еще не выяснено, единоличной или коллективной; торгово-промышленный и домовладѣльческій съѣздъ Сибири и Урала также партія ка-де склонны къ единоличной.

Въ Сибирскую Думу цензовые элементы и партія ка-де постановили не идти и вообще ее не признаютъ.

Правительство Генерала Хорвата встрѣчаетъ единодушное одобреніе всѣхъ государственно мыслящихъ круговъ до праваго соціальнаго блока включительно.

Можно полагать, что Западно-Сибирское Правительство пойдетъ навстрѣчу генералу Хорвату.

Владивостокское Дерберовское правительство не встрѣчаетъ абсолютно никакого сочувствія и признанія не получитъ.

Все общественное крестьянство жаждетъ только порядка, оно устало, рабочіе все еще разжигаются интернаціоналистами, хотя держатся пассивно.

Желательно возможно скорѣе продвиженія васъ на западъ, иначе все можетъ погибнуть въ междуусобныхъ спорахъ.

До сихъ поръ нѣтъ яснаго отношенія союзниковъ къ нашимъ внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ ихъ слово будетъ рѣшающимъ, ибо безъ крайне спѣшной поддержки насъ снаряженіемъ, вооруженіемъ и товарами извнѣ никакое правительство не удержится.

Надѣемся что генералу Хорвату удалось получить принципіальное согласіе союзниковъ на помощь и Государство будетъ спасено, иначе наступитъ анархія.

Члены союза возрожденія Россіи

М и (?)

ПРИЛОЖЕНІЕ № 17.

Омскъ М

Телеграмму Вашу о происходящихъ Россіи Сибири политическихъ событіяхъ получилъ приношу глубокую благодарность за информацію которая здѣсь оказалась весьма кстати. Спѣшу сообщить Вамъ состоявшемся между правительствами Хорвата и Вологодскаго полномъ соглашеніи по вопросу объ объединеніи власти что надо надѣяться не замедлить оказать благотворное вліяніе на всю политическую обстановку Дальняго Востока.

16 сент. 1918 г. N.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 18.

Записка о Генералъ-Лейтенантѣ Д. Л. Хорватѣ и политикѣ державъ на Дальнемъ Востокѣ въ 1918 году *.

Къ концу іюня мѣсяца 1918 г. на нашемъ Дальнемъ Востокѣ стали обнаруживаться признаки близкаго паденія совѣтскаго режима. Въ Сибири въ это время, при участіи чехословацкихъ эшелоновъ, слѣдовавшихъ въ восточномъ направленіи, власть большевиковъ уже была отчасти свергнута, но борьба еще продолжалась. Во Владивостокѣ чехи, благополучно успѣвшіе проскочить туда изъ Сибири въ числѣ нѣсколькихъ полковъ, держали себя наружно спокойно, но начальство ихъ, въ лицѣ русскаго генерала Д., повидимому къ чему то готовилось. Однако подготовка велась настолько конспиративно, что ничего опредѣленнаго относительно возможнаго вооруженнаго выступленія, ни во Владивостокѣ, ни въ Харбинѣ, извѣстно не было. О немъ ничего не знали наканунѣ выступленія и тѣ общественные круги, которые въ послѣдніе мѣсяцы подготовляли вооруженное возстаніе противъ большевиковъ. (Работа эта во Владивостокѣ велась не только съ вѣдома, но и при содѣйствіи, нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ консуловъ.)

Въ это время наиболѣе видные дѣятели Владивостокской боевой организаціи, заключенные большевиками въ началѣ іюня въ тюрьму, ожидали тамъ своей участи, которая для большинства изъ нихъ могла сложиться крайне трагически. Состоявшееся, наконецъ, 29 іюня** вооруженное выступленіе чехословаковъ, предпринятое подъ флагомъ оказанія помощи своимъ сородичамъ, якобы ведущимъ неравную борьбу въ Сибири, въ нѣсколько часовъ свергло власть владивостокскаго совдепа и спасло жизнь узникамъ. Русская боевая организація, хотя и устраненная чехами отъ активной роли, успѣла однако быстро изготовиться и принять участіе въ бою. Послѣ очищенія отъ большевиковъ Владивостока, чехи продолжали наступленіе и къ 5 іюля заняли Никольскъ-Уссурійскій.

Создавшееся въ результатѣ этихъ событій положеніе, при которомъ русская правительственная власть во Владивостокѣ оказалась вакантной, было ловко использовано группой лицъ, именовавшей себя «Правительствомъ Автономной Сибири» (кратко — Сибирское правительство), которая, претендуя на государственную власть въ силу состоявшагося будто-бы въ январѣ 1918 г. избранія ея членовъ Областной Сибирской Думой (отъ участія въ которой были устранены всѣ элементы правѣе соціалистовъ), — послѣ долгихъ скитаній и тщетныхъ попытокъ найти точки опоры въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги, — къ 29 іюня, повидимому не безъ предупрежденія со стороны чеховъ, оказалась во Владивостокѣ, гдѣ тотчасъ поспѣшила возглавить переворотъ, объявивъ себя правительствомъ въ раіонѣ, освобожденномъ отъ большевиковъ***.

* Эта записка была, въ дополненіе къ личному докладу, представлена въ концѣ 1918 г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ Всероссійскаго Верховнаго Правителя, адмирала А. В. Колчака; другой экземпляръ ея былъ представленъ генералу А. И. Деникину при отчетѣ о Командировкѣ въ Сибирь. Подстрочныя примѣчанія прибавлены впослѣдствіи.

** Всѣ числа по новому стилю.

*** Эта группа состояла изъ 6—8 лицъ, т. е. не болѣе одной трети всего состава, избраннаго Думой. Остальныя двѣ трети послѣ ликвидаціи Думы, разсѣялись по раз-

Будучи по происхожденію и по существу организаціей чисто партійнаго, соціалистическаго, характера, названная группа встрѣтила поддержку со стороны единомышленныхъ съ нею колективовъ, въ лицѣ городской думы и областного земскаго собранія, — въ свое время разогнанныхъ большевиками, а послѣ переворота 29 іюня возстановленныхъ. Не встрѣтивъ, однако, никакого сочувствія со стороны цензовыхъ элементовъ и военныхъ круговъ Владивостока, Сибирское правительство, возглавленное П. Я. Дерберомъ, сочло за лучшее, — оставляя за собой роль вдохновителя, — передать официальныя функціи государственной власти покорному ему областному земству, которое, хотя и не будучи правомочнымъ для принятія на себя этихъ функцій, взамѣнъ того, какъ избранное въ 1917 году по «четыреххвосткѣ» отъ всего населенія области, могло больше претендовать на ореолъ «всенароднаго» избранія. Консулы союзныхъ державъ, лишь крайне поверхностно знакомые съ подлинной русской жизнью, но озабоченные скорѣйшимъ созданіемъ обстановки, благопріятной для предстоящей военной интервенціи въ Сибири, поспѣшили санкціонировать совершившійся фактъ, признавъ областную земскую управу, возглавляемую бывшимъ политическимъ эмигрантомъ Медвѣдевымъ, законною мѣстною властью на освобожденной отъ большевиковъ територіи и вступивъ съ нею въ дѣловыя сношенія.

Тому же земству «консульскимъ корпусомъ» разрѣшено принять въ свое вѣдѣніе и находящіяся во Владивостокѣ русскія вооруженныя силы (бывшую боевую организацію). При этомъ, вѣроятно, подъ закулиснымъ вліяніемъ Дерберовскаго правительства, имѣвшаго вѣскія основанія опасаться появленія на сцену другихъ вооруженныхъ силъ, несклонныхъ играть ему въ руку, было постановлено владивостокскія войска признать единственной легальной русской военной силой. Путемъ хитросплетенныхъ интригъ добились и того, что во главѣ этихъ войскъ, вмѣсто энергичнаго и несклоннаго къ компромиссамъ лица, возглавлявшаго тайную военную организацію и только что освобожденнаго изъ тюрьмы, былъ поставленъ мало извѣстный въ военныхъ кругахъ, но болѣе покладистый полковникъ Толстовъ — человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій и незначительный по характеру.

Пока указанныя событія происходили во Владивостокѣ, въ Харбинѣ назрѣвало выступленіе генерала Хорвата.

Являясь убѣжищемъ, куда спасались отъ большевицкаго терора многіе энергичные офицеры и видные общественные дѣятели, Харбинъ еще съ зимы 1917—1918 гг. оказался центромъ, въ которомъ, подъ руководствомъ Управляющаго К. В. желѣзной дорогой, генерала Хорвата, велась подготовка къ сверженію въ Россіи совѣтской власти. Здѣсь собирались, вооружались и снабжались офицерскіе и добровольческіе отряды, тутъ-же велось обсужденіе вопроса о конструированіи будущей всероссійской власти. Въ числѣ разныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, дѣлались и шаги для соглашенія съ дерберовской группой, имѣвшіе цѣлью достигнуть коалиціи послѣдней съ цензовыми элементами, но программныя разногласія и сомнѣнія въ моральной доброкачественности наличнаго состава «Сибирскаго правительства» мѣшали намѣчавшемуся соглашенію. Одной изъ второстепенныхъ причинъ этой неудачи былъ также и образъ дѣйствій дерберовцевъ, которые, не будучи повидимому въ силахъ отрѣшиться отъ пріемовъ партійной борьбы, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ агитировали среди низшихъ жел.-дор. служащихъ и рабочихъ противъ ген. Хорвата, подстрекая ихъ къ неповиновенію его распоряженіямъ, какъ начальника дороги, въ то самое время, когда вели съ нимъ переговоры о коалиціи.

Нельзя не признать большой политической ошибкой со стороны бывшаго управляющаго К. В. желѣзной дорогой, что послѣ выясненія непримиримости позиціи, занятой въ отношеніи него дерберовской организаціей, онъ не принялъ мѣръ къ ея ликвидаціи или, хотя-бы, къ невыпуску ея изъ Харбина. Будь это сдѣлано своевременно, была бы устранена возможность появленія ея въ концѣ іюня во Владивостокѣ, гдѣ дерберовцы, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, сыграли крайне отрицательную роль въ отношеніи установленія на Дальнемъ Востокѣ твердой государственной власти.

нымъ городамъ Сибири, проживая въ нихъ, при большевикахъ, на нелегальномъ положеніи. Изъ нихъ образовалось впослѣдствіи Врем. Сибирское правительство въ Омскѣ.

Въ концѣ концовъ общественные круги полосы отчужденія, руководимые «Дальне-восточнымъ Комитетомъ» склонились къ убѣжденію, что будущее правительство въ Россіи должно быть организовано на началахъ единоличной власти, въ качествѣ же носителя этой власти на первое время намѣчался Дмитрій Леонидовичъ Хорватъ.

Этотъ извѣстный и за предѣлами Дальняго Востока дѣятель, свыше 15 лѣтъ состоявшій на отвѣтственномъ посту управляющаго Китайской Восточной желѣзной дорогой, искусившійся въ сношеніяхъ съ иностранцами, сумѣвшій поддержать порядокъ и твердую власть въ полосѣ отчужденія дороги въ то время, какъ въ Россіи свирѣпствовали анархія и комиссародержавіе, — естественно самой судьбой намѣчался въ высшіе руководители государственной жизни Россіи на Д. Востокѣ. Не смотря на природную скромность и полное отсутствіе честолюбивыхъ стремленій, Д. Л. Хорватъ, побуждаемый мѣстными политическими группами, а также приглашеніями изъ Россіи принять на себя полноту власти, обнадеженный иностранными представителями въ Харбинѣ, что его выступленіе въ качествѣ главы правительства встрѣтитъ со стороны союзныхъ державъ сочувствіе и поддержку, — рѣшилъ, наконецъ, объявить себя, одновременно съ началомъ союзнической интервенціи, единоличнымъ временнымъ правителемъ, но признавая необходимымъ сдѣлать это на русской територіи, ожидалъ результатовъ наступленія подчиненныхъ ему отрядовъ, направленныхъ въ Забайкалье и въ Южно-Уссурійскій край.

Существованіе въ раіонѣ станцій Пограничной и Гродеково «боевого фронта» уже давно прервало прямое сообщеніе Харбина съ Владивостокомъ. Телеграфныя и почтовыя сношенія между этими городами велись черезъ Корею и Японію съ большими задержками. О происшедшемъ 29 іюня переворотѣ, въ Харбинѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней ничего не знали. Къ 2—3 іюля было обнаружено исчезновеніе дерберовской группы, а одинъ изъ представителей ея, «военный министръ» Краковецкій, задержавшійся отъѣздомъ, въ откровенной бесѣдѣ съ двумя прибывшими въ Харбинъ представителями организаціи генерала М. В. Алексѣева (Добровольческой арміи) безъ обиняковъ заявилъ, что его коллеги выѣхали кружнымъ путемъ во Владивостокъ, съ цѣлью объявить себя, одновременно съ началомъ выступленія союзниковъ, законнымъ правительствомъ Сибири и вступить въ отправленіе своихъ функцій.

Когда объ этомъ стало извѣстно Д. Л. Хорвату, что совпало съ появленіемъ первыхъ слуховъ о выступленіи во Владивостокѣ чехо-словаковъ, онъ поспѣшилъ послать генералу Д. телеграмму съ предупрежденіемъ, что дерберовская организація можетъ попытаться использовать сверженіе чехами совдепа для того, чтобы захватить власть въ свои руки. Какъ выяснилось впослѣдствіи, телеграмма эта не была доставлена, вѣроятно благодаря своевременно установленной цензурѣ.

4 іюля въ Харбинѣ были получены первыя достовѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Приморской области. Немедленно рѣшено использовать отвлеченіе силъ большевиковъ, чтобы дѣйствовавшій отъ станціи Пограничной отрядъ продвинуть къ Никольску-Уссурійскому, съ цѣлью, захвативъ послѣдній, отрѣзать краснымъ путь отступленія отъ Владивостока. Наступленіе повелъ авангардъ подъ начальствомъ есаула Калмыкова; за нимъ вслѣдъ наступали главныя силы «Россійскихъ войскъ» подъ командой генерала Хрещатицкаго.

Тѣмъ временемъ Хорватъ окончательно сформировалъ свой кабинетъ, присвоивъ ему наименованіе «Дѣлового Кабинета Временнаго Правителя»; въ составъ его вошли главнымъ образомъ сибиряки, изъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, а именно С. В. Востротинъ, С. А. Таскинъ (оба — члены Государственной Думы) Л. А. Уструговъ, А. М. Окороковъ и М. О. Курскій, а изъ несибиряковъ В. Е. Флугъ и В. А. Глухаревъ. О предстоящемъ провозглашеніи себя Правителемъ и образованіи кабинета ген. Хорватомъ 5 іюня посланы телеграммы россійскимъ представителямъ въ Пекинѣ, Токіо, Вашингтонѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ, для доведенія до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ, съ просьбою о признаніи державами и объ оказаніи поддержки. Вслѣдъ за этимъ, по освѣдомленіи о занятіи ген. Хрещатицкимъ участка русской территоріи, Вр. Правитель и Дѣловой кабинетъ выѣхали на станцію Гродеково (при одноименной казачьей станицѣ),

гдѣ 9 іюля, т. е. десять дней спустя послѣ сверженія во Владивостокѣ совѣтской власти, состоялась офиціальная декларація о вступленіи въ функціи государственной власти. Объявленная одновременно политическая программа Вр. Правителя, отмѣняя всѣ законы и распоряженія совѣтской власти и подтверждая свободы, которыя дала революція, главной цѣлью предстоящей дѣятельности ставила возстановленіе въ странѣ твердаго порядка и доведеніе ея до Учредительнаго Собранія.

Промедленіе въ выступленіи Вр. Правителя, зависѣвшее, какъ видно изъ предыдущаго, частью отъ причинъ неустранимыхъ, но главнымъ образомъ отъ плохой информаціи и недостаточной рѣшительности дѣйствій, оказало пагубное вліяніе на успѣхъ дальнѣйшихъ начинаній новой власти, такъ какъ въ то время, когда она только заявляла о своемъ существованіи и притомъ вдали отъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ края, другой претендентъ на власть въ лицѣ «Правительства Автономной Сибири», будучи уже до извѣстной степени хозяиномъ во Владивостокѣ и Никольскѣ, успѣлъ въ значительной степени укрѣпить свое положеніе и путемъ ловко пущенныхъ черезъ печать и молву обвиненій «хорватовцевъ» въ монархизмѣ, черносотенствѣ и т. п. сильно подорвать Вр. Правителя и Дѣловой Кабинетъ, — не только въ мнѣніи многочисленныхъ группъ мѣстнаго населенія, но и среди представителей союзныхъ державъ во Владивостокѣ.

Если первое — при повальной болѣзни, называемой «боязнью контръ-революціи», которой заболѣла такъ называемая «демократическая» Россія послѣ 2 марта 1917 года, — не должно вызывать удивленія, то второе, т. е. подрывъ хорватовскаго предпріятія во мнѣніи иностранцевъ, представляется явленіемъ болѣе сложнымъ и требующимъ спеціальнаго поясненія.

Дѣло въ томъ, что чехо-словаки, которымъ Сибирь была обязана сверженіемъ большевицкаго режима, подверглись въ Россіи въ 1917 г. сильной соціалистической пропагандѣ, которая упала на благопріятную почву, т. к. комплектуясь главнымъ образомъ изъ состава военноплѣнныхъ нижнихъ чиновъ, при небольшомъ лишь процентѣ офицеровъ постоянной службы, чехо-словацкіе полки представляли сплошь демократическую массу, еще на родинѣ подготовленную для воспріятія соціалистическихъ идей. Большевизмъ также оказалъ на нихъ свою долю вліянія, что выразилось въ снятіи погонъ, пренебреженіи къ отданію чести, симпатіяхъ къ выборному началу при замѣщеніи должностей въ войскахъ и т. п. Можно съ увѣренностью сказать, что столь ярко выразившаяся ненависть чехо-словаковъ къ большевикамъ далеко не имѣла объектомъ большевизмъ, какъ политическое ученіе. Вражда ихъ была направлена исключительно противъ русской совѣтской власти, которая, взявъ на себя неблагодарную роль приспѣшника Германіи и опираясь въ значительной степени на штыки заклятыхъ враговъ чеховъ, — военноплѣнныхъ изъ мадьяръ, — сразу заняла непріязненную въ отношеніи чеховъ позицію, насильно задерживая ихъ въ негостепріимной Сибири и этимъ препятствуя ихъ естественному стремленію къ сближенію съ далекой родиной. Небольшевицкіе соціалистическіе круги Россіи чехо-словакамъ сочувствовали не только какъ предполагаемымъ избавителямъ отъ совѣтскаго ига, но и какъ партійнымъ единомышленникамъ и симпатія эта была взаимна.

При этихъ условіяхъ чехо-словакамъ не могли быть симпатичны русскіе боевые отряды, составленные изъ бывшихъ офицеровъ, которые въ большинствѣ явно жаждали возвращенія къ старому режиму, — если не въ смыслѣ формы правленія, то, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи возстановленія дореволюціоннаго воинскаго обихода, съ присущими ему строгой дисциплиной, твердымъ внутреннимъ порядкомъ, ношеніемъ внѣшнихъ воинскихъ отличій и т. п. Неоднократно приходилось слышать отъ чешскихъ начальниковъ, что ихъ подчиненные подозрительно смотрятъ на русскіе отряды, въ которыхъ мелькаютъ блестящіе офицерскіе погоны, и неохотно сражаются съ ними рядомъ, приписывая имъ скрытыя стремленія къ возстановленію Царской власти. Послѣдняя же въ глазахъ чеховъ, по словамъ тѣхъ же начальниковъ, дискредитировала себя тѣмъ, что, будто-бы, косо смотрѣла на военноплѣнныхъ чехословацкаго происхожденія, не достаточно охотно идя на встрѣчу ихъ стремленію къ образованію боевыхъ единицъ для борьбы со своимъ законнымъ государемъ.

Между тѣмъ, первое осуществленіе интервенціи союзниковъ выпало именно на чешскія войска и, только нѣсколько недѣль спустя послѣ ихъ выступленія во Владивостокѣ. туда стали прибывать слабыя подкрѣпленія изъ англичанъ, французовъ и японцевъ. Въ теченіе первыхъ недѣль послѣ переворота чехи безраздѣльно господствовали во Владивостокѣ, безъ всякаго стѣсненія вмѣшиваясь въ наши гражданскіе распорядки и, только для вида, прикрывая такое вмѣшательство своими военными интересами. Первоначально и самая интервенція офиціально имѣла задачей выручку чехословацкихъ войскъ, тѣснимыхъ большевиками въ Сибири.

При очерченныхъ условіяхъ становится понятнымъ, почему консулы союзныхъ державъ во Владивостокѣ, на которыхъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ (между прочимъ — недостаточной подготовки союзниками своего выступленія въ Сибири), выпала совершенно несвойственная ихъ прямымъ обязанностямъ роль дипломатическихъ представителей, легко подпали вліянію чехословаковъ въ отношеніи усвоенія точки зрѣнія послѣднихъ на разыгравшіяся событія, а также на значеніе органовъ мнимаго русскаго «народоправства», оказавшихся къ моменту переворота во Владивостокѣ.

Все это могло-бы, конечно, сложиться иначе, если-бы среди консуловъ оказались лица съ болѣе высокимъ умственнымъ уровнемъ и умѣющіе лучше разбираться въ явленіяхъ русской общественной жизни, но этого какъ разъ не случилось, да и трудно было этого ожидать, когда всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна изъ союзныхъ державъ* готова была Ленина и Троцкаго признать истинными избранниками русскаго народа.

Естественно, что при такихъ условіяхъ появленіе на сценѣ полторы недѣли спустя послѣ переворота какого-то «Правителя», заранѣе опороченнаго соціалистической печатью въ качествѣ «диктатора» и предтечи будущаго монарха, пугая возможностью новой гражданской войны и внося вмѣстѣ съ тѣмъ путаницу въ налаживающійся уже порядокъ взаимныхъ отношеній (при которыхъ русская власть была «на посылкахъ» у иностранцевъ), — такое появленіе представителя суверенитета Россіи не могло казаться желательнымъ гг. консуламъ, что и не замедлило отразиться въ ихъ донесеніяхъ своимъ правительствамъ и въ ихъ распоряженіяхъ. Въ результатѣ всего этого произошло слѣдующее:

1. Когда авангардъ ген. Хрещатицкаго подошелъ къ станціи Голенки, верстъ 30 не доходя Никольска-Уссурійскаго, жел. дорога впереди его оказалась разобранной, а чехословаки встрѣтили русскія войска въ боевомъ порядкѣ. Ихъ заставы отказались пропустить въ Никольскъ даже отдѣльныхъ чиновъ нашего авангарда. Словесныя объясненія ни къ чему не привели. Посланное въ Никольскъ, черезъ старшаго чешскаго начальника, офиціальное письмо отъ ген. Хрещатицкаго генералу Д. содержавшее предложеніе совмѣстныхъ дѣйствій противъ германо-большевиковъ, съ откровеннымъ перечисленіемъ нашихъ частей, которыя могли бы принять участіе въ наступленіи, не было принято адресатомъ и вернулось нераспечатаннымъ. Съ трудомъ удалось получить разрѣшеніе на пропускъ русскаго штабъ-офицера, для переговоровъ во Владивостокъ. На Россійскія войска, которыя вступили на родную територію, одушевленныя самымъ горячимъ желаніемъ возможно скорѣе вступить въ бой съ предателями Россіи, такой пріемъ со стороны братьевъ-славянъ естественно долженъ былъ подѣйствовать, какъ ушатъ холодной воды на голову.

2. Консульскій корпусъ во Владивостокѣ на общемъ собраніи постановилъ: просить свои правительства о предложеніи ген. Хорвату немедленно отозвать его войска въ предѣлы полосы отчужденія К. В. жел. дороги, а самому ему обратиться къ исполненію обязанностей Директора той-же дороги.

Въ это время Правитель, естественно стремясь къ тому, чтобы стать въ болѣе благопріятныя условія для осуществленія своей власти, велъ переговоры съ командующимъ чехо-словацкими войсками о допущеніи Россійскихъ войскъ въ Никольскъ, для дальнѣйшаго продвиженія части ихъ на боевой фронтъ противъ Хабаровска. Генералъ Д., не настаивая на требованіи объ отводѣ войскъ — согласно постановленія консуловъ —

* Соединенные Штаты С. А.

за границу, не соглашался однако на вступленіе ихъ въ Никольскъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что это, будто бы, могло повести къ междуусобіямъ и тѣмъ усложнить положеніе въ тылу чехо-словаковъ, оперирующихъ на Хабаровскъ. Генералъ отказался также и отъ содѣйствія Россійскихъ войскъ въ этой операціи, несмотря на тяжелое положеніе его отряда, выдвинувшагося отъ Никольска къ Спасскому, не имѣя достаточной артиллеріи.

Послѣ переговоровъ, длившихся недѣли три, причемъ чешскій начальникъ, ведя переговоры съ Вр. Правителемъ, въ то же время сепаратно договаривался съ подчиненнымъ Правителю есауломъ Калмыковымъ, было рѣшено въ число войскъ, дѣйствующихъ въ Хабаровскомъ направленіи, включить только отрядъ Калмыкова.

Этотъ послѣдній, считавшійся, на основаніи какого-то сомнительнаго избранія, атаманомъ Уссурійскаго казачьяго войска, велъ себя уже тогда довольно двусмысленно, наружно подчиняясь генералу Хорвату, но въ то же время почти открыто заявляя о своей «автономіи» и, въ качествѣ представителя казачьей «демократіи», поддерживая сношенія также и съ владивостокскимъ Сибирскимъ правительствомъ.

Отъ предложенной Вр. Правителемъ генералу Д. тяжелой и легкой артиллеріи послѣдній вторично отказался, за что и былъ въ скоромъ времени наказанъ разгромомъ, понесеннымъ отъ превосходившихъ его количествомъ артиллеріи красныхъ. Послѣдствіемъ этого пораженія былъ отходъ его отряда на 3—4 перехода назадъ. Прибывшими подкрѣпленіями союзниковъ положеніе было возстановлено, послѣ чего, по смѣнѣ чеховъ японцами, продолжалось наступленіе на Хабаровскъ, который и былъ занятъ въ началѣ сентября.

Участіе въ этомъ наступленіи опредѣлило дальнѣйшую карьеру Калмыкова, который, несмотря на понесенное его отрядомъ въ началѣ наступленія сильное пораженіе, съ потерей данной ему союзниками артиллеріи, вскорѣ почему-то сталъ баловнемъ японцевъ, отъ которыхъ получалъ средства на содержаніе своего отряда. По занятіи Хабаровска это покровительство японцевъ было имъ использовано въ полной мѣрѣ для углубленія своей автономіи, которую онъ довелъ до степени непризнанія какой бы то ни было власти и необузданнаго произвола, какъ въ отношеніи мирнаго населенія, такъ и правительственныхъ учрежденій, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшихъ во время господства совѣтовъ.

Чехи тѣмъ временемъ были переброшены на Забайкальскій фронтъ, гдѣ большевики, нѣсколько разъ сумѣвшіе парализовать наступательныя попытки атамана Семенова, въ концѣ концовъ сами перешли въ рѣшительное наступленіе, принудивъ Семенова къ отходу на китайскую територію.

Атаманъ Семеновъ, оказывая подобно Калмыкову знаки наружнаго уваженія Вр. Правителю*, по существу такъ-же мало признавалъ его власть, находясь все время въ оживленныхъ сношеніяхъ съ дерберовскимъ правительствомъ и получая средства на содержаніе своего отряда непосредственно отъ иностранцевъ — сначала французовъ, потомъ японцевъ. Предпринятыя попытки побудить союзниковъ средства на содержаніе отряда Семенова асигновывать черезъ ген. Хорвата, потерпѣли полную неудачу.

Окончательный выходъ Семенова изъ подчиненія Вр. Правителю произошелъ, впрочемъ, нѣсколько позже, а именно въ концѣ августа, когда по установленіи связи Забайкалья съ Западной Сибирью, Семеновъ, недавно передъ тѣмъ расписавшійся на приказѣ Вр. Правителя о его производствѣ въ полковники, не постѣснялся принять отъ Сибирскаго (Омскаго) правительства должность командира корпуса, безъ испрошенія на то согласія ген. Хорвата.

Такъ, въ атмосферѣ сибирскаго многовластія и съ благословенія невѣдавшихъ, что творятъ, иностранцевъ, пышно расцвѣло на Дальнемъ Востокѣ «атаманство».

Пока происходила подготовка союзниками операціи на Хабаровскъ, обѣ претендовавшія на власть на Д. Востокѣ организаціи продолжали существовать рядомъ, взаимно одна другую парализуя. Въ составѣ Сибирскаго правительства произошли нѣко-

---

* Особенно, пока онъ получалъ отъ ген. Хорвата деньги на содержаніе своего отряда.

торыя перемѣны, повидимому въ цѣляхъ большей пріемлемости для извѣстныхъ круговъ населенія; такъ, между прочимъ, П. Я. Дерберъ, сохраняя портфель иностранныхъ дѣлъ, предсѣдательство въ совѣтѣ передалъ И. А. Лаврову.

Въ началѣ августа Вр. Правитель рѣшилъ свою резиденцію изъ Гродекова перенести во Владивостокъ, гдѣ онъ имѣлъ сильную поддержку въ несоціалистической части населенія. Ввиду бывшихъ попытокъ ареста и насильственнаго удаленія пріѣзжавшихъ туда раньше членовъ Дѣлового кабинета, ген. Хорватъ прибылъ съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, но по требованію союзниковъ былъ тотчасъ-же принужденъ этотъ почетный эскортъ отправить обратно въ Гродеково, гдѣ находились главныя силы его отряда*.

Такимъ образомъ прежняя предвзятость въ отношеніи Д. Л. Хорвата продолжала существовать въ полной мѣрѣ. Ожидать при этомъ условіи, чтобы благопріятно рѣшился вопросъ о признаніи его власти державами, очевидно, не приходилось. Донесенія владивостокскихъ консуловъ произвели свое дѣйствіе на подлежащія правительства, а также на акредитованныхъ при нихъ русскихъ представителей; въ Пекинѣ, благодаря искусной подготовкѣ агентами Дербера, наша миссія стала даже на почву полупризнанія Сибирскаго правительства, титулуя Лаврова и Дербера, въ сношеніяхъ съ ними, полными присвоенными ими себѣ званіями, чѣмъ сильно поддерживала ихъ престижъ въ нѣкоторыхъ слояхъ владивостокскаго населенія. Послѣднему въ то же время усиленно внушалось дерберовцами, что образовавшееся въ Омскѣ «Временное Сибирское правительство» (которое въ это время съ успѣхомъ насаждало власть въ Западной Сибири, отдѣленной отъ Дальняго Востока Забайкальской «пробкой», еще занятой большевиками) есть не болѣе какъ филіальное отдѣленіе подлиннаго «Правительства Автономной Сибири», пребывающаго во Владивостокѣ.

Въ то же время отношеніе Пекинской миссіи къ Вр. Правителю было болѣе, чѣмъ сдержаннымъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно было даже предполагать скрытое противодѣйствіе. Такъ, напр., отправленныя ген. Хорватомъ 5 іюля въ Лондонъ, Парижъ и Римъ шифрованныя телеграммы (съ извѣщеніемъ о принятіи на себя власти), которыя по условіямъ военной цензуры союзниковъ не могли быть адресованы непосредственно, а были направлены въ Пекинъ посланнику съ просьбой передать ихъ по назначенію, — въ дѣйствительности еще дней 8—10 спустя оказались не отправленными и по поводу ихъ поступилъ только запросъ къ Д.Л., слѣдуетъ ли отправлять ихъ ввиду измѣнившейся(?) обстановки. Благодаря этой задержкѣ первая информація о шагѣ, предпринятомъ Хорватомъ, нашими послами въ Англіи, Франціи и Италіи была получена изъ вторыхъ рукъ и въ тенденціозномъ освѣщеніи. Неудивительно послѣ того, что вмѣсто ожидаемой поддержки передъ союзными державами, отъ пословъ стали поступать плохо замаскированные совѣты о сложеніи власти, прикрывавшіеся сѣтованіями на тему о пагубности страсти русскихъ людей къ розни и раздорамъ, о недопустимости, чтобы иностранцы давали намъ, русскимъ, уроки патріотизма, и т. п.

Вскорѣ послѣ того было получено извѣстіе, что во Владивостокъ, гдѣ политика державъ была по прежнему въ неумѣлыхъ рукахъ консуловъ, выѣзжаютъ изъ Пекина черезъ Харбинъ два дипломатическихъ представителя Англіи и Франціи (гг. Ольстонъ и графъ Мартель) съ особымъ порученіемъ къ ген. Хорвату. По первымъ свѣдѣніямъ порученіе должно было носить характеръ дружественнаго совѣта ликвидироваться въ пользу Сибирскаго правительства. Но подъ вліяніемъ-ли информаціи отъ харбинскихъ консуловъ (вообще освѣдомленныхъ лучше своихъ владивостокскихъ колегъ и державшихся болѣе безпристрастной позиціи), или по какимъ-либо инымъ причинамъ, — но по прибытіи, въ первой половинѣ августа, во Владивостокъ, они свою миссію объяснили порученіемъ посовѣтовать ген. Хорвату вступить въ соглашеніе съ Лавровскимъ правительствомъ на предметъ образованія единой власти и, въ случаѣ согласія, предложить свое посредничество въ имѣющихъ произойти по этому поводу переговорахъ.

---

* Около $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

Почва къ такимъ переговорамъ оказалась уже нѣсколько подготовленной неофиціальными попытками, предпринятыми отдѣльными представителями обѣихъ организацій съ цѣлью достигнуть соглашенія; непосредственно передъ появленіемъ пекинскихъ дипломатовъ было получено офиціальное заявленіе И. А. Лаврова, переданное черезъ японскаго консула, съ предложеніемъ вступить въ переговоры съ Дѣловымъ кабинетомъ. Ввиду изъявленнаго согласія состоялось нѣсколько совѣщаній, которыя однако обнаружили почти непримиримыя разногласія въ взаимныхъ позиціяхъ делегатовъ обѣихъ организацій; переговоры внезапно прервались 24 августа вслѣдствіе письменнаго заявленія г. Лаврова о невозможности ихъ продолжать по причинѣ совершеннаго, будто-бы, противоположной стороной акта «вѣроломства» въ отношеніи Сибирскаго правительства.

Событія, послужившія основаніемъ къ такому заявленію, заключались въ слѣдующемъ.

Владивостокская боевая организація, послѣ переворота 29 іюня переименованная въ «войска Приморской области», подчиненныя полковнику Толстову, въ дѣйствительности продолжала состоять изъ 400—500 человѣкъ офицеровъ и учащейся молодежи, сведенныхъ въ слабо организованныя воинскія части, которыя носили однако внушительныя названія «Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ». Изъ двухъ такихъ полковъ, квартировавшихъ во Владивостокѣ, одинъ, состоявшій подъ начальствомъ боевого полковника Смирнова, былъ единственной частью, по своей организаціи и численности заслуживавшей до извѣстной степени присвоеннаго ей названія.

Чины этого полка, какъ и вообще офицеры гарнизона, въ подавляющемъ большинствѣ тяготились своимъ необычнымъ подчиненіемъ земской управѣ, возглавляемой бывшимъ политическимъ эмигрантомъ. Предвзятая точка зрѣнія этихъ «земцевъ» на Вр. Правителя, какъ врага народоправства, также не могла раздѣляться офицерами, въ глазахъ которыхъ ген. Хорватъ являлся патріотомъ, вокругъ котораго въ большевицкое время группировалось все враждебное совѣтской власти и отъ котораго отчасти получались и средства на содержаніе самой тайной организаціи.

При такомъ настроеніи офицеровъ вопросъ объ объединеніи такъ наз. Россійскихъ войскъ ген. Хорвата съ войсками, подчиненными полк. Толстову, естественно долженъ былъ стать на ближайшую очередь, а именно, въ формѣ подчиненія общему старшему начальнику. Въ качествѣ таковаго, на состоявшихся во Владивостокѣ совѣщаніяхъ представителей обѣихъ военныхъ группъ, былъ выдвинутъ старшій изъ наличныхъ боевыхъ генераловъ, главнокомандующій Россійскими войсками генералъ Плѣшковъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ командуя I Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ, квартировавшимъ въ Уссурійскомъ краѣ, былъ хорошо извѣстенъ большинству офицеровъ, а въ войну 1914—1917 гг., командуя тѣмъ же корпусомъ, пользовался выдающейся боевой репутаціей.

Полк. Толстовъ принципіально не возражалъ противъ такой постановки вопроса, но въ ту минуту, когда это должно было стать совершившимся фактомъ и ген. Плѣшковъ, прибывъ во Владивостокъ, отдалъ 23 августа приказъ съ объявленіемъ о своемъ вступленіи въ командованіе и съ предписаніемъ старшимъ начальникамъ прибыть къ нему для представленія, Толстовъ оказался единственнымъ уклонившимся отъ исполненія этого, основаннаго на точномъ смыслѣ воинскаго устава, распоряженія, за что и былъ отрѣшенъ отъ должности командующаго войсками.

Въ насыщенной міазмами политической атмосферѣ Д. Востока изложенный, простой самъ по себѣ, фактъ, въ которомъ выразилось естественное стремленіе офицерства къ возрожденію е д и н о й русской арміи и о которомъ были даже предупреждены нѣкоторые изъ иностранныхъ представителей, получилъ такое толкованіе, которое совершенно извратило его истинный смыслъ и стало источникомъ новыхъ осложненій.

Необычайное волненіе охватило прежде всего областную земскую управу, руководимую Медвѣдевымъ. Присвоивъ себѣ явочнымъ порядкомъ, съ благословенія невѣжественныхъ въ русскихъ законахъ иностранцевъ, прерогативы правительственной власти, управа въ подчиненіи ей войскъ, хотя бы только номинальномъ, усматривала одинъ изъ почетнѣйшихъ атрибутовъ этой власти и вдругъ, однимъ почеркомъ пера

«хорватовскаго» генерала, передъ всѣмъ синклитомъ союзниковъ, воочію обнаружились вся эфемерность притязаній управы на господство и явное отвращеніе военныхъ къ подчиненію подобнымъ соціалистическимъ колективамъ.

Волненіе земской управы передалось городскому самоуправленію, возглавляемому, такимъ же, какъ Медвѣдевъ, политическимъ эмигрантомъ Агаревымъ, а затѣмъ и вдохновлявшему оба эти учрежденія Лавровскому правительству, которое, потерявъ всякое самообладаніе и забывъ, что офиціально войска Приморской области подчинялись вовсе не ему, а земской управѣ, поспѣшило заявить Дѣловому кабинету, что усматривая въ происшедшемъ актѣ вѣроломства въ отношеніи себя, оно прерываетъ съ нимъ переговоры.

Оскорбленныя въ своихъ сокровенныхъ чувствахъ всѣ три организаціи, съ энергіей свойственной подпольнымъ дѣятелямъ временъ стараго режима, поспѣшили прибѣгнуть къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ демагогическимъ пріемамъ, чтобы попытаться инсценировать взрывъ общественнаго негодованія противъ авторовъ новаго, якобы, «государственнаго переворота».

Листки соотвѣтствующаго содержанія съ удивительной быстротой отпечатанные въ земской типографіи, съ 24 августа стали въ огромномъ количествѣ распространяться по всему городу. Въ толпахъ праздтаго люда, привлеченныхъ къ зданію земской управы раздаваемыми изъ оконъ хлесткими прокламаціями, появились ораторы, которые разъясняли происшедшія событія въ такомъ смыслѣ, что будто-бы Хорватъ ввелъ тайно въ городъ значительный вооруженный отрядъ, который захвативъ ночью зданіе штаба войскъ, угрозой оружія заставилъ старшихъ начальниковъ подчиниться приказу ген. Плѣшкова. Эту завѣдомую ложь не постыдились, впрочемъ, воспроизвести и на печатномъ станкѣ, приписывая Вр. Правителю, въ качествѣ скрытаго мотива, намѣреніе арестовать членовъ управы и Сибирскаго правительства, захватить банкъ, казначейство и т. п.

Такая агитація происходила весь день 24 августа, но еще въ ночь съ 23-го на 24-ое члены управы и Сиб. правительства не постѣснялись поднять съ постелей иностранныхъ представителей, взывая къ ихъ помощи во имя спасенія народоправства и избѣжанія грозящей, будто-бы, новой гражданской войны.

Работа политическихъ противниковъ Вр. Правителя велась въ указанные дни настолько систематично, самая же подготовка къ ней была произведена такъ быстро, что невольно закрадывалось подозрѣніе, не представляетъ ли вся эта шумиха искусно проведенную гг. Толстовымъ и Медвѣдевымъ, по заранѣе разработанному плану, провокацію, направленную къ ликвидаціи, съ помощью иностранцевъ, хорватовскаго предпріятія. Хотя двусмысленное поведеніе во всемъ инцидентѣ Толстова отчасти подтверждаетъ такое подозрѣніе, но съ другой стороны ему противорѣчитъ обнаруженная врагами Хорвата, въ первыя минуты послѣ изданія приказа Плѣшкова, растерянность. Несомнѣнно одно, что они быстро спохватились и постарались происшедшее обратить въ свою пользу.

Наоборотъ, у хорватовцевъ ничего не оказалось готовымъ для оказанія отпора произведенному на нихъ натиску. Если это не дѣлаетъ чести политической прозорливости членовъ Дѣлового Кабинета, то во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, насколько они были далеки отъ того, чтобы приписывать политическое значеніе шагу ген. Плѣшкова. Какъ бы то ни было, но въ теченіе первыхъ сутокъ послѣ изданія приказа, факты освѣщались массѣ лишь съ одной стороны. Только къ 25 августа, ввиду состоявшагося взятія земской управой подъ свой контроль всѣхъ типографій, могли появиться листки съ опроверженіями. Однако, тщетны были увѣренія въ этихъ листкахъ, что ни одного солдата въ Владивостокъ введено не было, что никакого вооруженнаго захвата штаба не произведено, что на госуд. банкъ и на казначейство никто не покушался и что послѣ перемѣны подчиненія эти учрежденія продолжали охраняться тѣми же караулами, которые были выставлены при Толстовѣ. Все это оказалось, во-первыхъ запоздалымъ, а во-вторыхъ, находило и мало читателей, такъ какъ расклеиваемыя объявленія тотчасъ же срывались покорной Медвѣдеву милиціей, а автомобиль, съ котораго тѣ же объявленія разбрасывались, очутился въ скоромъ времени въ тюрьмѣ, вмѣстѣ со своими пассажирами.

Такимъ же образомъ и прибывшіе къ консуламъ съ разъясненіями члены Дѣлового кабинета встрѣтили со стороны иностранныхъ представителей, уже извѣстнымъ образомъ настроенныхъ, сдержанное, а частью и недовѣрчивое отношеніе. Между тѣмъ земцы, ссылаясь на происходящіе на улицахъ «митинги негодованія», какъ окрестили сборища празднаго народа передъ зданіемъ земской управы, требовали отъ консульскаго корпуса принятія немедленныхъ мѣръ для предупрежденія кровопролитія и для ликвидаціи «переворота».

Представители державъ, несмотря на присутствіе въ ихъ средѣ двухъ настоящихъ дипломатовъ (гг. Ольстона и гр. Мартеля), не взирая на явную нелѣпость преподнесенной имъ басни о произведенномъ двумя-тремя сотнями плохо вооруженныхъ русскихъ офицеровъ переворотѣ въ городѣ, охраняемомъ многотысячнымъ союзнымъ гарнизономъ и десяткомъ крупныхъ боевыхъ кораблей, не сочли нужнымъ подробнѣе обслѣдовать подлежащіе ихъ обсужденію факты и, немедленно собравшись, вынесли постановленіе о разоруженіи войскъ, признавшихъ своимъ начальникомъ ген. Плѣшкова, мотивируя такое рѣшеніе тѣмъ, что на основаніи постановленія принятаго послѣ 29 іюня, единственно легальной русской вооруженной силой могли признаваться только войска, подчиняющіяся земству. Выработка подробностей приведенія въ исполненіе этого постановленія поручалась совѣту союзнаго командованія.

Надо полагать, что неприбытіе, на назначенное по этому вопросу засѣданіе совѣта, большинства старшихъ представителей союзныхъ армій едва-ли было случайнымъ. Тѣмъ не менѣе, оказавшійся, какъ старшій изъ наличныхъ, въ роли предсѣдателя японскій генералъ Накажима, счелъ возможнымъ рѣшеніе консуловъ заслушать, въ результатѣ чего явилось постановленіе, разоруженіе произвести немедленно, поручивъ эту операцію японскимъ и китайскимъ контингентамъ.

Этотъ позоръ дѣйствительно состоялся вечеромъ 25 августа, къ великому ликованію тѣхъ, равнодушныхъ къ вопросу національной чести, русскихъ гражданъ, которые были его виновниками. Но вслѣдъ за этимъ, поруганное народное чувство среди болѣе чуткой части владивостокскаго населенія выразилось въ такихъ формахъ, которыя заставили иностранныхъ резидентовъ призадуматься относительно цѣлесообразности столь поспѣшно принятой ими мѣры. Явились предположенія о ея пересмотрѣ.

Окончательный толчокъ этимъ сомнѣніямъ дало прибытіе во Владивостокъ облеченнаго особыми полномочіями англійскаго генерала Нокса, въ результатѣ чего, около половины сентября, русскому отряду, при подобающей обстановкѣ, было возвращено отобранное у него оружіе.

Этой запоздалой реабилитаціей, однако, не могли быть вполнѣ сглажены слѣды тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго русской арміи, тѣмъ болѣе, что возвращеніе оружія было обусловлено немедленнымъ удаленіемъ отряда изъ Владивостока въ полосу отчужденія К. В. ж. дороги.

Пока во Владивостокѣ происходили описанныя событія, въ Забайкальѣ состоялось давно желанное соединеніе отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ красныхъ съ двухъ сторонъ, что установило прямую связь Д. Востока съ внутренней Сибирью. Еще незадолго до установленія этого сообщенія, глава омскаго Сибирскаго правительства, П. В. Вологодскій, уже далъ понять лавровско-дерберовской организаціи, что омское правительство далеко отъ мысли считать себя какимъ-то филіальнымъ отдѣленіемъ этой организаціи, что, напротивъ, оно, какъ во внутреннихъ такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ, смотритъ на себя какъ на единственнаго выразителя нуждъ Сибири и рекомендуетъ владивостокскому правительству отъ вмѣшательства въ эти дѣла воздержаться. Телеграмма объ этомъ, проскользнувшая въ дальневосточныя газеты, была для дерберовцевъ первымъ ударомъ съ запада и тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что ими только что (вѣроятно подъ вліяніемъ удачнаго для нихъ оборота дѣла о подчиненіи войскъ ген. Плѣшкову) было объявлено обратное воспріятіе полноты власти, два мѣсяца тому назадъ номинально уступленной земству.

Послѣ возстановленія въ Забайкальѣ сплошного желѣзнодорожнаго пути, во Владивостокъ прибыла особая делегація омскаго правительства, съ предсѣдателемъ

совѣта министровъ во главѣ, имѣя задачей установленіе на Д. Востокѣ единовластія, для чего предполагалось вступить въ соглашеніе съ Вр. Правителемъ. Но до начала переговоровъ объ этомъ необходимо было упразднить лавровско-дерберовскую организацію, что и было сдѣлано П. В. Вологодскимъ въ теченіи немногихъ дней *, причемъ не только не произошло сліянія владивостокскаго «Правительства Автономной Сибири» съ его мнимымъ омскимъ «филіаломъ», но ни одному изъ дерберовцевъ не было даже предложено портфеля въ составѣ послѣдняго. Едва-ли эта операція протекла бы такъ безболѣзненно, если бы у дерберовской организаціи не было на Д. Востокѣ конкурента на власть въ лицѣ Д. Л. Хорвата.

Быстрая ликвидація правительства И. А. Лаврова должна была воочію показать иностраннымъ дипломатамъ все моральное и политическое ничтожество этой организаціи, на соглашеніе съ которой они такъ усиленно толкали ген. Хорвата. Въ то же время твердый курсъ политики правительства г. Вологодскаго, выяснившееся его значеніе на територіи Сибири, обнаруженное имъ намѣреніе искать путей соглашенія съ Вр. Правителемъ, съ которымъ существеннаго расхожденія въ политическихъ программахъ не было, — все это должно бы было указать союзнымъ правительствамъ, что въ Сибири, включая и Д. Востокъ, нарождается власть, которая, при разумной съ ихъ стороны поддержкѣ, въ состояніи будетъ обезпечить огромной части Россійскаго государства освобожденной отъ деспотіи большевиковъ, твердый порядокъ и активную роль въ продолжающейся борьбѣ съ германской коалиціей. Въ качествѣ дипломатическихъ представителей на Д. В. державы въ это время (сентябрь 1918 года) имѣли уже полномочныхъ комиссаровъ, отъ которыхъ можно было ожидать отказа отъ господствовавшихъ доселѣ предвзятыхъ взглядовъ и робкихъ компромиссныхъ рѣшеній, основанныхъ на рутинномъ «невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла».

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы тогда же державы опредѣленно заявили, что соглашеніе Вологодскаго съ Хорватомъ будетъ имѣть непосредственнымъ результатомъ признаніе de jure Временнаго Сибирскаго правительства и оказаніе ему немедленной и дѣйствительной поддержки, вопросъ объ установленіи въ Сибири единой твердой власти былъ-бы рѣшенъ окончательно и безъ всякаго отношенія къ «Всероссійскому» правительству, нарождавшемуся въ тѣ дни въ Уфѣ и вопросъ о которомъ могъ быть отложенъ до выясненія его характера и жизнеспособности. Передъ фактомъ признанія державами Врем. Сибирскаго правительства и его Верховнаго уполномоченнаго на Д. В. въ лицѣ ген. Хорвата, были бы принуждены преклониться и взлелѣянные державами «атаманы», которые среди хаоса мѣстныхъ дѣлъ все болѣе и болѣе углубляли свою автономію.

Ничего подобнаго, однако, не случилось и все ограничилось весьма неопредѣленными словесными обѣщаніями, данными Д. Л. Хорвату на случай, буде его соглашеніе съ П. В. Вологодскимъ состоится. Соглашеніе состоялось, но все осталось по старому. «Верховному Уполномоченному», какъ и раньше Временному правителю, предоставлялось, безъ достаточной и сколько-нибудь организованной воинской силы, безъ опредѣленныхъ денежныхъ ресурсовъ, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ для обузданія произвола и неповиновенія атамановъ, кромѣ силы словеснаго убѣжденія (примѣненіе мѣръ принужденія союзниками безусловно не допускалось), — насаждать свою власть и водворять порядокъ и законность въ обширномъ, ввѣренномъ его управленію краѣ. Даже относительно тѣхъ незначительныхъ вооруженныхъ силъ, которыми располагалъ бывшій Вр. Правитель и которыя, давая хоть небольшую опору власти, въ то же время могли служить кадрами для будущихъ регулярныхъ формированій, союзниками неоднократно дѣлались заявленія о необходимости, или ихъ расформированія, или отправленія

* Въ объясненіе того на первый взглядъ страннаго факта, что дерберовское правительство, такъ упорно сопротивлявшееся Хорвату, съ такой легкостью уступило Вологодскому, можно привести то, что Омское правительство уже успѣло создать себѣ прочную опору во всей Сибири (кромѣ дальневосточныхъ областей), а главное, что оно было фактически признано главными силами чехословацкихъ войскъ, дѣйствовавшими солидарно съ нимъ не только въ Сибири, но и по ту сторону Урала.

на фронтъ за Уралъ. Между тѣмъ, въ пребывающемъ въ анархіи краѣ, при моральномъ растлѣніи населенія — результатѣ соціалистическихъ надъ нимъ экспериментовъ, — при сохраненіи во многихъ мѣстахъ отдѣльныхъ большевицкихъ гнѣздъ, при ненадежной и малочисленной милиціи, очевидно, не одинъ Д. Л. Хорватъ, но и никакая другая власть не могла бы обойтись безъ подчиненной ей вооруженной силы.

При этихъ условіяхъ предложеніе одной изъ державъ, сдѣланное еще въ бытность ген. Хорвата Вр. Правителемъ, о принятіи ею на себя формированія и содержанія русскихъ регулярныхъ войскъ на Д. Востокѣ въ числѣ отъ 10 до 20 тысячъ человѣкъ, притомъ безъ какихъ бы то ни было компенсацій, которыя могли бы умалить суверенитетъ Россіи, естественно должно было быть встрѣчено сочувственно *.

Не предрѣшая того, какъ посмотритъ на этотъ вопросъ центральное правительство, рѣшенію котораго онъ будетъ подлежать, нельзя не замѣтить, что претензіи представителей другихъ союзныхъ армій на то, что они, будто бы, были устранены отъ участія въ переговорахъ по этому поводу, едва-ли могутъ быть признаны уважительными, такъ какъ при недоброжелательномъ и недовѣрчивомъ отношеніи, которое эти представители съ самаго начала проявили къ ген. Хорвату и подчиненнымъ ему войскамъ, нельзя ожидать, чтобы переговоры съ ними по поводу возсозданія русской арміи и сотрудничество на этой почвѣ съ нынѣшнимъ Верховнымъ уполномоченнымъ правительства на Д. В. могли оказаться плодотворными.

Для иллюстраціи этихъ отношеній можно привести слѣдующій случай. Одинъ изъ высокихъ представителей союзныхъ армій, снабженный отъ своего правительства особыми полномочіями, по прибытіи во Владивостокъ не счелъ нужнымъ ознакомить со своими предположеніями по возсозданію русской арміи мѣстную власть, хотя не получившую признанія отъ его правительства, но все же имѣющую нѣкоторое значеніе въ Краѣ и обладающую органами, между прочимъ, и для военнаго управленія. Тотъ же представитель, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ ген. Хорвата, который прибылъ къ нему для выясненія вопроса о включеніи подчиненныхъ Вр. Правителю войскъ въ циклъ предстоящихъ формированій, встрѣтилъ въ этомъ отношеніи настойчивый отпоръ, мотивируемый тѣмъ, что «хорватовскія» войска, хотя и обладаютъ нѣкоторой организаціей, дѣлающей ихъ пригодными въ качествѣ готовыхъ кадровъ, не могутъ, однако, быть использованы въ указанномъ смыслѣ по причинѣ ихъ «партійности», при наличіи которой они не признаются достаточно надежными, чтобы войти въ составъ будущей всероссійской арміи.

Какими признаками должны обладать войска для отнесенія ихъ къ категоріи «безпартійныхъ», иностранный генералъ не объяснилъ, но если, какъ надо думать, партійность опредѣляется не тѣмъ, что войска вообще подчиняются какому либо изъ мѣстныхъ правительствъ (безъ чего едва ли возможно мыслить существованіе вооруженной силы), а свойствомъ политической программы даннаго правительства, то справедливость должна бы подсказать, что за критерій для такой классификаціи должны бы быть приняты офиціально объявленныя программы, а не тѣ скрытыя побужденія, которыя той или другой власти приписываются ея политическими противниками.

Примѣчаніе. Настоящая записка составлена исключительно по памяти, почему въ ней могутъ встрѣтиться нѣкоторыя фактическія неточности, не вліяющія, однако, на общее освѣщеніе событій и выводы изъ нихъ.

Декабрь 1918 г. Подлинную подписалъ N.

* Здѣсь рѣчь идетъ о предложеніи, сдѣланномъ «сепаратно» Японіей, которое встрѣтило весьма отрицательное отношеніе не только со стороны всегдашней соперницы ея — Америки, а также Франціи, но и со стороны давнишней офиціальной союзницы Японіи — Англіи, которая въ это время носилась съ какими-то своими проектами формированій на Д. Востокѣ, изъ которыхъ, конечно, ничего не вышло. Японское предложеніе, весьма заманчивое съ внѣшней стороны, осталось безъ послѣдствій, частью по причинѣ указаннаго соперничества между державами, но главнымъ образомъ по тому, что скрытые мотивы, которые можно было подозрѣвать въ предложеніи Японіи, не внушали къ себѣ довѣрія, между тѣмъ какъ «безкорыстіе» и «искренность» прочихъ союзниковъ въ то время еще не возбуждали сомнѣній.

Содержаніе

Документы

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. — Р. Донской Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе.)

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — А. В. — Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. — Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. — Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. — Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. — Денежные документы генерала Алексѣева. — Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. — А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. — Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. — С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. — А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. — Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. — Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». — Г. Вилліамъ, Побѣжденные. — С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25—26 октября 1917 г. — Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. — С. Ан—скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. — Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. — В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917—1920 гг. — Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія». — Денежные знаки революціи и гражданской войны.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ